И.С. ТУРГЕНЕВ

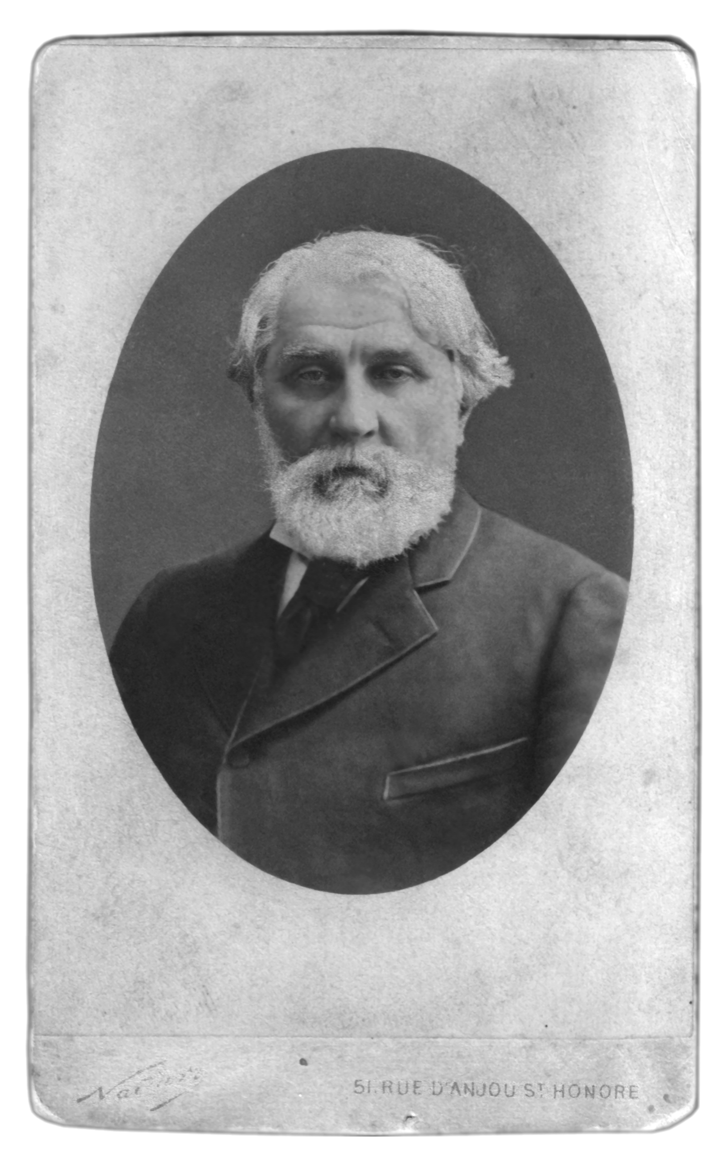
ПИСЬМА

16

книга

1

Ив. Тургенев

И.С. ТУРГЕНЕВ
Фотография Надара. Париж, 1877 г.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, С.-Петербург

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ПИСЬМА

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

◆

Издание второе,
исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
2015

И.С.ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

Том шестнадцатый

книга первая

1878

◆

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

2015

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2 Рос-Рус) 1
Т87

Подписное

ISBN 978-5-02-037364-8
ISBN 978-5-02-039140-6
(т. 16, кн. 1)

ПИСЬМА

1878

4910. ЭМИЛЮ ДЮРАНУ

30 декабря 1877 (11 января 1878). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Vendredi, 11 janvier.

Mon cher Monsieur Durand,

Je suis chargé d'une commission auprès du "Journal de St Pétersbourg", et je ne sais pas le nom de son rédacteur[1]. Ayez l'obligeance de me le faire savoir[2].

J'espère que Mme Durand va tout à fait bien; vous serez bien aimable de me donner de ses nouvelles[3].

Mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

4911. А.В. ТОПОРОВУ

1 (13) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Воскресение, 1/13-го янв. 78.

Любезный Александр Васильевич, виноват, что не тотчас отвечал на Ваши два письма[1]. — Из второго я увидал, что Вашей ноге лучше (чему я порадовался; — а также поздравляю Вас с Новым годом). Я тоже почти поправился; — по крайней мере могу ходить без палки. — Насчет присылки сюда журналов и подписки на них — я потому к Вам не обратился, что мне было совестно заставить Вас ходить по моим комиссиям с больной Вашей ногой; а потому я уже распорядился мимо Вас[2]. — Но если Вы тоже действительно приобрели снова способность двигаться — то Вы можете оказать мне две услуги. 1-е) сходить к продавцу картин Беггрову (за Полицейским мостом) — и осведомиться у него от моего имени, не продал ли он хоть одну из двух картин, которые я ему оставил?[3] Если они все еще у него — то Вам бы не худо хоть взглянуть на

них. — 2-е) сходите в музыкальный магазин А. Иогансена (на Невском, против Гостиного двора) — и спросите главного приказчика или хозяина — (кстати, пришлите мне его фамилию, а также и № дома[4]). — Он получил от меня письмо и ноты[5] — и, вероятно, ничего не понял. — Вот в чем дело. Недель 6 тому назад отсюда уезжал молодой Гинцбург (внук банкира) — в Петербург; он взялся было доставить Иогансену свиток нот (романсы г-жи Виардо) вместе с моим письмом — для напечатания их; но позабыл захватить их с собою. — Всех романсов было 6[6]; один еще не был окончательно переписан — и потому я его отправил по почте прямо в магазин Иогансена; но так как первые пять не были ни взяты Гинцбургом, ни доставлены — то хозяин магазина, вероятно, ничего не понял из моего письма, в котором я ссылался на мою посылку и на[a] приложенное к ней письмо. — Все это я узнал только на днях — отправился к Гинцбургу, чтобы разыскать забытый свиток; но в самый день моего приезда старик Гинцбург помер[7] — завтра его хоронят — и потому я должен был отложить мои розыски; — но скажите хозяину магазина, что, как только я получу романсы, я их отправлю к нему со всеми объяснениями, как их печатать и т.д. — а до тех пор пускай он повременит.

Очень Вы меня обяжете исполнением этих двух поручений.

С немалым огорчением узнал я о смерти Некрасова[8]; — надо было ее ожидать — и даже удивительно, как он мог так долго бороться. — Никогда не выйдет у меня из памяти его лицо, каким я его видел нынешней весною[9].

Не могу сказать определительно, когда я приеду в Петербург; — но полагаю — *до* апреля месяца[10].

Будьте здоровы; жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Поклонитесь от меня Самарским.

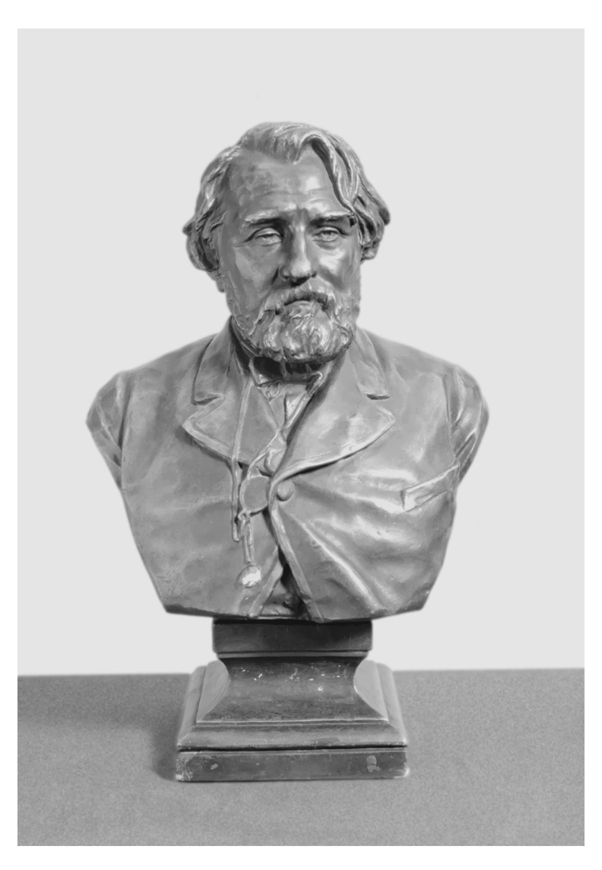
[a] на — *вписано сверху.*

4912. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

2 (14) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник, 14/2-го янв. 78.

Милый Яков Петрович, получил я сейчас твое второе письмо[1] — и почувствовал угрызение совести; — и, для того чтобы она больше меня не грызла, отвечаю немедленно. Во-1-х) поздравляю тебя с Новым годом — и желаю, чтобы он оказался для тебя счастливым во всех отно-

И.С. ТУРГЕНЕВ
Бюст работы М.М. Антокольского. 1877—1880 гг.

шениях; — "Неделю" я получаю — и потому твой роман прочту[2]; — но "Пчелы" я не получаю — и потому мне было бы приятно, если б ты нашел возможность прислать свое стихотворение[3]; — во-2-х) о себе тебе доложу, что здоровье мое поправилось, подагра почти покинула меня — но нравственно я хуже, чем калека — я совсем старик; ко всему охладел — и только воспоминания о прежних друзьях и временах немного шевелят меня. — Узнал вчера о смерти Некрасова[4] — — и предался горестным размышлениям — не об нем одном. — Последняя неделя — была не для меня одного неделею смерти: я потерял несколько лиц, связанных с моей прошедшей жизнью[5].

В Петербург я прибуду, конечно, *до* весны; но когда? — наверное сказать не могу. — Мне надо сперва совсем поправиться[6].

Ждем Анненкова сюда на днях[7].

Поклонись от меня твоей милой жене — и прими от меня крепкое рукопожатие.

Твой
Ив. Тургенев.

P.S. Антокольский здесь — и вылепил с меня бюст: кажется, удачно[8].

4913. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

2 (14) января 1878. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Lundi, 14 janv.[a] 78.

Mon cher ami,

Je suis en effet un être bizarre[1], mais cette fois-ci moins que vous ne le croyez.

Je vous avais dit que le gros Khanykoff m'avait invité pour aujourd'hui[2]. J'aurais pu me dégager s'il n'avait invité personne pour la circonstance... mais pensez-y, deux mathématiciens qu'on fait venir exprès! Ma réputation est déjà si mauvaise (quant à l'exactitude) que je me serais perdu à tout jamais.

J'ai lu le feuilleton de Zola... Que voulez-vous? Je le plains. Oui, c'est de la compassion qu'il m'inspire: et je crains bien

[a] *В тексте публикации ошибочно*: juin

qu'il n'ait jamais lu Shakespeare. Il y a là une tache originelle dont il ne se débarrassera jamais[3].

Ainsi c'est pour SAMEDI![4]

C'est moi qui serai ponctuel ce jour-là.

Tout à vous
Iv. Tourguéneff.

4914. С.Ф. ШАРАПОВУ

2 (14) января 1878. Париж

Милостивый государь Сергей Федорович!

К моему искреннему сожалению, должен огорчить Вас отказом. Говорить о Некрасове для меня очень трудно. Я покойного знал близко и сказать о нем правду считаю на таком вечере неуместным, ограничиться же банальностями неприлично. Постарайтесь поэтому обойтись без меня[1].

Ваш Ив. Тургенев.

2 (14) янв. 78[a].

4915. П.В. ШУМАХЕРУ

2 (14) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Понедельник, $\frac{14}{2}$ янв. 78.

Я, точно, перед Вами виноват, любезнейший Петр Васильевич: не ответил на Ваше первое письмо (с приложенными стихами)[1]. Небольшим извинением служит мне то, что я прохворал не хуже Вас и тою же хворостью: подагрой. Ровно 6 недель вылежал и высидел я дома с распухшими до безобразия коленями и т.п., да и до сих пор ноги служат мне плохо — и план мой прибыть в Петербург — упал в воду.

Ваши две посылки аккуратно достигли рук моих; — и я с удовольствием прочел Ваши новые стихотворения. (Особенно мне понравились "Русская песня" и "Бывало"[2].) Если Бок точно соглашается печатать новое изда-

---

[a] *В тексте публикации ошибочно*: 77

ние, то я с удовольствием беру на себя корректуру; я сегодня же напишу к нему в Берлин и вступлю в сношения. Нынешней весной он, как Вам известно, отказал мне[3]. Не премину Вас уведомить, как только получу от него ответ.

Надеюсь, что мое письмо застанет Вас еще в Петербурге; хотя не без смущения замечаю, что Ваше письмо помечено *2-м* декабря. — Ваш комиссионер, которого я на этот раз даже в глаза не видал, не торопился, как видно.

Поздравляю Вас с Новым годом и от души желаю Вам, мой collega и по литературе и по подагре, всего хорошего на сем свете, начиная со здоровья. Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

4916. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

3 (15) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 15/3-го янв. 78.

Любезный брат,

Получил я от тебя письмо (от 28-го дек⟨абря⟩ 1877)[1] и спешу отвечать. — Огорчает меня известие, что рана на твоей ступне все не заживает, и полагаю, что тут отчасти виноват твой деревенский доктор. — Отчего ты не переедешь хоть в Москву? При теперешних порядках на железных дорогах можно это сделать со всяческим удобством. — Мои ноги поправились — хотя все еще слабы и дряблы; однако со вчерашнего числа я надел сапоги. — Ты извещаешь меня о кончине дяди Николая Николаевича[2]; тебе, конечно, нет особенных причин горевать о нем; но я, вспомнив прошедшее — особенно давно прошедшее, поскорбел... Ты знаешь, как сильно я любил его в детстве, а это никогда не проходит...

Истекшая неделя была вообще для меня неделей похоронной: я узнал о смерти дяди, Гринвальда[3] — потом Некрасова...[4] Эти лица разным образом, но были связаны с моим прошлым... Et l'on fait involontairement un retour sur soi-même.

Перейдя 50 лет, жизнь каждого человека становится чем-то вроде *Плевны*[5]; смерть ее осаждает — и человеку приходится бороться и защищаться от почти ежедневных приступов, пока...

Но будем надеяться, что наша капитуляция еще не слишком близка.

Правда и то, что иных индивидуев смерть как будто нарочно забывает. — Что бы ей стоило, напр., прибрать дурака — злого дурака Гурьева, которому чуть не 8-й десяток пошел? Поль Виардо сделался отличным скрыпачом — (ему 20 $^{1}/_{2}$ л.) — и он уже начал свою карьеру[6].

Повторяю тебе мой совет: не застревай в деревне. — В таких хронических язвах перемена воздуха иногда действует спасительно.

Кланяюсь всем твоим, обнимаю тебя и поздравляю с Новым годом.

Любящий тебя брат
Ив. Тургенев.

4917. А.П. БОГОЛЮБОВУ

28 ноября (10 декабря) 1877 — начало января 1878 (?). Париж

Вторник. 10 ч. утра.

Любезный Алексей Петрович,

С удовольствием буду присутствовать на сегодняшнем заседании — но в котором часу? — Вероятно — вечером? — Уведомьте словечком.

Ваш
Ив. Тургенев.

4918. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

4 (16) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, 16-го янв. 78.

Любезная Аделаида Николаевна,

Давно я не имел удовольствия Вас видеть: что Вы поделываете хорошего? Кончили ли Вы переписку второй Вашей повести?[1] — Я поджидаю сюда моего старого друга П.В. Анненкова[2], которому Вы (а также и мне) непремен-

но должны прочесть Ваше произведение[3]. — Я в субботу раньше 2-х часов не выйду; если удосужитесь, приходите — я очень буду рад.

Примите уверение в моих дружеских чувствах.

Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Au bureau de poste restante.
Rue du Cardinal-Lemoine.
En ville.

4919. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

5 (17) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 17/5-го янв. 78.

Сегодня только два слова, любезнейший Михаил Матвеевич — единственно для того, чтобы известить Вас, что *оба* пакета пушкинских корректур[1] получены (а также и 1-ая книжка "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩") и что *послезавтра* — они поедут к Вам обратно. — Эта половинка гораздо будет труднее первой... Ну да Бог милостив! — 22/10-го янв⟨аря⟩ они, как Вы желаете, будут в Ваших руках[2].

Много можно бы сказать о Некрасове... да теперь некогда. Образ его — со всеми хорошими и худыми сторонами — выяснится только впоследствии; а пока — пусть он останется легендой: оно не худо[3].

Имеете ли Вы намерение печатать Луканину в феврале — или отлагаете до марта?[4] — Приехав в Петербург (это непременно свершится, как оно ни кажется диким) — я Вам покажу ее второй рассказ, который мне чрезвычайно нравится[5]. — Это сильный талант — я в том не сомневаюсь. — Ответьте два слова насчет *появления* — чтобы я мог передать ей.

Анненков все не едет; засиделся в Брюсселе[6].

Поздравляю Вас также с Новым годом: — авось он поправит то, что попортил прошлый.

Крепко жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

4920. А.Ф. ОНЕГИНУ

6 (18) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница.

Вот Вам, любезнейший Онегин, желаемый Вами "Кро́кет". Какой-то господин напечатал его со слуха за границей — и, как видите, наделал множество ошибок[1].

Портрет Ваш[2] пришлю Вам завтра. Он продолжает восхищать публику.

До свидания. Кланяюсь Ж⟨уковском⟩у и жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

На конверте: Mr A. Onéguine.
61, Avenue du Roi de Rome.
En ville.

4921. С.Ф. ШАРАПОВУ

8 (20) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Воскресенье, 20/8-го янв. 78.

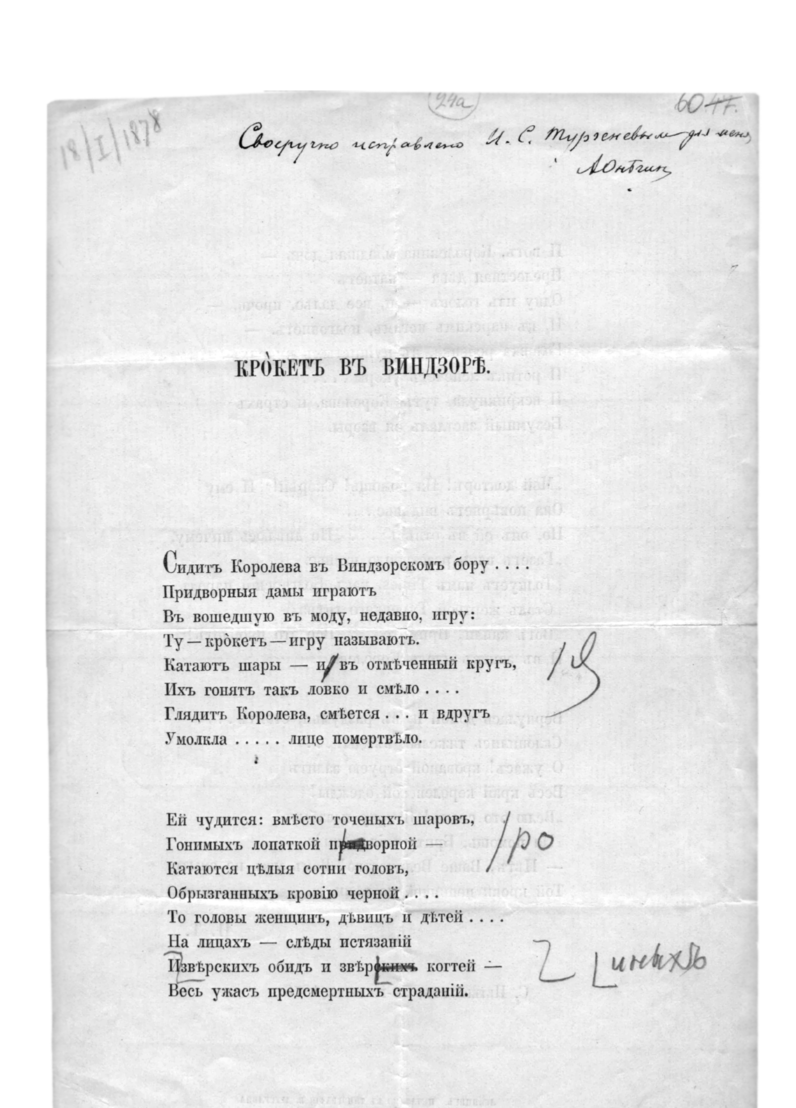
Милостивый государь,

Мне действительно не совсем было приятно помещение моего разговора с Вами в "Новом времени" — но так как, несмотря на старания г. Веретенникова, никакого перевода в французских журналах не появилось — то дело это не имеет уже теперь никакой важности[1].

Что же касается до предполагаемого Вами чтения — то при искреннем пожелании Вам успеха, я должен отклонить всякое участие в нем. Полную правду о Некрасове, которого я знал очень коротко, сказать я не могу; неправду говорить не хочу; ограничиваться одними банальностями неприлично. Сожалею, что не могу дать Вам другого ответа[2].

Примите уверение в совершенном уважении

Вашего покорного слуги
Ив. Тургенева.

18/I/1878

24а

6047.

Своеручно исправлено И. С. Тургеневым для меня

А Онегин

КРО́КЕТЪ ВЪ ВИНДЗОРѢ.

Сидитъ Королева въ Виндзорскомъ бору . . . .
Придворныя дамы играютъ
Въ вошедшую въ моду, недавно, игру:
Ту — кро́кетъ — игру называютъ.
Катаютъ шары — и въ отмѣченный кругъ,
Ихъ гонятъ такъ ловко и смѣло . . . .
Глядитъ Королева, смѣется . . . и вдругъ
Умолкла . . . . . лице помертвѣло.

Ей чудится: вмѣсто точеныхъ шаровъ,
Гонимыхъ лопаткой придворной —
Катаются цѣлыя сотни головъ,
Обрызганныхъ кровію черной . . . .
То головы женщинъ, дѣвицъ и дѣтей . . . .
На лицахъ — слѣды истязаній
Изверскихъ обидъ и звѣрскихъ когтей —
Весь ужасъ предсмертныхъ страданій.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ "КРО́КЕТ В ВИНДЗОРЕ" (Лейпциг, 1876).

Первая страница с правкой И.С. Тургенева

4922. П.В. АННЕНКОВУ

9 (21) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник, 21/9-го янв. 78.

Итак, Вы опять отсрочили свой приезд, любезнейший Анненков![1] Боюсь я только, как бы Вы, все отсрачивая да отсрачивая — (экое странное слово!) — совсем к нам не пожаловали! — А мне бы очень хотелось — во-1-х) Вас самих посмотреть, да во-2-х)[а] г-жу Луканину Вам показать — да, наконец, я Вас записал в члены новоиспеченного здесь Общества вспоможения русским художникам[2] и т.д. — Возложим надежду на Бога и будем ждать!

Да, Некрасов умер... И вместе с ним умерла большая часть нашего прошедшего и нашей молодости. — Помните, каким мы его с Вами видели — в июне?..[3] Теперь он стал легендой для молодежи...[4] Но из этой самой молодежи[б] выйдет толк только тогда, когда она освободится от этой легенды — т.е. когда явится новый, сильный и живой талант. Ваша характеристика Н⟨екрасова⟩ так *верна* — что я не решаюсь сжечь Ваше письмо, как Вы того желаете — а лучше возвращу его Вам[5].

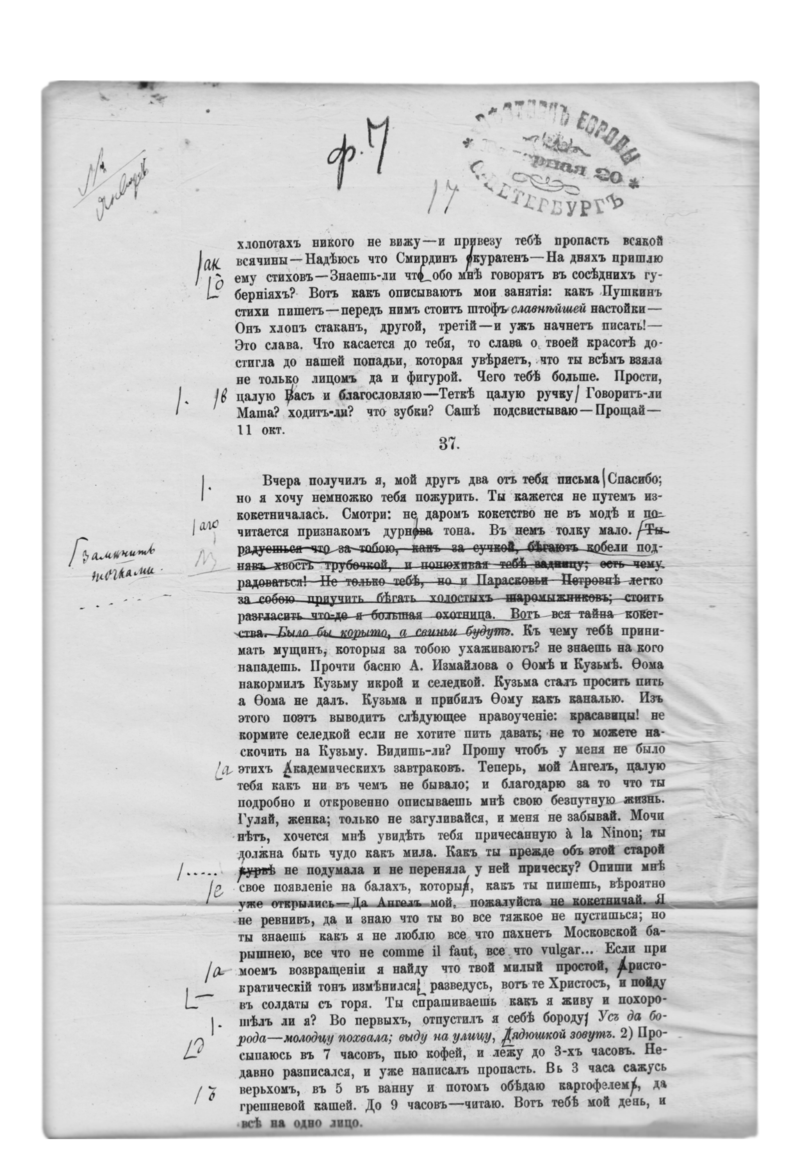
"Прегнантнее" — (как говорят немцы)[6] — подчеркнутых мною строк Вы никогда не найдете. — А что Суворин врет — так уж ему такой положон предел[7]. — Вот выработался гад... в сравнении с ним Булгарин является чуть не идиллической фигурой.

Вся моя деятельность в отношении к пушкинским письмам состояла в том, что я пропустил, сколько мог. И тут Стасюлевич не совсем хорошо поступил со мною[8]. — Пассаж о кобельках, нюхающих задницу сучки-жены, я совсем выкинул[9] — а он почти все восстановил, так же как и пердение Соболевского[10]. — Другого комментария я, по неведению отдельных фактов, составить не мог; — говорено было об Ефремове, о Пыпине... но все это упало в воду[11].

Итак, русские в Адрианополе!! Чудеса — да и только! — Но выйдет ли из этого — мир? И какой мир? — Англия, кажется, поджимает хвост. — Но злость ее на нас — безгранична[12].

[а] во-2-х) — *вписано над строкой.*

[б] *Было*: нее

хлопотахъ никого не вижу—и привезу тебѣ пропасть всякой всячины—Надѣюсь что Смирдинъ акуратенъ—На дняхъ пришлю ему стиховъ—Знаешь-ли что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ губерніяхъ? Вотъ какъ описываютъ мои занятія: какъ Пушкинъ стихи пишетъ—передъ нимъ стоитъ штофъ *славнѣйшей* настойки—Онъ хлопъ стаканъ, другой, третій—и ужъ начнетъ писать!—Это слава. Что касается до тебя, то слава о твоей красотѣ достигла до нашей попадьи, которая увѣряетъ, что ты всѣмъ взяла не только лицомъ да и фигурой. Чего тебѣ больше. Прости, цалую Васъ и благословляю—Теткѣ цалую ручку Говоритъ-ли Маша? ходитъ-ли? что зубки? Сашѣ подсвистываю—Прощай—11 окт.

37.

Вчера получилъ я, мой другъ два отъ тебя письма Спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты кажется не путемъ изкокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурнова тона. Въ немъ толку мало. ~~Ты радуешься что за тобою, какъ за сучкой, бѣгаютъ кобели поднявъ хвостъ трубочкой, и понюхивая тебѣ задницу; есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Парасковьи Петровнѣ легко за собою приучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ; стоитъ разгласить что-де я большая охотница. Вотъ вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свиньи будутъ.*~~ Къ чему тебѣ принимать мущинъ, которыя за тобою ухаживаютъ? не знаешь на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить а Ѳома не далъ. Кузьма и прибилъ Ѳому какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: красавицы! не кормите селедкой если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь-ли? Прошу чтобъ у меня не было этихъ Академическихъ завтраковъ. Теперь, мой Ангелъ, цалую тебя какъ ни въ чемъ не бывало; и благодарю за то что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою безпутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся, и меня не забывай. Мочи нѣтъ, хочется мнѣ увидѣть тебя причесанную à la Ninon; ты должна быть чудо какъ мила. Какъ ты прежде объ этой старой курвѣ не подумала и не переняла у ней прическу? Опиши мнѣ свое появленіе на балахъ, которые, какъ ты пишешь, вѣроятно уже открылись—Да Ангелъ мой, пожалуйста не кокетничай. Я не ревнивъ, да и знаю что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь какъ я не люблю все что пахнетъ Московской барышнею, все что не comme il faut, все что vulgar... Если при моемъ возвращеніи я найду что твой милый простой, Аристократическій тонъ измѣнился, разведусь, вотъ те Христосъ, и пойду въ солдаты съ горя. Ты спрашиваешь какъ я живу и похорошѣлъ ли я? Во первыхъ, отпустилъ я себѣ бороду *Усъ да борода—молодцу похвала; выйду на улицу, Дядюшкой зовутъ.* 2) Просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей, и лежу до 3-хъ часовъ. Недавно расписался, и уже написалъ пропасть. Въ 3 часа сажусь верькомъ, въ 5 въ ванну и потомъ обѣдаю картофелемъ, да грешневой кашей. До 9 часовъ—читаю. Вотъ тебѣ мой день, и все на одно лицо.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ПИСЕМ А.С. ПУШКИНА К ЖЕНЕ.
Фрагмент корректуры с правкой И.С. Тургенева

Здоровье мое поправилось... почти; нога все еще болит — и много ходить я не могу. — Гастрономические эксцессы отлагаю до Вашего приезда. — Домашние мои — все здоровы и благополучны. — Но жизнь вообще заметно потускнела.

В последнее время много умерло людей, так или иначе касавшихся моей жизни... Между прочими мой родной дядя, Николай Николаевич, которого я в молодости любил самой страстной любовью[13].

Не говорю Вам: прощайте, любезнейший друг — а: до свиданья. — В самом деле, приезжайте-ка поскорее. — А то, чего доброго, опять подагра прикует меня к постели. Кланяюсь всем Вашим.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

4923. П.В. ШУМАХЕРУ

9 (21) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник, 21/9-го янв. 78.

Любезнейший Петр Васильевич,

Сию минуту получил Вашу записку, в которой Вы меня уведомляете о Вашем переселении в Москву[1]. — Вы сожалеете о том, что я давно Вам не писал: но, вероятно, Вам уже известно теперь, что в этом виноват не я, а тот неизвестный мне господин, которому Вы поручили передать мне Ваш пакет, посланный 2-го декабря ст. ст. — и который продержал его у себя целый месяц. — Я немедленно отвечал Вам по сообщенному Вами адрессу в Петербург[2] — и в тот же день написал в Берлин к Боку с запросом о 2-м издании[3]. — До сих пор я, однако, ответа от него не получил; — как только получу, сообщу Вам тотчас.

Из Вашего московского адресса я мог бы заключить, что Вы поселяетесь у старинного моего приятеля Н.Х. Кетчера[4]. Во всяком случае, передайте ему мой дружеский поклон и примите также от меня поздравление с Новым годом.

Подагра, кажется, меня покидает, и мысль о путешествии в Россию начинает становиться все более ясною.

Если я попаду в Россию, то, конечно, доберусь и до Москвы и увижусь с Вами.

Дружески Вам кланяюсь и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

4924. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

11 (23) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, 23/11-го янв. 78.

Милый Яков Петрович, на этот раз ты не можешь пожаловаться: вчера получил твое письмо[1], сегодня отвечаю. — Очень бы я желал быть таким молоденьким, каким ты меня воображаешь, и вести переписку с интересными дамами! Григорович и тут наврал, как быть следовало. — Я девице Полторацкой написал всего *одно* письмо, рекомендательное, которое она выканючила у меня, так как ей хочется получить вспомоществование от казны[2]. — Сия девица хотя молодая — но пренесносная, вроде банного листа или пиявки, на которую она физически похожа. — Избави тебя Господи встретиться с нею! — Она дочь (с левой стороны) известного попрошайки и шута горохового, библиографа С.Д. Полторацкого.

Ты знаешь мое мнение о Некрасове; и потому говорить о нем не стану. Пускай молодежь носится с ним. Оно даже полезно; — так как, в конце концов, те струны, которые его поэзия (если только можно так выразиться) заставляет звенеть, — струны хорошие. — Но когда г. Скабичевский, обращаясь к той же молодежи, говорит ей, что она права, ставя Некрасова *выше* Пушкина и Лермонтова — и говорит это "не обинуясь"[3], я с трудом удерживаю негодование и только повторяю стихи Шиллера:

"Ich sah des Ruhmes schönste Kränze
Auf der gemeinen Stirn entweiht...".

Ты ведь понимаешь по-немецки? Не то заставь кого-нибудь перевести себе эти два стиха[4].

Я получил приложение к "Неделе" — и прочел начало твоей повести с *великим* удовольствием[5]. — Ты рассказываешь просто, живо, без претензий; — фигура *Софии*, напр., удалась тебе превосходно. И любовник ее, Прошка, отличен. — Каждый штрих верен. — При теперешнем настроении публики все это пройдет, боюсь, незамеченным; — но ты свое дело сделал. Посмотрю, как пойдет рассказ дальше.

Не могу еще сказать — *когда именно*, но наверное прибуду в Петербург — *до* мая[6]. — Подагра все еще меня пощипливает — но по крайней мере могу ходить и носить сапоги.

А в Турции совершаются чудеса! Здесь все рты разинули от последних наших побед, занятия Адрианополя и т.д. — Дай Бог заключить скорее почетный и прочный мир![7]

Кланяюсь всем твоим и тебя обнимаю. — Будь здоров и бодр!

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

P.S. П.В. Анненков все еще сидит в Брюсселе — и не решается сюда приехать. — Однако ждем его на днях[8].

4925. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

11 (23) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mercredi, 23 janv. 78.

Mon cher ami,

Vous êtes bien gentil de me faire cette proposition de publication; — mais je n'ai pas de quoi faire un volume présentable: à peine ramasserait-on une centaine de pages. Il faut donc remettre ceci à l'année prochaine[1].

Mais je voudrais bien causer un peu avec vous avant votre départ. — Voulez-vous que je vienne déjeuner avec vous dimanche?

Mille amitiés.

Votre
Iv. Tourguéneff.

4926. ЭМИЛЮ ДЮРАНУ

12 (24) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Jeudi, 24 janvier 78.

Mon cher Monsieur Durand,

Voulez-vous avoir la complaisance de m'envoyer un *vieux* № du "Journal de St Pétersbourg" — avec un feuilleton quelconque?[1] — Il doit s'en trouver dans vos vieux papiers. — J'en ai besoin pour un renseignement[2].

Comment va Mme Durand?[3] — J'espère, bien tout à fait. — Faites-lui mes meilleures amitiés.

Je vous serre cordialement la main.

Iv. Tourguéneff.

4927. А.В. ТОПОРОВУ

12 (24) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 24[a]/12-го янв. 78.

Любезнейший Александр Васильевич!

Вы можете оказать мне следующую услугу. — Я переплетаю теперь свою библиотеку, в которой оказывается множество разрозненных томов. Между прочим не нашлось *9-го* N-a "Русского вестника" за 1871-й г. и *10-го* N-a "Русского вестника" за 1874-й. — Не можете ли Вы достать мне эти книжки на Толкучем или у антиквария — и выслать мне их? Чрезвычайно бы Вы меня обязали.

Жду Вашего извещения насчет моих картин у Беггрова — а также были ли Вы у Иогансена?[1] — Музыку я здесь еще не отыскал — но надеюсь ее скоро выслать[2].

Здоровье мое поправляется; надеюсь, что и Вы стали молодцом. — Жму Вам дружески руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

---

[a] *Исправлено*, *было*: 23

4928. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

12 (24) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 24/12-го янв. 78.

Любезный брат,

Сию минуту получил твое письмо от 17/5-го янв⟨аря⟩[1]. — Я рад, что известие о кончине дяди оказалось ложным, хотя — при его годах (83 года) — долго оно запоздать не может[2]. — Известие о твоей незаживающей ране меня, напротив, опечалило[3]. — Я все-таки того мнения, что тебе надо посоветоваться с дельными врачами. — Пример Некрасова тут нисколько не идет к делу; — тот был болен неизлечимою болезнью — и доктор, продливший на 7 месяцев его жизнь, все-таки сделал чудо[4]; — тебя вовсе не предстоит спасать от смерти — а посредством врачевного искусства помочь тебе. — Искусство это существует несомненно; а вот *судьбы*, от которой будто бы нельзя уйти — никто не видал — да и вряд ли кто может себе представить, что это за птица. И потому я все-таки повторяю свой *refrain*: обратись к хорошему доктору!

Что же касается до писем Пушкина и т.д. — то я удивляюсь: как ты, старинный журнальный чтец, еще не убедился в необходимости следующего правила:

"Изо всякого журнального известия о какой-нибудь *личности* — одну[а] половину следует выкидывать тотчас, как совершенное врание; — а второй половине, как пустой болтовне — *тоже не верить".*

С какой стати я стану издавать пушкинские письма *по-французски*? Какому французу они нужны? — Откуда я возьму деньги, чтобы покупать их у гр. Меренберг?! Дело просто следующее: редакция "Вестника Европы" купила у дочери Пушкина письма ее отца к ее матери — и печатает их в своем журнале[5]. — А дочь Пушкина попросила меня быть их издателем — (что я считаю для себя большою честью), т.е. написать предисловие — и выключить из писем то, что не годится для печати. Все это я исполнил — и, если бы ты получал "Вестник Европы" — (что ты напрасно не делаешь) — ты бы увидел в 1-м же номере половину этих очень интересных писем. Пушкин

[а] одну — *вписано над строкой.*

оставил *двух* сыновей и *двух* дочерей, к сожаленью весьма плохеньких. Удивительнее всего то, что младшая его дочь, оставшаяся полугодовалым ребенком после его смерти (эта самая гр-я Меренберг) — как две капли воды на него похожа! — А он подозревал жену. — Старшая дочь была замужем за ген. Гартунгом, который застрелился в присутственном месте в Москве[6].

Засим обнимаю тебя и желаю тебе всего хорошего.

Любящий тебя брат
Ив. Тургенев.

4929. М.М. АНТОКОЛЬСКОМУ

13 (25) января 1878. Париж

50, Rue de Douai.
Пятница вечером.

Любезнейший Антокольский,

Mlle Герцен, Бида и другие лица (в том числе и я) хотят посетить Вашу студию *завтра*; но принимаете ли Вы в субботу? Если да, скажите этому посланному; если нет, посещение наше отложится до другого раза[1].

Вечером завтра мы во всяком случае увидимся.

Крепко жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

4930. М.М. АНТОКОЛЬСКОМУ

16 (28) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник, 12 ч.

Любезнейший Марк Матвеевич!

Опять приходится отложить наше посещение до середы! У нас вдруг оказался званый обед, и я не могу отлучиться[1]. Пожалуйста, извините меня и примите дружеское рукожатие.

Завтра вечером во всяком случае готов. — Перевод нашего устава готов[2].

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

4931. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

17 (29) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 29/17-го янв. 78.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Вы, вероятно, теперь уже давно получили вторую половину пушкинских писем. Они запоздали днем только потому, что я вздумал их — неизвестно зачем — отправить к Вам страховым письмом[1]. Теперь три пункта:

П⟨ункт⟩ 1-й). Ко мне обратилась "Славянская библиотека в Женеве" — (Bibliothèque Slave, Genève, rue des Etuves, 18) с просьбой ходатайствовать у Вас о высылке — (бесплатной, разумеется, так как Славянская б⟨иблиотек⟩а никаких капиталов не имеет) — "Вестника Европы". — Исполняю полученную просьбу — и предоставляю все дело на Ваше благоусмотрение[2]. — "Царь-государь, смилуйся!".

П⟨ункт⟩ 2-й). О помещении повести г-жи Луканиной в мартовской книжке я автору сообщил[3].

П<ункт> 3-й). Есть еще женский автор, которого я Вам рекомендовал и который вовсе не лишен таланта — хотя, разумеется, не может сравниться с Луканиной — Ардов. — Он выслал Вам свою работу, просил ответа и до сих пор никакого ответа не получил. Будьте так добры: обратите внимание на его работу — и если она не годится — то по крайней мере дайте ответ и выведите автора из неизвестности[4].

Мы здесь еще не знаем, можно ли поздравить Россию с миром; — но дело, кажется, приближается к концу. — Авось не провалится напоследях!

Жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

4932. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

26 ноября (8 декабря) 1877, 19 (31) января 1878. Париж

М.М. Стасюлевичу.

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 8-го дек. / 27-го[а] нояб. 77.

Почтеннейший Михаил Матвеевич, пользуюсь отъездом сына нашего любезнейшего Гораса Гинцбурга, чтобы переслать Вам прилагаемый небольшой сверток нот[1], который Вы будьте так добры и передайте в магазин музыкальный А. Иогансена — *против Гостиного двора, на Невском*[б] — заправляющему тем магазином вместе с конвертом на его имя[2]. — Я ему пишу, что деньги на печатание этих нот он получит от Вас (из числа приходящихся за проданные экземпляры моего издания) — а Вы, с своей стороны, подтвердите ему сей факт[3]. — За что примите заранее мое спасибо.

Здоровье мое поправляется медленно — а вот здоровье Франции совсем плохо[4]. — Вчера казалось все устроенным и парламентское министерство уже состоялось; а нынче опять все превратилось в пуф — и Мак-Магон преподнес новый щелчок терпеливому носу общественного мнения. — Чем это все кончится — Господь ведает... Это в своем роде Плевна[5].

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

Париж. 31/19-го янв. 1878.

Любезнейший М⟨ихаил⟩ М⟨атвеевич⟩! — Прилагаемое письмо не было Вам доставлено молодым Гинцбургом — так как он уехал ранее, чем я предполагал. — Из этого письма Вы усмотрите, о чем я Вас просил — и я смею надеяться, что Вы и теперь исполните мою просьбу —

[а] *Так в подлиннике.*
[б] *Далее зачеркнуто*: и передать

несмотря на все хлопоты, которые должны обуревать Вас. — Примите мое искреннее спасибо!

Ваш
Ив. Тургенев.

P.S. Последние строки моего письма, к счастью, не оправдались[6]; — авось и нынешние (наши) затруднения разрешатся так же благополучно.

4933. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

19 (31) января 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 31-го янв. 78.

Любезная Аделаида Николаевна,

Ваша первая повесть будет напечатана в “мартовской” книжке “Вестника Европы” — как мне пишет о том Стасюлевич[1].

А что, Ваша вторая повесть переписана? — Если да, то не можете ли Вы дать мне ее на прочтение?[2] — Анненков все не едет — а мне бы хотелось возобновить произведенное впечатление и проверить себя — и Вас[3].

Примите уверение в совершенной моей преданности и уважении.

Ив. Тургенев.

4934. П.В. АННЕНКОВУ

21 января (2 февраля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 2-го февр. 78.

Что делать, батюшка Павел Васильевич! Будем ждать благорастворения воздухов и смягчения сердец! — А в иных гостиницах Парижа — (хоть бы, напр., в Grand Hôtel) — претеплейшие есть нумера![1] Но знайте, что, когда бы Вы ни прибыли — Вы встретите здесь распростертые объятия!

Меня восточный вопрос грызет не хуже Вас[2]. — В обыкновенных случаях, когда Яков подрался с Сидором и хочет помириться — дело происходит между Сидором

и Яковом; но тут существуют другие Яковы, от которых зависит самый этот мир. — Вы знаете, какой я слабый "chauvin" и славянофил; но я сам начинаю желать, чтобы мы пошли к Константинополю — что ли! Только тут являются следующие соображения:

a.) Немыслимо войти в К⟨онстантинополь⟩ — и не отслужить молебна в Святой Софии;

b.) Точно так же немыслимо возвратить Святую Софию туркам, чтобы они ее опять превратили в мечеть — (вероятно, они ее тотчас разрушат, как оскверненную);

c.) Следовательно — надо остаться в К⟨онстантинопол⟩е; но и это при теперешнем настроении Европы — немыслимо.

Вот тут и выкарабкивайся, как знаешь, из всех этих немыслимостей![3]

Здоровье мое, однако, поправилось; простудился я маленько на днях — но это неважно.

О новом великом драматурге в точности ничего не знаю; из рецензий не видать, чтобы эта "Свадьба Белугина" была такой уж chef-d'œuvre; — а впрочем, мы ее скоро прочтем. — В критическое понимание Островского я верю умеренно[4].

А замечательные вещи происходят во французской Палате депутатов; говорят, вчерашнее истребление Руэра Гамбеттой было нечто колоссальное. Я начинаю бояться, что бонапартисты его убьют. Что ни говори, а республика здесь растет и крепнет[5].

Я познакомился здесь с одним очень неглупым 30-летним русским, который признался мне, что в молодости любил поэзию и Пушкина, играл на скрипке и рисовал — и бросил все это под влиянием Писарева — (и не один он это сделал) — а теперь, окургузившись кругом, не знает, к чему приткнуться — и только охает. Вот поди, отрицай силу слова![6]

Мне непременно хочется дать Вам прочесть повесть Луканиной; хочется Вами проверить свое впечатление[7].

В надежде, что Вы не будете слишком долго томить нас, жму Вам крепко руку и остаюсь

Ваш
Ив. Тургенев.

На конверте: *Belgique.* Monsieur Paul Annenkoff.
Bruxelles.
37, r. Montoyer.

4935. БЕТТИ ПАОЛИ

21 января (2 февраля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Sonnabend, d. 2. Feb. 78.

Verehrte Frau Paoli!

Ich beeile mich auf Ihren liebenswürdigen Brief zu antworten[1]. Allerdings habe ich — ganz im Anfang meines schriftstellerischen Thätigkeit Stücke geschrieben (das *letzte* ist vom Jahre *1851*[2]) — bin aber sehr bald zu der Ueberzeugung gekommen, dass in mir kein Stoff zum dramatischen Dichter war — da mich die *Entwickelung* der Charactere interessirte — und nicht ihr Zusammenstoss[3]. — Auch haben meine Stücke keinen Erfolg gehabt. — Da Sie aber so freundliches Interesse für meine Sachen zeugen — so erlaube ich mir, Ihnen meine "Scènes de la vie russe" zuzuschicken[4], wo Sie zwei Stücke finden werden — eine zweiactige Comödie[5] und eine Comödie in einem Act[6]; letztere ist gar nicht für die Bühne berechnet[7]. — Höchst wahrscheinlich werden Sie meine Ansicht über meine dramatische Befähigung theilen.

Es hat mich sehr gefreut, von Ihnen wieder etwas zu hören[8]. — Ich hoffe, dass es Ihnen wohl ergeht und bitte Sie die Versicherung meiner Hochachtung zu empfangen.

Ihr ergebenster
Iwan Turgénjew.

4936. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

21 января (2 февраля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, $\frac{\text{2-го фев.}}{\text{21-го янв.}}$ 78.

Любезнейший Михаил Матвеевич — как только получил я Ваше письмо от 29/17 янв⟨аря⟩[1] сегодня — тотчас произвел дознание. — Оказалось, что мой камердинер[2] (который, впрочем, от меня отходит) — продержал мое рекомендованное письмо *один* день — (я сам не мог снести его — ибо должен был просидеть дома); — он говорит, *один* день; положим — *два.* — Но почему эти несчастные

корректуры[3] пробродили 9 дней вместо *4-х* — это знают Бог да почта... или полиция. — Очень мне это досадно; но, как Вы выражаетесь, беде уже теперь помочь нельзя; отложим все до марта.

Что я отвечать Буренину не буду[4] — в этом Вы можете быть твердо уверены: я уже испытал неудобства подобного препирательства[5].

Я взял на себя[а] смелость отправить к Вам (третьего дня) по почте — забытые Гинцбургом ноты[6] — и повторяю просьбу: свезти их самолично к Иогансену в магазин — и объявить там, что деньги на издержки печатания, пересылки корректур *Вы* будете выдавать; издержки эти ни в каком случае не превысят тех 150 р., которые Вам доставит мой управляющий[7].

Так как я получаю журналы с нового года — то и в этом вижу следы Ваших благодеяний[8]; — надеюсь, что нужные по сему предмету расходы были покрыты выручкой с моего издания — и во всяком случае благодарю усердно.

Еще одна просьба! — Если Вам покажется возможным выслать мне корректурные листы повести Луканиной на такой же веленевой (собственно, воздушной) бумаге[9], какая послужила для "Нови" и "Пушкина" — то я опять Вам в ножки поклонюсь; очень это будет приятно и для нее — и для меня, ее рекомендователя; — а за *молниебыстрое* возвращение листов поправленных — я ручаюсь[10].

Что касается до моего приезда в Петербург — то, salva venia, я намерен прибыть туда в последних числах нашего марта — (чтобы не сказать: к 1-му апреля)[11]; — и привезу с собою вторую повесть Луканиной[12], которая теперь лежит у меня на столе и которую я перечитываю с великим удовольствием — и статью о Пушкине[13]. — Так что обе вещи могут появиться в майской книжке.

Засим желаю Вам всего хорошего, кланяюсь всем Вашим и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[а] на себя — *вписано над строкой.*

4937. Е.С. РАХМАНОВОЙ

26 января (7 февраля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Четверг, $\frac{\text{7-го фев.}}{\text{26-го янв.}}$ 78.

Любезнейшая Елена Сергеевна, очень порадовали Вы меня своим письмом, хотя, с другой стороны, мне грустно было убедиться, что мы, вероятно, не скоро увидимся. — Фотографии Вашего очень милого на вид и симпатического сына[1] я передал гр. Муравьевой[2]. — Кстати о фотографиях: собственно для Вас я закажу свой новый портрет; а пока — посылаю Вам весьма старый оттиск, отыскавшийся у меня в столе. Этой фотографии лет 12; я с тех пор успел побелеть; тогда ее находили похожей — да и теперь ее считают[а] хорошей[3]. На Ваши осведомления о моем здоровье скажу Вам, что теперь — я ничего, поживаю помаленьку; а был болен зимою сильным припадком подагры — и почти два месяца не выходил из комнаты. — Это помешало мне выехать в Петербург; но я все-таки намерен туда съездить в марте м⟨есяце⟩ хоть на 6 недель[4]; — дела того требуют.

Переданные Вами известия о наших беспорядках и неурядицах огорчили меня — но не удивили. — Окончание войны (которое, однако, не так близко, по уверениям многих — несмотря на перемирие) — столь же необходимо России, как и славянским княжествам... а то, пожалуй, мы вконец разоримся и дойдем до банкротства[5].

Mme Albini (Челюсткина) все здесь и работает усердно. Успехи ее довольно медленны, но постоянны[6]. Я узнал от нее, что Ягн у Вас в деревне строит миниатюрный пароход на Ваш пруд... Поклонитесь ему от меня. — А что Ваш дом — в русском стиле — строится? — Что поделывает Ваш другой протеже, молодой живописец Соколов?[7]

Засим — позвольте пожелать Вам всего хорошего — и дружески пожать Вашу руку.

Искренне преданный Вам
Ив. Тургенев.

[а] *Было*: находят

4938. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

26 января (7 февраля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 7-го фев. / 26-го янв. 78.

Любезный брат,

Обращаюсь к тебе с просьбой, исполнением которой ты мне сделаешь большое удовольствие.

Тебе известно, что, вследствие затруднительных обстоятельств, в которых я нахожусь, мне было бы тяжело заплатить тебе проценты (в нынешнем году) с должных мною тебе 15 000 р. = (1350 р. сер.). Вот что я тебе предлагаю. — У меня в Петербурге (в магазине Беггрова) находится большая картина известного французского живописца Бланшара. — Она представляет нагую женщину (во весь рост), лежащую на богатом ложе — и смотрящую на маленькую ручную змейку, которая вьется около ее руки[1]. — Картина эта на выставке 1874-го года получила вторую медаль[2] — и заплочена мною 6000-ю фр., — что по тогдашнему курсу (рубль в 3 ф. 50 с.) составляло с лишком 1700 р. Я бы очень был тебе благодарен, если б ты согласился взять ее в уплату[a] процентов нынешнего года[3]. — Могу тебя уверить, что эта картина в своем роде chef-d'œuvre — и нисколько не неприлична; напротив, она в твоем московском доме произвела бы прекрасный эффект — на месте той огромной хромолитографии, которая, помнится, висит там. Беггров взялся ее продать за 1500 р. — но в теперешнее — или бывшее — военное время никто не думал тратиться на художественные произведения. — Принятием моего предложения ты бы оказал мне великую услугу; — но я твердо убежден, que vous ne ferez pas une mauvaise affaire. — Когда я покупал эту картину, все ее ценили в 10 000 фр. — Если ты согласишься, дай мне знать, — и я немедленно напишу Беггрову, чтобы он отправил эту картину к тебе в московский дом. Дай мне знать также о твоем здоровье — и намерен ли ты всю зиму остаться в деревне. — Мне с некоторых пор гораздо лучше — и я теперь хожу — почти как все люди.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: за

Война едва ли возобновится — и есть некоторая надежда на изменение к лучшему положения наших дел.

Желаю тебе всего хорошего, обнимаю тебя и остаюсь

любящий тебя брат
Ив. Тургенев.

4939. Н.А. ЩЕПКИНУ

26 января (7 февраля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 7-го фев. / 26-го янв. 78.

Любезный Николай Александрович, спешу отвечать на Ваше последнее письмо (вместе с отчетом) от 19-го/31 янв⟨аря⟩[1].

Прежде всего о Кадном[2]. — Вам на месте виднее — и если Вы полагаете, что арендная цена в *4000* р. сер. удовлетворительна — то я даю Вам полное согласие. Если для этого нужна доверенность особенная, то пришлите сюда черновую, и я тотчас отправлю ее к Вам. — Главное дело — выбрать человека надежного (не вроде Волнова) и выговорить неустойку на случай продажи, как это делается в каждом контракте.

Что касается до Волнова, то, разумеется, следует постараться взять, хоть по суду, с этого плута что будет возможно; намерение Ваше — отдать холодовским[3] крестьянам тамошнюю землю в аренду — одобряю; во всяком случае они будут надежнее Волнова[4].

Мне будет приятно, если Вы, как только возможно будет, вышлете мне деньги за кадненский овес и первую часть спасской аренды; — теперь же курс поправился — и, вероятно, поправится еще больше вследствие мира.

Известите меня о мальчике Никите — хорошо ли он учится?[5]

Надеюсь, что от Вашего нездоровья не осталось уже следа, кланяюсь Вашим родителям и всем Вашим и жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Я получил от г-жи Гинтер письмо[6] с приложением Вашего, в котором Вы от моего имени предлагаете ей[a] 10 руб. сер. — с тем чтобы она известила Вас о своем согласии; она уверяет, что известила, но ответа от Вас не получила, причем снова повторяет просьбу о помещении ее мужа куда-нибудь в мое имение приказчиком[7]. — Будьте так любезны и сообщите г-же Гинтер, что у меня теперь, за раздачей всех имений в аренду, никаких мест для ее мужа нет — и перешлите ей от моего имени *15* рублей, в которых испросите расписку. — Адресс ее: Анна Дмитриевна Гинтер, Тамбовской губ., Моршанского уезда, село Заметчина.

4940. Б.А. ЧИВИЛЕВУ

27 января (8 февраля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 8-го фев.

Однако какой же Вы, я вижу, впечатлительно-нервический человек, любезнейший Чивилев! Во всем, что Вы мне рассказали — и что "влило чашу горькой полыни в Вашу жизнь"[1] — il n'y a pas, как говорят французы, de quoi fouetter un chat. — Обыкновенная распущенность и неаккуратность, свойственная *всем* художникам, литераторам и т.д. — особенно русским. — Все, на что Вы имеете полное право — это: уплата за пропущенные, не по Вашей вине, уроки. — Впрочем, я Антокольского сегодня увижу и переговорю с ним[2]. Завтра (в субботу) я буду в 12 $^1/_2$ дома и с удовольствием увижу Вас.

Пока дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur B. Tchivileff.
15, Rue de Surène.
En ville.

---

[a] ей — *вписано над строкой.*

4941. Н.В. ХАНЫКОВУ

28 января (9 февраля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 9 ф. 78.

Посылаю Вам, любезнейший Н⟨иколай⟩ В⟨ладимирович⟩, стихотворения (новые) Шумахера — с просьбой (конечно, излишней) не растерять их и возвратить в целости[1]; — а также и № "Северного вестника", где Вы найдете очеркнутый карандашом — *необычайный* курьез, письмо бывшего оренбургского губернского прокурора!![2] И этот № и стихотворения Вы можете возвратить мне во вторник веч. — ибо Вы, я надеюсь, придете в наше знаменитое Общество?[3]

Дружески жму Вам руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

4942. П.Л. ЛАВРОВУ

31 января (12 февраля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 2-го[a] фев. 78.

Любезнейший Петр Лаврович,

Вчера был у меня Лопатин — и просил меня возвратить ему приложенные листики[1]; я отвечал ему, что отдал их Вам. Но, перерыв сегодня все свои бумаги, нашел их у себя и немедленно отправляю их к Вам — так как, по словам Л⟨опатина⟩, он уезжает сегодня в Швейцарию. Причем прошу милостивого извинения.

Прошу его также и в том, что до сих пор не собрался к Вам; — но эту вину я намерен загладить очень скоро — и, кстати, потолковать о чтении[2] и о прочем.

Примите уверение в моих дружеских чувствах.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

4943. Н.А. ЩЕПКИНУ

31 января (12 февраля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 12-го фев. / 31-го янв. 78.

Любезный Николай Александрович,

Пишу Вам всего два слова, чтобы напомнить Вам, что надо немедленно выслать г-ну Стасюлевичу в С.-Петербург 150 р.с. — Он мне пишет, что он их еще не получал от Вас[1].

Полагаю также, что при высылке мне сюда денег Вы бы лучше обратились в банк (Орловский или другой) — так как наши ассигнации здесь подвергаются сильному изменению курсов.

Засим желаю Вам всего хорошего и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

4944. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

31 января (12 февраля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 12-го фев. / 31-го янв. 78.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Сейчас получил Ваше письмо от 26-го янв⟨аря⟩ / 7-го фев⟨раля⟩[1]. Теперь, вероятно, Ваши волнения прекратились — и Вы уже знаете, что с "Вестником"[2]: "Лоб или затылок?" — Должно надеяться, что: "лоб" — хотя ведь и "лоб" значит: служба.

О "некрасовской" статье обещаю написать Вам с полной откровенностью[3].

Что касается повести Луканиной — и высылки веленевых корректур — коли нельзя, так нельзя; — а было бы хорошо, коли можно[4].

Г-на Ардова приходится предоставить его судьбе![5]

От магазина Иогансена я получил уведомление, что все романсы доставлены в целости, за что *нижайше* бла-

годарю[6]. А управителю моему написал *строжайше*, чтобы он немедленно выслал Вам 150 рублей! Я даже удивляюсь: до сих пор он был аккуратен[7].

Первый набросок статьи о Пушкине — уже на бумаге: все мысли — и нить их — для меня ясны; постараюсь выполнить как можно лучше и скорее[8].

И слепая свинья иногда найдет желудь; статья Буренина по поводу известного изречения, что Некрасов, мол, выше Пушкина и Лермонтова — очень недурна[9].

А ведь добьется, наконец, Биконсфильд, что мы *друзьями* войдем в Константинополь, что я полагал немыслимым по случаю святософийского вопроса![10] — Но, видно, в наше время немыслимое только и совершается; exempli gratia: зимний переход через Балканы[11].

Кончаю письмо катоновским изречением — ceterum censeo[12], что в Питер надо приехать.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Что касается до высылки "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" в Женеву — то я Вам только передал сообщенную[a] мне просьбу — и должен сознаться, что понимаю вполне Ваше решение[13]. — Это в сторону; а вот что Вы сделайте: перешлите экземпляр "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" Луканиной на мое имя — и на *мой* счет; этот подарок я хочу ей сделать.

P.P.S. Распечатываю письмо, чтобы известить Вас, что я сию минуту получил Ваше — от 8-го фев⟨раля⟩[14] (вот как пошла почта работать). Деньги Вы, стало быть, от Щепкина получили. — История с Треповым — новая иллюстрация старой поговорки: "Как аукнется, так и откликнется"[15]. А статью Павлова-Сильванского я не только прочел — но почувствовал некоторое умопомрачение!![16] — Дал ее прочесть Ханыкову — и он почувствовал то же!!!

---

[a] *Далее зачеркнуто:* Вам

4945. Н.Д. ДМИТРИЕВУ-ОРЕНБУРГСКОМУ

Январь 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг утром.

Любезнейший Николай Дмитриевич,

Я не мог исполнить поручение комитета, потому что Вы забыли приложить *копию с устава*[1], которую мы препровождаем Орлову[2]. Пожалуйста, пришлите ее с сим посланным, а также *копию* с протокола того дня, когда были выбраны Кумани, Гинцбург и Вы[3].

Я сегодня же повезу все это в посольство.

Жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

4946. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

1 (13) февраля 1878. Париж

Середа, 13-го фев.

Любезнейшая Аделаида Николаевна, завтра я не могу иметь удовольствие Вас видеть[1] — я принужден отлучиться из города; — но послезавтра, в пятницу — я очень буду рад, если Вы пожалуете часов около *12-ти.*

Примите уверение в совершенной моей преданности.

Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Au bureau de poste.
Rue du Cardinal-Lemoine.
Paris.

4947. ЭШТОНУ ДИЛКУ

2 (14) февраля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Jeudi, 14 fév. 78.

Cher Monsieur Ashton Dilke,

J'ai eu beaucoup de plaisir à recevoir votre lettre[1] et je m'empresse d'y répondre. — Il va sans dire que je considère votre proposition de publier une traduction de "Новь" comme un honneur pour moi et que j'y donne mon plein et entier consentement. Pourvu qu'en présence des complications présentes, votre éditeur ne trouve une pareille entreprise trop risquée![2]

Laissez-moi vous présenter, ainsi qu'à Madame Ashton Dilke mes félicitations les plus sincères sur l'heureux événement que vous m'annoncez[3]. Vous ne me parlez pas de votre santé; mais, comme on dit, point de nouvelles — bonne nouvelle.

Je ne suis pas mal non plus et j'ai repris mes idées de voyage à St-Pétersbourg[4].

Agréez l'expression de mes sentiments les plus affectueux.

Ivan Tourguéneff.

4948. П.В. ШУМАХЕРУ

2 (14) февраля 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
14/2-го февр. 1878.

Любезнейший П⟨етр⟩ В⟨асильевич⟩, посылаю Вам только что полученное мною письмо от книгопродавца Бера[1]. — (Целый месяц он мне не отвечал.) Вы увидите, что опять приходится ждать. Авось с окончательным заключением мира он переменит свой образ мыслей[2].

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Поклонитесь от меня Кетчеру[3].

4949. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

3 (15) февраля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница утром.

Любезная Аделаида Николаевна,

Я писал Вам вчера poste restante, что я не могу быть дома сегодня — а прошу Вас прийти завтра, в *субботу*[1]; но Вы, пожалуй, этого письма еще не получили и пришли ко мне — в таком случае извините меня, пожалуйста — и до завтра.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.

4950. О.К. ГИЖИЦКОЙ

4 (16) февраля 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Суббота, 16/4-го февр. 78.

Милостивая государыня,

В ответ на Ваш запрос[1] я могу только повторить Вам, что очень буду рад способствовать развитию Вашей литературной деятельности, а потому присылайте мне Ваш труд, о котором я сообщу Вам самое откровенное и добросовестное мое мнение. Что же касается до советов нелитературных — то это дело гораздо более трудное. — Тут легко либо сбиться на общие места, либо попасть совсем впросак. — Но, если Вам угодно, я не откажусь и от этого.

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Ив. Тургенев.

4951. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

4 (16) февраля 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Суббота, 16/4-го фев. 78.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Пишу Вам сегодня только для того, чтобы известить Вас, что корректура "Любушки" — отправлена мною — как Вы

9.II.78. 211

Париж.

50, Rue de Douai.

Суббота, 16/4-го февр. 78.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Пишу Вам сегодня только для того, чтобы уведомить Вас, что корректура «Новушки» отправлена мною, как Вы того желали — через Штеттин, — и что, следов. — если Вы её не получили — опять вышла катавасия на почте, хоть на этот раз письмо отправлено не страховым.

А. Н. Луканина просит Вас велеть напечатать 10 отдельных оттисков.

Сегодня пришёл февральский № В. Е. — Я немедленно прочёл Вашу статейку о Некрасове и нахожу, что определение самой сущности и свойств его таланта — совершенно правдиво и верно: я бы обеими руками подписался под Вашими строками.

Жму дружески Вашу руку

Преданный Вам

Ив. Тургенев

ПИСЬМО И.С. ТУРГЕНЕВА К М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ
от 4 (16) февраля 1878 г.

того желали — вчера, *в пятницу* — и что, следов., — если Вы ее не получили — значит, опять вышла катавасия на почте, хотя на этот раз письмо отправлено *не* страховым[1].

А.Н. Луканина просит Вас велеть напечатать 10 отдельных оттисков[2].

Сегодня пришел февральский № "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩". Я немедленно прочел Вашу статейку о Некрасове[3] — и нахожу, что определение самой сущности и свойства его таланта совершенно правдиво и верно: я бы готов обеими руками подписаться под Вашими строками.

Жму дружески Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

4952. О.Н. СМИРНОВОЙ (?)

7 (19) февраля 1878 (?). Париж

50, Rue de Douai.
Вторник утром.

Любезнейшая Ольга Николаевна, прилагаемое письмо было Вами написано, вероятно, кн. Черкасской — а она получила то, которое Вы мне писали. Из него я могу заключить, что Вы выбрали *середу* как день этого столь часто (по моей вине) откладываемого обеда. Но представьте мой "guignon": с самого воскресения я простудился, должен был слечь в постель — и хоть мне теперь лучше — но голос у меня совсем пропал — и я из комнаты выходить не могу! Что тут будешь делать? Остается махнуть рукой на самого себя — и причислить себя к числу "неудобоприглашаемых".

Пожалуйста, извините меня — и, что бы там ни было, верьте в искренность чувств

преданного Вам
Ив. Тургенева.

4953. П.В. АННЕНКОВУ

7 (19) февраля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 19-го фев. 78.

Любезнейший Анненков, Ваше молчание начинало меня беспокоить — а Ваше письмо доказало мне, что я

имел достаточные к тому причины[1]. Ну, однако, теперь все поправилось — и беда миновалась. Только в Париж, я уж вижу, Вас ожидать нечего — и наше свидание, вероятно, произойдет в Брюсселе — так как мое намерение побывать в России *до* мая становится все тверже[2]. Во всяком случае на *выставку* Вы сюда приедете?[3]

Повесть Луканиной появится в мартовской книжке "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩"[4]. Мы с ней здесь уже прочли и отправили обратно корректурные листы. Причина замедления пушкинских писем[5] — чистая случайность. Я вовремя отправил отсюда корректуру — но от излишней ревности послал письмо застрахованным. Несчастный конверт вместо 4-х дней пространствовал целых 15 и прибыл в Петербург в растерзанном и испачканном виде — и слишком поздно. Первая половина в публике не имела успеха[6]. Письма, видишь, нашли слишком бесцеремонными и грубыми; Иван Павлович оказался совершенно возмущенным теми резкими выражениями, которые П⟨ушкин⟩ употреблял в корреспонденции с "хорошенькой женщиной"! Фуй, как возможно!! Вот, однако, где оказалась великосветскость!![7]

История с Треповым произошла именно так и именно по тому поводу, как Вы пишете[8].

Я полагал, что сообщил Вам имя приятельницы Лассаля. Она — некая г-жа Шульц; муж ее — херсонский помещик. Когда она встретилась с Лассалем — она была девица Солнцева — и путешествовала с своим больным отцом. Наш общий знакомый Я.П. Полонский был с нею дружен. Говорят, она нехороша собою, но очень умна, образованна и привлекательна[9].

Войска наши, как и следовало ожидать, не вошли в Константинополь — и англичане ont enfoncé une porte ouverte. Но свое они при этом все-таки взяли — и возьмут еще больше[10]. Дело, вероятно, уладится — что бы ни сказал в Берлине сегодня "Варзинский сфинкс" — Бисмарк[11]. Самое курьезное — (психологически курьезное) — во всем этом деле — ненависть и зависть, которую ощущают теперь в отношении к нам *все* французы без исключенья. Что значит быть побежденными![12]

Сюда прибыл "Христос перед народом", статуя Антокольского. Давно ни одно произведение искусства так сильно на меня не действовало! Это вполне гениальная вещь. Из-за одной этой статуи стоит сюда приехать[13].

К сожалению, сам Антокольский очень ненадежен: страшно худ, зелен... И студию, к несчастью, ему наняли сырую[14].

Харламов написал несколько чудесных портретов[15].

Все мои здоровы — и кланяются Вам. Моя старая неприятельница — подагра — молчит; но я простудился — и со вчерашнего дня потерял голос — помните, как в ту зиму в Петербурге, когда Вы вместо меня читали Писемскому, Гончарову и др. мое "Дворянское гнездо": tempi passati! Нужно надеяться, что мое безголосье не так долго продолжится, как тогда[16].

Кланяюсь всем Вашим и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Прочли ли Вы в 1-м N-е "Отечественных записок" "Последнюю жертву" Островского? Боже! Боже! до чего может упасть талант человека! Страшно даже[17].

На конверте: *Belgique.* Monsieur Paul Annenkoff.
37, Rue Montoyer. *Bruxelles.*

4954. РЕДАКТОРУ "ПРАВДЫ"

7 (19) февраля 1878. Париж

Париж.
Вторник, 19/7 февраля 78 г.

М. г.[1]

Спешу ответить на только что полученное мною Ваше письмо[2]. Прежде всего позвольте Вас поздравить с успехом Вашей "Правды", которую я получаю аккуратно и читаю с великим удовольствием. Успех этот вполне заслуженный. Конечно, у нас на Руси нет — да и вряд ли бывало — провинциального органа, который бы мог потягаться с Вашим. Особенно хороши помещаемые в нем корреспонденции; да и весь журнал производит впечатление чего-то живого, сильного и честного[3]. Что же касается до моего участия в нем, то я с сожалением замечаю, что Вам все не угодно поверить искренности моего заявления, состоящего в том, что я совершенно оставил литературные занятия. Сколько мне помнится, я и в прошлом году дал Вам обещание условное; и потому, мне кажется, публике на Вас претендовать нечего. Да и вряд ли эти

претензии могут быть серьезны, если судить по приему, которым встречались все мои последние произведения[4]. Но как бы то ни было, *я положил перо и уж больше за него не возьмусь*.

Примите, м. г., вместе с моими искренними пожеланиями Вам дальнейших успехов на избранном Вами поприще — уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Покорнейший Ваш слуга
Ив. Тургенев.

4955. П.В. АННЕНКОВУ

11 (23) февраля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 23/11-го фев. 78.

Любезнейший Павел Васильевич, очень мне жаль и Вас, и Вашей бедной гувернантки, которая осталась у меня в памяти как хорошая и умная девушка. Нечего и говорить, что я постараюсь сделать для нее все, что от меня будет зависеть. Но и *до* моего приезда в Петербург можно бы было что-нибудь предпринять. Я могу прислать ей (в Брюссель или в Петербург) два или три письма к моим приятельницам (между прочим, к А.Н. Мухортовой, которая в таких случаях настоящий клад)[1]. Дайте мне знать, что мне сделать; и сообщите несколько подробностей о летах д-цы Петерсен, о том, сколько времени она у Вас прожила, знает ли она музыку, какими языками владеет и т.д.[2]

К несчастью, слух о милой Вревской справедлив. Она получила тот мученический венец, к которому стремилась ее душа, жадная жертвы. Ее смерть меня глубоко огорчила. Это было прекрасное, неописанно доброе существо. У меня около 10 писем, написанных ею из Болгарии. Я Вам когда-нибудь их покажу[3]. Ее жизнь — одна из самых печальных, какие я знаю.

Мы ожидаем сюда "Мертвого Сократа", статуи, изваянной Антокольским в Риме[4]. Если он так же хорош, как его "Христос"[5] — то перед этим жидком (Вы его не видели? маленький, невзрачный, болезненный...) надо нам всем шапки снять. А князь Орлов — наш посланник —

не поехал в его студию, куда я приглашал сего доброго, но уж слишком ограниченного сановника. "Как может еврей представить нашего Бога?" — так-таки и сказал[6]. Я было заметил ему, что и сам-то этот бог еврей; но возбудил в нем одно недоумение. Он, вероятно, принял мои слова за кощунство.

Статью Кириллова я еще не прочитал — но теперь прочитаю[7]. Дела на Востоке опять словно принимают дурной оборот. Сфинкс Бисмарк проглаголил — и остался сфинксом[8]. Румыния остервенилась[9] — Англия продолжает работать...[10] Нехорошо, батюшка.

С нетерпеньем буду ждать Вашего отзыва о Луканиной[11]. Стасюлевич прислал сюда корректуру на веленевой бумаге — что сделал до сих пор только для "Писем Пушкина" и для "Нови". Вообразите: наши "intransigeants" в Швейцарии прислали мне сочувственный отзыв об этой столь раскассированной вещи!![12] Всяко бывает: стоит только подождать.

Здесь все идет помаленьку. Сегодня мы даем блестящий бал. Я немножко простудился, как уж писал Вам... но это неважно.

Кланяюсь всем Вашим и обнимаю Вас.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Не забудьте упомянуть имя и *отчество* д-цы Петерсен.

На конверте: *Belgique.* Monsieur Paul Annenkoff.
Bruxelles. 37, Rue Montoyer.

4956. П.Л. ЛАВРОВУ

11 (23) февраля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 23-го фев. 78.

Любезнейший Петр Лаврович,

Извините, что я так замешкал ответом. — Я всю эту неделю был нездоров — гриппом — с совершенным упадком (extinction) голоса — и теперь еще не совсем поправился. — День чтения пока — еще — назначить не могу; — но в марте месяце он будет иметь место непременно. — Благо-

дарю за указание на двух российских пианистов: г-жа Якубович плоха; — но об Нелисове я слышал одобрительные отзывы. — Распределение будущей суммы будет сделано по Вашему указанию; — в объявлении цели чтения можно будет придержаться выражений неопределенных[1]. — Мне было жаль узнать о нездоровии Вырубова; как только можно будет, посещу его; — а Вас-то уж непременно — ибо я перед Вами виноват донельзя.

Дела, кажется, опять запутываются на Востоке: — чего доброго, война разгорится сильнее прежнего[2]. Впрочем, теперь недолго ждать.

Жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

4957. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

11 (23) февраля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 23/11-го фев. 78.

Любезнейший Михаил Матвеевич, я бы с охотой сообщил Вам адресс А.Н. Луканиной — но я сам его не знаю — так как все письма мои и прочие сообщенья посылаю ей — в "Bureau de la poste restante, Rue Cardinal-Lemoyne"[1]. Сколько я слышал, она живет (в крайней бедности) — в свободном браке с одним господином[2] — и, по этой, по другой ли причине, настоящего[a] адресса своего не сообщает. — Так как я не знаю, возможно ли посылать журнал из России в "Bureau de poste restante" — то, я полагаю, Вам лучше было бы посылать тот экземпляр "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩", — который Вы ей великодушно предоставляете и за который она очень благодарит Вас — в Rue de Douai, 50 — на мое имя — а я уже буду аккуратно доставлять ей. Нечего и говорить, что Ваше письмо не застало на моем столе корректурных листов "Любушки"[3], которые, вероятно, теперь уже печатаются у Вас в Питере. Вчера был у меня Гинцбург, который в воскресение, т.е. завтра, уезжает к Вам и которому я передал самые искренние поклоны,

---

[a] настоящего — *вписано над строкой.*

пожелания и т.д. Он Вам также скажет два слова о том сильном впечатлении, которое произвел здесь "Христос" Антокольского[4]. Это — вещь бессмертная!

Контрданс наш с Англией только что начался; запутаннейшие фигуры — впереди. — Бисмарк, по-видимому, хочет ограничиться ролью "тапера"; пляшите, мол, голубчики — а мы посмотрим. Со вчерашнего дня известия опять становятся хуже[5].

Анненков все в Брюсселе — да, кажется, и не приедет раньше выставки[6].

Будьте здоровы — и дай Вам Господь благополучно миновать мартовский подводный камень[7].

Весь Ваш
Ив. Тургенев.

4958. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

11 (23) февраля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 23/11-го февр. 78.

Любезный брат,

Несколько дней тому назад я получил от Н.А. Щепкина письмо, в котором он уведомил меня о том, что ты сообщил ему о должных мною тебе 15 000 р. и об уплате процентов; — а вчера пришло от тебя письмо, в котором ты отказываешься от принятия моей картины в зачет 1300 р.[1] — Разумеется, мне на это сказать нечего, но так как ты сам предложил мне, ввиду стесненных моих обстоятельств, рассрочить уплату этой суммы, то я сегодня же отдал Щепкину приказание свезти к тебе 500 р.с.[2] — а остальные 850 р. — будут выплачены тебе частями или целиком до 15-го июля нынешнего года. — Сожалею, что не могу удовлетворить тебя немедленно — и надеюсь, что ты не будешь слишком претендовать на меня: сила солому ломит.

Прибавлю несколько слов. — Ты, конечно, понял, что я[a] предложил тебе эту сделку с картиной после долгих колебаний: меня необходимость вынудила. — Я полагал, что ты в это вникнешь. — По собственной неосторожности —

---

[a] я — *вписано над строкой.*

а главное, вследствие всего сделанного между нами раздела — (низкая тогдашняя[б] оценка лесов, которые почти все тебе достались — и продажа которых принесла тебе такие выгоды и пр.[в]) — ты теперь, говоря без преувеличения — в 5 или 6 раз богаче меня; вот я и подумал, что ты не откажешься принести эту жертву, которая в конце концов не могла превзойти нескольких сот рублей. — Картину я эту отправил на продажу в Петербург — потому что она была слишком громадна для моих маленьких комнат — и я надеялся сбыть ее выгодней в Петербурге; но я ошибся в расчете, не приняв в соображение войны и т.д. — Если бы не банкрутство моего зятя, которое поглотило все 150 000 фр., данных в приданое за моей дочерью, я бы, конечно, не решился прибегнуть к таким мерам[3]. — Но теперь уже сожалеть поздно — и надо постараться извернуться. — Я решился продать *всю* мою коллекцию картин здесь с аукциону; мне они стоили 50 000 фр. — а я едва ли выручу 25[4]; — но ведь продал же я свой дом в Бадене за 100 000 фр.; — а он мне стоил 160[5]. — Одно утешение — довольно, впрочем, плохое: я уже теперь настолько стар, что едва ли успею в будущем наделать много глупостей. — А кусок хлеба до конца жизни будет.

Позволь мне сделать тебе одно последнее замечание. — Из прежних писем твоих я вижу, что ты разным лицам даешь деньги под залоги и, вероятно, за высокие проценты. — Мне бы не следовало пенять на это — так как я сам[г] получил деньги от тебя — и даже без залога... Но, воля твоя, как-то странно видеть человека с твоим именем предаваться таким спекуляциям. — Изо всех привилегий дворянства, которые — слава Богу! исчезли — только и осталось, что поговорка[д]: "Noblesse oblige". Отдавание денег под векселя и т.д. как-то плохо вяжется с этим[6].

Пожалуйста, не сердись на меня за эту откровенность — и бросим этот разговор.

В твоей ране, рисунок которой ты прилагаешь, неприятно ее местоположение *на ступне*: оно мешает тебе свободно ходить и носить сапог. — Но папа Пий IX-й, который скончался 86 лет от роду — с 50-тилетнего возрасту

[б] тогдашняя — *вписано над строкой.*
[в] и пр. — *вписано над строкой.*
[г] сам — *вписано над строкой.*
[д] *Было*: только и осталась погов⟨орка⟩

носил две раны на икре ноги — и наслаждался совершенным здоровьем. — Это не должно мешать тебе постараться об ее окончательном закрытии, которое, вероятно, не замедлит последовать: я только привел этот пример в виде некоторого утешения.

Здоровье мое недурно; я простудился на днях — и лишился временно голоса, но это неважно.

Желаю тебе всего хорошего, кланяюсь твоим и обнимаю тебя.

Любящий твой брат
Ив. Тургенев.

4959. ЮЛИАНУ ШМИДТУ

11 (23) февраля 1878. Париж

Paris. 50, Rue de Douai.
Sonnabend, d. 23. Febr. 78.

Mein lieber Freund!

Meine Saumseeligkeit ist schmählich unverbesserlich — und ich muss eben um Verzeihung bitten! Vielleicht kommt die Notiz jetzt zu spät. — Ich schicke sie Ihnen dennoch.

Gustave Flaubert ist 1821 den 12. Dez⟨ember⟩ in Rouen geboren, Emile Zola 1840 den 2. April — in Paris, Alphonse Daudet 1840 den 13. Mai, in Nîmes, Edmond de Goncourt 1822 d. 26. Mai in Nancy. Die Herren haben mir das selbst gesagt[1].

Es giebt nur ein Exemplar der einzigen Photographie Flauberts; er hat sie mir geschenkt und die kann ich Ihnen nicht geben[2]. — Er soll, als junger Mann, sehr schön gewesen sein. — Jetzt ist er dick, ganz kahl, hat ein rothes Gesicht, er hat viel Ähnlichkeit mit Frédérick Le Maître, dem berühmten Schauspieler — dessen Photographie besitzen Sie doch?

Hab ich Ihnen den "Nabab" geschickt? Jedenfalls expedire ich Ihnen ein Exemplar[3]. Haben Sie eins schon, so verschenken Sie dieses.

Ich komme gewiss nach Berlin, aber wann? That is the question[4]. — Jedenfalls wird diese Frage schneller gelöst als die orientalische[5].

Ich grüsse herzlich Ihre Frau und drück' Ihnen ebenso herzlich die Hand.

Ihr

I.T.

4960. Н.А. ЩЕПКИНУ

11 (23) февраля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 23/11-го февр. 78.

Любезнейший Николай Александрович,

На полученное от Вас письмо[1] отвечаю следующее:

1.) Николай Сергеевич действительно ссудил мне 15 000 р. сер. по 9% пр. в год — что составляет 1350[а] р. — Эти деньги я обязан ему внести в феврале[б]. — При теперешнем положении дел это мне отяготительно, и я просил Николая Сергеевича о рассрочке, на которую он согласился. — И потому прошу Вас — взять либо из арендной суммы Вашего батюшки, либо из кадненских денег 500 (пятьсот) рублей серебром, которые Вы доставите Н⟨иколаю⟩ С⟨ергеевичу⟩ — (я его об этом предуведомил)[2]; а остальные 850 р. я выплачу ему *до* 15-го июля. — Так Вы ему и скажите. — А какие у Вас окажутся свободные деньги — перешлите мне.

2.) Вследствие небольшой суммы, пожертвованной Ник⟨олаем⟩ Сергеевичем при основании больницы — он имеет право помещать в нее *двух* богадельцев; сколько я помню, один уже помещен им; — в таком случае Вы можете принять другого. Если же помещены им уже двое — то третий может поступить только под тем условием, чтобы он платил за его содержание.

3.) Вы знаете, что я положился на Вас в деле отдачи Кадного в аренду; и потому Вы поступайте, как найдете приличным и сообразным с моими выгодами — не забывая только определить отступную сумму с обеих сторон[3].

4.) Благодарю за исполнение поручений насчет г-жи Гинтер и Стасюлевича[4]. — Я Вашу телеграмму получил[5].

Передайте мой поклон всем Вашим и примите уверение в искреннем моем уважении.

Ив. Тургенев.

[а] *В подлиннике ошибочно*: 1300
[б] *Далее зачеркнуто*: В янв⟨аре⟩

4961. А.Ф. ОНЕГИНУ

12 (24) февраля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Воскресение, 24-го ф. 78.

Любезнейший Онегин,

Ральстон занемог и лежит в постели в своем Hôtel Byron, Rue Laffitte, n° 20[1]. — Сходите к нему: он очень будет рад Вас видеть и просит Вас об этом[2].

Жму Вам дружески руку.

Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur A. Onéguine,
chez Mr Joukofsky.
61, Avenue du Roi de Rome.
Paris.

4962. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

14 (26) февраля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник[a], $\frac{26\text{-го}}{14}$ фев. 1878.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Сию минуту почталион принес мне рекомендированное письмо с векселем для г-жи Луканиной в 268 фр. — Они будут ей доставлены завтра же; — точно так же будет ей сообщено Ваше предложение насчет места, отводимого ей в июньской книжке "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩"[1]. — Все это не преминет исполнить ее душу удовольствием и благодарностью; а я, с своей стороны, не сомневаюсь, что она окажется достойной чести быть сотрудницей "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩".

Что касается до ее адресса, то Вы уже знаете, что с моей стороны нет тут никаких злоухищрений; все, что мне известно: Bureau de la poste restante, rue Cardinal-Lemoine[2]. — Я, однако, напишу ей, что Вы спрашивали у меня ее адресс: может быть, Вам она его сообщит. Она, очевидно, придерживается правила: "cache ta vie". —

---

[a] *Было*: Понедельник

1878
24/II

(25)

61 ~~48~~

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Воскресенье, 24-го ф. 78.

Любезнейший Онегин,

Тальвенис заезжал и велел [illegible] Hotel Byron Rue Laffitte № 20. — Сходите к нему: он очень будет рад вас видеть и просил вас об этом.

Жму вам дружески руку.

Ив. Тургенев.

62

PARIS 15 25 FEVR. 78 R. HAMILTON

Monsieur A. Onéguine.
chez M. Joukoffsky
61, avenue de [illegible] de Rome
Paris.

ПИСЬМО И.С. ТУРГЕНЕВА К А.Ф. ОНЕГИНУ
от 12 (24) февраля 1878 г.

Из здесь живущих русских никто не видится с нею. — Она дама; муж ее, г-н Л⟨уканин⟩, по слухам великий негодяй, находился в Болгарии добровольцем; — она, собственно, потому и боится вернуться в Россию — как бы он не заставил ее жить с ним[б]. Фамилия ее теперешнего сожителя мне неизвестна; его, тоже, мало хвалят. — Из себя она женщина мужественная, дебелая, с большой головой и умными темно-карими глазами; рот маленький — звонкий голосок; брюнетка... лет около 35[в]. — Имя: Аделаида Николаевна. — Вот Вам целый формулярный список[3].

NB. — Ее второй рассказ[4] будет подлиннее первого... листа в 3.

Статью о Пушкине начал — и пишу. — Надеюсь кончить к сроку[5].

Живем мы, русские, здесь в таком же напряжении, как и вы там... Если мир скоро заключится — ну ничего; — если затянется — беда!! — Не только англичане и немцы, французы начинают под собою землю грызть... Только и слышишь что: "Les barbares! L'invasion des barbares!"

Ну а засим — прощайте, будьте здоровы. Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

4963. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

14 (26) февраля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник вечером.

Любезная Аделаида Николаевна, я получил от Стасюлевича 100 р.с. (268 фр.) для передачи Вам[1]. — Это несколько больше, чем приходится за "Любушку" — но он велел Вам сказать, что так как *оставляет место* (3—4 листа) *для Вас* в *июньской* книжке[2], то тогда рассчитаетесь, тем более что он желает иметь Вас постоянным сотрудником. — Также он высылает Вам "В⟨естник⟩ Е⟨вропы⟩" — и желает знать Ваш адресс; — я должен был ответить, что сам его не знаю[3] — и потому он будет высылать "В⟨естник⟩

[б] *В подлиннике*: нею
[в] *Далее зачеркнуто*: Вот

Е⟨вропы⟩" для Вас на мое имя. — Надо поскорее кончить и отправить Ваш *второй* рассказ[4]. — Приходите в пятницу *до* 12 ч. — за деньгами и прочим.

Примите уверение в совершенной моей преданности.

Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Bureau de poste restante.
Rue du Cardinal-Lemoine.
A *Paris.*

4964. П.В. АННЕНКОВУ

17 февраля (1 марта) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 1-го марта 78.

Любезный друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. Завтра будут отправлены в Петербург письма (о девице Петерсен) — к следующим лицам: Мухортовой, г-же Абазе, Плетневой, баронессе Раден и через И.П. Арапетова Милютиной — (жене военного министра) — и завтра же Эмилия Федоровна получит от меня записочки с обозначением адресов[1]. Пока сегодня прибавить нечего; одно могу сказать: завтра, вероятно, будет подписан мир в Константинополе, так как завтра день вступления государя на престол — и много важных указов (об освобождении крестьян и пр.) было подписано именно в этот день[2].

Обнимаю Вас.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

4965. М.П. ДРАГОМАНОВУ

17 февраля (1 марта) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 1-го марта 78.

Милостивый государь!

Я давно собирался отвечать на Ваше большое письмо и присланные брошюры[1]; но все не мог выискать свобод-

ного времени — и теперь еще должен отложить это удовольствие до другого, впрочем не отдаленного, дня. — В прошлое воскресение я Вам написал несколько строк[2] о довольно серьезной болезни нашего общего приятеля Рольстона[3], который еще на прошлой неделе должен был поехать к Вам в Женеву; но я имею причины предполагать, что мое письмо вовсе не было отправлено; и потому мне приходится, на всякий случай, уведомить Вас, что болезнь его (острый ревматизм), к сожалению, не ослабела с тех пор — и эпоху его выздоровления определить невозможно. — Вероятно, эта болезнь заставит его изменить все его планы[4]. — Он находится здесь в гостинице (Hôtel Byron, 20, rue Laffitte) — уход за ним хороший; приятели его посещают, старик отец прибыл к нему из Лондона; опасности нет — но он весьма слаб и не поднимается с постели. Жаль его, бедного: всё его путешествия ему не удаются.

Отлагаю нашу беседу до другого раза — а теперь прошу Вас принять уверение в искреннем моем уважении.

Ив. Тургенев.

4966. О.К. ГИЖИЦКОЙ

22 февраля (6 марта) 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.

Середа, 6-го марта / 22-го февр. 1878.

Милостивая государыня,

Мне не совсем легко ответить на Ваше письмо[1]: боюсь, как бы Вы опять не совсем верно меня поняли. Говоря о моем опасении "попасть впросак" — я просто хотел намекнуть на трудность давать советы человеку незнакомому[2]. Вот и теперь: Вы желаете, чтобы я рекомендовал Вам книги для чтения. Но я не знаю, какими иностранными языками Вы владеете — и к чему, собственно, чувствуете больше влечения? — Если Вы знаете по-английски или по-немецки — возьмитесь за Шекспира или за Гёте — или за Гомера; если же Вы более склонны к научной стороне жизненных вопросов — то всеобщая история Шлоссера[3], сочинения Гиббона или, пожалуй, Мишеле могли бы Вам быть полезными. Из русских авторов больше всего изучайте Пушкина. — Подобные советы весьма смахи-

вают на общие места: но издали ничего другого говорить нельзя. — Я вижу, что Вам тяжело жить в окружающей Вас среде: но не книги помогут Вам выбраться из нее. — Советую Вам также писать, чтобы не потерять привычки излагать перед самим собою в возможно отчетливой форме собственные мысли и впечатления.

Вот все, что могу сказать Вам. Засим от души желаю Вам удачно провести до конца "жизненную битву" — и прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении.

Ив. Тургенев.

4967. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

22 февраля (6 марта) 1878. Париж

Paris. 50, Rue de Douai.
Mercredi, 6 mars.

Mon cher ami,

Permettez-moi de vous répondre aussi franchement que vous m'avez écrit[1].

Viardot ne vous en veut pas du tout d'avoir préféré la traduction de Mr Biart[2] à la sienne[3], qu'il vous offrait pourtant gratis: c'était à vous de juger ce qui vous semblait convenable. — Mais il lui a été impossible de ne pas se sentir froissé par les termes de la réclame qui a été insérée dans tous les journaux. — Non seulement sa traduction à lui était ignorée et niée — mais on y disait en toutes lettres au public qu'il posséderait *enfin* une version vraie de "D⟨on⟩ Quichotte"[4]. — Avouez que cet "*enfin*" était dur à avaler. — Je sais bien qu'une réclame est une réclame — mais il me semble qu'on pouvait la rédiger autrement — et qu'il n'était guère nécessaire de frapper Viardot dans ce qu'il considère avec raison comme l'œuvre capitale de sa vie. — Malgré tous vos arguments, je ne puis découvrir les torts qu'aurait Viardot — et je ne vois que trop les raisons qu'il a eues de se sentir blessé[a].

Je ne lui ai point parlé de votre lettre: tout cela — c'est du passé — et il est — en général — inutile de raviver les plaies.

J'ai lu avec plaisir l'étude sur mon ami Stahl dans la "Revue des Deux Mondes"[5]; — mais je doute fort qu'il y soit

---

[a] et je ne vois que trop les raisons qu'il a eues de se sentir blessé — *вписано позднее.*

sérieusement question d'une étude sur moi[6]. — J'ai rencontré tout dernièrement Buloz dans une maison tierce[7]; je ne l'avais pas vu depuis bientôt cinq ans — et, ma foi, je ne l'ai pas reconnu. — Le maître de la maison nous a présentés l'un à l'autre — et nous ne nous[б] sommes pas plus parlés qu'auparavant. — Je puis ajouter que cela m'est assez indifférent.

J'espère que le beau ciel de là-bas vous guérira complètement et que vous nous reviendrez fort comme un Hercule[8]. — Je continue à être un peu patraque — et, malgré la paix, mes préoccupations ne me quittent pas. — "Patience... et longueur de temps..."[9].

Mille amitiés et au revoir.

Votre tout dévoué
J. Tourguéneff.

4968. КОРНЕЛИИ МАРЖОЛЕН

24 февраля (8 марта) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Vendredi matin.

Chère Madame Marjolin,

Je me ferai un plaisir de vous servir de cicerone ainsi qu'à Madame Zouboff[1]. — Je verrai Antokolski aujourd'hui à l'église[2] et je l'avertirai de votre visite. — Dimanche à 2 h. je serai chez vous[3].

Mille amitiés sincères.

Votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

4969. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

24 февраля (8 марта) 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Пятница, $\frac{\text{8-го марта}}{\text{24-го февр.}}$ 1878.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Сейчас получил я Ваше письмецо от 19-го фев⟨раля⟩[1] — а также и пакет со второй частью писем Пушкина[2] — ко-

---

[б] nous — *вписано над строкой.*

торые я немедленно перечел с великим удовольствием, назло брезгливым критикам[3]. За два дня я имел от Вас другое письмо, где речь шла больше о Луканиной[4]. (Кстати, могу Вам теперь сообщить ее адресс — она мне его доставила, узнавши о Вашем запросе: Paris, Avenue des Gobelins, 31.) Будем надеяться, что Ваши пожелания насчет ее таланта сбудутся: у ней на то есть все задатки, несмотря на порядком изуродованную жизнь. — Дай Бог только, чтобы "Любушка" прошла благополучно сквозь цензурные фуркулы[5].

Ну вот и мир заключен... Дело великое! — (Однако курс наш все падает.) Не нужно быть великим пророком, чтобы предсказать, что именно произойдет на конференции (если она только состоится). А именно: будут г-да уполномоченные наперерыв *делить* Турцию — и Англия, ее великая защитница — всячески постарается выхватить самый крупный кусок — Египет, напр.[6]

Как-то мы разделаемся с наследием войны — повсеместным тифом — и дождемся ли другого наследия: представительных учреждений и т.п.?[7]

Вот и кн. Черкасский отправился в ту страну, иде же несть ни болезни, ни воздыхания, ни устраевамой[a] Болгарии![8] Предпоследний славянофил исчез — (если только кн. Ч⟨еркасский⟩ был славянофилом); последний, как известно — И.С. Аксаков. Я говорю о славянофилах старой школы; — новейших развелось много — чуть ли не сам К.Д. Кавелин попал в их число![9]

Хотел было кончить письмо — да угрызение совести удержало: не могу я, любезнейший друг, с достоверностью обещать Вам Пушкина к маю. — Вы ведь знаете мой характер — и потому распорядитесь уж лучше так, чтобы майская книжка не потерпела от моей неаккуратности. — Статья будет написана — это верно; — но когда?[10] Это менее верно... вспомните историю с "Новью". — Горбатого исправит одна могила. — Будем надеяться, что исправление это не слишком близко.

А засим жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

4970. ЭРНЕСТУ РЕНАНУ

25 февраля (9 марта) 1878. Париж

50, rue de Douai.
Samedi.
4 h.

Cher Monsieur Renan,

Vous êtes parti si vite, que je n'ai pas eu le temps de vous remercier de m'avoir admis au nombre des auditeurs de cette œuvre hérétique, que vous intitulez "Caliban"[1]. Du reste, cela va de soi; mais rentré à la maison, et après vous avoir réitéré mon admiration, je ne puis m'empêcher de vous dire que, malgré tous les arguments de[a] notre ami Ch. Edmond, — mon impression persiste: l'absence de Caliban me fait l'effet d'un manque d'équilibre — de ce que les "Wagner" allemands appellent "Abrundung"[*]. — Non que je veuille voir *agir* Caliban (là Ch. Edmond a raison) — mais il y a un sens en moi qui veut impérieusement le voir reparaître. — Supposez, par exemple, qu'au moment où Prospero s'écrie: "Vive Caliban!" — on le voie passer au fond de la scène, la couronne en tête et s'arrêtant, pour dire avec un geste quasi royal: "Merci, Prospero" ou quelque chose d'analogue (où l'ironie du poète garderait ses droits) — ne croyez-vous pas que ce serait comme le point sur l'i qui manque? — Je vous écris ceci tout chaud tout bouillant — et je vous livre mon idée pour ce qu'elle vaut — rien, peut-être. — (NB. Les gens qui entourent Prospero ne devraient rien dire, mais lui, peut-être, pourrait ajouter: "Allons, règne!"[2])

Je vous demande mille pardons de cette ingérence — mais n'y voyez qu'une preuve de plus de l'impression profonde que m'a produite cette œuvre, qui comptera même parmi ce que vous avez fait déjà[3].

Et maintenant laissez-moi vous serrer la main et me dire

votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

---

[*] Naturellement, *pas* dans le sens théâtral. — *Примеч. Тургенева.*

[a] les arguments de — *вписано над [1 нрзб], причем* tout *исправлено на* tous *в тексте.*

4971. КОРНЕЛИИ МАРЖОЛЕН

26 февраля (10 марта) 1878. Париж

Dimanche.
10 h. du matin.

Chère Madame Marjolin,

Si vous le permettez, je viendrai vous chercher en voiture à 1 h. moins le quart juste, pour être à 1 h. chez Antokolsky que j'ai vu hier[1] et qui m'a dit avoir reçu un billet pour le cirque, où l'on donne la 9-me Symphonie[2]. Il voudrait entendre cela — et le commencement est à 2 h.

Je vous serre cordialement la main.

Votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

4972. ЭРНЕСТУ РЕНАНУ

26 февраля (10 марта) 1878. Париж

Dimanche.
4 h. du s⟨oir⟩.

Cher Monsieur Renan,

"Ecce iterum Crispinus"[1] — vous direz-vous peut-être en recevant ce billet: mais j'ai à vous parler d'autre chose que de Caliban[2] (ce n'est pas qu'il ne me soit pas venu des idées qui me confirment dans mon impression — p⟨ar⟩ e⟨xemple⟩: la mort d'Ariel — qui doit terminer le tout, comme un bel accord — veut être motivée par quelque chose d'aussi gros et de visible que le couronnement de Caliban; l'exclamation de Prospero ne pourrait être après tout qu'une boutade, une expression de dépit momentané, etc.[3]). — Mais voici de quoi il s'agit: Antokolsky, que j'ai vu aujourd'hui[4], m'a dit que vous aviez l'intention de venir voir son Christ[5] demain lundi, à 3 $^1/_2$. — Si c'est en effet votre intention, voulez-vous que je vienne vous prendre en voiture vers 3 h.?[6] — Faites-moi dire un mot. J'ai mené Mme Marjolin aujourd'hui chez A⟨ntokol⟩-sky — elle a été très frappée de son Christ[7].

Mille amitiés

de votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

4973. СТУДЕНТАМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

28 февраля (12 марта) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Вторник, $\frac{\text{12-го марта}}{\text{28-го февр.}}$ 78.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Вы мне переслали пригласительный билет на студенческий вечер 23-го февраля, которым г-да распорядители захотели почтить меня[1]. — Позвольте же мне прибегнуть к Вашему посредству, чтобы выразить г-дам студентам мою искреннюю благодарность — и уверить их, что я высоко ценю подобный знак сочувствия нашего молодого поколения к посильным моим трудам.

Позвольте, в то же время, попросить Вас передать, от моего имени, пятьдесят рублей г-дам распорядителям в пользу бедных студентов С.-П⟨етер⟩бургского университета[2].

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

4974. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

28 февраля (12 марта) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Вторник, $\frac{\text{12-го марта}}{\text{28-го февр.}}$ 78.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Во-1-х). Прилагаю особое письмецо на Ваше имя для студентов, приславших мне пригласительный билет и при этом малую толику денег (50 рублей)[а, 1].

Во-2-х). Трепещу за судьбу "Любушки"[2], но надеюсь еще на русское божество: "Авось!"[3] — Авось оно смилуется!

В-3-х). Я, конечно, не ожидал такой бесцеремонности от редакции "Правды" — хотя следовало бы привыкнуть

[а] (50 рублей) — *вписано над строкой.*

к такого рода проделкам; — но в "*Правду*" я написал *правду*; — с[б] *моим именем* уже не явится ничего на арене русской прессы — это несомненно[4]. — "А статья о Пушкине?" — скажете Вы? — Она — точно — явится с моим именем; — но я ее пишу с задней мыслью: под последней строкой будет стоять: 1877-й год. Так что и "Правда" будет сыта — и "Вестник Европы" цел[5].

Было бы долго — и, быть может — бесполезно — излагать причины этого моего решения; вот, Бог даст, увидимся — я Вам все в подробности изложу; и, кто знает, пожалуй, убежду Вас.

Я не знаю, кто сообщил Забелле, что я нуждаюсь *здесь* в его бюсте[6]; между нами, я вовсе в нем не нуждаюсь; — но, чтобы его не обидеть, скажите ему, что я ему очень благодарен — и что я покорно прошу его оставить мой бюст в редакции "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" до моего приезда в П⟨етербург⟩.

Засим крепко и дружески жму Вам руку и остаюсь

искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

4975. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

1 (13) марта 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, 13/1-го марта 78.

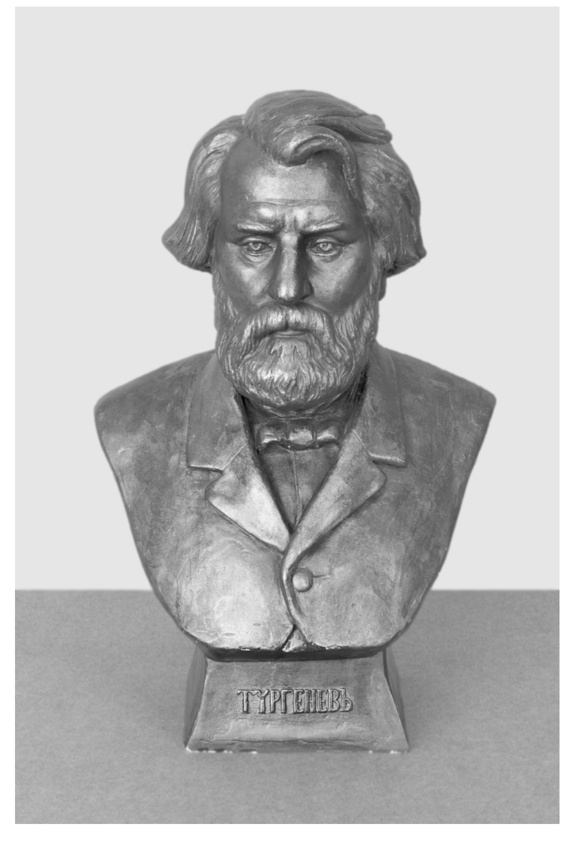
Милый Яков Петрович,

Ты пеняешь мне за мое молчание — и спрашиваешь: "Что с тобой?"[1]. — Да в том-то и штука, друг мой, что ничего со мною, и сам я ничего — и жизнь моя ничего — и не о чем писать — и сообщать нечего.

Однако это не совсем правда. — Я, как только получил вторую книжку "Повестей и романов" — сейчас прочел продолжение твоего "Нечаянно" — и остался *очень* доволен[2]. "Письмо к Музе" мне также понравилось за искренний и простой тон, не без поэтического веяния[3]. — Вот это я должен был сообщить тебе — и извиняюсь, что не сделал этого раньше.

Остальное все — мир, война, политика — это салат, которого я больше не ем по слабости желудка. Удивляюсь

[б] *Было*: под

И.С. ТУРГЕНЕВ
Бюст работы П.П. Забелло. 1877 г.

я только — из-за чего вы все так кипятитесь и горячитесь по поводу Англии? — На ее месте Россия точно так же бы поступала — может быть, не так глупо — но вы не против глупости сердитесь[4]. — Везде и всюду то же дарвиновское "battle for life"[5], а по-французски: "Ote-toi de là, pour que je m'y mette"[6].

Мне приятно слышать, что твое здоровье удовлетворительно; я также не могу пожаловаться. — О Ханыкове и Вырубове носятся слухи у вас, будто они оба очень больны[7]; а они здоровехоньки, только что один превратился в шар, а другой в спичку. — Анненков в Брюсселе — и сюда не едет[8].

О том, поеду ли я в Петербург — и когда — я сам ничего не знаю — и, признаться, мало этим интересуюсь. "Будет, что будет, а будет, что Бог даст", — говаривал Б. Хмельницкий[9]; — "Будет, что будет — и непременно будет ерунда", — говорю я. — Засим дружески кланяюсь твоим, обнимаю тебя и остаюсь

преданный тебе
Ив. Тургенев.

P.S. Кстати — ты просто статский или действительный статский советник? Это я спрашиваю для адресса.

4976. Б.А. ЧИВИЛЕВУ

1 (13) марта 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, $\frac{\text{13-го}}{1}$ марта 78.

Любезнейший Чивилев, Вы желаете получить в *четверг* письма Пушкина — а они только *сегодня* выходят в Петербурге — и раньше понедельника сюда прибыть не могут. — Следовательно, надо подождать[1].

Фотографическую карточку я Вам высылаю. Она прескверная — да другой у меня нет[2].

Я не отказываюсь от моего письма в "Правду"[3] — но редакция напрасно его напечатала. Другие газеты подхватили это письмо — и опять будут меня щелкать по этому поводу. — Но уж этого не избегнешь. Авось скоро совсем позабудут[4].

Вы спрашиваете меня, *как* распространить "Правду" между здешними русскими? — Признаюсь, все силы моего воображения недостаточны, чтобы представить себе *русского* в *Париже*, нуждающегося в русской провинциальной газете?!

Жалею об оскудении Ваших уроков; — где можно, замолвлю слово.

Желаю Вам всего хорошего и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur Boris Tchivileff.
15, Rue de Surène.
En ville.

4977. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

2 (14) марта 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 14-го марта 1878.

Любезная Аделаида Николаевна,

Я писал к Вам по новому Вашему адрессу третьего дня — и просил Вас пожаловать ко мне вчера утром — так как мне нужно было переговорить с Вами и вручить Вам пришедшие на Ваше имя две первые книжки "Вестника Европы"; но Вы не пришли — ни вчера, ни сегодня — и я начинаю думать, что мое письмо до Вас не дошло[1]. — Итак, обращаюсь к Вам по прежнему Вашему адрессу — и прошу, если возможно, пожаловать ко мне *завтра*, в пятницу, между 2-мя и 4-мя ч. — или же в субботу *до* 1 часа[2].

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Au bureau de la poste restante.
Rue Cardinal-Lemoine.
En ville.

4978. ЭРНЕСТУ РЕНАНУ

2 (14) марта 1878. Париж

Jeudi.
3 h. 1/2.

Cher Maître,

Parfait, excellent — voici tout ce que j'ai à dire. — Je suis très fier d'avoir contribué à la naissance de ce cinquième acte[1]. — La "prière des orgues" est de toute beauté[2]. — Oserais-je vous soumettre un doute? — à la page 8 — j'aurais supprimé la phrase: "qui personnifie l'esprit humain dans sa tentative fondamentale, qui est de posséder des forces de la nature"[3]. — C'est parfaitement juste et exact — mais un peu trop explicite, à mon goût. — Votre complaisance m'enhardit à vous dire tout ce qui passe par ma tête.

Mais encore une fois: c'est parfait, poétique — et il ne reste plus maintenant qu'à faire paraître "Caliban" au plus vite.

Je vous serre la main de toute la force de mon amitié et de mon admiration.

Iv. Tourguéneff.

4979. П.Л. ЛАВРОВУ

5 (17) марта 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Воскресение, 17-го марта.

Любезнейший Петр Лаврович,

Что я перед Вами виноват до безобразия — в этом, к сожалению, сомневаться невозможно; но я все еще не теряю надежды загладить свою вину.

Насчет *чтения* еще ничего не решено, хотя я уже сагитировал г-жу Луканину[1]; Вы можете быть уверены, что прежде всех узнаете о дне и часе этого события.

За известие о Воронцове — благодарю. Странно одно: он *знает*, что я собрал для него по подписке с лишком сто франков — и не является за получением!! Правда, по его словам, ему нужно *300* для своих 4 inscriptions — но другой бы на его месте начал бы с того, что эти сто фр. взял бы![2]

Кн. Кропоткин был у меня — и *крайне мне понравился.* — Очень интересная личность! — Не хотите ли совершить следующее: приходите в *середу* с ним ко мне в 12 часов, и мы пойдем в кабачок; позавтракаем и поболтаем. — Я ему напишу[3].

Материалов для Ваших лекций не забуду[4].

Во всяком случае я в середу буду дома.

Жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

4980. М.М. АНТОКОЛЬСКОМУ

6 (18) марта 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Понедельник, 18-го марта.

Любезнейший Марк Матвеевич,

Г-жа Луканина берется передать Вам эту записку, сам же я не могу прибыть с нею[1], потому что вынужден ехать в Буживаль за картинами (завтра я должен все картины сдать)[2]; — но завтра в 2 часа я Вас увижу (приеду к Вам с гостями)[3]. — Что же касается до обеда с С.С. Поляковым, то мне очень будет приятно исполнить его желание —

если ему можно в *пятницу* — то я к его услугам — или даже в *середу*; — Вы завтра мне скажете.

Пока жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

4981. ГЮСТАВУ ТУДУЗУ

7 (19) марта (?) 1878. Париж

Voici, cher Monsieur, la bizarre chose dont je vous avais parlé[1]. Je vous prie d'excuser le retard que j'ai mis à vous l'envoyer. Vous pouvez garder cela tout le temps que vous voudrez[2].

⟨Iv. Tourguéneff.⟩

4982. ЭШТОНУ ДИЛКУ

8 (20) марта 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Ce 20 mars 1878.

Cher Monsieur Ashton Dilke,

Mon ami, Mr W. Ralston (qui, par parenthèse, a été bien gravement malade[1]; il est rétabli maintenant, et retourne en Angleterre) — mon ami m'a communiqué une lettre que vous lui aviez écrit à propos de certaines expressions dans mon dernier roman[2]; — il l'aurait fait plus tôt, mais cette lettre est restée en panne à Londres. Je m'empresse de vous donner le sens des quelques mots que vous n'avez pas bien compris[3].

p⟨age⟩
32. 1.) "дантист" — est une expression d'argot pour désigner un homme de l'ancien régime ("помещик" ou "чиновник") qui faisait sauter les dents de ses subordonnés à coups de poing.
48. 2.) зяблик — pinson — chaffinch.
66. 3.) брехунцы — mot d'argot qui signifie: "jappeurs" — "barkers" ou "yelpers" — surnom donné par les paysans russes aux avocats.
94. 4.) "голосу не подавали" — se taisaient[a], ne se faisaient pas entendre.

---

[a] *Перед* se taisaient *зачеркнуто*: ne donn⟨aient⟩

100. 5.) "клеврет" — "suppôt, séide" — "a tool".
107. 6.) "станки" (pl. de станок) — établi — carpenter's bench, bank.
117. 7.) маканчики — diminutif de Макон — vin de Mâcon.
123. 8.) репейник — bardane — "burdock".
осот — laiteron — "saw-thistle".
конский щавель — oseille sauvage — "wild sorrel".
215. 9.) "назвался груздем, полезай в кузов" — proverbe dont le sens ressemble à celui de: "le vin est tiré, il faut le boire" — "Tu t'es fait passer pour un champignon, marche à la corbeille!" — (où on les rassemble, après les avoir cueillis).
10.) жимолость — chèvrefeuille du bois, sans odeur — "wild honeysuckle"[б].
219.) 11.) "выростковые" сапоги — bottes en gros cuir (de bœuf adulte — du mot: "вырасти") — en opposition à "опойковые" — (de veau qui tète encore — "опоить").
245.) 12.) "Зарезистая" (шея) — cou (de cheval) recourbé — "arched neck".
251.) 13.) дурковатый — niais, *bibiche*.
258. 14.) пигалица — courlis, oiseau de marais aux longues pattes — se dit d'une personne maigre et chétive.
299. 15.) "Запускать брандер" — expression d'argot qui signifie — flanquer du poivre, mettre une puce à l'oreille.
300. 16.) исконный — ancien, de tout temps.

La maison des Cipiaguine[в] a comme la plupart des maisons de campagne russes un rez-de-chaussée — pas habité — très bas, où sont les caves etc. — Au dessus vient le "первый этаж" — (que l'on nommerait volontiers rez-de-chaussée en France) — qui a généralement un balcon donnant sur le jardin ou la cour — avec un escalier de 5 ou 6 ou 8 marches tout au plus. — C'est, je crois, ce qu'on nomme une "verandah" — en anglais. — Le "второй этаж" serait plutôt ce que les Français appellent premier.

[б] *Последнее слово вписано над строкой.*
[в] *Далее зачеркнуто*: est

Voici, cher Monsieur, tous les renseignements voulus[4]. — Je désire fort qu'ils vous soient utiles — quoique je vous avoue franchement mes doutes sur la possibilité d'une publication *russe* — maintenant[5] en Angleterre. — Je ne vous en suis que plus reconnaissant de la peine que vous vous donnez.

J'espère que vous êtes complètement satisfait de votre séjour à Alger[6] — et je vous prie de recevoir l'expression de mes sentiments les plus sympathiques.

Ivan Tourguéneff.

4983. ИППОЛИТУ ТЭНУ

10 (22) марта 1878. Париж

Paris. 50, rue de Douai.
Vendredi, 22 mars 78.

Cher Monsieur Taine,

Je commence par vous remercier pour la "Révolution" que je viens de recevoir et que je vais me mettre à lire immédiatement[1].

Quant à l'autre objet de votre lettre (que j'ai détruite, comme vous le désirez)[2] — vous m'avez mis, comme on dit, martel en tête!! Sans être complètement de votre avis, je sens qu'au fond vous avez raison — que vous n'avez fait qu'évoquer au dehors des idées qui étaient chez moi à l'état latent — et que l'amitié même que nous portons à F⟨laubert⟩ nous impose des devoirs, peut-être pénibles[3]. Je voudrais bien pouvoir en causer avec vous à fond, avant de prendre une décision. — Indiquez-moi le jour et l'heure où je pourrai venir vous voir — à partir de *mercredi.* — Je me mets à votre disposition — et peut-être arriverons-nous à quelque résultat[4].

En attendant votre réponse, je vous serre cordialement la main.

Votre bien dévoué
Iv. Tourguéneff.

4984. М.М. АНТОКОЛЬСКОМУ

13 (25) марта 1878 (?). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник утром.

Будьте так добры, пришлите мне с сим посланным № "Вестника Европы", который я Вам дал и в котором находится "Любушка". Он мне нужен.

В 2 часа я, несмотря на погоду, прибуду вместе с моими революционерами в студию.

Весь Ваш
Ив. Тургенев.

4985. ИППОЛИТУ ТЭНУ

13 (25) марта 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Lundi matin.

Cher Monsieur Taine, j'accepte avec le plus grand plaisir votre proposition; — je viendrai chez vous jeudi à 7 h. et nous causerons[1].

Je vous serre cordialement la main.

Tout à vous
Iv. Tourguéneff.

4986. ИППОЛИТУ ТЭНУ

16 (28) марта 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Jeudi matin.

Cher Monsieur Taine,

Je viens faire appel à votre complaisance et vous présenter mes excuses. — Voici de quoi il s'agit:

On vient de nous envoyer une loge pour ce soir ("Les Misérables") — et comme je suis pour le moment le seul homme à la maison qui sorte le soir, c'est à moi de conduire ces dames[1]. — Voudriez-vous avoir la bonté de remettre notre entretien à un autre jour — je vous en laisse absolument le choix — ainsi que de l'heure[2].

Si je vous cause quelque dérangement, je vous en demande bien pardon.

A bientôt, je l'espère, et recevez l'expression des meilleurs sentiments

de votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

4987. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

17 (29) марта 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 29/17-го марта.

Любезнейший Михаил Матвеевич, прибегаю к Вам, как к известному доброжелателю и помощнику — с следующей просьбой: будьте столь великодушны, заставьте в Министерстве иностранных дел скрепить и удостоверить подпись нашего здешнего консула на прилагаемой бумаге[1] — и, совершив сие и получив обратно доверенность, перешлите ее немедленно моему управляющему, его б⟨лагороди⟩ю Николаю Александровичу Щепкину, Орловской губернии, в город Мценск, в село Спасское-Лутовиново. — С моей стороны он предупрежден... и да наградит Вас Аллах за Вашу доброту!

Употребляю турецкое выражение в ту силу, что так как мы будем воевать с англичанами — то, вероятно, нам придется скрепить узы дружбы с Турцией[2].

Сведения о "Любушке" получены и доставлены автору — тоже к сведению. Нечего делать: на немилость, как и на милость, образца нет![3]

Засим желаю Вам от души здоровья и терпенья и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

4988. Н.А. ЩЕПКИНУ

17 (29) марта 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 29/17-го марта 78.

Любезнейший Николай Александрович,

Я получил Ваше письмо с доверенностью, которую тотчас засвидетельствовал здесь в консульстве — и от-

правил в С.-Петербург к г. Стасюлевичу, с тем чтобы он распорядился засвидетельствовать подпись консула в Министерстве иностранных дел — а потом тотчас ее к Вам препроводил[1]. — Известите, как только получите ее.

Одобряю Ваше намерение сдать Кадное в аренду г. Борисову — и надеюсь, что в нем мы найдем более исправного плательщика, чем в Волнове[2].

Спасибо также за распоряжение насчет уплаты в Тульский поземельный банк и Николаю Сергеевичу[3].

Когда прилучатся свободные деньги, пришлите. Я остаюсь здесь до первых чисел мая[4].

Я получил от г-жи Екатерины Сергеевны Кирштейн из Мценска письмо, в котором она просит меня помочь ей, так как она просватала дочь свою; — перешлите ей от моего имени 15 р. сер. — с выражением сожаления, что не могу больше сделать[5].

Кланяюсь всем Вашим и остаюсь

доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

4989. Х.Д. АЛЧЕВСКОЙ

18 (30) марта 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 30/18 марта 1878.

Милостивая государыня Христина Даниловна,

Я получил Ваше письмо[1] — и, право, не знаю, как Вам ответить. — Оно меня очень тронуло. Выражения сочувствия, которыми оно исполнено, так сильны — что мне остается только благодарить[a]. — Мне весьма памятна наша встреча в Петербурге — и я очень был бы рад, если б она возобновилась[2]. — Я выезжаю из Парижа в последних числах мая — и раньше сентября туда не вернусь[3].

Письма, подобные Вашему, могли бы поколебать мою решимость оставить литературные занятия. — Но я перестаю писать не потому, что критика со мной обходится строго — а потому, что, живя почти постоянно за границей, я лишен возможности прилежных и присталь-

---

[a] *Далее зачеркнуто*: и краснеть

ных наблюдений над русской жизнью, которая к тому же усложняется с каждым годом[4].

Но мне отрадно думать, что моя посильная деятельность могла возбудить такие горячие отзвучья[б] в русских душах.

Примите, милостивая государыня, вместе с вторичным изъявлением моей благодарности — уверение в глубоком уважении и совершенной преданности

Вашего покорнейшего слуги
Ив. Тургенева.

На конверте: *Russie.* Ville de Kharkoff.
Madame Altchefski.
В город *Харьков.*
Ее высокородию
Христине Даниловне
Алчевской.

4990. А.В. ГОЛОВНИНУ

18 (30) марта 1878. Париж

...Скажу Вам в двух словах: письмо Ваше меня глубоко тронуло и несколько взволновало[1]. Если б что-нибудь могло поколебать мою решимость, то это было бы именно такое письмо. Но я вынужден сознаться, что, живя почти постоянно за границей, я не в состоянии продолжать тех пристальных наблюдений над русской жизнью, без которых невозможно воспроизводить ее с достаточной верностью и точностью[2]. В таком случае лучше умолкнуть. Воспоминание о возбужденных сочувствиях и, пожалуй, принесение пользы вполне вознаграждает за ту невольную горечь, которая всегда появляется в душе при прекращении привычной деятельности. А потому двойное спасибо Вам за то, что высказали эти сочувствия ⟨...⟩

⟨...⟩ Впрочем, мне теперь не до литературы. Я очень встревожен настоящим положением наших дел. Могу сказать, что я никогда не обманывался насчет его неизбежности и самый мир с Турцией меня обрадовал мало[3]. Война с Англией мне казалась всегда необходимым дополнением и последствием восточного вопроса. Все это

[б] *В тексте первой публикации*: отзвуки

издавна подготовлено самой историей. Не сомневаюсь в том, что в конце концов турецкие славяне будут освобождены и их притеснители изгнаны, но Россия надолго будет разорена, и не увидеть нам внутренних, столь необходимых реформ[4]. Желаю быть дурным пророком, но будущее представляется мне в мрачных красках ⟨...⟩

4991. ГЕНРИ ДЖЕЙМСУ

18 (30) марта 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Samedi, 30 mars 78.

Mon cher ami — (vous me permettez, n'est-ce pas? de vous écrire en français) — il y a longtemps que j'aurais dû répondre à votre aimable et longue lettre — (qui a été bientôt suivie de l'envoi de votre livre)[1] — mais toutes sortes d'affaires et de préoccupations m'en ont empêché — et je vous fais mes excuses. — (Je vous remercie en même temps pour votre livre que je me promets de lire à tête reposée.)

Votre lettre était pleine de bonnes et cordiales paroles à propos de la paix qui venait d'être conclue entre mon pays et la Turquie; — elles m'ont fait du bien, en me prouvant une fois de plus votre sympathie; — mais je n'ai pas eu un moment d'illusion. — Je pressentais l'inévitabilité de la guerre entre la Russie et l'Angleterre — et tout ce qui se disait du Congrès, des solutions diplomatiques — m'a trouvé absolument incrédule. — Cette guerre se fera — elle était désignée longtemps d'avance — la question d'Orient ne pouvait pas finir autrement; elle sera longue et dure, cette guerre; j'espère qu'elle finira par l'expulsion des Turcs et la libération des nationalités slaves, grecques et autres; mais mon pays restera ruiné pour longtemps — et mes yeux ne verront même pas le commencement des réformes qu'on nous promettait à l'intérieur. — Vous comprendrez aisément qu'avec des convictions pareilles je vois l'avenir en noir — et vous me permettrez de ne plus m'appesantir sur ce sujet[2].

Je suis resté à Paris plus longtemps que je n'en avais eu l'intention; mon voyage en Russie est remis à la fin du mois de mai, après l'ouverture du Salon et de l'Exposition Universelle[3]. — Vous verra-t-on d'ici là?

Je suis très heureux d'apprendre que vous êtes en bonne santé et que vous travaillez. — Je ne puis pas me plaindre non plus de ma santé, — quant au travail: — — "Adieu, paniers; vendanges sont faites"[4].

Je vois assez rarement la p-sse Ouroussoff et Joukofski; — cependant je sais qu'ils vont bien[5].

Notre ami commun, Ralston, a été très gravement malade ici; — il a fini par pouvoir retourner en Angleterre — et j'espère qu'il va se rétablir définitivement dans l'air natal[6].

Je vous serre bien cordialement la main et me dis

votre très dévoué
Iv. Tourguéneff.

4992. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

18 (30) марта 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 30/18-го марта 1878.

Милостивая государыня Любовь Яковлевна!

Спешу отвечать на только что полученное мною Ваше письмо.

Я Вашей повести в "Русском вестнике" не читал — но помню — довольно, впрочем, смутно — что по ее поводу была полемика в газетах[1]. Полемика эта, вероятно, теперь позабыта и не помешала бы появлению Вашего нового труда[2] в одном из "толстых" журналов. Изо всех этих журналов я состою в сношениях только с "Вестником Европы" — и переписываюсь с редактором, г. Стасюлевичем. Я не знаю за ним никакой "брезгливости" — и он, конечно, примет с охотою всякое произведение, в котором признает печать таланта. На мою рекомендацию он во всяком случае обратит внимание, хотя и мне случалось испытывать отказ не однажды. Но мне невозможно говорить о произведении, мне неизвестном; и потому — либо потрудитесь прислать мне Вашу повесть сюда (я выезжаю отсюда в первых числах мая), либо подождите моего приезда в Петербург[3].

В глазах остальных г-д редакторов моя рекомендация может только повредить Вам.

В ожидании Вашего ответа прошу принять уверение в совершенном уважении

Вашего покорнейшего слуги
Ив. Тургенева.

На конверте: Russie. Ville de Toula.
Mlle Stetchkine.
В Тулу.
Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне
Стечькиной.

4993. П.В. АННЕНКОВУ

20 марта (1 апреля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник, 1-го апр. 1878.

Любезнейший друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, все эти дни собирался к Вам писать — да как-то скверно было на душе — и не хотелось брать перо в руки. — Впрочем, мое молчание не от болезни происходит: я достаточно здоров. — "Так как-то!" — как выражается Хлестаков, цитируя слова Пушкина[1], письма которого решительно не понравились нашей благоприличной публике[2].

Я уже получил от двух-трех лиц (между прочим, от б-ссы Раден[3]) запросы: отчего, мол, не едет рекомендованная Вами д-ца Петерсен? Но вот теперь она в Петербурге — и этим лицам придется доказать на деле, что они посылали мне эти запросы не из одного любопытства[4].

Я прочел Луканиной Ваш — в сущности — благоприятный отзыв[5]. — Она очень была довольна. — Мне кажется талант ее настолько сильным, что она сладит с своими недостатками. — Но вот беда: Стасюлевич мне пишет[6], что его за "Любушку" — *призывали* и делали внушения...[7] что должно невыгодно отразиться на следующих произведениях того же автора. Придется и сим юнцам тоже потерпеть, как и мы в наше время. — Перемелется — мука выйдет; — а может быть, ничего не выйдет, что тоже — "не суть важно".

А важно то, что с нашими бедными деньгами становится — и что еще будет, когда возгорится эта новая, не-

избежная война с Англией[8]. Пойдем мы по́ миру с Вами, друг Павел Васильевич. — Я уж и так решился продать все свои картины с аукционного торга: хоть что-нибудь вернуть из безумно просоренных денег![9]

Аукцион этот совершится 21-го апреля... а в первых числах мая я, посмотрев на выставку, улизну в Карлсбад — а оттуда в Россию[10].

Сюда приехала другая статуя Антокольского: "Мертвый Сократ" — и едва ли она не замечательнее еще его "Христа"[11].

Засим обнимаю Вас, кланяюсь Вашим и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: *Belgique.*
Monsieur Paul Annenkoff.
37, Rue Montoyer.
Bruxelles.

4994. П.Л. ЛАВРОВУ

20 марта (1 апреля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник, 1-го апр.

Любезнейший Петр Лаврович,

Сегодня составилась программа нашего утра — (спасибо за адресс г-жи Тимановой — но мы обойдемся без нее) — но произойдет это утро не раньше *вторника, 16-го апр<еля>*[1]. — Было бы долго да неинтересно — излагать Вам причины этого замедления. — Все равно: мы бы больше одного чтения дать не могли.

В свое время Вы получите программы и билеты.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Черкните слово о кн. Кропоткине и прочих, если знаете.

4995. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

25 марта (6 апреля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 6-го апр. / 25-го марта 1878.

Любезнейший Михаил Матвеевич, письмо Ваше от 20-го марта/1-го апр⟨еля⟩ получил и отвечаю по пунктам.

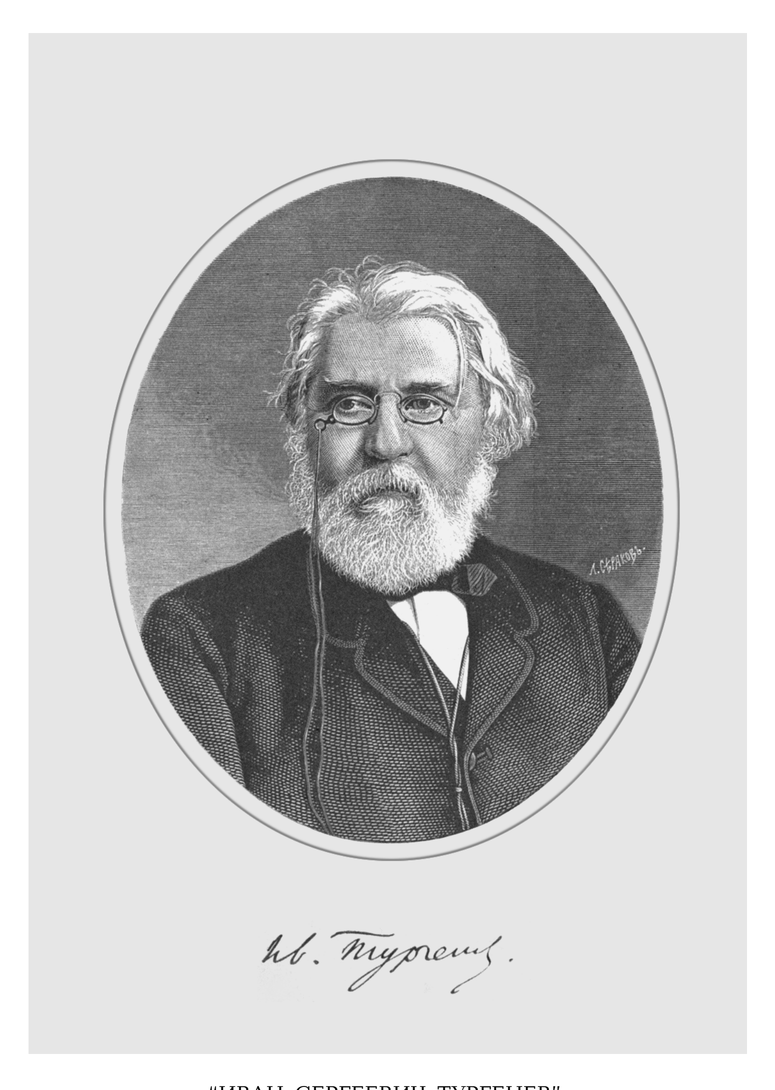
1.) С магазином Иогансена, точно, вышло недоразумение, в коем я виноват. — Корректуры получены — и я бы Вам низехонько поклонился, если бы, проезжая по Невскому, Вы бы зашли к нему и сообщили, что *исправленные* корректуры отправляются к нему послезавтра, в понедельник[1]. — Кстати, радуюсь успешной продаже моего тома в "Русской библиотеке"[2]; будет на что печатать романсы.

2.) Луканину я видел на днях; и мы с ней окончательно прошли и выправили ее вторую повесть[3], которая будет Вам доставлена раньше *23-го апр<еля>*, срока, назначенного Вами, по ее словам. — (Из сего Вы можете заключить, что она Ваше письмо получила[4]; — а если не отвечала, то тут действовало обычное женское да еще эмигрантское легкомыслие.) — Живет она действительно на той квартере, адресс которой я Вам послал — и выехать из Парижа не собирается. — Вторая ее повесть тоже очень хороша и *умна.*

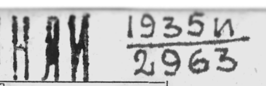
3.) Комиссию Вашу в Берлине исполню со всевозможной аккуратностью[5]; но попаду я туда позднее, чем предполагал — по следующей причине. — Тяжелые обстоятельства, в которых мы обретаемся, заставили меня прибегнуть к мере, которую я всячески откладывал... А именно: я продаю гуртом с аукционного торга *все* мои картины[6] — и эта продажа произойдет *20*-го[a] апреля. Я много на них потеряю — это несомненно; — но хоть часть денег верну. — Следов., мне придется выехать после 1-го мая, так как нельзя же будет не пожертвовать несколькими днями, чтобы присутствовать при открытии Всемирной выставки[7]. Если Ваше поручение может потерпеть до того времени — тем лучше!

---

[a] *Подчеркнуто двумя чертами.*

"ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ".
Сборник произведений И.С. Тургенева,
выпущенный М.М. Стасюлевичем
в серии "Русская библиотека" (СПб., 1876).
Фронтиспис и титульный лист

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА

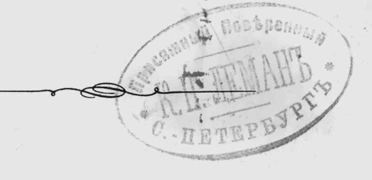
VI

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА.
РУДИНЪ.—АСЯ.—ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО.—ДЫМЪ.
ОТЦЫ и ДѢТИ.

Портретъ—Біографія.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1876

4.) Экземпляр "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" на имя Луканиной мною был[б] получен и немедленно выдан по принадлежности[8].

5.) Вообразите! меня какой-то А.В.[9] письменно предуведомил, что сыновья Пушкина нарочно едут в Париж, чтобы поколотить меня за издание писем их отца! — Почему же меня — а не родную сестру, разрешившую печатание? — Впрочем, я полагаю: это просто сплетня, если не мистификация.

6.) О политике я также мало буду говорить Вам, как Вы мне — и по той же причине: боюсь расшевелить желчь.

Засим жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

4996. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

25 марта (6 апреля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Суббота, 6-го апр. / 25-го марта 1878.

Любезный брат,

Я несколько позамешкал ответом на твое последнее письмо[1]; — хотел сообщить тебе что-нибудь успокоительное насчет наших восточных дел; — да, видно, этого не дождешься. — Войны с Англией нам не миновать; — и чем мы будем больше мешкать, тем хуже. — Ей слишком выгодно и сподручно воевать с нами; и никакие уступки с нашей стороны ее не удовлетворят. Для нас — это будет нечто вроде разорения, но надо уметь черту в глаза смотреть[2].

Лично мне было бы приятно, чтобы разрыв — неизбежный — не произошел раньше двух недель: в субботу, *20-го* апр⟨еля⟩, продаются с аукциону все мои картины — и хотя я наперед знаю, что много на них потеряю, но в случае войны — они пойдут почти что задаром[3]. — Делать нечего!

Я удивляюсь, почему ты остановился именно на истории de Mr Nikolaïtis, poète russe? — Этаких уток ежедневно появляются десятки; они большей частью придумываются г-дами репортерами, получающими

[б] *Далее зачеркнуто*: выдан

50 сантимов за строку. — Вся правда в *этой* утке состоит в том, что некто Jacquot, Parisien pur sang, выдал себя за *графа*[a] Синявина — и надул одного ювелира на несколько тысяч франков[4]. — Завтра такой же Жако выдаст себя за лорда Тичборна[5] и тоже попробует надуть кого-нибудь, благо порода "des badauds" не перевелась; послезавтра это будет Duc de Serra-Mendosa, а там барон von Grossmann — et sic in infinitum. — Вот и будет чем питаться репортерам.

Радуюсь, что ты решаешься прекращать ссуды под залоги; — отчего не извлекать пользы из своих денег?.. да *эта* манера как-то зазорна[6]. — Теперь же так легко найти верные бумаги, приносящие 6 и даже 7 процентов.

Мне очень досадно, что твоя нога все еще тебя мучит; — не могу себе представить, как это не заживить ранку? Воля твоя, я на твоем месте при первой возможности поехал бы на какие-нибудь известные в этих случаях воды — в Крейцнах например.

Засим дружески тебя обнимаю и остаюсь

любящий тебя брат
Ив. Тургенев.

4997. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

31 марта (12 апреля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 12-го апр. 78.

Любезная Аделаида Николаевна, я все эти дни Вас поджидал с копией, хотя день нашего чтения все более и более отдаляется[1]. — Мне нужно переговорить с Вами два слова — и потому не зайдете ли Вы в воскресение *до* 12-ти часов?

Примите уверение в искреннем уважении

преданного Вам
Ив. Тургенева.

На конверте: Madame A. Loukanine.
31, Avenue des Gobelins.
En ville.

---

[a] *Подчеркнуто двумя чертами.*

4998. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

31 марта (12 апреля) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Пятница, 12-го апр. / 31-го марта 1878.

Любезнейший Михаил Матвеевич — сие письмецо есть не что иное, как благодарственный поясной поклон за Ваши хлопоты по случаю присланной мною доверенности![1] Да воздаст Вам сторицею Аллах!

О Луканиной и ее второй повестушке я уже Вам писал[2] — а о себе остается сказать, что телом я бодр, духом же немощен — а почему немощен — этого, я полагаю, Вам изъяснять нечего.

Дружески жму руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

4999. П.Л. ЛАВРОВУ

2 (14) апреля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Воскресение утром.

Любезнейший Петр Лаврович,

Наше злополучное утро[1] отложено до *будущего понедельника*, 22-го апр⟨еля⟩ — (но на этот раз наверное). Вы можете быть покойны: Вы *прежде всех* получите билеты и программы.

Жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. А что Вы скажете об оправдании Засулич?[2] Signum temporis!

5000. Г.О. ГИНЦБУРГУ

4 (16) апреля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник утром.

Любезнейший Гинцбург,

Только вчера узнал я, что Вы вернулись из Петербурга, и хотел было навестить Вас — но не удалось. Надеюсь встретиться с Вами вечером на нашем художественном собрании[1]. — Пока посылаю Вам[а] билет на особый вход на выставку[б] моей продажи, имеющей быть в[в] субботу[2]. — Вы, может быть, слышали, что я продаю свои картины. Каталог я Вам выслал вчера[г, 3]. — Да кроме того, у меня есть до Вас следующая просьба.

Мы, здесь находящиеся русские, решились отправить — вероятно, известного Вам нашего молодого соотечественника — певца Спасского в Россию, в Петербург, где, вследствие протекции Адлерберга и обещаний директора театров Кистера — он может начать свою карьеру, к которой он вполне приготовился двухлетней работой в Италии[4]. — А здесь он должен пропасть — "как червь капустная". — Но для этого — т.е. для путешествий и пр. — нужны деньги: 1000 фр. — Мы уже собрали *650* — и есть надежда получить еще около 200... Не захотите ли Вы помочь доброму делу? Зная Вашу щедрость и добродушие, все с Вас таскают... это мне известно; но, может быть, на этот раз Вы примете в уважение нашу рекомендацию. — Лично я был бы Вам очень благодарен — и могу только присовокупить, что г. Спасский вполне заслуживает сочувствия и поддержки.

До свидания — дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[а] *Далее зачеркнуто*: каталог
[б] билет на особый вход на выставку — *вписано над строкой.*
[в] *Далее зачеркнуто*: среду
[г] *Это предложение вписано над строкой.*

CATALOGUE

DE

TABLEAUX MODERNES

PAR

Daubigny, Diaz. J. Dupré, Chintreuil, Ch. Jacque, Vollon, etc., etc.

TABLEAUX ANCIENS

PAR

C. Decker, Vander Neer, D. Téniers, S. Ruysdaël, etc.

Formant la Collection de M. IVAN TOURGUÉNEFF

Deux importantes Compositions par A. CUYP

Tableaux de : J. Ruysdaël, Ph. Wouwerman, Peters Codde Vander Poël, etc.

Formant la Collection de M. X.

DONT LA VENTE AURA LIEU

HOTEL DROUOT, SALLE N° 8

Le Samedi 20 avril 1878

A DEUX HEURES.

Par le ministère de M° **CH. PILLET**, Commissaire-Priseur,
10, rue de la Grange-Batelière,

Assisté de **M. E. FÉRAL**, peintre-expert, 54, rue du Faubourg-Montmartre,

Chez lesquels se trouve le présent Catalogue.

EXPOSITIONS { *PARTICULIÈRE :* le Jeudi 18 Avril 1878.
PUBLIQUE : le Vendredi 19 Avril 1878.

DE UNE HEURE A CINQ HEURES

КАТАЛОГ КАРТИН,
принадлежавших И.С. Тургеневу
и представленных на аукционе 20 апреля н. ст. 1878 г.
Титульный лист

TABLEAUX MODERNES

ANASTASI.

1 — Vue prise en Hollande. — Effet de soleil couchant.

Une rivière occupe le centre du tableau; à gauche, une digue; sur le devant, terrain marécageux; au fond, à droite, des arbres et des maisons.

Signé à gauche.

Bois. Haut., 28 cent.; larg., 42 cent.

ATTENDU.

2 — Le Thé.

Des tasses en porcelaine de l'Inde, une théière en métal anglais, une brioche, des biscuits dans un plat, etc.; le tout sur une serviette et posé sur une table.

Signé et daté 75.

Toile. Haut., 60 cent.; larg., 90 cent.

КАРТИНЫ "НОВЕЙШИХ" МАСТЕРОВ
из собрания И.С. Тургенева.
Страница каталога

TABLEAUX

MODERNES ET ANCIENS

Composant la Collection de

M. IVAN TOURGUÉNEFF

EXPOSITION PARTICULIÈRE

HOTEL DROUOT, SALLES Nos 8

Le Jeudi 18 Avril 1878, de 1 heure à 5 heures 1/2

COMMISSAIRE-PRISEUR — Me CH. PILLET

EXPERT — M. E. FÉRAL, PEINTRE

ВХОДНОЙ БИЛЕТ НА ВЫСТАВКУ-АУКЦИОН КАРТИН, ПРИНАДЛЕЖАВШИХ И.С. ТУРГЕНЕВУ

5001. П.Л. ЛАВРОВУ

4 (16) апреля 1878

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 16 апр. 78.

Любезнейший Петр Лаврович!

Бочка Данаид[1] совершается въявь и воочию; — оказывается — что будущая неделя — (в течение которой предполагалось наше чтение) — *Страстная* — и, конечно, ни один россиянин не пошел бы нас слушать — а *священник* не взялся бы раздавать билеты! — Поневоле приходится отложить это чтение до *понедельника, 29-го числа*, — и возложить упование на Всемогущего Бога, Который наконец смилуется над нами. — Повторяю, Вы будете извещены, прежде чем получите билеты и т.п.[2]

Будьте здоровы и до свидания.

Ваш
Ив. Тургенев.

5002. А.П. БОГОЛЮБОВУ

Март – начало апреля ст. ст. 1878. Париж

50, Rue de Douai.
Середа, 9 $^{1}/_{2}$ ч. утра.

Любезнейший Алексей Петрович, я должен выехать сегодня в 11 часов[1] – и потому не трудитесь приходить ко мне. – Впрочем, повторяю свое поручение, так как Вы столь добры, что берете на себя этот труд. – За 25 000 фр. отдаю своего Руссо...[2] Если нельзя – как-нибудь иначе перебьемся.

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5003. М.М. АНТОКОЛЬСКОМУ

7 (19) апреля 1878. Париж

50, Rue de Douai.
Пятница.

Любезнейший Антокольский, по мнению Виардо – можно выставить *обе* статуи Христа[1], разумеется в разных комнатах. Что же касается до евангельского текста, то я не мог еще найти латинской Библии – и придется спросить у какого-ли⟨бо⟩ священника – какой, собственно, текст: вероятно, так:

Ignosce eis – quia nesciunt quod agunt.

Но тут надо быть точным; и я сегодня постараюсь достать и передать Вам настоящий текст[2].

Крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Билеты Вы получили?[3]

5004. М.М. АНТОКОЛЬСКОМУ

8 (20) апреля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 20-го апр. утром.

Любезнейший Антокольский,

Я со вчерашнего дня в постели!! И не только не могу присутствовать на моей продаже — но наверное не знаю, когда буду в состоянии выйти — (хотя припадок, кажется, легкий). — Что будет с моими картинами!! Вероятно, провалятся[1]. Мне особенно было б жаль, если б мой Daubigny, который мне стоил 4500 фр. — пошел плохо[2]. — Нельзя ли сказать — или, лучше, шепнуть словечко Полякову? — Хотя уже и так мне несколько совестно перед ним. — Но картина эта отличная, и жаль ее похерить.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5005. П.В. АННЕНКОВУ

11 (23) апреля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 23/11-го апр. 78.

Любезнейший друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩,

Ваше письмо застало меня в постели, куда меня снова — (на сколько времени — неизвестно) уложила подагра[1]. — Из сего явствует, что ответить на вопрос о времени моего отъезда из Парижа — мне с точностью невозможно[2]. — Предполаг*ал* я выехать отсюда тотчас после *15-го* мая — (дня открытия *живописной* выставки[3]) — но теперь я, как Сократ, знаю только то, что ничего не знаю. В последнее посещение подагры — она продержала меня в постели *6* недель; сколько ей будет угодно назначить на этот раз — не ведаю; лежу уже 5-й день — и колено принимает все более и более чудовищные формы.

Что же касается до *Международной* выставки, то, я полагаю — хоть и далеко не все будет готово к 1-му мая, однако открытие будет серьезное. — Но вернее приехать неделю спустя[4].

Мне нечего говорить, как я буду рад увидеть Вас и поговорить с Вами — хотя предметы наших бесед будут свойства мало радостного. — Я продолжаю твердо верить в войну с Англией[5]. — О том, что происходит внутри России — лучше ни слова; скажу только, что давно ничто не возбуждало во мне такого негодованья, как статьи Каткова, Любимова и др. в "М⟨осковских⟩ в⟨едомостях⟩"![6] — "Cela fait tache sur la boue", — как гаваривал Ривароль[7]. — Рано мы с Вами родились, любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩; — мы увидим только одни безобразия нарождающегося нового времени — а что оно нарождается — в этом я не сомневаюсь.

Кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

5006. РУДОЛЬФУ ЛИНДАУ

17 (29) апреля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Lundi matin.

Mon cher Lindau,

J'ai longuement réfléchi à la proposition de votre frère, etc.[1] Toute réflexion faite, je viens vous prier de m'excuser auprès de lui: je ne puis pas tenir ma promesse. Le jour même de votre visite j'ai reçu un № de la "Gazette de Moscou"[2] qui donnait les fragments d'une 10-e de journaux allemands ("Cölnische Zeitung"[3], "Nationalzeitung"[4], "Neue Freie Presse", "Presse" — celle-là même qui publie le feuilleton "Russland der Flecktyphus Europa's" — etc.[5]) tous à propos de l'affaire Zassoulitch, et tous la considérant comme un symptôme grave de l'état des affaires en Russie, comme une preuve qu'il y a du "foul" dans notre ordre de choses. Je me hâte de dire qu'ils ont raison et que si je devais parler de cette affaire, j'aborderais dans leur sens; mais voyez ce qu'il en arriverait. Tous ces journaux naturellement se jetteraient sur mes paroles pour les citer à l'appui de leur opinion — ils ne seraient que trop contents de se fonder sur mon "autorité" — précisément à cause de ce "Seherblick" dont vous avez parlé; et immédiatement après j'apparaîtrai aux yeux du public russe comme un ennemi, comme un allié de ceux qui l'attaquent et voudraient le mettre à la raison.

Il y a déjà assez de haine amassée contre moi en Russie depuis mes derniers ouvrages[6], pour que je ne me soucie pas de l'augmenter. Et puis, étant officiellement rentré dans le silence dans mon pays — comment pourrai-je le rompre ailleurs?[7] Je suis sûr, mon ami, que vous-même, en réfléchissant à tout ce que je vous dis là, vous me donnerez raison — et je n'ai qu'à vous réitérer ma prière de m'excuser auprès de votre frère. *Es geht nicht*.

Je vous serre cordialement la main et suis

votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

5007. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

17 (29) апреля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник, 29/17-го апр. 1878.

Милый Яков Петрович,

Сегодня получил твое письмо[1] — и сегодня же отвечаю: видишь, какой я аккуратный. — И для вящей аккуратности буду писать по пунктам.

1.) Пишу тебе лежа в постели. — Вот уже 12-й день, как меня свалил сильнейший припадок подагры в обоих коленях — и сколько еще придется пролежать — неизвестно. — Жаль, что только с этой стороны я становлюсь похожим на Гейне[2].

2.) Твои пени насчет моего литературного молчания — очень дружественны и милы — но сущность дела не меняют. Чтобы писать — особенно теперь — надо жить в России; жить я там постоянно не могу; ergo: писать не следует. — А что теперь слышатся голоса, которые об этом якобы[а] сожалеют[3] — это тоже ничего не значит: попробуй я черкнуть строку — те же самые голоса завопят: "Вишь, старый фразер, не выдержал!". — Вообще мне следует теперь держаться подальше от литературы — вон, говорят, сыновья Пушкина собираются ехать в Париж бить меня за напечатание писем их отца. — Пускай они по крайней мере начнут с собственной сестры, которая[б] мне это разрешила[4].

[а] якобы — *вписано над строкой.*

[б] *Далее зачеркнуто*: им

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ИСКУССТВЪ, ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Томъ IV. Контора журнала помѣщается: въ Захарьевской улицѣ, д. № 7. 30 Іюля 1878 г. Цѣна за годъ, съ пересылкою, 12 р. Въ отдѣльной продажѣ за номеръ 30 к. № 29.

Ю.П. ВРЕВСКАЯ
В ФОРМЕ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ.
Политипаж. 1878 г.

3.) Хотя я вовсе не разоренный человек, однако делишки мои настолько крякнули, что я действительно вынужден был продать свою галерею[5]. — Я это совершил и потерпел поражение вроде Седана[6]: полагал потерять на них 6 000 фр. — а потерял целых 12 000. — Время было выбрано плохое — да к тому же и приятели — особенно русские — до щегольства дружно не поддержали меня. — Черт с ними и с картинами! (Руссо своего я, однако, не продал[7].) Но что до тебя касается, милый Я⟨ков⟩ П⟨етрович⟩ — я почту за особенное счастье быть твоим кредитором до конца дней моих — и, следовательно, тебе беспокоиться нечего; да и до бедности мне еще далеко.

4.) Я сам ежедневно с особым чувством скорби и жалости — вспоминаю о бедной баронессе В⟨ревской⟩ — и твое стихотворение в "Н⟨овом⟩ в⟨ремени⟩" вызвало слезы на мои глаза[8]. — Чудесное было существо — и столь же глубоко несчастное!

5.) Ты напрасно думаешь, что я твоего романа не читаю. Как только является желтая книжка прибавлений к "Неделе" — я первым делом проглатываю "Нечаянно" — и очень им доволен, несмотря на критику Гайдебурова[9].

6.) О Черняеве мы с тобой условились не говорить[10].

7.) Чуйко приму с подобающим радушием[11]. Венгеров — хлыщ, но не без чутья[12].

8.) Мой бюст (лепки Забелло) не мог тебе понравиться — ибо он есть (это между нами!) говно собачье[13].

9.) Как только я стану на ноги, я уеду в Карлсбад[14] — а дальше ничего не знаю.

Кланяюсь всем твоим и обнимаю тебя.

Ив. Тургенев.

5008. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

17 (29) апреля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник, 29/17-го апр. 1878.

Любезный брат,

Пишу тебе в Москву, ибо узнал от своего управляющего, что ты туда уехал (значит — тебе полегчило, чему я порадовался); и пишу тебе из постели, в которой я лежу

вот уже 12-й день по милости сильнейшего припадка подагры в обоих коленях — и сколько еще пролежу — неизвестно; в последний раз я отдежурил 38 дней. — Перспектива невеселая.

Как только я в состоянии буду ходить, уеду в Карлсбад — а оттуда в Россию[1].

Недавно я продал свою коллекцию картин — и потерпел поражение вроде Ватерлоо[2]. Думал потерять 6000 — а потерял 12 000. — Во-первых — время выбрал скверное; а во-вторых, меня подвели, т.е. надули — дали мне для выставки и продажи три последних дня на Святой неделе, когда никто ничего не покупает. — Ну — черт с ними!

Послезавтра здесь открывается выставка: говорят — чудеса небывалые[3]. — Я буду в это время лежать в постели.

Обнимаю тебя, желаю тебе выздороветь совершенно и остаюсь

любящий твой брат
Ив. Тургенев.

5009. Н.А. ЩЕПКИНУ

17 (29) апреля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
29/17-го апр. 1878. Понедельник.

Любезный Николай Александрович,

Извещаю Вас, что деньги, 1300 руб., мною от банкира Дютфуа получены.

Благодарю за исполнение всех моих комиссий.

Надеюсь, что суд прикрутит плута Волнова и поможет нам отделаться от него[1]. — Желаю также, чтобы надежды, возлагаемые Вами на г. Борисова, оправдались[2]. Буду ждать Ваших ведомостей[3].

О себе я, к сожалению, не могу сказать ничего хорошего. Вот уж скоро две недели, как я лежу в постели, настигнутый сильным припадком подагры. — Не могу еще сказать, когда поднимусь.

Кланяюсь всем Вашим и остаюсь

искренний доброжелатель Ваш
Ив. Тургенев.

5010. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

18 (30) апреля 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 30/18-го апр. 78.

Вот, любезнейший Михаил Матвеевич — *инвентарий* настоящей минуты:

1.) С 15-го апр⟨еля⟩ я лежу в постели с подагрой в обоих коленях — и хотя мне несколько легче, но когда я встану? — неизвестно; — и вообще я теперь похож на Сократа: знаю только то, что ничего не знаю[1] — ни насчет отъезда, ни на всяческий счет.

2.) Продал свои картины с аукционного торга[2] — и потерял на них ровно половину денег, которых они мне стоили: счастливая и выгодная операция!

3.) "Думушка" — (третья повестушка Луканиной) — отправлена к Вам вчера; — вторую — "Березай" — Вы уже получили, по ее словам. — По моему соображению, лучше сперва напечатать "Думушку". — А там, гораздо позже, когда г-жа Луканина[a] покажет себя читателю в настоящем своем виде, говорящей своим языком — можно будет обратиться и к "Березаю"; а то, пожалуй, этот легендарный тон может несколько прискучить[3].

4.) Со времени посещения моей хозяйки (так я теперь, поневоле, величаю подагру) — я несколько ночей сряду не спал — и в эти длинные, длинные часы — Засулич[4], Юханцев[5], Корш с своим запрещенным "Северным вестником"[6], московская история[7], киевская история[8], одесская история[9], г-н Катков, г-н Любимов[10], Сан-Стефанский трактат[11], наш милый курс, неизбежность войны, Бисмарк, конференция — такой совершали в голове моей фантастический вальс, что я не понимаю, как она не лопнула! Впрочем, этот вальс продолжается и доселе... только я отупел и, как англичане, повторяю: "What next?" — А здесь, "ничтоже сумняшеся" — открывается завтра выставка[12] со всем возможным помпом, треском и громом, в присутствии нескольких венчанных, развенчанных и полувенчанных особ! — Как бонапартисты и другие "патриоты" ни старались и ни кричали — а на вот тебе! —

---

[a] *Было*: она

Ничто так не утвердит республики во Франции, как успех выставки — а, кажется, он несомненен.

Как и следовало ожидать, русское отделение не только не готово — но даже не начато. Г-да комиссары только вчера приехали и — первым делом — обедают сегодня вместе. — А там что Господь даст!

5.) История с Засулич взбудоражила решительно всю Европу. — Вчера в "Bien Public" была статья "Fêtons nos héros"... и кто же эти héros? Вольтер[13] — и Засулич. — Из Германии я получил настоятельное предложение написать статью об этом процессе, так как во всех журналах видят интимнейшую связь между Марианной "Нови" — и Засулич — и я даже получил название: der Prophet[14]. — На означенное предложение я, разумеется, отвечал отказом.

Все сие... "тень, бегущая от дыма"[15]. Будьте здоровы — и долготерпеливы. — Кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5011. ПОЛИНЕ БРЮЭР

19 апреля (1 мая) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mercredi, 1-er mai 78.

Chère fillette,

J'avais oublié de te remettre la quittance que ton mari avait donnée à Mr Chamerot; — je te l'envoie biffée et déchirée; jette-la au feu.

Je vais un peu mieux — quoique je ne quitte pas encore mon lit. Des coups de canon viennent de nous annoncer l'ouverture de l'Exposition[1]; il y a eu des rafales de pluie — maintenant il fait beau.

Je vous embrasse bien affectueusement.

Iv. Tourguéneff.

5012. П.В. АННЕНКОВУ

19, 20 апреля (1, 2 мая) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, 1-го мая 78.
2 часа.

В эту минуту пушки гремят, любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, — в честь открытия выставки[1]; небо прояснилось; солнце сияет — а я лежу неподвижно на моей постели и размышляю о том, что именно мне написать Вам в ответ на Ваш запрос?[2] — Назначить слишком отдаленный срок — не хочется; слишком близкий — не следует. — Полагаю, что, если скажу *наше* 1-е, т.е. 13-е, мая — будет благоразумно[3]. — Если сам черт не вмешается в мои дела — то я к тому времени буду в состоянии если не ходить, то хоть стоять на ногах. — Кстати же, ежегодная художественная выставка отложена с 15-го на 24-е[4]. — В русском отделе Всемирной выставки решительно *ничего* не готово[5].

А уж как мне хочется потолковать с Вами — этого Вы представить не можете!

Надо также надеяться, что к 1/13-му мая война с Англией будет объявлена — и прекратится наконец это жарение на медленном огне, которое должно наконец свести нас "на нет"[6].

Четверг, 2-го мая.

По недоразумению это письмо не было вчера отправлено; мне остается прибавить сегодня, что моим ногам как будто несколько полегче.

Прочтите статью о "Вере Засулич" в майской книжке "Revue des 2 Mondes". — Курьезно[7].

Дружески жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: *Belgique*.
Monsieur Paul Annenkoff.
37, Rue Montoyer. *Bruxelles*.

5013. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

21 апреля (3 мая) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 3-го мая / 21-го апр. 78.

Милостивая государыня Любовь Яковлевна,

Спешу известить Вас, что получил сегодня Вашу рукопись[1]. Я немедленно примусь за нее и, как только кончу, напишу Вам свое откровенное мнение[2]. Мне это будет тем удобнее сделать, что вследствие припадка подагры я принужден сидеть дома и раньше двух недель не выйду из комнаты.

Я получил также то письмо, в котором Вы так строго отзываетесь о собственном произведении[3]. Буду стараться позабыть все, что Вы сказали о нем — и приступлю к чтению безо всяких предвзятых впечатлений, насколько это возможно.

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Ваш покорнейший слуга
Ив. Тургенев.

На конверте: *Russie.* Ville de Toula. Mlle Stetchkine.
В Тулу.
Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне *Стечькиной*.

5014. П.В. АННЕНКОВУ

24 апреля (6 мая) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник, 6-го мая 78.

Любезнейший друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩,

Ан будь по-Вашему! — Приезжайте к *20-му* (но не позже!)[1]. К тому времени и наша русская выставка поспеет, и ноги мои поправятся (я уже начинаю брести по комнате без костылей) — и русско-восточный вопрос разрешится — хвостоподжатием извне[2] — и аракчеевщиной наголо — внутри. — Что же касается до г-жи Кулишевой Елены — коей настоящее имя Анна Михайловна Макаревич[3] — то

это молодая, недурная, очень ограниченная и очень бойкая бакунистка — или, как говорят теперь, "вспышечница" (от слова: "вспышка") — проповедующая, что не надо учить, а подымать и зажигать народ и т.д. — Говорит она очень хлестко, как любой русский журнал — и, я полагаю, равно способна на глупость и на самопожертвование. Явление недюжинное — но не необыкновенное. — Я совсем ее не знал, но по просьбе Лаврова[4] и др. поручился за нее перед juge d'instruction в том, что она не убежит (что, однако, не помешало ей посидеть в предварительной тюрьме) — а когда распространился слух о выдаче ее нашему правительству, написал кн. Орлову письмо[5], в котором убеждал его, как *патриот*, не совершать подобной глупости, что и было исполнено. — Она приезжала благодарить меня, мы побеседовали, нового я ничего не узнал и не увидел — (сей тип известен Вам) — а теперь она, кажется, уехала. Журналы рассказывают, будто я присутствовал рядом с ней на процессе Коста — но я, конечно, там не был; вероятно, за меня приняли Лаврова, который так же сед и так же бородаст, как я. — Коста — рьяный и энергический итальянец — бывший секретарь Бакунина. — С Кулишевой он, как говорит Писемский, проделал "любви пантомин"[6] — что не совсем согласно с повадкой *нынешних* нигилисток.

О статье в "Unsere Zeit" — я тоже узнал из фёльетона "Нового времени"[7]. Несомненно, что после процесса Засулич "Новь" всполошила немцев; — от редактора "Gegenwart" я получил убедительное приглашение написать по этому случаю статью, что я, разумеется, поспешил отклонить с особенной заботливостью[8]. — И выходит, что вообще нечего хлопотать: коли вещь дельная, она найдет свою дорогу. — Но, как человек нервический, я был смущен дружностью неблагоприятного приема; вспомните, кто не кидал в меня грязью — от Каткова до М. Салтыкова включительно[9].

Все это, впрочем, "тень, бегущая от дыма"[10]. Итак, до скорого свидания, крепко жму Вам руку, кланяюсь всем Вашим и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: *Belgique*. Monsieur Paul Annenkoff.
37, Rue Montoyer. *Bruxelles*.

5015. А.Ф. ПИСЕМСКОМУ

25 апреля (7 мая) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 7-го мая (25 апр.) 1878.

Любезнейший Алексей Феофилактович, я очень виноват перед вами, что не тотчас отозвался на ваше письмо и на присылку ваших "Мещан"[1]. Мне хотелось сперва прочесть ваше произведение. Но времени все недоставало, и я только на днях — благодаря сильнейшему припадку подагры, который уложил меня в постель на три недели — успел познакомиться с вашим новым романом. Чтение "Мещан" доставило мне много удовольствия — хотя, конечно, поставить этот роман на одну высоту с "Тысячью душ", "Взбаламученным морем" и другими вашими крупными вещами — нельзя; но вы сохранили ту силу, жизненность и правдивость таланта, которые особенно свойственны вам и составляют вашу литературную физиономию[2]. Виден мастер, хоть и несколько усталый, думая о котором все еще хочется повторить:

"Вы, нынешние, нут-ка!"[3].

Прискорбно мне было узнать, что вы все еще болеете.

Что делать, батюшка! Старость — не радость. Вот и я: отдежурив два месяца в комнате, с октября по декабрь, — я уже полагал, что хоть на год оставит подагра меня в покое; ан она опять нагрянула — и я едва таскаюсь по своей спальне с помощью костылей. Как только оправлюсь, прямо отсюда уезжаю в Карлсбад, а уж оттуда в Россию[4]. — В конце июня я надеюсь быть в Москве и вас увидеть.

Здесь выставка в полном разгаре (хотя русское отделение, разумеется, не готово); но я ничего этого не вижу, да и навряд ли увижу[5].

Поклонитесь от меня вашей супруге и вашему сыну — и примите уверение в неизменной дружбе.

Преданный вам
Ив. Тургенев.

5016. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

25 апреля (7 мая) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 7-го мая / 25-го апр. 78.

Милостивая государыня Любовь Яковлевна!

Я прочел Вашу повесть и вот что имею сказать Вам: у Вас талант несомненный, оригинальный, живой и даже поэтический — но "Кривые деревья" печатать не следует — ибо я — извините резкость выражения — более уродливого, или, говоря точнее, более изуродованного, произведения не знаю! Все, что Вы говорите в Вашем письме[1] о Ваших двух героях совершенно верно и изобличает в Вас замечательное критическое чутье: тем удивительнее, тем непостижимее то, что Вы сделали! Задавшись задачей, которая только что под силу первоклассному таланту — а именно определением и развитием отношений Вашей героини к Мите, поставив эту задачу[а] верно и тонко — Вы вдруг ни с того, ни с сего вводите в Ваш рассказ больного, исковерканного и, к тому же, никому не нужного и не интересного субъекта, возитесь с ним, заставляете его все перепортить — вводите мелодраматические неожиданности — словом, обращаете всю свою работу в прах! Как это Вы не почувствовали, что, напр., ночные сочинительства Юрия производят впечатление комическое — и от этого шутовства Ваша живая, славная Варя пала?!!! И потом этот цитат из Беранже — что за хитросплетенная, капризная патология!! Вот уж точно можно повторить с Лермонтовым:

"А если и случалось им —
Так мы и слышать не хотим!"[2]

В клиниках бывают такие факты, что больной возьмет да откусит фельдшеру нос — что ж? и это "возводить в перл создания"? Я потому говорю с Вами так резко, что вижу в Вас дарование из ряда вон выходящее — и что больно видеть, как та же рука, которая начертала, напр., хоть ту сцену, где Варенька купает руки в воде — и потом ту,

---

[а] *Было*: ее

когда Митя ночью приходит в зимний сад — сцены, которые бы сделали честь любому из наших писателей — больно видеть, как та же рука путается в каких-то вычурных и — скучных — арабесках! По-моему, Вам остается одно: совершенно отбросить 2-ую часть с этим Юрием[3] (которого Вы можете со временем пустить в дело в другом рассказе) — хорошенько вдуматься в историю Мити, Вареньки и ее мужа и представить нам правильное и верное развитие этой истории. Это будет живая и интересная вещь. С одним только условием. У Вас есть несомненный дар психологического анализа; но он часто переходит в какую-то кропотливую нервозность, Вы хотите уловить все колебания психических состояний — и впадаете иногда в мелочность, в каприз — наконец, Вас понять невозможно или очень трудно — и без нужды, безо всякой пользы. (Так, напр., я, признаюсь, хоть и раза два перечитал, а все-таки не понял, что такое происходило в Варенькиной душе после первой поездки верхом?) Мне иногда невольно припоминались слова одной барышни, которую я знавал в молодости: "Это очень трудно, потому что легко; хотя, с другой стороны, оно и легко, потому что трудно". Rirez-vous de là! И потом, как это у Вас все беспрестанно плачут, даже рыдают, чувствуют страшную боль, потом сейчас необыкновенную легкость и т.д. Я не знаю, много ли Вы читали Льва Толстого; но уверен, что для Вас изучение этого — бесспорно первого русского писателя — положительно вредно. Вы слишком часто доказали, что *Вам дело дается в руки*, чтобы не бросить всю эту возню, эти пируэты на острие булавки и т.д.

Однако довольно я Вас бранил; надо ж и похвалить... оно же и веселее. Вы пишете славным языком, несмотря на изредка попадающиеся галлицизмы ("фасон, *которым* было сшито это платье, давал чувствовать" и т.д.). Описания Ваши превосходны: рельефны, просты, жизненны. Всякий раз, когда Вы касаетесь природы, у Вас выходит прелестно — и тем более прелестно, что Вы всего кладете два, три штриха — но *характерных*... И в психологической работе надо так же поступать... car le secret d'ennuyer est celui de tout dire[4]. В этом умении класть характерные штрихи я вижу Ваш *поэтический* дар. Словом — из Вас может выйти писатель очень крупный; у Вас на то все данные. Разве Вы сами возьмете да испортите себя.

Сожалею, что не знаю, ни сколько Вам лет, ни то, замужем Вы или девица?

P.S. Я раньше конца июня (нашего стиля) не попаду в Россию (так как сначала еду в Карлсбад) — и то не в Петербург — а к себе в деревню прямо (чрез Динабург) — Орловской губернии, Мценского уезда. Но так как Вы живете возле Тулы — то нам можно будет свидеться[5]. Скажите, что сделать с Вашей тетрадью? Я остаюсь здесь еще 3 недели.

Крепко жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: *Russie.* Ville de Toula. Mlle Stetchkine.
В город Тулу.
Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне Стечькиной.

5017. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

25 апреля (7 мая) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, $\frac{\text{7-го мая}}{\text{25-го апр.}}$ 78.

Любезный брат,

Сию минуту получил твое письмо из Тургенева от 2-го мая / 20-го апр⟨еля⟩[1]. — Мой управляющий почему-то написал мне[2], что ты уехал в Москву — и мое последнее письмо было туда направлено[3]: авось оно не пропадет, как то, которое обронил твой кучер. Я было возрадовался вести о твоем отъезде: я заключил из этого, что тебе лучше стало; но, к сожалению, я вижу, что твое здоровье все "in statu quo". Кстати, если уже эта рана не хочет зажить, разве ты не можешь ходить этой ногою, обув ее в бархатный сапог, даже со взрезом на больном месте? Я такие сапоги видел неоднократно. Мой знакомый (в Петербурге) Топоров постоянно ходит с довольно значительной ранкой на щиколотке. Надо бы подумать об этом: не все же тебе лежать.

Если до тебя дошло мое московское письмо, то ты уже знаешь, каким Ватерло разыгрался мой картинный

аукцион. Двенадцать тысяч франков чистой убыли — вот что мне стоила эта фантазия[4].

Тебе также, вероятно, известно, что меня опять посетила подагра. Вот скоро три недели, как я не выхожу из комнаты; две недели пролежал в постели — и теперь с трудом таскаюсь на костылях. — Собственно, так называемая жизнь одинаково кончена — как для тебя, так и для меня.

Те же самые господа, что трунят надо мною за то, что я не пишу — ругали меня прежде за то, что я не перестаю писать[5]. — Все это никакого значения не имеет — и пускай г-да сатиристы изощряют на мне свои зубы. — Что же касается до "roman de mœurs contemporaines russes" — то ты можешь быть вполне уверен, что я ничего подобного не пишу и не буду писать, ни на каком языке[6] — ибо слишком рад той чистой отставке из литературного омута, которую я сам себе определил. Я скоро позабуду, что я был когда-то сочинителем.

Я отсюда выезжаю через 3 недели (если подагра позволит) прямо в Карлсбад — а оттуда через Варшаву или Динабург в Москву и в деревню, куда я прибуду в конце июля и где буду иметь удовольствие увидеть и обнять тебя[7]. — А пока желаю тебе всего хорошего и остаюсь

твой любящий брат
Ив. Тургенев.

5018. ЖОЗЕФИНЕ ВЕРТГЕЙМШТЕЙН (?)

26 апреля (8 мая) 1878. Париж

Paris.
den 8. Mai 1878.
50, Rue de Douai.

Gnädige Frau!

Ihr Brief hat mich sehr erfreut und gerührt. Auf edle, offene Seelen so einzuwirken — eine grössere Genugthuung gibt es für den Schriftsteller nicht. Empfangen Sie meinen besten Dank.

Was meinen Entschluss betrifft, die literarische Thätigkeit aufzugeben, so wird es wahrscheinlich dabei bleiben müssen. Ich bin zu vorgerückt in Jahren und lebe zu beständig ausserhalb Russlands, um meine Arbeit nicht einzustellen. Ich glaube, alles gesagt zu haben, was ich zu sagen hatte —

und Wiederholungen sind selten nützlich oder erfreulich. Der Gedanke, solche Leser zu haben, wie Sie es sind, ist Trost genug. Zur rechten Zeit einzuhalten, ist auch eine Kunst, die ich verstehen möchte.

Empfangen Sie mit dem herzlichen Wunsche, Ihre Gesundheit möge sich bessern, die Versicherung meiner innigen Hochachtung.

Iwan Turgénjew.

5019. ФРАНСИСКУ САРСЕ

26 апреля (8 мая) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mercredi.

Monsieur,

Une dame de mes amies, une compatriote[1], m'a chargé de lui envoyer en Russie quelques autographes de personnes connues, parmi lesquels se trouve le vôtre. N'ayant pas réussi à m'en procurer, je me permets de m'adresser directement à vous, quoique je n'aie pas l'honneur de vous connaître personnellement. Voudriez-vous avoir la complaisance de m'écrire quelques lignes?[2]

Agréez, Monsieur, l'assurance de mes sentiments les plus distingués.

Ivan Tourguéneff.

5020. ФРАНСИСКУ САРСЕ

27 апреля (9 мая) 1878. Париж

50, rue de Douai.
Jeudi, 9 mai.

Cher Monsieur Sarcey,

Je vous demande bien pardon de revenir encore à la charge[1] — mais vous comprendrez que je ne puis envoyer à ma compatriote le charmant billet que vous m'avez écrit[2] et que je tiens à garder comme un titre. Ayez la complaisance d'écrire trois ou quatre lignes en les signant de votre nom; cela fera l'affaire — et je vous en remercie d'avance.

J'espère bien avoir un jour la chance de vous rencontrer[3] et de vous dire les sentiments de haute estime et de sympathie que vous porte

votre tout dévoué
Ivan Tourguéneff.

5021. ПРИНЦЕССЕ МАТИЛЬДЕ

Между 13 (25) апреля и 27 апреля (9 мая) 1878 (?). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Jeudi soir.

Madame,

La gracieuse invitation de Votre Altesse[1] m'a trouvé dans mon lit, où je suis retenu par un accès de goutte et d'où je ne sais pas encore quand je pourrai sortir. — Il ⟨ne⟩ me reste qu'à remercier V⟨otre⟩ A⟨ltesse⟩ d'avoir bien voulu penser à moi et à La prier d'accepter l'hommage de mon profond respect.

Ivan Tourguéneff.

5022. П.В. АННЕНКОВУ

1 (13) мая 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Понедельник, 13 мая 78.

Превосходно! будем ждать, любезный П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. — Но как же это Вы? — Называете гостиницу, где намерены остановиться — а в какой она улице?[1] — Я бы мог заехать и предварить хозяев[2]. Проклятая подагра все еще держит мои ноги: слабы они и гнилы донельзя; я сегодня попробовал чуточку походить по немецкому отделению выставки — беда! — Авось к Вашему приезду они поправятся.

Итак, до скорого свидания, крепко жму Вашу руку и кланяюсь всем Вашим.

Ив. Тургенев.

На конверте: *Belgique*. Monsieur Paul Annenkoff.
37, Rue Montoyer. A *Bruxelles*.

5023. П.Л. ЛАВРОВУ

2 (14) мая 1878. Париж

50, Rue de Douai.
Вторник, 14-го мая 78.

Любезнейший Петр Лаврович,

Имею сообщить Вам, что хотя подагра меня очень медленно покидает — и я едва могу ходить, однако наш злополучный проект возобновляется — и, вероятно, около 25-го мая будет наконец дано наше утро[1]. Билеты и все прочее Вы получите в аккурате. Заранее.

Теперь еще просьба — но, боюсь, довольно затруднительная к исполнению. — Жена г. Ону (нашего главного толмача в Константинополе) желала бы найти *русского* учителя для своего 10-тилетнего сына — на 2 месяца на отъезд — в центральный департамент Франции — и заплатила бы хорошие деньги; — но нужно, чтобы этот россиянин знал достаточно *древние языки*, чтобы подготовить своего ученика в гимназию... Вот уж запятая. Здешние молодые русские на *эту* ножку сильно хромают. — Однако может быть, у Вас отыщется нечто подходящее. — Очень было бы приятно увидеть Вас завтра или послезавтра утром — (дело к спеху, так как г-жа Ону скоро уезжает); — и, кроме того, мы бы поболтали.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5024. Н.М. СПАССКОМУ

3 (15) мая 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, 15/3-го мая 1878.

Я получил Ваше письмо, любезнейший Спасский. — Катастрофа, которой Вы подверглись, огорчила меня — но, говоря откровенно, не изумила[1]. — Я не ожидал, что она дойдет до подобных размеров — но, после того что г-жа Виардо сказала мне о Вашем пенье, она казалась мне неизбежной. — "Je suis consternée, — сказала она, — en pensant à son début. — Il ne *peut* pas réussir". Я бы тогда же передал Вам ее мнение — но, во-первых, Вы бы

ни[a] мне, ни ей не поверили — а во-вторых — надо Вам было перейти через это испытание. — Оно очень горько, спору нету; горько думать, что столько времени и трудов потеряно даром... Но, как говорится у нас, надо уметь черту в глаза посмотреть — и ничего нет хуже, как упорствовать на ложной дороге. — Вы настолько еще молоды, что можете начать новую карьеру — и настолько мужчина, что в состоянии, не дрогнув, перерубить канат, связывающий Вас с прошедшим. — Только не надо терять ни минуты. — Нечего цепляться за смутные надежды, за авось, за возможность еще поправиться перед другою публикой и т.д. — Все это — в Вашем теперешнем положении — яд, хуже яда. — Вам надо забыть, что Вы когда-то пели, бросить и сжечь свои ноты, выкинуть из головы всякие театральные и музыкальные мечты. Они могут быть для Вас теперь одной помехой. — Сорвалось! Ну нечего делать; упало с возу — значит: пропало. Даже если Вы уверены, что в том, что Вы бросаете, погибает частица таланта — Господь с ней! Она Вам все-таки ничего, кроме вреда, принести не может. — "Но что я буду делать?" — спросите Вы? — На это я отвечу Вам: Вы человек молодой, образованный, интеллигентный, честный; Вы готовы трудиться. — Как возможно, чтобы Вы не нашли себе деятельности? — Я готов, если Вы напишете мне, что приняли мой совет и навсегда отказались от музыки, — дать Вам рекомендательные письма к лицам, которые помогут Вам вступить на новое поприще. — Но знайте: Вы должны решиться немедленно. — В противном случае я Вам предсказываю самую несчастную будущность, бесплодные попытки, унижения, постоянную горечь на сердце — отчаяние, наконец. — Тут нужна ампутация; или Вас заест гангрена.

Не мучьте себя мыслью, что Ваши друзья пеняют на Вас за растраченную Вами небольшую сумму, составлявшую их пожертвование[2]: они сделали это охотно, из приязни к Вам; и так как испытание, через которое Вы прошли, было необходимо, то они довольны тем, что способствовали ему совершиться.

---

[a] ни — *вписано над строкой.*

Буду ждать Вашего ответа, в надежде на Вашу твердость и здравомыслие[3] — а до тех пор жму Вашу руку и прошу Вас верить в искренность участия и дружбы

преданного Вам
Ив. Тургенева.

P.S. Все здешние приятели соболезнуют и кланяются Вам.

5025. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

6 (18) мая 1878. Париж

50, Rue de Douai.
Суббота утр.

Любезнейшая Аделаида Николаевна, прошу Вас зайти ко мне, если возможно, в *понедельник утром*. Наше утро[1] возобновляется 28-го, и мне нужно с Вами переговорить — да, кстати,[a] передать Вам Ваш № "Вестника Европы"[2].

Дружески кланяюсь Вам.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
31, Avenue des Gobelins.
En ville.

5026. А.Ф. ОНЕГИНУ

6 (18) мая 1878. Париж

50, Rue de Douai.
Суббота.

Любезнейший Онегин, я забыл попросить Вас возвратить мне тот отрывок из повести Луканиной, который Вы должны были прочесть на нашем утре. Так как оно возобновляется 28-го числа, то этот отрывок будет нужен[1]. — Пожалуйста, не забудьте.

Дружески жму Вам руку и желаю счастливого пути.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* возвратить

На конверте: Monsieur A. Onéguine,
chez Mr Joukofsky.
61, Avenue du Roi de Rome.
En ville.

5027. АНДЖЕЛО ДЕ ГУБЕРНАТИСУ

8 (20) мая 1878. Париж

Lundi soir.

Cher Monsieur,

On ne m'a remis que fort tard votre carte[1]. Je regrette beaucoup de n'avoir pas été à la maison lors de votre visite et je serai on ne peut plus heureux de faire votre connaissance personnelle[2]. Mais je suis obligé de sortir de bonne heure demain — et je viens vous prier de vouloir bien remettre votre visite jusqu'à après-demain midi, comme du reste vous le proposez vous-même[3].

Agréez, cher Monsieur, l'assurance de mes meilleurs sentiments.

Ivan Tourguéneff.

5028. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

8 (20) мая 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Понедельник, 20/8-го мая 78.

Любезнейший Михаил Матвеевич, в числе различных неожиданностей, выпавших на мою долю в последнее время, не последнее место занимает переложение г-м Андреевским моего отрывка "Довольно" на стихи. Стихи эти большею частью очень звучны и красивы — у г-на А⟨ндреевского⟩ несомненный талант — но я все-таки убедительно прошу и его и Вас не печатать их[1]. — Я сам раскаиваюсь в том, что напечатал этот отрывок (к счастью, никто его не заметил в публике) — и не потому, что считаю его плохим — а потому, что в нем выражены такие *личные* воспоминанья и впечатления, делиться которыми с публикой не было никакой нужды. — Я всегда, как Вам известно, старался быть, по мере возможности, объективным в том, что я делал; а тут такая "*субъективщина*", что беда! Мне было бы очень жутко, если б все это

опять всплыло наружу. — Да и в самом г. Андреевском настолько собственного фонда, что ему не для чего занимать у других и писать комментарии на чужие темы.

Итак, Вы уважите мою просьбу — не правда ли?

Я сообщил Зола Ваше желание насчет литературного конгресса, литературной собственности и т.д.[2] Должно надеяться, что те из русских литераторов, которые попадут на этот конгресс, наложат на уста свои тройную печать молчания.

Здоровье мое поправилось — и я через 10 дней выезжаю в Карлсбад — а там, бог даст, в Россию[3].

Майские книги "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" получены. Я успел прочесть замечательное "внутреннее обозрение"[4] и не менее замечательную статью о *славянской идее*[5].

Здесь все занято выставкой[6]. Наша, русская, еще не открыта — запоздала, как оно и следовало ожидать[7].

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Анненков сегодня вечером приезжает сюда.

5029. Л.Н. ТОЛСТОМУ

8 (20) мая 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник, 20/8-го мая 1878.

Любезный Лев Николаевич,

Я только сегодня получил Ваше письмо[1], которое Вы отправили poste restante[2]. Оно меня очень обрадовало и тронуло. С величайшей охотой готов возобновить нашу прежнюю дружбу и крепко жму протянутую мне Вами руку. Вы совершенно правы, не предполагая во мне враждебных чувств к Вам; если они и были, то давным-давно исчезли[3] — и осталось одно воспоминание о Вас, как о человеке, к которому я был искренно привязан — и о писателе, первые шаги которого мне удалось приветствовать раньше других, каждое новое произведение которого всегда возбуждало во мне живейший интерес[4]. — Душевно радуюсь прекращению возникших между нами недоразумений.

Я надеюсь нынешним летом попасть в Орловскую губернию — и тогда мы, конечно, увидимся[5]. А до тех пор желаю Вам всего хорошего — и еще раз дружески жму Вам руку.

Иван Тургенев.

5030. АНДЖЕЛО ДЕ ГУБЕРНАТИСУ

11 (23) мая 1878. Париж

Jeudi midi. 23 mai.

Cher Monsieur,

Je me désole d'apprendre que, par suite de je ne sais quel malentendu, je n'ai pas eu le plaisir de vous voir hier. Je ne suis pourtant sorti de la maison que vers 1 h. $^1/_4$ — quand j'avais perdu l'espoir de votre visite. Je serai pourtant trop fâché de vous laisser quitter Paris sans vous avoir serré la main. Je reste demain à la maison jusqu'à 2 heures et je serai bien heureux de vous y voir[1].

Acceptez l'assurance de mes meilleurs sentiments.

Iv. Tourguéneff.

5031. АНДЖЕЛО ДЕ ГУБЕРНАТИСУ

12 (24) мая 1878. Париж

Vendredi, 9 $^1/_2$ h.

Cher Monsieur de Gubernatis,

C'est aujourd'hui le jour de *vernissage* au Salon — et je voudrais pouvoir y assister[1]. Aussi me permetté-je de vous prier de vouloir bien venir chez moi *avant 1 h.* ou bien si cela vous convient davantage, j'irai chez vous vers *5 h.* comme le Salon est tout près de vous[2].

Un mot de réponse, s'il vous plaît[3], et recevez l'assurance de mes sentiments les plus sympathiques.

Votre dévoué
Iv. Tourguéneff.

5032. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

15 (27) мая 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник утр.

Любезная Аделаида Николаевна,

Посылаю Вам *3* платных и *3* бесплатных билета — (вместе с программами)[1]. — Больше бесплатных послать не могу по недостатку места. Но не забудьте, что чтение происходит *завтра*, во вторник, а не в середу, как Вы, кажется, полагаете.

До свидания; жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Посылаю Вам этот пакет poste restante.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Au bureau de la poste restante
de la Rue du Cardinal-Lemoine.
En ville.

5033. МАРИ ЛИНЕН

15 (27) мая 1878. Париж

Paris. 50, rue de Douai.

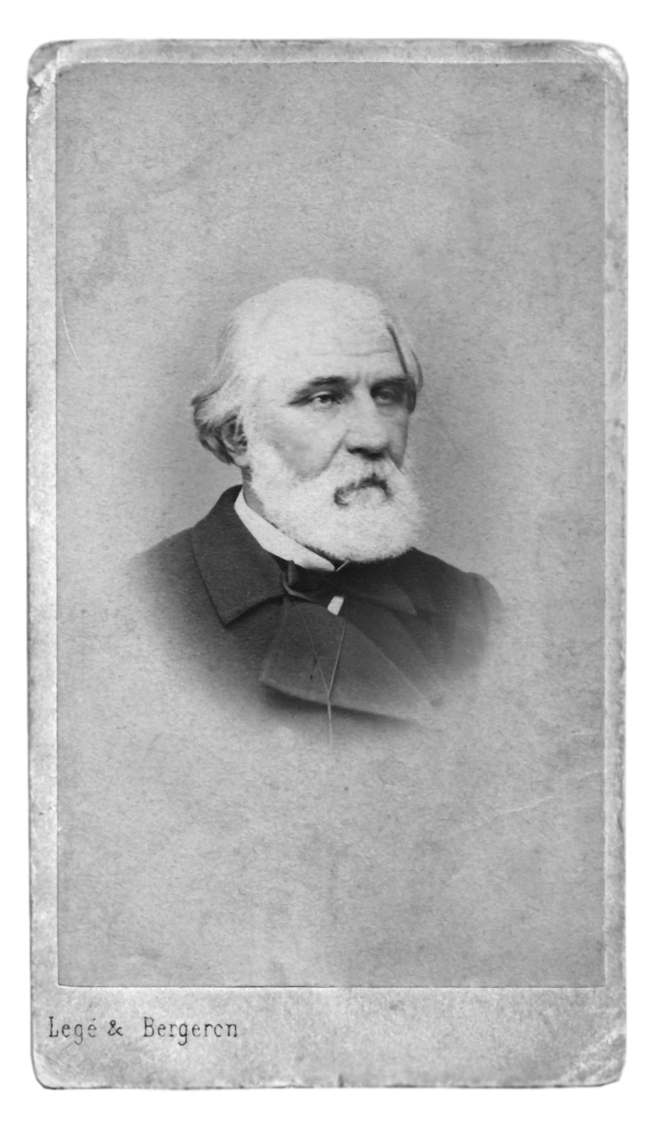
Madame,

Je viens de recevoir votre aimable lettre[1] et je m'empresse de vous envoyer la photographie que vous désirez. — Je regrette seulement qu'elle soit si peu bonne: je n'en ai pas d'autres[2].

Il est probable qu'au mois de septembre je serai de retour à Paris[3], c⟨'est⟩-à-d⟨ire⟩ à Bougival, dans les environs de Paris, où j'habite un petit chalet. — Il va sans dire que je serai fort heureux de faire la connaissance d'une compatriote, qui garde aussi fidèlement que vous le souvenir de son pays et de sa langue[4].

Agréez, Madame, l'assurance de mes sentiments les plus distingués.

Iv.Tourguéneff.

И.С. ТУРГЕНЕВ
Фотография Леже и Бержерона. Париж, 1868 г.

5034. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

8, 15 (20, 27) мая 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник, 20/8-го мая 1878.

Любезный брат,

Получив твое письмо[1] и встав на ноги (что до сих пор было почти невозможно, по случаю подагры) — я отправился к здешним богатым парижским жителям — Тургеневым (сыновьям Николая Ивановича), которые всю свою жизнь, интеллигенцию, все силы свои безвозвратно посвятили лошадям, коих имеют на конюшне штук 20. — Второй Тургенев — Петр — считается, кроме того, первым кучером Парижа[2].

Я изложил им, как знатокам, желание г. Маляревского. — Вот их совет: наилучшайший першеронский жеребец стоит 6000 — или 6500 фр. — Пересылка придется в 1500. — Стало быть, максимум нужных денег — *8000* фр. — Так как жеребец[a] не будет нужен раньше будущего февраля — то покупка может совершиться осенью. — До тех пор я тебя увижу в Тургеневе[3]. — А тогда мы переговорим окончательно. — Покупку и отправку можно с полной уверенностью поручить Тургеневым, qui tiendront à cœur de se rendre ce service.

Понедельник, 27-го мая.

Письмо это замешкалось целую неделю, в чем прошу извинить меня, но так как дело не к спеху — то беды большой нет. С тех пор я успел получить от тебя второе письмо[4], из которого с удовольствием узнал, что ты как-никак — а ходишь; — а также пришло важное известие о конгрессе в Берлине и возможности мира[5]. — Посмотрим, что будет; первый результат — поправка нашего курса.

Я отсюда выезжаю 7-го или 8-го июня нов. ст. — Еду прямо в Карлсбад и оттуда напишу тебе[6]. — Вероятно, я опять остановлюсь в König v. England.

Пока — обнимаю тебя и желаю всего хорошего.

Любящий тебя брат
Ив. Тургенев.

---

[a] *Было*: он

5035. П.Л. ЛАВРОВУ

17 (29) мая 1878. Париж

50, Rue de Douai.
Середа.

Оказывается, любезный Петр Лаврович, что сбор наш не так плох, как мы думали[1]. — Еще не все деньги собраны — а уже теперь можно рассчитывать, за вычетом издержек, на *900 фр.* — Как только все приведется в известность, я Вам дам знать, мы свидимся и решим, какое сделать распределение.

Дружески Вам преданный
Ив. Тургенев.

5036. Н.А. ЩЕПКИНУ

18 (30) мая 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 18/30-го мая 78.

Любезный Николай Александрович,

В ответ на полученное от Вас письмо (с приложенной ведомостью)[1] имею Вам сообщить следующее:

1.) Показанные в ведомости расходы вполне одобряю.

2.) Одобряю также Ваши распоряжения насчет отдачи в аренду Кадного — и только желал бы знать, помещена ли в контракте отступная сумма в случае продажи этого имения?[2]

3.) Если Вы *до* получения сего письма не выслали мне чадаевских и кашеверовских денег[3] — то и не высылайте и храните их у себя до моего дальнейшего распоряжения; так как я через *10 дней* отсюда выезжаю в Карлсбад — и пробуду там 6 недель — а там уже отправляюсь в Россию[4]. — Если окажется нужда — я Вам из Карлсбада напишу о высылке мне туда 3-х или 4-хсот рублей. — Но Вы во всяком случае ждите моего письма.

4.) Что же касается до старика, присланного Николаем Сергеевичем — то Вы дайте ему знать от моего имени, что я не могу согласиться на принятие его в больницу, по причине его дурного и беспокойного поведения.

5.) Выдайте мальчику Никите от моего имени 3 р. с. в виде поощрения за прилежание[5].

6.) Очень был бы рад, если б удалось наконец добыть денег с плута Волнова[6].

Мое здоровье поправилось — и я опять могу довольно свободно ходить.

Кланяюсь всем Вашим и желаю Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

5037. ФИЛИППУ БЮРТИ

19 (31) мая 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Vendredi, 31 mai 78.

Cher Monsieur Burty,

Permettez-moi de vous recommander à l'Exposition Annuelle les deux portraits (№ 1126 et 1127, salle VII) de mon compatriote Harlamoff[1] — et à l'Exposition des beaux arts, salles au Champ de Mars les sculptures de mon autre compatriote Antokolsky — ("le Christ devant le peuple" — [a] "Socrate mort" et d'autres)[2]. — Je ne doute pas que ces ouvrages n'attirent votre attention et que vous ne leur reconnaissiez un mérite, dépassant le niveau ordinaire[3]; cependant, en ma qualité de Russe — je crois pouvoir me permettre de les désigner à un juge ainsi compétent que vous[4].

Recevez d'avance l'expression de ma gratitude ainsi que celle des sentiments sympathiques

de votre tout dévoué
Ivan Tourguéneff.

5038. В.А. СОЛЛОГУБУ

20 мая (1 июня) 1878 (?). Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Суббота.

Любезный граф,

На Ваш прямой запрос отвечу с такою же откровенностью. Мои личные чувства к Вам вполне дружелюбные —

---

[a] *Далее зачеркнуто*: et (и — *франц.*).

и это я Вам докажу тем, что непременно явлюсь к Вам в четверг. — Но большинство здесь находящихся бедных русских, — для которых и дано было это утро — исповедают образ мыслей, Вам враждебный; — им известно также, что Вы расположены к ним неблагосклонно — и они не поняли бы Вашего участия. Кто-нибудь из них, пожалуй, выразил бы свое неудовольствие — а этого пуще всего следовало избегнуть. — Послать же Вам билеты на утро, на котором Вы бы не участвовали — было бы по меньшей мере неуместным. — Другой причины Вашего отсутствия нет.

Итак, до скорого свидания; примите уверение в совершенном моем уважении.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5039. П.Л. ЛАВРОВУ

21 мая (2 июня) 1878. Париж

50, Rue de Douai.
Воскресение, 2-го июня.

Любезнейший П⟨етр⟩ Л⟨аврович⟩,

За расходами, собрано невступно *950* фр. — Сию малую лепту я готов передать Вам, а также если Вы кого пригласите с собою из "библиотеки"[1]. — Приходите, пожалуйста, во *вторник* до 12 часов; — я буду ждать Вас.

Искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

5040. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

25 мая (6 июня) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, $\frac{\text{6 июня}}{\text{25-го мая}}$ 78.

Любезнейший Михаил Матвеевич, вчера я проводил Анненкова обратно в Брюссель. — Он провел в Париже две недели — и, кажется, остался доволен своей поездкой[1], хотя не прошло ни одного дня без дождя.

Очень Вам благодарен за исполнение моей просьбы насчет "Довольно"[2]. — Но прошу сообщить от моего имени[а] г-ну А⟨ндреевскому⟩, что, при его таланте, ему непременно следует продолжать свою стихотворную деятельность.

Сюда приехал П.Д. Боборыкин — и потому Вы можете себе представить, что на конгрессе наша литература не останется безмолвной[3]. — Несмотря на Ваши доводы — я все-таки буду сожалеть об этом[4]. — Мы должны, вслед за Бисмарком, повторять про себя: "Beati possidentes"[5] — и не давать французам случая упрекать нас в отсутствии либеральности, в нежелании равноправности и т.д. — в чем они будут совершенно правы... Да своя рубашка к телу ближе. Я выезжаю отсюда через неделю — и прямо в Карлсбад. Оттуда я, действительно, отправлюсь прямо в Мценск, минуя Петербург и Москву[6]. На возвратном пути я, вероятно, побываю в этих городах — но уже Вас там не будет. Где мы встретимся — неизвестно, а хотелось бы. — Я Вам во всяком случае напишу.

На одном музыкально-литературном утре (с благотворительной целью) — я прочел отрывок из "Березая" — и получил замечательный успех[7]. — Ведь он появится в июле?

Кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5041. О.К. ГИЖИЦКОЙ

26 мая (7 июня) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 7 июня / 26 мая 1878.

Милостивая государыня Ольга Казимировна,

Я получил и с большим интересом прочел Ваше автобиографическое письмо[1]. Оно дышит правдивостью и умом. Но именно по этой причине я Вам не могу дать никаких жизненных, практических советов. Вы слишком

[а] от моего имени — *вписано над строкой.*

самобытны, развиты и самостоятельны, чтобы нуждаться в них; и Вы лучше всякого другого знаете, что Вам делать и по какой пойти дороге.

Литературные советы — это дело другое. — Но и тут я должен ограничиться одними замечаниями о Вашем языке — не имея других данных. — Вы пишете ясно и живо; — но Вы иногда впадаете в тот особенный слог, который я позволил бы себе назвать журнальным — и которого каждый добросовестный писатель тщательно должен избегать. Слог этот отличается какой-то хлесткой небрежностью и распущенностью, неточностью эпитетов и неправильностью языка. — У Вас попадаются выражения вроде: "против этой неожиданности" — "относиться суше" — "чистейшее негодование" — "перещеголять нежностью" — "продолжались месяцы, в продолжение которых" — "указание ошибок" (вм. "на о⟨шибк⟩и") — "все время имела несчастье произвести" (вм. "производить") — "громадное впечатление" — "внешность меня осуждала" (галлицизм) и т.д. — Все это может легко исчезнуть; стоит только положить себе правилом: при передаче собственных мыслей и чувств не брать сгоряча готовых, ходячих (большей частью неточных или приблизительно точных) выражений, — а стараться ясно, просто и сознательно верно воспроизводить словом то, что пришло в голову. Я не сомневаюсь в том, что при Вашем здравом и светлом уме Вы в короткое время достигнете этого результата.

Ну, а насчет Вашей педагогической деятельности — я могу сказать только то, что из самой истории Вашей жизни следует вывести заключение, что Вы обладаете способностью обращаться с детьми. Повинуясь Вашему желанию, посылаю Вам мою карточку — и сожалею только о том, что она так нехороша; но у меня других нету[2].

Весьма был бы рад встретиться с Вами в Москве, куда я, вероятно, поеду в августе месяце[3], а до тех пор желаю Вам всего хорошего и прошу Вас верить моему искреннему сочувствию[4].

Ив. Тургенев.

5042. А.И. ВОРОНЦОВУ

27 мая (8 июня) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 8-го июня.

Милостивый государь,

Нашим отношениям суждено быть странными[1]. Я написал Вам вчера письмо со вложенной карточкой, но ошибся кувертом — и оно попало к г-ну Максиму Дюкану, моему знакомому; а письмо к Дюкану попало к вам[2]. Но каким манером Вы могли принять имя г. Д⟨юкана⟩ за Ваше — и просьбу о высылке рецепта противуревматической мази за желание получить обратно мои письма — превосходит мое понимание. С чего бы я стал писать к Вам[а] по-французски и называть Вас[б] Дюканом?? И как Вы будете слушать курсы медицины, если так слабы во французском языке??

Я сегодня же послал к Дюкану и узнал, что он на днях уехал в Баден и что полученное им письмо (Ваше) — отправлено туда за ним. Придется мне повторить Вам то, что я писал к Вам, насколько запомню.

Я говорил Вам, что получил Ваше длинное письмо[3]; что не оскорбился выражениями, которыми оно преисполнено, ибо видел в них желание объяснить Ваш образ действия. Что я никакой вины за собою перед Вами не чувствую и оскорбить Вас не имел никакого намерения. — (Человек мой должен был взять с Вас расписку для того, чтобы я знал, что эти деньги он не положил себе в карман); — что если б Вы меня лучше знали, то не вздумали бы упрекнуть меня в желании заставить Вас "вилять хвостом"; — что, впрочем, я совершенно равнодушен к Вашему мнению обо мне. — Я прибавлял, что у меня тоже есть своего рода гордость, не хуже Вашей; что я бы на Вашем месте не решился бы попросить быть своим *répondant* человека, которого считал способным (говоря Вашим изящным языком) на "*свинство*"[4].

[а] к Вам — *вписано над строкой.*

[б] Вас — *вписано над строкой.*

Я старался сделать для Вас, что мог, не моя вина — если это не удалось мне. Исполнив свою обязанность, я даже позабыл, существуете ли Вы на свете — и ругаетесь ли или нет.

Засим посылаю я Вам желаемую Вами карточку — и теперь посылаю вместе с моими письмами, которые можете бросить, как я бросил Ваши.

Ив. Тургенев.

P.S. Дюкан, вероятно, возвратит мне Ваше письмо — (он не примет себя за Воронцова) — и я тогда доставлю Вам его, в виде документа и подтверждения сказанного выше.

5043. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ

27 мая (8 июня) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Samedi, 8 juin.

Mon cher ami,

Permettez-moi de vous recommander un de mes compatriotes et amis, Mr Pierre Boborykine, écrivain distingué[1], qui serait très heureux de faire la connaissance personnelle d'un auteur, dont il admire beaucoup les ouvrages et sur lequel il a tenu des conférences publiques à Pétersbourg[2]. Si je ne devais pas quitter Paris dans peu de jours, je vous l'aurais amené moi-même; mais je ne doute pas que vous ne le receviez avec votre bienveillance habituelle.

Je vous serre cordialement la main et me dis

votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

5044. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

28 мая (9 июня) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Воскресение, 9-го июня 78.

Любезнейшая Аделаида Николаевна,

Я виделся с Орловым — и имею сообщить Вам его ответ[1]; — потрудитесь зайти ко мне во *вторник до* 12 часов. —

Да, кстати, принесите Вашу *цюрихскую* рукопись[2]. Я уезжаю в конце недели.

Жму Вам дружески руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5045. Б.А. ЧИВИЛЕВУ

30 мая (11 июня) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 11-го июня 78.

Любезнейший Чивилев,

Я уезжаю сегодня в Буживаль, но в *пятницу* утром я буду здесь и с удовольствием побеседую с Вами (между 11-ю час. и 1 часом) — "Записок охотника" у меня давно нет[1] — но письма Пушкина я Вам достану[2].

До свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur B. Tchivileff.
15, Rue de Surène.
Place de la Madeleine.
E⟨n⟩ v⟨ille⟩.

5046. ЭРНЕСТУ РЕНАНУ

4 (16) июня 1878. Париж (?)

Mes compliments les plus chaleureux au nouvel académicien[1], et un bon point à l'Académie elle-même, pour avoir fait ce qu'il était de son honneur et de son devoir de faire — et ce qu'elle ne fait pourtant pas toujours.

⟨Ivan Tourguéneff.⟩

5047. Г.О. ГИНЦБУРГУ

6 (18) июня 1878. Париж

Многоуважаемый Гораций Осипович,

Общество вспоможения и благотворительности русских художников в Париже[1], с особенным чувством удовлетворения узнавши о Вашем намерении предоставить в

его временное распоряжение мастерскую, находящуюся в Вашем доме[2] — в общем собрании решило выразить свою искреннейшую благодарность за это предложение, в котором столь ясно высказались и Ваша неизменная любовь к искусству, и постоянное покровительство, оказываемое Вами художникам[3].

Общество считает излишним заметить, что Ваша мастерская по первому Вашему слову и во всякое время поступает обратно в Ваше распоряжение. — Общество только позволяет себе просить Вас, чтобы Вы в таком случае предуведомили его за месяц.

Париж, 18-го июня 1878-го года.

Иван Тургенев
Алексей Боголюбов
Юлий Дюлу
Андрей Лавеццари
Иван Похитонов
Лукиан Пржепиорский
Александр Алексеев
Барон Лев Фредерикс
Юрий Леман
Павел Жуковский
Алексей Харламов
Марк Антокольский[4]

5048. НИКОЛА БРЮСУ

11 (23) июня 1878. Буживаль

Bougival. Les Frênes.
(16, Rue de Mesmes.)
Dimanche, 23 juin.

Monsieur,

Je n'ai reçu votre lettre qu'hier — et comme je pars jeudi pour la Russie, d'où je ne reviendrai qu'en octobre, il m'est, à mon grand regret, impossible de vous désigner un jour pour l'entrevue que vous désirez.

Je ne puis vous cacher pourtant que je suis, en principe, contre toute espèce d'adaptation de roman au théâtre — et surtout dans le cas dont il s'agit, "Roudine" étant[a] une étude psychologique[1].

---

[a] *Далее зачеркнуто:* surtout

On a déjà essayé de l'arranger pour la scène en Russie, mais on y a renoncé[2].

Je serai enchanté de faire votre connaissance à mon retour de Russie — et en attendant, je vous prie de vouloir bien accepter l'assurance de mes sentiments distingués.

Ivan Tourguéneff.

5049. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

11 (23) июня 1878. Буживаль

Bougival. 16, Rue de Mesmes.
Les Frênes.
Dimanche, 23 juin.

Moi aussi, mon bon ami, je croyais être en Allemagne à l'heure qu'il est: pas du tout! Je me suis laissé embobiner dans cette affaire de Congrès International, qui *n'aura et ne peut avoir aucun résultat* — et me voilà prononçant des discours, et patati et patata![1] Mon ami, quelle drôle de chose qu'une assemblée délibérante! Voilà Hugo qui prononce hier un superbe discours; ce discours est acclamé — l'impression en est votée — comme dans la Constituante! — et cinq minutes plus tard on vote une résolution diamétralement contraire à son discours — et il la vote *LUI-MÊME*!! Nous avons une Commission qui siège tous les jours — (j'en suis le vice-président) — nous piétinons sur place comme des imbéciles — et je commence à croire que nous le sommes effectivement[2]. J'en ai par-dessus la tête, et je file dès *jeudi* pour Carlsbad — où je vous prie de m'écrire (C⟨arlsbad⟩, Bohême, poste restante). L'eau que j'y boirai — est aussi une illusion peut-être — mais ça n'est pas si visible[3].

Quant à vous — santé et patience — voilà ce que je vous souhaite de tout mon cœur.

J'ai vu Zola un instant; il a acheté une petite maison dans les environs de Maisons-Laffitte — et il va s'y installer[4].

Ce n'est certes pas un grand écrivain que H. Martin — mais avouez que Taine dans le fauteuil de Thiers — cela paraît monstrueux![5] — Personnellement — j'aime beaucoup Martin et je suis content de son succès[6].

Je vous embrasse.

Iv. Tourguéneff.

5050. П.Л. ЛАВРОВУ

13 (25) июня 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник.

Любезнейший Петр Лаврович,

Потрудитесь прийти ко мне *в пятницу*, в 1 час. — Нам надо устроить разные дела перед отъездом.

Жму Вашу руку.

Ив. Тургенев.

5051. П.В. АННЕНКОВУ

14 (26) июня 1878. Буживаль

Bougival. (Seine-et-Oise.)
16, Rue de Mesmes.
Середа, 26-го июня 78.

Милый П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩! — Я, точно, виноват перед Вами; — и хотя хлопоты по конгрессу, президентство (!!), беспрестанные разъезды и пр.[1] могут до некоторой степени служить извинением — однако все-таки! Разумеется, мы ничего не решили и к никакому результату не пришли (да оно так и следовало) — высказали несколько общих фраз, не применимых к делу — и только; я же конца этой комедии не дождусь и уеду в *субботу* в Карлсбад[2], накануне великого праздника 30-го июня[3]. — Вреда *нашим* переводчикам и *нашей* литературе мы не причиним[4]; — но убедился я в двух следующих пунктах: во-1-х) всякая парламентская толпа, без умного и деспотического вожака, только топчется на месте — а В. Гюго вовсе не такой вожак, хоть и говорит красиво[5]; а во-2-х) глупей, пошлей и возмутительней наших европействующих литераторов-корреспондентов, вроде Боборыкина и Шарапова — (Parisien) — ум человеческий ничего не может представить. — Полонский — (из "Вестника Европы") — и Ковалевский (М.М., толстяк, профессор Харьковского университета) — дельные люди — и Вам было бы приятно с ними познакомиться — если Вы их еще не знаете[6]. — Моя коротенькая речь имела здесь успех поистине неожиданный и незаслуженный. — Очень чувствительна Франция и благодарна за всякую крупицу сахару,

которую ей кладут в рот[7]. Ну а в руки мы ей все-таки не дадимся — да, если б и захотели, правительство наше, разумеется, и ухом не поведет[8]. Отсутствие *всех* посланников на нашем торжественном заседании знаменательно.

Погода настала великолепная — и жара несносная — мне давно пора бы было уехать в Карлсбад — а я вот все еще — entre ciel et terre.

На Всемирной выставке новые чудеса *ретроспективного* искусства — латы и каски, присланные из знаменитой Armería Real в Мадриде, — статуэтки из Танагры, émaux de Limoges — да всего не перечтешь... ума помрачение! — Антокольский, кажется, получит золотую медаль[9]. — Сюда прибыл из Женевы Драгоманов, известный малороссофил и изгнанник[10]. Кажется, очень хороший человек — несчастливый, к тому ж.

Здешние мои все Вам кланяются — все здоровы. — И я кланяюсь Вашим и обнимаю Вас.

Ив. Тургенев.

P.S. Напишу из Карлсбада.

Прочли Вы вторую повестушку Луканиной в "В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩"?[11]

Когда Вы едете в Бланкенберг?

5052. М.М. АНТОКОЛЬСКОМУ

14 (26) июня 1878. Буживаль

Bougival. 16, Rue de Mesmes.
Les Frênes.
Середа, 26-го июня 78.

Любезнейший Антокольский,

Я решительно уезжаю в субботу вечером[1]; — и мне очень бы хотелось увидаться с Вами перед отъездом; я знаю, что Вы по субботам не работаете; так не придете ли Вы в субботу, 29-го ч⟨исла⟩, ко мне часов в 12? Мы бы в последний раз покалякали за завтраком. Если Вы мне ничего не дадите знать — это значит, что *да*.

Жму Вам крепко руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5053. М.П. ДРАГОМАНОВУ

14 (26) июня 1878. Буживаль

Bougival. 16, Rue de Mesmes.
Середа, 26-го июня 78.

Почтеннейший Михаил Петрович,

Не захотите ли Вы прийти в *пятницу, к 12-ти ч.* — на мою квартеру в Rue de Douai? Мы бы позавтракали вместе и потолковали. — (Вероятно, Лавров и Лопатин, которых Вы знаете, придут также)[1]. — Я в субботу уезжаю[2]; — и очень был бы рад еще раз повидаться — и поблагодарить Вас за Ваш любезный подарок[3].

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Ив. Тургенев.

5054. Н.В. ХАНЫКОВУ

14 (26) июня 1878. Буживаль

Bougival. 16, Rue de Mesmes.
Les Frênes.
Середа, 26-го июня 78.

Милейший Н⟨иколай⟩ В⟨ладимирович⟩, извините, что не тотчас отвечал на Вашу любезную записочку: во-1-х) захлопотался; во-2-х) совсем на отъезде, как говорится, начеку. — Однако не могу покинуть берега Сены (потому что и в Буживале мы на берегах этой реки, воспетой Дезульершей)[1] — не пожав Вам хотя мысленно руки — и не пожалев о том, что мы так редко видались в последнее время, в чем опять-таки виноват аз. — Вы совершенно справедливо указали на некоторые натяжки в произнесенном мною комплиментике[2]. — Мольер умер в 1672-м (не 73-м)[3]; царь Алексей Михайлович в 1676; перевод молиеровской комедии сделан, вероятно, великой княжной *Натальей* Алексеевной — не Софией — и представлен в первый раз около 1702-го г.[4]; — но надо было все подтянуть к 1678-му г. Что же касается до *чина* — то я вовсе не желал никого уколоть; — а хотел только сказать, что литература наша настолько выросла в 1878-м году, что может говорить от *своего* чисто литературного имени — на парижском конгрессе[5].

Очень мне жаль, что Ваши ноги не поправляются; — мои — не плохи в эту минуту[a], но я все-таки еду в Карлсбад, чтобы застраховать себя на зиму.

Как, однако, ловко нас секут на Берлинском конгрессе! — Вот что значит — не спросясь броду, сунуться в Игнатьева![6]

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5055. А.В. ТОПОРОВУ

22 июня (4 июля) 1878. Буживаль

Буживаль. 16, Rue de Mesmes.
Четверг, 4-го июля / 22-го июня 78.

Любезнейший Топоров,

Я, действительно, виноват перед Вами, что так долго не писал[1]; но никаких “нехороших” мыслей не следовало Вам пускать себе в голову. — Если я раз к кому привязался — я не меняюсь. — Но я вообще как-то сжался и сократил свою переписку... Старость окончательно пришла — и говорить почти не о чем.

Здесь я так долго остался (гораздо больше, чем ожидал) — по причине Литературного конгресса. — Признаюсь, если б я мог предвидеть тот ливень грязи, которую выпустили на меня мои соотечественники по поводу невиннейшей речи, произнесенной мною[2], я бы, конечно, не участвовал в этом деле, из которого, впрочем, ничего не вышло.

Я отсюда выезжаю дней через 5 — но не в Карлсбад — а прямо в Россию, т.е. в деревню, через Петербург и Москву. — Так как я в Петербурге останусь всего 2, 3 дня — то не стоит брать комнату у прошлогодней француженки[3]; я проведу эти 2 дня у Демута. — Впрочем, я Вас извещу о дне приезда из Берлина.

Здоровье мое в последнее время поправилось; только сердце пошаливает[4].

Итак — до скорого свидания. Жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

---

[a] в эту минуту — *вписано над строкой.*

5056. Н.А. ЩЕПКИНУ

26 июня (8 июля) 1878. Буживаль

Буживаль. 16, Rue de Mesmes
Понедельник, $\frac{\text{8-го июля}}{\text{26-го июня}}$ 78.

Любезный Николай Александрович,

Имею сообщить Вам, что я выезжаю отсюда через 5 дней (меня здесь задержали разные непредвиденные обстоятельства) — но уже не в Карлсбад — но прямо в Россию, в Петербург, куда надеюсь прибыть около 5-го июля; — а *15*-го, не позже, буду, если ничего со мной не случится, в Спасском. — Я Вам, впрочем, напишу из Петербурга — а теперь прошу только взять это к сведению и потрудиться сообщить об этом брату Николаю Сергеевичу, которому я также напишу[1].

До скорого свиданья и желаю Вам и всем Вашим всего хорошего.

Ив. Тургенев.

5057. П.Л. ЛАВРОВУ

29 июня (11 июля) 1878. Буживаль

Буживаль. 16, Rue de Mesmes.
Четверг, 11-го июня[a].

Любезный Петр Лаврович,

Благодарю Вас за извещение. Я уезжаю в воскресение[1] — но завтра, в пятницу, я буду у Вас около $2^1/_2$ ч. — и увижу Вашего приятеля-слависта да, кстати, заглажу мою вину перед Вами.

Жму Вам руку; до завтра.

Ваш
Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

Старикъ.

Настали тёмные, тяжелые дни... Свои болѣзни, недуги людей милыхъ, холодъ и мракъ старости... Всё, что ты любилъ, чему отдавался безвозвратно — никнетъ и разрушается. — Подъ гору пошла дорога.

Что же дѣлать? Скорбѣть? Горевать? Ни себѣ ни другимъ ты этимъ не поможешь. —

На засыхающемъ, покоробленномъ ~~д~~ деревѣ листва мельче и рѣже — но зелень ея та же.

Сожмись и ты, уйди въ себя, въ свои воспоминанія — и тамъ, глубоко-глубоко, на самомъ днѣ сосредоточенной души, твоя прежняя, тебѣ одному доступная жизнь блеснетъ передъ тобою своей пахучей, всё еще свѣжей зеленью и лаской и силой весны!

Но будь остороженъ... не гляди впередъ, бѣдный старикъ!

Іюль 1878.

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ "СТАРИК".
Июль 1878 г. Наборная рукопись

5058. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

1 (13) июля 1878. Буживаль

Буживаль. 16, Rue de Mesmes.
Суббота, 1/13-го июля 78.

Любезный брат,

Как ты можешь видеть из заголовка этого письма, я зажился здесь гораздо долее, чем думал. — Но это не только не отложило наше свидание, а, напротив, ускорило его — так как я теперь в Карлсбад не еду — а прямо отправляюсь в Россию. — В конце будущей недели я в Петербурге — а несколько дней спустя — в Спасском и в Тургеневе[1]. — Надеюсь застать тебя там — и в лучшем состоянии здоровья, чем то, в котором ты находился в течение последней зимы. Надо будет обо многом переговорить.

Я пошлю тебе телеграмму из Петербурга[2] — а пока — обнимаю тебя и кланяюсь всем твоим.

Ив. Тургенев.

5059. МИННЕ АНШТЕТТ

20 июля (1 августа) 1878. Париж

Paris
den 1. August 1878.

Liebe Frau Anstett, ich kann nicht umhin, Ihnen ein paar freundliche Worte und Grüsse zu senden und Sie zu versichern, dass ich immer der glücklichen Zeit gedenke, wo ich unter Ihrem Dache wohnte und so angenehme Tage verbrachte. Ihnen nochmals für die damalige liebevolle Pflege und Sorge dankend und alles Beste wünschend, drücke ich Ihnen herzlich die Hand und verbleibe[1]

Ihr ergebener
Turgénjew.

5060. СИДНЕЮ ДЖЕРРОЛЬДУ

20 июля (1 августа) 1878. Буживаль

Bougival (près Paris).
16, Rue de Mesmes.
Le 1-er août 78.

Mon cher Monsieur Jerrold,

Vous me permettrez, n'est-ce pas, de vous écrire en français: vous le comprenez aussi bien que moi et je l'écris beaucoup plus facilement que l'anglais. Votre lettre m'a fait le plus grand plaisir[1] — en me prouvant, que malgré tous les derniers événements, vous avez conservé vos sympathies pour la Russie, sa littérature et sa langue[2]. J'aurais été bien enchanté de remplir votre désir quant à la lecture des épreuves, mais je pars dès demain pour la Russie — et je dois y renoncer. Du reste, je ne doute pas un instant que votre traduction ne soit excellente et je l'approuve d'avance des deux mains[3].

Je vous remercie beaucoup pour l'obligeance que vous avez eue de m'envoyer l'article du "Daily News", personne plus que moi ne se réjouirait davantage d'un rapprochement qui s'opérerait entre votre pays et le mien[4].

Je compte avoir encore le plaisir de vous voir cette année et je vous prie en attendant de présenter mes meilleurs compliments à M. votre père[5] — ainsi que de recevoir pour vous-même l'assurance de mes sentiments les plus distingués.

Ivan Tourguéneff.

5061. КЛОДИ ШАМРО

20 июля (1 августа) 1878. Буживаль

Bougival. Les Frênes.
Jeudi soir, 1-er août 78.

Chère Didie de mon cœur,

Je ne veux pas partir pour la Russie sans t'envoyer — à toi et à Georges[1] — un bonjour et un au revoir bien tendre. Tu sais probablement que je suis resté ici bien plus longtemps que je ne l'avais supposé; mais demain — je pars décidément et définitivement[2], quoique ton oncle Manuel[3] vienne d'arriver. Il est vrai qu'il part aussi demain — à sa façon — c'est un éclair, comme tu sais — et il a hâte de se rendre à Louèches[4], pour se guérir d'une urticaire qui le tourmente.

Maman m'a montré tes charmantes lettres[5]; je vois que tu t'amuses fort bien à Cauterets[6] et que tu deviens une véritable amazone[7]; j'espère que, quand je reviendrai, je te trouverai rayonnante de santé.

Jeanne[8] est de retour aux Frênes depuis mardi; on lui a coupé les cheveux, ce qui lui donne un air petit garçon tout à fait amusant; je suis dans ses bonnes grâces à l'heure qu'il est, je suis son "Riousse", ee "рюсский", elle m'embrasse avec ferveur (ce que je lui rends, du reste) — elle se promène sur mon épaule — elle danse avec moi... et encore aujourd'hui, après avoir sauté en rond, elle m'a dit très gravement: "maintenant nous allons faire ça *d'après un autre système!*". Parole d'honneur!! Marianne[9] serait déjà partie, si la mort de Mme Pape-Carpantier[10] n'avait retenu Nini Richard[11] jusqu'à samedi. Papa[12] va toujours admirablement; quant à maman[13], son eczéma la fait encore souffrir un peu — mais cela va mieux et elle pourra reprendre bientôt son train de vie habituel. On se livre plus que jamais au crocket; on y passe des heures; moi, je me contente de rester spectateur.

L'idée de faire ce long-long voyage ne me séduit que médiocrement; "aber der Bien muss"![14] Si tu trouves un moment de libre, tu seras bien gentille de m'écrire[15] — et cela me fera le plus grand plaisir: voici mon adresse: Russie, gouvernement d'Orel, ville de Mzensk, village de Spasskoïé — Mr J. T. Je crois que j'y serai dans un peu plus d'une semaine, car je ne m'arrêterai guères ni à Pétersbourg ni à Moscou[16].

Sur ce, je vous embrasse tous les deux de toutes mes forces — et je reste à jamais

Dein alter treuer
J. T.

5062. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

28 июля (9 августа) 1878. Петербург

С.-Петербург.
Гостиница "Европа",
на Мих⟨айловской⟩ площ⟨ади⟩.
Пятница, 28-го июля 78.

Любезнейший брат,

Вчера я сюда приехал, через 4 дня выезжаю — и через неделю, если ничего со мной не случится, буду в Спас-

ском и, след., в Тургеневе[1]. — Надеюсь застать тебя бодрым и здоровым — и обнимаю заочно, а скоро обниму и на деле.

Любящий тебя брат
Ив. Тургенев.

5063. Н.А. ЩЕПКИНУ

28 июля (9 августа) 1878. Петербург

С.-Петербург.
Гостиница "Европа", № 2.
Пятница, 28-го июля 78.

Любезный Николай Александрович,

Я вчера сюда приехал и надеюсь через неделю прибыть в Спасское, о чем считаю нужным Вас предуведомить. Из Москвы я Вам пошлю телеграмму с точным обозначением дня и часа прибытия[1].

До скорого свидания; дружески кланяюсь Вам и всем Вашим.

Ив. Тургенев.

5064. С.А. ГЕДЕОНОВУ

29 июля (10 августа) 1878. Петербург

Mon cher ami,

J'étais venu pour ⟨vous⟩[a] voir — 1°, et puis aussi pour vous demander l'autorisation de visiter l'Ermitage qui, à ce qui paraît, est fermé au mois de juillet. Vous seriez bien aimable de m'envoyer un petit mot à l'Hôtel Européen, № 2 — dès demain, si c'est possible, car je quitte P⟨étersbour⟩g mardi. (Je n'y suis arrivé qu'avant-hier.)

Vos amis de Paris vous font dire mille choses aimables et moi, je vous serre cordialement la main.

Iv. Tourguéneff.

---

[a] *В подлиннике описка*: pour

5065. С.А. ГЕДЕОНОВУ

2 (14) августа 1878. Петербург

С.-Петербург.
"Европейская гостиница", № 2.
2-го авг. 1878.

Любезнейший Степан Александрович!

Позвольте мне в силу старинной нашей дружбы обратиться к Вам со следующей просьбой. У меня есть очень хороший приятель, некто Топоров (Александр Васильевич) — которому я обязан за многие дружеские услуги. Он совершенно честный и способный человек; но, вследствие разных обстоятельств и неудачи, служит — вот уже чуть не 30 лет — состоящим при дворе сверхштатным помощником гофмедика. Я бы очень был рад, если б мог способствовать к тому, чтобы как-нибудь исправить его дела[1]. Если бы у Вас очистилась со временем ваканция по Эрмитажу[2] — не забудьте моего приятеля. Чин у него маленький — коллежский секретарь — и претензии его невелики. Лишь бы выйти из сверхштатных.

Ответьте мне двумя словами в деревню, куда я еду — в село Спасское, в город Мценск, Орловской губернии.

Надеюсь, что Ваше здоровье скоро поправится[3] — и прошу Вас принять уверение в искренних и дружеских чувствах

преданного Вам
Ив. Тургенева.

5066. Н.Н. ТЮТЧЕВУ

2 (14) августа 1878. Петербург

"Европейская гостиница", n° 2.
Середа.

Любезнейший Николай Николаевич,

Я сегодня (через 2 часа) уезжаю — а то бы я еще раз съездил к Вам и попросил бы ⟨у⟩ Вас позволения привезти с собою моего приятеля Александра Васильевича Топорова, о котором я Вам говорил и который мне оказывал и оказывает столько дружеских услуг. — Он очень хороший человек — и я, рекомендуя его Вам, уверен, что Вы его примете с свойственными Вам радушием и добротою. —

Если бы Вы как-нибудь могли быть ему полезным — то я всякую такую услугу сочту за личное одолжение.

Засим дружески жму Вам руку — и до свидания по возвращении из деревни.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Мой усердный поклон всем Вашим.

На конверте: Его п⟨ревосходительст⟩ву
Николаю Николаевичу
Тютчеву.
В Лесном, на углу Старого
Парголовского проспекта и Малой
Объездной улицы, на даче Костицына.

5067. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

4 (16) августа 1878. Москва

Москва.
Удельная контора,
на Пречистенском бульваре.
Пятница, 4-го авг. 78.

Милостивая государыня Любовь Яковлевна,

Спешу уведомить Вас, согласно Вашему желанию, что я выезжаю из Москвы в воскресенье, а понедельник пробуду частию в Туле; и потому если Вам угодно приехать в Тулу в понедельник утром, то Вы меня увидите — и я Вам передам Вашу рукопись[1]. Не зная хорошо самой Тулы, я не могу Вам назначить гостиницу, где я остановлюсь; но это Вы узнаете либо на станции железной дороги — либо в доме моего знакомого, губернского предводителя Самарина; впрочем, я полагаю, хороших гостиниц в Туле немного. Кроме этого письма, я пошлю Вам завтра телеграмму — по назначенному Вами адрессу[2].

Мне весьма будет приятно свидеться и побеседовать с Вами — а до тех пор примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

На конверте: Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне *Стечькиной*.
В город *Тулу*.

5068. Л.Н. ТОЛСТОМУ

4 (16) августа 1878. Москва

Москва.
Удельная контора,
Пречистенский бульв.
Пятница, 4-го авг. 78.

Любезнейший Лев Николаевич, я приехал сюда вчера, выезжаю[а] в воскресение вечером[б] и понедельник пробуду в Туле, где у меня дела. Мне самому хочется Вас видеть и, к тому ж, у меня есть поручение до Вас[1] — то как хотите? — приедете ли Вы в Тулу — или я заеду к Вам в Ясную Поляну, откуда отправлюсь далее? Я не знаю, какая есть в Туле гостиница (я приеду в ночь с воскресения на понедельник — и займу №) — но Вы можете прислать записочку или телеграмму либо на станцию — либо в дом нашего общего знакомого, губернского предводителя Самарина[2]; я так и распоряжусь. — В надежде, что это Вас не стеснит, жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5069. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

4 (16) августа 1878. Москва

Москва.
Удельная контора,
на Пречистенск⟨ом⟩ бульваре.
Пятница, 4-го авг. 78.

Любезный брат,

Спешу уведомить тебя, что я сюда приехал, во вторник прибуду в Спасское — и в середу буду у тебя[1]. — Надеюсь застать тебя и всех твоих здоровыми и бодрыми — а пока — обнимаю тебя заочно и говорю: до свидания.

Любящий твой брат
Ив. Тургенев.

[а] *Далее зачеркнуто*: завтра
[б] вечером — *вписано над строкой.*

5070. А.В. ТОПОРОВУ

10 (22) августа 1878. Спасское

Орловская губ.,
город Мценск.
Село Спасское-Лутовиново.
Четверг, 10/22-го авг. 78.

Любезнейший Топоров, я сегодня наконец благополучно добрался досюда — и, к немалому моему удивлению и даже беспокойству, не нашел ни единого письма![1] — Не знаю, что бы могло это значить, обращаюсь к Вам с просьбой наведаться о том, не осталось ли как-нибудь письмо на мое имя у Демута или в "Европейской гостинице"? — Если Вы что найдете, пожалуйста, перешлите немедленно сюда. — Также желал бы я знать, выдали ли Вам рукописные *ноты*[2] — и отправили ли Вы их в Спасское? — Я в Москве зажился дольше, чем думал — провел два дня у Л.Н. Толстого в его имении под Тулой[3].

Познакомились ли Вы с Тютчевым?[4] Послали ли письмо к Гедеонову?[5]

До сих пор подагра моя молчит. Что-то будет дальше?

Жму Вам дружески руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5071. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

10 (22) августа 1878. Спасское

С. Спасское.
Четверг, 10-го авг. 78.

Любезный брат,

Я сегодня рано поутру прибыл сюда — и намерен посетить тебя завтра, о чем тебя предуведомляю. — Я с удовольствием узнал здесь, что твое здоровье совершенно поправилось. — Обнимаю тебя — пока — заочно, а завтра на деле.

Любящий тебя брат
Ив. Тургенев.

5072. Е.И. БЛАРАМБЕРГ

11 (23) августа 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловская губ.,
город Мценск.)
Пятница, 11/23-го авг. 1878.

Любезнейшая Елена Ивановна, я приехал сюда вчера рано утром — (я прогостил почти два дня у Л.Н. Толстого[1]) — и не только не нашел здесь ни одного письма из-за границы — но и сегодня мне с почты ничего не привезли. — Это меня беспокоит. — Следовало бы, по расчету, предположить, что г-жа Виардо 10 дней сряду ко мне не писала — чему трудно поверить — притом она была больна...[2] Если Вам что-нибудь известно — так как Вы очень часто переписываетесь с Луизой, то будьте так добры — дайте мне знать хотя двумя словами[3]. — Я почему-то очень встревожен и предаюсь разным нехорошим предчувствиям.

Заранее благодарю Вас, крепко жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Здесь все Вас помнят и велят Вам кланяться[4].

На конверте: Ее высокоблагородию
Елене Ивановне
Бларамберг.
Москва.
На Мясницкой, в Юшковом переулке,
в редакцию "*Русских ведомостей*".

5073. В.Н. ГОРЧАКОВУ

13 (25) августа 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
Орловской губ.,
в город Мценск.
Воскресение, 13-го авг. 78.

Милостивый государь,

Я только вчера получил здесь сочинение, которое Вам угодно было прислать ко мне — и благодарю Вас за Ваше

лестное внимание. Как только я прочту Вашу книгу[1], я, если позволите, сообщу Вам свое откровенное мнение о ней, а пока прошу Вас принять уверение в совершенном уважении

Вашего покорнейшего слуги
Ив. Тургенева.

5074. А.Н. ПЫПИНУ

13 (25) августа 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губернии,
в город Мценск.)
Воскресение, 13-го авг. 78.

Любезнейший Александр Николаевич,

Я заезжал к гр. Л.Н. Толстому в его имение около Тулы и говорил с ним о "Русской библиотеке". Он изъявил полное согласие на помещение его сочинений, предоставляет выбор редакции "Вестника Европы"; — пришлет краткий биографический очерк. — Принимает те условия денежные, на которых состоялись издания мое, салтыковское и т.д. — Что касается до портрета — то предлагает снестись с живописцем Крамским, который живет в Петербурге — и который написал два превосходных портрета Толстого. — Можно бы с одного из них снять фотографию. Словом, Толстой показал самую предупредительную готовность. Я ему сказал, что Вы спишетесь с ним, что Вы и сделайте[1]. — Что же касается до большого его романа — то, по его словам — он даже не начат; но во всяком случае в "Русском вестнике" не явится — так как Толстой уже не желает более иметь дела с этим журналом[2].

Я благополучно прибыл в свою деревню — и останусь в ней до половины сентября; проездом через Петербург непременно увижусь с Вами. — А пока прошу Вас поклониться от меня Полонскому[3] и другим добрым знакомым, жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губернии,
в город Мценск.)

Воскресенье, 13-е Ав. 78.

Любезнейший Александр Николаевич,

Я заезжал к гр. Л. Н. Толстому в его имение около Тулы и говорил с ним о «Русской библиотеке». Он изъявил полное согласие на помещение его сочинений, предоставляя выбор редакции «Вестника Европы»; — пришлет краткий биографический очерк. — Принимает те условия денежные, на которых состоялись издания мое, Салтыковское и т. д. — Что касается до портрета — то предлагает снестись с живописцем Крамским, который живет в Петербурге и который написал два превосходных портрета Толстого. — Можно бы с одного из них снять фотографию. Словом, Толстой показал самую предупредительную готовность. Я ему сказал, что Вы спишетесь с ним, что Вы и сделаете. — Что же касается до большого его романа — то, по его словам —

ПИСЬМО И.С. ТУРГЕНЕВА К А.Н. ПЫПИНУ
от 13 (25) августа 1878 г. Первая страница

5075. А.С. БЕЛОКОПЫТОВОЙ

14 (26) августа 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
Орловской губ.,
г. Мценск.
Понедельник, 14-го авг. 78.

Любезнейшая Анна Семеновна, вот я опять попал сюда — и на этот раз я бы охотно проехал в Юшково, чтобы повидаться еще на сем свете с дядей...[1] Но меня удерживает мысль: ну, как мой приезд взволнует старика и так сильно на него подействует, что, пожалуй, ускорит неизбежную развязку?[2] Это очень огорчило бы меня. Обращаюсь к Вам, как к женщине рассудительной, благоразумной и хорошо знающей настоящее положение души человека, с которым Вы живете уже столько лет: как Вы об этом думаете? Как Вы мне скажете — так я и сделаю — и, конечно, в случае если Вы скажете: да — уведомлю Вас заранее о дне моего приезда.

А пока в ожидании Вашего ответа[3] прошу Вас принять уверение в чувствах искренней привязанности и глубокого уважения

преданного Вам
Ив. Тургенева.

5076. А.А. БРЯНЧАНИНОВУ

14 (26) августа 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губернии,
город Мценск.)
Понедельник, 14-го авг. 78.

Милостивый государь,

Я только четвертого дня приехал сюда, нашел Вашу рукопись вместе с двумя Вашими письмами — и немедленно прочел Ваше замечательное произведение. — Я не сомневаюсь в том, что "В⟨естник⟩ Е⟨вропы⟩" с особенным удовольствием поместит его на своих страницах[1]. — Так как мне приходится в *середу* ехать в Орел — то я бы очень был Вам обязан, если б Вы дали мне знать — хотя телеграммой — в какой гостинице мне остановиться (я Орла совсем не знаю); — мы могли бы провести вечер вместе

с Вами и с моим старинным приятелем Сафоновым, которого увижу с радостью — побеседовали бы и потолковали бы.

В ожидании Вашей телеграммы жму Вам руку и остаюсь

Ваш покорнейший слуга
Ив. Тургенев.

P.S. Пишу Вам в Орловский банк, так как адресса Вашего не знаю.

5077. Л.Н. ТОЛСТОМУ

14 (26) августа 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ-и,
город Мценск.)
Понедельник, 14-го авг. 78.

Любезнейший Лев Николаевич,

Я благополучно прибыл сюда в прошлый четверг — и не могу не повторить Вам еще раз, какое приятное и хорошее впечатление оставило во мне мое посещение Ясной Поляны и как я рад тому, что возникшие между нами недоразумения исчезли так бесследно, как будто их никогда и не было[1]. Я почувствовал очень ясно, что жизнь, состарившая нас, прошла для нас недаром и что — и Вы, и я — мы оба стали лучше, чем 16 лет тому назад; и мне было приятно это почувствовать.

Нечего и говорить, что на возвратном пути я снова — всенепременно — заверну к Вам[2].

Я написал А.Н. Пыпину о Вашем согласии поступить в число писателей "Русской библиотеки"[3] — он вступит с Вами в корреспонденцию по этому поводу — и, конечно, все устроится очень скоро и просто.

На меня в этот раз Спасское произвело какое-то неопределенное впечатление: ни грустное, ни веселое — словно недоумение нашло на меня — еще признак старости.

Дружески кланяюсь всем Вашим и крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5078. В.Я. КАРТАШЕВСКОЙ

15 (27) августа 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ. —
в город Мценск.)
15-го августа 1878.

Любезнейшая Варвара Яковлевна,

"Новое время" на этот раз не соврало — и я действительно нахожусь в Спасском, где пробуду еще две недели[1]. — Благодарю очень за память и ласковое слово. Мое здоровье пока недурно; подагра помалкивает. — П.В. Анненкова я видел недавно в Париже, где я ему показывал выставку[2]; — теперь он со всем своим семейством в Баден-Бадене. — Рад слышать о Вас добрые вести; — но, когда увидимся, не знаю; разве вот приеду зимой в Москву, что не невозможно. "Новь"[3] непременно вышлю Вам из Москвы, через которую проеду на обратном пути. — Если я и в этот раз не исполню своего обещания — то Вы вольны проклясть меня на всех семи соборах[4] — или даже собственноручно повесить. — Но до этой крайности не дойдет, надеюсь.

Брата Вашего[5] я видел проездом в Москве, в клубе.

Крепко жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5079. КЛОДИ ШАМПО

16 (28) августа 1878. Орел

Orel.
(prononcez Ariol).
Chef-lieu du gouvernement du même nom. —
Ville très sale, située sur l'*Oka.*
Mercredi, $\frac{28}{16}$ août 1878.
(Tiens! c'est le jour de naissance de Göthe[1]. —
S'il avait vécu, il aurait aujourd'hui 129 ans!)
Il est 5 heures de l'après-midi.

Chère, bien-aimée et adorée Didie de mon cœur, voici quelle est dans ce moment ma situation sociale. — Je me trouve dans une vaste chambre d'auberge, à côté d'un billard

(NB. Le billard est dans l'autre chambre — mais j'entends parfaitement le roulement gras des billes sur le tapis gras — Mlle Valentin, bouchez-vous les oreilles!). — Je suis arrivé à Orel — (dans cette ville où j'ai vu le jour — il y aura bientôt 60 ans[2] — et qui ne m'inspire aucun sentiment sympathique) depuis bientôt trois heures; — et je repars demain à $5^{1}/_{2}$ h. du matin pour le district de Ma-lo-ar-khan-ge-lsk, où est situé un bien à moi qui se nomme Tap-ki[3] (pas Tape... cul...[4]) que je voudrais bien vendre à une voisine qui se nomme Mme Mou-khor-toff[5], vu que mon frère, en poisson prudent et plein de précaution, ne semble pas trop mordre à l'hameçon de Spasskoïé[6]. — Je m'ennuie ferme — et je voudrais pourtant m'ennuyer encore davantage, si je pouvais ne pas avoir dans ce moment une très forte di-a..rr..hée qui me fait rêver au choléra — me rend lâche[7] etc. etc. etc. — Si, pour me distraire, je m'approche de la fenêtre — je vois un vaste marché s'étendre devant moi...[8] et tout ce qui s'offre à ma vue est si sale, si poussiéreux, si déguenillé, si "dejado", si pauvre, si mesquin, si ennuyé, si ennuyeux, si misérable, si chancelant, si pouac! Et l'odeur que tous ces objets doivent exhaler et que mon nez devine à travers les doubles vitres des fenêtres est si sale aussi — que je serais certainement fort à plaindre, si je n'avais heureusement une autre bien gentille et bien charmante distraction: c'est l'adorable lettre que tu m'as écrite de Bagnères de Luchon[9] — et que j'ai trouvée aujourd'hui à la poste en passant par Mzensk. — Et bien! mes petits amis — vous ne vous refusez rien — vous faites des courses à cheval qui durent quatre jours...[10] J'espère bien que tu ne t'es pas enrhumée sur toutes ces hauteurs! — Imagine-toi qu'il y a longtemps — en 1845 — il ne s'agissait pas encore de toi, comme tu vois — j'ai fait à peu près le même chemin que vous...[11] Mais comme dans ce temps-là j'étais pauvre à redonner des points à Job, à Irus[12] et même à Joaquinito[13], j'ai fait tout ce trajet à pied... et je me suis hissé sur le sommet même du pic perdu — qui est moins grand que la vilaine chambre que j'habite dans ce moment... Et lorsque, dans un mouvement de fierté, je me suis dit que je posais le pied sur le sommet orgueilleux de cette montagne — j'ai aperçu un simple et vulgaire papillon blanc qui voltigeait naïvement encore plus haut que moi!.. Tu t'imagines aisément toutes les réflexions morales qu'on peut faire à ce sujet.

Ah ah! Madame fait des conquêtes jusque parmi les habitants du Céleste Empire... Pauvre Mandarin! Je lui porte en-

vie, parce qu'il t'a vue; et je le plains, parce que voilà toutes ses idées sur la beauté féminine renversées à tout jamais. Les petits yeux fendus, les narines retroussées — les pommettes saillantes — tout cela au diable!.. Car avoue que tu ne ressembles pas à une Chinoise... heureusement!

Enfin, tu as toujours pu le croquer... autant de pris. Ici — tes crayons seraient restés dans leur calepin. Ah pourtant! — Ce matin en courant sur la grande route de Mzensk — j'ai passé devant un campement de bohémiens et j'ai vu deux magnifiques gaillards, bruns, basanés, à demi-nus, des yeux comme des braises, des dents comme des amandes fraîches, un tas de loques horribles et superbes — des chapeaux qui n'étaient que des mottes de graisse — et qui avaient un air crâne! — et puis ce que je n'avais encore jamais vu — des tresses de cheveux d'un noir de jais, bouclées, enroulées, longues comme des tresses de femme, tantôt soulevées par le vent, balafrant la figure, puis retombant sur les reins. — Les gaillards avaient l'air de deux frères — chacun d'eux pouvait avoir de 20 à 22 ans — tu en aurais fait des esquisses splendides. — Leurs chemises aux manches larges et trouées avaient fini, à force de saleté, par prendre des tons d'un gris brun verdâtre — tout à fait réussis... Il faut pourtant ajouter qu'à cinquante pas d'eux dans un ravin une vingtaine de gros corbeaux s'acharnaient sur une charogne... Le vent qui venait de là apportait des émanations!! — A qui devait-on les attribuer? Au corps mort? Aux bohémiens vivants? — Mystère! Mystère!

Te voilà donc de retour dans le nid... Sera-t-on assez content de t'y voir! — J'espère que tu trouveras ta maman tout à fait bien portante[14]; pendant quelques jours elle nous a inquiétés. — Marianne aussi rentrera dans le bercail... Il n'y a que moi, who will lag behind. — Mais je compte bien que ce ne sera pas pour longtemps; plus de la moitié du temps "allowed" est écoulé... Le dernier terme est le 15 septembre et je ferai tout mon possible pour le devancer de quelques jours[15]. — Toi aussi, tu seras contente de te reposer après tes pérégrinations — et de revoir Jeanne...[16] Tu vas me l'embrasser bien tendrement et tu lui diras que c'est de la part de son parrain qui lui rapportera des confitures russes... idéales! — Tu verras qu'elle retiendra immédiatement — ce mot.

NB. Il s'est passé trois quarts d'heure depuis le commencement de cette lettre... et je crois que mon estomac tend à s'apaiser.

Après avoir embrassé Jeanne — tu embrasseras le bon Georges — et puis tu te laisseras bien fortement embrasser par ton vieux parrain qui t'adore et qui ne sera heureux que quand il verra ta chère frimousse. A bientôt.

Ton I. T.

5080. ГЕНРИ ХОЛТУ

19 (31) августа 1878. Спасское

...I left Paris in the first days of August and I will not be there before the last days of September[1].

⟨...⟩ I regret to say that I never did receive a single book of all you sent me[2]. The cause of this is perhaps to be sought in the address you put and which is faulty: I am living in Paris not 48, Rue de Douai — but 50, Rue de Douai[3]. — The difference is trifling — but unfortunately, as it seems, sufficient for the postman ⟨...⟩

⟨...⟩ I am very sensible to all the flattering things you tell me about my works — but, to speak frankly — I always wondered at the success (relative success)[a] of them out of my native country[4]. — They are too Russian and of a too simple plot — to please foreigners[5]. — I only hope that the publication of my books may not — in the end, prove a loss for you[6] ⟨...⟩

5081. А.А. НАРЫШКИНУ

20 августа (1 сентября) 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской г.,
город Мценск.)
Воскресение, 20-го авг. 1878.

Любезнейший Александр Алексеич,

Согласно Вашему желанию и тому, что я велел передать Вам в гостинице Таттиен[1], я, проезжая вчера в Орле в 4-м часу, ожидал увидеть Вас (и, может быть, И.В. Павлова) на станции железной дороги; но, либо какая встретилась Вам помеха, либо слуга в гостинице неверно передал Вам мои слова, только я не увидел ни Вас, ни Павлова —

---

[a] (relative success) — *восстанавливается по обратному русскому переводу.*

и очень об этом сожалел. Нельзя ли исправить это дело? Я целую неделю никуда отсюда не тронусь — и весьма был бы рад увидать Вас обоих у себя гостями[2], прошу только уведомить меня за день — так как я иногда езжу с визитом к моему брату, живущему от меня в 12-и верстах.

В надежде увидеться с Вами дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: *Спешное*.
Его высокоблагородию
Александру Алексеевичу *Нарышкину.*
В город Орел.
В гостинице Таттьен.

5082. ПОЛИНЕ БРЮЭР

21 августа (2 сентября) 1878. Спасское

Spasskoïé.
(Gouv-t d'Orel,
ville de Mtsensk.)
Lundi, $\frac{\text{21 août}}{\text{2 septembre}}$ 1878.

Chère Paulinette,

Je viens de recevoir ta lettre[1] qui m'a été transmise par Mr Viardot. Je suis ici depuis quinze jours, tâchant de voir un peu clair dans mes affaires et de faire tout l'argent que je peux. Cela ne va pas aussi rondement que je l'aurais voulu — mais il faut de la patience. — Heureusement ma santé[a] se maintient jusqu'à présent; et la goutte se tait. — Je suis fort content d'apprendre que vous allez tous bien à Rougemont et que les affaires reprennent. — Je serai de retour à Paris vers le 20 sept⟨em⟩bre et je serai bien aise de vous revoir tous vers le commencement d'octobre. J'ai un peu d'inquiétude sur le compte de Mme Innis; elle ne peut pas rester longtemps dans l'état où je l'ai vue — et je crains bien que la fin finale ne soit proche[2]. — Enfin — c'est le lot de tous les mortels.

Je vous embrasse tous très affectueusement et te dis: au revoir!

Iv. Tourguéneff.

---

[a] *Далее зачеркнуто:* est

5083. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

21 августа (2 сентября) 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губернии,
в город Мценск.)
Понедельник, $\frac{\text{21-го авг.}}{\text{2-го сент.}}$ 1878.

Любезнейшая Аделаида Николаевна,

Не знаю, какими судьбами письмо Ваше из Женевы, посланное *21-го июня*[1], только теперь — чуть не через три месяца — попало ко мне в руки! Оно было мне переслано из Парижа. — На всякий случай спешу ответить Вам в Женеву — хотя, быть может, Вас в теперешнее время там уже нет. — Если, с получения сего письма, Вы *немедленно* пошлете Ваши "Воспоминания цюрихской студентки"[2] — в Петербург, в редакцию "Вестника Европы" — Галерная ул., № 20, на мое имя — то Ваша статья меня еще застанет там (я через неделю отсюда выезжаю) — и я Ваше дело улажу. Если же мое письмо не тотчас достигнет Ваших рук — то уже придется подождать моего возвращения в Париж, которое будет иметь место в конце сентября. — В редакции "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" я уже говорил о Вашей статье — и тогда это устроится письменно. — В Карлсбад я совсем не попал.

Надеюсь, что Вы бодры, здоровы, работаете — и прошу Вас принять уверение в искреннем уважении

преданного Вам
Ив. Тургенева.

На конверте: В *Швейцарию*, в Женеву.
Г-же А. Луканиной.
Suisse.
Madame A. Loukanine.
Genève. *Poste restante*.

5084. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

21 августа (2 сентября) 1878. Спасское

С. Спасское.
Понедельник, 21-го авг. 78.

Любезный брат,

Я приеду завтра[а] к тебе обедать — если ты уже не расположил своим днем — но считаю удобнее переговорить с тобою письменно[б] о некоторых предметах, которые не поддаются словам. Вот в чем дело.

Из прилагаемого листа (который прошу тебя возвратить) — ты увидишь, к каким размерам, благодаря воровству Кишинского[1] и собственной моей глупости, приведены мои доходы.

Спасское дает	—	4860 р.
Тапки	—	3900
Кадное	—	1140
губ. земля	—	160
Итого		10 060

Холодово пока ничего не дает, ибо по милости того же Кишинского там арендатор Волнов не только ничего не заплатил, но надо еще вести с ним процесс, чтобы разорвать контракт[2]. — Следовательно, всего с небольшим 10 000 р. — Из этого, если исключить:

a.) 1200 на управление,

b.) 1200 на пенсии, школу и больницу,

c.) 400 на Спасское хозяйство

да d.) 1000 р., которые я должен давать моей дочери, приданое которой мой зятек пустил на ветер до последней копейки — останется на мой прожиток (так как возмездие за литературный труд прекратилось) — с небольшим 6000 р. — Этими деньгами я могу прожить — хотя тесненько; но если мне придется тебе платить 1350 р. процентов в год — то жизнь становится невозможной — по крайней мере в Париже.

Ты был так добр, что обещал мне оставить после себя 100 000 р. Но, во-первых, я нисколько не желаю и не рассчитываю пережить тебя; — а, во-вторых — самая мысль,

---

[а] *Было:* сегодня

[б] письменно — *вписано над строкой.*

что тебе, пожалуй, хотя на миг может прийти в голову сомнение — не рассчитываю ли я на твою смерть? — мне крайне неприятна. — И потому если уже ты хочешь оказать мне услугу — за которую я искренне тебе буду[в] благодарен — то вместо тех *ста* тысяч рублей назначь мне те 15, которые я от тебя получил и которые ты можешь считать за мною — но только не бери с меня процентов[3]. — Это будет истинно братское одолжение. — Замечу кстати, что в случае моей смерти прежде тебя ты получишь гораздо более 100 000 — ибо имения мои родовые, я их не продал и не думаю продать — и ты мой единственный наследник. — А за исключением тех 50 000 р., которые ты обещал дать семейству Виардо после моей смерти — все-таки тобою унаследованное имение принесет тебе свыше 200 000.

Ну, однако, довольно об этих денежных дрязгах. — Можешь ты сделать, о чем я тебя прошу — скажи мне: да — и баста; — не можешь — не скажи ничего — и я буду знать, как понять твое молчание. — Но во всяком случае пусть не будет между нами об этом разговора.

До завтра; а пока обнимаю тебя и остаюсь

любящий тебя брат
Ив. Тургенев.

5085. А.А. ФЕТУ

21 августа (2 сентября) 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
Понедельник, 21-го авг. 78.

Любезный Афанасий Афанасьевич,

Я искренне порадовался, получив Ваше письмо[1]. — Старость только тем и хороша, что дает возможность смыть и уничтожить все прошедшие дрязги — и, приближая нас самих к окончательному упрощению — упрощает все жизненные отношения. — Охотно пожимаю протянутую Вами руку — и уверен, что, при личной встрече, мы очутимся такими же друзьями, какими были в старину[2]. — Не знаю только, когда эта встреча сбудется: я через неделю уезжаю отсюда[а] прямо[б] в Париж. — Разве зимою

[в] буду — *вписано над строкой.*
[а] *Далее зачеркнуто*: и
[б] *Далее зачеркнуто:* еду

№ 73

85

Фетъ

С. Спасское
Лутовиново.

Понедѣльникъ; 21-ое Авг. 78-го

Любезный Афанасій Афанасьевичъ,

Я искренно порадовался, получивъ Ваше письмо. — Старость тѣмъ и хороша, что даётъ возможность смыть и уничтожить всѣ прошедшія дрязги — и приближая насъ самихъ къ окончательному упрощенію — упрощаетъ всѣ жизненныя отношенія. — Охотно пожимаю протянутую Вами руку — и увѣренъ, что, при личной встрѣчѣ, мы очутимся такими же друзьями, какими были въ старину. — Не знаю только, когда эта встрѣча сбудется: я черезъ недѣлю уѣзжаю отсюда прямо — въ Парижъ. — Развѣ зимою въ Петербургѣ или въ Москвѣ; а не то не заглянете ли Вы сами къ намъ,* въ мѣстечко-Парижъ?

ПИСЬМО И.С. ТУРГЕНЕВА К А.А. ФЕТУ
от 21 августа (2 сентября) 1878 г. Первая страница

в Петербурге или в Москве; — а не то не заглянете ли Вы сами к нам[в], в местечко Париж?[3]

Но как бы то ни было, повторяю Вам мой привет и мое спасибо.

Передайте мой дружеский поклон Марье Петровне. — Если я не ошибаюсь, ее лицо промелькнуло передо мною в вагоне на станции за Орлом. — Я возвращался из Малоархангельского уезда[4] — а она, вероятно, ехала в Ваше новое поместье[5].

Еще раз — желаю Вам всего хорошего, начиная со здоровья, и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5086. А.С. БЕЛОКОПЫТОВОЙ

23 августа (4 сентября) 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ.,
г. Мценск.)
Середа, 23-го авг. 1878.

Любезнейшая Анна Семеновна,

Сейчас еду в Бастыево, чтобы послать Вам телеграмму — а в то же время пишу Вам, что я не могу прибыть в Карачев[1] раньше воскресения в 11 ч. утра — а потому прошу к тому дню выслать лошадей и экипаж. Вы пишете мне, что высылаете лошадей к 22-му, а я только 22-го вечером — т.е. вчера получил Ваше письмо[2]. В пятницу ко мне приезжает покупщик[3] — и я непременно должен остаться. Но в воскресение прибуду непременно, если только жив буду.

С великой радостью увижу я дядю и Вас. Вы пишете, что все им забыто; мне тоже еще больше следовало позабыть — но я так и сделал — и все прошедшее, кроме хорошего, давно исчезло и схоронено[4].

Жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

[в] *Далее зачеркнут вопросительный знак и исправлен на запятую.*

5087. А.Н. ПЫПИНУ

23 августа (4 сентября) 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губернии,
город Мценск.)
Середа, 23-го авг. 1878.

Любезнейший Александр Николаевич, в ответ на Ваше письмецо имею Вам сказать, что я в Петербург попаду, вероятно, ранее, чем думал — а именно около 6-го сент⟨ября⟩; — так что, пожалуй, и не застану там еще Михаила Матвеевича[1]. — Придется тогда с Вами переговорить кой о чем. Во всяком случае будьте так любезны и прикажите в конторе редакции, чтобы все письма, пакеты и т.п., которые придут туда на мое имя, не пересылались бы сюда, а ждали бы моего прибытия.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5088. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

24 августа (5 сентября) 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ. —
город Мценск.)
Четверг, 24-го авг. 78.

Милостивая государыня Любовь Яковлевна!

Я выезжаю отсюда раньше, чем я думал — а именно в будущий четверг, 31 авг⟨уста⟩. Ночь с четверга на пятницу я проведу в Туле — в "Петербургской гостинице" — и утром приеду в Вашу деревню[1]; но прошу Вас написать мне теперь же сюда, в каком именно часу отходит *первый* утренний поезд из Тулы на станцию Суходол. Я потому говорю: первый поезд — что я в тот же день вечером — т.е. в пятницу — должен возвратиться в Тулу и ехать дальше в Москву. Вы будете так любезны и вышлете мне экипаж на станцию.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

P.S. Простите, что пишу на полулистике.

На конверте: Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне *Стечькиной*.
Тульской губернии.
На станцию Суходол,
по Ряжско-Вяземской дороге.

5089. Л.Н. ТОЛСТОМУ

25 августа (6 сентября) 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
Пятница, 25-го авг. 78.

Любезнейший Лев Николаевич, Ваше письмо от 21-го[1] — а я только сейчас получил его. — Если почта так медленно ходит — то я не должен терять времени, чтобы известить Вас, что мое пребывание здесь сократилось, что я выезжаю отсюда в будущий четверг, 31-го авг⟨уста⟩ вечером — и буду в Туле в пятницу, в 12 ч. 22 м. — куда прошу выслать экипаж. Я потому доезжаю до Тулы, что оставлю там на станции железной дороги свои два чемодана — а несколько лишних верст для Ваших лошадей — небольшая важность. Я же от Вас возвращусь в Тулу только для того, чтобы немедленно проехать по Ряжско-Вяземской дороге к Mlle СТЕЧЬКИНОЙ! — а от нее опять назад в Тулу — и уже тогда вместе с чемоданами в Москву. — Видите, какая сложная операция![2]

Итак, 1-го сентября я к обеду у Вас... если только Вы в тот день не отозваны куда-нибудь на охоту. — (NB. — Я сегодня своими глазами видел жеребенка, пораненного волком прошлой ночью. — Их у нас много по лесам, да никто не едет травить их.)

Мне очень приятно узнать, что все в Ясной Поляне взглянули на меня дружелюбным оком. А что между нами существует та связь, о которой Вы говорите, это несомненно — и я очень этому радуюсь — хоть и не берусь разобрать все нити, из которых она составлена... Одной художественной — мало. — Главное то, что она есть[3]. Фет-Шеншин написал мне очень милое, хоть и не совсем ясное, письмо, с цитатами из Канта; я немедленно отвечал ему[4]. Вот, стало быть, я и недаром приезжал в Россию, хотя, собственно, то, что я имел в виду, окончилось, как и следовало ожидать, fiasco'м[5].

Итак, до скорого свидания — поклонитесь всем Вашим — крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5090. А.В. ТОПОРОВУ

25 августа (6 сентября) 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ-и,
город Мценск.)
Пятница, $\frac{\text{25-го ав.}}{\text{6 сент.}}$ 1878.

Любезнейший Топоров,

Имею известить Вас о том, что, Богу изволящу, я выезжаю отсюда через 6 дней — а именно в четверг, 31-го авг⟨уста⟩ — а в понедельник, *4-го* сент⟨ября⟩, утром буду в Петербурге, где останусь всего два дня. — Конечно, я Вас увижу — впрочем, я Вам телеграфирую из Москвы — а Вы мне возьмите № в "Европейской гостинице", только поскромней. Да вот еще что: будьте благодетель, сходите от моего имени к редактору "Недели" Гайдебурову и попросите у него присланную ему мною рукопись г-жи Гаспарини (описание Рима) — если только она уцелела — и приберегите ее к моему приезду[1].

Здоровье мое недурно; подагра погрозилась было, да отошла прочь. Надеюсь, что и Вы — тоже — молодцом.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5091. КЛОДИ ШАМПО

26 августа (7 сентября) 1878. Спасское

Spasskoïé.
Samedi, $\frac{\text{26 août}}{\text{7 sept.}}$ 78.

Chère Didie de mon cœur, mein theuerstes Kind (comme ton parrain je puis te nommer ainsi) — j'ai reçu ta grande et charmante lettre[1] et je baise bien tendrement la gentille main qui l'a écrite. — Vous vous êtes royalement amusés, ton Georges et toi. Tout vous a réussi — et Maman m'écrit[2] que

vous êtes revenus tous les deux splendides et rayonnants de santé. — La Providence vous le devait; elle n'a pas souvent un si gentil couple à protéger — mais elle ne fait pas toujours son devoir... Enfin je suis content d'elle. — Te voilà donc de retour dans ton nid — et je ne tarderai pas non plus à y montrer ma vieille figure qui s'épanouira en te voyant[3]. — Voilà le moment de reprendre tes pinceaux ou tes crayons, hein?

A propos de pinceaux, si tu avais été ici, comme tu ne donnes pas dans le paysage, je ne t'aurais pas montré dans mon jardin des groupes de vieux bouleaux, comme il n'y a pas de pareils dans le monde — et quels tilleuls! — mais tu aurais trouvé quelques têtes remarquables à croquer. — Je n'ai jamais vu une plus belle figure d'apôtre ou de patriarche que celle d'un vieux paysan de *Tapki* (lis bien!) qui est venu me voir à Spasskoïé. — Il y avait une sérénité sur son front, une gravité dans sa barbe — et une vertu — oui, une vertu sur son nez et ses joues — qui étaient aussi admirables qu'édifiantes à voir. — Cet homme a eu peu de pensées dans sa vie; mais il n'en a jamais une seule mauvaise![а] — Il n'est jamais sorti des traditions antiques;[б] — sa vie s'est passée comme dans une église; — et tout simple paysan qu'il[в] est, il[г] marche comme entouré de tout le respect, qu'il[д] a toujours inspiré! C'était vraiment très beau. — Comme contraste, je t'aurais montré une pauvre femme qu'on vient d'admettre dans notre hôpital. — Imagine-toi un malheureux être de 80 centimètres de haut — sans bras et sans jambes: un tronc — assez gros, surmonté d'une tête et finissant par des pieds attachés probablement tout droit au... enfin oui — au derrière ou au ventre! Le visage est rouge, plein, sans rides — et d'une expression presque gaie; les yeux sont louches, gris et grands — la bouche énorme, la voix très douce — et tout ce que dit cet avorton est spirituel et empreint de bonne humeur. — Imagine-toi — cette femme coud, *brode* avec sa bouche en appuyant ses larges lèvres sur l'espèce de verrue qui se trouve au bout de son épaule et qu'elle peut ramener en avant[4]. — Je rapporterai à Bougival un essuie-main très gentiment brodé par elle! — Du reste, voici une sorte de croquis qui la représente:

[а] seule mauvaise! — *вписано над зачеркнутыми 2 нрзб.*
[б] antiques; — *вписано над строкой.*
[в] *Далее зачеркнуто*: était
[г] *Далее зачеркнуто*: marchait
[д] *Далее зачеркнуто*: avait

En voilà une qui est payée pour ne pas croire en Dieu — et qui cependant doit y croire et au ciel, et aux récompenses du paradis — et à tout ce qui doit la dédommager pour la triste vie qu'elle mène ici-bas! Avec cela elle n'a pas l'air d'être malheureuse — au contraire!

Combien de fois avons-nous[е] projeté, toi et moi, encore pendant mon séjour à Paris, d'aller ensemble voir des tableaux — et cela ne s'est presque jamais réalisé, je ne sais trop pourquoi! — J'ai décrit dans une lettre à Maman, l'impression que m'a faite cette fois la galerie de Dresde et surtout la Madone de Raphaël![5] — Combien j'aurais été heureux de voir tout cela avec toi! — Tu a visité dans le temps cette galerie... mais alors tu étais encore trop jeune — (beau défaut, par parenthèse!) et je suis sûr que maintenant tu aurais bien autrement tout compris. On prétend que je suis un réaliste dans mes écrits et je le crois aussi — et j'aime le réel dans l'art, le réel poétique — c⟨'est⟩-à-d⟨ire⟩ tellement vrai qu'il en devient beau — mais j'avoue que l'idéalisme de cette — — Madone me *foudroie* — c'est le mot — et je crois bien que c'est le dernier mot de l'*Art.* Seulement pour faire de ces choses — il ne suffit pas d'avoir du génie — il faut du bonheur; — et Raphaël était précisément un de ces génies heureux.

Oh! voilà de l'esthétique, de la philosophie — arrêtonsnous.

Avant de quitter Spasskoïé, j'écrirai à Jeanne une fable[6] que tu lui liras. En attendant embrasse-la bien de ma part[ж] et demande lui si elle se souvient de son parrain? Je vous embrasse tous — bien fort — et toi spécialement — avec toute la tendresse imaginable.

Ton vieux fidèle
I. Tourg.

[е] *Далее зачеркнуто*: fait
[ж] de ma part — *вписано над строкой.*

5092. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

29 августа (10 сентября) 1878. Спасское

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ-и,
в город Мценск.)
Вторник, 29-го авг. 78.

Милостивая государыня Любовь Яковлевна,

Спешу ответить на только что полученное от Вас письмо[1]. Мне будет удобнее приехать к Вам в пятницу, *1-го сентября*, в *2 ч. дня* — а выехать от Вас в ночь с 1-го на 2-ое в 3 ч. пополуночи[2]. Если Вашему брату угодно меня проводить, то пусть он будет в вокзале около 12-ти ч. в пятницу[3]. Полагаю, что он меня узнает.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

На конверте: Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне *Стечькиной*.
Тульской губернии.
На станцию *Суходол*,
Ряжско-Вяземской жел. дороги,
в сельцо Плутнево.

5093. КЛОДИ И ЖАННЕ ШАМРО

30 августа (11 сентября) 1878. Спасское

Spasskoïé.
Mercredi, $\frac{\text{le 11 sept.}}{\text{30 août}}$ 78.

Chère Didie adorée, je t'ai écrit tout récemment une longue lettre[1] — et je n'ai rien de bien neuf à te dire, sinon que je t'adore — (mais cela, tu le sais aussi bien que moi) — et que je ne veux pas m'en aller d'ici (je pars demain) sans t'envoyer un petit mot! Je n'ai pas besoin de te dire avec quel plaisir je pense à mon retour! — Comme je l'écris à ta sœur[2], il faudra que je vous rapporte du beau temps — et rien ne manquera à notre bonheur. — Il fait aujourd'hui ici un temps radieux — un beau soleil d'automne, doré et tranquille, un ciel un peu pâle, mais souriant; — dans le feuillage partout — de belles taches jaunes et rouges qui ne font que donner plus

de valeur encore au vert vigoureux, du reste, — les fils de la Vierge qui flottent — une sorte de vernis humide sur la terre et sur l'herbe — et les corbeaux qui se massent en troupe et volent haut en criant tumultueusement. — Un seul souvenir me gâte tout cela: c'est aujourd'hui la St Alexandre — et l'anniversaire de la boucherie *sous Plevna*, de "l'assaut du jour de nom de l'Empereur" — qui nous a coûté *19 000* hommes![3] — Tâchons de ne pas y penser.

Ainsi, tu reprends ta place à *l'atelier* et tes pinceaux et tes crayons?[4] Essaye donc de faire un beau et *ressemblant* portrait de Maman[5]. — Il faut que je revienne pour vous aiguillonner tous.

La page suivante est destinée à Jeanneton[6]; tu auras la complaisance de la lui lire — et de l'embrasser ensuite sur les deux joues de la part de son vieux parrain. — Ich küsse tausendmal Deine lieben Hände und bin auf ewig

Dein treuer
J. T.

P.S. Mille choses (comme dit Jeanne) à Georges[7].

L'oiseau d'argent et la grenouille jaune
Fable (ou Conte)
dédiée à Mlle Jeanne Chamerot

Il y avait une fois une petite grenouille verte, qui n'était pas bonne du tout. — Elle vivait au pied d'un grand arbre; et sur les branches de cet arbre vivait un bel oiseau d'argent, qui était très bon et qui avait une très longue queue! Un jour, la grenouille dit à l'oiseau: Je voudrais bien monter à l'arbre pour voir ce qu'on voit d'en haut; mais je ne sais pas comment faire. — Alors l'oiseau dit: Je vais te tendre ma queue; accroche-toi et je te ferai monter dans les branches. — Et l'oiseau, qui était très bon, tendit sa queue à la grenouille. — Mais la grenouille, après avoir happé avec sa bouche la plus belle plume de la queue de l'oiseau, au lieu de monter, se mit à tirer de toute sa force. — Qu'est-ce que tu fais là? dit l'oiseau. — Je veux t'arracher ta plume, pour m'en faire une belle parure, dit la grenouille, en continuant à tirer. — Attends, méchante! dit l'oiseau. — Et il s'envola très haut dans l'air, en emportant la grenouille accrochée à sa queue. — Ké... ké... kéxé... xa! cria la grenouille très effrayée. — Tu voulais voir ce qu'on voit d'en haut, dit l'oiseau; — eh bien, regarde! — Mais la grenouille n'avait plus le cœur à regarder; et elle se mit à

crier: Gr... gr... grâce! Descends-moi à terre! Mais l'oiseau, qui passait au-dessus d'un marais, dit: Ouvre la gueule — et tu tomberas dans la boue où tu ne te feras pas de mal et où tu seras très bien. Et la grenouille ouvrit la gueule — et plouff! elle tomba dans la boue du marais. Elle ne se fit pas de mal en effet — mais comme le marais était sale et comme elle avait eu très peur, elle devint toute jaune (comme du caca) — de verte qu'elle avait été. — Et elle resta comme cela toute sa vie. Et l'oiseau d'argent s'envola sur l'arbre et chanta une belle chanson au soleil qui venait de se lever.

5094. Н.А. ЩЕПКИНУ

10 (22) августа — 31 августа (12 сентября) 1878. Спасское

Для Н.А. Щ⟨епкина⟩.

1.) Маталкиной сложить печь;
2.) Печь переложить в богадельне;
3.) Балка в Захаровой комнате;
4.) О риге и воротах;
5.) Провал на большой плотине;
6.) О колодце и избе для лесника;
7.) О Тапках;
8.) О просьбе церковного сторожа;
9.) Поп Алексей просит 15 осинок;
10.) Филипп просит место под усадьбу у кладбища;
11.) Порфирий просит:
кирпича из овинной ямы,
дубовый столб,
срубить ветки ракит;
12.) О продаже губаревской земли[1].

5095. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

5 (17) сентября 1878. Петербург

С.-Петербург.
"Европейская гостиница".
Вторник, 5/17-го сент. 78.

Любезнейшая Любовь Яковлевна,

Прошу передать прилагаемую фотографию Вашей матушке[1]. Сожалею, что не мог найти более удовлетворительного портрета; а другого делать некогда; я завтра уезжаю в Париж. Скажите также Вашей матушке, что

надпись, сделанная мною, не есть фраза — а выражение действительного чувства: я очень рад, что познакомился с Вами и с Вашим семейством.

Размышляя о том, что Вы мне прочли, я убедился, что Вами руководил верный художественный инстинкт, когда Вы ввели новое лицо Пашеньки[2]; то, что случилось с нею, должно быть если не оправданием, то хоть некоторым изъяснением того, что случится с Вашей героиней, на которую судьба Пашеньки должна произвести глубокое, сильное, хотя почти бессознательное и смутное, впечатление... именно *такие* впечатления часто решают весь последующий смысл и характер жизни. От души желаю, чтобы Вы сладили с Вашим трудным, трудным сюжетом... Но Вы молоды — и у Вас талант — неподдельный и несомненный. Вот уж точно можно сказать: "Spiritus flat ubi vult"[3]. Как это такой сюжет залетел в такой оазис, каков Ваш, да еще в голову барышни, девицы?

Буду с нетерпеньем ожидать Вашего извещения. Кстати, не будет ли с моей стороны нескромностью попросить Вашей фотографии, но только, если возможно, не в том, слегка взбудораженном, виде? (Я говорю о волосах[4].) Если же другой нет, то я и за эту скажу спасибо.

Мой постоянный адресс: Париж, 50, Rue de Douai.

Передайте мой дружеский поклон всем Вашим и примите уверение в искренней моей преданности.

Ив. Тургенев.

На конверте: *Тульской* губернии.
По Ряжско-Вяземской дороге,
на станцию *Суходол*,
в с-о Плутнево.
Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне *Стечькиной*.

5096. Н.А. ЩЕПКИНУ

5 (17) сентября 1878. Петербург

С.-Петербург.
Гостиница "Европа".
Вторник, 5-го сент. 78.

Любезный Николай Александрович,

Я вчера прибыл благополучно сюда и отправляюсь завтра дальше — в Париж. — (Случилось одно только малень-

кое несчастие: банки с вареньем разбились[1].) — Посылаю Вам письмо к Покатило[2] и еще раз прошу позаняться этим делом. — Надеюсь, что у Вас все хорошо и молотилка действует исправно[3]. Погода благоприятствует.

Кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

5097. А.А. БРЯНЧАНИНОВУ

13 (25) сентября 1878. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
Chalet
Четверг, 25/13-го сент. 78.[a]

Милостивый государь Анатолий Александрович,

Имею сообщить Вам — (и прошу извинения в том, что не сделал этого раньше) — что Ваша рукопись была получена мною в Петербурге — и немедленно передана в редакцию "Вестника Европы" — лично г. А.Н. Пыпину; а здесь в Париже я еще застал главного редактора, Михаила Матвеевича Стасюлевича — и имел с ним большой разговор о Вашей драме, которую я рекомендовал, как только мог. — Не сомневаюсь в том, что она будет принята[1]. — Он обещался мне вступить с Вами в переписку по этому поводу[2].

Очень сожалею о том, что мой скорый отъезд из деревни помешал мне вторично видеться с Вами; надеюсь, что в следующий приезд мой я буду чаще иметь это удовольствие.

Передайте мой дружеский поклон Африкану Васильевичу[3] и примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

5098. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

13 (25) сентября 1878. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
Chalet
Четверг, 25/13-го сент. 78.[а]

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Кажется, обо всем я с Вами фундаментально переговорил — а главное — или почти главное — позабыл. — Я хотел Вам — самым искренним и теплым образом — отрекомендовать моего доброго петербургского приятеля Александра Васильевича Топорова. — Это человек безукоризненной честности, дельный, преданный и деятельный; он хорошо знаком с книжным делом — и для *администрации* журнала, конторы и т.д. мог бы оказать великие заслуги[б]. — Он именно то, что французы называют un homme de confiance. — Теперешняя служба его — (при дворце) — ставит его в безвыходное — для его будущности положение — и нисколько его не интересует — да и не может интересовать. — Если Вам подобный человек нужен, пошлите-ка за ним и поговорите с ним. — Он немного "бутуз" на вид — и говорит тяжеловато... Но, поверьте мне, это *совсем хорошая* личность. — Живет он в Сергиевской ул., № 2. Если Вам будет возможно его пристроить — то Вы и мне окажете истинное одолжение — и, могу прибавить без преувеличения — и самому себе. — Я не сомневаюсь в том, что он более чем оправдает мою рекомендацию[1].

Ну а засим желаю Вам и всем Вашим всякого благополучия, поздравляю с возвращением на родину и остаюсь

искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

P.S.

Адрессы:

1.) Автора народной драмы[2] Анатолия Александровича Брянчанинова — в гор. Орле, в Земском банке.

2.) Автора поэмы "Слепой художник" — Василия Богдановича Пассека — в Петербурге — площадь Большого театра, д. № 10, кварт. № 14.

[а] *Так в подлиннике.*
[б] *Было*: великую пользу

5099. Н.А. ЩЕПКИНУ

13 (25) сентября 1878. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
Chalet
Четверг[a], 25/13-го сент. 78.

Любезный Николай Александрович,

Имею сообщить Вам, что я прибыл сюда благополучно четыре дня тому назад — и останусь здесь еще три недели; а там переезжаю в Париж, Rue de Douai, 50. Надеюсь, что и у Вас также все благополучно.

Жду от Вас известий — а пока кланяюсь Вам дружески и прошу передать мой поклон всем Вашим.

Ив. Тургенев.

P.S. Пошло ли в ход дело Жикина[1] и получили ли Вы вовремя мое письмо к г. Покатило?[2]

5100. ФИЛИППУ БЮРТИ

18 (30) сентября 1878. Париж

Lundi matin.
30 sept-bre.

Cher Monsieur Burty,

Je viens vous prier de remettre notre visite à l'Exposition[1] à *mercredi* — à *1 heure*, si vous le voulez bien. — Il me tombe sur les bras une affaire qui me retiendra tout le jour[2]. Mais mercredi je viens chez vous sans faute, si vous ne me faites rien dire[3].

Mille excuses et au revoir.

Votre bien dévoué
Iv. Tourguéneff.

5101. Н.А. ЩЕПКИНУ

22 сентября (4 октября) 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Пятница, $\frac{\text{4-го окт.}}{\text{22-го сент.}}$ 78.

Любезный Николай Александрович,

Я получил пакет с письмами, а также извещение, что Вы выслали 125 р. г-ну Топорову. — С тех пор я получил

---

[a] *Так в подлиннике.*

письмо от г-жи Родионовой (из Белозерска), в котором она опять просит о высылке пенсиона[1]. — Я знаю, что *25* р. сер. (с 1-го сент⟨ября⟩) были ей высланы; — но получили ли Вы от нее уведомление об этом? — Если нет — узнайте, пожалуйста, в чем дело.

Я также получил от бывшего нашего секретаря при посольстве Паскевича письмо, в котором он мне рекомендует ту г-жу Тимковскую, которая уже была моей пенсионеркой, но которую я потом исключил[2]. — Пожалуйста, перешлите ей от моего имени 15 руб. сер. — причем выразите мое сожаление, что я больше ничего не в состоянии для нее сделать. Вот ее адресс:

Анне Александровне Тимковской, через город *Харьков*, в деревню Малую Омову, дом крестьянина Трофима Набики.

Здоровье мое продолжает быть удовлетворительным. В Париж переезжаю дней через 15.

Кланяюсь всем Вашим и желаю Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

5102. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

22 сентября (4 октября) 1878. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
Chalet
Vendredi, 4 oct. 78.

Mon cher ami,

Je me suis trompé, en effet, et la lettre allemande que vous me renvoyez était destinée à R. Lindau que vous connaissez, je crois. Il ne m'a pas renvoyé celle qui était à votre adresse[1] — ce qui me fait supposer qu'il n'est pas encore de retour à Paris. Dans ma lettre je vous priais de vouloir bien envoyer de ma part à Ph. Burty (Boulevard des Batignolles, 11 bis) — la collection de mes ouvrages que vous avez publiée[2] — à l'exception de "Nichée"[3], "Fumée"[4] et "Récits d'un chasseur"[5] — qu'il possède déjà. J'ajoutais que je regrettais de vous avoir si peu vu cet hiver et que j'espérais qu'il n'en serait pas ainsi cet hiver-ci.

Il y a dix jours que je suis revenu de Russie; dans quinze jours nous retournons à Paris.

Je vous serre cordialement la main et au revoir.

Votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

5103. ВИЛЬЯМУ РОЛЬСТОНУ

25 сентября (7 октября) 1878. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
Chalet
Monday, Oct-ber 7-th, 78.

My dear friend,

I have just received your letter[1] and hasten to tell you that I come to London *Wednesday in the evening* — on my way to Newmarket, where I will remain three days shooting partridges at my friend B. Hall's residence[2]. — I will stop in London at *St. Pancras Hotel* — at the St. Pancras station — and leave next day, *Thursday*. Will you come in the evening at the Hotel and ask for me? I will give you all the information you wish about c-t L. Tolstoï[3] — with whom I just have passed three days at *Yasnaïa Poliana*. — We had quarreled 16 years ago — but are now as good friends as ever[4].

I have read your article about H. Gréville. — She has to thank you for it — and I am very glad of her success[5].

Итак — до скорого свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5104. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

26 сентября (8 октября) 1878. Буживаль

Bougival. Les Frênes.
d. 8. Oct. 1878.

Mein lieber Freund,

Ich bin hier, wie Sie vermuthen, seit ein paar Wochen — und habe mich leider in Berlin nur ein paar Stunden aufhalten können, da ich dem dritten russischen Concert noch beiwohnen wollte[1]. — Die ganze Familie habe ich hier gesund und wohl angetroffen. — Ich bedaure herzlich, dass es mit der Ihrigen nicht so gut geht. — Manches Wunderliche habe ich in Russland allerdings erlebt[2] — worüber sich bei Ihrer Ankunft in Paris — ganz gemüthlich plaudern lassen wird[3]. — (Es kommt mir vor, ich schreibe ein ganz ungrammatikalisches Deutsch — aber das hat keine Bedeutung!)

Meinen "Traum" haben Sie richtig nacherzählt; — ich wundere mich aber ein bißchen darüber, dass Sie es werth gefunden haben, so etwas dem lieben Publico mitzutheilen.

Aber, o fürchterlicher Freund, Sie überschütten mich ja mit einer wahren Sturzfluth von Complimenten! Nun werde ich den Mund nicht öffnen können ohne zu denken: "Aufgepasst! Jetzt musst du deinen Zauber ausüben!" — So zauberhaft glaubte ich wirklich nicht zu sein[4].

Mit dem grössten Vergnügen würde ich Sie autorisiren, den "Partage" zu verdeutschen; das kleine Ding ist schon aber übersetzt und wird nächstens in "Westermann's Illustrirten Heften" erscheinen[5].

Auf baldiges Wiedersehen also! und einen herzlichen Händedruck von Ihrem

Iw. Turgénjew.

5105. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

30 сентября (12 октября) 1878. Буживаль

Bougival. Les Frênes.
Суббота. 12-го окт. 78.

Любезная Аделаида Николаевна,

Мне очень желательно Вас видеть — да, кстати, мне следует передать Вам последние два N-а "Вестника Европы"[1]. — Не потрудитесь ли Вы прийти ко мне (50, rue de Douai) — во *вторник*, в начале 1-го часа? — Если Вы мне ничего не дадите знать, я буду ожидать Вас[2].

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Paris.
31, Avenue des Gobelins.

5106. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

30 сентября (12 октября) 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Середа[a], $\frac{\text{12-го окт.}}{\text{30-го сент.}}$ 1878.

Любезнейшая Любовь Яковлевна,

Вчера я получил Ваше письмо с фотографией, за которую весьма благодарю[1]. Она очень хороша и похожа,

---

[a] *Так в подлиннике.*

несмотря на несколько эксцентрическую прическу. Извините за хлопоты, которые Вам причинила попытка сделать другую. С своей стороны, я обещаюсь Вам сняться на днях — и, если фотография выйдет лучше той, которую я доставил Вашей матушке (что, впрочем, нетрудно), я немедленно перешлю ее Вам — в двух экземплярах.

Ваши замечания насчет продолжения Вашего романа[2] и полусознанного влияния, которое должен произвести на Вашу героиню случай с Пашенькой, совершенно верны. Приняв это за точку отправления, не вдавайтесь в *излишнее* мотивирование: так как, при всей странности, дело естественно и даже логично — то путный читатель поверит Вам и поймет Вас; а непутный... Господь с ним — для него и писать не стоит. Вы правильно указали на главный грех Вашей Вареньки — ее жажду счастья "во что бы то ни стало"; и выражение Ваше: "совершенно непривычная покорность" — тоже очень верно и счастливо. Все, что Вы говорите, более и более возбуждает во мне и надежду, что Вы справитесь с Вашей задачей — и желание увидеть ее поскорее оконченной. На другой день моего приезда в Париж я имел свидание с редактором "Вестника Европы", М.М. Стасюлевичем — и много говорил с ним о Вас: он мне показался весьма заинтересованным в благополучном исходе Вашего предприятия — и я не сомневаюсь в том, что страницы его журнала для Вас раскрыты настежь[3].

Мне кажется нужным напомнить Вам о сокращении вводных лиц, которыми изобиловал Ваш роман (впрочем, и Вы были того же мнения). Этюды эти могут Вам пригодиться впоследствии; а именно в таком произведении, каково Ваше, все, что не содействует прямо ходу драмы, является излишним и даже утомительным для читателя. Ему некогда останавливаться: он должен быть увлечен неудержимо. Это не значит, чтобы Вам следовало писать в роде А. Дюма; впрочем, об этом много толковать нечего: Вы очень хорошо знаете, что я намерен сказать.

Итак, мне остается прибавить одно: работайте, работайте!

Засим прошу Вас передать мой дружеский привет Вашей матушке и всем Вашим — и крепко пожать Вашу руку.

Искренно Вам преданный
Ив. Тургенев.

На конверте: *Russie.* G-t de Toula.
Mademoiselle L. Stetchkine.
Тульской губернии.
На станцию *Суходол*,
по Ряжско-Вяземской дороге.
Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне Стечькиной.

5107. А.А. ФЕТУ

30 сентября (12 октября) 1878. Буживаль

Bougival. Les Frênes.
(Seine-et-Oise.)
Суббота, $\frac{\text{12-го окт.}}{\text{30-го сент.}}$ 1878.

Любезнейший Афанасий Афанасьевич, сегодня минуло три недели, как я здесь — а я только теперь собрался ответить на Ваше дружеское письмо[1], в чем извиняюсь. — Странное дело! Под старость и жизнь катится шибче, и ничего не успеваешь сделать, хотя, собственно, и делать-то нечего. — Не могу извиниться даже нездоровьем — ибо, напротив, давно так хорошо себя не чувствовал, благодаря пилюлям (capsules de F. Joseph) — отрекомендованным мне одним старым подагриком. — Упоминаю об этих пилюлях, потому что они так же отлично действуют против ревматизма — и, быть может, могли бы принести пользу и Вам. — С сожаленьем слышу, что Ваше здоровье в состоянии неудовлетворительном. — Видно, всякий человек, перешедший черту пятидесятилетия, превращается в некоторое подобие Плевны[2], осажденной всякими недугами под предводительством "Фанатоса"[3]; остается только упорно отбиваться до последней отчаянной вылазки — или сдачи... Будем надеяться, что эта беда еще не скоро настанет.

Вы описываете свое настоящее местопребывание с не совсем выгодной стороны; однако я слышал, что Ваша Воробьевка прекрасное имение: один дубовый парк в 18 десятин чего стоит![4] — В настоящую минуту я мысленно переношусь к Вам и вижу Вас с ружьем в руке (несмотря на геморрой) стреляющим по вальдшнепам в Вашем парке: конец сентября — самый их привал в наших краях. — Помните, какие мы с Вами свершали охоты! Что касается

до меня — то, со времени моего переселения из Бадена[5] — я перестал даже думать о ней: ни собаки нет, ни ног — да и дичи не имеется во Франции для людей немиллионеров. — Мы с Виардо пустили было несколько пар кроликов в наш парк — он не так велик, как Ваш — а десятин 6 в нем все-таки будет; — но наши кролики не поддержали своей стародавней репутации (vide: l'art d'élever des lapins ou de se faire 3000 fr. de rente[6]); — не только ничего не наплодили — да и сами ушли[7]. В течение последних двух лет я убил всего — одну галку, и то не здесь, а в России, в Малоархангельском уезде, в имении г-жи Мухортовой, у которой я гостил[8]. — Sic transit...[9]

Мне было очень весело снова сойтись с Толстым — и я у него провел три приятных дня[10]. — Все семейство его очень симпатично; а жена его — прелесть. — Он сам очень утих и вырос. — Его имя начинает приобретать европейскую известность... Нам, русским, давно известно, что у него соперника нет.

Поклонитесь от меня Вашей супруге и примите дружеское рукожатие от

преданного Вам
Ив. Тургенева.

P.S. Передайте мой привет Вашему племяннику — Пете — или, как теперь следует его величать — Петру Борисову. — Он, говорят, умник большой руки[11].

5108. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

1 (13) октября 1878. Буживаль

Буживаль. Les Frênes.
Воскресение, 13-го окт.

Любезная Аделаида Николаевна,

Если Вам возможно, то приходите в *Rue de Douai* — завтра, в понедельник, к 12 часам вместо вторника. — Я буду там[1].

Дружески кланяюсь Вам.

Ив. Тургенев.

5109. Л.Н. ТОЛСТОМУ

1 (13) октября 1878. Буживаль

Буживаль. Les Frênes.
Четверг. 13/1-го окт.[а]

Любезнейший Лев Николаевич, с тех пор как я приехал сюда — я все собирался написать Вам и попросить Вас дать мне весть о себе и о семействе Вашем, так как я оставил Ясную Поляну в не совершенно благополучный момент[1]. Хотя я уверен, что все Ваши давно выздоровели, однако мне было бы приятно узнать это от Вас самих[2].

Здесь я нашел все в порядке — и собственное мое здоровье продолжает быть удовлетворительным.

Вы, вероятно, уже получили от моего приятеля, В. Ральстона, английского литератора и любителя нашей словесности — письмо, в котором он просит Вас дать о себе несколько биографических заметок[3]. Надеюсь, что Вы ему не отказали, так как он человек очень хороший и серьезный — не какой-нибудь корреспондент или фёльетонист[4]. Вам уже, вероятно, известно, что Ваши "Казаки" вышли в английском переводе (в Лондоне и в Америке)[5] — и, по дошедшим до меня слухам, пользуются большим успехом; а Ральстон взялся написать большую статью о "Войне и мире"[6]. С своей стороны, я ему послал небольшой перечень известных мне фактов из Вашей литературной и общественной жизни — и полагаю, что Вы на меня за это[б] сетовать не будете. "Казаки" печатаются также во французском переводе в "Journal de St-Pétersbourg"[7]. — Мне это немного досадно — потому что я намеревался вместе с г-жою Виардо перевести их в течение нынешней осени[8] — впрочем, если перевод хорош — то досадовать нечего. Не знаю, приняли ли Вы какие-либо меры для отдельного издания здесь в Париже (не знаю даже, с Вашего ли согласия сделан этот перевод)[9]; — но во всяком случае предлагаю свое посредничество... Мне будет очень приятно содействовать ознакомлению французской публики с лучшей повестью, написанной на нашем языке.

Прошу Вас адрессовать свой ответ в Париж, 50, Rue de Douai, мы скоро туда переезжаем, так как погода, очевидно, портится.

[а] *Так в подлиннике.*
[б] за это — *вписано над строкой.*

Поклонитесь от меня всем Вашим; крепко и дружески жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5110. ЮЛИАНУ ШМИДТУ

1 (13) октября 1878. Буживаль

Bougival. Les Frênes.
d. 13 Okt. 1878.

Mein lieber Freund,

Sie haben mich wahrscheinlich tüchtig durchgescholten, als Sie erfahren, dass ich auf meiner Rückreise mich in Berlin nicht aufgehalten habe — und Sie hatten vollkommen Recht. Ich kann nur sagen, dass ich dazu genöthigt war[1]. Jedoch — als Beweis meiner Reue — schicke ich Ihnen mit der heutigen Post:

a.) den "Nabab" (endlich!)[2].

b.) "La Chanson des Gueux" de Jean Richepin.

Dieser letzte ist ein ganz wunderlicher Dichter — aber ein Dichter! Manches werden Sie kaum verstehen, da es im Pariser Argot geschrieben ist. (Viele Franzosen verstehen es auch nicht.) Einiges aber wie z. B. — "Le Bouc aux Enfants" p. 30 ist von classischer Schönheit. Als besonders übermüthig und toll empfehle ich Ihnen — "Fleurs de boisson" p. 173. — Es zeigt sich auf jeder Seite ein stark sanguinisches Temperament, das in unserer reflexionsblassen Zeit wohlthuend wirkt. — Leider ist Richepin ein confirmirter Säufer[3].

Und da ich hoffe Sie durch diese kleine Gabe etwas besänftigt zu haben, so rufe ich: Vergebung! Vergebung!

Grüsse vielmals Ihre Frau und drücke kräftig Ihre Hand.

Iw. Turgénjew.

5111. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

4 (16) октября 1878. Буживаль

Bougival. Les Frênes.
Середа, 16/4-го окт. 78.

Любезнейшая Аделаида Николаевна,

Приходите в субботу утром к 11 час. в Rue de Douai — и, если меня еще там не будет, подождите несколько минут — так как железная дорога иногда опаздывает. Мне

очень жаль, что мои письма[1] так поздно попали в Ваши руки.

До свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Paris.
Au bureau de poste
de la Rue du Cardinal-Lemoine.
Poste restante.

5112. ВИЛЬЯМУ ГЕНРИ ХОЛЛУ (БЕЛЛОКУ)

4 (16) октября 1878. Буживаль

Bougival. Les Frênes.
Wednesday, Oct. 16-th. 78.

My dear friend,

I have not answered immediately to your letter, because I wanted to be able to communicate you something definitive[1]. — And now I am happy to announce you that I shall leave Paris *Sunday* morning, sleep in London at St. Pancras hotel — and come to Six Mile Bottom *Monday* in the morning[2]. — I will be certainly very happy to make the acquaintance of Mr Jowett — and visit Oxford under the guidance of such a distinguished person as he is[3].

I hope that this time my wishes will be at last realized — and I beg you to believe me

yours very sincerely,
Iv. Tourguéneff.

5113. М.М. АНТОКОЛЬСКОМУ

7 (19) октября 1878. Париж

Суббота, 18-го[a] окт. 78.

Любезнейший Антокольский,

Г-жа Виардо и ее дочери согласны участвовать в концерте — *но с тем условием только*, чтобы кроме их не было для *пения* никаких *артисток*; они смотрят на это

---

[a] *Так в подлиннике.*

дело с точки зрения услуги — и соперничество с артистками допустить не могут. — Сообщите это нашему Комитету и Гинцбургу[1]. — Программу же их (и мою) Вы найдете на следующей страничке. — Я завтра еду в Лондон, в субботу вернусь и тотчас дам Вам знать.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Дайте знать Ваш ответ г-же Виардо, не дожидаясь моего возвращения, а также *когда* будет иметь место этот концерт[2].

Duo de Cendrillon — *Nicolo*
par Mme Chamerot-Viardot
et Mlle Marianne Viardot.

Air du Barbier — *Rossini*
par Mlle M. Viardot.

---

a.) Habanera à deux voix
Mme Chamerot-Viardot et Mlle M. Viardot.
b.) Duo sur des airs hongrois
arrangé par Mme P. Viardot
Mme Chamerot-Viardot et Mlle M. Viardot.

---

a.) Romance — ("Нет, только тот...") Tchaïkofsky
b.) Marguerite au rouet — Schubert
Mme P. Viardot

1.) Отрывок из "Нови"
2.) Отрывок из "Записок охотника"

Г-н И. Тургенев.

5114. КЛОДИ ШАМРО

15 (27) октября 1878. Оксфорд

Oxford.
Balliol College.
Dimanche, 27 oct. 78.

Chère Claudie bien-aimée, j'ai reçu ta gentille lettre[1] au moment de quitter Six Mile Bottom[2] — et je prends la plume pour t'écrire quelques mots pendant le quart d'heure de répit qui m'est donné au milieu de tous ces "sight-seeings". Je suis ici depuis hier — logé chez le "master" de ce collège, un vieux et charmant savant, le plus affable et le plus bonhomme qu'on puisse voir[3]: j'ai une grande chambre un peu froide avec un feu de cheminée qui pue plus qu'il ne chauffe dans le dos. — Nous venons de parcourir Oxford, où l'on voit les plus beaux bâtiments qu'on puisse rêver dans le genre anglo-gothique — avec des arbres admirables, des pelouses vertes et un ciel bleu pâle par-dessus tout. Les peintres paysagistes anglais sont bien bêtes de ne pas savoir profiter de tout cela. — Comme c'est aujourd'hui dimanche — tout est désert, les rues sont vides, on entend des chiens hurler derrière les portes fermées; de temps en temps on rencontre des jeunes gens très graves avec le *gown* noir flottant sur leurs épaules et une sorte de bonnet d'uhlan noir sur la tête. — Mon ami Hall (qui est bien certainement l'être le plus sympathique!) a voulu m'accompagner jusqu'ici — et nous sommes même entrés dans une église où nous avons entendu un sermon prononcé par un jeune prêtre avec des intonations tellement émues et pénétrantes que le sommeil le plus irrésistible est venu s'emparer de moi — d'autant plus que chaque fois que l'émotion lui faisait baisser la voix à la fin des phrases, je ne comprenais plus un traître mot. — Nous sommes plusieurs visiteurs chez le bon Mr Jowett (c'est le nom du "Master", chez lequel nous demeurons, un grand helléniste[4] par parenthèse); — Mr et Mme Spottiswood de Londres, le grand philologue Max Müller et sa femme, le bon Ralston, etc.; — les personnages ne respirent et n'inspirent pas une gaîté folle — mais enfin c'est instructif et curieux. — Et puis, on se dit que demain on se met en route et que dès après-demain matin on reverra les "Frênes" et ses habitants! — Il m'a été impossible d'arranger les choses autrement: — demain lundi je quitte O⟨xford⟩ de bonne heure — je passe une partie de la journée avec ton oncle[5] — et le soir je prends

le train de nuit de Calais, qui arrive à Paris à 7 h. du matin. — L'un des derniers jours de mon séjour à Six Mile Bottom a été voué à la chasse — (NB. j'ai continué à tirer like a pig — et je n'ai tué que 11 pièces); l'autre jour — il a plu presque tout le temps — et nous avons profité de cela pour faire visite à Cambridge — où nous avons déjeuné chez Mr Fawcett[6], membre du parlement, grand ami des Russes et aveugle (son père lui a crevé les *deux* yeux à la chasse par un coup de fusil), sa femme est une petite personne très énergique, une sorte de nihiliste anglaise — avec une toilette que je te décrirai![7] J'aurai *beaucoup*, beaucoup à vous raconter. — Mais je serai très content d'être de retour. — Tu ne me dis rien de Paul: je suppose que Leipzic ne lui a pas été trop défavorable...[8] et à propos de cela, j'ai entendu un "parson" jouer du violon, accompagné par sa femme... That was a treat! — Je remets tout cela à mon retour.

P.S. Je t'envoie un bon petit dessin du "Punch"[9]. — Je te prie d'embrasser de ma part tout le monde — à commencer par Jeanne![10] — Et puis je te prie de me tendre tes deux chères mains et tes joues, pour que je les embrasse bien, bien fort et bien tendrement.

Ton vieux qui t'adore

J. T.

5115. М.М. АНТОКОЛЬСКОМУ

18 (30) октября 1878. Буживаль

Bougival. Les Frênes.
Середа, 28-го[a] окт. 78.

Любезнейший Марк Матвеевич,

Я только вчера вечером прибыл в Париж — и потому не мог присутствовать на нашем заседании[1]. Между тем мне непременно нужно с Вами видеться — для нашего концерта[2]. — Можете Вы прийти ко мне *завтра* в Rue de Douai, 50, к половине *1-го*? Я буду ждать Вас.

До свиданья; жму Вам дружески руку.

Ив. Тургенев.

---

[a] *Так в подлиннике.*

5116. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

18 (30) октября 1878. Буживаль

Bougival. Les Frênes.
Середа, 28-го[а] окт. 78.

Любезнейшая Аделаида Николаевна, я вчера вечером вернулся из Англии, и мне нужно Вас видеть и, кстати, передать Вам *200* р. сер., присланных для Вас на мое имя Стасюлевичем. Если возможно, приходите завтра в Rue de Douai, 50 — в *12* часов[1]. — Я буду там.

Дружески Вам кланяюсь.

Ив. Тургенев.

5117. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

18 (30) октября 1878. Буживаль

Bougival. Les Frênes.
Середа, 28/16-го[а] окт. 78.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Я только вчера поздно вечером вернулся из *Англии* — (воображаю Ваш удивленный взгляд!), где провел 10 дней, охотился, посетил Кембридж и Оксфорд и т.д. — Об этом когда-нибудь после — а теперь ограничусь *делом*:

1.) Получил письмо со вложенными 200 р. — и завтра же передам их Луканиной[1].

2.) Переношу отказ Пассеку и Брянчанинову с великим стоицизмом — ибо уверен, что Вы имели на это свои "резоны"[2]. — Сколько мне помнится, я и рекомендовал их с умеренным жаром.

3.) Благословляю Вас на издание еженедельной газеты[б, 3], которая неминуемо будет иметь успех при искусном ведении и снисходительном воззрении на нее Театральной улицы[4]; — но не могу не удивляться Вашему мужеству!

4.) Сожалею о постигшем Вас *физическом* падении — и надеюсь, что здоровье Ваше теперь совершенно восстановились. — Говорить о сем не буду ни Вашей супруге — если увижу ее еще в Париже — ни кому другому.

[а] *Так в подлиннике.*

[б] *Было*: ежемесячного журнала

5.) От Стечькиной еще нет никакого известия. — Вероятно, она продолжает работать над второй частью[5].

6.) Еще раз прошу Вас иметь в виду *Топорова*[6]. — Этого человека я рекомендую сознательно и искренне — ибо уверен в том, что он будет Вам *очень полезен*.

Засим крепко жму Вашу руку и желаю всего хорошего.

Ваш
Ив. Тургенев.

5118. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

19 (31) октября 1878. Париж

Любезная Аделаида Николаевна, вот невыгода не знать Вашего настоящего адресса[1] — я Вам писал вчера poste restante с назначением свидания Вам со мною сегодня в 12 ч. Rue de Douai — (я имел вручить Вам от имени Стасюлевича 200 р. сер.)[2] — и Вы не пришли, вероятно не получивши письма. — И теперь пишу я Вам на авось — с просьбою прибыть ко мне завтра в *11* часов — а не то в субботу в *11* же часов. — Авось наконец удастся свидеться с Вами[3].

Жму Вам дружески руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Париж.
Четверг, 31 ок. 78.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Au bureau de poste
de la rue du Cardinal-Lemoine.
Paris.
Poste restante.

5119. А.А. БРЯНЧАНИНОВУ

20 октября (1 ноября) 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Пятница, $\frac{\text{1-го нояб.}}{\text{20-го окт.}}$ 78.

Милостивый государь,

Из полученного мною сегодня Вашего письма[1] я с сожалением узнал, что рекомендация моя не оказалась

достаточной в глазах г-на Стасюлевича — и что рукопись Вашей драмы возвращена Вам[2]. — Понимаю вполне горькое чувство, которое должно было овладеть Вами при этой новой неудаче[3]; — но с полной добросовестностью могу просить Вас не поддаваться этому чувству и не отказываться от литературной деятельности, к которой — я все-таки убежден в том — Вы имеете несомненное призвание. Отчего бы Вам не попытаться в повествовательном роде, так как драмы вообще неохотно принимаются для напечатания в журналах? — Во всяком случае, повторяю, Вам не следует терять бодрость и махать рукою на Ваше любимое занятие. — Быть может, новый опыт будет удачнее... Многие начинания литературных карьер представляют подобные примеры.

Примите уверение в совершенном уважении

Вашего покорного слуги

Ив. Тургенева.

5120. ГЕНРИ ЛЬЮИСУ

20 октября (1 ноября) 1878. Буживаль

Bougival. Les Frênes.
Friday, Nov. 1-st, 78.

Dear Mr Lewes,

I have received the two volumes — and thank you very much indeed for this gift. — My own books will, I hope it, reach your hands before the 9-th of Nov⟨ember⟩[1]; and the box with the pills (Capsules de F. Joseph) will leave Paris to-morrow. Try them — and may they be as useful to you as they are to me.

I need not repeat you how happy I have been to meet Mrs Lewes and you at our friend's residence — and with what pleasure I remember these three days[2] — cela s'entend de soi-même. — But be so kind and tell George Eliot how much I admire in her the poet and the woman — and believe me

yours very sincerely,

Ivan Tourguéneff.

5121. Ф.А. ВАЛЬТЕРУ

21 октября (2 ноября) 1878. Париж

Paris. 50, Rue de Douai.
Samedi, 2 nov. 1878.

Cher Monsieur de Walther!

J'ai beaucoup regretté mon absence de Paris pendant que vous y étiez[1], et je viens vous remercier de l'obligeant envoi que vous venez de me faire[2]. Je n'ai certes pas oublié le temps, où j'ai été votre élève — et si j'ai conservé pendant toute ma vie le culte et l'amour de l'antiquité et des belles lettres classiques, c'est à vous que je le dois en partie[3]. J'ai lu avec le plus vif intérêt les hymnes et autres poésies latines que vous avez consacrés à nos gloires[4], et j'ai pu me convaincre avec une véritable satisfaction que si vous êtes resté Allemand par l'érudition — vous êtes devenu Russe par vos sentiments patriotiques[5]. A mon premier voyage à Pétersbourg qui, je l'espère, aura lieu l'hiver au mois de février, je ne manquerai pas d'aller frapper à votre porte et de serrer cordialement la main de mon ancien maître.

Agréez, Monsieur, l'assurance des sentiments les plus distingués

de votre très humble serviteur et ancien élève

Ivan Tourguéneff.

5122. А.А. МЕЩЕРСКОМУ

22 октября (3 ноября) 1878. Буживаль

Буживаль. Les Frênes.
Воскресение, 3-го нояб.

Любезнейший князь,

Я вернулся из Англии — и очень бы желал свидеться с Вами[1]. — Не зайдете ли Вы завтра ко мне — 50, Rue de Douai — в половине двенадцатого?[2] — Мы бы вместе позавтракали и покалякали бы.

Во всяком случае до скорого свидания. Жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

5123. КЛАРЕ ТУРГЕНЕВОЙ

24 октября (5 ноября) 1878. Буживаль

Bougival. Les Frênes.
Ce 5 nov. 78. Mardi.

Chère Madame Tourguéneff,

Ayez l'obligeance de me faire savoir par ce messager l'adresse exacte de Khanykoff à Rambouillet — ainsi que l'heure du départ du train de Versailles à Rambouillet que je dois prendre. — J'irai demain rendre visite à notre pauvre ami malade[1].

Mille amitiés.

Votre tout dévoué
Iv. Tourguéneff.

5124. Н.А. ЩЕПКИНУ

24 октября (5 ноября) 1878. Буживаль

Буживаль. Les Frênes.
Вторник, 5-го нояб. / 24-го окт. 78.

Любезный Николай Александрович,

Я получил уже довольно давно тому назад Ваше письмо от 2-го окт⟨ября⟩[1] — и имею Вам отвечать следующее:

Благодарю Вас за распоряжения насчет каленских крестьян[2], г-ж Тимковской и Родионовой[3]. — Что же касается до просьбы Порфирия — то скажите ему, что я не в состоянии помочь его переселению так, как бы он желал, ибо не имею даже определенного понятия о том, сколько денег ему нужно; — но Вы можете ему выдать от моего имени деньгами или лесом и т.п. 75 руб. сер. — Этой суммы я не могу превзойти.

Я послезавтра переезжаю в Париж — и потому Вы впредь пишите мне по старому адрессу: 50, rue de Douai.

Из выписки, данной мне Вами при отъезде, я усматриваю, что *21-го окт⟨ября⟩* я получаю по Спасской аренде — 2679 50 к., *25-го окт⟨ября⟩* по кашеваровской — 1400, а *1-го нояб⟨ря⟩* по кадненской — 1339 р. 33 $^1/_2$. — Изо всех этих сумм прошу выслать мне *2000* р. сер. — а остальные хранить до востребования — и до поправления курса, а также и для ведения расходов. — Также прошу Вас съездить

от моего имени к Николаю Сергеевичу, который, судя по его письму, возвратился[а] в Тургенево — и представить ему *500* р. в число уплаты процентов за нынешний год — а остальные попросить обождать. — Не оставьте обо всем этом меня уведомить.

Также прошу Вас написать мне, чем же разрешилась наконец наша история с Волновым по Холодову[4] — и долго ли придется нам видеть по этой графе в приходе *0* — как это представляется в Вашей выписке.

Здоровье мое удовлетворительно; надеюсь[б], что все в Спасском также[в] благополучно.

Кланяюсь всем Вашим и жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

5125. П.В. АННЕНКОВУ

25 октября (6 ноября) 1878. Буживаль

Буживаль. Les Frênes.
Середа, 6-го нояб. 78.

Любезный друг Павел Васильевич, мне хочется услышать от Вас "слова живы" — а то уж больно давно я ничего не знаю. Приютились ли Вы в Брюсселе — и как можете Вы с чадами Вашими и супругой?[1] Я еще здесь — но послезавтра, накануне того знаменательного дня, когда мне стукнет *60* лет — я переправляюсь в Париж, в Rue de Douai, 50, куда и прошу впредь адрессовать Ваши письма. — Не знаю, доходили ли до Вас слухи, что я ездил в Англию? — Действительно, я посетил этот "остров пышный, остров чудный"[2]; пробыл там 10 дней, охотился, был в Кембридже, был в Оксфорде[3], насмотрелся и нанюхался всякой всячины, убедился, что англичане несомненно великий и оригинальный народ (который до судороги нас ненавидит) — но вынес оттуда то чувство, что жить на почве этого "пышного острова" — ни-ни! не хотел бы — хоть и не могу не нахвалиться ласковостью приема. — Об этом когда-нибудь изустно — где это все изложить на письме?!

[а] *Далее зачеркнуто*: из
[б] *Далее зачеркнуто*: также
[в] *Далее зачеркнуто*: удовлетвори⟨тельно⟩

Загадочность моих слов о скором нашем свидании разрешается просто: я *до* Нового года непременно желаю съездить в Голландию посмотреть Рембрандтов; понятное дело — что Брюссель лежит на дороге — а в Брюсселе сидите — или тоже лежите? — Вы; — и потому как же нам не свидеться?[4] Надо воспользоваться тем, что подагра меня оставляет — пока — в покое; правда, зато сердце пошаливать стало... Ну, да на это есть digitalis[5].

Кстати о недугах — бедный Ханыков совсем умирает в Рамбулье[6], куда неизвестно зачем затесался. — Разнесло его страшно — и все ноги покрыты язвами. Скверное дело... Жаль его. — Вот Арапетов, напротив, процветает: я с ним обедал вчера по 20 фр. с персоны. — От него узнал я новость: дочь военного министра Милютина, Елизавета, ушла в монастырь! — Вы ее знали? — Можно ли было этого ожидать? — Вот оно что значит — долгое сожительство с императрицей![7]

Вдова А.К. Толстого, Софья Андреевна — здесь, в Париже[а]. Ведь Вы тоже ее, кажется, знали? — Да что я вру? — Ведь Вы были тогда на острове Уайте[8]. Совсем, батюшка, заела ее добродетель: и теперь только и осталось, что глядит мягко и говорит бескостно.

А что у Вас сын — нигилист — это в порядке вещей — и доказывает только то, что из него толк выйдет[9].

Ах как бы мне хотелось всласть покалякать с Вами — особенно о поездке в Россию! — Я ведь писал Вам, кажется, что опять чудеснейшим образом сошелся с Львом Толстым?[10] — Да вот, постойте, месяца не пройдет — и я буду сидеть с Вами — face à face!

Все здешние Вас помнят, любят и кланяются Вам.

И я тоже кланяюсь всем Вашим и крепко жму Вашу руку.

Ив. Тургенев.

P.S. Помните Вы толстого полковника Дрентельна, которого мы чуть не каждый день видали в 55-м году у старика А.М. Тургенева? — Вот он теперь куда выскочил![11] — При этом вспоминается мне и многое другое — и бедная Ольга, и[б] Еропкина с чубуком — и т.д. и т.д.[12] — Кладбищем стала наша память, дорогой П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩.

[а] в Париже — *вписано сверху над многоточием.*

[б] *Далее зачеркнуто*: Евреин⟨ова⟩

Кстати, Стасюлевич мне написал, что он выцарапал-таки у Вас Ваши воспоминания![13] — Вследствие чего я хвалю. Хвалю, во-1-х) Вас, что Вы их написали; во-2-х) его, что он сумел их взять у Вас; в-3-х) опять-таки Вас, что отдали... Словом: хвалю, хвалю и хвалю! И с нетерпением жду появления.

5126. Ф.Н. ТУРГЕНЕВОЙ

25 октября (6 ноября) 1878. Буживаль

Mercredi.
$10^1/_2$ h.

Chère Mademoiselle Fanny,

Mon imbécile de jardinier[1] au lieu de commander une voiture à Bougival pour *moi* l'a envoyée chez *vous*, où elle doit être tranquillement postée depuis 10 h.! — Je ne vois pas la possibilité d'aller à Rambouillet aujourd'hui — à moins qu'il n'y ait un autre train de Versailles. Faites-le-moi savoir, s'il vous plaît — mais je crois bien que je devrai remettre ma visite à Khanykoff jusqu'à vendredi, étant obligé de passer la journée de demain à Paris.

Mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

5127. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

25 октября (6 ноября) 1878. Буживаль

Буживаль. Les Frênes.
Середа, $\frac{\text{6-го нояб.}}{\text{25-го окт.}}$ 78.

Любезный брат,

Сейчас получил твое письмо от 16/28-го окт⟨ября⟩[1]. — Мне очень жаль, что ты, после благополучной поездки в Одессу, опять занемог. — Впрочем, геморрой никогда не считался опасной болезнью; оно скучно и утомительно — но медицина умеет прекращать *эти* припадки.

Вот что касается Маляревского — это гораздо хуже; болезнь его трудно излечивается, особенно при его нервной подвижности. Тут помогает только одно: полная[a] *неподвижность* — и терпение.

---

[a] полная — *вписано над строкой.*

Я — пока — не могу пожаловаться. Подагра молчит — сердце немного пошаливает — в *физическом* смысле; но с этим должно примириться.

Мы послезавтра переезжаем в Париж, 50, Rue de Douai — на жительство.

Удивляюсь тем физиономистам, которые нашли такое необычайное сходство между тобою и мною... видно, репортеру нечем было наполнить столбец газеты[2].

Н.А. Щепкин явится к тебе вскоре после получения тобою этого письма — и вручит тебе еще 500 р. процентовых денег за нынешний год[3]; я не в состоянии сделать теперь больше и надеюсь, что ты еще потерпишь и не потребуешь немедленной уплаты.

У вас, ты пишешь, осень отличная, а у нас непрерывные дожди. — Вообще климат Европы словно подвергается изменению с некоторых пор — и климат России идет в гору, чего нельзя сказать о наших фондах.

Все здешние тебе кланяются — а я дружески жму тебе руку.

Любящий тебя брат

Ив. Тургенев.

5128. С.А. ТОЛСТОЙ

Октябрь 1878 (?). Париж

Jeudi.

Chère comtesse Tolstoy,

Si vous le voulez bien, je viendrai vous voir demain vendredi vers les 4 heures. Si je n'ai pas de réponse, cela voudra dire que l'heure et le jour vous conviennent.

Recevez l'assurance de mes meilleurs sentiments.

Iv. Tourguéneff.

5129. А.Н. ТУРГЕНЕВУ

27 октября (8 ноября) 1878. Париж

Albert Tourguéneff, exprès, Vert-Bois. — Trouvé Khanikoff en état extrêmement grave, amenerai docteur de Paris aller le voir[1]. Jean Tourguéneff.

Jeudi.

Chère comtesse Tolstoy,

Si vous le voulez bien, je viendrai vous voir demain Vendredi vers les 4 heures. Si je n'ai pas de réponse, cela voudra dire que l'heure et le jour vous conviennent.

Recevez l'assurance de mes meilleurs sentiments

Iv. Tourguéneff.

ПИСЬМО И.С. ТУРГЕНЕВА К С.А. ТОЛСТОЙ.
Октябрь 1878 г. (?)

5130. А.А. МЕЩЕРСКОМУ

28 октября (9 ноября) 1878. Буживаль

BOUGIVAL
LES FRÊNES
Chalet
(Seine-et-Oise.)
Суббота утром.

Любезнейший князь,

Каюсь перед Вами в моей вине: я не успел прочесть ни данной мне Вами книги — ни рукописи[1]. — Но вот что я предлагаю: сегодня я должен быть в Париже — возьму все с собой, сегодня вечером и завтра прочту — а в понедельник утром приезжайте ко мне сюда — и мы потолкуем — и, кстати, погуляем, если погода позволит. — Чтобы сюда попасть, надо взять билет прямо в Буживаль — и, пересаживаясь в Rueil в tramway — сказать, чтобы Вас высадили на станцию — La Chaussée. Наша дача, Les Frênes — прямо напротив.

До свидания, надеюсь — и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

5131. КАРЛУ АЛЕКСАНДРУ ВЕЙМАРСКОМУ

28 октября (9 ноября) 1878. Париж

50, Rue de Douai.
Samedi, 9 nov-re.

Monseigneur,

Votre Altesse Royale ne m'en voudra pas, j'en suis sûr, de ne pas me rendre à ses ordres, quand elle saura que je dois partir ce matin même pour Rambouillet avec un médicin pour visiter un compatriote et ami qui est subitement tombé dans un état presque désespéré. Il n'a fallu rien moins qu'un cas aussi grave pour m'empêcher d'aller porter à Votre Altesse Royale l'hommage de profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être son très humble et très obéissant serviteur[1].

Ivan Tourguéneff.

5132. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

28 октября (9 ноября) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 9-го нояб. 78.

Любезная Аделаида Николаевна,

Мне очень жаль, что Ваше здоровье все не может прийти в настоящий порядок. — Я вчера вернулся в город и теперь нескоро отсюда выеду. — Вы можете прийти во вторник, середу или четверг до 1 часу — и наверное меня застанете. — Письма к издателям будут готовы[1]; — а Вы принесите свое[2].

Дружески жму Вам руку и остаюсь

искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Au bureau de poste
de la Rue du Cardinal-Lemoine.
Paris.
Poste restante.

5133. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

28 октября (9 ноября) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Samedi, 9 nov. 78.

Mon cher vieux,

"Après tant de malheurs, Rhadamiste, est-ce vous?"[1]

Après un si long silence, après des excursions en Russie, en Angleterre[2], au diable vert — oui, c'est moi; — et je viens vous dire que je ne suis établi à Paris que depuis hier, que je veux savoir de vos nouvelles, qu'il faut que vous m'appreniez combien de temps vous restez encore à Croisset[3] — car je suppose que vous y êtes; — et je veux y aller pour vous y voir[4]. — Ma santé est assez bonne — et je marche tout seul comme un bébé de trois ans. — Pour aujourd'hui je n'ajoute pas autre chose, car je me sens pas mal ahuri — et j'attends votre réponse.

Je vous embrasse.

Votre
Iv. Tourguéneff.

5134. Б.А. ЧИВИЛЕВУ

28 октября (9 ноября) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Суббота, 9-го нояб. 78.

Любезнейший Чивилев,

Из Вашего письма (с приложенным портретом) — я должен заключить, что Вы уже снова находитесь на благословенных берегах Сены[1]. — Со вчерашнего дня и я вернулся в свое гнездо — и так как я очень буду рад Вас видеть, то прошу зайти ко мне во вторник или в середу около 11-ти часов утра — если это Вас не стеснит. А до тех пор желаю Вам всего хорошего и жму дружески Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur Boris Tchivileff.
15, Rue de Surène
(près de la Madeleine).
Paris.

5135. ЛЮДВИГУ ФРИДЛЕНДЕРУ

30 октября (11 ноября) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Montag, d. 11. Nov. 78.

Werther Herr Professor,

Empfangen Sie meinen besten Dank für das freundliche Telegramm[1]. Es hat mich sehr gefreut, dass Sie meiner nicht vergessen. Ich schäme mich bis in den Grund der Seele hinein, dass ich so oft Königsberg passire und mich dort nicht aufhalte und Sie aufsuche. — Bei meiner nächsten Reise will ich es doch ganz gewiss thun.

Ich hoffe, dass es Ihnen gut und wohl ergeht. — Mit meiner Gesundheit bin ich auch so ziemlich zufrieden — und habe längere Reisen — nach Russland und England[2] — machen können, ohne von der Gicht heimgesucht zu werden. — Der Familie Viardot geht es gleichfalls gut — und sie lässt bestens grüssen.

Nach Petersburg gehe ich wahrscheinlich schon im Februar[3].

Ich weiss nicht mehr, ob ich Ihnen für Ihre Zusendungen schon gedankt habe[4]. — Dass Sie immer willkommen sind und ich Sie immer mit Aufmerksamkeit und Genugthuung lese — darüber können Sie natürlich nicht zweifeln.

Von mir bekommen Sie wahrscheinlich nicht so bald etwas wieder. — Ich habe meine Feder niedergelegt — und bin bis jetzt mit diesem Entschluss sehr zufrieden[5]. Ich lebe nicht genug in Russland — und würde nur das Alte wiederholen. Faciant meliora potentes[6].

Empfehlen Sie mich Ihrer Frau Gemahlin — und empfangen Sie die Versicherung meiner innigen Hochachtung und Anhänglichkeit.

Ihr ergebener
Iw. Turgénjew.

5136. ЭДМОНУ ДЕ ГОНКУРУ

31 октября (12 ноября) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mardi matin.

Mon cher ami,

Il n'y a de noms spécialement bohémiens que dans les opéras[1]. — Vous n'êtes pas sans savoir que les Bohémiens, en gens foncièrement indifférents, prennent la religion des pays qu'ils habitent — et portent les noms des Saints et des Saintes de son calendrier. — Cependant je pourrais vous citer des noms (diminutifs, caressants) de Bohémiennes célèbres en Russie. — "*Steucha*" (dim. de Stépanida, Etiennette). — Elle a fait tourner les têtes de plusieurs générations entre 1820 et 1830[2]. — "*Lubacha*" (dimin. de Lubov, Charité). — "*Paracha*" (dimin. de Prascovie). "*Marioula*" (dimin. de Marie). — Elle a été amante de notre célèbre poète Pouchkine[3]. — "*Tania*" — (dimin. de Tatiana[4]). — "*Lipa*" (dimin. d'Olimpiada).

Et maintenant — choisissez[5].

Certainement qu'il faudrait se voir. Mais où et comment? — Flaubert vient de m'écrire qu'il ne revient à Paris qu'en février[6]. — Je n'ai encore vu ni Zola ni Daudet. — Il faudrait pourtant arranger un dîner comme par le passé[7]. — Je vous en écrirai deux mots[8].

Mille amitiés et au revoir.

Votre
Iv. Tourguéneff.

5137. А.А. ФЕТУ

31 октября (12 ноября) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Вторник, $\frac{\text{12-го нояб.}}{\text{31-го окт.}}$ 78.

Любезнейший Афанасий Афанасьевич,

Извините, что не тотчас отвечал на Ваше дружелюбное и обстоятельное письмо[1]. Я был в разъездах — между прочим посетил Англию, где очень хорошо поохотился и насмотрелся на тамошние два университета — Оксфорд и Кембридж. — Чудесно, дико, величественно, глупо — всё вместе; а главное — совсем нам чуждо. — Вы, вероятно, подивитесь, как это *теперь*, именно теперь — русский человек может ездить в Англию... да уж так вышло. Ненавидят нас там лихо — и не скрывают: оно, впрочем, и лучше[2]. Когда-нибудь, при встрече, покалякаем; а письменно все это передать — невозможно: я не в одном литературном отношении отчудился — (можно ли так выразиться?) от пера.

Не совсем хорошо то, что Вы мне говорите о Вашем здоровье[3]. А впрочем, Вы мне напоминаете Пирра и его беседу с Кинеасом. — Помните: "Когда мы все завоюем — мы будем отдыхать..." — "Да отчего же не сейчас отдыхать?"[4] — Так и Вы: завоевали себе такой клад, каким, по Вашим описаниям, является Воробьевка... Кажись, чего еще? — а Вы всё волнуетесь и тревожитесь. — Впрочем, если поразмыслить хорошенько — так приходится Вам завидовать: вот я, напр., застываю и затягиваюсь пленкой, как горшок с топленым салом, выставленный на холод... Всякой тревоге был бы рад — да что! не тревожится душа уже ничем. — Кстати ж — и здоровье недурно: подагра молчит — и я за ней — безмолвствую.

То, что Вы мне пишете о Пете Борисове — не совсем благополучно[5] — однако и тут все еще может прийти в настоящую норму. — Очень он уж умен и довременно уравновешен и с практически эпикурейскими тенденциями... Но стоит какому-нибудь сильному чувству — любви, напр. — его встряхнуть хорошенько, так чтобы он почувствовал, что собственное *ich* — не альфа и омега всего — и все переменится. Поклонитесь ему от меня.

Передайте также мой усердный привет Вашей супруге.

А Вам позвольте дружески пожать руку и уверить Вас в искренне преданных чувствах

Вашего
Ив. Тургенева.

5138. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

2 (14) ноября 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 14-го нояб.

Любезнейшая Аделаида Николаевна,

5 минут после Вашего ухода я вспомнил[1], что завтра в 10 ч. утра я должен ехать к живописцу Верещагину в его мастерскую[2]. — Заранее прошу извинения, если заставлю Вас даром пройтись в Rue de Douai — так как я не надеюсь, что это письмо, адрессованное poste restante, вовремя попадет в Ваши руки. — Во всяком случае буду ждать Вас в *субботу*[а] утром[3].

Дружески Вам кланяюсь.

Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Au bureau de poste restante
de la Rue Cardinal-Lemoine.
Paris.

5139. А.В. ТОПОРОВУ

2 (14) ноября 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 14/2-го нояб. 78.

Любезный Александр Васильевич,

Что Вы поделываете хорошего — и как Ваше здоровье? — Дайте о себе весточку. Что меня касается, то я, благодаря Всевышнего, весьма удовлетворительно здоров

[а] *субботу* — подчеркнуто двумя чертами.

и на подагру пожаловаться не могу. Во время моей бытности в Англии даже на охоту ходил — и ничего![1] Что-то будет дальше?

А теперь следует просьба:

Сходите, пожалуйста, к новому музыкальному торговцу *Габлеру* (у Казанского моста, д. Ольхина) — и возьмите у него фортепианную партитуру оперы Чайковского "*Евгений Онегин*" и пришлите ее сюда немедленно[2]. — У Вас ведь еще есть мои деньги? — Да еще, если возможно — те 2 скрипичные пиэсы Чайковского, которые скрипач Барчевич[a] играл на русских концертах в Трокадеро. — Одна из них озаглавлена — "Rêverie", другая — вальс[3]. — Очень бы одолжили, если бы добыли. — Чайковский получил здесь большой успех[4].

От Стасюлевича я получил письмо, в котором он меня извещает, что ему запретили издавать еженедельную газету[5]. Я этому подивился... а впрочем, нет, не удивился.

Поклонитесь от меня Самарским. Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

5140. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

4 (16) ноября 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI

PARIS

Суббота утр.

Решительно, любезная Аделаида Николаевна, мне нужно знать Ваш адресс (я его никому не сообщу) — для того чтобы по необходимости не ставить Вас в неприятное положение. Вот Вы опять должны были пройтись даром. — Вчера Н.В. Ханыков умер в Рамбулье[1] — и я должен сегодня с утра туда ехать[2] — а как Вас предварить? Poste restante? — Да Вы через три дня только это узнаете. — И потому я Вас покорно прошу оставить Ваш адресс у нашей *concierge* — а ко мне все-таки пожаловать завтра утром в воскресение. — Авось нам удастся нако-

---

[a] *Так в подлиннике, ошибочно, вместо*: Барцевич

нец устроить наше дело[3]. Только приходите пораньше — в 11 часов.

Жму Вам дружески руку.

Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.

5141. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

4 (16) ноября 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Samedi, 16 nov. 78.

Mon cher ami,

La personne qui vous présentera cette lettre est Madame Adélaïde Loukanine, une compatriote, à laquelle je porte le plus grand intérêt. — Elle vient de débuter dans la littérature russe par des nouvelles qui ont eu beaucoup de succès. L'éditeur de la revue où elles ont paru[1], la charge de faire des compte-rendus in extenso (comme les faisait jadis Old-Nick dans la "Revue des 2 Mondes") — des ouvrages les plus remarquables publiés récemment à Paris. — Voudriez-vous bien prêter de temps en temps des livres édités par vous? Je crois que vous y trouveriez votre compte par le surcroît de publicité qu'auraient ces livres. — Dans tous les cas vous m'obligeriez beaucoup ainsi que Mme Loukanine[2].

Je vous serre affectueusement la main.

Tout à vous
Iv. Tourguéneff.

5142. А.В. ГОЛОВНИНУ

6 (18) ноября 1878. Париж

...Жаль, глубоко жаль этого хорошего, умного, доброго, честного человека[1]. Понемногу исчезают наши товарищи и сверстники, люди сороковых годов. Сколько их уже не стало! И все они были недолговечны! Никто не достиг 60-летнего возраста. Пробежите памятью их уже многочисленный список, и Вы убедитесь в этом. Я не сомневаюсь в том, что Вы глубоко почувствуете эту потерю: покойный был искренно к Вам привязан и всегда с дружеским чувством отзывался о Вас. Мне остается также

поблагодарить Вас за пересланные стихи Ив. С. Аксакова[2]. Они очень трогательны, а форма их, как всегда у него, весьма изящна. Должно думать, что это изгнание скоро прекратится[3] ⟨...⟩

5143. А.Р. ДРЕНТЕЛЬНУ

6 (18) ноября 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник, 18/6-го ноября 1878.

Ваше высокопревосходительство Александр Романович,

Не знаю, помните ли Вы наши частые встречи в Петербурге зимою 1855-го года в доме А.М. Тургенева[1] — но я их не забыл и с постоянным участием следил за блистательной карьерой того молодого полковника, с которым я проводил тогда такие приятные часы — и которого я уже после ни разу не встретил. — Эти воспоминания дают мне смелость обратиться ныне к Вам, как к лицу, которого царское доверие призвало недавно на такой высокий и важный пост[2]. — Из прилагаемого письма, которое я позволяю себе препроводить к Вам[3] — Вы узнаете, в чем дело и в чем состоит моя просьба.

Г-жа Луканина действительно заслуживает, чтобы Вы оказали ей Ваше покровительство. — У ней замечательный беллетристический талант, для полного развития которого непременно нужно возвращение на родную почву и спокойное на ней пребывание. — Повести ее, помещенные в "Вестнике Европы" нынешнего года, подписаны буквами А.Л.[4] — Могу уверить Вас, что все стремления г-жи Луканиной чисто литературного и научного свойства и что, *дав ей возможность возвратиться в Россию и оградив ее от притязаний недостойного мужа*[5], Вы окажете пользу не ей одной. — Письмо ее дышит искренностью — и эта искренность неподдельна: я вполне ручаюсь за ее полнейшую благонамеренность, если Вам только угодно будет принять мое ручательство. — Во всяком случае смею надеяться, что Вы удостоите меня своим ответом, к какому бы решению Вы бы ни пришли. Бедной женщине желательно узнать свою окончательную участь[6].

Примите, Ваше высокопревосходительство, выражение тех чувств глубокого уважения и совершенной пре-

данности, с которыми честь имею пребыть Вашим покорнейшим слугою.

Иван Тургенев.

P.S. Извините, пожалуйста, этот "post scriptum"... — но мне нужно еще прибавить, во-1-х, что Александр Павлович Дегай[7] несомненно подтвердит все сказанное г-жой Луканиной и мною; он был того мнения, что ей весьма легко и неопасно вернуться; — а во-2-х, что история с парижской префектурой была совершенным недоразумением, о котором сама полиция сожалела, в чем я имею удостоверение от официальных лиц. — Г-жу Луканину продержали всего сутки под арестом — и, отпустивши ее, извинялись перед нею[8].

5144. Ф.Н. ТУРГЕНЕВОЙ

8 (20) ноября 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mercredi.

Chère Mademoiselle Fanny,

Grand merci de l'envoi — toutes les lettres partiront aujourd'hui même; j'en ai déjà envoyé une cinquantaine[1]. — On ne sait rien du cousin[2].

Mille amitiés et au revoir.

Iv. Tourguéneff.

P.S. Le "Temps" d'hier a inséré une petite notice nécrologique; elle sera répétée dans le "Journal des Débats" et d'autres journaux[3].

5145. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

10 (22) ноября 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница утром.

Любезная Аделаида Николаевна,

Вы так извиняетесь, словно невесть какое преступление совершили! Беда была очень небольшая[1]. — Я ожидал Вас вчера — мне непременно нужно услышать конец

Б.Т. 1879 см. № 59 94 38

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Mercredi

Chère mademoiselle Fanny,

Grand merci de l'envoi — toutes les lettres partiront aujourd'hui même; j'en ai déjà envoyé une cinquantaine. — On ne sait rien du cousin. —

Mille amitiés et au revoir.

Iv. Tourguéneff

P.S. Le "Temps" d'hier a inséré une petite notice nécrologique; elle sera répétée dans le "Journal des Débats" et d'autres journaux.

80

ПИСЬМО И.С. ТУРГЕНЕВА К Ф.Н. ТУРГЕНЕВОЙ
от 8 (20) ноября 1878 г.

Вашей повести и сказать Вам свои соображения[2]. Приходите, пожалуйста, в *понедельник* утром к 11 часам[3]. Мы обо всем переговорим — а быть может, к тому дню уже придет ответ Дрентельна[4].

Жму Вам дружески руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Au bureau de poste restante
de la Rue Cardinal-Lemoine.
Paris.

5146. Я.П. ПОЛОНСКОМУ

10 (22) ноября 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Пятница, 22-го / 10-го нояб. 78.

Любезный друг Яков Петрович, я действительно виноват перед тобою — тем, что не первый написал тебе: но у меня было много развлечений, если не занятий — да я как-то совсем отвыкаю от пера — не в одном литературном смысле. — Сегодня — (но это уже, конечно, нельзя назвать развлечением) — мы хоронили нашего бедного общего приятеля Н.В. Ханыкова[1]. — Уже два года, как его здоровье пошатнулось: громадная толщина, которая почти внезапно развилась в нем, не предвещала ничего хорошего: потом, после язв на ногах, наступил легочный катар, кончившийся задушением. — После отпевания, на котором присутствовало не много народу, мы его отвезли на кладбище "Père-Lachaise" — и там я перед раскрытой могилой произнес несколько прощальных слов — а за мною — известный ученый Катрфаж[2]. — Погода была туманная, сырая — сеяла мелкая крупа — нехорошо было. — Вот еще исчез один из людей "сороковых годов". — Сколько их уже ушло — и почти ни один не достигал 60-тилетнего возраста. За кем-то очередь теперь? — Не за мной ли, так как мне дней десять тому назад — минуло именно 60 лет.

Но я напрасно предаюсь этим мрачным мыслям — так как здоровье мое теперь весьма недурно — и подагра вот уже 7-й месяц меня не трогает. Да и к чему заглядывать вдаль? — Будь что будет!

Мне очень приятно было узнать, что ты тоже своим здоровьем доволен — и семейством своим, и своей квартирой; — а что ты деятельностью своей можешь быть доволен, доказательством тому служат прекрасные два твои стихотворенья, которые я прочел в "Вестнике Европы"[3]. — Что же касается до возражений Стасюлевича против некоторых сцен твоей повести — (кстати, я очень польщен тем, что ты мне ее посвящаешь) — то ты не уступай — и ничего не переделывай: Стасюлевич, я в этом уверен, кончит тем, что поместит ее в целости. Жду с нетерпеньем ее появления[4].

Поклонись от меня Григоровичу — и скажи ему, что я поздравляю его с окончательным устройством Музея и школы. — Полезное он затеял дело — и все ему скажут спасибо[5].

Анненков все в Брюсселе; — и, судя по письмам, немного прихварывает и хандрит.

Арапетов все еще здесь; — и старый (а по недавней женитьбе молодой) Соллогуб отъявился сегодня в церкви... но этот мало интересен[6].

Засим желаю тебе всего хорошего, кланяюсь всем твоим и дружески тебя обнимаю.

Преданный тебе
Ив. Тургенев.

5147. А.В. ГОЛОВНИНУ

12 (24) ноября 1878. Париж

...Третьего дни мы проводили покойного Николая Владимировича на его последнее жилище в Père-Lachaise[1]. Катрфаж и я произнесли несколько прощальных слов над его могилой[2]. Одним хорошим человеком, одним товарищем сороковых годов стало еще меньше на свете ⟨...⟩

5148. П.В. АННЕНКОВУ

15 (27) ноября 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, 27-го нояб. 78.

Любезный друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. С Вашей невеселой записочкой[1] в кармане присутствовал я на отпевании Н.В. Ханыкова, а там и на похоронах его на кладбище Père-Lachaise[2], где я произнес несколько прощальных слов. —

3767

M

Vous êtes prié d'assister aux Convoi, Service et Enterrement de Monsieur Nicolas de Khanikoff, Conseiller d'État Actuel au Service de Russie, décédé en son domicile à Rambouillet, le 15 Novembre 1878, à l'âge de 59 ans;

Qui se feront le Vendredi 22 du courant, à 11 heures très précises, en l'Église Russe, rue Daru.

On se réunira à l'Église.

De la part de toute sa famille et amis.

Imp. MERCIER, 5, R. Ville l'Evêque.

Réglem.t des Convois, ROUILLÉ, 2, R. d'Anjou St. Honoré.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПОГРЕБЕНИЕ Н.В. ХАНЫКОВА

(Старик Катрфаж, президент Географического общества, также сказал небольшую речь[3].) — Народу было очень мало, погода стояла скверная, порошил мелкий снег, под ногами хлюпала грязь, тяжелый гроб с великим трудом стащили в яму... Вообще было нехорошо. — Не знаю, там ли я — или позднее — простудился; но у меня открылся сильнейший насморк с головною болью — и вот уже третий день, как я сижу дома. — Впрочем, я полагаю, все это скоро пройдет — так же как и Ваши болести... Вы, однако, дайте мне знать, как у Вас в доме — лучше ли стало — или нет?[4]

Из газет я вчера узнал, что и кн. П.А. Вяземский отошел наконец из сей жизни в вечную. — Ну, тут — особенно, кажется, жалеть нечего. — Прихвостень пушкинской эпохи — прихвостень и при дворе — таким он останется в памяти потомства — если только оно будет помнить о нем[5].

Видел я картины (этюды и пр.) В.В. Верещагина. — Замечательный, крупный, сильный — хоть и несколько грубоватый — талант. — Он, говорят, собирается их выставить в Париже, прибавив и те, что принадлежат Третьякову в Москве: успех будет несомненный — именно теперь[6].

Антокольский начал статую Спинозы[7].

Все мои здешние здоровы — и Вам кланяются.

А я Вас обнимаю, Вас и всех Ваших.

Ив. Тургенев.

На конверте: *Belgique*. Monsieur Paul Annenkoff.
Bruxelles.
2, Rue de l'Industrie.

5149. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

15 (27) ноября 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, 27/15-го нояб. 78.

Любезнейшая Любовь Яковлевна, я все это время ожидал от Вас если не присылки Вашего романа[1], то хоть извещения о том, что он подвигается к концу; но, не получая от Вас ничего, я позволяю себе письменно обратиться к Вам с вопросом: как и в чем дело? Здоровы ли Вы — и все Ваши? работаете ли Вы и т.д.? Мне было бы весьма приятно получить от Вас хотя короткий ответ.

О себе скажу Вам, что мое здоровье продолжает быть удовлетворительным, что я ничего не делаю — и даже не снял с себя фотографии, которой хотел заменить ту, дурную, посланную Вам[2]. Не скажу, чтобы это бездействие было вполне извинительно; но оно понятно в старике. Вот в Ваши года и с Вашим талантом оно было бы точно неизвинительно. Да я и уверен, что Вы этого упрека не заслуживаете.

Прошу передать мой усердный привет всем Вашим — и принять от меня уверение в чувствах искреннего уважения и преданности.

Ив. Тургенев.

На конверте: *Russie*. G-t de Toula. Mlle L. Stetchkine.
Тульской губернии.
По Ряжско-Вяземской дороге,
на станцию Суходол,
в с. Плутнево.
Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне *Стечькиной.*

5150. Л.Н. ТОЛСТОМУ

15 (27) ноября 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа, 27/15-го нояб. 1878.

Любезнейший Лев Николаевич — и я тоже не тотчас ответил на Ваше письмо от 27-го окт⟨ября⟩[1]. — У меня были в последнее время довольно печальные хлопоты: умер старый приятель Н.В. Ханыков в Рамбулье около Парижа; надо было перевозить его тело, хоронить, распоряжаться по делам наследства[2]. — К тому ж я немного простудился — и два дня голова болела сильно. Но теперь это все минуло — и я могу поболтать с Вами.

Радуюсь тому, что вы все физически здоровы — и надеюсь, что и "умственная" Ваша хворь, о которой Вы пишете, прошла. Мне и она была знакома: иногда она являлась в виде внутреннего брожения перед началом дела; полагаю, что такого рода брожение совершилось и в Вас[3]. Хоть Вы и просите не говорить о Ваших писаниях — однако не могу не заметить, что мне никогда не приходилось "даже немножко" смеяться над Вами[4]; — иные Ваши

вещи мне нравились очень, другие очень не нравились[5]; иные, как напр. "Казаки", доставляли мне большое удовольствие и возбуждали во мне удивление[6]. — Но с какой стати смех? Я полагал, что Вы от подобных "возвратных" ощущений давно отделались. — Отчего они знакомы только литераторам — а не живописцам, музыкантам и прочим художникам? Вероятно, оттого, что в литературное произведение все-таки входит больше *той* части души, которую не совсем удобно показывать. — Да; но в наши, уже немолодые, сочинительские годы пора к этому привыкнуть.

А что я ничего здесь не пишу — это, к сожаленью, правда. Говорю: "к сожаленью" — разумеется, не вообще — а в отношении к самому себе. — А то скука одолевает. — За границей живя, перестало писаться (по крайней мере я приписываю мое бездействие заграничной жизни), а насиловать себя к этому делу, как Вам известно, нельзя. — Подождем, что дальше будет.

Английский перевод "Казаков" верен — но сух и "matter of fact", как сам г-н Скайлер, который на днях у меня был здесь проездом в Бирмингам, куда его назначили консулом[7]. Я не видел французского перевода; боюсь, что он действительно вышел неудачным — ибо знаю пошиб наших переводящих русских дам[8]. — С одной стороны, я боюсь, а с другой — чуть не радуюсь: стало быть, можно будет все-таки перевести Вашу повесть и издать ее здесь[9].

Вы у себя травили зайцев; — а я нынешней осенью тоже поохотился. — Ездил в Англию к одному приятелю, имение которого лежит между Кембриджем и Оксфордом — и поколотил достаточное число фазанов, куропаток и т.д.[10] Но эта охота — без собаки — в сущности, довольно монотонна. — Надо в таком случае превосходно стрелять; а я всегда был посредственный стрелок... да к тому ж и отвык. Кстати я посетил оба университета: Кембридж и Оксфорд[11]. — Пречудная и прехитрая штука — эти английские воспитательные учреждения! — И как же здорово они нас ненавидят![12]

"Евгений Онегин" Чайковского прибыл сюда в фортепианной партитуре. — Г-жа Виардо начала разбирать эту вещь по вечерам. — Несомненно замечательная музыка; особенно хороши лирические, мелодические места. Но что за либретто![13] — Представьте: стихи Пушкина о

действующих лицах вкладываются в уста самих лиц. — Напр., о Ленском сказано:

Он пел увядшей жизни цвет
Без малого в 18 лет —

а в либретто стоит:

Пою увядшей жизни цвет
и т.д.

И так почти постоянно.

Имя Чайковского здесь очень выросло после русских концертов в Трокадеро[14]; в Германии оно давно пользуется если не почетом — то вниманием[15]. — В Кембридже мне один англичанин, профессор музыки, пресерьезно сказал, что Ч⟨айковский⟩ самая замечательная музыкальная личность нынешнего времени[16]. — Я рот разинул.

Ну, однако, прощайте. — Благодарите графиню за память. — Всем Вашим кланяюсь — а Вас обнимаю[17].

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5151. А.А. ТРУБЕЦКОЙ

15 (27) ноября 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mercredi, 27 nov. 78.

Chère princesse Troubetzkoï,

Je n'ai pas répondu immédiatement à votre lettre[1], car j'avais la ferme intention de tenir enfin la promesse que je fais depuis trois ans (!!) — et d'aller en personne à Bellefontaine... et voilà que j'attrape un gros rhume (probablement au Père-Lachaise où j'ai dû parler tête nue[2]) — et me voilà cloué à la maison! (Les autres fois, c'était la goutte.) — Mais cette fois-ci c'est peu de chose — et j'espère pouvoir sortir dès demain. — Dans ce cas — c'est *lundi*, que j'aurai le grand plaisir de vous voir enfin[3]. Vous avez tout le droit de sourire avec incrédulité en lisant ces lignes; mais, "trotz alledem" — ... enfin, nous verrons.

Je n'ai pas besoin de vous dire combien j'ai été touché de vos sympathiques et bonnes paroles à mon endroit; — croyez bien, vous aussi, que le sentiment que je vous ai voué est aussi sincère que chaleureux — et que les relations que j'ai eues

avec vous me deviennent d'autant plus précieuses en avançant dans la vie — que je ne vois plus guères devant moi ce qui pourrait les faire oublier. — Vous savez peut-être que je viens d'avoir 60 ans[4]; — le commencement de la fin! — Il n'y a plus à s'attendre à du nouveau — — agréable.

Je ne veux pas donner dans "le noir" — et me contente de vous dire: à lundi. Tout le monde ici me fait dire mille tendresses — et moi, je vous prie de croire à l'amitié inaltérable

de votre tout dévoué

Iv. Tourguéneff.

На конверте: Madame la princesse Troubetzkoï.
Au château de Bellefontaine,
près de *Fontainebleau.*

5152. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

15 (27) ноября 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mercredi, 27 nov. 78.

Mon cher vieux,

En réponse à votre petit billet[1] dont la tristesse m'avait navré, je voulais tomber à l'improviste à Croisset — et si je ne l'ai pas fait — c'est à cause de raisons majeures. — Il a fallu mettre en terre — un vieil ami de quarante ans (quarante ans d'amitié), Khanikoff, qui s'est laissé mourir à Rambouillet[2] — dans la plus maussade maison que j'ai vue. — Il a fait bien vilain au Père-Lachaise — de la boue en bas, une sorte de grêle ou de neige par en haut, un vilain brouillard sale tout autour. — Ils ont eu une peine infinie à faire tomber le lourd et énorme cercueil dans le trou béant. — J'ai prononcé quelques paroles d'adieu au bord de ce trou, sur un tas de mottes de terre grasse et glissante. J'ai parlé nu-tête — et j'ai attrapé un assez gros rhume qui m'empêche de sortir de la chambre — et d'aller à Croisset. Cependant je vais mieux — et *certainement*, la semaine prochaine ne s'écoulera pas sans que vous m'ayez vu dans votre *maison*, *à Croisset*. — Je vois d'ici le sourire sceptique qui erre sur vos lèvres; et je dois avouer que vous avez le droit de le laisser errer, vu mes nombreux manques de parole; — et pourtant — vous verrez! vous verrez![3]

Zola n'est pas encore revenu à Paris; je n'ai pas vu Daudet. — Goncourt est venu hier chez moi pour se faire donner un peu de couleur locale — Russie méridionale, noms de Bohémiennes, etc.[4] — Je l'ai trouvé en bonne santé — un peu maigri — et toujours ces mêmes yeux, luisants et sombres — et pas bons du tout. — Il a parlé de vous avec beaucoup de sympathie.

Je viens d'avoir 60 ans, mon cher vieux... C'est le commencement de la queue de la vie. Un proverbe espagnol dit que c'est ce qu'il y a de plus difficile à dépiauter: une queue[5]; — c'est en même temps ce qui offre le moins de plaisir et de résultats. — La vie devient absolument personnelle; — et défensive contre la mort; et cette exagération de personnalité fait qu'elle cesse d'avoir de l'intérêt — même pour la personne en question. — Mais vous n'êtes déjà pas si gai — pour que j'aille encore ajouter cette note lugubre; — mettez que je n'ai rien dit.

Quand nous nous verrons, j'aurai à vous raconter *beaucoup* de choses sur mes deux voyages en Russie et en Angleterre; aussi faites-moi bavarder.

Tout mon monde ici va bien et vous salue. — Et moi, je vous embrasse. — *A bientôt*. — Vous serez averti la veille.

Votre
Iv. Tourguéneff.

5153. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

21 ноября (3 декабря) 1878. Париж

...Nun wendet man ⟨sich⟩ an Sie, den Bewährten Freund; man beschwört Sie, bei Dohm nachzufragen, wie die Sache steht[1] und darüber hierher zu berichten! Und auch hier dasselbe Schweigen!! Stumm wie das Grab, oder die Welt nach Gretchens Enthauptung...[2] Wenn in 48 Stunden... keine Erklärung anlangt, so werde ich wissen, daß man mir meinen Pietsch ausgetauscht hat — und gebe gleich den letzten kleinen Rest von Glauben und Vertrauen, das mir noch in der Brust glimmt, auf ewige Zeiten auf! ⟨...⟩

5154. Я.Н. ХАНЫКОВУ

21 ноября (3 декабря) 1878. Париж

Paris. Rue de Douai, 50.
Вторник, 3-го декабря[a] 1878.

Любезнейший Яков Николаевич, имею честь сообщить Вам, что я, с Вашего согласия и от Вашего имени, взнес нашему священнику 300 франков, сумму вполне достаточную для вознаграждения и его, и причта[1].

Также открыл я подписку на памятник Н⟨иколаю⟩ В⟨ладимировичу⟩, и уже в два дня собрано около 500 фр. Я такой же лист посылаю в Россию к Головнину[2]. Сколько мне помнится, Вы хотели подписать 150 франков.

От Головнина я получил извещение, что академик Вельяминов-Зернов взялся написать биографию покойного[3]. Головнин также дал мне знать, что он написал управляющему, и, когда Вы приедете в Петербург, готов Вам помогать всячески.

Надеюсь, что Вы благополучно доехали, и жду от Вас несколько строк ответа на настоящее письмо[4].

Прошу Вас принять уверение в моем искреннем уважении и преданности.

Ваш Ив. Тургенев.

5155. ДЖОРДЖ ЭЛИОТ

21 ноября (3 декабря) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Dec. 3-d, 1878.

My dear Mrs Lewes,

An hour ago I received from your daughter[1] a letter telling me of the very dangerous illness of her father, and just now I read in the newspapers a telegramm relating the fatal termination of this illness![2] I don't dare to trouble the very deep grief you must feel — I only ask the permission to send you the expression of my heartfelt and sincere sympathy.

[a] *В тексте публикации*: ноября

May you find in your own great mind the necessary fortitude to sustain such a loss! — All your friends, all learned Europe mourn with you.

Believe me, my dear Mrs Lewes,

yours very truly,

Iv. Tourguéneff.

5156. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

22 ноября (4 декабря) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Середа, 4-го дек. / 22-го нояб. 78.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Я виноват перед Вами; не отвечал, как следовало, на Ваше последнее письмо[1]. Но и теперь этот ответ за мною... и, быть может, в нем будет нечто такое, что удивит Вас. — Теперь я хочу говорить с Вами только об *одном* деле.

Вы уже знаете, что добрый наш друг Н.В. Ханыков скончался[2]. — Мы его похоронили на Père-Lachaise — а теперь мы вот что задумали: мы хотим поставить ему по подписке памятник. — Деньги на это нужны небольшие: 1500, много 1700, франков. — Около половины уже собрано здесь — и мы надеемся, что получим еще. Но надо, чтобы и русские друзья в России — (ученые и пр.) участвовали. — Я написал А.В. Головнину[3], просил его сообщить об этом своим знакомым — и позволил себе прибавить, что Вы откроете у себя подписной лист и что приношения могут быть направлены в редакцию "Вестника Европы". Я это сделал, ибо не сомневался в Вашем согласии — и теперь Вас извещаю об этом. — Не думаю, чтобы нужно было извещать желающих через посредство "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩". — Деньги потребны небольшие — и их легко будет собрать частным образом.

К Новому году можете прислать что окажется. — Памятник будет поставлен в начале 1879-го г.[4]

Дня через два или через три ждите от меня другое письмо — а пока жму Вам крепко руку и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

5157. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

22 ноября (4 декабря) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mercredi, 4 déc. 78.

Certainement, mon cher ami, j'attendrai que vous me disiez de venir et j'espère que vous le ferez bientôt. — Je suis fort tourmenté de vous savoir dans un si vilain pétrin — et j'espère encore que vous l'exagérez un peu, sous l'influence de vos nerfs. — Quant à la *lourdeur* de la vie — il n'y en a plus de légère, passés cinquante ans[1]. — Enfin! à bientôt — n'est-ce pas?

Je vous embrasse.

Votre vieux
Iv. Tourguéneff.

5158. А.Н. ТУРГЕНЕВУ

23 ноября (5 декабря) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Jeudi matin.

Mon cher Albert,

Nous venons d'avoir une souscription pour l'érection d'un monument sur le tombeau de notre ami Khanikoff. La somme nécessaire ne dépassera pas 1800 fr.; — et nous sommes sûrs de l'atteindre[1]. — Nous avons déjà 800 fr. (Orloff seul en a donné *500*); et j'ai écrit en Russie pour avertir ceux des amis du défunt qui voudraient prendre part à notre entreprise[2]. — Je ne doute pas que votre famille ne veuille aussi en être; aussi viens-je vous prier de me faire savoir pour quelle somme faut-il que je vous inscrive?

Je vous serre cordialement la main et vous prie de faire mes meilleures amitiés à tous les vôtres.

Ivan Tourguéneff.

На конверте: Monsieur Albert Tourguéneff.
A Vert-Bois,
près Bougival.
(Seine-et-Oise.)

5159. П.В. АННЕНКОВУ

23 ноября (5 декабря) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 5-го дек. 78.

Любезнейший Павел Васильевич — мы вздумали здесь устроить подписку на сооружение памятника Н.В. Ханыкову на его могиле. — Сумма нужна небольшая[a] — тысячи полторы франков — да мы уже собрали более половины — (один Орлов — хвала ему! — дал 500). — Я написал об этом также в Россию Стасюлевичу и Головнину[1]. — Не захотите ли и Вы пожертвовать? — Франков 40 или 50? — Скажите — и я Вас так и запишу[2].

Насчет войны не беспокойтесь[3]. — Я знаю из вернейшего источника — из первейших рук — что государь и слышать о ней не хочет — и требует мира — прежде всего. — Впрочем, это подтверждается и его новейшей московской речью[4]. — Но и самый постыдный мир не поможет разорению — физическому и нравственному — нашего любезного отечества[5]. — Тут нужны другие меры... а какие? — Ты, Господи, веси!

Я не забыл Ваших рекомендаций о “романе” Пушкина — и непременно представлю Вам свои соображенья[6]. — Но надеяться при этом на Орлова нечего. Я сейчас его похвалил за щедрость... Это ему доступно; — но что касается до всего прочего — он (между нами) — совершенный пень. — Во-первых, он едва ли что-нибудь знает о собственной фамилии; а во-вторых, он разделяет, со многими другими русскими сановниками, чувство ужаса и гадливости ко всему литературному. Необразован он крайне — вот что беда. Прямой и логический продукт нашего придворного мира; а со всем тем — хороший и даже добрый человек. Впрочем, насколько возможно — постараюсь вытянуть из него сок[7].

Я все эти дни был болен — не подагрой — а моей старой болезнью — раздражением пузыря и почек. — Довольно мучительно. — Мне, однако, теперь лучше.

Кланяюсь всем Вашим и обнимаю Вас.

Ив. Тургенев.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: две

5160. Я.Н. ХАНЫКОВУ

27 ноября (9 декабря) 1878. Париж

Paris. Rue de Douai, 50.
Понедельник, 9-го декабря 78.

Любезнейший Яков Николаевич, я получил Ваше письмо, а вскоре за ним и мандат на 150 франков. Скажу Вам, кстати, что подписка на памятник Николаю Владимировичу идет очень успешно и что мы соберем, весьма вероятно, около 2000 франков. Что же касается до 300 франков, внесенных мною нашему священнику, то, пожалуйста, не беспокойтесь о них; я их в свое время получу от консульства[1].

Мне кажется, что Ваше решение переехать целою семьею в Россию весьма благоразумно. Хотя нет сомнения в том, что, в конце концов, право наследства будет утверждено за Вами, но все-таки лучше быть на месте. Если у Вас сохранилась копия с речи Катрефажа, потрудитесь прислать ее мне; она нужна для составления некрологической статейки здесь и в России[2].

Вы отзываетесь о выказанном мною участии в таких для меня лестных выражениях, что мне даже совестно благодарить Вас за них; все, что я сделал, это, как говорится в сказке, "службишка, не служба"[3], эту обязанность налагала на меня моя старинная и неизменная дружба с покойным Вашим родственником[4].

Засим, пожелав Вам всего хорошего, прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

5161. Н.А. ЩЕПКИНУ

27 ноября (9 декабря) 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Понедельник, $\frac{\text{9-го дек.}}{\text{27-го нояб.}}$ 78.

Любезный Николай Александрович,

Считаю долгом известить Вас, что я Ваше письмо от 12-го нояб⟨ря⟩ получил[1] — а вслед затем от банкира Дют-

фуа 4840 ф. — (что, вероятно, равняется 2000 р. сер.), присланных через Орловский банк. — Благодарю за скорое исполнение просьбы.

Получил я также вложенное заграничное письмо.

Благодарю также за исполнение поручений насчет брата Н⟨иколая⟩ С⟨ергеевича⟩ — и Порфирия[2]. — Сожалею о плохом состоянии его здоровья и дел; — но как помочь — право, не знаю. — Не мог ли бы он продать — если не всю землю, то хотя дом — и устроить себе приют, несколько более удобный? — Но с его характером трудно дойти до чего-нибудь положительного.

Известите меня, когда мы наконец развяжемся с треклятым Волновым[3]; да кстати: что? дело жикинское подвигается — или нет?[4]

Здоровье мое удовлетворительно. — Надеюсь, что и у Вас также всё благополучно; кланяюсь всем Вашим и жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

5162. ЭМИЛЮ ЗОЛЯ

30 ноября (12 декабря) 1878. Париж

50, rue de Douai.
Jeudi matin, 1878.

Mon cher ami,

J'étais allé chez vous avant-hier, mais on m'a dit que vous n'étiez pas encore de retour de la campagne[1]. J'espère que vous n'y resterez plus longtemps et que l'on recommencera à se voir. En attendant voici ce que je voulais vous dire: dans votre dernier feuilleton, vous promettez de parler prochainement de la "Princesse Borowski"[2]. En même temps, le feuilleton des "Débats", en constatant le fiasco de cette pièce, ajoute à peu près ce qui suit: "Il faut croire qu'à l'avenir, on ne songera plus à faire des emprunts à la littérature dramatique russe", etc.[3] C'est trop fort! L'auteur de la "Princesse Borowski" n'a aucun nom en Russie, c'est moins qu'un zéro. Sa première pièce, "Les Danicheff", n'aurait pas pu être jouée en Russie sans mourir sous les rires et les sifflets — et le voilà qui est censé représenter le théâtre russe en France! Il est possible que notre théâtre ne puisse convenir à un public parisien, mais pour des raisons qui n'ont rien de commun avec celles qui ont fait siffler la "Princesse

Borowski", qui n'est, après tout, qu'une très mauvaise pièce française[4].

Vous savez que j'ai toujours eu l'intention de vous faire faire connaissance avec notre vrai théâtre — et je le ferai certainement dès que vous serez de retour à Paris[5] — mais tous les Russes vous seraient reconnaissants si vous vouliez, dès à présent, dans votre prochain feuilleton, rétablir la vérité des faits. Il est vraiment trop misérable de voir M. de Kroukovskoï (!!!) traité comme le représentant du théâtre russe en France!

A bientôt, n'est-ce pas? Je vous serre cordialement la main.

Tout à vous
Iv. Tourguéneff.

5163. П.В. АННЕНКОВУ

30 ноября (12 декабря) 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Четверг, 12-го дек. 78.

Любезный друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. — Ваши 40 фр. внесены в список — мы уже имеем около 1500 фр. — и Антокольский нарисовал проект монумента — стало быть, всё в порядке[1]. — Должно полагать, что европейские дела вообще начинают приходить в порядок — и Ваши оброчные статьи из мифических превратятся — ну хоть в полумифические; а пока мы благодарим[2].

Неужели Вы могли сомневаться в причине падения Тимашева? Слабость и распущенность — вот его грехи. — А уж, кажется, с каким рвением он запрещал, стеснял — почти с таким же рвением, с каким лепил статуэтки и волочился за французскими девками. — Вот подите же! Его заменит первый строгий генерал — (если Шувалов, то, конечно, не посол — а брат его) — который сумеет "подтянуть". В этом умении заключается теперь у нас вся государственная премудрость[3].

Я из фёльетона Буренина узнал о неприличных поступках Боборыкина насчет домашней жизни французских беллетристов; неужели же он и меня подверг такому же зондированию? — Ах он сукин сын! — Где это он намерзничал? В каком журнале? Если возможно, пришлите; — я (разумеется, мысленно) — подотрусь и пришлю обратно[4].

Теперь, при наступлении мирных времен, в нашей прессе опять раздадутся звуки лиры благоразумного прогресса! — Но перемены, конечно, никакой не будет — как Вы совершенно справедливо заключаете[5]. — Будет стоять крепенький морозец — и старая Россия будет по-прежнему кататься по установленному санному пути. — А настанет оттепель — она поедет в телеге — и только толчков будет поболее. — Другого зрелища наши глаза (Ваши и мои) не увидят — в этом мы можем быть уверены.

Все здешние здоровы и кланяются Вам; — радуюсь, что и у Вас тоже благополучно. — Я все еще не совсем склеился — а впрочем, ничего. Дружески жму Вам руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

5164. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

30 ноября (12 декабря) 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Четверг, 12-го дек. / 30-го нояб. 78.

Любезнейшая Любовь Яковлевна, я получил вчера Ваше письмо[1] и посылаю Вам сегодня всего два слова — для того только, чтобы опять подтолкнуть или подстрекнуть Вас, ибо уверен, что застану еще Вашу рукопись неотправленной. Как это Вы хотите, еще не окончив своего романа[2], уже судить о нем? При всей тонкости Вашего критического чувства — это невозможно. Вы слишком близко стоите к Вашей картине — надо отодвинуться. Я знаю, что ко всем молодым начинающим авторам применяются (в отношении их воззрения на собственные детища) слова Гёте в "Фаусте":

"Vom Himmel forderst du die schönsten Sterne
Und von der Erde jede höchste Lust..."[3] —

и потому они всегда недовольны... Но это неизбежно. Молодой автор *должен* ставить себе самый высокий идеал и *должен* верить, что он его достигнет... А насколько это ему удалось — предоставьте судить нам, старикам. Изо всего этого следует, что Вы должны как можно скорее выслать мне вторую часть.

Так как я действительно "ничего не делаю" — то у меня и нет никакого извинения: почему я до сих пор не снял с себя фотографии? Но это будет совершено *завтра* же, и, вероятно, через неделю экземпляр поедет к Вам. А пока желаю вам всем всего хорошего и дружески жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: *Russie*. Gouv-t de Toula.
Mademoiselle Stetchkine.
Тульской губернии.
На станцию Суходол,
по Ряжско-Вяземской дороге,
в с. Плутнево.
Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне *Стечькиной.*

5165. А.В. ТОПОРОВУ

30 ноября (12 декабря) 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Четверг, 12-го дек. / 30-го нояб. 78.

Любезнейший Топоров,

Из письма Самарского[1] я узнал, что одна из моих картин ("Клеопатра") продана Беггровым за 1500 р.[2] — Если это правда и Вы в этом удостоверились, то сходите, пожалуйста, к ним от моего имени — и узнайте, каким образом они намерены переслать ко мне эти деньги — и должен ли я им прислать расписку в получении? В таком случае я Вам ее перешлю, и Вы от меня ее вручите им взамен либо самих денег, либо векселя на здешнего банкира. — Пожалуйста, уведомьте меня немедленно о результате Вашего свидания. — В случае нужды Вы можете показать им настоящее письмо.

Здоровье мое недурно; надеюсь, что и Ваше тоже удовлетворительно. — Желаю Вам всего хорошего и жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5166. ПОЛИНЕ БРЮЭР

1 (13) декабря 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Vendredi, 13 déc. 78.

Ma chère Paulinette,

Tu trouveras sous ce pli cent francs pour tes étrennes.

Les 2 flacons de Suez te seront envoyés — fil *vert* pour toi, fil *rouge* pour les enfants[1].

Tout le monde va bien ici — et moi item.

En attendant le plaisir de te voir, je vous embrasse tous.

Ivan Tourguéneff.

5167. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

1 (13 декабря) 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Пятница, 1/13-го дек. 1878.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Я, должно быть, дурно выразился в моем письме — ибо нисколько не думал об *официальной* подписке на памятник Н.В. Ханыкову при "Вестнике Европы" — а о частной, на простом листе бумаги, вроде той, которую мы устроили здесь — и только позволил себе выбрать Вас хозяином этого листа[1]. — Мы уже собрали здесь около 1400 фр.; — и нам недостает около 400 — т.е. 150 р. сер., на которые мы надеялись из России. — Позвольте продолжать надеяться, что Вы не откажетесь собрать частным образом нечто вроде этой суммы — и перешлете ее сюда с обозначением имен доброхотных дателей, которые будут мною немедленно внесены в здешний список. — Мы уже имеем план оригинального памятника, составленный Антокольским[2]. Я получил вырезку из "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" — и с любопытством прочел интересные письма покойника[3].

"Нет Орфея!"[4] — восклицаете Вы, вспоминая об удалении Тимашева — и спрашиваете себя: кто его заменит? — На это я могу Вам ответить с непогрешительностью папы: только я употреблю другое восклицание: "Нет генерала!" — и прибавлю: "Будет другой генерал!"[5].

Благодарю Вас за устранение оскорбительного примечания к стихотворению Некрасова; — а впрочем —

Господь с ними![6] — Не так, так эдак — а они, наверное, ругаться будут. — Это им здорово — а мне ничего. Не привыкать стать.

А письма — с сюрпризом — Вы все-таки от меня ждите[7].

Кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

5168. Е.Н. АДЛЕРБЕРГ

2 (14) декабря 1878. Париж

Paris. 50, Rue de Douai.
Ce 14 déc. 1878.

Madame la Comtesse,

Je prends la liberté de recommander à votre haute bienveillance le porteur de la présente, Mr Maurice Rosenthal, jeune pianiste de 14 ans, un des élèves favoris de Liszt[1], auquel on peut prédire le plus brillant avenir. — Il a l'intention de donner quelques concerts à St-Pétersbourg[2]. Mr Rosenthal mérite votre protection — et — en votre qualité de musicienne consommée — j'ose lui prédire que vous la lui accorderez.

En vous en remerciant d'avance, je vous prie, Madame la Comtesse, d'agréer l'hommage de mes sentiments dévoués.

Ivan Tourguéneff.

5169. П.В. АННЕНКОВУ

2 (14) декабря 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Суббота, 14-го дек. 78.

Милейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩,

Извольте из прилагаемого каталога (особенно на 4-й и[а] 5-й стр.) выбрать *4* книжки ценою на 25 фр. (как видите, я не разоряюсь) — и, обозначив их крестиками, прислать мне каталог обратно; — а я их немедленно доставлю в Брюссель в виде подарка на Новый год Верочке и Павлику[1]; и не думайте сопротивляться — а то я хуже наделаю!!

[а] 4-й и — *вписано над строкой.*

Сейчас получил я от Вас статейку Боборыкина; только успел заглянуть — и вижу, что этот сплетник даже Григоровича за пояс заткнет! — Экой зуд, подумаешь, во всем составе этого литературщика![2]

Вчерашняя "France" пресерьезно уверяет, что Шувалов вступает в Министерство внутренних дел с намереньем "провести" конституцию![3] — Во-первых, Шувалов вовсе не вступит; — а во-вторых — у нас пока "проводятся" только дела на манер Артемовской[4], княжны Долгоруковой[5] и т.д. — Другого "проведения" не предвидится.

Жму Вам руку и до свидания.

Ваш
Ив. Тургенев.

P.S. Получаете ли Вы "Отечественные записки"? Прочтите в ноябрьском N-е — "Из деревенского дневника" Г.И. Успенского[6]. — Замечательно.

5170. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

2 (14) декабря 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Суббота, 14-го дек. 78.

Давно не видал Вас, любезная Аделаида Николаевна. Здоровы ли Вы? — Не зайдете ли ко мне во *вторник* утром?[1] — Сообщить мне пока Вам нечего: от г-на Дрентельна я не получил никакого ответа[2] — и начинаю думать, что не получу вовсе. — Но у меня есть о чем с Вами переговорить.

Итак — до скорого свидания, не правда ли? — Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Au bureau de poste restante
de la rue du *Cardinal-Lemoine*.
E⟨n⟩ v⟨ille⟩.

5171. Я.Н. ХАНЫКОВУ

2 (14) декабря 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Суббота, 14-го декабря 78.

Любезнейший Яков Николаевич, посылаю Вам при сем статью, появившуюся во вчерашнем № "Вестника Европы" — как Вы увидите, она очень интересна[1].

Речь Катрефажа[2] я получу от г-на Мануара.

Очень рад, что завещание уже отправлено в С.-Петербург[3].

Французская некрологическая статейка еще не готова; но явится в середине нынешней (т.е. будущей) недели[4]. Я Вам ее немедленно вышлю.

Засим желаю Вам всего хорошего и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5172. П.В. АННЕНКОВУ

4 (16) декабря 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Понедельник, 16/4-го дек. 1878.

Любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. — Посылаю Вам обратно статейку г. Боборыкина[1]. Очень напоминает он известного комаринского мужика. — Так же "бежит" (т.е. пишет) "и попердывает"; так же — "судерга его подергивает" — только комаринский мужик свою собственную сраку загаливал — а Боборыкин заголяет чужие да еще нюхает и умиляется. — И при этом врет, как Хлестаков. — Ссылается на меня насчет воспроизведения в литературе живых отдельных людей — а именно всякое списывание портретов противоречит моим убежденьям — изустным и напечатанным. — Те два-три случая, где я это сделал (как напр. со Стасовым) — относились к второстепенным лицам — да и в этом я раскаиваюсь[2]. А впрочем — черт с ним совсем, с г-м Боборыкиным!

Со времени моего последнего[а] письма нового ничего не произошло; — шуваловско-конституционный пуф ус-

---

[а] последнего — *вписано над строкой.*

пел лопнуть, как пузырь, оставив за собою только легонькую вонь[3]. — Жду от Вас извещения об иллюстрированных книгах[4].

А засим обнимаю Вас и всех Ваших. — И все-таки: до свидания.

Ив. Тургенев.

5173. П.В. АННЕНКОВУ

11 (23) декабря 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Понедельник, 23-го дек. 78.

Любезнейший П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩. — Книги для детей отправлены мною только сегодня[1], — причина замедления — сильнейший припадок подагры, по милости которой я вот 6-й день лежу как пласт в постели и с трудом пишу Вам. — Будем ждать с терпением изменения к лучшему — а пока обнимаю Вас и всех Ваших и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: *Belgique*. Monsieur Paul Annenkoff.
2, Rue de l'Industrie.
Bruxelles.

5174. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

12 (24) декабря 1878. Париж

50, Rue de Douai.
Mardi soir.

Mon cher ami,

Il ne suffirait pas d'être goutteux, il faudrait être un méchant ou un jaloux pour "jeter des pierres dans votre jardin"[1]; or je ne le suis pas et ne crois pas avoir lieu de l'être. Je ne doute pas que vous n'aimiez plus que moi Mme M⟨arkovich⟩, qui m'est assez indifférente[2]: il s'agissait pour moi d'une question de justice littéraire et internationale[3]. Je me suis toujours reproché de n'avoir jamais osé demander à Mérimée pourquoi il se laissait appeler l'auteur de "Mateo Falcone", qui n'est qu'une traduction à peu près littérale d'un poème allemand de Chamisso[4]; je n'ai pas voulu avoir le même reproche à me faire vis-à-vis de vous. — Il me semblait que vous

deviez être un peu gêné de tous ces éloges unanimes, qui passent sous silence le nom de Mme M⟨arkovich⟩ — ce nom, qui se trouvait pourtant à côté du vôtre sous ce petit roman, — *qui n'est pas une légende* — lorsqu'il parut dans le feuilleton du "Temps"[5]. — Vous avez jugé bon de le supprimer — Mme M⟨arkovich⟩ vous approuve — tout est parfait; mettez que je n'ai rien dit. — Quant à moi, il est bien certain que je ne reviendrai jamais sur ce sujet. — On a assez de cailloux qui se trouvent sur le chemin de sa propre vie pour ramasser encore ceux des autres.

Mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

5175. Б.А. ЧИВИЛЕВУ

13 (25) декабря 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Середа утром.

Любезный Чивилев,

Я потому не присылал Вам за все это время "Нового времени" — что пролежал больной подагрою. — Сегодня только в первый раз встал с помощью костылей. — Зайдите завтра и унесите с собою целый ворох N-ов.

Жму Вам дружески руку.

Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur B. Tchivileff.
15, Rue de Surène
(près de la Madeleine).
E⟨n⟩ v⟨ille⟩.

5176. А.В. ТОПОРОВУ

14 (26) декабря 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Четверг, 26/14-го дек. 78.

Любезнейший Александр Васильевич,

Я получил Ваше письмецо и благодарю за наведенную справку у Беггрова; будем терпеливо ждать возвращения покупщика в январе и уплаты денег. — Странно, однако, что он не хочет Вам назвать покупщика![1]

Скажите от меня Самарскому, что обещанной статьи я еще не получал[2].

Я сам подумываю о том, как бы расстаться с Салаевым — (но это между нами); довольно он с меня нажился! Но это дело не к спеху — так как, по моему расчету, раньше будущей осени нельзя полагать, чтобы последнее издание все разошлось[3]. — Мы потолкуем об этом с Вами во время моего приезда в Петербург, который будет иметь место хотя несколько позднее, чем я предполагал, однако все же раньше марта месяца[4].

Вы получите от моего управляющего *125 р.*[5] — Из них Вы отнесите от моего имени М.М. Стасюлевичу 25 руб.[6] — а на остальные подпишитесь на следующие журналы:

1.) "Отечественные записки",
2.) "Русский вестник",
3.) "Слово",
и 4.) "Новое время".

"Московских ведомостей" не надо; и на место "Голоса" возьмите либо "Биржевые ведомости" — либо "С.-Петербургские", смотря что найдете лучшим. — "Голос" находится здесь во всех кабинетах для чтения — а "М⟨осковские⟩ в⟨едомости⟩" очень уже противны стали. — Предоставляю Вашему усмотрению даже "Новое время" заменить другой газетой[7].

Надеюсь, что Вы здоровы; — меня 8 дней тому назад постигла подагра и порядком помучила; — однако ограничилась одним коленом — и теперь мне лучше.

Поклонитесь Вашей жене и всем знакомым; дружески жму Вашу руку.

Ив. Тургенев.

5177. Е. В. А.

14 (26) декабря 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Четверг, 26/14-го дек. 78.

Милостивый государь Е. В.,

Спешу ответить на Ваше письмо[1], которое тронуло меня своей искренностью и правдивостью. Откровенно говоря, я лишь смутно припоминаю содержание статьи, присланной Вами год тому назад[2]; только впечатление

сохранилось во мне, что автор человек умный, развитой — но призванный действовать не на беллетристическом поприще. Я, вероятно, выразился бы с меньшей уверенностью и резкостью, если бы я тогда же знал, что Вам всего 19 лет. Весьма сожалею о том, что мое письмо причинило Вам столько душевного горя. Но дело еще поправимо во всяком случае; хотя и теперь из самого склада Вашего письма я готов вывести заключение, что Вы скорее призваны быть публицистом, критиком, педагогом. Но я могу ошибаться. Вам не для чего опускать руки; попытайтесь *рассказать*, не прибавляя от себя *никаких* рассуждений и соображений, какой-нибудь простой жизненный случай, где были бы замешаны две-три личности; возьмите сюжет из окружающей Вас среды, из воспоминаний Вашей молодости — но только с тем, чтобы Ваше *я* не было на первом плане — и посмотрим, что из этого выйдет... Вы вот, напр., как бы сожалеете о том, что Вы уже не раз встречались с *мыслями*, которые казались Вам Вашими собственными; истинный поэт, который *думает образами*, никогда бы не почувствовал ничего подобного. И, если у Вас окажется хоть частица этого поэтического дара, все другое приложится Вам, ибо в уме у Вас недостатка нет. Если же Вы сами вторично убедитесь, что Вам образы и краски не даются — то все-таки унывать нечего: у Вас еще остается целая область, в которой Вы можете быть хозяином. Молодое самолюбие обыкновенно при первой неудаче готово само себя смешать с грязью: так и Вы — величаете себя Третьяковским. Третьяковский потому только был смешон, что стремился быть стихотворцем, не имея на то никакого призвания; а пойми он, в чем состояло его *дело*, при его познаньях и уме (Т⟨ретьяковский⟩ был учен и далеко не глуп) он бы мог принести великую пользу. Вы говорите, что покойный Ваш учитель признал в Вас талант: это, конечно, много значит — и я первый готов буду отказаться от слов своих, если Вы мне докажете, что я ошибался, докажете, что Вы умеете *рассказывать*. Помните: scribitur ad narrandum, non ad probandum[3]. Быть может, Вы теперь еще не подозреваете, как оно трудно; Вы едва ли поверите, что *правдиво и просто* рассказать, как, напр., пьяный мужик забил свою жену, не в пример мудренее, чем составить целый трактат о "женском вопросе". Это две совсем отличные сферы:

весь вопрос в том, какая из них свойственнее Вам. Еще небольшое замечание: пишите просто; помнится, Ваши описания природы, хотя и красивые, были очень изысканны и вычурны: не забывайте — *самый благовонный цветок никогда не пахнет духами*. И уж коли пошло дело на откровенность: зачем это Вы беспрестанно употребляете слова: "я имею честь", "я имел честь"... Все это не нужно.

Посылаю Вам, по Вашему желанию, мою фотографию. Она предрянная, да у меня другой нет[4]. Если у Вас есть своя, пришлите мне ее — я увижу, совпадет ли Ваш образ с тем, каким он сложился в моей голове.

Примите уверение в моем искреннем уважении и желании Вам всего хорошего.

Ив. Тургенев.

5178. Г.О. ГИНЦБУРГУ

14 (26) декабря 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Многоуважаемый Гораций Осипович!

Комитет Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, узнав о новом поразившем Вас несчастье[1], считает сердечным долгом выразить Вам свое глубоко скорбное и искреннее сочувствие. Все члены Комитета — а также и Общества — тем больнее поражены утратой столь многообещавшего и даровитого юноши, Вашего сына, что душевные его наклонности, любимые его занятия связывали его именно[а] с тем делом, которому большая часть из нас посвятила свои труды, в котором мы все принимаем участие. — Вы потеряли в нем примерного сына — русское искусство одну из светлых своих надежд[2]. Подобные раны излечиваются только временем; — мы и не думаем предлагать Вам неуместные утешения. Но мы надеемся, что Вы не откажетесь принять от нас в эту горестную для Вас минуту повторенное заявление того нелицемерного уважения, того почти родственного сочувствия, которое Вы суме-

---

[а] именно — *вписано над строкой.*

ли возбудить в каждом из нас и которое только растет и крепнет при всех ударах, столь незаслуженно падающих на сердце, подобное Вашему.

Париж. Члены Комитета:
26-го дек. 1878. Ив. Тургенев
Ал. Боголюбов
А. Харламов
Барон Лев Фредерикс
Марк Антокольский

5179. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

14 (26) декабря 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Четверг, 26/14-го дек. 78.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Я получил письмо от графини Меренберг, которая очень беспокоится о рукописях (письмах) своего отца, напечатанных в "В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩" — и желала бы получить их обратно. — Я воображал, что они давно ей высланы. — Я отвечал ей, чтобы она обратилась к Вам — и уверил ее, что Вы не замедлите выслать ей оригиналы писем, оставшиеся в редакции "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩"[1].

Позволяю себе также утрудить Вас следующею просьбой. — Я получил от студентов путей сообщения почетный билет на музыкально-литературный вечер, данный 26-го ноября в пользу недостаточных студентов, при весьма любезном письме. — Будьте так добры, передайте этим господам — т.е. гг. распорядителям по устройству вечера (всех их подписано 17 фамилий — первым подписался студент Н. Исаев) — прилагаемое письмо[2] — а также и 25 р. сер. в виде моей платы за билет. — Деньги эти будут Вам в наискорейшем времени доставлены Топоровым[3]. Кстати, у Вас еще никакого не открылось для него места?[4]

Собралось ли у Вас что-нибудь на постройку памятника Н.В. Ханыкову?[5]

Я сегодня в первый раз встал после 9-идневного мумиеобразного лежания в постели, по милости сильного припадка подагры в колене. — Кажется, на этот раз я отделался дешево.

С Новым годом — новым счастьем и т.д. — Кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

5180. Н.С. ТУРГЕНЕВУ

14 (26) декабря 1878. Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 26/14-го дек. 78.

Любезный брат,

Получил я твое невеселое письмо с неделю тому назад — и пришел в некоторое смущение; — но сегодня получил я письмо от Щепкина, который мне пишет, что он видел тебя и что ты поправляешься: у меня отлегло от сердца[1]. — Зато удивило меня известие — что все семейство Маляревских уезжает на зиму в Петербург — а ты остаешься один в деревне[2]. — Тут что-нибудь не так. — Как же ты это останешься один? — Отчего же тебе не переехать хоть в Москву? — Как бы ни были плохи дела — vos moyens vous le permettent. — Разъясни мое недоумение.

Меня тоже подагра поломала. — 8 месяцев молчала — а 10 дней тому назад нагрянула, да с такой силой, что только держись. — Сегодня в первый раз встал и хожу на костылях. Спасибо хоть за то, что в одном колене. — Вообще, я полагаю, припадок будет непродолжительный.

Бедного Порфирия, точно, жалко. — Vous ferez une bonne œuvre, en lui venant en aide. — Я помогал, насколько было возможно. — А почему он до этого дошел — дело простое. — "Jeder muss Hammer oder Amboss sein". — П⟨орфирий⟩ родился наковальней — и в него валяли все, жена, родные и пр.[3]

Приезд мой в Россию несколько отложен. — Но все-таки — в марте месяце я там — т.е. в Петербурге. Удивительные дела совершаются на родине. — Или, говоря точнее: удивительная катавасия![4]

Здесь — и в частности — и в общем — все идет изрядно. — Скоро — только в одной Франции и будет тихо. Что и требовалось доказать.

От души обнимаю тебя и остаюсь

любящий тебя брат
Ив. Тургенев.

5181. ЛЮДВИГУ ФРИДЛЕНДЕРУ

14 (26) декабря 1878. Париж

Paris. 50, Rue de Douai.
d. 26. Dec. 1878.

Werthester Herr Friedländer,

Ich hätte Ihnen längst für Ihr interessantes Geschenk danken sollen, aber seit 10 Tagen bin ich erst heute im Stande — in einer bequemen, sitzenden Stellung zu schreiben. — Die Gicht, mein alter Feind, hat mich, nach einem 8-monatlichen Waffenstillstand, wieder heftig angegriffen und mich, an mein Bett, wie die Franzosen sagen, angenagelt. — Es geht mir schon aber besser — und hoffentlich werde ich nicht lange sitzen müssen.

Das Portrait ist allerdings nicht besonders ähnlich, hat aber für mich ein eigenthümliches Interesse — und ich danke Ihnen nochmals herzlich, auch Frau Viardot lässt danken und grüssen[1].

Meine Reise nach St. Petersburg ist etwas aufgeschoben; — jedenfalls nicht weiter als Anfang März. Dass ich diesmal Königsberg nicht bloss passire — steht fest. — Höchst wahrscheinlich nehme ich dann den Morgenzug von Berlin — und bleibe die Nacht in Königsberg. — Ein Telegramm wird Sie davon benachrichtigen[2].

Vielen Dank für den Wunsch, ich möchte wieder mal die Feder ergreifen; — bis jetzt hat sich nichts dergleichen in mir geregt. Byron's Manfred — (ein mir nur wenig sympathischer Kauz, bye and bye[a]) — sagt am Schlusse der Tragödie: "Old man, it's not so difficult to die". Ich möchte sagen anstatt "to die" — "not to write"[3]. — Es kommt Einem ganz natürlich vor.

Grüssen Sie Ihre Frau Gemahlin bestens und leben Sie recht wohl. Ich drücke Ihnen herzlich die Hand und verbleibe

Ihr ganz ergebener
Iw. Turgénjew.

На конверте: *Allemagne du Nord*.
Prusse Orientale.
Herrn Professor Dr. L. Friedländer.
In *Königsberg*
(in *der Universität*).

---

[a] *Так в подлиннике, ошибочно; следует*: by the by

5182. Н.А. ЩЕПКИНУ

14 (26) декабря 1878. Париж

Четверг, 26/14-го дек. 78.

Любезный Николай Александрович,

Сейчас получил я от Вас письмо с 7-месячной ведомостью и отзывом г. Покатило[1]. Благодарю за сделанные распоряжения по больнице и вообще за исполнение поручений.

Денег пока не высылайте — а только отправьте от меня с первою же почтой 125 руб. с. в Петербург Александру Васильевичу Топорову[2] — Сергиевская ул., № 2.

Будем надеяться, что мы вырвем наконец несчастное Холодово из проклятых зубов волка — Волнова; авось и Жикина можно будет доехать...[3] Хоть надежда эта все еще порядком неверна.

Я с неделю прохворал подагрой, однако припадок был не слишком сильный — и я начинаю ходить, хоть с помощью костылей.

Поздравляю Вас и всех Ваших с Новым годом и желаю всего хорошего.

Ив. Тургенев.

5183. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

16 (28) декабря 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Суббота, 28-го дек. 78.

Любезная Аделаида Николаевна,

Вы, может быть, удивляетесь, что все это время ничего от меня не получали; но я все это время был болен подагрой — и только вчера поднялся с постели. — Приходите, если можете, ко мне во *вторник* утром: мы опять потолкуем — и, надеюсь, с бо́льшим результатом. — Случилось нечто новое... да вот Вы услышите[1].

Итак, до свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde L⟨oukanine⟩[a].
Au bureau de poste restante
de la rue du Cardinal-Lemoine.
E⟨n⟩ v⟨ille⟩.

5184. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

16 (28) декабря 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Суббота, 28/16-го дек. 78.

Ну, любезнейший Михаил Матвеевич, поздравляю Вас с приобретением нового талантливого сотрудника. — Я только что прочел "Надо жить" — в декабрьском N-е "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩". — Кто этот Лукьянов?[1] — Если он молодой человек — из него может выйти дельный писатель. — Передайте ему выражение моего сочувствия, если Вы полагаете, что это может доставить ему удовольствие. — Показать оригинальную физиономию — с первого же опыта — это много. — Можно указать на некоторые недостатки: небрежности (особенно галлицизмы) *слога* — хотя *язык* очень хорош; — некоторый излишек подтрунивания; — а главное: вследствие неизбежного (по милости сюжета) введения иносказательности на щедринский манер — иные диалоги (особенно диалог между Hermance и Саханиным) — страдают темнотою и даже вычурностью... но все это не важно. — Важно проявление таланта несомненного и живого. С интересом буду ждать последующих трудов г-на Лукьянова.

От г-жи Стечькиной все еще не получил второй части ее романа[2], хотя она мне писала[3], что она почти совсем готова.

Мне лучше; подагра на этот раз сделала несильный приступ. Но я все еще не выезжаю.

Жму Вам дружески руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

---

[a] *Фрагмент конверта оторван.*

P.S. Есть талант и у г. Андреевского; — есть чувство и теплота. Но он не довольно обрабатывает свои[a] стихи. — В лирическом стихотворении все должно быть безупречно — и никак не следует допускать то, что французы называют cheville. — Вот хоть в его "Песнях" в декабр⟨ьской⟩ книжке — во *второй*: что может быть более вяло и не нужно, как в третьем куплете:

"*скрытой в отдаленьи*" (!)
и "*заглохшего в забвеньи*...".

Или — конец *третьей* песни... Очень уж тупо[4].

5185. А.А. ФЕТУ

16 (28) декабря 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Суббота, 28/16-го дек. 78.

Любезный Афанасий Афанасьевич, мне бы давно следовало отвечать на Ваше любезное и обширное письмо[1], в котором Вы так наглядно представляете жизнь русского country-gentleman в новом вкусе — с парком, машинами, олеандрами, европейской мебелью, чистой прислугой в ливрее, усовершенствованными конюшнями — и даже ослами (не аллегорическими, а настоящими); — — но то дело — то безделье (безделье больше дела) — то болезнь... а время уходит, уходит с непрерывным легким шелестом, словно песок в тех часах, которые держит в руке фигура Сатурна[2]. — Болезнь меня посетила в виде старой моей знакомой, подагры, которая, оставив меня 8 месяцев в покое, опять ухватилась за мое правое колено — и продержала меня в постели 10 дней... Я и теперь еще не выхожу — и гуляю по комнате с помощью костыля.

Хотел бы я отвечать на Ваше описание — подобным же описанием собственной обстановки и жизни... Но, ей-же-ей, не стоит. — Ведь и в Вашем описании интереснее всего то, что это все происходит в России. — А моя "утлая ладья" выброшена на чужой берег — и догнивает там в мире и тишине. Замечу только, что Вы напрасно предполагаете, что я уже не живу в доме Виардо — и переехал по соседству; — нет, и этого новшества не произо-

---

[a] *Было*: своих

шло; — а просто городская полиция взяла да бывший наш 48-й № перекрестила в 50-й; — и мы, как добронравные граждане, покорились.

Я сейчас упомянул о "мире и тишине"; и точно: если дела будут идти по-прежнему, Франция под эгидой тиеро-гамбеттовской республики превратится в самую идиллическую страну в целом свете. — Посмотришь: везде волнения, бури, бедствия, убийства — а здесь, как говорится, и ветерок не шелохнет. — Деньжищев пропасть, ни одного социалистического журнала, благодать и благостыня. — Худо только то, что россиянину, приютившемуся под сень этих струй, как говорит Гоголь[3], приходится на каждом рубле неукоснительно терять 40 копеек! — Но зато он, возведя очи на небеса, может утешаться тем, что $^3/_4$-ти Болгарии свободны! — Правда, с другой стороны — *вся* Болгария нас ненавидит...[4] Но уж таков предел судеб — и даже сам г-н Катков этого не переделает!

Если ничего особенного не произойдет, полагаю в марте месяце прибыть в Россию — т.е. в Петербург[5]. — Но до того времени еще много воды утечь может.

А засим, пожелав Вам — на Новый год — всего хорошего, начиная с здоровья, кланяюсь дружески Вашей супруге и жму Вам крепко руку.

Ив. Тургенев.

5186. Я.Н. ХАНЫКОВУ

16 (28) декабря 1878. Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Суббота, 28 декабря 1878.

Любезный Яков Николаевич, не трудитесь присылать мне статью М. С.[a] о покойном Н⟨иколае⟩ В⟨ладимировиче⟩; она мне не нужна; но, будьте любезны, пришлите мне личное сведение о месте рождения (а также о числе, месяце и годе) Ник⟨олая⟩ В⟨ладимировича⟩. Это мне нужно для некрологической статейки, которая все еще не появилась вследствие моей болезни[1] — я прохворал две недели подагрой — и только вчера в первый раз поднялся с постели. Так как Вы теперь, вероятно, накануне отъезда в Россию,

---

[a] *В тексте публикации ошибочно*: Ц. С.

то позвольте Вам пожелать счастливого путешествия и вообще всего хорошего.

Остаюсь с искренним уважением

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5187. КАТИ ЭККЕРТ

16 (28) декабря 1878. Париж

Paris. 50, Rue de Douai.
Sonnabend, d. 28. Dec.

Liebe Frau Eckert,

Ich schreibe Ihnen in Eile diese paar Zeilen, um Ihnen den jungen Pianisten M. Rosenthal — auf's wärmste zu empfehlen[1]. — Er hat sich hier mit vielem Erfolg hören lassen[2] — und geht gewiss einer grossen Zukunft entgegen. — Ich zweifle nicht, dass Ihr Mann und Sie den jungen Künstler mit Ihrer gewohnten Liebenswürdigkeit empfangen — und ihm guten Rath geben werden. Sie würden mich dadurch zu Dank verpflichten.

Ich grüsse Ihren Mann, drücke Ihnen herzlich die Hand und verbleibe

Ihr ergebenster
Iw. Turgénjew.

5188. ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ

19 (31) декабря 1878. Париж

Paris. 50, Rue de Douai.
Mardi, 31 déc. 78.

Mon cher ami,

Mille remercîments pour l'envoi de "Maroussia" avec la préface[1]. Tout est bien qui finit bien.

Ce billet vous sera remis par Mme Loukanine que vous connaissez déjà — et qui ne peut assez se louer de votre gracieux accueil[2]. — Je vous ai déjà dit que cette dame a beaucoup de talent — et que quelques-uns de ses récits insérés dans "Le Messager de l'Europe" de St-Pétersbourg sont très remarquables. — L'idée m'est venue de lui en faire traduire un (il n'a qu'une 50-ne de pages) — et de vous le mon-

trer; je suis sûr qu'il vous plaira — et vous pourrez donner à Mme L⟨oukanine⟩ un bon conseil — ou une recommandation pour la publication. Elle mérite qu'on la soutienne et l'encourage[3].

Je vous souhaite toutes sortes de bonnes choses pour la Nouvelle année et vous serre cordialement la main.

Iv. Tourguéneff.

5189. П.В. АННЕНКОВУ

20 декабря 1878 (1 января 1879). Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
1-го янв. 1879
20-го дек. 1878.

Любезнейший друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, поздравляю Вас сегодня с Новым годом как европеец — а 13-го поздравлю как русский. — Поцелуйте от меня Ваших деток и поблагодарите их за их премилые письма[1].

Вероятно, Вы, так же как я, прочли во вчерашних газетах известие о кончине Н.Н. Тютчева[2]. Когда я его видел в последний раз (осенью) в Петербурге — он казался олицетворением здоровья и мужественной силы! — "Heute roth — morgen todt"[3]. — Еще одним из наших меньше стало. — Жаль его — но особенно жаль бедной его жены. — К чему и к кому она теперь приютится?[4]

Мое здоровье поправилось — хотя я еще ни разу не вышел из дому. — Но могу расхаживать без костыля.

Читали ли Вы в "В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩" небольшой рассказ некоего Лукьянова "Надо жить"?[5] — Мне сдается, что тут есть нечто оригинальное и талантливое. Никогда я еще не встречал этого имени. — Если этот Л⟨укьянов⟩ молодой человек — из него может выйти большой писатель.

Засим желаю Вам и всем Вашим всего хорошего и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5190. А.Ф. ОНЕГИНУ

20 декабря 1878 (1 января 1879). Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Середа, 1-го янв. 78[а].

Любезный Онегин,

Мне хочется Вас познакомить с А.Н. Луканиной; и потому приходите, если можете, ко мне — в пятницу, в 12-м часу: она у меня будет[1]. — Я до сих пор все еще ни разу не вышел из дому — а то я бы давно заехал узнать о здоровье г-жи Терещенко; надеюсь, что оно быстро улучшается. — Передайте ей мой поклон; жму Вашу руку.

Ив. Тургенев.

На конверте: Monsieur A. Onéguine
(chez Mme Terestchenko).
78, Boulevard Malesherbes.
E⟨*n*⟩ *v*⟨*ille*⟩.

5191. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

22 декабря 1878 (3 января 1879). Париж

50, Rue de Douai.
Пятница.
9 ч. утр.

Любезнейшая Аделаида Николаевна, опять я не имел времени предупредить Вас и помешать Вам прогуляться даром! Вчера вечером я узнал только, что сегодня в 12 часов хоронят сына Гинцбурга, нашего мецената и покровителя — (он умер на острове Мадере, и тело его прибывает сегодня из Гавра). — Нам, членам Комитета, нельзя не быть на этих похоронах. — И потому извините меня, пожалуйста, а я, переговоривши с г. Онегиным, дам Вам знать, когда устроится свидание[1].

Жму Вам дружески руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.

[а] *Так в подлиннике.*

5192. А.Н. ЛУКАНИНОЙ

23 декабря 1878 (4 января 1879). Париж

50, Rue de Douai.
Суббота, 4-го янв. 79.

Любезная Аделаида Николаевна,

Приходите в *понедельник*, в 1/2 12-го; — Онегин будет[1]. До свидания. Жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте: Madame Adélaïde Loukanine.
Au bureau de poste restante
de la rue du Cardinal-Lemoine.
E⟨n⟩ v⟨ille⟩.

5193. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

24 декабря 1878 (5 января 1879). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Воскресение, 5-го янв. 79 / 24-го дек. 78.

Любезнейшая Любовь Яковлевна,

Я получил вторую часть Вашего романа[1], немедленно прочел ее, пропустил день, перечел ее опять — и вот мое впечатление: надо тотчас это напечатать — и переправлять не для чего; Вы лучше не сделаете — и то, что сделано, очень хорошо, оригинально, смело... смело до того, что *почти* невозможно. Это очень странная, но *живая* вещь... а это главное. Иное мне показалось до того "крутым" — что так и летишь вместе с автором в какой-то овраг... Однако, упавши, чувствуешь, что ничего не сломано — и опять спешишь вперед. Не могу вторично не выразить своего удивления, как это Вам, именно Вам, при Вашей обстановке, пришел в голову такой сюжет — и как это Вы с ним справились?[2] Конец особенно хорош — или, говоря точнее, хорошо то, что нет конца... Я боялся, как бы Вы не сочли нужным округлить, примирить — "versöhnen", как говорят немцы... но и тут Вас спас Ваш художественный инстинкт. Взят и поставлен перед читателем кусок

жизни; а там пускай он придумывает последствия и выводы. Нет сомнения в том, что на Вас посыплются всяческие критические укоры и нарекания[3]; но найдутся люди, которым Вы станете дороги — и которые поймут, что они имеют дело с живой литературной физиономией. К тому же, мне сдается, что при всей Вашей впечатлительности и женственности Вы не робкого десятка... Следовательно, толковать нечего... а надо печатать.

Но не полагаете ли Вы, что следует прислать сюда и *первую* часть — а уж я отправлю обе к Стасюлевичу?[4] Немногочисленные грамматические промахи и провинциализмы (как напр. "вершина" вместо "овраг") я, с Вашего разрешения, исправлю. Если Вы разделяете мое мнение, то не мешкайте присылкой; надо, чтобы Ваш роман явился в "В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩" *до* весны[5].

А засим крепко и дружески жму Вашу руку, которая призвана написать еще много, много хороших вещей. Поклонитесь от меня Вашей матушке и верьте в искреннее и горячее сочувствие

преданного Вам
Ив. Тургенева.

На конверте: *Russie.* Gouv-t de Toula.
Mademoiselle Stetchkine.
Тульской губернии.
По Ряжско-Вяземской дороге,
на станцию *Суходол*,
в сельцо *Плутнево*.
Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне Стечькиной.

5194. Л.Я. СТЕЧЬКИНОЙ

26 декабря 1878 (7 января 1879). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Вторник, 7-го янв. 79 / 26-го дек. 78.

Любезнейшая Любовь Яковлевна, я третьего дня писал Вам[1] — а сегодня пишу опять — несколько строк — во-первых, для того чтобы подтвердить все сказанное в первом письме — а во-вторых, для того чтобы подвергнуть

Вашему усмотрению: не переменить ли заглавие Вашего романа? "Кривые деревья" что-то очень напоминают затейливые заглавия критических статей в "Деле" и "Отечественных записках" ("Сердитое бессилие"[2] и т.д.) — а к тому же[a]: это название, по-моему, не совсем верно: не деревья кривы у Вас — т.е. не сами по себе они кривы — а какая-то стихийная сила их ломает и гнет. — Впрочем, я могу ошибаться; подумайте — и, если Вы не найдете ничего лучшего, — оставим: "Кривые деревья"[3].

Не замешкайте прислать первую часть[4].

Еще раз поздравляю Вас с оригинальным талантом — в чем Вы, конечно, не виноваты — так уж Господь Бог велел — и дружески жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P.S. Передайте мой поклон Вашей матушке.

На конверте: *Russie.* Gouv-t de Toula.
Mademoiselle Stetchkine.
Тульской губернии.
По Ряжско-Вяземской дороге,
на станцию Суходол,
в сельцо Плутнево.
Ее высокоблагородию
Любови Яковлевне Стечькиной.

5195. ТЕРЕЗЕ ТЭН

26 декабря 1878 (7 января 1879). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mardi, 7 janv.[a]

Chère Madame,

J'accepte avec le plus grand plaisir votre invitation pour lundi prochain.

Agréez l'assurance de mes sentiments respectueux et dévoués.

Iv. Tourguéneff.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: оно

[a] *В подлиннике название месяца написано неразборчиво.*

5196. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

26 декабря 1878 (7 января 1879). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mardi, 7 janv. 79.

Eh bien, mon ami, toujours pas de lettre?[1] — Du reste, c'est peut-être pour le mieux — car si vous m'aviez écrit il y a quinze ou dix jours — je n'aurais pas pu venir, car j'ai été dans mon lit avec la goutte. — L'attaque a été très violente — mais courte — et depuis cinq jours je mets mes bottines et marche comme un homme naturel. — Donnez-moi de vos nouvelles dans tous les cas — et n'oubliez pas que vous avez promis de venir à Paris au commencement de février[2]. — Nos pauvres dîners périclitent diablement[3].

Je n'ai vu Goncourt qu'une fois[4]; j'ai reçu un petit mot de Daudet qui souffre beaucoup d'un rhumatisme au bras *droit*[5]; quant à Zola — il est de retour à Paris depuis 4 jours — et je viens de le voir. — Il est gros et gras — il achève de bâtir une maison à la campagne[6] — et dans dix jours on représente "L'Assommoir"! Il m'a promis un fauteuil — pour la première[7]. Ce sera probablement un très beau tapage: il le sait du reste et s'en moque. — Il se moque tout aussi bien et du bruit qu'ont fait ses articles russes — et des attaques violentes d'Ulbach, de Claretie, etc. — Mais j'y pense: vous ne recevez guères de journaux chez vous — et vous ignorez peut-être[a] toute l'affaire. — Nous en parlerons quand nous nous reverrons, si d'ici là tout n'est pas oublié[8].

Je suis désolé de vous voir embourbé comme vous l'êtes — et que vous ne puissiez pas vous dépêtrer![9] — Il ne faut pas se laisser "ronger l'âme" — malgré tout — et je suis heureux de vous savoir travaillant à votre besogne[10].

Il y a pourtant des choses que je ne comprends pas. — Qu'est-ce que ça peut vous faire que Charpentier édite Sarah Bernhardt — et quelle piqûre d'épingle est-ce là?! — Ce livre, aussi bêtement écrit que misérablement illustré par Mr Clairin, est déjà plus oublié que les modes de l'année passée[11].

Et que dites-vous du vote d'avant-hier?[12]

Mme Viardot vous fait dire mille choses aimables — et moi, je vous embrasse.

Votre
Iv. Tourguéneff.

---

[a] peut-être — *вписано над строкой.*

5197. П.В. АННЕНКОВУ

28 декабря 1878 (9 января 1879). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Четверг, 9-го янв. 79.

Да, любезнейший друг П⟨авел⟩ В⟨асильевич⟩, — жизнь не шутит и смерть тоже. — Пошла уже пальба по *нашим* рядам — и все чаще и сильнее. — Как Вы говорите, целый дом и центр — (для нас) исчез в Петербурге[1]. — И кто бы мог предположить, что изо всего этого погрома уцелеет — Дарья Ивановна?!! — Это, пожалуй, даже юмор; — но без этого юмора мы бы все очень хорошо обошлись[2].

Оказывается, что Вы отгадали, к какому разряду смертных принадлежит автор "Надо жить"[3]. — Это — не кто иной, как Полонский, не поэт, а Леонид Полонский, постоянный сотрудник "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" — и автор "внутренних обозрений" — человек уже далеко не молодой и лысый, как яйцо. — Этот факт не уменьшает талантливости его повести — но значительно ослабляет те надежды на будущее, которые можно было возыметь от человека молодого и начинающего.

А "Внутреннее обозрение" в декабрьском N-е действительно превосходно[4]. — Я не говорил о нем с П. Лавровым[5] (которого, впрочем, видел на днях) — но знаю наперед, что он скажет. — Это голубь, который всячески старается выдать себя за ястреба. Надо слышать, как он воркует о необходимости Пугачевых, Разиных... Слова страшные — а взгляд умильный и улыбка добрейшая — и даже борода — огромная и растрепанная — имеет ласковый и идиллический вид.

Скажу Вам два слова также о Годаре (а не Гобаре) — Godard. — Это молодой 28-летний музыкант, о котором сначала говорили как об enfant prodige — и который потом впал в крайнюю нужду и мучительное сомнение в самом себе. — Г-жа Виардо очень его протежировала. — Теперь он написал ораторию "Le Tasse", — которая получила приз — а засим, при исполнении, пошла, как говорят итальянцы, alle stelle[6]. — Сделалась реакция в пользу полузабытого музыканта. Я сам не слышал этой оратории — ибо лежал больной — но, по словам г-жи Виардо, — это вещь весьма талантливая, молодая, с сильным колоритом — особенно последняя часть. — Обещает она очень

много — в будущем; — ну, а слово "гениальность" можно пока и не употреблять. — Влияние Берлиоза и Вагнера весьма заметно; — но сквозит также оригинальность. — Qui vivra — verra; — mais le voilà lancé.

Из России вести всё неутешительные; вот и чума подвигается к нам[7]. — Но зато — какова здесь победа? — Ее никто не ожидал — особенно в таких размерах. Смертельный удар нанесен бонапартизму[8]. Это главное. — Но рука Гамбетты все еще нужна: без этого мастера шахматной игры — республика может еще получить мат. — Он более и более входит в роль Перикла.

С Новым (русским) годом поздравляю, всех лобызаю — а Вам крепко жму руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5198. ЛЮДВИГУ ПИЧУ

28 декабря 1878 (9 января 1879). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Donnerstag, d. 9. Jan. 79.

Lieber Pietsch,

Jetzt hört aber alles auf — und ich muss ernst werden. — Hören Sie! — Aus Weimar kommt die Nachricht, dass wenn Louisens Oper[1] nicht schon in den nächsten Tagen ankommt, die Aufführung am 8-ten März (dem Namenstag der Grossherzogin) — unmöglich wird[2] — und man sich anderswo umsehen wird. — Nun muss das Manuscript (mit dem uebersetzten Text) — ehe es nach Weimar abgeschickt wird — nach Paris kommen, Louise muss die Deutsche Version an ihre Musik anpassen, manches vielleicht verändern und copiren — und das Manuscript ist nicht bloss *nicht in Paris* — ja, Dohm hat nicht einmal den Empfang angezeigt — und auf keinen der drei dringenden Briefe von Mme Viardot mit *einer* Zeile geantwortet[3]. Das sind ja die Hercules-Säulen der... wie soll ich es nennen? — der Ceremonielosigkeit. Somit verliert die arme Louise — die wahrlich *diesen* Schlag nicht nöthig hatte — um von ihrem *Pech* reden zu dürfen[4] — die einzige Chance, aufgeführt zu werden! — Ich beschwöre Sie — bei unserer alten Freundschaft — diesen Brief Dohm zu zeigen und zu lesen —

und wenn auch jetzt nichts geschieht — nun — da werde ich wissen, was ich überhaupt von deutscher Pünktlichkeit, deutscher Freundschaft — u. s. w. halten soll.

Ich brauche kein Wort mehr zu schreiben. — Leben Sie wohl.

Ihr ergebener
Iw. Turgénjew.

5199. Л.Н. ТОЛСТОМУ

28 декабря 1878 (9 января 1879). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Четверг, 9-го янв. 79 / 28-го дек. 78.

Любезнейший Лев Николаевич,

Пишу Вам по поводу "Казаков". Здесь нашелся издатель, который желал бы напечатать отдельной книгой перевод, появившийся в "Journal de St-Pétersbourg". Но так как ему известно, что перевод слаб — то ему хотелось бы, чтобы французский литератор Дюран (известный своим знанием русского языка) и я — мы просмотрели бы тщательно этот перевод — на что мы, конечно, охотно согласились. — (Я также напишу небольшое предисловие.) Издатель этот просит также Вашего уполномочия, которое состояло бы в следующем заявлении (приблизительно): «Je, soussigné, déclare, tant en mon nom qu'au nom de la personne qui a traduit (et publié dans "Le Journal de St-Pétersbourg")[a] ma nouvelle "Les Cosaques", que je donne à Mr Iv. Tourguéneff et Emile Durand l'autorisation de publier cette nouvelle en France, après avoir introduit dans le texte de la traduction les corrections nécessaires». — Подпись имени, числа и года. — Надеюсь, что Вы не найдете в этом ничего предосудительного — и могу уверить Вас, что мы оба постараемся не ударить в грязь лицом и представим французской публике "Казаков" в том виде, которого они заслуживают — и лучше, чем это сделал американский переводчик[1].

---

[a] (et publié dans "Le Journal de St-Pétersbourg") — *вписано над строкой.*

Дайте, кстати, весточку о себе и о всем Вашем семействе. Принялись ли Вы за работу в той уединенной избушке, которую Вы мне показывали?[2] — Я подвергся недавно довольно сильному припадку подагры — но он, к счастью, продолжался недолго — и я уже опять хожу без костылей и даже без палки. — Моя тульская знакомая Л. Стечькина прислала мне вторую часть своего романа, которою я остался так же доволен, как и первою. Вероятно, он будет напечатан в "Вестнике Европы". Мне любопытно знать, что Вы скажете?[3] Сам я полагаю прибыть в Россию в марте месяце — но доберусь ли до Ваших краев, еще неизвестно[4].

Поздравляю Вас с Новым годом, желаю Вам и всем Вашим всего хорошего и крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5200. А.В. ТОПОРОВУ

29 декабря 1878 (10 января 1879). Париж

Пятница, 10-го янв. 79 / 29-го дек. 78.

Любезнейший Александр Васильевич,

Во-первых, поздравляю Вас с Новым годом и желаю всего лучшего как Вам, так и Вашей супруге; а во-вторых — прошу, немедленно по получении этого письма, сходить в контору "Русской правды" (Невский проспект, № 44) — и подписаться для меня на *полугодие* — с высылкой сюда. — Полагаю, что Вы уже получили деньги от моего управляющего[1] — и что на это у Вас хватит еще. Полагаю также, что Вы были так любезны и потрудились подписаться на те газеты, о которых я уже писал Вам[2]. — Я написал сегодня письмо редактору "Р⟨усской⟩ п⟨равды⟩" Д.П.[а] Гирсу с литературным запросом[3]; — Господь его знает, может быть, он расщедрится и вышлет мне свою газету даром; — так Вы объявите в[б] конторе, что подписываетесь собственно для меня; если там ничего не скажут — и Вы не говорите ничего и подпишитесь на шесть месяцев.

[а] *Так в подлиннике, ошибочно, вместо*: Д.К.
[б] *Далее зачеркнуто*: ред⟨акции⟩

Как Ваше здоровье? Мое теперь поправилось — и я опять хожу на ногах. — Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5201. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

30 декабря 1878 (11 января 1879). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Samedi, 11 janv. 79.

Mon cher ami,

J'irai vous voir dès que ce temps froid et neigeux aura cessé — probablement vers la fin de la semaine prochaine. Vous serez naturellement averti d'avance. — J'ai aussi le plus grand désir de vous voir et de vous parler[1].

Je ne savais pas que Mme Commanville était de retour à Paris; j'irai lui rendre visite dès demain[2].

Vous êtes dans de mauvais draps — mon pauvre cher vieux, mais il vous reste la santé, le travail — et de vrais amis: avec cela on peut vivre[3]. — Surtout — ne vous *mangez* pas vous-même: c'est la seule chose à laquelle l'homme ne résiste pas.

Toute la famille Viardot vous fait dire mille choses aimables. Quant à moi, je vous embrasse.

Votre
Iv. Tourguéneff.

5202. М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ

31 декабря 1878 (12 января 1879). Париж

Париж. 50, Rue de Douai.
Воскресение, 12-го янв. 79 / 31-го дек. 78.

Любезнейший Михаил Матвеевич,

Сегодня канун нашего Нового года, с которым сердечно Вас поздравляю, Вас и всех Ваших.

Вы мне задали довольно трудную задачу с пушкинскими письмами. Напишу обстоятельное письмо г-же Меренберг; — но убежду ли ее — вопрос. Что там ни говори — а эти письма — ее собственность — и, кроме ее,

никто на них никакого права не имеет. Попытаемся — посмотрим[1].

Спасибо за передачу письма и денег по назначению[2].

Неизбежный Топоров явится к Вам с подписным листом от моего имени и с моим воззванием для получения лепты на ханыковский памятник[3]. — Мы здесь собрали 1300 фр.; недостает 400. — Неужели русские приятели поскупятся? Сумма, кажется, небольшая. Топоров также отправится к Головнину и др.

Л. Полонский, действительно, удивил меня. — Что он человек очень умный — это я знал давно; — но что он одарен беллетристическим талантом — это для меня новость![4] Отчего же он не начал раньше? А Вы пожмите от меня ему руку. Это *он* тоже написал отличное Внутреннее обозрение в декабрьской книжке?[5] — Коли он — il a donc toutes les cordes à son arc. — Молодец!

Смерть Н.Н. Тютчева глубоко меня опечалила[6]. — Отличный был человек. Для меня вместе с ним исчезнет в Петербурге целый дом, центр, приют. Очень оголяется жизнь.

А та барышня, о которой я Вам и писал и говорил, Стечькина — прислала мне наконец вторую часть своего романа[7]. — И — либо я олух непроходимый — либо у ней талант самородный, оригинальный — из ряду вон. Я тотчас дал ей знать, чтобы она также прислала мне *первую* часть[8] — и обе отправятся к Вам. — Полагаю, что Вы ей дадите место в апреле — если только разделите мое мнение на ее счет — в чем я позволяю себе не сомневаться.

У меня был довольно сильный припадок подагры — но он продолжался недолго — и я теперь опять на ногах. — Что дальше будет?

А что Вы сказали о здешних выборах?[9] — Но, несмотря на полную победу, затруднений впереди еще много. — Правительство не сделает никакой существенной уступки — и так как оно все-таки сильнее обеих палат, вместе взятых — то status quo изменится мало.

Кажется, и нашему status quo — или, говоря правильнее — status quo non — не предстоит великих перемен. — Русские люди любят и есть кисель, и сидеть в нем.

До сих пор я полагал, что изведал, как в Дантовом аде — самый низкий *круг* российской пошлости. — Но как я ошибался! Я в этом убедился, прочтя брошюру

Цитовича[10]. — Правда, за нею, дальше — уже ничего не виднеется. — А впрочем, кто знает?

Будьте здоровы; крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5203. ЛЕОНУ БРЕТУ-ЛАФАРГУ

1878 (?). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Samedi soir.

Mon cher ami,

Je vous écris pour le cas où vous ne me trouviez pas à la maison demain, car je dois sortir de bonne heure. — J'ai lu les deux choses que vous m'avez données — et je le dis à regret, je n'ai été complètement content ni d'une ni de l'autre[1]. — Pour la "Fiancée de Mozart"[2] — il y a une raison spéciale: notre grand poète Pouchkine a écrit un petit drame intitulé "Mozart et Salieri"[3], dans lequel il a retracé de la façon la plus merveilleuse le contraste du génie spontané et insouciant — et du talent travailleur et opiniâtre: — nous autres Russes nous ne pouvons plus nous représenter Mozart sous d'autres traits que ceux que Pouchkine lui a donnés — et qui coïncident du reste avec ce que nous savons du caractère du grand musicien. Votre Mozart a une tournure byronienne et réflective et maladive, que nous ne comprenons pas. Quant à la "plage d'amour" il y a évidemment là une grande tendance vers l'idéal et l'élevé; — mais — tout cela — pardonnez ma franchise — n'est pas vivant: c'est solennel et lent d'allure; votre Helette[a], cette fille du Midi, a des airs de prédicateur puritain et moraliste; et quoique je ne puisse juger du style — il me semble qu'il s'y trouve plus de réthorique et du circonlocution — qu'on n'en voudrait trouver sous la plume d'un écrivain amoureux de poésie vivante et vraie[4]. — La lecture de votre nouvelle est difficile, l'impression en est vague malgré tout le travail que vous y avez mis — et l'émotion n'arrive pas. — On sent trop l'huile de la lampe. Je crois que vous vous êtes donné trop de peine — et qu'en écrivant beaucoup plus facilement et plus naïvement vous arriveriez à de meil-

---

[a] Helette — *читается предположительно.*

leurs résultats. — Vous me faites l'effet d'un homme qui se serait volontairement et soigneusement mis dans un habit qui le serrerait et le gênerait sur toutes les coutures.

Je suis sûr que vous ne vous fâcherez pas de ma franchise. — Après tout, je puis me tromper et d'autres auront une meilleure impression. Essayez-le.

Je vous serre cordialement la main et me dis

votre bien dévoué
Ivan Tourguéneff.

P.S. Je mets dans le paquet un volume de Pouchkine, où il y a le "Mozart et Salieri"[5].

5204. ЭМИЛЮ ДЮРАНУ

1878 (?). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Mardi matin, 9 h.

Mon cher ami,

Je ne me rappelle plus si c'est aujourd'hui ou demain que je voulais venir chez vous; en tout cas, je ne puis pas venir aujourd'hui , mais je le ferai *demain* vers midi[1].

J'espère que cela ne vous dérange pas.

Mille amitiés.

Iv. Tourguéneff.

5205. ЭМИЛЮ ДЮРАНУ

1878 (?). Париж

50, RUE DE DOUAI
PARIS
Jeudi matin.

Mon cher Monsieur Durand,

Je viens encore с повинною головою et vous prie de me permettre de venir *demain* à 1 h. — au lieu d'aujourd'hui.

Il me tombe de vraies briques sur la tête.

Mille excuses et à demain.

Iv. Tourguéneff.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

38. ДОВЕРЕННОСТЬ Н.А. ЩЕПКИНУ

16 (28) марта 1878. Париж

Милостивый государь Николай Александрович!

Доверяю Вам заведовать хозяйственным образом имениями моими, состоящими в Орловской губернии: в Мценском и Кромском уездах, в Тульской губернии: в Чернском и Ефремовском уездах, вести в них хозяйство, нанимать и увольнять служащих и рабочих людей, продавать из имений хлеб и другие сельские произведения, отдавать имения в аренды за цены, на сроки и условия, как признаете для меня выгодными, получать все доходы с имений, арендные платежи от арендаторов и вообще все следуемые мне денежные взносы, платежи и выдачи, как от частных лиц, так и из присутственных мест и от должностных лиц. По всем моим делам, относящимся до доверенных Вам мною в управление имений, иметь за меня ходатайство во всех судебных, присутственных, административных и мировых местах и учреждениях. Для сего Вы имеете заключать в установленном порядке контракты и договоры с помещением в них, если признаете нужным, как с моей стороны, так и со стороны контрагентов моих, в размере по Вашему усмотрению неустоек. В заключенных арендных договорах, если встретится нужным, делать изменения и дополнения и об этом на самых договорах делать надписи. Подавать всякого рода прошения, объявления, объяснения, отзывы, ответы, возражения, опровержения и другие деловые бумаги, представлять на суде словесные и письменные объяснения, делать отводы, привлекать к делу третьих лиц и поступать за меня в дела в качестве третьего лица; предъявлять встреченные[a] иски и отвечать по таковым, предъявленным ко мне, заявлять сомнения в подлинности и споры о подлоге актов и документов и давать ответы по такового рода спо-

[a] *Так в подлиннике, ошибочно, вместо*: встречные

рам, взыскивать убытки, судебные издержки и заведения дел, ходатайствовать об отмене решений, вступивших в законную силу, приносить частные, апелляционные и кассационные жалобы во все инстанции, не исключая и Правительствующего сената, получать отовсюду всякого рода: копии, свидетельства, справки, удостоверения, подлинные документы и акты, выписи и копии с актов, исполнительные листы и другие деловые бумаги, просить о приведении в исполнение решений, вступивших в законную силу, и указывать способы исполнения, кончать дела миром. Кроме сего, доверяю Вам получить с чернского купца Анисима Варфоломеева Чадаева причитающиеся мне деньги по закладной крепости, утвержденной старшим нотариусом Тульского окружного суда двенадцатого ноября тысяча восемьсот семьдесят пятого года, о займе Чадаевым у меня четырех тысяч рублей под залог принадлежащей ему земли Чернского уезда, при деревне Кальне и в даче деревни Голоплеки, сделать на закладной платежную надпись с изъявлением согласия на уничтожение в крепостном реестре отметки о залоге и на снятие наложенного по закладной запрещения. Уполномочие это можете передавать частями другим лицам, во всем, что Вы по сей доверенности законно сделаете, я Вам верю, спорить и прекословить не буду. Доверенность эта принадлежит ученому управительскому помощнику дворянину Николаю Александровичу Щепкину.

Париж. 28/16-го марта 1878.
Коллежский секретарь Иван Сергеев Тургенев.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПИСЕМ

4910. Эмилю Дюрану (с. 7)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Пятница, 11 января.

Мой дорогой господин Дюран,

У меня есть поручение для "Journal de St Pétersbourg", а я не знаю имени ее редактора[1]. Будьте добры сообщить мне его[2].

Надеюсь, что г-жа Дюран совершенно выздоровела; не откажите в любезности известить меня, как обстоят дела[3].

Тысяча приветов.

Ив. Тургенев.

4913. Гюставу Флоберу (с. 10)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Понедельник, 14 янв.[a] 78.

Мой дорогой друг,

Я, действительно, странное существо[1], но на сей раз меньше, чем вы думаете.

Я вам говорил, что толстяк Ханыков пригласил меня на сегодня[2]. Если бы он никого, кроме меня, не звал, я бы еще мог отказаться... но, вообразите, ради меня приглашены два математика! У меня и так столь скверная репутация (по части аккуратности), что уж тут я погубил бы себя навсегда.

Я прочел фельетон Золя... Ну что же? Мне его жаль. Да, он вызывает во мне сострадание: и боюсь, что он никогда не читал Шекспира. Вот уж подлинно несмываемое пятно[3].

Итак, до СУББОТЫ![4]

Что до меня, то теперь уж я буду точен.

Весь ваш
Ив. Тургенев.

---

[a] *В тексте публикации ошибочно*: июня

4925. Жюлю Этцелю (с. 21)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Среда, 23 янв. 78.

Мой дорогой друг,

Вы очень любезны, предлагая мне это издание; — но для приличного тома у меня недостаточно материала: едва ли наберется и сотня страниц. Так что это следует отложить до будущего года[1].

Все же мне очень хотелось бы немного побеседовать с вами до вашего отъезда. — Не позавтракать ли нам с вами в воскресенье?

Тысяча приветов.

Ваш
Ив. Тургенев.

4926. Эмилю Дюрану (с. 22)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Четверг, 24 января 78.

Мой дорогой господин Дюран,

Не будете ли вы так добры прислать мне какой-нибудь *старый* № "Journal de St Pétersbourg" — с каким-нибудь фельетоном?[1] — Он должен быть в ваших старых бумагах. — Мне он нужен для справки[2].

Как себя чувствует г-жа Дюран?[3] — Надеюсь, вполне хорошо. — Передайте ей мои самые дружеские приветы.

Сердечно жму вам руку.

Ив. Тургенев.

4935. Бетти Паоли (с. 29)

С немецкого:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Суббота, 2 фев. 78.

Уважаемая госпожа Паоли!

Спешу ответить на Ваше любезное письмо[1]. Я действительно — в самом начале своей литературной деятельности — писал пьесы (*последняя* относится к *1851* году[2]) — но очень скоро убедился, что во мне не было ничего от драматического

писателя — поскольку меня интересовало *развитие* характеров — а не их столкновение[3]. — Кроме того, мои пьесы не имели никакого успеха. — Но поскольку Вы выказываете столь дружеский интерес к моим произведениям — позволю себе выслать Вам мои “Scènes de la vie russe”[a, 4], где Вы найдете две пьесы — одну двухактную комедию[5] и комедию в одном действии[6]; последняя и вовсе не предназначена для сцены[7]. — Вполне вероятно, Вы разделите мое мнение о моих драматургических способностях.

Я был очень рад вновь получить от вас весточку[8]. — Надеюсь, Вы поживаете хорошо, и прошу Вас принять уверение в моем уважении.

Преданный Вам
Иван Тургенев.

4947. Эштону Дилку (с. 39)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Четверг, 14 фев. 78.

Дорогой господин Эштон Дилк,

Я был очень рад получить ваше письмо[1] и спешу на него ответить. — Само собой разумеется, что я рассматриваю ваше предложение опубликовать в переводе “Новь”[a] как честь для себя и даю вам на это свое полное и безоговорочное согласие. Лишь бы перед лицом существующих сложностей ваш издатель не счел подобное предприятие слишком рискованным![2]

Позвольте адресовать вам и госпоже Эштон Дилк самые искренние поздравления в связи со счастливым событием, о котором вы меня извещаете[3]. Вы ничего не сообщаете о своем здоровье; но, как говорится, отсутствие новостей — хорошая новость.

Я тоже чувствую себя неплохо и снова подумываю о поездке в С.-Петербург[4].

Примите уверение в моем искреннем уважении.

Иван Тургенев.

---

[a] “Сцены из русской жизни” (*франц.*).

[a] *Название в оригинале написано по-русски.*

4959. Юлиану Шмидту (с. 50)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Суббота, 23 февр. 78.

Мой дорогой друг!

Моя неаккуратность постыдно неискоренима, — и я вынужден снова просить прощения! Может быть, сведения придут к Вам слишком поздно. — Но я все-таки посылаю их.

Гюстав Флобер родился в 1821 году 12 дек⟨абря⟩ в Руане, Эмиль Золя — в 1840 году 2 апреля — в Париже, Альфонс Доде — в 1840 году 13 мая в Ниме, Эдмон де Гонкур — в 1822 году 26 мая в Нанси. Они сами сообщили мне это[1].

Существует только один экземпляр единственной фотографии Флобера; он подарил ее мне, и я не могу отдать ее Вам[2]. — Должно быть, в молодости он был очень красив. — Теперь он толст, совершенно лыс, лицо красное, у него много сходства с Фредериком Леметром, знаменитым артистом — а его фотография у Вас, конечно, имеется?

Послал ли я вам "Nabab"[а]? На всякий случай высылаю Вам экземпляр[3]. Если у Вас уже один есть, подарите этот кому-нибудь.

Я непременно приеду в Берлин, но когда? That is the question[б, 4]. — Во всяком случае он будет разрешен быстрее, чем восточный[5].

Сердечно кланяюсь Вашей жене и жму Вам также сердечно руку.

Ваш
И. Т.

4967. Жюлю Этцелю (с. 57)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Среда, 6 марта.

Мой дорогой друг,

Разрешите мне ответить вам так же откровенно, как написали мне вы[1].

Виардо вовсе не сердится на вас за то, что вы предпочли перевод г-на Биара[2] его переводу[3], хотя Виардо и предлагал вам его безвозмездно: ваше право было решать, что вам кажется более подходящим. — Но его, конечно, не мог не задеть текст рекламы, помещенной во всех газетах. — Его перевод не только игнорировался и не упоминался — но там прямо было ска-

---

[а] "Набоб" (*франц.*).
[б] Вот в чем вопрос (*англ.*).

зано публике, что *наконец* она будет иметь настоящий перевод "Д⟨он⟩-Кихота"[4]. — Согласитесь, что это "*наконец*" было трудно проглотить. — Я понимаю, что реклама есть реклама — но мне кажется, что можно было составить ее иначе — и что вовсе не было нужды столь безжалостно отнимать у Виардо то, что он справедливо считает главным трудом своей жизни. — Несмотря на все ваши доводы, я не нахожу, что Виардо неправ — и вполне понимаю, почему он чувствует себя оскорбленным.

Я не стал ему говорить о вашем письме: все это — уже в прошлом, и — вообще — не к чему бередить раны.

С удовольствием прочел в "Revue des Deux Mondes" статью о моем друге Стале[5]; — но очень сомневаюсь, что можно серьезно говорить относительно статьи обо мне[6]. — Совсем недавно я встретил в одном доме Бюлоза[7]; я не видел его уже почти пять лет — и, честное слово, не узнал его. — Хозяин представил нас друг другу — и мы с ним разговаривали не больше, чем прежде. — Могу добавить, что мне это в достаточной мере безразлично.

Надеюсь, что прекрасное небо тех краев совершенно излечит вас и вы вернетесь к нам сильным, как Геркулес[8]. — Я по-прежнему почти без сил — и, несмотря на мир, заботы не покидают меня. — "Терпение... и время..."[9]

Тысяча приветов и до свидания.

Совершенно вам преданный
И. Тургенев.

4968. Корнелии Маржолен (с. 58)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Пятница утром.

Дорогая госпожа Маржолен,

Я с удовольствием послужу вам, как и госпоже Зубовой, в качестве cicerone[a, 1]. — Я увижу Антокольского сегодня в церкви[2] и предупрежу его о вашем визите. — В воскресенье в 2 ч. буду у вас[3].

Тысяча искренних приветов.

Совершенно вам преданный
Ив. Тургенев.

[a] проводника (*итал.*).

4970. Эрнесту Ренану (с. 60)

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Суббота.
4 ч.

Дорогой господин Ренан,

Вы так поспешно удалились, что я не успел поблагодарить вас за то, что вы допустили меня в число слушателей сего еретического творения, названного вами "Калибан"[1]. Впрочем, это само собой разумеется; однако вернувшись домой и еще раз выражая вам свое восхищение, не могу не сказать, что несмотря на все доводы нашего друга Ш. Эдмона — мое впечатление остается прежним: отсутствие Калибана кажется мне нарушающим равновесие — это то, что немецкие "Вагнеры" называют "Abrundung"[*, a]. — Я не то чтобы хотел видеть Калибана *действующим* лицом (в этом Ш. Эдмон прав) — но какой-то внутренний голос настойчиво требует его появления. — Представьте, например, что в тот момент, когда Просперо восклицает: "Да здравствует Калибан!" — в глубине сцены проходит Калибан с короной на голове и, остановившись, произносит, делая какое-то подобие царственного жеста: "Благодарю тебя, Просперо" или что-нибудь вроде того (здесь ирония автора сохранила бы свои права) — не кажется ли вам, что не хватает именно этой точки над "i"? — Пишу вам это с пылу с жару — и высказываю вам свою мысль, не преувеличивая ее ценности — да она ее, возможно, и вовсе не имеет. — (NB. Люди, окружающие Просперо, не должны ничего произносить, в то время как он мог бы прибавить: "Что ж, властвуй!"[2])

Приношу тысячу извинений за это вмешательство — но прошу видеть в нем лишь еще одно доказательство глубокого впечатления, полученного от вашего произведения, которое займет достойное место даже среди того, что вы уже создали[3].

А теперь позвольте мне пожать вам руку и сказать о

совершенной вам преданности
Ив. Тургенева.

---

[*] Разумеется, *не* в смысле театральности. — *Примеч. Тургенева.*

[a] "Abrundung" — здесь: "завершенность", "отточенность", "последний штрих" (*нем.*).

4971. Корнелии Маржолен (с. 61)

С французского:

Воскресенье.
10 ч. утра.

Дорогая госпожа Маржолен,

С вашего разрешения, я заеду за вами в экипаже ровно без четверти час, чтобы в час дня быть у Антокольского, которого я видел вчера[1] и который сообщил мне, что получил билет в цирк, где будут исполнять 9-ю симфонию[2]. Он хотел бы ее послушать — а начало в 2 ч.

Сердечно жму Вашу руку.

Совершенно вам преданный
Ив. Тургенев.

4972. Эрнесту Ренану (с. 61)

С французского:

Воскресенье.
4 ч. в⟨ечера⟩.

Дорогой господин Ренан,

"Ecce iterum Crispinus"[a, 1] — возможно скажете вы, получив эту записку; но я буду говорить с вами не о Калибане[2] (это не означает, что у меня не появилось новых мыслей по его поводу, утвердивших меня в моем мнении — к примеру: смерть Ариэля — которая должна завершить все, подобно прекрасному аккорду — требует оправдания чем-то столь же могучим и наглядным, как коронация Калибана; иначе восклицание Просперо будет в конце концов не чем иным, как остроумным выпадом, вызванным минутной досадой, и т.д.[3]). — Речь же идет вот о чем: Антокольский, с которым я сегодня виделся[4], сообщил мне, что вы собирались завтра, в понедельник, посмотреть в $3^1/_2$ ч. его Христа[5]. — Если таково в самом деле ваше намерение, не угодно ли вам, чтобы я заехал за вами около 3 ч.?[6] — Дайте мне знать. Сегодня я возил к А⟨нтокольско⟩му г-жу Маржолен — она совершенно потрясена его Христом[7].

Тысяча приветов

от совершенно вам преданного
Ив. Тургенева.

---

[a] "Вот снова Криспин" (*лат.*).

4978. Эрнесту Ренану (с. 66)

С французского:

Четверг.
3 ч. $^1/_2$.

Дорогой Мэтр,

Чудесно, превосходно — вот все, что я могу сказать. — Я очень горжусь тем, что способствовал рождению этого пятого акта[1]. — "Молитва, творимая орга́ном", совершенно прекрасна[2]. — Могу ли я поделиться с вами одним сомнением? — на странице 8 — я бы убрал фразу: "которая воплощает человеческий дух в его главном устремлении, состоящем в овладении силами природы"[3]. — Это совершенно справедливо и верно — но, на мой взгляд, несколько слишком определенно. — Ваша снисходительность побуждает меня говорить вам все, что приходит мне в голову.

Но повторяю: это чудесно, поэтично — и теперь дело лишь за тем, чтобы "Калибан" как можно скорее был издан.

Пожимаю вам руку со всей силой моей к вам дружбы и восхищения.

Ив. Тургенев.

4981. Гюставу Тудузу (с. 68)

С французского:

Вот, сударь, странная вещь, о которой я говорил вам[1]. Прошу прощения за опоздание, с которым я вам ее посылаю. Вы можете держать ее у себя столько, сколько понадобится[2].

⟨Ив. Тургенев.⟩

4982. Эштону Дилку (с. 68)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
20 марта 1878.

Дорогой господин Эштон Дилк,

Мой друг г-н В. Рольстон (он, между прочим, был серьезно болен[1]; теперь он поправился и возвращается в Англию) — мой друг передал мне ваше письмо, которое вы ему написали в связи с некоторыми выражениями в моем последнем романе[2]; — он ответил бы вам раньше, но это письмо застряло в Лондоне. Спешу разъяснить вам смысл некоторых слов, которых вы не поняли[3].

стр.

32. 1.) "дантист"[а] — просторечное выражение, означающее человека минувшей эпохи ("помещик"[а] или "чиновник"[а]), который выбивал зубы у своих подчиненных ударом кулака.

48. 2.) зяблик[а] — зяблик — chaffinch[б].

66. 3.) брехунцы[а] — просторечное слово, означающее: "болтуны" — "barkers" или "yelpers"[в] — прозвище, которым русские крестьяне наделяли адвокатов.

94. 4.) "голосу не подавали"[а] — молчали, их не было слышно.

100. 5.) "клеврет"[а] — "клеврет, слепой исполнитель чужой воли" — "a tool"[г].

107. 6.) "станки"[а] (мн. ч. от "станок"[а]) — верстак — carpenter's bench, bank[д].

117. 7.) макончики[а] — уменьшительное от Макон[а] — маконское вино.

123. 8.) репейник[а] — репей — "burdock"[е].
осот[а] — осока — "saw-thistle"[ж].
конский щавель[а] — дикий щавель — "wild sorrel"[з].

215. 9.) "назвался груздем, полезай в кузов"[а] — пословица, означающая приблизительно: "вино налито, его надо выпить" — "Ты назвал себя грибом, полезай в корзину!" — (куда их складывают после сбора).

10.) жимолость[а] — лесная жимолость без запаха — "wild honeysuckle"[и].

219. 11.) "выростковые" сапоги[а] — сапоги из грубой кожи (уже взрослого быка — от слова: "вырасти"[а]) — противоположное слову "опойковые"[а] — (из кожи теленка, который еще сосет вымя — "опоить"[а]).

245. 12.) "Зарезистая" (шея)[а] — шея (лошади) выгнутая — "arched neck"[к].

251. 13.) дурковатый[а] — глупый, *придурковатый*.

258. 14.) пигалица[а] — кулик, болотная птица на длинных лапках — так называют человека хрупкого и хилого сложения.

299. 15.) "Запускать брандер"[а] — просторечное выражение, означающее — подбрасывать перцу, поддразнивать кого-то.

300. 16.) исконный[а] — древний, вечный.

[а] *Здесь и далее слово написано по-русски.*

[б] зяблик (*англ.*).

[в] "крикуны" ⟨или⟩ "брехуны" (*англ.*).

[г] "орудие кого-то" (*англ.*).

[д] плотничий станок, доска (*англ.*).

[е] "репей" (*англ.*).

[ж] "осока" (*англ.*).

[з] "дикий щавель" (*англ.*).

[и] "жимолость" (*англ.*).

[к] "выгнутая шея" (*англ.*).

Дом Сипягиных, как и большинство русских загородных домов, имеет нижний этаж — нежилой — он расположен очень низко, там находятся погреба и т.д. — Далее над ним идет "первый этаж"[a] — (то, что во Франции и называют нижним этажом) — который, как правило, имеет балкон, выходящий в сад или во двор — с лестницей в 5—6, самое большое — 8 ступеней. — Это то, что по-английски, я полагаю, называется "verandah". — А "второй этаж"[a] — скорее то, что французы называют первым.

Вот, милостивый государь, все требуемые разъяснения[4]. — Мне бы очень хотелось, чтобы они оказались полезными — хотя, признаюсь откровенно, у меня есть сомнения относительно возможности издания *русского* сочинения — в Англии сейчас[5]. — И я тем более признателен вам за труд, который вы на себя взяли.

Надеюсь, что вы совершенно удовлетворены своим пребыванием в Алжире[6] — и прошу вас принять уверение в моей самой сердечной симпатии.

Иван Тургенев.

4983. Ипполиту Тэну (с. 70)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Пятница, 22 марта 78.

Дорогой господин Тэн,

Прежде всего благодарю вас за "Революцию", которую я только что получил и которую начну читать немедленно[1].

Что касается другого пункта вашего письма (которое я, по вашему желанию, уничтожил)[2] — то вы меня заставили призадуматься!! Не разделяя вполне вашего мнения, я чувствую, что, в сущности, вы правы — что вы лишь вызвали наружу мысли, которые таились во мне — и что самая дружба, которую мы питаем к Ф⟨лоберу⟩, налагает на нас обязанности, может быть, и тягостные[3]. Мне очень хотелось бы обсудить это с вами подробно, прежде чем принимать какое-либо решение. — Назначьте день и час, когда я могу навестить вас — начиная со *среды*. — Я в вашем распоряжении — и, может быть, мы придем к какому-нибудь результату[4].

В ожидании вашего ответа сердечно жму вам руку.

Совершенно вам преданный
Ив. Тургенев.

4985. Ипполиту Тэну (с. 71)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Понедельник утром.

Дорогой господин Тэн, с большим удовольствием принимаю ваше предложение; — я приду к вам в четверг, в 7 ч., и мы побеседуем[1].

Сердечно жму вам руку.

Весь ваш
Ив. Тургенев.

4986. Ипполиту Тэну (с. 71)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Четверг утром.

Дорогой господин Тэн,

Я взываю к вашей снисходительности и приношу свои извинения. — Дело вот в чем:

Нам только что прислали ложу на сегодняшний вечер ("Отверженные") — и, поскольку в данный момент я единственный в доме мужчина, который может выезжать вечером, мне и придется сопровождать дам[1]. — Не будете ли вы так добры отложить наш разговор на какой-нибудь другой день — я всецело предоставляю вам право выбрать его — равно как и час[2].

Если я доставляю вам какое-либо неудобство, очень прошу вас простить меня.

До скорого свидания, надеюсь, и примите уверение в лучших чувствах

совершенно вам преданного
Ив. Тургенева.

4991. Генри Джеймсу (с. 75)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Суббота, 30 марта 78.

Мой дорогой друг — (не правда ли, вы разрешите мне писать вам по-французски?) — я давно уже должен был ответить на ваше любезное и длинное письмо — (за которым вскоре последовала и ваша книга)[1] — но всякого рода дела и заботы помешали мне это сделать — и я приношу вам свои извинения. —

(Благодарю вас также за вашу книгу, которую я намерен прочесть на свежую голову.)

Ваше письмо полно добрых и сердечных слов по поводу мира, который только что заключен между моей страной и Турцией; — они были мне приятны, поскольку лишний раз подтвердили ваше ко мне расположение; — но я не питаю ни малейших иллюзий. — Я предчувствовал неизбежность войны между Россией и Англией — и все, что говорилось о Конгрессе, о дипломатических решениях — не внушало мне никакого доверия. — Эта война будет — она давно уже назрела — восточный вопрос не может иначе разрешиться; и война эта будет долгой и тяжелой; надеюсь, что она окончится изгнанием турок и освобождением славянских народов, греков и других; но моя страна будет надолго разорена — и мои глаза не увидят даже начала тех реформ нашей внутренней жизни, которые нам обещаны. — Вы легко поймете, что при подобных убеждениях я вижу будущее в черном цвете — и разрешите мне больше не распространяться на эту тему[2].

Я задержался в Париже дольше, чем предполагал; моя поездка в Россию перенесена на конец мая месяца, после открытия Салона и Всемирной выставки[3]. — Увидим ли мы вас до тех пор?

Я очень рад узнать, что вы пребываете в добром здравии и работаете. — Я тоже не могу пожаловаться на здоровье, — что же касается работы — — то: "Прощайте, корзины; время сбора винограда прошло"[4].

Княгиню Урусову и Жуковского я вижу довольно редко; — однако знаю, что у них все благополучно[5].

Наш общий друг Рольстон очень серьезно болел здесь; — но наконец смог вернуться в Англию — и я надеюсь, что родной воздух его окончательно исцелит[6].

Сердечно жму вам руку и остаюсь

совершенно вам преданный

Ив. Тургенев.

5006. Рудольфу Линдау (с. 91)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Понедельник утром.

Мой дорогой Линдау,

Я долго думал о предложении вашего брата и о прочем[1]. По зрелом размышлении, прошу вас извиниться за меня перед ним: я не смогу сдержать свое обещание. В тот самый день, когда вы были у меня, я получил № "Московской газеты"[2],

которая дает выдержки из десятка немецких газет ("Cölnische Zeitung"[3], "Nationalzeitung"[4], "Neue Freie Presse", "Presse" — той самой, которая опубликовала фельетон "Russland der Flecktyphus Europa's"[а] — и т.д.[5]), касающихся дела Засулич и рассматривающих его как серьезный симптом положения дел в России, как доказательство того, что в наших порядках есть что-то "foul"[б]. Спешу признать, что они правы и что, если бы мне пришлось говорить об этом деле, я сказал бы о нем в том же смысле; но подумайте, что из этого получилось бы. Все эти газеты, конечно, ухватились бы за мои слова, чтобы цитировать их в подтверждение своего мнения — они были бы только рады опереться на мой "авторитет" — в особенности из-за того "Seherblick"[в], о котором вы говорите; и я сразу же стал бы в глазах русского общества врагом, союзником тех, кто нападает на него и хочет его образумить.

В России и так накопилось достаточно ненависти против меня со времени появления моих последних произведений[6], чтобы я еще стремился ее увеличить. И затем, раз уж я решил молчать в своей стране — как могу я нарушить молчание за ее пределами?[7] Я уверен, мой друг, что и вы сами, обдумав все, что я вам тут говорю, согласитесь со мной — и хочу лишь повторить свою просьбу извиниться за меня перед вашим братом. *Es geht nicht*[г].

Сердечно жму вашу руку и остаюсь

совершенно преданный
вам Ив. Тургенев.

5011. Полине Брюэр (с. 97)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Среда, 1-го мая 78.

Дорогая девочка,

Я забыл передать тебе расписку, которую твой муж давал г-ну Шамро; — посылаю ее тебе перечеркнутую и разорванную; брось ее в огонь.

Мне немного лучше, хотя я еще не встаю с постели. Пушечные выстрелы только что возвестили нам открытие Выставки[1]; прошли ливневые дожди — теперь погода прекрасная.

Обнимаю вас очень нежно.

Ив. Тургенев.

[а] "Россия — сыпной тиф Европы" (*нем.*).
[б] "уродливое" (*англ.*).
[в] "пророческого взгляда" (*нем.*).
[г] Ничего не выйдет (*нем.*).

5018. Жозефине Вертгеймштейн (?) (с. 105)

С немецкого:

Париж
8 мая 1878.
Улица Дуэ, 50.

Милостивая государыня!

Ваше письмо меня очень обрадовало и растрогало. Нет для писателя большего удовлетворения, чем так влиять на благородные, прямые души. Примите мою искреннейшую благодарность.

Что касается моего решения прекратить литературную деятельность, то так оно, вероятно, и будет. Я слишком постарел и слишком много живу вне России, чтобы не прекратить свою работу. Мне кажется, я все сказал, что мог, а повторения редко бывают полезны или приятны. Одна мысль иметь таких читателей, как Вы, составляет достаточное утешение. Вовремя остановиться — тоже ведь в некотором роде искусство, которому я хотел бы научиться.

Вместе с сердечным пожеланием скорейшего выздоровления прошу принять уверение в моем искреннем уважении.

Иван Тургенев.

5019. Франсиску Сарсе (с. 106)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Среда.

Сударь,

Одна моя приятельница, соотечественница[1], попросила меня прислать ей в Россию несколько автографов знаменитых людей, среди которых есть и ваше имя. Не сумев его достать, осмеливаюсь обратиться напрямую к вам, хотя не имею честь быть с вами знаком. Не будете ли вы так любезны написать мне несколько строк?[2]

Примите, сударь, уверение в моих самых лучших чувствах.

Иван Тургенев.

5020. Франсиску Сарсе (с. 106)

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Четверг, 9 мая.

Дорогой господин Сарсе,

Прошу прощения за то, что снова возвращаюсь к моей просьбе[1] — но вы понимаете, что я не могу отослать моей соотечественнице очаровательную записочку, которую вы мне написали[2]

и которую я собираюсь сохранить на память. Будьте любезны написать три или четыре строчки, подписав их вашим именем, это будет то, что требуется, — и заранее благодарю вас за это.

Надеюсь, что однажды мне удастся встретиться с вами лично[3] и засвидетельствовать вам чувства глубокого уважения и приязни, которые питает к вам

совершенно вам преданный
Иван Тургенев.

5021. Принцессе Матильде (с. 107)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Четверг вечером.

Сударыня,

Любезное приглашение Вашего Высочества[1] застало меня в постели, к которой я прикован приступом подагры и с которой не знаю, когда смогу встать. — Мне остается только поблагодарить В⟨аше⟩ В⟨ысочество⟩ за то, что Вы соблаговолили подумать обо мне и просить принять выражение моего глубокого уважения.

Иван Тургенев.

5027. Анджело Де Губернатису (с. 111)

С французского:

Понедельник вечером.

Милостивый государь,

Мне слишком поздно передали вашу визитную карточку[1]. Я очень сожалею, что не был дома в то время, когда вы приходили, и буду как нельзя счастлив лично познакомиться с вами[2]. Но завтра я должен рано выйти из дома — а потому прошу вас перенести ваш визит на полдень послезавтра, как вы и сами, к тому же, предлагаете[3].

Примите, милостивый государь, уверение в моих наилучших чувствах.

Иван Тургенев.

5030. Анджело Де Губернатису (с. 113)

С французского:

Четверг пополудни. 23 мая.

Милостивый государь,

Я в отчаянии оттого, что, вследствие уж не знаю какого недоразумения, не имел удовольствия повидаться с вами вчера. Между тем я вышел из дому лишь около 1 ч. $^{1}/_{4}$ — когда

потерял надежду на ваше появление. Однако мне будет чрезвычайно досадно дать вам уехать из Парижа, не пожав вам руки. Завтра я буду дома до 2 часов и буду очень рад повидаться с вами[1].

Примите уверение в моих наилучших чувствах.

Ив. Тургенев.

5031. Анджело Де Губернатису (с. 113)

С французского:

Пятница, 9 $^{1}/_{2}$ ч.

Дорогой господин де Губернатис,

Сегодня в Салоне день *вернисажа* — а я очень хотел бы на нем поприсутствовать[1]. Так не могу ли я попросить вас прийти ко мне *до часа дня* или, если это вас больше устраивает, я зайду к вам около *5 ч.*, поскольку Салон находится совсем рядом с вами[2].

Пожалуйста, черкните словечко в ответ[3] и примите уверение в моих самых добрых чувствах.

Преданный вам
Ив. Тургенев.

5033. Мари Линен (с. 114)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.

Сударыня,

Я получил ваше любезное письмо[1] и спешу выслать вам желаемую фотографию. — Жаль только, что она не слишком хороша: других у меня нет[2].

Возможно, в сентябре месяце я вернусь в Париж[3], т⟨о⟩ е⟨сть⟩ в Буживаль, в окрестностях Парижа, где я живу в небольшом шале. — Само собою разумеется, я буду чрезвычайно счастлив познакомиться с соотечественницей, столь верно хранящей память о родине и своем родном языке, как вы[4].

Примите, сударыня, уверение в моих самых искренних чувствах.

Ив. Тургенев.

5037. Филиппу Бюрти (с. 118)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Пятница, 31 мая 78.

Дорогой господин Бюрти,

Позвольте мне рекомендовать вашему вниманию на Ежегодной выставке два портрета (№ 1126 и 1127, зал VII) кисти моего соотечественника Харламова[1] — и на Выставке изящных искусств, на Марсовом поле, скульптуры другого моего соотечественника Антокольского — ("Христос перед народом" — "Мертвый Сократ" и другие)[2]. — Я не сомневаюсь, что эти работы привлекут ваше внимание и что вы оцените их достоинства, превосходящие средний уровень[3]; и все же я как русский человек — считаю себя вправе позволить себе указать на них столь сведущему знатоку, каким являетесь вы[4].

Заранее примите выражение моей благодарности, как и чувства приязни

совершенно вам преданного
Ивана Тургенева.

5043. Эдмону де Гонкуру (с. 123)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Суббота, 8 июня.

Мой дорогой друг,

Позвольте рекомендовать вам моего соотечественника и знакомого, г-на Петра Боборыкина, известного писателя[1]; он был бы очень рад лично познакомиться с автором, произведениями которого он восхищается и о котором читал публичные лекции в Петербурге[2]. Если бы я не должен был уехать на днях из Парижа, я бы сам привел его к вам; но я и так не сомневаюсь, что вы примете его со свойственной вам доброжелательностью.

Сердечно жму вам руку и остаюсь

совершенно преданный вам
Ив. Тургенев.

5046. Эрнесту Ренану (с. 124)

С французского:

Мои самые горячие поздравления новому академику[1], а также и самой Академии, сделавшей то, что она должна была сделать к своей чести и по долгу — и что она, однако, не всегда делает.

⟨Иван Тургенев.⟩

5048. Никола Брюсу (с. 125)

С французского:

Буживаль. Ле Френ.
(Улица Мем, 16.)
Воскресенье, 23 июня.

Милостивый государь,

Я только вчера получил ваше письмо — и так как в четверг я уезжаю в Россию, откуда вернусь только в октябре, то, к большому моему сожалению, не могу назначить день для желаемой вами встречи.

Не могу, однако, скрыть от вас, что я принципиально против всякого рода переделок романа для театра — и особенно в данном случае, так как "Рудин" представляет собой психологический этюд[1].

В России уже пытались приспособить его для сцены, но отказались от этого[2].

Буду рад познакомиться с вами после моего возвращения из России — а пока прошу вас принять уверение в моих наилучших чувствах.

Иван Тургенев.

5049. Гюставу Флоберу (с. 126)

С французского:

Буживаль. Улица Мем, 16.
Ле Френ.
Воскресенье, 23 июня.

И я тоже, мой добрый друг, думал, что буду в этот час находиться в Германии: ничуть не бывало! Я дал себя втянуть в дела этого Международного конгресса, который *не принесет и не может принести никаких результатов* — и вот я произношу речи и все такое![1] Друг мой, что за странная штука эта говорильня! Вот, например, вчера Гюго произносит прекрасную речь; ее восторженно приветствуют, единогласно — словно в Учредительном собрании! — принимают решение ее издать — а через пять минут одобряют резолюцию, прямо противоположную его речи — и он *САМ ЖЕ* за нее голосует!! У нас тут постоянно работает комиссия — (я состою ее вице-президентом) — мы топчемся на месте, как дураки — и я начинаю думать, что мы и в самом деле таковы[2]. Все это мне смертельно надоело, и в *четверг* я удираю в Карлсбад — куда и прошу вас мне писать (К⟨арлсбад⟩, Богемия, до востребования). Быть может, вода, которую я там буду пить, — тоже самообман — но хоть не столь очевидный[3].

Вам же я от всего сердца желаю здоровья и терпения.

Я как-то видел мельком Золя; он купил себе домик близ Мезон-Лаффитт — и собирается там обосноваться[4].

Конечно, А. Мартен не великий писатель — но согласитесь, что Тэн в кресле Тьера — это уже совсем чудовищно![5] — Лично мне — Мартен очень нравится, и я рад его успеху[6].

Обнимаю вас.

Ив. Тургенев.

5059. Минне Анштетт (с. 133)

С немецкого:

Париж.
1 августа 1878.

Дорогая госпожа Анштетт, не могу не послать Вам несколько слов привета и поклон и хочу уверить Вас, что всегда вспоминаю то счастливое время, когда я жил под Вашим кровом и проводил столь приятные дни. Еще раз благодарю Вас за Ваш тогдашний трогательный уход и заботу, желаю Вам всего лучшего, крепко жму Вам руку и остаюсь[1]

преданный Вам
Тургенев.

5060. Сиднею Джерролъду (с. 134)

С французского:

Буживаль (около Парижа).
Улица Мем, 16.
1-го августа 78.

Любезный господин Джерролъд,

Вы позволите мне, не правда ли, писать вам на французском языке: вы понимаете его так же хорошо, как я, а мне гораздо легче писать на нем, чем на английском. Ваше письмо доставило мне величайшее удовольствие[1] — как доказательство того, что, несмотря на все последние события, вы сохранили свои симпатии к России, ее литературе и языку[2]. Я был бы счастлив исполнить ваше желание касательно чтения корректур, но завтра я уезжаю в Россию — и вынужден отказаться от этого. Впрочем, я ни минуты не сомневаюсь, что ваш перевод превосходен, и заранее подписываюсь под ним обеими руками[3].

Очень благодарен вам за то, что вы так любезно прислали мне статью из "Daily News", никто более меня не порадовался бы сближению между вашей страной и моей[4].

Я рассчитываю еще иметь удовольствие видеть вас в этом году, а пока прошу вас передать мои наилучшие пожелания вашему отцу[5] — и принять уверение в моих самых искренних чувствах.

Иван Тургенев.

5061. Клоди Шамро (с. 134)

С французского:

Буживаль. Ле Френ.
Четверг вечером, 1-го августа 78.

Дорогая моя душенька Диди,

Я не хочу уехать в Россию, не послав тебе — тебе и Жоржу[1] — привета и не сказав нежного до свидания. Ты, наверное, знаешь, что я задержался здесь гораздо дольше, чем предполагал; но завтра — я уезжаю решительно и бесповоротно[2], несмотря на приезд твоего дяди Мануэля[3]. Правда, он тоже уедет завтра — по своему обыкновению — подобно молнии, как тебе известно — и он торопится добраться до Луэша[4], чтобы подлечиться от крапивной лихорадки, которая его мучает.

Мама показывала мне твои очаровательные письма[5]; я вижу, что ты очень хорошо проводишь время в Котре[6] и становишься настоящей амазонкой[7]; надеюсь, что по возвращении я найду тебя пышущей здоровьем.

Жанна[8] со вторника снова в Ле Френ; ее подстригли, что сделало ее похожей на очень забавного мальчугана; в настоящее время я у нее в большой милости, я ее "рюсский"[а], она горячо целует меня (я, впрочем, плачу взаимностью) — она прогуливается на моем плече — она со мной танцует... а еще сегодня, покружившись, она очень важно сказала мне: "теперь мы будем делать это *по другой системе!*". Честное слово!! Марианна[9] уже уехала бы, если бы смерть г-жи Пап-Карпантье[10] не задержала Нини Ришар[11] до субботы. Папа[12] чувствует себя, как всегда, восхитительно; что касается мамы[13], то экзема все еще немного беспокоит ее — но дело идет на поправку и скоро жизнь ее войдет в привычную колею. Более чем когда-либо все предаются игре в крокет; в него играют часами; я же довольствуюсь ролью зрителя.

Мысль совершить это длинное-предлинное путешествие соблазняет меня мало; "aber der Bien muss"![б, 14] Если у тебя найдется свободная минутка, будет очень мило с твоей стороны написать мне[15] — это доставит мне огромное удовольствие: вот мой адрес: Россия, Орловская губерния, город Мценск, деревня Спасское — Г-ну И. Т. Полагаю, что буду там чуть больше чем через неделю, поскольку не буду останавливаться ни в Петербурге, ни в Москве[16].

Засим обнимаю вас обоих изо всех сил — и остаюсь навсегда

Dein alter treuer[в]
И. Т.

[а] ее "рюсский" — *написано по-русски.*

[б] "но хоть тресни да полезай" (*нем.*). *Букв.*: "но пчоль тольшен".

[в] Твой старый верный (*нем.*).

5064. С.А. Гедеонову (с. 136)

С французского:

Любезный друг,

Я приходил, чтобы, во-первых, повидать вас, а также чтобы просить вашего разрешения посетить Эрмитаж, который, кажется, закрыт в июле месяце. Будьте так добры, если возможно, прислать мне завтра записку в "Европейскую гостиницу", № 2, потому что во вторник я уезжаю из П⟨етербур⟩га. (Приехал я только позавчера.)

Ваши парижские друзья просили передать вам множество наилучших пожеланий, а я сердечно жму вам руку.

Ив. Тургенев.

5079. Клоди Шамро (с. 146)

С французского:

Орел.
(произносите: Арьол).
Главный город губернии того же названия. —
Город очень грязный, стоящий на *Оке*.

Среда, $\frac{28}{16}$ августа 1878.

(Постой! это же день рождения Гёте[1]. — Если бы он был жив, ему было бы сегодня 129 лет!)
Сейчас 5 часов пополудни.

Дорогая, горячо любимая и обожаемая душенька Диди, вот каково мое общественное положение в настоящую минуту. — Я нахожусь в просторном номере постоялого двора, рядом с бильярдной (NВ. Бильярд — в другом помещении — но я отлично слышу жирное перекатывание шаров по засаленному сукну — м-ль Валантен, заткните уши!). — Я приехал в Орел — (в этом городе я появился на свет — скоро вот уже как 60 лет тому назад[2] — и он мне не внушает ни малейшей симпатии) уже три часа назад; — а завтра утром в 5 $^1/_2$ ч. уезжаю в Ма-ло-ар-хан-гель-ский уезд, где находится мое имение, называемое Тап-ки[3] (не Тап... кю...[4]), которое я хотел бы продать одной соседке по имени г-жа Му-хор-това[5], ввиду того, что мой брат, рыба осторожная и предусмотрительная, похоже, не клюнул на удочку Спасского[6]. — Я сильно скучаю — но готов, однако, скучать еще больше, если бы мог взамен избавиться в эту минуту от сильнейшей ди-а..рр..еи, заставляющей меня вспомнить о холере — делающей из меня труса[7] и т.д. и т.д. и т.д. — Когда, чтобы отвлечься, я приближаюсь к окну — то вижу перед собой огромную базарную площадь...[8] и все, что предстает перед моими глазами, столь грязно, столь пыльно, столь оборванно, столь

"dejado"[a], столь бедно, столь скудно, столь уныло и скучно, столь убого, столь шатко, столь противно! А запах, который все эти предметы должны источать и который мой нос угадывает сквозь двойные рамы, столь же отвратителен, — что меня наверняка стоило бы очень пожалеть, если бы, по счастью, у меня не было другого, очень милого и очаровательного развлечения: это прелестное письмо, которое ты мне написала из Баньер-де-Люшона[9] — и которое я нашел сегодня на почте проездом через Мценск. — Итак! мои дружочки — вы себе ни в чем не отказываете — совершаете верховые прогулки по четыре дня кряду...[10] Очень надеюсь, что ты не простудилась на всех этих высотах! — Представь себе, что давным-давно — в 1845 году — как видишь, о тебе тогда еще и речи не было — я прошел тем же путем, что и вы...[11] Но поскольку в те времена я был так беден, что мог бы дать десять очков вперед Иову, Иру[12] и даже Хоакинито[13], я совершал все путешествие пешком... и взобрался на самую вершину затерянного пика — где было места не больше, чем в той скверной комнате, в которой я живу сейчас... И когда, в порыве гордости, я сказал себе, что ступил на горделивую вершину этой горы — я заметил простую и незатейливую белую бабочку, простодушно парившую надо мной!.. Ты легко можешь себе вообразить все нравоучительные размышления, которые можно сделать по этому поводу.

Ах, ах! Мадам одерживает победы даже над жителями Поднебесной... Бедный мандарин! Я завидую ему, поскольку он видел тебя; и в то же время жалею его, потому что теперь все его представления о женской красоте рухнули навеки. Маленькие раскосые глазки, приплюснутые ноздри — выступающие скулы — все это к черту!.. Ведь признайся, что ты не похожа на китаянку... к счастью!

В конце концов, ты могла сделать с него набросок... в качестве трофея. Здесь — твои карандаши остались бы не вынутыми из альбома. Впрочем, постой! — Сегодня утром на большой мценской дороге я проезжал мимо цыганского табора и видел двух славных молодцев, черноволосых, смуглых, полуодетых, с глазами как горящие угли, с белыми как свежий миндаль зубами, в груде ужасных и великолепных лохмотьев — шляпы превратились в комья грязи — а вид они имели лихой! — и еще то, чего я никогда не видывал — пряди черных как смоль волос, завитые в локоны, длинные и переплетенные как женские косы — взвивались от ветра, бия по лицу, а потом падали на спину. — Молодцы были похожи на братьев — на вид им было лет 20 — 22 — ты могла бы сделать с них великолепные наброски. — От грязи их рубахи с широкими и дырявыми рукавами приобрели серо-коричнево-зеленоватые тона — вполне подходящие... Следует прибавить,

[a] "заброшенно" (*исп.*).

что шагах в пятидесяти от них, в овраге, штук двадцать больших ворон ожесточенно рвали падаль... Дующий оттуда ветер доносил запахи!! — Чему их следовало приписать? Мертвой падали? Живым цыганам? — Тайна! Тайна!

Итак, ты возвращаешься в свое гнездо... Как там будут рады тебя видеть! — Надеюсь, ты найдешь маму совсем выздоровевшей[14]; в течение нескольких дней мы за нее боялись. — Марианна тоже вернется к семейному очагу... И только я who will lag behind[б]. — Но я очень рассчитываю, что это ненадолго; больше половины "allowed"[в] времени уже истекло... Последний срок 15 сентября, и я сделаю все возможное, чтобы сократить его на несколько дней[15]. — Ты тоже будешь рада отдохнуть после своих странствий — и вновь увидеть Жанну...[16] Поцелуй ее за меня очень нежно и скажи, что это от ее крестного, который привезет ей русского варенья... идеального! — Ты увидишь, что это слово — она немедленно запомнит.

NB. Прошло три четверти часа, как я начал писать это письмо... и мне кажется, что мой желудок начал успокаиваться.

После того, как ты поцелуешь Жанну — поцелуй славного Жоржа — а потом ты позволишь крепко поцеловать тебя твоему старому крестному, который тебя обожает и будет счастлив лишь тогда, когда увидит твою дорогую мордашку. До скорой встречи.

Твой И. Т.

5080. Генри Холту (с. 149)

С английского:

...Я покинул Париж в первых числах августа и вернусь туда лишь в последних числах сентября[1].

⟨...⟩ К сожалению, я так и не получил ни одной из посланных вами книг[2]. Причина тому, возможно, кроется в указанном вами адресе, который неверен: я живу в Париже не на улице Дуэ, 48 — а на улице Дуэ, 50[3]. — Разница пустячная — но, к несчастью, по-видимому, для почтальона существенная ⟨...⟩

⟨...⟩ Я очень тронут всеми вашими лестными словами о моих произведениях — но, откровенно говоря — меня всегда удивлял их успех (относительный успех) за пределами моей родины[4]. — Они слишком русские и слишком просты по сюжету — чтобы нравиться иностранцам[5]. — Надеюсь лишь, что издание моих книг не окажется для вас в конечном итоге убыточным делом[6] ⟨...⟩

[б] буду плестись в хвосте (*англ.*).
[в] "назначенного" (*англ.*).

5082. Полине Брюэр (с. 150)

С французского:

Спасское.
(Орловской губ-и,
город Мценск).
Понедельник, $\frac{\text{21 августа}}{\text{2 сентября}}$ 1878.

Дорогая Полинетта,

Только что получил твое письмо[1], переданное мне г-ном Виардо. Я нахожусь здесь уже две недели, стараясь немного разобраться в делах и сколотить столько денег, сколько смогу. Дело идет не так легко, как хотелось бы — но надо запастись терпением. — К счастью, здоровье мое пока в неплохом состоянии и подагра молчит. — Очень рад узнать, что и вы все в Ружмоне здоровы и что дела поправляются. — Я вернусь в Париж к 20-му сентября и с радостью увижусь со всеми вами в начале октября. Я немного беспокоюсь о г-же Иннис; она не сможет долго оставаться в том состоянии, в каком я ее видел — очень боюсь, что конец, действительно, близок[2]. — Но ведь это удел всех смертных.

Очень нежно вас всех обнимаю и говорю тебе: до свидания!

Ив. Тургенев.

5091. Клоди Шамро (с. 158)

С французского:

Спасское.
Суббота, $\frac{\text{26 августа}}{\text{7 сент.}}$ 78.

Дорогая моя душенька Диди, mein theuerstes Kind[a] (в качестве крестного я могу тебя так называть) — я получил твое большое и прелестное письмо[1] и очень нежно целую милую ручку, его написавшую. — Вы с Жоржем отдохнули на славу. Во всем вам сопутствовала удача — и Мама мне пишет[2], что оба вы вернулись в великолепном виде, пышущие здоровьем. — Провидение обязано было это сделать; не так уж часто ему приходится покровительствовать столь очаровательной паре — но оно не всегда исполняет свой долг... Словом, я им доволен. — Итак, ты вернулась в родное гнездо — и я тоже не задержусь с тем, чтобы явить там свою старческую физиономию, которая расцветет, увидав тебя[3]. — Теперь самое время тебе взяться за кисти или карандаши, не так ли?

---

[a] мое самое дорогое дитя (*нем.*).

Кстати о кистях, раз ты не увлекаешься пейзажами, то, если бы ты была здесь, я не стал бы показывать тебе старые березы, растущие группами в моем парке, каких не найдешь в целом мире — а какие липы! — но зато ты нашла бы здесь несколько замечательных голов, достойных твоих зарисовок. — Я никогда не видел более прекрасного лица апостола или патриарха, чем лицо одного старого крестьянина из села *Тапки* (читай правильно!), который приходил ко мне в Спасское. — Его лоб излучал безмятежность, борода — значительность — а нос и щеки — добродетель — да, именно добродетель — видеть все это было столь же восхитительно, сколь и поучительно. — Этот человек в течение своей жизни мало мыслил; но ни единая дурная мысль не пришла ему в голову! — Он никогда не преступал древних обычаев; — его жизнь протекала как в храме; — и хотя он простой крестьянин, он ступает как бы овеянный почтением, которое всегда внушал! Это было на самом деле прекрасно. — Для контраста я показал бы тебе бедную женщину, которую только что поместили в нашу богадельню. — Вообрази себе несчастное создание 80 сантиметров высотой — лишенную рук и ног: туловище — довольно толстое, венчается головой и заканчивается ступнями, прикрепленными, по-видимому, прямо к... ну да — к заду или к животу! Лицо красное, полное, без морщин — а выражение его почти веселое; глаза косые, серые и большие — рот огромный, голос нежный — и все, что произносит этот уродец, умно и исполнено жизнерадостности. — Представь — эта женщина шьет, *вышивает* при помощи рта, прижимая свои широкие губы к чему-то вроде нароста, который находится у нее на краю плеча и которым она может двигать[4]. — Я привезу в Буживаль полотенце, очень мило ею вышитое! — Впрочем, вот нечто вроде наброска с нее:

⟨Рисунок⟩

Вот кто имеет право не верить в Бога — и кто, должно быть, верит в него и в небеса, и в райское блаженство — и во все, что должно вознаградить ее за печальное земное существование! При всем том выглядит она не несчастной — напротив!

Сколько раз мы с тобою собирались, еще когда я был в Париже, пойти вместе смотреть картины — и почти никогда это не получалось, не знаю почему! — В одном из писем к твоей Маме я описал впечатление, которое произвела на меня в этот раз Дрезденская галерея и в особенности Мадонна Рафаэля![5] — Как бы я был счастлив увидеть все это вместе с тобой! — В свое время ты посетила эту галерею... но тогда ты была слишком юной — (прекрасный недостаток, отмечу в скобках!), и я уверен, что теперь ты бы оценила это совсем иначе. Говорят, что в своих писаниях я реалист, да я и сам так считаю — и люблю в искусстве реальность, поэтическую реальность — т.е. настолько правдивую, что она становится прекрасной — но признаюсь, что идеализм этой — — Мадонны меня *сражает* — вот подходя-

щее слово — и я полагаю, что это последнее слово в *Искусстве.* Только для того, чтобы создавать подобного рода вещи — мало быть гениальным — надо быть счастливым; — и Рафаэль был именно таким счастливым гением.

Ох! вот и эстетика, и философия — довольно.

Перед отъездом из Спасского я напишу для Жанны басню[6], которую ты ей прочтешь. А пока поцелуй ее крепко за меня и спроси, помнит ли она своего крестного? Целую всех вас — очень крепко — а тебя особенно — со всей мыслимой нежностью.

Твой старый верный
И. Тург.

5093. Клоди и Жанне Шамро (с. 161)

С французского:

Спасское.
Среда, $\frac{\text{11 сент.}}{\text{30 августа}}$ 78.

Дорогая обожаемая Диди, совсем недавно я написал тебе длинное письмо[1] — и я не могу тебе сказать что-то особенно новое, кроме того, что обожаю тебя — (но это ты знаешь не хуже меня) — и что я не хочу уехать отсюда (я уезжаю завтра), не послав тебе письмеца! Нет нужды говорить тебе, с каким удовольствием я думаю о своем возвращении! — Как я пишу твоей сестре[2], необходимо, чтобы я привез вам хорошую погоду — и ничто не помешает тогда нашему счастью. — Здесь сегодня чудесный день — прекрасное осеннее солнце, золотистое и мягкое, небо чуть бледновато, но ласково; — в листве повсюду встречаются желтые и красные пятна, которые лишь ярче оттеняют зелень — и в воздухе колышутся нити паутины — на земле и в траве — влажный налет — и вороны, сбившиеся в стаи и взлетающие высоко в небо, беспорядочно кричат. — Одно лишь воспоминание портит всю картину: сегодня Александров день — годовщина бойни *под Плевной*, день "штурма в честь именин Императора" — который стоил нам *19 000* жизней![3] — Постараемся больше не думать об этом.

Итак, ты снова на своем месте в *мастерской* с кистями и карандашами?[4] Так постарайся написать хороший и *похожий* портрет мамы[5]. — Мне нужно возвращаться, чтобы подгонять вас всех.

Следующая страница предназначена для Жаннетон[6]; будь добра прочесть ей ее — а потом поцеловать ее в обе щечки от имени ее старого крестного. — Ich küsse tausendmal Deine lieben Hände und bin auf ewig

Dein treuer[a]
И. Т.

P.S. Тысяча штучек (как говорит Жанна) Жоржу[7].

---

[a] Тысячу раз целую твои любимые ручки и остаюсь навеки преданный тебе (*нем.*).

Серебряная птица и желтая лягушка
Басня (или Сказка)
посвящается м-ль Жанне Шамро

Жила-была однажды маленькая зеленая лягушка, которая совсем не была доброй. — Она жила у подножья большого дерева; а в ветвях этого дерева жила красивая серебряная птица, которая была очень доброй и у которой был очень длинный хвост! Однажды лягушка говорит птице: "Как бы мне хотелось подняться на дерево и посмотреть, что там видно с высоты; но я не знаю, как это сделать". — Тогда птица и говорит: "Давай я опущу тебе свой хвост, уцепись за него, и я подниму тебя на ветки". — И птица, которая была очень доброй, опустила свой хвост. — Но лягушка, вцепившись зубами в самое красивое перо из хвоста птицы, вместо того чтобы подняться, принялась изо всех сил тянуть его вниз. — "Что ты там делаешь?" — спросила птица. — "Хочу вырвать твое перо, чтобы сделать себе из него украшение", — отвечала лягушка, продолжая тянуть перо. — "Погоди же, злюка!" — сказала птица. — И она взлетела высоко в небо, унося лягушку на своем хвосте. — "Ква-ква... что... что это такое!" — закричала перепуганная лягушка. — "Ты же хотела посмотреть, что видно с высоты; — отвечала птица, — ну так смотри!" — Но у лягушки не хватило храбрости посмотреть вниз; и она принялась кричать: "По... по... пощади! Спусти меня на землю!" — Но птица, пролетавшая в это время над лужей, отвечала: "Разожми пасть, ты упадешь в грязь и не разобьешься, и будет тебе там очень хорошо". И лягушка открыла пасть — и бух! плюхнулась прямо в лужу. Она и вправду не разбилась — но лужа была такой грязной и к тому же она так перепугалась, что из зеленой стала совсем желтой (как какашка). — И осталась такой на всю жизнь. А серебряная птица взлетела на дерево и пропела красивую песенку восходящему солнцу.

5100. Филиппу Бюрти (с. 167)

С французского:

Понедельник утром.
30 сент-ря.

Дорогой господин Бюрти,

Хочу попросить вас перенести наше посещение Выставки[1] на *среду* — в *1 час дня*, если вас это устраивает. — На меня свалилось дело, которое займет весь день[2]. Но в среду я обязательно буду у вас, если вы не будете возражать[3].

Тысяча извинений и до встречи.

Преданный вам
Ив. Тургенев.

5102. Жюлю Этцелю (с. 168)

С французского:

БУЖИВАЛЬ
ЛЕ ФРЕН
Шале
Пятница, 4 окт. 78.

Мой дорогой друг,

Я, действительно, ошибся, и немецкое письмо, которое вы мне возвращаете, предназначалось Р. Линдау — вы его, кажется, знаете. Он не вернул мне письма, адресованного вам[1] — поэтому я предполагаю, что он еще не возвратился в Париж. В том письме я просил вас оказать мне любезность и послать от моего имени Ф. Бюрти (бульвар Батиньоль, 11bis) — мои произведения, изданные вами[2] — за исключением "Гнезда"[3], "Дыма"[4] и "Записок охотника"[5] — которые у него уже есть. Я выражал также сожаление, что мало встречался с вами прошлой зимой, и высказывал надежду, что этой зимой будет иначе.

Уже десять дней, как я приехал из России; через две недели мы возвращаемся в Париж.

Сердечно жму вам руку и до свидания.

Совершенно преданный вам
Ив. Тургенев.

5103. Вильяму Рольстону (с. 169)

С английского:

БУЖИВАЛЬ
ЛЕ ФРЕН
Шале
Понедельник, 7-го октября 78.

Мой дорогой друг,

Я только что получил ваше письмо[1] и спешу сообщить вам, что приеду в Лондон в *среду вечером* — по пути в Ньюмаркет, где пробуду три дня, охотясь на куропаток у моего друга Б. Холла[2]. — Я остановлюсь в Лондоне в *гостинице св. Панкратия* — около вокзала св. Панкратия — и выеду на следующий день, *в четверг*. Не могли бы вы зайти вечером в гостиницу и спросить меня? Я вам все расскажу о гр. Л. Толстом[3] — с которым только что провел три дня в *Ясной Поляне*. — Мы поссорились 16 лет тому назад — но теперь мы снова хорошие друзья, как никогда раньше[4].

Я прочел вашу статью об А. Гревиль. — Она должна быть благодарна вам за нее — и я очень рад ее успеху[5].

Итак — до скорого свидания[a].

Преданный Вам
Ив. Тургенев[a].

---

[a] *Фраза написана по-русски.*

5104. Людвигу Пичу (с. 169)

С немецкого:

Буживаль. Ле Френ.
8 окт. 1878.

Мой дорогой друг,

Ваша догадка верна: вот уже несколько недель, как я здесь — в Берлине же, к сожалению, смог задержаться лишь на несколько часов, так как хотел присутствовать на третьем русском концерте[1]. — Все семейство я застал в добром здравии. — Очень сожалею, что в Вашем не все благополучно. — В России мне в самом деле пришлось пережить немало странного[2] — о чем мы сможем спокойно побеседовать, когда Вы приедете в Париж[3]. — (Подозреваю, что немецкий язык, на котором я сейчас пишу, сильно грешит против грамматики — но это не имеет значения!)

Вы правильно пересказали мой "Сон"; — меня только несколько удивляет то, что Вы сочли его стоящим внимания любезной публики. Но, о ужасный друг, Вы низвергаете на меня целый поток комплиментов! Теперь я рта не смогу открыть без того, чтобы не подумать: "Стой! Изволь-ка здесь произвести чарующее впечатление!" — Право же, я никогда не думал, что я такой чародей[4].

Я бы с величайшим удовольствием авторизовал Ваш немецкий перевод "Partage"[a]; однако эта маленькая вещица уже переведена и в скором времени выйдет в "Westermann's Illustrirten Hefte"[5].

Итак, до скорого свидания! Примите крепкое рукопожатие от Вашего

Ив. Тургенева.

5110. Юлиану Шмидту (с. 175)

С немецкого:

Буживаль. Ле Френ.
13 окт. 1878.

Мой дорогой друг,

Вы, вероятно, изрядно выбранили меня, когда узнали, что я на обратном пути не остановился в Берлине — и были вполне правы. Могу только сказать, что я был вынужден к этому[1]. Тем не менее — в виде доказательства моего раскаяния — посылаю Вам с сегодняшней почтой:

---

[a] "Раздела" (*франц.*).

a.) "Nabab"[а] (наконец!)[2].

b.) "La Chanson des Gueux"[б] Жана Ришпена.

Последний поэт престранный — но какой поэт! Многие вещи Вы едва ли поймете, так как они написаны на парижском арго. (Многие французы его также не понимают.) Но некоторые, как например — "Le Bouc aux Enfants"[в] на стр. 30, исполнены классической красоты. В качестве особенно смелых и замечательных произведений рекомендую Вам "Fleurs de boisson"[г] на стр. 173. — Тут из каждой строки глядит на вас такой удивительно страстный темперамент, который в наше рефлективно-бледное время действует положительно благотворно. — К сожалению, Ришпен завзятый пьяница[3].

В надежде, что смягчил Вас немного этими маленькими дарами, восклицаю: простите! простите!

Сердечные приветы Вашей супруге, а Вам я крепко жму руку.

Ив. Тургенев.

5112. Вильяму Генри Холлу (Беллоку) (с. 176)

С английского:

Буживаль. Ле Френ.
Среда, 16-го окт. 78.

Мой дорогой друг,

Я не тотчас ответил на ваше письмо, потому что хотел сообщить вам что-нибудь определенное[1]. — И теперь я рад объявить вам, что покидаю Париж в *воскресенье* утром, переночую в Лондоне в гостинице St. Pancras — и прибуду в Six Mile Bottom утром в *понедельник*[2]. — Разумеется, я буду очень рад познакомиться с г-ном Джоветтом — и посетить Оксфорд в сопровождении столь выдающейся личности[3].

Надеюсь, на этот раз мои желания, наконец, исполнятся — и прошу верить

искренне вам преданному
Ив. Тургеневу.

[а] "Набоб" (*франц.*).

[б] "Песнь босяков" (*франц.*).

[в] "Козел для детских игр" (*франц.*).

[г] "Цветы напитка" (*франц.*).

5114. Клоди Шамро (с. 178)

С французского:

Оксфорд.
Баллиольский колледж.
Воскресенье, 27 окт. 78.

Дорогая, горячо любимая Клоди, я получил твое прелестное письмо[1] как раз в тот момент, когда уезжал из Six Mile Bottom[2] — и беру перо в руки, чтобы написать тебе несколько слов за те четверть часа передышки, которая мне выпала посреди всех этих "sight-seeings"[а]. Я нахожусь здесь со вчерашнего дня — устроился у "master"[б] этого колледжа, старого и очаровательного ученого, наиприветливейшего и наидобродушнейшего из всех возможных[3]: в моем распоряжении просторная, немного прохладная комната с камином, который чадит больше, чем греет спину. — Мы только что вернулись с прогулки по Оксфорду, где встречаются прекраснейшие здания в англо-готическом стиле, которые можно увидеть только во сне — посреди прелестных деревьев, зеленых лужаек и все это под бледно-голубым небом. Английские пейзажисты очень глупы, не умея извлечь пользу из всего этого. — Поскольку сегодня воскресенье — все вымерло, улицы опустели, собаки ворчат за закрытыми дверями; время от времени встречаешь очень важных юношей в черных развевающихся *gown*[в] на плечах и в чем-то вроде черных уланских шапок на голове. — Мой друг Холл (который, без всякого сомнения, является симпатичнейшей личностью!) пожелал проводить меня сюда — и мы даже заглянули в одну церковь, где прослушали проповедь, произнесенную молодым священником с такими чувствительными и проникновенными интонациями, что сон, в который меня неудержимо клонило, как рукой сняло — тем более что всякий раз, когда волнение побуждало его понижать голос в конце фразы, я не понимал ни единого слова. — У доброго г-на Джоветта (таково имя "Master"[г], у которого мы остановились, между прочим выдающегося эллиниста[4]) нас, визитеров, несколько человек; — г-н и г-жа Споттисвуд из Лондона, великий филолог Макс Мюллер с женой, славный Рольстон и т.д.; — публика, не вызывающая и не внушающая безумного веселья — но в конечном счете это поучительно и занимательно. — А кроме того, известно, что завтра предстоит отъезд, а послезавтра встреча с "les Frênes" и их обитателями! — По-другому было не устроить: — завтра в понедельник я уезжаю из О⟨ксфорда⟩ — провожу часть дня с твоим дядей[5] —

[а] "осмотров достопримечательностей" (*англ.*).
[б] "главы, директора" (*англ.*).
[в] мантиях (*англ.*).
[г] "главы, директора" (*англ.*).

а вечером еду ночным поездом из Кале, который приходит в Париж в 7 ч. утра. — Один из последних дней, проведенных в Six Mile Bottom, был посвящен охоте — (NB. я по-прежнему стрелял like a pig[д] — и подстрелил всего 11 штук); на днях дождь зарядил не переставая — и мы воспользовались этим, чтобы съездить в Кембридж — там мы позавтракали у члена парламента г-на Фосетта[6], большого друга России и слепого (отец выбил ему *оба* глаза выстрелом из ружья на охоте), его жена — маленькая, очень энергичная, тип английской нигилистки — в наряде, который я тебе опишу![7] У меня есть *много*, много чего вам рассказать. — Но я буду очень рад возвращению. — Ты мне ничего не рассказываешь о Поле: предполагаю, что Лейпциг был не слишком ему неблагоприятен...[8] и кстати об этом, я слышал игру на скрипке одного "parson"[е], которому аккомпанировала жена... That was a treat![ж] — Откладываю все это до моего возвращения.

P.S. Посылаю тебе хороший рисуночек из "Punch"[9]. — Прошу тебя поцеловать за меня всех — начиная с Жанны![10] — А затем прошу тебя подставить мне обе твои дорогие ручки и щечки, чтобы я их крепко-крепко и очень нежно поцеловал.

Твой старый, обожающий тебя

И. Т.

5120. Генри Льюису (с. 182)

С английского:

Буживаль. Ле Френ.
Пятница, 1-го нояб. 78.

Любезный г-н Льюис,

Я получил оба тома — и приношу вам свою глубокую признательность за этот подарок. — Надеюсь, что мои книги попадут к вам еще до 9-го нояб⟨ря⟩[1]; а коробка с пилюлями (пилюли Ф. Жозефа) будет отправлена из Парижа завтра. Попробуйте их — и пусть они принесут вам такую же пользу, какую приносят мне.

Нет нужды повторять, сколь счастлив я был встретиться с г-жой Льюис и с вами в доме нашего друга — и с каким удовольствием я вспоминаю эти три дня[2] — cela s'entend de soi-même[а]. — Но будьте любезны передать Джордж Элиот, как велико мое восхищение ею как поэтом и как женщиной — и остаюсь

совершенно преданный вам

Иван Тургенев.

[д] по-свински (*англ.*).

[е] "пастора" (*англ.*).

[ж] Это было наслаждение! (*англ.*).

[а] это само собой разумеется (*франц.*).

5121. Ф.А. Вальтеру (с. 183)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Суббота, 2 нояб. 1878.

Любезный господин Вальтер!

Я очень сожалел, что меня не было в Париже в то время, когда вы там были[1], и спешу поблагодарить вас за любезный подарок[2]. Разумеется, я не забыл о том времени, когда был вашим учеником — и если я на всю жизнь сохранил любовь к античности и классической литературе и поклонение им, то этим отчасти обязан вам[3]. Я с живейшим интересом прочитал гимны и другие латинские стихотворения, которые вы посвятили нашим прославленным соотечественникам[4], и с истинным удовлетворением смог убедиться, что если вы и остались немцем по эрудиции — то по патриотическим чувствам стали русским[5]. При первой же моей поездке в Петербург, которая, надеюсь, состоится зимой, в феврале, я не премину постучаться в вашу дверь и сердечно пожать руку своего старого учителя.

Примите, сударь, уверение в наилучших чувствах

вашего покорнейшего слуги и бывшего ученика
Ивана Тургенева.

5123. Кларе Тургеневой (с. 184)

С французского:

Буживаль. Ле Френ.
5 нояб. 78. Вторник.

Любезная госпожа Тургенева,

Будьте добры сообщить мне с этим посланным точный адрес Ханыкова в Рамбулье — а также час отправления в Рамбулье версальского поезда, которым я должен выехать. — Завтра я поеду навестить нашего бедного больного друга[1].

Тысяча приветов.

Совершенно преданный вам
Ив. Тургенев.

5126. Ф.Н. Тургеневой (с. 187)

С французского:

Среда.
$10^1/_2$ ч.

Дорогая мадемуазель Фанни,

Мой глупый садовник[1], вместо того чтобы заказать карету в Буживаль для *меня*, послал ее к *вам*, где она, должно быть, и пребывает спокойно уже с 10 ч.! Я не вижу возможности поехать в

Рамбулье сегодня — если только нет другого версальского поезда. Сообщите мне об этом, пожалуйста — но думаю, что поездку к Ханыкову придется отложить до пятницы, так как завтра я весь день должен провести в Париже.

Тысяча приветов.

Ив. Тургенев.

5128. С.А. Толстой (с. 188)

С французского:

Четверг.

Любезная графиня Толстая,

Если вам угодно, я приду к вам завтра, в пятницу, к 4 часам. Если я не получу ответа, это будет означать, что день и час вам подходят.

Примите уверение в моих лучших чувствах.

Ив. Тургенев.

5129. А.Н. Тургеневу (с. 188)

С французского:

Альберту Тургеневу, срочно, Вербуа. — Нашел Ханыкова в чрезвычайно тяжелом состоянии, привезу к нему доктора из Парижа[1]. Иван Тургенев.

5131. Карлу Александру Веймарскому (с. 190)

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Суббота, 9 ноября.

Всемилостивейший государь,

Ваше королевское высочество, надеюсь, не прогневается на меня за то, что я не явился к нему, когда узнает, что я должен был именно этим утром отправиться с врачом в Рамбулье навестить соотечественника и друга, который внезапно оказался в почти безнадежном состоянии. Только такой серьезный случай и мог мне помешать принести вашему королевскому высочеству дань глубокого уважения, с которым имею честь пребыть его нижайшим и покорнейшим слугой[1].

Иван Тургенев.

5133. Гюставу Флоберу (с. 191)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Суббота, 9 нояб. 78

Мой дорогой старина,

"Ужели это вы, злосчастный Радамист?"[1]

Да, после столь длительного молчания, после поездок в Россию, Англию[2], к черту на кулички — я снова здесь и спешу вам сообщить, что лишь со вчерашнего дня обосновался в Париже, жду от вас известий и желал бы знать, как долго вы еще пробудете в Круассе[3] — ибо полагаю, что вы находитесь именно там, и хочу вас навестить[4]. — Здоровье мое недурно — и я начал даже ходить без посторонней помощи, словно трехлетний младенец. — Сегодня я этим сообщением и ограничусь, ибо чувствую себя каким-то одуревшим — и буду дожидаться вашего ответа.

Обнимаю вас.

Ваш
Ив. Тургенев.

5135. Людвигу Фридлендеру (с. 192)

С немецкого:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Понедельник, 11 нояб. 78.

Уважаемый господин профессор,

Сердечно благодарю Вас за дружескую телеграмму[1]. Очень меня порадовало то, что Вы не забываете меня. Мне стыдно до глубины души, что, так часто проезжая через Кенигсберг, я ни разу не остановился там, чтобы навестить Вас. — Во время следующей поездки я непременно сделаю это.

Надеюсь, что у Вас все благополучно. — Своим здоровьем я пока доволен — и смог совершить длительные путешествия — в Россию и Англию[2] — ни разу не заболев подагрой. — Все в семействе Виардо живы и здоровы — и передают Вам дружеский поклон.

В Петербург я полагаю уехать уже в феврале[3].

Не помню, поблагодарил ли я Вас за Ваши посылки[4]. — В том, что я всегда рад Вашим сочинениям и читаю их со вниманием и удовлетворением — Вы, конечно, можете не сомневаться.

От меня же Вы, вероятно, не так скоро получите что-либо новое. — Я отложил перо — и до сих пор очень доволен этим

решением[5]. Я слишком мало живу в России — и поэтому стал бы лишь повторять старое. Faciant meliora potentes[a, 6].

Кланяюсь Вашей супруге — и прошу принять уверение в моем искреннем уважении и привязанности.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5136. Эдмону де Гонкуру (с. 193)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Вторник утром.

Мой дорогой друг,

Особые цыганские имена бывают только в операх[1]. — Вам, конечно, известно, что цыгане, как народ вполне безразличный к вере, усваивают религию той страны, где проживают — и носят те имена, какие встречаются в святцах этой страны. — Могу, однако, привести вам имена (уменьшительные, ласкательные) известных в России цыганок. — "*Стеша*" — (уменьш⟨ительное⟩ от Степаниды, Этьенетты). — Она кружила головы нескольким поколениям между 1820 и 1830 годами[2]. — "*Любаша*" (уменьшит. от Любовь, Милосердие). — "*Параша*" (уменьшит. от Прасковьи). "*Мариула*" (уменьшит. от Марии). — Она была возлюбленной нашего знаменитого поэта Пушкина[3]. — "*Таня*" — (уменьшит. от Татьяна[4]). — "*Липа*" (уменьшит. от Олимпиада).

А теперь — выбирайте[5].

Действительно, нам надо бы повидаться. Но где и каким образом? — Флобер пишет мне, что вернется в Париж лишь в феврале[6]. — Я не видел еще ни Золя, ни Доде. — А следовало бы устроить обед, как в былое время[7]. — Я об этом черкну вам словечко[8].

Тысяча приветов и до свидания.

Ваш
Ив. Тургенев.

5141. Жюлю Этцелю (с. 197)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Суббота, 16 нояб. 78.

Мой дорогой друг,

Это письмо вам вручит моя соотечественница, госпожа Аделаида Луканина, в которой я принимаю живейшее участие. —

---

[a] Пусть, кто может, сделает лучше (*лат.*).

Недавно она дебютировала в русской литературе рассказами, имевшими большой успех. Издатель журнала, где они были напечатаны[1], поручил ей составлять обзоры in extenso[a] (как это делал когда-то Олд-Ник в "Revue des 2 Mondes") — наиболее примечательных произведений, вышедших в Париже за последнее время. — Не согласились бы вы ссужать ей иногда книги, изданные вами? Думаю, что это и в ваших интересах, так как книги получили бы дополнительную рекламу. — Во всяком случае, вы очень обяжете меня и г-жу Луканину[2].

Сердечно жму вам руку.

Весь ваш

Ив. Тургенев.

5144. Ф.Н. Тургеневой (с. 199)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Среда.

Дорогая мадемуазель Фанни,

Большое спасибо за посылку — все письма будут отправлены сегодня же; около пятидесяти из них я уже отослал[1]. — О кузене ничего неизвестно[2].

Тысяча приветов и до свидания.

Ив. Тургенев.

P.S. Газета "Le Temps" напечатала вчера небольшую некрологическую заметку; она будет перепечатана в "Journal des Débats" и других газетах[3].

5151. А.А. Трубецкой (с. 207)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Среда, 27 нояб. 78.

Дорогая княгиня Трубецкая,

Я не ответил тотчас на ваше письмо[1], потому что имел твердое намерение исполнить наконец обещание, даваемое мною в течение трех лет (!!) — и явиться собственной персоной в Бельфонтен... и вот я подхватил сильную простуду (возможно, на кладбище Пер-Лашез, где вынужден был говорить с непокрытой головой[2]) — а потому привязан к дому! (В другие разы была подагра.) — Но на этот раз все не так серьезно — и я надеюсь, что с завтрашнего дня смогу выходить. — В этом случае —

---

[a] в подробном изложении (*лат.*).

в *понедельник* я буду иметь огромное удовольствие наконец видеть вас[3]. Вы имеете полное право улыбаться, читая эти строки; но "trotz alledem"[a] — ... в конце концов, посмотрим.

Мне нет нужды говорить вам, насколько я был тронут добрыми и милыми словами, сказанными вами по моему адресу; — поверьте же и вы, что чувство, которое я к вам питаю, столь же искренно, как и горячо — и что с прожитыми годами отношения с вами становятся настолько драгоценными, — что я не предвижу ничего, что могло бы заставить меня забыть о них. — Вы, может быть, знаете, что недавно мне исполнилось 60 лет[4]; — это начало конца! — Ничего нового — — приятного — ждать не приходится.

Не хочу вдаваться в "темные тона" — и довольствуюсь тем, что говорю вам: до понедельника. Все здешние просят передать вам тысячу нежностей — что до меня, я прошу вас верить неизменной дружбе

совершенно преданного вам

Ив. Тургенева.

На конверте: Госпоже княгине Трубецкой.
В замок Бельфонтен,
близ *Фонтенбло.*

5152. Гюставу Флоберу (с. 208)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Среда, 27 нояб. 78.

Мой дорогой старина,

Грустный тон вашей записки[1] меня глубоко огорчил, и вместо ответа я решил неожиданно нагрянуть в Круассе; — если же я этого еще не сделал — то лишь в силу очень веских причин. — Мне пришлось хоронить — старого друга (мы были дружны 40 лет), Ханыкова, который скончался в Рамбулье[2] — в самом унылом жилище, какое я только видел. — На кладбище Пер-Лашез было очень скверно — под ногами грязь, сверху что-то вроде града или снега, а кругом омерзительный грязный туман. — Было бесконечно трудно опустить в зияющую яму огромный тяжелый гроб. — Стоя у края этой ямы на куче жирной и скользкой земли, я произнес несколько прощальных слов. Говорил я с непокрытой головой — и схватил довольно сильный насморк, который не позволяет мне выйти из дому — и отправиться в Круассе. Впрочем, чувствую я себя уже лучше — и до конца следующей недели вы *непременно* меня увидите *у себя*, *в Круассе.* — Я даже отсюда вижу скептическую улыбку,

---

[a] "вопреки всему" (*нем.*).

блуждающую на ваших губах; должен признаться, памятуя, что я неоднократно нарушал данное мною слово, у вас есть на это право; — но вот увидите! вот увидите![3]

Золя еще не вернулся в Париж; Доде я не видел. — Гонкур приходил ко мне вчера, чтобы позаимствовать немного местного колорита, касающегося юга России, цыганских имен и т.д.[4] — Он здоров — слегка похудел — и у него все такие же светящиеся и одновременно мрачные и совсем недобрые глаза. — О вас он говорил с большой симпатией.

Недавно мне стукнуло 60 лет, дорогой мой старина... Отсюда начинается хвост жизни. Испанская пословица говорит, что труднее всего отодрать хвост[5]; — к тому же это занятие дает меньше всего удовольствия и результатов. — Жизнь приобретает совершенно личный и оборонительный — в борьбе со смертью — характер; и вследствие этого преувеличенного внимания к собственной персоне пропадает интерес к жизни — даже к своей. — Но вам и так не настолько весело — чтобы я еще добавлял эту мрачную ноту; — считайте, что я ничего не сказал.

Когда мы увидимся, я *многое* смогу порассказать вам о моих двух поездках в Россию и Англию; так что постарайтесь меня разговорить.

Здесь все здоровы и вас приветствуют. — А я вас обнимаю. — *До скорого свидания.* — Вы будете предупреждены накануне.

Ваш
Ив. Тургенев.

5153. Людвигу Пичу (с. 209)

С немецкого:

...Затем обращаемся к Вам, верный друг; умоляем Вас справиться у Дома, как обстоит дело[1], и сообщить об этом сюда! И здесь снова молчание!! Безмолвное как могила или как мир после обезглавливания Гретхен...[2] Если и в течение 48 часов... не прибудет никакого объяснения, то я буду знать, что моего Пича подменили — и откажусь от той последней капли веры и доверия, которая еще теплится у меня в груди, на веки вечные! ⟨...⟩

5155. Джордж Элиот (с. 210)

С английского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
3-го дек. 1878.

Любезная г-жа Льюис,

Час назад я получил от вашей дочери[1] письмо, извещающее меня о весьма опасной болезни ее отца, а только что прочел в газетах телеграфное сообщение о роковом исходе его болезни![2]

Не смею тревожить глубокую скорбь, которую вы должны испытывать — прошу только позволения выразить вам сердечное и искреннее сочувствие. Да поможет вам ваш великий ум найти стойкость, необходимую, чтобы пережить такую утрату! — Все ваши друзья, вся образованная Европа скорбят вместе с вами.

Остаюсь, любезная г-жа Льюис,

совершенно преданный вам
Ив. Тургенев.

5157. Гюставу Флоберу (с. 212)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Среда, 4 дек. 78.

Конечно, мой дорогой друг, я буду ждать вашего приглашения и надеюсь, что оно вскоре последует. — Мне очень грустно, что вы находитесь в столь ужасном состоянии — правда, я надеюсь, что вы его немного преувеличиваете под влиянием ваших нервов. — Что же касается *тягот* жизни — то после пятидесяти лет легкой она быть не может[1]. — Ничего не поделаешь! До свидания — не правда ли?

Обнимаю вас.

Ваш старый
Ив. Тургенев.

5158. А.Н. Тургеневу (с. 212)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Четверг утром.

Мой дорогой Альберт,

У нас идет подписка на сооружение надгробного памятника нашему другу Ханыкову. Необходимая сумма не превысит 1800 фр.; — и мы уверены, что соберем ее[1]. — У нас уже есть 800 фр. (один Орлов дал *500*); я написал в Россию, чтобы уведомить тех друзей покойного, которые хотели бы принять участие в нашем деле[2]. — Я не сомневаюсь, что ваша семья тоже пожелает быть в их числе; поэтому прошу вас сообщить мне, на какую сумму вас подписать.

Сердечно жму вам руку и прошу передать мои искренние приветы всем вашим.

Иван Тургенев.

На конверте: Господину Альберту Тургеневу.
В Вербуа, *около Буживаля*.
(Сена и Уаза.)

5162. Эмилю Золя (с. 215)

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Четверг утром, 1878.

Мой дорогой друг,

Я заезжал к вам позавчера, но мне сказали, что вы еще не возвратились из деревни[1]. Надеюсь, что вы не останетесь там надолго, и мы снова будем видеться. А пока вот что я хотел бы вам сказать: в своем последнем фельетоне вы обещаете в ближайшее время написать о "Княжне Боровской"[2]. А между тем фельетон "Débats", констатируя провал этой пьесы, добавляет примерно следующее: "Надо полагать, что в будущем никому и в голову не придет заимствовать репертуар из русской драматической литературы" и т.д.[3] Это уж слишком! Автор "Княжны Боровской" не имеет никакого имени в России, это меньше, чем нуль. Если бы его первая пьеса "Данишевы" была поставлена в России, она тотчас бы провалилась под хохот и свист — и вот кого считают представителем русского театра во Франции! Возможно, что наш театр и не подходит парижской публике, но по причинам, не имеющим ничего общего с теми, из-за которых освистали "Княжну Боровскую". Это, в конце концов, лишь очень плохая французская пьеса[4].

Вы знаете, что я всегда намеревался познакомить вас с нашим настоящим театром — и я это непременно сделаю, как только вы вернетесь в Париж[5] — но все русские были бы вам признательны, если бы вы теперь же, в вашем следующем фельетоне, восстановили истину. Право, слишком печально видеть в г. Круковском (!!!) представителя русского театра во Франции!

До скорого свидания, не правда ли? Сердечно жму вам руку.

Весь ваш
Ив. Тургенев.

5166. Полине Брюэр (с. 219)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Пятница, 13 дек. 78.

Моя дорогая Полинетта,

Ты найдешь в этом конверте сто франков для новогодних подарков.

2 флакона Суэца будут тебе посланы — с *зеленой* ниткой для тебя, с *красной* ниткой для детей[1].

Здесь все здоровы — и я также.

В ожидании удовольствия повидать тебя, обнимаю вас всех.

Иван Тургенев.

5168. Е.Н. Адлерберг (с. 220)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
14 дек. 1878.

Графиня,

Беру на себя смелость рекомендовать вашему благосклонному вниманию подателя сего письма, г-на Мориса Розенталя, молодого 14-летнего пианиста, одного из любимых учеников Листа[1], которому можно предсказать самое блестящее будущее. — Он намерен дать несколько концертов в С.-Петербурге[2]. Г-н Розенталь заслуживает вашего покровительства — и — зная, что вы сами превосходная музыкантша — я осмеливаюсь уверить его в том, что вы окажете ему поддержку.

Заранее принося вам свою благодарность, прошу вас, графиня, принять уверение в моей совершенной вам преданности.

Иван Тургенев.

5174. Жюлю Этцелю (с. 223)

С французского:

Улица Дуэ, 50.
Вторник вечером.

Мой дорогой друг,

Мало быть подагриком, надо быть злодеем или завистником, чтобы "бросать камни в ваш огород"[1]; я не таков и полагаю, что никогда таковым не был. Не сомневаюсь, что вы любите больше, чем я, г-жу М⟨аркович⟩, к которой я вполне равнодушен[2]: с моей стороны речь шла о вопросе литературного и международного права[3]. Я всегда укорял себя за то, что не решился в свое время спросить Мериме, почему он позволял называть себя автором "Маттео Фальконе", который является не чем иным, как почти буквальным переводом немецкой поэмы Шамиссо[4]; мне не хотелось упрекать себя в подобном относительно вас. — Мне казалось, что вас должны были бы смущать те единодушные похвалы, которые обходили молчанием имя г-жи М⟨аркович⟩ — имя, стоявшее, между тем, рядом с вашим под тем небольшим романом, — *который не является легендой* — тогда, когда он появился в фельетоне "Le Temps"[5]. — Вы сочли справедливым изъять его — г-жа М⟨аркович⟩ одобрила это — прекрасно; считайте, что я ничего не говорил. — Что до меня, то я решительно никогда не вернусь к этой теме. — Довольно булыжников на дороге собственной жизни, чтобы подбирать их на чужих.

Тысяча приветов.

Ив. Тургенев.

5181. Людвигу Фридлендеру (с. 230)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 50.
26 дек. 1878.

Многоуважаемый господин Фридлендер,

Мне бы давно следовало поблагодарить Вас за Ваш интересный подарок, но лишь сегодня, в первый раз за последние 10 дней, я в состоянии писать в удобном, сидячем, положении. — Подагра, мой старый враг, после 8-месячного перемирия с новой силой напала на меня и, как говорят французы, пригвоздила меня к постели. — Но теперь мне уже лучше — и я надеюсь, что сидеть мне придется недолго.

Правда, портрет не особенно похож, но для меня он представляет своеобразный интерес — еще раз сердечное Вам спасибо, госпожа Виардо тоже благодарит Вас и кланяется[1].

Моя поездка в С.-Петербург отложена на некоторое время; — во всяком случае я выеду не позднее начала марта. То, что на этот раз я не просто проеду через Кенигсберг, не подлежит сомнению. — Весьма вероятно, что я уеду из Берлина с утренним поездом — а ночь проведу в Кенигсберге. — Уведомлю Вас об этом телеграммой[2].

Благодарю Вас за пожелание снова взяться за перо; — но до сих пор я не чувствовал в себе подобных побуждений. Байроновский Манфред — (мне лично мало симпатичный чудак, bye and bye[а]) — говорит в конце трагедии: "Old man, it's not so difficult to die"[б]. Я бы сказал вместо "to die"[в] — "not to write"[г, 3]. — Это кажется совершенно естественным.

Поклонитесь от меня Вашей супруге и будьте здоровы. Крепко жму Вам руку и остаюсь

совершенно преданный Вам
Ив. Тургенев.

На конверте:

Allemagne du Nord.
Prusse Orientale[д].
Господину профессору д-ру Л. Фридлендеру.
В *Кенигсберг*
(в *университет*).

[а] *Так в подлиннике, ошибочно; следует*: by the by — между прочим (*англ.*).

[б] "Старик, не так уж трудно умирать" (*англ.*).

[в] "умирать" (*англ.*).

[г] "не писать" (*англ.*).

[д] *Северная Германия.* Восточная Пруссия (*франц.*).

5187. Кати Эккерт (с. 235)

С немецкого:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Суббота, 28 дек.

Дорогая госпожа Эккерт,

Второпях пишу Вам эти несколько строк, чтобы самым горячим образом рекомендовать Вам молодого пианиста М. Розенталя[1]. — Он играл здесь с большим успехом[2] — и его несомненно ожидает большое будущее. — Не сомневаюсь в том, что Ваш муж и Вы примете молодого артиста с Вашей обычной любезностью — и дадите ему добрый совет. Я был бы очень благодарен Вам за это.

Кланяюсь Вашему мужу, сердечно жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

5188. Жюлю Этцелю (с. 235)

С французского:

Париж. Улица Дуэ, 50.
Вторник, 31 дек. 78.

Мой дорогой друг,

Я бесконечно благодарен вам за присылку "Маруси" с предисловием[1]. Все хорошо, что хорошо кончается.

Эту записку вам вручит г-жа Луканина, которую вы уже знаете — и которая не нахвалится вашим любезным приемом[2]. — Я уже говорил вам, что эта дама очень талантлива — и что некоторые из ее рассказов, помещенные в петербургском журнале "Вестник Европы", весьма примечательны. — Мне пришла мысль заставить ее перевести один из этих рассказов (в нем всего около 50-ти страниц) — и показать вам; я уверен, что он вам понравится — и что вы сможете дать г-же Л⟨уканиной⟩ добрый совет или рекомендацию для его опубликования. Она заслуживает поддержки и содействия[3].

Желаю вам всего самого доброго в новом году и сердечно жму вам руку.

Ив. Тургенев.

5195. Терезе Тэн (с. 240)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Вторник, 7 янв.[a]

Сударыня,

С величайшим удовольствием принимаю ваше приглашение на ближайший понедельник.

Примите уверение в моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

5196. Гюставу Флоберу (с. 241)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Вторник, 7 янв. 79.

Итак, друг мой, от вас по-прежнему нет письма?[1] — Впрочем, быть может, это к лучшему — ибо, если бы вы написали мне две недели или десять дней тому назад — я все равно не смог бы приехать, потому что моя подагра снова уложила меня в постель. — Приступ был очень сильный — но кратковременный — и вот уже пять дней я могу надевать ботинки и хожу как настоящий человек. — В любом случае сообщите мне о себе — и не забудьте, что вы обещали приехать в Париж в начале февраля[2]. — Наши несчастные обеды чертовски захирели[3].

Гонкура я видел всего один раз[4]; от Доде получил записку; он страдает от ревматизма в *правой* руке[5]; что же касается Золя — то он уже 4 дня в Париже — и я только что его видел. — Он очень растолстел — завершается постройка его загородного дома[6] — а через десять дней будет дана "Западня"! Он обещал мне кресло — на первое представление[7]. Вероятно, будет много шуму: впрочем, он и сам об этом знает и посмеивается. — Точно так же относится он и к толкам, которые вызвали его русские статьи — и к яростным нападкам Ульбаха, Кларти и пр. — Но вы, кажется, не получаете газет — и потому не знаете всей этой истории. — Мы поговорим об этом при встрече, если до тех пор все это еще не будет позабыто[8].

---

[a] *В подлиннике название месяца написано неразборчиво.*

Мне очень жаль, что вы так запутались — и не можете выкарабкаться![9] — И все же — как бы то ни было — не стоит себя "грызть"; я рад, что вы заняты своим делом[10].

Есть, однако, вещи, которых я не понимаю. — Что вам до того, что Шарпантье издал Сару Бернар — и почему это шпилька вам?! — Эта книга, столь же глупо написанная, сколь скверно иллюстрированная г-ном Клереном, уже забыта больше, чем прошлогодняя мода[11].

А что вы скажете о голосовании, которое состоялось позавчера?[12]

Г-жа Виардо передает вам тысячу сердечных приветов — а я вас обнимаю.

Ваш
Ив. Тургенев.

5198. Людвигу Пичу (с. 243)

С немецкого:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Четверг, 9 янв.79.

Дорогой Пич,

Ведь это переходит всякие границы — и я вынужден говорить серьезно. — Слушайте! — Из Веймара сообщают, что если опера Луизы[1] не прибудет туда в ближайшие дни, то поставить ее 8-го марта (в день именин великой герцогини) — будет невозможно[2] — и им придется подыскивать что-нибудь другое. — Но до отправления в Веймар рукопись (с переведенным текстом) — нужно прислать сначала в Париж, Луиза должна приспособить немецкий перевод к своей музыке, быть может, что-нибудь изменить и переписать — а рукопись не только *не в Париже* — нет, Дом даже не подтвердил ее получения — и не ответил ни *одной* строкой ни на одно из трех настоятельных писем г-жи Виардо[3]. Это же геркулесовы столбы... как это назвать? — бесцеремонности. Таким образом, бедная Луиза — которая поистине не нуждалась в *этом* ударе — чтобы иметь право жаловаться на *невезение*[4] — теряет единственную возможность быть поставленной на сцене! — Заклинаю Вас — нашей старой дружбой — покажите и прочитайте это письмо Дому — а если и тогда ничего не произойдет — ну что же — я буду знать, какого мнения мне вообще следует придерживаться о немецкой пунктуальности, немецкой дружбе — и т.д.

Больше мне нечего писать. — Будьте здоровы.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

5201. Гюставу Флоберу (с. 246)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Суббота, 11 янв. 79.

Мой дорогой друг,

Я приеду к вам, как только прекратится этот холод и снег — вероятно, в конце будущей недели. Конечно, я извещу вас заранее. — Я тоже испытываю сильнейшее желание вас видеть и с вами говорить[1].

Я и не знал, что г-жа Комманвиль в Париже; завтра же постараюсь ее навестить[2].

Положение наше незавидно — мой бедный дорогой старина, но у вас есть здоровье, работа — и верные друзья: с этим еще можно жить[3]. — Главное — не надо себя *грызть*: это единственное, чего человек не выдерживает.

Все семейство Виардо передает вам тысячу сердечных приветов. А я вас обнимаю.

Ваш
Ив. Тургенев.

5203. Леону Брету-Лафаргу (с. 248)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Суббота вечером.

Мой дорогой друг,

Пишу вам на случай если вы завтра не застанете меня дома, потому что я должен рано уйти. — Я прочел обе вещи, которые вы мне дали — и с сожалением должен сказать, что ни одна, ни другая меня целиком не удовлетворили[1]. — Относительно "Невесты Моцарта"[2] — на то есть особая причина: наш великий поэт Пушкин написал маленькую трагедию под названием "Моцарт и Сальери"[3], в которой самым восхитительным образом изобразил контраст между непосредственным и беззаботным гением — и упорным и трудолюбивым талантом: — мы, русские, не можем теперь представить Моцарта иначе, чем у Пушкина — что, впрочем, совпадает с тем, что известно о характере великого композитора. Ваш Моцарт имеет склад байронический, рефлективный и болезненный, чего мы понять не в состоянии. Что касается "страны любви", в ней явно наблюдается большой порыв к идеальному и возвышенному, — но — все это — простите за откровенность — лишено жизни: оно торжественно и вяло; ваша Элетта, эта южанка, больше смахивает на пуританского проповедника и моралиста; и хотя я не могу судить о стиле —

мне кажется, что в нем слишком много риторики и разглагольствований — чем этого бы хотелось от писателя, влюбленного в живую и искреннюю поэзию[4]. — Читать вашу новеллу тяжело, впечатление она производит смутное, несмотря на весь вложенный в нее труд — а сочувствия не вызывает. — Она кажется слишком вымученной. Думаю, что вы перестарались — и если бы писали более легко и непосредственно, достигли бы лучших результатов. — Вы производите на меня впечатление человека, старательно и по доброй воле натянувшего на себя одежду, которая стесняет его и жмет по всем швам.

Я уверен, что вы не рассердитесь на меня за откровенность. — В конце концов, я могу ошибаться и у других сложится лучшее впечатление. Попробуйте узнать.

Сердечно жму вашу руку и остаюсь

совершенно вам преданный
Иван Тургенев.

P.S. Вкладываю в пакет томик Пушкина, в котором есть "Моцарт и Сальери"[5].

5204. **Эмилю Дюрану** (с. 249)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Вторник утром, 9 ч.

Мой дорогой друг,

Я совсем не помню, когда собирался зайти к вам, сегодня или завтра; в любом случае, сегодня я этого сделать не могу, но сделаю это *завтра*, около полудня[1].

Надеюсь, это не обременит вас.

Тысяча приветов.

Ив. Тургенев.

5205. **Эмилю Дюрану** (с. 249)

С французского:

УЛИЦА ДУЭ, 50
ПАРИЖ
Четверг утром.

Мой дорогой господин Дюран,

Я снова являюсь к вам с повинною головою[a] и прошу позволить мне прийти *завтра* в 1 ч. дня — вместо сегодня.

Мне на голову валятся настоящие кирпичи.

Тысяча извинений и до завтра.

Ив. Тургенев.

---

[a] с повинною головою — *написано по-русски.*

ПРИМЕЧАНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Алексеев М.П. Тургенев — пропагандист — Алексеев М.П. И.С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Труды отдела новой русской литературы Института русской литературы АН СССР. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 37—80.

Анненков — Анненков П.В. Литературные воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В.П. Дорофеева. 1960 (Сер. литературных мемуаров).

Анненков. Письма — Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подгот. Н.Н. Мостовская, Н.Г. Жекулин. СПб., 2005 (Лит. памятники).

Антокольский — Марк Матвеевич Антокольский: Его жизнь, творения, письма и статьи / Под ред. В.В. Стасова. СПб.; М., 1905.

Архив РАН — Архив Российской академии наук (Москва).

Бирж Вед — "Биржевые ведомости" (газета).

Боборыкин — Боборыкин П.Д. Воспоминания: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Э. Виленской, Л. Ройтберг. М., 1965 (Сер. литературных мемуаров).

Боголюбов — Боголюбов А.П. Записки моряка-художника / Публ., вступ., коммент., указ. имен Н.В. Огаревой. Самара, 2006.

Боголюбов. Летопись — Огарева Н.В. Летопись жизни и деятельности художника А.П. Боголюбова. Саратов, 1988.

ВЕ — "Вестник Европы" (журнал).

ВЛ — "Вопросы литературы" (журнал).

Гальп.-Кам. Письма — Письма И.С. Тургенева к Полине Виардо и его французским друзьям / Изд. И.Д. Гальпериным-Каминским. М., 1900.

ГАРФ (ранее *ЦГАОР*) — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ГМТ — Государственный музей Л.Н. Толстого (Москва).

ГРМ — Государственный Русский музей (С.-Петербург).

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).

Достоевский — Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. / Гл. ред. В.Г. Базанов, зам. гл. ред. Г.М. Фридлендер. Л., 1972—1990.

Житова — *Житова В.Н.* Воспоминания о семье И.С. Тургенева. Тула, 1961.

Звенья — Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв. / Под ред. В.Д. Бонч-Бруевича, А.В. Луначарского и др. М.; Л., 1932—1936. Вып. 1—6; М., 1950—1951. Вып. 8—9.

Звигильский. Т и Франция — *Звигильский А.* Иван Тургенев и Франция. Сб. ст. М., 2008 (Тургеневские чтения. Вып. 3).

Зильберштейн. Репин и Т — *Зильберштейн И.С.* Репин и Тургенев. М.; Л., 1945.

Золя — *Золя Э.* Собр. соч.: В 26 т. / Под общ. ред. И. Анисимова, Д. Обломиевского, А. Пузикова. М., 1960—1967.

ИВ — "Исторический вестник" (журнал).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург).

Каталог рукописей — Каталог рукописей, поступивших в редакцию "Вестника Европы" в 1877—1886 гг. — *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 3. № 4.

Корректура писем Пушкина — Корректура писем А.С. Пушкина, печатавшихся в "Вестнике Европы" (1878. № 1, 3), под заглавием "Новые письма А.С. Пушкина. 20 июля 1830—18 мая 1836 гг.", с исправлениями Тургенева — *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 3. № 133.

Кропоткин — *Кропоткин П.А.* Записки революционера / Подгот. текста к печати и примеч. Н.К. Лебедева, предисл. П.П. Парадизова. М.; Л., 1933.

Летопись (1818—1858) — Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1818—1858) / Автор-составитель Н.С. Никитина. СПб., 1995.

Летопись (1876—1883) — Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1876—1883) / Автор-составитель Н.Н. Мостовская. СПб., 2003.

Лит Арх — Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. М.П. Алексеева. М.; Л., 1938—1968. Т. 1—6.

Лит-библиолог сб — Литературно-библиологический сборник (Труды комиссии Русского библиологического общества по описанию журналов XIX века). Пг., 1918. Вып. 1 / Под ред. Л.К. Ильинского (Русское библиологическое общество).

Лит Мысль — Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922—1923. Т. 1—2; Л., 1925. Т. 3.

ЛН — Литературное наследство. М., 1931—2012. Т. 1—104 (Изд. продолжается).

Милютин. Дневник — Дневник Д.А. Милютина: В 4 т. / Ред., биогр. очерк и примеч. П.А. Зайончковского. М., 1947—1950.

Моск Вед — "Московские ведомости" (газета).

Н Вр — "Новое время" (газета).

ОГЛМТ — Объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева (Орел).

ОЗ — "Отечественные записки" (журнал).

ОЛДП — Общество любителей древней письменности.

ПД. Описание — Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1958. Т. 4: И.С. Тургенев / Сост.: И.Е. Грудинина, Л.М. Добровольский и др. Под ред. М.П. Алексеева.

Писемский — Писемский А.Ф. Письма / Подгот. текста и коммент. М.К. Клемана, А.П. Могилянского. М.; Л., 1936.

Письма к Герцену — Письма К.Дм. Кавелина и Ив.С. Тургенева к Ал.Ив. Герцену / С объяснениями М.П. Драгоманова. Женева, 1892.

Письма к Пичу — Письма И.С. Тургенева к Людвигу Пичу. 1864—1883 / Пер. Н. Тролль. Ред., вступ. ст. и примеч. Л. Гроссмана. М.; Л., 1924.

Письма к Стечькиным — Письма И.С. Тургенева к Л.Н. и Л.Я. Стечькиным. Одесса, 1903.

ПССиП(1). Письма — Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1961—1969.

ПССиП(1). Соч — Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л., 1961—1968.

РВ — "Русский вестник" (журнал).

РГАВМФ (ранее *ЦГАВМФ СССР*) — Российский государственный архив Военно-морского флота (С.-Петербург).

РГАДА (ранее *ЦГАДА*) — Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГАЛИ (ранее *ЦГАЛИ*) — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ (ранее *ГБЛ*) — Российская государственная библиотека (Москва).

РГИА (ранее *ЦГИА*) — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).

Революционеры-семидесятники — И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Собрал и коммент. М.К. Клеман. Ред. и введ. Н.К. Пиксанова. М.; Л., 1930.

РЛ — "Русская литература" (журнал).

РНБ (ранее *ГПБ*) — Российская национальная библиотека (С.-Петербург).

РО — "Русское обозрение" (журнал).

Рус Арх — "Русский архив" (журнал).

Рус Вед — "Русские ведомости" (газета).

Рус Мысль — "Русская мысль" (журнал).

Рус Ст — "Русская старина" (журнал).

Сб ГБЛ — И.С. Тургенев. Сборник / Под ред. Н.Л. Бродского. М., 1940 (Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина).

Сб Лит фонда (XXV) — XXV лет. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884.

Сб РПБ — Сборник Российской публичной библиотеки. Пб., 1920. Т. 1. Вып. 1.

СВ — "Северный вестник" (журнал).

Сев Вестн — "Северный вестник" (газета).

СПб Вед — "Санкт-Петербургские ведомости" (газета).

Стасюлевич — М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М.К. Лемке. СПб., 1911—1913. Т. 1—5.

Стечькин. Воспоминания — *Стечькин Н.Я.* Из воспоминаний об И.С. Тургеневе (с приложением семи его неизданных писем). СПб., 1903.

Т в восп совр — И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и подгот. текста С.М. Петрова, В.Г. Фридлянд. М., 1983.

Т и его время — Тургенев и его время / Под ред. Н.Л. Бродского. М., 1923. Сб. 1.

Т и его современники — Тургенев и его современники / Отв. ред. М.П. Алексеев. Л., 1977.

Т. Первое собрание писем — Первое собрание писем И.С. Тургенева. 1840—1883 гг. (Издание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым). СПб., 1884.

Т сб — Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева / Ред. М.П. Алексеев, Н.В. Измайлов. М.; Л., 1964, 1966. Вып. 1—2; Л., 1967, 1968, 1969. Вып. 3—5.

Т сб (Алексеев) — И.С. Тургенев (1818—1883—1958): Статьи и материалы / Под ред. М.П. Алексеева. Орел, 1960.

Т сб (Бродский) — И.С. Тургенев: Материалы и исследования / Под ред. Н.Л. Бродского. Орел, 1940.

Толстая. Моя жизнь — *Толстая С.А.* Моя жизнь: В 2 т. / Отв. ред. В.Б. Ремизов, науч. ред. Л.В. Гладкова. М., 2011.

Толстой — *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. / Под общ. ред. В.Г. Черткова. М.; Л., 1928—1958.

Толстой. Летопись — *Гусев Н.Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828—1890. М., 1958.

Толстой/Страхов — Л.Н. Толстой — Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки: В 2 т. / Ред. А.А. Донсков; сост. Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова. Оттава, 2003.

Тургенев. НИиМ — И.С. Тургенев: Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. М.; СПб., 2009—2016. Вып. 1—4 (Изд. продолжается).

Фет. МВ — *Фет А.А.* Мои воспоминания: В 2 ч. М., 1890.

Флобер. Письма. Статьи — *Флобер Г.* О литературе, искусстве и писательском труде. Письма. Статьи: В 2 т. М., 1984.

Центрархив. Документы — Документы по истории литературы и общественности. И.С. Тургенев. М.; Пг., 1923. Вып. 2.

Щедрин — *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: В 20 т. / Гл. ред. С.А. Макашин. М., 1965—1977.

Bibl Lovenjoul — Bibliothèque Spoelberch de Lovenjoul (Шантийи, близ Парижа).

Bibl Nat — Bibliothèque Nationale de France (Париж).

Cahiers — Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris, 1977—2014. № 1—35 (Изд. продолжается).

Flaubert. Corr (1973—2007) — *Flaubert G.* Correspondance / Ed. de Jean Bruneau. Paris, 1973—2007. T. 1—5.

Friedländer — *Friedländer Ludwig.* Erinnerungen, Reden und Studien. Straßbourg, 1905. 2 Teile.

Goncourt. Journal — *Edmond et Jules de Goncourt.* Journal. Mémoires de la vie littéraire / Avant-propos de l'Académie Goncourt. Texte intégral établi et annoté par R. Ricatte. Paris, 1956—1958. T. 1—4.

Gunzburg — *Vries-de Gunzburg I. de.* Some Letters of Ivan Turgenev to Baron Horace de Gunzburg, 1877—83 // Oxford Slavonic Papers. 1960. Vol. 9. P. 73—103.

Halp.-Kam. Corr — *Halpérine-Kaminsky I.* Ivan Tourguéniev d'après sa correspondance avec ses amis français. Paris, 1901 (Bibliothèque Charpentier).

Mémoires — *Héritte de la Tour Louis.* Mémoires de Louise Héritte-Viardot: une famille de grands musiciens: notes et souvenirs anecdotiques sur Garcia, Pauline Viardot, La Malibran, Louise Héritte-Viardot et leur entourage. Paris, 1922.

Mérimée. Corr — *Mérimée P.* Correspondance générale / Etabli et commentée, annotée par M. Parturier. Paris, 1941—1947. I série. T. 1—6; Paris, 1953—1964. II série. T. 1—11.

NAF — Nouvelles acquisitions françaises.

N Z Sl J — "New Zealand Slavonic Journal" (журнал).

Pietsch — Ivan Turgenjew an Ludwig Pietsch: Briefe aus den Jahren 1864—1883 / Hsg. von Alfred Doren. Berlin, 1923.

SBB (ранее *DSB*) — Staatsbibliothek zu Berlin (Берлин).

T. Lettres inéd — *Tourguénev I.* Lettres inédites à Pauline Viardot et à sa famille / Publiées et annotées par H. Granjard et A. Zviguilsky. Lausanne, 1972.

T. Nouv corr inéd — Ivan Tourguénev: Nouvelle correspondance inédite / Textes recueillis, annotés et précédés d'une introduction par A. Zviguilsky. Paris, 1971. T. 1; 1972. T. 2.

T und Deutschland — I.S. Turgenev und Deutschland. Materialien und Untersuchungen / Hsg. von Gerhard Ziegengeist. Berlin, 1965. Bd. 1.

Tourguéniev/Flaubert — Gustave Flaubert — Ivan Tourguéniev: Correspondance / Texte édité, préfacé et annoté par A. Zviguilsky. Paris, 1989.

Tourguéniev/L. Viardot — Correspondance Ivan Tourguéniev — Louis Viardot: Sous le sceau de la fraternité / Texte édité, préfacé et annoté par A. Zviguilsky (*Cahiers*. № 24 (2000)).

Waddington/Montreynaud — Waddington P., Montreynaud F. A Bibliography of French Translations from the Works of I.S. Turgenev, 1854—1885. Wellington (New Zealand), 1980.

Waddington. T and England — Waddington P. Turgenev and England. London, 1980.

Zola. Corr — Zola E. Correspondance / Editée sous la direction de B.H. Bakker. Paris; Montréal, 1978—1995. T. 1—10.

ПРИМЕЧАНИЯ

Первая книга шестнадцатого тома писем И.С. Тургенева содержит 296 писем и одну доверенность, помещенную в разделе "Официальных писем и деловых бумаг", за время с 30 декабря 1877 г. (11 января 1878 г.) по 31 декабря 1878 г. (12 января 1879 г.) включительно, которые обращены к 89 адресатам. Из них 217 писем печатаются по подлинникам, хранящимся в отечественных и зарубежных архивохранилищах и частных собраниях; 36 писем — по фотокопиям и факсимиле; 30 — по печатным текстам и текстам первых публикаций; 13 — по рукописным и машинописным копиям.

Впервые включаются в полное академическое собрание Писем И.С. Тургенева 38 эпистолярных текстов. Из них четыре письма к Эрнесту Ренану (4970, 4972, 4978, 5046); четыре — к Клоди Шамро (5061, 5079, 5091, 5114) и одно — к Клоди и Жанне Шамро (5093); три — к Анджело Де Губернатису (5027, 5030, 5031); два — к Филиппу Бюрти (5037, 5100); два — к А.В. Головнину (5142, 5147); два — к Эштону Дилку (4947, 4982); два — к Корнелии Маржолен (4968, 4971); одно — к Леону Брету-Лафаргу (5203); одно — к Мари Линен (5033); одно — к принцессе Матильде (5021); одно — к Людвигу Пичу (5153); одно — к студентам Санкт-Петербургского университета (4973); одно — к А.А. Трубецкой (5151); одно — к Гюставу Тудузу (4981); одно — к Терезе Тэн (5195); одно — к Вильяму Генри Холлу (Беллоку) (5112); одно — к Генри Холту (5080); одно — к Жюлю Этцелю (5174). Впервые в настоящем томе печатаются не публиковавшиеся ранее четыре письма к Эмилю Дюрану (4910, 4926, 5204, 5205), два письма к Франсиску Сарсе (5019, 5020) и одно письмо к Бетти Паоли (4935). Два письма к Юлиану Шмидту, ранее известные по первым публикациям только в переводах на русский и английский языки, впервые публикуются в немецком оригинале по обнаружившимся рукописным копиям (4503, 4629). Одно письмо к А.В. Головнину, ранее известное только в небольшом отрывке, дополнено по рукописной копии (4990). Впервые устанавливается адресат письма от 11 (23) июня 1878 г. (5048) — Никола Брюс, имя которого ранее не входило в круг корреспондентов Тургенева.

Включено в данный том и тургеневское письмо в редакцию газеты "Правда" (4954), которое в первом академическом собрании печаталось в пятнадцатом томе Сочинений.

Однако тексты еще более 30 тургеневских писем, написанных в этот период, о существовании которых становится известно из эпистолярия писателя, остаются пока неизвестными (см.: *Хмелевская Н.А.* Утраченные письма И.С. Тургенева (1877 – 1883 и дополнения) // *Т сб.* Вып. 5. С. 437 – 441). Помимо писем, включенных в данный указатель Н.А. Хмелевской, из публикуемых в настоящем томе новонайденных писем известно о нескольких утраченных письмах к Полине и Луи Виардо, написанных во время пребывания Тургенева в России, по крайней мере о двух письмах к Вильяму Генри Холлу (Беллоку), касающихся деталей поездки писателя в Англию, одном письме к редактору газеты "Русская правда" Д.К. Гирсу, одном письме к редактору газеты "Journal de St-Pétersbourg", а также предположительно о нескольких письмах к Эрнсту Дому, написанных в ноябре 1878 г. в связи с организацией постановки в Веймаре одноактной комической оперы "Линдоро" Луизы Эритт, старшей дочери Полины и Луи Виардо. Еще об одной записке к А.В. Головнину, не учтенной в указателе, становится известно из письма последнего к М.М. Стасюлевичу от 12 (24) августа 1878 г.: "С Тургеневым я обменялся записочками во время кратковременного его пребывания в Петербурге, я просил его ко мне обедать, но он не мог быть и уехал в орловское имение, обещая повидаться на обратном пути в конце сентября" (*ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. № 444. Л. 64). Сохранился также конверт от неизвестного письма, адресованного Б.А. Чивилеву, с почтовым штемпелем городской парижской почты от 26 мая н. ст. 1878 г. (*РНБ.* Ф. 795. № 66. Л. 68). Кроме того, о существовании нескольких писем, относящихся к 1878 г., стало известно после того, как они были выставлены на различных аукционах. Среди них рекомендательное письмо от 27 февраля (11 марта) 1878 г. на имя Луи Леже к давнему знакомому писателя Роберту Талю (см.: *N Z Sl J.* 1975. № 1. P. 60), а также письмо с приглашением позавтракать от 9 ноября 1878 г. к неизвестному корреспонденту, к которому Тургенев обращается "Дорогой князь" (см. о нем: *Waddington P.* Turgenev and Julian Schmidt: New or Neglected Material, with Some Omnium-Gatherum Turgenevianum and an Appendix. Pinehaven (New Zealand), 1998. P. 29; язык оригинала письма неизвестен).

1878 год в жизни И.С. Тургенева выдался на редкость насыщенным, хотя с точки зрения собственно художественного творчества этот год, на первый взгляд, был гораздо менее плодотворным, чем последующий и предыдущий. Более того, еще в августе 1877 г. писатель, откликаясь на просьбу о сотрудничестве редактора вновь образованной одесской газеты "Правда", признался, что у него в портфеле "нет ни единой строки" (см. письмо 4809: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2). «Говоря откровенно, — писал он в том же письме, — я совсем было решился

прекратить мои литературные занятия, и если снова возьмусь за перо, то единственно для того, чтобы доказать Вам на деле сочувствие, возбужденное во мне программой "Правды"». К неудовольствию Тургенева, это письмо было опубликовано редактором в феврале 1878 г. и вызвало большой общественный резонанс. Многие газеты перепечатали письмо и принялись обсуждать причины, побудившие писателя заявить о завершении литературной деятельности. Взволновало это письмо и друзей Тургенева (А.В. Головнина, Я.П. Полонского, Х.Д. Алчевскую и многих других), просивших его переменить свое решение. Откликаясь на уговоры поклонников, писатель, очевидно, волей или неволей подводил итоги своей деятельности и не мог не заметить, что русское общество, несмотря на звучавшую порой резкую критику его последних произведений (в особенности романа "Новь", вышедшего в начале 1877 г.), очень высоко оценивало его место в современной общественной жизни. Так, газета "Биржевые ведомости" писала: «Мы думаем, что грустное письмо в маленькую провинциальную газету продиктовано одному из лучших наших писателей не серьезным и горьким сознанием своего окончившегося поприща, а скорее "пленной мысли раздраженьем", вызванным причинами очень маленькими по сравнению с значением Тургенева в истории нашего развития»(1878. 24 февраля. № 55. С. 2). И все же Тургенев подумывал о завершении литературной карьеры, чувствуя, что отрыв от русской жизни не благоприятствует художественному творчеству. Но критик "Биржевых ведомостей" был прав, говоря, что "творчество не зависит от воли самого художника. Он творит, потому что не может не творить, не может не высказывать того, что накопляется в душе его" (Там же. С. 1). В душе Тургенева действительно накоплялось многое и мало-помалу выплескивалось в новом жанре, который впоследствии получил название "стихотворений в прозе".

Творческий кризис, пережитый Тургеневым в 1877 г., по существу продолжился и в следующем, 1878-м. Временами писателю казалось, что больше он ничего не напишет. Внешние события также не способствовали активизации творческих сил: по-прежнему в критическом состоянии были его финансовые дела, связанные с падением курса рубля из-за русско-турецкой войны; иначе как плачевным нельзя было назвать положение дочери Пелагеи, оказавшейся вследствие банкротства мужа на грани полного разорения; не слишком утешительные вести приходили от управляющего имениями Н.А. Щепкина. Предназначенные к продаже земли никак не продавались; пользуясь отсутствием владельца, недобросовестные арендаторы задерживали выплаты, а нарождавшиеся кулаки старались всячески притеснять крестьян, попадавших в их зависимость. Все это требовало приезда в Россию и улаживания пошатнувшихся дел.

С самого начала года Тургенев собирается на родину, но какие-то причины постоянно препятствуют поездке, приходится решать многие вопросы посредством переписки, однако проблемы остаются. Тургенев пытается прибегнуть к помощи брата Николая Сергеевича, просит его хотя бы об отсрочке выплаты процентов за занятые деньги и не находит поддержки.

Еще весной 1877 г. писатель пробовал продать в Петербурге через магазин Беггрова две картины из своей галереи, но дело шло туго. Наконец, он принимает решение расстаться со всей коллекцией картин, которые начал собирать с начала 1870-х гг. Это решение далось ему нелегко, тем не менее продажа состоялась, хотя Тургенев потерял едва ли не половину потраченных на парижских аукционах денег, назвав состоявшийся аукцион своим "Ватерлоо".

Однако не только и не столько потеря денег расстраивала Тургенева. 1878 год оказался как никакой другой "урожайным" на человеческие потери. В начале года становится известным о смерти Н.А. Некрасова, скончавшегося 27 декабря 1877 г. (8 января 1878 г.) в Петербурге. Несмотря на разрыв, произошедший еще в конце 1850-х гг., Тургенев, узнав о тяжелой болезни бывшего товарища, принимает решение навестить его. Впечатление от этого свидания, состоявшегося весной 1877 г., оказалось столь сильным, что через некоторое время после смерти поэта Тургенев создает пронзительное по эмоциональному накалу "стихотворение в прозе" "Последнее свидание". Возможно, оно было одним из первых "стихотворений", впоследствии составивших знаменитый цикл.

"Да, Некрасов умер... И вместе с ним умерла большая часть нашего прошедшего и нашей молодости", — писал Тургенев верному другу П.В. Анненкову 9 (21) января 1878 г. В начале года он получает ложное известие о смерти дяди и тоже глубоко переживает эту потерю. "В последнее время много умерло людей, так или иначе касавшихся моей жизни... Между прочими мой родной дядя, Николай Николаевич, которого я в молодости любил самой страстной любовью" (из того же письма к Анненкову). Большой потерей для Тургенева стала также смерть Р.Е. Гринвальда, сослуживца отца и многолетнего друга семьи. Мысли о смерти все чаще посещают Тургенева, он как будто начинает готовиться к уходу, стремясь завершить начатое, уладить все дела, примириться с теми, с кем развела судьба.

Следующим ударом было известие о смерти баронессы Юлии Петровны Вревской, умершей от тифа 24 января (5 февраля) 1878 г. в Болгарии, куда она уехала в качестве сестры милосердия. "К несчастью, слух о милой Вревской справедлив, — пишет Тургенев Анненкову 11 (23) февраля 1878 г. — Она получила тот мученический венец, к которому стремилась ее душа, жадная жертвы. Ее смерть меня глубоко огорчила. Это

было прекрасное, неописанно доброе существо. ⟨...⟩ Ее жизнь — одна из самых печальных, какие я знаю". Эти строки отзовутся более полугода спустя в проникновенном "стихотворении в прозе" "Памяти Ю.П. Вревской": "Она была молода, красива; высший свет ее знал; ⟨...⟩ два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слез. ⟨...⟩ Нежное, кроткое сердце... И такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастия... не ведала — и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо". Не только смерть Вревской, вся война с ее бесчисленными жертвами постоянно надрывала сердце писателя. Он следит за военными действиями с вниманием хроникера, отчаивается при известиях о неудачах русских войск, радуется победам и негодует на провалы в руководстве операциями и промахи на дипломатическом поприще. Несмотря на одержанные победы, Россия понесла такие человеческие и материальные потери, что экономически оказалась на грани разорения. Сам собой возникал вопрос: а нужны ли были такие жертвы. Этот вопрос вольно или невольно вырвался из уст писателя в известном "стихотворении в прозе" "Деревня", помеченном февралем 1878 г. Нарисовав идиллическую картину русской деревни, Тургенев писал: "О, довольство, покой, избыток русской вольной деревни! О, тишь и благодать! / И думается мне: к чему нам тут крест на куполе Святой Софии в Царь-граде и все, чего так добиваемся мы, городские люди?". А еще до решительного перелома в русско-турецкой войне, в августе 1877 г., было написано другое "стихотворение", озаглавленное впоследствии Тургеневым "Дрозд. II": "Меня терзают другие, бесчисленные, зияющие раны; из них багровыми потоками льется родная, дорогая кровь, льется бесполезно, бессмысленно, как дождевые воды с высоких крыш на грязь и мерзость улицы. / Тысячи моих братий, собратий гибнут теперь там, вдали, под неприступными стенами крепостей; тысячи братий, брошенных в разверстую пасть смерти неумелыми вождями. ⟨...⟩ Что же значат *мои* раны? Что значат *мои* страданья? Я не смею даже плакать. Но голова горит и душа замирает — и я, как преступник, прячу голову в постылые подушки". Можно понять, почему с таким пониманием и сочувствием отнесся Тургенев к картинам В.В. Верещагина, бесстрашно обнажившего ужасы войны, почему так стремился к личному знакомству, которое состоялось лишь 3 (15) ноября 1878 г., почему принял такое активное участие в организации его выставки в следующем, 1879 г. в Париже и даже сам написал статью о ней. Можно также понять, почему Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, бессменным секретарем которого стал Тургенев, было создано в день взятия Плевны, 10 декабря 1877 г. по новому стилю.

Между тем жизнь шла своим чередом, и Тургеневу приходилось принимать в ней посильное участие. Осенью 1877 г. в Париж из Рима переехал М.М. Антокольский, чей талант Тургенев не только заметил, но и публично оценил в статье о статуе Ивана Грозного еще в 1871 г. Антокольский привез с собой статую "Христос перед судом народа", которая поразила писателя. «Сюда прибыл "Христос перед народом", статуя Антокольского, — сообщал Тургенев Анненкову 7 (19) февраля 1878 г. — Давно ни одно произведение искусства так сильно на меня не действовало! Это вполне гениальная вещь. Из-за одной этой статуи стоит сюда приехать». Восхищенный Тургенев приложил немало сил, чтобы повысить реноме русского скульптора в глазах французов: он привлекает внимание к его работам известных художественных критиков, в том числе своего старого друга Луи Виардо и Ф. Бюрти, приводит в мастерскую Антокольского людей, чье мнение имело вес во французском обществе, в том числе Э. Ренана, Л. Леже и многих других. Антокольский и другие русские художники интенсивно готовились к Всемирной выставке, открывшейся 1 мая н. ст. 1878 г. Эта выставка сделала Париж на время ее проведения настоящим культурным центром, превзойдя предыдущие масштабами и размахом и доказав всему миру, что поражение во франко-прусской войне 1870—1871 гг. не поколебало положения Франции как передовой державы. К тому же выставка проходила под эгидой Республики, что лишь увеличивало ее значение в глазах противников монархии. Русская секция была представлена достойно, а ее участники получили много наград. Вслед за Всемирной выставкой в мае открывается ежегодная художественная выставка, так называемый Салон, и снова здесь экспонируются русские художники, и снова Тургенев использует все возможности, чтобы пропагандировать новое русское искусство.

До сих пор так и не выяснено, кто уговорил Тургенева согласиться принять участие в назначенном на июнь 1878 г. Международном литературном конгрессе по авторским правам, который проходил в Париже в рамках Всемирной выставки. Он уже попрощался с друзьями и собирался в Россию, но вновь отложил поездку, чтобы фактически возглавить русскую делегацию, прибывшую в столицу Франции для участия в Конгрессе. Ситуация, в которой оказались русские на этом Конгрессе, была более чем щекотливая. Речь шла о престиже страны, и тот, кто настоял на участии в этом мероприятии Тургенева, был прав. Нет никаких сомнений, что именно благодаря Тургеневу, который к тому же исполнял обязанности вице-президента (президентом был избран В. Гюго), русские интересы были защищены достойным образом, но только непосредственные участники знали, чего ему это стоило. Парадоксальным образом в глазах русской публики участие писателя свелось к небольшой речи, произне-

сенной на торжественном открытии Конгресса, где прозвучали явно и сознательно преувеличенные комплименты Франции и французской литературе. Оппоненты Тургенева (прежде всего В.В. Стасов) воспользовались возможностью, чтобы обвинить писателя в незнании русской литературы и в ее недооценке, в желании подольститься к хозяевам Конгресса и т.п. Тургенев не стал отвечать на эти выпады. Однако его своеобразный ответ прозвучал в "стихотворении в прозе" "С кем спорить...", помеченном именно июнем 1878 г.

По-прежнему Тургенев внимательно следит за новинками в русских журналах и приветствует свежие таланты. Письма к М.М. Стасюлевичу показывают, с какой настойчивостью он рекомендует к печати произведения, которые кажутся ему достойными публикации. Как и раньше, особенно внимательно он относится к женскому творчеству, всячески поддерживая молодые таланты. Письма к А.Н. Луканиной и Л.Я. Стечькиной наглядно демонстрируют, сколько сил вкладывал Тургенев в развитие художественного мастерства русских писательниц, рекомендуя их своим знакомым и даже самому Л.Н. Толстому.

Большим событием в жизни Тургенева за этот год стало примирительное письмо к нему Толстого, с которым писатель поссорился еще в 1861 г. в имении А.А. Фета Степановка. Дело едва не завершилось дуэлью. С радостью принимает Тургенев протянутую руку дружбы и охотно соглашается на приглашение посетить Ясную Поляну, куда заезжает дважды во время своей поездки в Россию. Несмотря на оставшиеся недомолвки и разногласия, Тургенев, похоже, был гораздо больше Толстого рад возобновлению отношений с писателем, которого считал первым в современной русской литературе и чье творчество ставил выше собственного. Узнав о возобновлении отношений с Толстым, с примирительным письмом к Тургеневу обратился и Фет, тоже когда-то считавший писателя близким другом и разошедшийся с ним по ряду причин. С той же охотой Тургенев возобновляет переписку с Фетом и радуется восстановлению старых связей, которыми всегда дорожил.

Правда, несколько ослабли в 1878 г. связи между Тургеневым и французскими писателями, которые именовали себя участниками "обедов пяти", — Г. Флобером, А. Доде, Э. Золя и Э. де Гонкуром. Флобер находился в это время в тяжелом моральном состоянии, связанном с ухудшением его финансовых дел (разорением семьи племянницы К. Комманвиль), он редко появлялся в Париже, жил отшельником и избегал встреч, делая исключение только для Тургенева, но и с ним встречи были очень редки. Доде болел, а Золя, купив себе домик в Медане, был занят обустройством на новом месте. Однако он по-прежнему писал корреспонденции в "Вестник Европы", куда его порекомендовал Тургенев, по-прежнему не принимал никаких решений в рус-

ских делах без его совета и тотчас откликался на его просьбы. Так, именно по просьбе Тургенева в своем очередном фельетоне Золя объяснил французским читателям, что пьесы П.В. Корвин-Круковского, писавшего под псевдонимом Петр Невский, не имеют никакого отношения к русской драматургии и целиком обязаны французскому театру. Э. де Гонкур обратился к русскому писателю за "местным колоритом" для своего нового романа "Братья Земганно". Но состояние Флобера, отношения с которым носили характер подлинной дружбы и который никак не мог завершить начатый три года назад роман "Бувар и Пекюше", вызывало большое беспокойство у Тургенева. В связи с этим особый интерес представляет сохранившееся письмо к писателю И. Тэна, который, как и Тургенев, был очень обеспокоен положением Флобера. Выделяя Тургенева среди всех современных писателей, Тэн сделал его своим конфидентом, откровенно объяснив свои сомнения относительно верности выбранного автором "Мадам Бовари" сюжета для нового романа и прося у русского писателя помощи в разрешении этого вопроса.

Другой интересный факт непосредственного участия Тургенева в истории французской литературы — творческая история философской драмы Эрнеста Ренана "Калибан", на чтении которой русский писатель присутствовал 9 марта н. ст. Впервые включенные в настоящий том письма Тургенева к Ренану поясняют интереснейший эпизод. Прослушав пьесу, Тургенев счел своим долгом указать на недостатки в ее архитектонике и позволил себе дать советы знаменитому автору. И Ренан прислушался, дописав целый акт к уже завершенному произведению.

Международный авторитет Тургенева к этому времени был очень велик. Не только французские писатели признавали его равным, неожиданно проявился интерес к творчеству русского писателя в Америке, где начали выходить переводы его произведений, завязались связи с итальянскими литераторами. Вводимые впервые в настоящем томе письма Тургенева к А. Де Губернатису раскрывают неизвестную историю отношений двух литераторов, имевшую последствия для судьбы тургеневских романов в Италии. Тургенев дает рекомендательные письма к французским писателям своим русским знакомым (П.Д. Боборыкину, А.Н. Луканиной и др.), выступая уже в качестве мэтра. Никого не удивляет, что именно русский писатель становится сопредседателем Виктора Гюго на Литературном конгрессе. К голосу Тургенева прислушиваются и в Англии, куда Тургенев попал в октябре 1878 г. и где не только общался с профессорами Кембриджа и Оксфорда, но и провел несколько дней в разговорах с Джордж Элиот и ее мужем Генри Льюисом. По-прежнему выходят переводы произведений Тургенева в Германии и не прерываются связи с верными друзьями — Людвигом Пичем и Юлианом Шмидтом.

Два интересных эпизода связаны с общением Тургенева с французским издателем Ж. Этцелем. В обоих случаях Тургенев выступает защитником не своих интересов: в первом случае — своего друга Луи Виардо, обидевшегося на Этцеля за публикацию нового перевода "Дон Кихота" Сервантеса, в то время как его перевод, впервые вышедший еще в 1830-х гг., считался лучшим. Но больше всего задело Л. Виардо объявление, данное Этцелем в рекламных целях, где было сказано, что *наконец* появился настоящий перевод романа Сервантеса. Этцель вынужден был оправдываться перед Тургеневым и объяснять, почему он принял такое решение. Второй эпизод связан с публикацией Этцелем повести М.А. Маркович (писавшей под псевдонимом Марко Вовчок) "Маруся", которая сначала была опубликована под двумя именами (Этцеля и Марко Вовчок), а затем вышла в подарочном издании уже под одним именем Этцеля. Объяснив Тургеневу, что таково было пожелание самой Маркович, считавшей, что в его переложении ее повесть значительно изменилась, Этцель пообещал написать предисловие и указать, кто был подлинным автором "Маруси". И выполнил свое обещание, прислав Тургеневу новое издание повести.

Как и в прежние годы, Тургенев уделяет много времени пропаганде русской литературы за рубежом. Характерно, что именно он советовал пригласить ведущих русских писателей на Литературный конгресс, в том числе и тех, с кем не поддерживал в то время прямых контактов — Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и А.Н. Островского. Окончилась неудачей попытка перевести самому и издать во Франции "Казаков" Л.Н. Толстого, но вины Тургенева в этом не было: сам Толстой, находившийся в это время на перепутье и намеревавшийся целиком отказаться от художественного творчества, не пожелал дать разрешение на такое издание. С интересом следит Тургенев за успехами русской музыки, посещает концерты в Трокадеро и особенно выделяет П.И. Чайковского.

Несмотря на длительное пребывание вдали от родины, писатель постоянно интересуется всем, что там происходит. Все самые значительные события он живо обсуждает с П.В. Анненковым, пользуясь возможностью бесцензурной переписки. Мимо его внимания не проходит знаменитое дело Веры Засулич, оправданной судом присяжных после покушения на жизнь петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, он приветствует в Париже сбежавшего в 1876 г. из Петропавловской крепости талантливого ученого и революционера-анархиста П.А. Кропоткина, постоянно встречается с деятелями русской эмиграции и оказывает им посильную помощь через обосновавшегося в столице Франции П.Л. Лаврова. Однако интерес писателя к русскому революционному движению не означал, разумеется, того, что он разделял взгляды революционеров, мечтавших о

насильственном свержении монархии. Особенно любопытно в этом смысле отношение Тургенева к статье сотрудника "Вестника Европы" Л.А. Полонского, посвященной полемике, которая разгорелась в русской печати по вопросу об общине. Профессор Новороссийского университета П.П. Цитович в резкой форме высказался по этому поводу, связав вопрос об общине с идеями социалистов и, в частности, с воздействием на молодежь русской радикальной журналистики и романа Чернышевского "Что делать?". Ему ответил Н.К. Михайловский в статьях "Письма к ученым людям", где в не менее резкой форме встал на защиту молодежи, русской журналистики и идей социализма. Что касается Л.А. Полонского, то он впервые в подцензурной печати открыто выступил против обеих крайностей, дав по существу теоретическое обоснование либерализма. Прозвучали в статье Полонского и обвинения по адресу заграничной печати, в частности статей П.Л. Лаврова. Обсуждая эту статью с Анненковым, Тургенев признал ее замечательной.

Конец года был вновь ознаменован большими утратами: 3 (15) ноября в Рамбулье, близ Парижа, умирает старый друг Тургенева известный востоковед Н.В. Ханыков, знакомый еще по 1840-м гг. «Вот еще исчез один из людей "сороковых годов", — писал Тургенев Я.П. Полонскому 10 (22) ноября. — Сколько их уже ушло — и почти ни один не достигал 60-тилетнего возраста. За кем-то очередь теперь? — Не за мной ли, так как мне дней десять тому назад — минуло именно 60 лет». Писатель принимает самое непосредственное участие в организации похорон, оповещает знакомых, в первую очередь семью Н.И. Тургенева, с которой Ханыков был связан тесными узами, заботится о наследстве покойного, произносит речь на кладбище Пер-Лашез, организует сбор средств в России и за границей на надгробие, договаривается с Антокольским о разработке проекта памятника. А 15 (27) декабря в Петербурге скончался Н.Н. Тютчев, человек, с именем которого был связан целый период жизни Тургенева. Член кружка В.Г. Белинского, друг В.П. Боткина и других людей этого круга, Тютчев был одно время управляющим имениями Тургенева после смерти матери писателя в 1850 г. "Еще одним из наших меньше стало", — пишет Тургенев Анненкову.

Подводя итоги, следует сказать, что 1878 год был для Тургенева годом знаменательным. Несмотря на ряд невосполнимых потерь, несмотря на различного рода неприятности, этот год показал, что писатель стал не только всемирно известным художником слова, он стал общественно значимой фигурой. Пройдет еще немного времени, и Оксфордский университет оценит его заслуги как общественного деятеля присвоением ему звания доктора гражданского права honoris causa. Но и в творческом плане этот год не был бесплодным: именно в 1878 г. была написана большая часть ставшего впоследствии знаменитым цикла "Стихотворения в прозе". И хотя пока Тургенев не думает о том,

чтобы предать их огласке, дав им первоначально заглавие "Posthuma", намекающее на посмертную их судьбу, он еще услышит признание своих новых опытов. А посмертная их слава будет состоять в том, что они породят целую традицию малой прозы, заложенную Тургеневым.

Тексты писем первой книги шестнадцатого тома подготовили к печати и примечания к ним составили: *А.Д. Алексеев* (4914); *А.И. Батюто* (5085, 5107, 5137, 5185); *И.А. Битюгова* (4915, 4923, 4941, 4948, 4992, 5054, 5154, 5160, 5171, 5186); *Т.И. Бронь* — текст и перевод, *Н.Н. Мостовская* — примечания (5168); *Г.Я. Галаган* (4921, 5038, 5073, 5103); *Н.П. Генералова* (5037); *Э.А. Гессен* (5029, 5068, 5077, 5089, 5109, 5150, 5199); *Е.А. Гитлиц* (4917, 5022); *Т.П. Голованова* при участии *В.А. Лукиной* (4912, 4924, 4975, 5007, 5146); *Р.М. Горохова* при участии *Н.П. Генераловой* (4925, 4967, 5043, 5064, 5102, 5136, 5141, 5188); *Ю.Н. Жуйкин* — текст и перевод, *Г.Ф. Перминов* — примечания (5135, 5181); *П.Р. Заборов* (4913, 5049, 5133, 5152, 5157, 5196, 5201); *А. Звигильский* — текст, *Н.П. Генералова* — перевод и примечания (4910, 4926, 4968, 4970—4972, 4978, 5019—5021, 5046, 5061, 5079, 5091, 5093, 5114, 5195, 5204, 5205); *А. Звигильский* и *В.А. Лукина* — текст, *В.А. Лукина* — перевод и примечания (4935); *Р. Казари* — текст, *Н.П. Генералова* — перевод и примечания (5027, 5030, 5031); *Д.М. Климова* (5060, 5121); *Д.М. Климова* при участии *А. Звигильского* (5048); *Ю.А. Красовский* (4942, 4956, 4979, 4994, 4999, 5001, 5023, 5035, 5039, 5050, 5057); *Л.И. Кузьмина* (4929, 4930, 4945, 4952, 4965, 4980, 4984, 5000, 5003, 5004, 5018, 5047, 5052, 5053, 5075, 5081, 5086, 5113, 5115, 5177, 5178); *Т.А. Лапицкая* (4954, 5074, 5087); *Ю.Д. Левин* (4991); *К. Леман-Шульце* — текст, *Н.С. Никитина* — перевод и примечания (5131); *К. Леман-Шульце* — текст, *Ю.Н. Жуйкин* — перевод, *К. Леман-Шульце* и *Г.Ф. Перминов* — примечания (5104, 5187, 5198); *В.А. Лукина* (4973); *Н.Н. Мостовская* при участии *В.А. Лукиной* (4919, 4931, 4932, 4936, 4944, 4951, 4957, 4962, 4969, 4974, 4987, 4995, 4998, 5010, 5028, 5040, 5078, 5098, 5117, 5156, 5167, 5179, 5184, 5202); *А.Б. Муратов* (4983, 4985, 4986, 5162); *Л.Н. Назарова* при участии *В.А. Лукиной* (4911, 4927, 5055, 5070, 5090, 5139, 5165, 5176, 5200); *Н.С. Никитина* (4920, 4961, 5026, 5123, 5126, 5128, 5129, 5144, 5158, 5190); *Т.И. Орнатская* (4916, 4928, 4938, 4958, 4996, 5008, 5017, 5034, 5058, 5062, 5069, 5071, 5072, 5076, 5084, 5097, 5119, 5122, 5127, 5130, 5180); *Т.И. Орнатская* — текст, *Б.В. Богданов* — примечания (4939, 4943, 4960, 4988, 5009, 5036, 5056, 5063, 5094, 5096, 5099, 5101, 5124, 5161, 5182); *Г.Ф. Перминов* при участии *Н.П. Генераловой* и *В.А. Лукиной* (4922, 4934, 4953, 4955, 4964, 4993, 5005, 5012, 5014, 5022, 5042, 5051, 5125, 5148, 5159, 5163, 5169, 5172, 5173, 5189, 5197); *Г.Ф. Перминов* и *Г. Йонас* при участии *П. Уоддингтона* и *В.А. Лукиной* (4959, 5110); *Г.Ф. Перминов* и *Г. Йонас* (5006); *Л.И. Ровнякова* (5065); *Дж.С.Г. Симмонс* (5120, 5155); *Г.В. Степанова* (5013, 5015,

5016, 5067, 5088, 5092, 5095, 5106, 5149, 5164, 5193, 5194); *А.М. Ступель* (5024); *М.П. Султан-Шах* (5011, 5082, 5166); *Л. Сундквист* (5080); *М.А. Турьян* (4950, 4966, 4989, 5041); *П. Уоддингтон* — текст, *Н.П. Генералова* — перевод и примечания (4981, 5033, 5100, 5112, 5151, 5174, 5203); *П. Уоддингтон* — текст, *Н.П. Генералова* — перевод, *Н.П. Генералова* и *В.А. Лукина* — примечания (4947, 4982); *Е.М. Хмелевская* при участии *В.А. Лукиной* (4918, 4933, 4937, 4946, 4949, 4963, 4977, 4997, 5025, 5032, 5044, 5083, 5105, 5108, 5111, 5116, 5118, 5132, 5138, 5140, 5143, 5145, 5170, 5183, 5191, 5192); *Г. Цигенгайст* — текст, *В.А. Лукина* — перевод и примечания (5153); *И.С. Чистова* (4940, 4976, 5045, 5066, 5134, 5175); *Г. Швирц* — текст и примечания, *Ю.Н. Жуйкин* — перевод (5059); *М.Д. Эльзон* — текст, *Н.П. Генералова* — примечания (4990, 5142, 5147).

Указатели к тому подготовлены Н.П. Генераловой и В.А. Лукиной*.

Общая редакция тома принадлежит Н.П. Генераловой и В.А. Лукиной; ими же написана вступительная статья к примечаниям и обновлены примечания, по сравнению с первым изданием, если это не отмечено особо.

Тексты всех писем, ранее напечатанных в первом академическом собрании, заново сверены по автографам и авторитетным публикациям В.А. Лукиной, при участии Н.П. Генераловой, С.А. Ипатовой и А.Г. Гродецкой.

Научно-техническая подготовка тома осуществлена В.А. Лукиной.

Полноте и достоверности издания содействовали Е.Н. Ашихмина, А.Г. Гродецкая, С.А. Ипатова, О.А. Кривдина, И.А. Кузьмина, Дэвид Лёвенгерц, Флоранс Монрейно, Мерседес Агуадо Сагаррибай, Луис Сундквист. Всем им редакция приносит глубокую благодарность.

Редакция выражает глубокую признательность сотрудникам Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Литературного музея и Библиотеки ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Национальной библиотеки Франции, Орловского государственного литературного музея И.С. Тургенева, Отдела рукописных фондов Государственного литературного музея и его заведующей Е.М. Варенцовой, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Российского государственного архива литературы и искусства, ГМПМЗ И.С. Тургенева "Спасское-Лутовиново" и его директору Е.Н. Левиной, Всероссийского музея А.С. Пушкина и его директору С.М. Некрасову, Хоутонской библиотеки Гарвардского университета, а также аукционному дому J.A. Stargardt и его сотруднику Герберту Альбрехту.

---

* Указатель произведений и замыслов И.С. Тургенева, а также указатель личных имен и названий будут помещены во второй книге 16-го тома.

4910. Эмилю Дюрану (с. 7 и 255)

Печатается по рукописной копии И.Д. Гальперина-Каминского, предоставленной А. Звигильским. В копии письмо имеет проставленный переписчиком порядковый номер "XXI". Подлинник неизвестен.

Публикуется впервые.

Датируется по соответствию числа и дня недели, а также по сопоставлению с письмом к тому же адресату от 12 (24) января 1878 г. (№ 4926), в котором речь идет о газете "Journal de St-Pétersbourg".

[1] Редактором газеты "Journal de St-Pétersbourg" в это время был Антон Григорьевич Горн, который руководил ею с 1870 по 1890 г. Суть поручения, о котором говорится в письме, установить не удалось.

[2] Это письмо Э. Дюрана неизвестно.

[3] У жены Дюрана Алисы была сломана нога (примеч. И.Д. Гальперина-Каминского).

4911. А.В. Топорову (с. 7)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 63. Л. 1—2 об.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 264—265.

[1] Эти письма Топорова неизвестны. Возможно, под первым имеется в виду письмо от 27 ноября ст. ст. 1877 г., черновик которого сохранился и в котором Топоров, в частности, писал: "Что сказать Вам о себе, ноге моей лучше, но едва ли она когда-нибудь совершенно поправится, мне сдается, что эта болезнь хроническая и неизлечимая. Три месяца просидел я дома, не скажу, чтобы я особенно скучал. Благодаря моей доброй подруге, время это не показалось мне длинно" (Ф. 293. Оп. 2. № 213. Л. 4 об. См. также публикацию писем Тургенева к Топорову Л.Н. Назаровой: *Лит Арх.* Т. 4. С. 264).

[2] О болезни Топорова см. письмо 4842 и примеч. 1 к нему — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. За помощью в оформлении подписки на 1878 г. Тургенев обратился к М.М. Стасюлевичу, выписав журналы "Отечественные записки", "Русский вестник", а также газеты "Голос", "Новое время", "Московские ведомости" и "Стрекозу" (см. письмо 4901 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2). Кроме того, Тургенев получал "Вестник Европы", "Неделю" и газету "Северный вестник".

[3] Финансовые затруднения, которые испытывал Тургенев в связи с обустройством дома в Буживале, а также с разорением семьи дочери, вынудили его начать продажу своей коллекции западноевропейской живописи. С этой целью весной 1877 г. он обратился в магазин Беггрова, куда переслал через М.М. Стасюлевича для продажи две картины (см. письмо 4709 и примеч. 1 к нему — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2). Одна из этих картин — "Куртизанка" Э.-Т. Бланшара (точное название: "Женщина, лежащая и играющая со змеей"), которую Тургенев приобрел в парижском Салоне в мае 1872 г., где она удостоилась второй медали. Сам писатель предпочитал называть ее "Чаровницей" или "Клеопатрой" (о ее покупке см. письма 3163, 3168 — наст. изд. Письма. Т. 11). Продать картину через магазин Беггрова долгое время не удавалось, и писатель предложил ее своему брату Н.С. Тургеневу в счет уплаты процентов, однако последний отказался (см. письма 4938 и 4958). Продана картина была лишь в ноябре 1878 г. за 1500 р., о чем писателю сообщил В.В. Самарский-Быховец (см. письмо 5165). По воспоминаниям современников, картина некоторое время висела в кабинете Тургенева на Rue de Douai. См.: *Зильберштейн. Репин и Т.* С. 81—82, 142—143. Сведений о второй картине, переданной в магазин Беггрова, не сохранилось.

[4] Магазин Иогансена находился на Невском, д. 50 (здание сохранилось до сих пор). После смерти А.Р. Иогансена в 1875 г. все права собственности на его издания и магазин перешли к его малолетним наследникам, а затем к В.А. Хаванову. Судя по одному из сохранившихся писем, переписку с Тургеневым вел сотрудник магазина П. Гален (см.: *ИРЛИ*. № 5852. Л. 3).

[5] Это письмо Тургенева неизвестно, его должен был доставить адресату Марк Гинцбург вместе с нотами романсов П. Виардо в декабре 1877 г., однако Гинцбург уехал из Парижа ранее, чем предполагал Тургенев, и не смог выполнить просьбу писателя. В результате письмо было отправлено Тургеневым через М.М. Стасюлевича лишь 19 (31) января 1878 г. (см. письма 4932 и 4944), тогда же, по всей видимости, были высланы и рукописи пяти романсов (см. примеч. 6 к наст. письму).

[6] Речь идет о рукописях романсов П. Виардо из цикла "Народные тосканские песни", об издании которых фирмой А. Иогансена Тургенев хлопотал в конце ноября — декабре 1877 г. (см. письма 4884, примеч. 1, 4901, примеч. 3 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2). В 1878 г. на средства Тургенева состоялось издание пяти (а не шести) романсов с параллельным текстом на итальянском и русском языках под общим заглавием "Canti Popolari Toscani. Musica di Pauline Viardot = Народные тосканские песни. Музыка Полины Виардо", куда вошли "Флорентийская серенада", "Бывало, я с тобою говорила", "Не удивляйтесь", "Бедняжка я!" и "Влюбленная" (ценз. разрешение: 1 (13) февра-

ля 1878 г.). Романсы продавались и по отдельности. См. описание сборника и вошедших в него романсов: The Musical Works of Pauline Viardot-Garcia (1821—1910). A chronological catalogue, with an index of titles and a list of writers set, composers arranged, and translators and arrangers compiled by Patrick Waddington together with the musical *incipits* of works and a discography compiled by Nicholas G. Žekulin. 2nd online edition. Haretaunga (New Zealand); Calgary (Canada), 2013. P. 70—72. Электронный ресурс: http://dspace.ucalgary.ca/bitstream/1880/49849/1/Viardot_catalogue_2013.pdf

[7] Е.Г. Гинцбург умер 31 декабря н. ст. 1877 г. от апоплексического удара (см. некролог: Русская газета. 1878. 8 января. № 5. С. 1). По предположению Н.Н. Мостовской, Тургенев присутствовал на его похоронах, которые состоялись 3 (15) января 1878 г. (см.: *Летопись (1876—1883).* С. 169; дата похорон указана здесь неверно как 2 (14) января 1878 г.). Объявление о похоронах см.: Journal des Débats. 1878. 14 janvier. P. 3.

[8] Некрасов умер 27 декабря 1877 г. (8 января 1878 г.) после продолжительной мучительной болезни (рак прямой кишки). О его кончине Тургенев мог узнать из многочисленных объявлений, которые были напечатаны в газетах. Так, в некрологе, написанном А.С. Сувориным в последние минуты жизни Некрасова и помещенном в вечернем выпуске "Нового времени", говорилось: "С глубокою грустью сообщаем мы печальное известие о великой утрате, понесенной русской литературой: сегодня, 27-го декабря, в 8 часов вечера, после долгой и мучительной агонии, продолжавшейся почти пятнадцать часов, скончался Николай Алексеевич Некрасов. Весть о кончине этого поэта отзовется по всей России, которая знала наизусть его энергические и прочувствованные песни — задушевные отголоски и горя, и мощи русского народа ⟨...⟩ В течение неутомимого, долгого служения русской поэзии покойный сделал так много, что, без сомнения, этого слишком довольно для сохранения за ним славы крупного поэта, достойного стать рядом с Пушкиным и Лермонтовым" (*Н Вр.* 1877. 27 декабря. № 658. С. 1. Некрасов умер в 20 ч. 50 мин. Время смерти в некрологе Суворина указано неточно, поскольку, по-видимому, он пошел в печать, когда агония стала несомненной, но поэт еще дышал. См. об этом: Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова. СПб., 2003. Т. 3. С. 652).

[9] Во время последнего приезда в Петербург, состоявшегося весной — летом 1877 г., Тургенев успел навестить Некрасова, однако точная дата их встречи не установлена: предположительно она состоялась около 25 мая (6 июня) — в начале июня ст. ст. (см.: *Летопись (1876—1883).* С. 129), на встрече присутствовал также П.В. Анненков. См. примеч. 3 к письму 4592 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. Впечатления Тургенева от этой встречи отразились в написанном им в апреле 1878 г. стихотворении в

прозе "Последнее свидание". См.: *Фортунатов Н.М.* "Последнее свидание" И.С. Тургенева и последняя встреча Некрасова с Тургеневым // Некрасовский сборник. Калининград, 1972. С. 85—89. Описывая последние месяцы жизни поэта, его врач Н.А. Белоголовый замечал: "Операция, сделанная 12-го апреля нынешнего года, спасла Некрасова от неминуемо угрожавшей смерти, в некоторой степени облегчила его страдания и продлила существование на восемь с половиною месяцев, хотя существование это оставалось далеко не завидным. Большую часть дня он продолжал проводить в постели, но все-таки вставал по нескольку раз в день, сидел ежедневно часа по два за чтением газет и журналов и видимо интересовался событиями общественной и литературной жизни. Но в общем значительного улучшения не было и это влияло на нравственное состояние его духа" (*Белоголовый Н.* Болезнь и последние дни жизни Н.А. Некрасова (Письмо в редакцию) // *Н Вр.* 1877. 31 декабря. № 661. С. 1).

[10] Тургенев несколько раз по разным причинам откладывал свой приезд в Россию и прибыл в Петербург лишь 27 июля (8 августа) — см. примеч. 4 к письму 4988.

4912. Я.П. Полонскому (с. 9)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Собр. *ОЛДП.* № Q250. Л. 155—155 об.

Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем.* С. 326.

[1] Упоминаемые письма Полонского неизвестны.

[2] В январской книжке ежемесячного приложения к "Неделе" — "Журнал романов и повестей", вышедшей 1 (13) января 1878 г., было опубликовано начало повести Полонского "Нечаянно". Отзыв о ней Тургенева см. в следующем письме к Полонскому (№ 4924). Повесть публиковалась на протяжении января — июля 1878 г.

[3] В первом номере "Пчелы" от 1 (13) января 1878 г. было напечатано стихотворение Полонского "Из писем к Музе. Письмо 2-е" ("Ты как будто знала, Муза...") (С. 2. Литературный отдел). Отзыв Тургенева о нем см. в письме 4975.

[4] См. примеч. 8 к письму 4911. Похороны Некрасова состоялись 30 декабря 1877 г. (11 января 1878 г.) в Петербурге, а на следующий день в газетах появились подробные описания прощания с писателем, в том числе в выписывавшейся Тургеневым газете "Новое время", где на первой полосе была помещена статья А.С. Суворина "Похороны Н.А. Некрасова", в которой отмечался их "необыкновенный характер", а Некрасов был назван "народным" поэтом. Следом было напечатано "Письмо в редакцию" Н.А. Белоголового — "Болезнь и последние дни жизни Н.А. Некрасова" (Там же. С. 1—2). Первый номер "Недели", которую Тургенев получал в Париже, также открылся

прочувствованным некрологом поэта: "1877 год закончился для русской литературы и образованного общества давно жданной, но все-таки тяжелой, незаменимой утратой. Умер *Некрасов*. Умер поэт, ярче всех сиявший на литературном небосклоне, умер журналист, более всех влиятельный в текущей периодической печати. Это не только утрата для русской литературы, — это целое событие в ее истории" (Неделя. 1878. 1 января. № 1. С. 1). Кроме того, в выпуске были помещены несколько статей о Некрасове, в том числе очерк П.А. Гайдебурова о последних днях жизни Некрасова и его похоронах.

[5] Тургенев имеет в виду полученное от Н.С. Тургенева (письмо не сохранилось) известие о смерти дяди — Н.Н. Тургенева, которое оказалось ложным, а также кончину бывшего сослуживца С.Н. Тургенева по Кавалергардскому полку и близкого друга семьи Р.Е. Гринвальда. См. письмо 4916 и примеч. 2, 3 к нему.

[6] О приезде Тургенева в Россию в 1878 г. см. примеч. 10 к письму 4911.

[7] Анненков собирался приехать в Париж после 1 (13) января 1878 г., откликнувшись на приглашение Тургенева, сделанное им в письме от 21 декабря 1877 г. (2 января 1878 г.), — см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4902, а также письмо Анненкова к Тургеневу от 29 декабря 1877 г. (10 января 1878 г.): *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 73. Еще ранее Анненков собирался приехать в Париж в конце октября н. ст. 1877 г. (см.: Там же. С. 65). Однако в силу разных обстоятельств приезд Анненкова в Париж долго откладывался и состоялся лишь 8 (20) мая 1878 г. См.: Там же. С. 86.

[8] Работу над бюстом Тургенева Антокольский начал, по всей видимости, в своей временной мастерской на Place de Clichy, 9 в октябре 1877 г., а в начале 1878 г. была изготовлена первая гипсовая модель, которой скульптор остался недоволен. "...Я сделал бюст Тургенева, очень удачный, — сообщал он И.Н. Крамскому 16 (28) января 1878 г., — но когда принесли его отлитым из гипса, я в первый раз стал проклинать скульптуру и благословлять живопись, до того бюст стал неузнаваем" (*Антокольский.* С. 352). См. также примеч. 1 к письму 4850 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. С 1877 по 1880 г. Антокольский вылепил два бюста Тургенева, но ни один из них его не удовлетворил. См.: *Кузьмина Л.И.* Тургенев и М.М. Антокольский // *Т сб.* Вып. 5. С. 397—398. Об этом косвенно свидетельствуют и воспоминания Б.А. Чивилева, относящиеся к 1880-м гг.: "Впоследствии я у М.М. Антокольского в студии его, что в *rue Bayen aux Ternes*, видел два бюста Тургенева, из которых ни один, несмотря на великолепную работу, не передавал вполне выражения лица Тургенева. Если память не изменяет мне, кажется и сам М.М. Антокольский не был удовлетворен этою своею работою" (*Рус Вед.* 1883. 14 октября. № 280. С. 1). Среди портретов Тургенева работы Антокольского, хранящихся в фондах российских музеев, имеются

лишь бюсты, относящиеся к 1880 г. Так, один из них хранится в ГРМ (тонированный гипс, на тыльной стороне основания: "Антокольский. Париж 1880", справа надпись: "Собств⟨енность⟩ автора" — находился у Антокольского вплоть до его смерти; поступил в 1928 г. от А. Купермана); еще один — в Литературном музее ИРЛИ (гипс, на срезе сзади: "Антокольский. Париж 1880"; поступил в 1924 г. из Академии художеств). Неизвестно, сохранился ли вариант бюста 1878 г. По предположению П. Уоддингтона, таких может быть несколько: первый из них был подарен Тургеневым дочери и от нее перешел к его внучке Жанне (воспроизведен: Иллюстрированная Россия. Париж, 1933. 3 июня. № 23. С. 14. В настоящее время подлинник предположительно хранится в частном архиве в Париже); второй экземпляр был приобретен И.Я. Павловским, дочь которого Н.И. де Биндер передала его в 1966 г. И.С. Зильберштейну (см. об этом: Литературная газета. 1966. 25 июня. С. 3). См.: *Waddington P.* A Catalogue of Portraits of Ivan Sergeyevich Turgenev (1818—83). Pinehaven (New Zealand), 1999. P. 50. Воспроизведение бюста 1880 г. см. на с. 9. См. также: *ПД. Описание.* № 431, 432; *Кузнецова Э.В.* М.М. Антокольский: жизнь и творчество. М., 1989. С. 300.

4913. Гюставу Флоберу (с. 10 и 255)

Печатается по тексту: *Halp.-Kam. Corr.* P. 111—112. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1896. № 10. P. 144; в русском переводе — *Рус Мысль.* 1896. № 8. С. 61.

В публикациях дата письма ошибочная ("14 июня 78 г."). Поскольку упоминаемый здесь театральный фельетон Золя был напечатан в вечернем выпуске "Le Bien public" 1 (13) января 1878 г. (воскресенье), а письмо Флобера, в котором он посоветовал Тургеневу прочесть этот фельетон, помечено также воскресеньем (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 349), публикуемое письмо датируется 2 (14) января 1878 г., которое действительно в этот год приходилось на понедельник.

[1] Тургенев откликается на письмо Флобера от 1 (13) января, в котором тот, не в первый раз пытаясь договориться о встрече с Тургеневым, шутливо заметил: "Я на вас не сержусь. Пишу в ответ эту записку и по-прежнему считаю, что вы самый непостижимый человек на свете" (*Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 203. Здесь и далее, если не оговаривается особо, письма Флобера, которые приводятся по этому изданию, даны в переводе А. Андрес). Ср. в оригинале: "le plus incompréhensible des bonshommes" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 349).

[2] В воспоминаниях А.Н. Луканиной сохранилось упоминание о том, что она застала в гостях у Тургенева Н.В. Ханыкова

в день, когда писатель получил известие о кончине Н.А. Некрасова (см.: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 193). Судя по письмам Тургенева 4911 и 4912, Ханыков нанес ему визит накануне данного письма — в воскресенье 1 (13) января; вероятно, тогда же он пригласил писателя на упомянутую встречу.

[3] Речь идет о фельетоне Э. Золя, посвященном современной постановке драмы Шекспира "Макбет" итальянской труппой, который был опубликован в воскресном вечернем номере газеты "Le Bien public" от 13 января н. ст. 1878 г. «Раздобудьте театральный фельетон Золя за сегодняшний вечер, — писал в этот день (дата письма установлена А. Звигильским) Флобер, откликаясь на несохранившуюся записку Тургенева, — и посмотрите, что он пишет о "Макбете". Он не находит у Шекспира жизни! Поскольку он не современен! Прочтите это в качестве наказания вам» (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 349. Подлинник по-франц.). «Я оставляю Шекспиру его славу, — писал в своем фельетоне Золя. — Признаюсь, что не понимаю, зачем его ставят на современной сцене, в особенности на итальянском языке, перед публикой, которая подстегивает себя, чтобы восхищаться им. Мне это безразлично, поскольку происходит далеко от меня, на улице... Я смертельно скучал на "Макбете" и покинул в этот вечер театр без всякого мнения об игре Сальвини (актера). В "Гражданской смерти" Сальвини привел меня в восторг; я уходил, переполненный чувствами. Разумеется, автор этой драмы, г. Джакометти, не может претендовать на соперничество с Шекспиром. Его творение, в сущности, даже заурядно... Но оно относится к моему времени, действие его происходит в атмосфере, которой я дышу, оно трогает меня, как трогает история, случившаяся с моим соседом. Я предпочитаю жизнь искусству, о чем я говорил неоднократно. Шедевр, отполированный веками, в сущности, не что иное, как прекрасный мертвец» (цит. по: *Tourguéniev/Flaubert.* P. 227. Note 2. Подлинник по-франц.). О необходимости обновления драматического искусства, о потребности реализма в театре Золя рассуждал и в январском фельетоне "Новые успехи драмы во Франции" (из серии "Парижских писем") на страницах "Вестника Европы". "Истекший год займет особое место в истории нашей драматургии, — утверждал в нем Золя, — он был свидетелем первых серьезных усилий к обновлению нашей сцены, где кончались с предсмертным стоном марионетки трагедии и романтической драмы" (*ВЕ.* 1878. № 1. С. 404). Анализируя наиболее выдающиеся, с его точки зрения, парижские постановки прошедшего года, к которым он причислил прежде всего "пьесы, написанные по реалистической формуле", Золя заключал: «Очевидно, наступает час, когда натуральное движение сообщится драматическому искусству. Давно уже дело его выиграно в романах. В настоящую минуту роман стал не чем иным, как протоколом,

собранием человеческих документов. Последние произведения натуральной школы: "la Fille Elisa" Эдмона де Гонкур и "Набаб" Альфонса Додэ далеко увели нас от "Notre-Dame de Paris" и "Trois Mousquetaires". В них, помимо слога, помимо самой воли автора, веет новым духом. Теперь этим самым духом повеяло и в театре, и он не преминет сделаться таким сильным, что сметет старинные, условные формулы. Не следует ли из этого, что театр превратится в простые подмостки для живых картин? Нет, конечно. Я верю также во всемогущество действия, но только действия логического, строго вытекающего из характеров действующих лиц» (Там же. С. 421, 420).

[4] В письме, на которое отвечает Тургенев, Флобер согласился на встречу "в *следующую субботу*", прибавив: "Если же и в этот день вас не будет, я попрошу разъяснений у Кардиналов от Науки" (см.: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 349. Подлинник по-франц.). Помимо встречи, состоявшейся 7 (19) января, известно также об обеде 15 (27) января у Флобера, на который были приглашены Тургенев, А. Барду, Ж. Пуше и Ги де Мопассан (см.: Ibid. P. 352).

4914. С.Ф. Шарапову (с. 11)

Печатается по тексту первой публикации: *Шарапов С.Ф.* Мой дневник // Свидетель. 1908. № 15 (Сентябрь). С. 78. Подлинник неизвестен.

[1] В начале 1878 г. по инициативе Шарапова было решено устроить в Париже вечер памяти Н.А. Некрасова. По воспоминаниям Шарапова, он "отправился просить Тургенева что-нибудь прочесть или сказать", однако, не застав писателя дома, оставил ему письмо и на следующий день получил ответ — данное письмо (Свидетель. 1908. № 15 (Сентябрь). С. 78). Отказ Тургенева участвовать в этом вечере объясняется многолетними сложными отношениями между ним и Некрасовым после разрыва писателя с журналом "Современник". Несмотря на отрицательный ответ Тургенева, Шарапов не терял надежды уговорить его и обратился к писателю повторно (письмо не сохранилось), однако вновь получил отказ (ср. письмо 4921 и примеч. 2 к нему). Тем не менее 20 января н. ст. 1878 г., накануне вечера, в письме к дяде П.С. Лыкошину он сообщал об участии Тургенева как о решенном деле и лишь на следующий день в письме к тому же корреспонденту отмечал: "К несчастью ⟨...⟩ наш литературный старшина, Ив. Серг. Тургенев, еще не встал с постели, а потому и помощь его в этом деле кажется сомнительной" (цит. по: Рабочий путь. 1941. 5 февраля. № 29. С. 4). Других сведений об этом вечере не сохранилось. Подробнее см.: *Мостовская Н.Н.* Тургенев и вечер памяти Некрасова в Париже // Некрасовский сборник. СПб., 2001. Вып. 13. С. 135—140. А.Н. Луканина, наве-

стившая Тургенева в Париже в тот день, когда было получено "известие о смерти Некрасова" (т.е., возможно, 1 (13) января 1878 г.), записала: «Иван Сергеевич до сего времени не хотел признавать в Некрасове поэта (к этому фрагменту была сделана сноска Луканиной: "Он говорил, что ни одного из стихотворений Некрасова невозможно запомнить дословно, между тем как стих Пушкина неизгладимо запечатлевается в памяти". — *Ред.*). Теперь вот что Иван Сергеевич высказал: "Я, может быть, ошибаюсь. Но что у Некрасова неотъемлемо — это его искреннее чувство любви к народу; ему он никогда не изменял. В частной же своей жизни он был эгоист". Иван Сергеевич вообще не любил Некрасова как человека; он не мог понять существования в нем некоторых черт характера». Далее следовало изложение одного нелицеприятного эпизода из частной жизни Некрасова (*СВ.* 1887. № 2. С. 43).

4915. П.В. Шумахеру (с. 11)

Печатается по копии П.В. Шумахера: *РГАЛИ.* Ф. 555. Оп. 1. № 77. Л. 18—18 об. В конце текста письма рукой П.В. Шумахера: "Г-ну П.В. Шумахеру", "Автограф у Петра Ивановича Щукина, в Москве". Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: *Рус Арх.* 1900. Кн. 3. № 10. С. 320.

[1] Письмо Шумахера, на которое отвечает Тургенев, неизвестно. К нему, по всей вероятности, были приложены вновь написанные стихотворения поэта, которыми он хотел пополнить второе издание сборника "Моим землякам" (первое вышло в 1873 г. при содействии Тургенева). Попытку договориться о втором, дополненном издании с фирмой B. Behr's Buchhandlung (E. Bock) Тургенев предпринял еще в мае 1876 г., но осуществить ее удалось лишь в 1880 г. В сборник действительно вошли пятьдесят новых стихотворений Шумахера.

[2] Оба названных Тургеневым стихотворения были напечатаны в периодических изданиях — "Русская песнь" ("По закустью серый заинька...") в "Пчеле" (1877. № 36. С. 558—559; под заглавием "Песня (Русский узор)"), а "Бывало" — в "Будильнике" (1878. № 17. С. 243, с посвящением Д.Д. Минаеву). Последнее стихотворение было также включено в сборник Шумахера "Шутки последних лет" (М., 1879; цензурное разрешение: 26 апреля 1878 г.).

[3] Имеется в виду письмо владельца издательства А. Блоха от 31 января (12 февраля) 1877 г., которое Тургенев переслал Шумахеру 3 (15) февраля 1877 г. В нем Блох указывал на нецелесообразность второго издания сборника при наличии лишь 17 новых стихотворений, ссылаясь на то, что первое издание еще не было полностью распродано, и советовал в будущем составить второй том полностью из новых стихотворений, что

и было в конечном итоге сделано (см.: *Центрархив. Документы.* С. 97—98). В 1880 г. сборник вышел в свет под заглавием: "Моим землякам. Сатирические шутки. Книжка вторая". Издание было запрещено к ввозу в Россию. См. письмо 4606, примеч.1, а также примеч. 1 к письму 4616 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2.

4916. Н.С. Тургеневу (с. 12)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 216—217. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 9/21 генвар. 78. С. Тургенево. 6-м днем".

Впервые опубликовано: *Рус Ст.* 1885. № 12. С. 627, с неточностями и сокращениями; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 257—258.

Стр. 12. И невольно задумаешься о себе самом (*франц.*).

[1] Это письмо Н.С. Тургенева неизвестно.

[2] Известие о кончине Н.Н. Тургенева оказалось ложным (см. письмо 4928).

[3] Тургенев мог узнать о смерти сослуживца своего отца — Р.Е. Гринвальда из некролога, помещенного в выписывавшихся им "Московских ведомостях" спустя несколько дней после кончины последнего, где, в частности, говорилось: "Мы уже сообщили, что накануне праздника Рождества Христова, 24 декабря, в 12-м часу ночи, скончался член Государственного Совета, генерал от кавалерии Родион Егорович Гринвальд, на 81 году от роду". Далее была приведена пространная выдержка из некролога, напечатанного в "Русском инвалиде" (1877. 30 декабря. № 287. С. 5): "Это был человек твердого, решительного характера, независимый по убеждениям; он казался строгим, суровым и даже резким, но, несмотря на это, люди, близко знавшие Родиона Егоровича, глубоко уважали, любили его за прямоту, справедливость и в высшей степени доброе сердце". "Во время свыше 40-летней службы в войсках, — сообщалось далее, — Родион Егорович близко изучил хозяйственную войсковую часть и военную администрацию, подробно вникал в нужды нижних чинов и своею справедливостию и беспристрастием успел заслужить всеобщее уважение всех подчиненных, от простого солдата до генерала". Особо отмечалось 15-летнее управление Гринвальдом государственным коннозаводством, которое было «ознаменовано рядом новых мероприятий, выказавших его "любовь к лошади" (любимое выражение покойного) и сериозное отношение к делу» (*Моск Вед.* 1878. 1 января. № 1. С. 5). О Гринвальде см. также статью Н.С. Никитиной: *Тургенев. НИиМ.* Вып. 2. С. 293.

[4] Ср. письма 4911, 4912 и 4922, в которых Тургенев откликается на смерть Н.А. Некрасова.

[5] О Плевне см. письмо 5093 и примеч. 3 к нему. К этому сравнению Тургенев прибегал также в письмах к М.М. Стасюлевичу (№ 4932) и А.А. Фету (№ 5107).

[6] Об успехах Поля Виардо на музыкальном попроще см. письмо 4572 и примеч. 13 к нему — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. На протяжении 1876—1878 гг. объявления о концертах, в которых принимал участие Поль Виардо, регулярно появлялись в газетах: так, 4 января н. ст. 1878 г. состоялся вечер классической и современной музыки с его участием в зале Плейель, в программе которого была музыка Райнберга, Шумана, Моцарта и Рубинштейна (см. объявление: Journal des Débats. 1878. 1 janvier. P. 4).

4917. А.П. Боголюбову (с. 13)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 705. Оп. 1. № 76. Л. 14.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 258.

Датируется предположительно. Из содержания записки следует, что Тургенев был приглашен Боголюбовым на одно из заседаний Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, обычно проводившихся по вторникам. Датой основания Общества считается 28 ноября (10 декабря) 1877 г. (см.: *Боголюбов. Летопись.* С. 88), на ее основе устанавливается нижняя граница письма. Возможно, речь идет об одном из первых заседаний в декабре 1877 — начале января 1878 г. Позже Тургенев, избранный его секретарем, посещал клуб художников без предварительного приглашения, был хорошо осведомлен о дне, месте и времени предстоящих заседаний и не стал бы об этом спрашивать.

4918. А.Н. Луканиной (с. 13)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 1; конверт — л. 3. Почтовые штемпели: 1) 16 janv. 78, R. Milton, Paris; 2) 17 janv. 78, R. Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 355.

[1] Речь идет о повести "Березай", которая вошла в цикл "Старинные дела. Рассказы и воспоминания" и была напечатана в июле 1878 г. в "Вестнике Европы" (№ 7). Начало повести по черновой рукописи Луканина читала Тургеневу между 27 октября (8 ноября) и 2 (14) ноября 1877 г., о чем он с одобрением сообщал М.М. Стасюлевичу (см. письмо 4864 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2). О том же сохранилась запись в воспоминаниях самой Луканиной: "Он (Тургенев. — *Ред.*) остался по-видимому доволен и посоветовал мне каждую вещь переписывать не менее двух

раз" (*СВ.* 1887. № 2. С.41). Согласно воспоминаниям, переписку "Березая" писательница завершила лишь 29 января н. ст. 1878 г., а на другой день отправилась с рукописью к Тургеневу, получив от него по дороге на почте письмо. Однако эти сведения противоречат дате письма Тургенева, о котором упоминает Луканина, — 31 января н. ст. По всей видимости, ошибка вкралась в воспоминания Луканиной, и ее визит к Тургеневу состоялся 31, а не 30 января или даже позже. См. также письмо 4933 и примеч. 2 к нему.

[2] О приезде Анненкова в Париж см. примеч. 7 к письму 4912.

[3] О знакомстве с Луканиной Тургенев впервые сообщил Анненкову в письме от 22 ноября (4 декабря) 1877 г., в котором охарактеризовал ее как "замечательный русский (женский) талант" и сообщил о том, что по его рекомендации повесть начинающей писательницы ("Любушка") была принята к печати "Вестником Европы" с назначением "крупного гонорария" (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4876). В этом письме, однако, имя Луканиной не было названо. Вероятно, более подробно Тургенев рассказал Анненкову о своей протеже в одном из последующих (несохранившихся) писем, поскольку 26 декабря н. ст. 1877 г. Анненков замечал в письме к М.М. Стасюлевичу: "Придется еще переписываться с Тургеневым и по поводу Луканиной, роман которой будет у Вас печататься. Тургенев в восторге от него" (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 352). Вероятно, под романом имелась в виду повесть "Березай". Анненков прочел "Любушку" только после ее выхода в свет, в марте 1878 г. О его отзыве см. письмо 4993, примеч. 5.

4919. М.М. Стасюлевичу (с. 14)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 206.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 140.

[1] Речь идет о второй части публикации "Новые письма А.С. Пушкина", редактирование которой для "Вестника Европы" взял на себя Тургенев по просьбе Н.А. Меренберг. Первая часть была напечатана в январской книжке журнала с предисловием Тургенева. Об издании писем Пушкина см.: *Измайлов Н.В.* Тургенев — издатель писем Пушкина к Н.Н. Пушкиной // *Т сб.* Вып. 5. С. 399—416; наст. изд. Соч. Т. 10. С. 597—598, а также примеч. 5 к письму 4846 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2.

[2] По всей видимости, Тургенев выполнил обещание и завершил работу над корректурой к 7 (19) января (см. письмо 4931). Спешка была вызвана тем, что изначально публикация второй части писем Пушкина планировалась Стасюлевичем в феврале, об этом свидетельствует и помета на корректурных гранках (*Коррек-*

тура писем Пушкина. Ч. 2. Форма 1. № 1), однако на деле они были напечатаны лишь в мартовской книжке "Вестника Европы" из-за задержки в прибытии корректур в Петербург (см. письмо 4936).

[3] О смерти Некрасова и реакции на нее Тургенева см. письмо 4911 и примеч. 8 к нему, а также письма 4912, 4914 и примеч. 1 к нему, 4921, 4922 и др.

[4] Тургенев пишет о повести "Любушка", которая была напечатана в № 3 "Вестника Европы" с подзаголовком "Святочный рассказ. Из ночных дум старой няни" (С. 201—229; подпись: "А.Л.").

[5] Речь идет о повести А.Н. Луканиной "Березай", которая была также принята к печати "Вестником Европы" и опубликована в июльском номере за 1878 г. Судя по записи в "Каталоге рукописей" журнала за 1877—1881 гг., "Березай" поступил в редакцию 12 апреля ст. ст. 1878 г. (см.: *Каталог рукописей.* Л. 43). См. также письмо 4963, примеч. 2 и 4.

[6] О причинах, задержавших поездку П.В. Анненкова в Париж, см. письмо 4912 и примеч. 7 к нему.

4920. А.Ф. Онегину (с. 15)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 29352. Л. 58; конверт — л. 59. На подлиннике помета Онегина (см. примеч. 2).

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 260.

Датируется по штемпелю городской почты на конверте: "18 janv. 78" и помете "пятница".

[1] Листок со стихотворением "Кро́кет в Виндзоре", отпечатанный в Лейпциге и исправленный Тургеневым, хранится вместе с комментируемым письмом (*ИРЛИ.* № 29352. Л. 60). См. воспроизведение на с. 16. Это было первое издание стихотворения на русском языке, предпринятое по инициативе Ю.А. Оболенского и выпущенное, по всей видимости, в конце сентября 1876 г. О получении 50 экземпляров листовки Тургенев уведомлял Оболенского 25 сентября (7 октября) 1876 г. — см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4436. В этом же письме он указывал на две "важные ошибки", вкравшиеся в текст стихотворения в ст. 10 и 15 (обе среди прочих — преимущественно пунктуационных — опечаток поправлены в экземпляре, посланном Онегину). См. об этом: *Никитина Н.С.* "Кро́кет в Виндзоре": Первое издание стихотворения // *Т сб.* Вып. 3. С. 149—153. Для какой цели стихотворение потребовалось Онегину, неизвестно.

[2] К этому месту письма Онегин сделал пояснение: "писанный Харламовым и выставленный в галерее дома Виардо". В настоящее время этот портрет Онегина находится в Литературном музее ИРЛИ (инв. № 4250). Портрет Онегина был выставлен на парижском Салоне 1878 г.

4921. С.Ф. Шарапову (с. 15)

Печатается по подлиннику: Государственный архив Смоленской области. Ф. 121. Св. 14. Д. 470.

Впервые опубликовано: по подлиннику (с неточностями) — *Дмитриев В.* Письмо И.С. Тургенева к С.Ф. Шарапову // Наступление. Смоленск, 1933. С. 81 (здесь же на с. 80—81 приведено факсимиле письма); в исправленном виде (по факсимиле) — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 260, с ошибочным указанием, что подлинник письма неизвестен; по подлиннику (с неточностями) — *Ильин В.В.* Смоленский адресат И.С. Тургенева (Некоторые уточнения) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1973. № 4. С. 81.

[1] Речь идет о корреспонденции Шарапова ⟨"У Тургенева"⟩ в "Новом времени" (1877. 4 декабря. № 636. С. 3; подпись: "Parisien"), в которой он рассказал о посещении им писателя, состоявшемся 28 ноября (10 декабря) 1877 г. Как видно из заметки, Тургенев категорически возражал против публикации подробностей своей частной беседы с Шараповым, что отметил сам корреспондент: "...когда я изъявил свое непреложное желание напечатать мой разговор с ним, И.С. решительно протестовал". "Я говорил с вами как с Mr Mr... Parisien (sic! — *Ред.*)! — так передал Шарапов слова Тургенева, — но не как с корреспондентом. У нас там сейчас готовы будут крикнуть: вот еще старик Тургенев лезет с своими суждениями". Несмотря на возражения Тургенева, интервью было напечатано. Однако более всего Тургенева возмутило, что в нем Шарапов бесцеремонно привел его резкое высказывание о герцоге де Брольи, которое, по словам Шарапова, было дано "почти in extenso (дословно — *лат.*)": "...он отрекся от фамильных традиций и от собственных убеждений с каким-то *блеском наглости*; знаете, когда человек делает ряд сознательных гадостей, он входит в какое-то *опьянение подлости*; сделать в этом положении самую грязную вещь для него *то же, что выпить рюмку водки*" (ср. с более ранними негативными высказываниями Тургенева о герцоге де Брольи — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4826, 4876). См. об этом: *Мостовская Н.Н.* Тургенев и вечер памяти Некрасова в Париже // Некрасовский сборник. СПб., 2001. Вып. 13. С. 137—138. Не исключено, что вследствие какой-то старой обиды на Тургенева, Н.П. Веретенников, неудавшийся литератор, стремился опубликовать его интервью во французской печати, что могло, по его мнению, скомпрометировать русского писателя в глазах французских читателей, и особенно в аристократических кругах.

[2] Ср. письмо Тургенева к Шарапову от 2 (14) января 1878 г. (№ 4914), где он в тех же выражениях отклонил такое предложение. Вероятно также, что Тургенев больше не хотел иметь дело

с Шараповым, человеком, который не держал слова и чуть было не поссорил Тургенева с французской публикой (см. указанную публикацию В.В. Ильина: Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1973. № 4. С. 83; см. также примеч. 1 к письму 4914).

4922. П.В. Анненкову (с. 17)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 2—3.

Впервые опубликовано: Печать и революция. 1922. Кн. 2. № 5. С. 99—100.

[1] Анненков собирался приехать в Париж после 1 (13) января 1878 г. (о чем Тургенев извещал многих корреспондентов), однако в не дошедшем до нас письме сообщил об отсрочке своего приезда. Откликаясь на данное письмо Тургенева 19 (31) января, он оправдывал задержку своего приезда плохой погодой: "Так холодно, такой снег, такая грязь и ветер, в ужас приводящий, что ей-Богу не могу себя представить в Париже, дрожащим на улице и сидящим в холодном № трактира. Подождем хоть немножко солнышка, хоть немножко светлого неба" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 75). См. также примеч. 7 к письму 4912.

[2] Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже было учреждено 10 декабря н. ст. 1877 г. — в день взятия русскими войсками Плевны. Наряду с М.М. Антокольским, А.П. Боголюбовым, Н.Д. Дмитриевым-Оренбургским, Г.О. Гинцбургом и др. Тургенев, к которому часто обращалась за помощью учащаяся во Франции русская молодежь, стал одним из его организаторов и активных деятелей. Общество ставило своей целью "сближение русских художников и любителей в Париже", "ознакомление Парижа с русскими художественными произведениями и облегчение сбыта последних", "образование ссудной кассы для русских художников", а также "благотворительность в среде неимущих русских, чрез посредство консульства" (*ВЕ.* 1879. № 4. С. 889. В основу этого извещения лег текст устава Общества, составленный М.М. Антокольским и отредактированный Тургеневым). Об участии Тургенева в деятельности Общества см.: *Кузьмина Л.И.* 1) Тургенев и "Русская касса взаимного вспоможения в Париже" // *Т сб.* Вып. 3 С. 254—261; 2) Посол от русской интеллигенции: К организации "Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже" // Там же. Вып. 4. С. 275—282. См. также письмо 5047 и примеч. к нему.

[3] О совместном посещении Некрасова Тургеневым и Анненковым в июне 1877 г. см. примеч. 3 к письму 4592 (наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2), а также примеч. 9 к письму 4911.

[4] Возможно, на этой оценке сказались сообщения в газетах, в частности описания похорон Некрасова, в которых отмечались их "необыкновенный характер", торжественность и многолюдность, в том числе значительное участие молодежи. Так, 31 декабря ст. ст. 1877 г. в статье "Похороны Н.А. Некрасова", помещенной на первой полосе, "Новое время" сообщало: "...едва ли когда-либо и кто-либо из русских литературных деятелей был почтен таким живым и знаменательным сочувствием общества при проводах его в последний приют. Громадная толпа по крайней мере в три-четыре тысячи человек сопровождала гроб поэта, который до самого кладбища был несен на руках. Большая часть из этой толпы состояла из учащейся молодежи и литераторов. Все наличные литературные силы были тут, начиная от сверстников поэта, заслуженных и известных писателей, и кончая начинающими дарованиями". Особо подчеркивалось, что "речи молодых людей были переполнены восторженным почтением и энтузиазмом к поэту" (*Н Вр.* 1878. 31 декабря. № 661. С. 1). Об откликах в печати и дискуссии по поводу значения Некрасова для русской поэзии и литературы см.: *Киселева А.К.* Отражение смерти и похорон Н.А. Некрасова в периодической печати (конец декабря 1877 — январь 1878 года) // Влияние творчества Н.А. Некрасова на русскую поэзию. Ярославль, 1978. С. 133—144. "Зрелище было странное, — писал Н.Н. Страхов Л.Н. Толстому 20 января ст. ст. 1878 г. о похоронах Некрасова. — Хотели раздуть как можно больше, но удалась разве десятая доля того, что ждали и хотели. Было не очень много: большею частию студенты, маленькая кучка литераторов — и никого больше, так что экипажей было до странности мало, и вся толпа имела мизерный вид. Несли на руках очень тихо. Священник, профессор Университета Горчаков сказал надгробное слово, которое своею фальшью до боли раздражило меня. Он восхвалял в покойном *веру*, *надежду* и *любовь*, не говоря, какие, и прочитал в церкви длинное стихотворение. На могиле я выслушал одну речь (Г.В. Плеханова. — *Ред.*), в которой Некрасова ставили выше Пушкина и Лермонтова. Толпа кричала *браво*!" (*Толстой/Страхов.* Т. 1. С. 393—394). "Ужаснее подобных зрелищ для меня ничего нет", — откликнулся Толстой (Там же. С. 175. Письмо от 27 (?) января ст. ст. 1878 г.).

[5] Письмо Анненкова с характеристикой Некрасова неизвестно. Очевидно, оно было уничтожено самим Анненковым. Тургенев действительно возвратил это письмо Анненкову, что видно из письма последнего от 19 (31) января 1878 г. "Спасибо Вам за обратную пересылку моего письма, — замечал в нем Анненков. — И со многими другими тоже следовало бы так поступить или по крайней мере предать их огню и мечу" (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 75).

[6] От немецкого prägnant — ясный, сильный, полный мыслей.

[7] Возможно, Тургенев имеет в виду противоречивую статью "Недельные очерки и картинки" Незнакомца (А.С. Суворина) в "Новом времени" по поводу смерти Некрасова. Характеризуя Некрасова не столько как поэта, сколько как человека с практической смекалкой, Суворин глухо ссылался при этом на Тургенева (см.: *Н Вр.* 1878. 1 (13) января. № 662. С. 3; перепечатано в сборнике: На память о Николае Алексеевиче Некрасове. СПб., 1878. С. 33—55). В одном фрагменте имя Тургенева было названо прямо: оценивая Некрасова как "прежде всего человека замечательного ума", Суворин пояснял: "Не зная ни одного иностранного языка, почти ни одного иностранного слова, получив отрывочное, кое-какое образование, не кончив нигде курса, даже в гимназии, он быстро все схватывал и не только не терялся среди образованных, развитых научно молодых людей сороковых годов, но стал между ними как нечто очень оригинальное, самобытное, крепкое, поражавшее знанием людей и жизни вообще. Действительно, он знал ее ближе и лучше, чем Белинский, Тургенев и многие другие, с которыми судьба его сталкивала" (цит. по: На память о Николае Алексеевиче Некрасове. С. 36—37). Вместе с тем Некрасов, по словам Суворина, "был полон идеализма, полон высоких стремлений". Пытаясь оправдать некоторую двойственность, "практичность" Некрасова, Суворин приводил собственные слова поэта: "Я мучился той внутренней борьбою, которая во мне происходила: душа говорила одно, а жизнь совсем другое. И идеализма было у меня пропасть, того идеализма, который вразрез шел с жизнью, и я стал убивать его в себе и стараться развить в себе практическую сметку. Идеалисты сердили меня, жизнь мимо их проходила, они в ней ровно ничего не смыслили, они все были в мечтах, и все их эксплоатировали. Я редко говорил в их обществе, но когда напивался вместе с ними — на это все мастера были — я начинал говорить против этого идеализма с страшным цинизмом, с таким цинизмом, который просто пугал их. Я всё отрицал, все самые благородные стремления и проповедовал жесткий эгоизм и древнее правило — око за око, зуб за зуб. Пускай их! Когда, на другой день, проспавшись, я вспоминал свои речи, то сам удивлялся своей смелости и пропасти цинизма..." (цит. по: Там же. С. 38—39). Далее следовал завуалированный намек на Тургенева: «Один очень известный писатель, упивавшийся идеализмом и находившийся в дни своей юности в дружеских отношениях к почившему поэту, не далее как четыре года тому назад передавал мне с негодованием о том цинизме, с которым говорил Некрасов о самых священных для каждого человека отношениях. Он очевидно принимал и тогда и принимает теперь все это за чистую монету, за настоящие стремления, которые таились в глубине молодого Некрасова, бывшего тогда на три года моложе чистого и богатого идеалиста. Но этот цинизм был

криком сильной натуры, которая искала выхода из борьбы, протестом сильного, но необразованного ума, который ясно видел людские отношения, ясно понимал их и хотел образумить идеалистов, которые поддавались стрижке со слезами, глубоко схороненными в груди в то время, когда уста их старались делать приятную улыбку. Огромный ум Некрасова, воспитанный прямо и почти только на одной жизни, противился теоретическим представлениям, расплывшимся в широковещательные речи, в самосозерцание, в благоговение перед "прекраснодушием", и становился во вражду с теорией тем резче, чем больше в самом себе он находил того же идеализма» (Там же. С. 39—40). Не могли не возмутить Тургенева следующие строки из приведенного выше некролога: "И у сходящего со сцены поколения, к которому и мы имеем честь принадлежать, блестели взоры пламенем, и у нас билось сердце, и мы были исполнены великих дерзаний и готовы были творить людей по образу своему и подобию. Мы — сила и власть, и стены должны были расшибаться под ударом нашего кулака, и всякие предания, весь этот старый и дряхлый мир должен был разлететься под бурным дыханием нашим, под напором нашего ума, наших знаний, отваги наших сердец" (Там же. С. 34).

[8] В "Вестнике Европы" (1878. № 1. С. 7—46) была напечатана первая половина писем Пушкина к жене с предисловием "От издателя", написанным Тургеневым, и краткими примечаниями, которые, по предположению Н.В. Измайлова, были составлены М.М. Стасюлевичем. Об участии Тургенева в издании писем Пушкина см.: *Измайлов Н.В.* Тургенев — издатель писем Пушкина к Н.Н. Пушкиной // *Т сб.* Вып. 5. С. 399—415. В предисловии Тургенев постарался объяснить значение писем для читателя, а также сгладить возможное негативное впечатление от «излишней "энергии" фразы» Пушкина (см.: наст. изд. Соч. Т. 10. С. 360—361; коммент. Н.В. Измайлова — Там же. С. 598). Последним обстоятельством Тургенев руководствовался и при редактировании текстов писем, последовательно исправляя не только прямые опечатки в наборе, а также стилистические погрешности в русских переводах французских писем к невесте, но и последовательно отмечая места, подлежавшие изъятию или сокращению и обработке, — как слишком интимные или политически острые. Сохранившиеся в ИРЛИ корректурные гранки текстов писем показывают, что объем исправлений подобного рода был велик, однако Стасюлевич "восстановил значительную часть изъятых или завуалированных писателем слов, выражений и целых пассажей, сделав понятным читателю многое, что должно было быть от него скрыто" (см.: *Измайлов Н.В.* Тургенев — издатель писем Пушкина к Н.Н. Пушкиной. С. 413. Здесь же дан перечень ряда наиболее характерных исправлений, внесенных Тургеневым, каждое из которых сопровождает-

ся указанием на то, как это место было напечатано в "Вестнике Европы"). Между тем в редакционном предисловии, помещенном вслед за предисловием писателя, Стасюлевич особо отметил, что именно Тургенев взял на себя "окончательное решение вопроса, что из текста писем может быть допущено в печать и что должно быть исключено: или как имеющее исключительно интимный, семейный характер, или как вообще неудобное для печати" (*ВЕ.* 1878. № 1. С. 9—10). Таким образом формально вся ответственность за обнародование тех или иных "неудобных" деталей ложилась на Тургенева, в то время как фактически его редакторская правка была учтена далеко не в полном объеме.

Откликаясь на этот фрагмент письма Тургенева 5 (17) февраля, Анненков постарался немного смягчить действия Стасюлевича, заметив: "...несмотря на присутствие пердов, они (письма Пушкина. — *Ред.*) еще очень осторожно процензурованы, да это и хорошо. Либо быть циником-издателем вроде покойного Погодина, либо, отсекая жизненные подробности, не отыскавшие для себя толкователя, иметь в виду только литературную физиономию документа. А она осталась нетронутой и пребывает блестящей и сияющей ⟨...⟩" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 76). Несколько более откровенно он высказывался ранее в письме к самому редактору "Вестника Европы", где указывал на необходимость с осторожностью подходить к обнародованию пушкинских писем: "Я считаю, что в литературе все абсолютно дозволено и запрещенного для нее вовсе нет, только все должно быть объяснено и всему приискана генеалогия, *raison d'être*, причина явления, а где этого нет, там представляется уже не нагота человека собственно, а только его срамной член, выставленный напоказ" (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 352. Письмо от 26 декабря н. ст. 1877 г.). См. также примеч. 2 к письму 4993.

[9] Первый "пассаж" из письма Пушкина к жене от 30 октября 1833 г. Тургенев предлагал полностью заменить точками (см. иллюстрацию на с. 18), однако он был лишь значительно сокращен в журнале: "Ты радуешься, что за тобою, ⟨как за сучкой,⟩ бегают ⟨кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебе задницу⟩; есть чему радоваться! Не только тебе, но и Прасковье Петровне легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; ⟨стоит разгласить, что-де я большая охотница.⟩ Вот вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свиньи будут*" (ср.: *Корректура писем Пушкина.* Форма 7. № 17; *ВЕ.* 1878. № 1. С. 44. В угловые скобки взяты фрагменты, замененные в публикации "Вестника Европы" на точки).

[10] Имеется в виду фрагмент письма Пушкина от 26 августа 1833 г., опубликованного в "Вестнике Европы" под № 26, в котором идет речь о С.А. Соболевском: "Соболевский здесь incognito прячется от заимодавцев, как настоящий gentleman, и скупает свои векселя. Дорогой вел он себя порядочно и довольно верно

исполнил условия, мною ему поднесенные, а именно: 1) платить прогоны пополам, не обсчитывая товарища. 2) Не п...... ни явным ни тайным образом, разве во сне и то ночью, а не после обеда" (*ВЕ.* 1878. № 1. С. 34). Правка в корректурных листах показывает, что Тургенев изначально заменил неудобное для печати слово на многоточие, а затем предложил полностью изъять фрагмент текста после слов "а именно", сопроводив изъятие пометой: "не выкинуть ли, заменив точками. И⟨ван⟩ Т⟨ургенев⟩". Кроме того, не было учтено исправление опечатки в слове "gentleman", отмеченной Тургеневым, и напечатано "gentlemen" (см.: *Корректура писем Пушкина.* Форма 5. № 12).

[11] По всей видимости, по первоначальному замыслу издание писем должно было быть снабжено подробным комментарием, в котором пояснялись бы упоминаемые лица и факты. Составление комментариев планировалось поручить П.А. Ефремову (ср. также письмо 4871 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2) или А.Н. Пыпину, однако этого сделано не было. По предположению Н.В. Измайлова, причиной стала спешка Стасюлевича, обусловленная "желанием именем Пушкина начать новый, 1878 год своего журнала" (*Измайлов Н.В.* Тургенев — издатель писем Пушкина к Н.Н. Пушкиной. С. 408).

[12] Русские войска взяли Адрианополь 8 (20) января 1878 г. без всякого сопротивления — город был оставлен турецкими войсками в результате быстрого продвижения русской армии. «Борьба на Востоке близится к концу, — сообщалось, например, в политическом обозрении "Голоса" 9 (21) января. — По известиям иностранных газет, турецким войскам, находившимся в Адрианополе, предписано очистить этот город. ⟨...⟩ Каковы бы ни были задние мысли, с которыми Порта решилась вывести свои войска из Адрианополя, очищение этого города, за которым, конечно, последует занятие его русскими войсками, является серьезною гарантией искреннего желания Турции кончить дело миром» (Голос. 1878. 9 января. № 9. С. 1). Перемирие было подписано 19 (31) января 1878 г. (см. примеч. 3 к письму 4934).

[13] Н.Н. Тургенев умер в 1881 г. Ложное известие о смерти дяди и дальнейшее опровержение этого известия Тургенев получил от своего брата Николая Сергеевича (см. письма 4916 и 4928).

4923. П.В. Шумахеру (с. 19)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 555. Оп. 1. № 77. Л. 19—19 об.

Впервые опубликовано: *Центрархив. Документы.* С. 88.

[1] Записка Шумахера до нас не дошла.

[2] См. письмо 4915 и примеч. к нему.

[3] Письмо Тургенева в издательство B. Behr's Buchhandlung (E. Bock) с предложением выпустить второе издание сборника

Шумахера "Моим землякам", включив в него новые стихотворения, а также ответ А. Блоха неизвестны, однако очевидно, что и на этот раз договориться с берлинским издательством не удалось (см. письмо 4948). Второй том сборника Шумахера вышел только в 1880 г.

[4] О пребывании Шумахера в московском доме Н.Х. Кетчера на Третьей Мещанской, служившем частым пристанищем для его друзей, см.: *Белов А.М.* Забытый поэт-сатирик // *ИВ.* 1910. № 2. С. 518—519; *Бельчиков Н.Ф.* Из быта литературных кружков 60—70-х годов // Литература и марксизм. 1928. № 3. С. 133—134.

4924. Я.П. Полонскому (с. 20)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Собр. *ОЛДП.* № Q250. Л. 156—157.

Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем.* С. 327—328.

Стр. 20. "Я видел, как самые прекрасные венки славы
Осквернялись на подлом челе..." (*нем.*).

[1] Это письмо Полонского неизвестно.

[2] Речь идет о письме для Э.С. Полторацкой, которая пыталась получить пенсию или пособие от казны. Тургенев посоветовал ей обратиться к А.Н. Мухортовой, брат которой Н.Н. Юханцев мог оказать содействие в обращении к императору. См. письмо 4899 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2.

[3] Тургенев намекает на статью А.М. Скабичевского "Николай Алексеевич Некрасов как человек, поэт и редактор", напечатанную в серии фельетонов "Мысли по поводу текущей литературы" в "Биржевых ведомостях" (1878. 6 января. № 6. С. 1—2) и вызвавшую острую полемику (на нее откликнулись Ф.М. Достоевский, В.П. Буренин и др.). Несмотря на то что Тургенев не выписывал "Биржевые ведомости", он мог ознакомиться со статьей Скабичевского через знакомых. Кроме того, от внимания писателя не могла ускользнуть пространная выдержка из этой статьи, приведенная "Новым временем" 7 (19) января в рубрике "Среди газет и журналов", где содержались очевидные намеки на его собственное творчество. Предваряя цитату из Скабичевского, обозреватель "Нового времени" саркастически замечал: «Еще на могиле Некрасова несколько молодых людей, возражая г. Достоевскому, подняли совершенно праздный вопрос, кто был выше — Некрасов или Пушкин и Лермонтов? На этот вопрос г. Скабический отвечает нам в "Биржевых ведомостях"». Далее следовал фрагмент, вызвавший негодование Тургенева: "Я, не колеблясь, вслед за вами, мои молодые друзья, готов повторить: да, он был выше их, — во-первых, потому, что они были поэтами исключительно только той среды, к которой

принадлежали, удовлетворяли вкусам и потребностям лишь одной этой среды и были совершенно чужды огромной массе народа, которую они не знали. ⟨...⟩ между тем как в поэзии Некрасова вы видите непосредственные мотивы современной жизни, относящиеся не к одной какой-либо группе людей, а ко всем слоям общества. Он выше своих предшественников тем, что те в своих произведениях находились под сильным влиянием разных западных литератур и никак не могли обойтись без того, чтобы не разыграть перед русской публикой ролей то Шиллера, то Шекспира, то Байрона, то Гёте, между тем как Некрасов является перед нами вполне самобытным и самородным, чисто русским талантом ⟨...⟩. Он выше наконец всех своих предшественников как ум, более политически-зрелый, сознательно и определенно направленный, сравнительно с шаткими, колеблющимися и исполненными всевозможных патриархальных традиций и предрассудков умами своих предшественников" (*Н Вр.* 1878. 7 января. № 668. С. 2). Не обошел вниманием статью Скабичевского и критик "Санкт-Петербургских ведомостей" Е.А. Белов, который в номере за 8 (20) января горячо поддержал указанную выше заметку "Нового времени", отметив, что "для г. Скабичевского, преемника Писарева, не существует преемственности идей, не существует органического развития", и сделал попытку последовательно опровергнуть все тезисы его статьи. Так, ставя под сомнение утверждение критика о самобытности поэзии Некрасова, Белов указывал, что "мотивы эти усердно возделывались европейскими литературами с двадцатых годов текущего столетия", преимущественно французской, указавшей "ему те болезненные стороны в общественном организме, которые затронула потом и его муза". Упрек в патриархальной традиции, по мнению Белова, свидетельствовал лишь о "невысокой степени политической зрелости самого г. Скабичевского" и т.д. (см.: *Белов Евг.* Литературная летопись // *СПб Вед.* 1878. 8 января. № 8. С. 3—4). Большая выдержка из этой заметки была приведена в "Новом времени" и, вероятно, также стала известна Тургеневу (см.: Среди газет и журналов // *Н Вр.* 1878. 9 января. № 670. С. 3). Возможно, в присланном Тургеневу письме Полонский рассказал и об обеде литераторов, на котором он произнес экспромт, обращаясь к портрету Некрасова: "Поэт и гражданин, он призван был учить / В лохмотьях нищеты живую душу видеть, / Самоотверженно страдающих любить / И равнодушных ненавидеть" (об этом сообщали также многие газеты; см., например: Русская газета. 1878. 11 января. № 7. С. 2).

[4] Неточная цитата из стихотворения Шиллера "Die Ideale" ("Идеалы", 1795). У Шиллера: "... heil'ge Kränze".

[5] Тургенев откликается на повесть Полонского "Нечаянно", начало которой (гл. I—XXIV) появилось в январском приложении к "Неделе". См. примеч. 2 к письму 4912. Повесть не была высоко оценена критикой. Так, Н.К. Михайловский охаракте-

ризовал ее как "водевиль, растянувшийся на много печатных листов", хотя отметил, что "сюжет мог бы дать материал и не для водевиля", особо выделив образ главного героя — Александра Васильевича Пулькина, который мог бы составить достойное продолжение образа Чичикова в "Мертвых душах" (*Н.М.* Литературные заметки // *ОЗ.* 1878. № 5. Отд. 2. С. 128, 147). См. также письмо 5007 и примеч. 9 к нему.

[6] Ожидания Тургенева не оправдались: он прибыл в Петербург лишь 27 июля (8 августа) — см. примеч. 4 к письму 4988.

[7] Победоносный штурм Плевны, Шипко-Шейновское окружение турецкой армии и стремительное движение русской армии к столице Турции, Стамбулу, привели к тому, что турецкое правительство запросило перемирия, которое и было подписано обеими сторонами 19 (31) января 1878 г. в Адрианополе.

[8] Приезд П.В. Анненкова в Париж был отложен и состоялся лишь 8 (20) мая 1878 г. См. примеч. 7 к письму 4912.

4925. Жюлю Этцелю (с. 21 и 256)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 263.

[1] Этцель, по-видимому, предлагал Тургеневу издать новый, 5-й сборник его рассказов в переводе на французский язык; сборник издан не был.

4926. Эмилю Дюрану (с. 22 и 256)

Печатается по рукописной копии И.Д. Гальперина-Каминского, предоставленной А. Звигильским. В копии письмо имеет проставленный переписчиком порядковый номер "XXII". Подлинник неизвестен.

Публикуется впервые.

[1] См. письмо 4910.

[2] О какой справке идет речь, установить не удалось.

[3] О несчастном случае с женой Э. Дюрана см. примеч. 3 к письму 4910.

4927. А.В. Топорову (с. 22)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 63. Л. 3.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 266—267.

[1] Речь идет о поручениях, с которыми Тургенев обратился к Топорову в предыдущем письме. См. письмо 4911, примеч. 3 и 6.

[2] Ноты романсов П. Виардо Тургенев отправил в магазин Иогансена через М.М. Стасюлевича. См. письмо 4932.

4928. Н.С. Тургеневу (с. 23)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 218—219. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 18/30 генвар. 78. С. Тургенево. 6-м днем".

Впервые опубликовано: с сокращениями — *Рус Ст.* 1885. № 12. С. 627—628; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 264—265.

Стр. 23. припев (*франц.*).

[1] Письмо Н.С. Тургенева неизвестно.

[2] Н.Н. Тургенев умер в 1881 г.

[3] На "подагрические язвы" Н.С. Тургенев жаловался еще в 1877 г. См. письма 4787 и 4888 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. См. также письмо 4916.

[4] Имеется в виду Т. Бильрот, который в апреле 1877 г. специально прибыл в Петербург для проведения операции Н.А. Некрасову по устранению кишечной непроходимости. О необходимости проведения этой операции, продлившей жизнь поэту, упомянул и Н.А. Белоголовый в помещенном в "Новом времени" отчете "Болезнь и последние дни жизни Н.А. Некрасова" (см. примеч. 9 к письму 4911).

[5] О публикации писем Пушкина к жене в "Вестнике Европы" и участии в ней Тургенева см. примеч. 8 к письму 4922, а также примеч. 2 к письму 4993. Переговоры с дочерью Пушкина Н.А. Меренберг по поводу издания писем поэта Тургенев начал еще в 1876 г. Редакция "Вестника Европы" приобрела не сами письма поэта, которые Н.А. Меренберг оценивала в крупную сумму, а лишь право на их издание за тысячу рублей. В январской книжке журнала были опубликованы 40 документов (39 по счету издателей, так как два письма были представлены как одно) — 13 писем Пушкина к невесте, одно письмо к ее матери, Н.И. Гончаровой, и 26 писем к жене.

[6] Муж дочери Пушкина, Марии Александровны, — генерал-майор Л.Н. Гартунг — был обвинен в похищении векселей и долговых обязательств своего подопечного В.К. Занфтлебена и после объявления приговора застрелился в здании суда, не признав себя виновным. Процесс по этому делу проходил в московском Окружном суде с 7 по 13 октября 1877 г. и широко освещался в печати, в частности в выписывавшейся Тургеневым газете "Московские ведомости" (см. "Дневник писателя" за 1877 г. Ф.М. Достоевского (октябрь, глава вторая): *Достоевский.* Т. 26. С. 45—50, а также коммент. А.И. Батюто на с. 376—378; см. также: *Валуев П.А.* Дневник. 1877—1884. Пг., 1919. С. 18—19 и 282).

4929. М.М. Антокольскому (с. 24)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 25. № 25. Л. 9.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 265.

Датируется предположительно по сопоставлению с письмом 4930.

[1] Очевидно, речь идет о Н.А. Герцен и французском художнике Александре Бида. Состоялось ли посещение мастерской Антокольского, неизвестно. Возможно, оно было перенесено (см. письмо 4930).

4930. М.М. Антокольскому (с. 24)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 25. № 25. Л. 8.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 265.

Датируется на основании двух фактов: 1) устав Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже был написан в середине января 1878 г. — см. об этом в письме Антокольского к И.Н. Крамскому от 16 (28) января 1878 г. (*Антокольский.* С. 351); 2) в понедельник 16 (28) января 1878 г. Тургенев обедал с Э. Гонкуром, А. Доде и Г. Флобером (см.: *Goncourt. Journal.* T. 2. P. 1221—1222).

[1] Имеется в виду обед, на котором присутствовали Тургенев, Э. де Гонкур, Г. Флобер, А. Доде и Э. Золя. Запись об этом обеде и состоявшихся разговорах, затронувших, в частности, тему интимных отношений мужчины и женщины, сохранилась в Дневнике Э. де Гонкура (см.: *Goncourt. Journal.* T. 2. P. 1221—1222).

[2] Проект устава Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже написал Антокольский, а отредактировал его и перевел на французский язык Тургенев (см. письма 4945, примеч. 1, и 5047).

4931. М.М. Стасюлевичу (с. 25)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 207. На подлиннике помета Стасюлевича: "21.I.78", дата получения письма.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 141.

[1] Тургенев намеревался выслать Стасюлевичу корректуру второй части писем Пушкина 7 (19) января 1878 г., чтобы успеть к публикации во втором номере "Вестника Европы", однако страховое письмо пришло в Петербург с запозданием и публикация была отложена до мартовской книжки (см. письма 4919 и 4936).

[2] Имеется в виду русская библиотека в Женеве. Возможно, она послужила основанием женевского книгохранилища социал-демократической литературы (см.: *Лепешинский П.Н.* На повороте. М., 1955. С. 223—225). Кто именно обратился к Тургеневу с просьбой, неизвестно. Стасюлевич ответил отказом на просьбу Тургенева (см. письмо 4944).

[3] Речь идет о публикации повести "Любушка" в мартовской книжке "Вестника Европы", о чем Тургенев известил А.Н. Луканину 19 (31) января (см. письмо 4933).

[4] Тургенев пишет о Е.И. Бларамберг и ее рассказе "Эмигрант", который был передан в редакцию "Вестника Европы" 18 декабря ст. ст. 1877 г. Стасюлевич не принял его к печати (см. письмо 4944 и примеч. 5 нему), и 1 февраля ст. ст. 1878 г. рукопись была возвращена автору (см.: *Каталог рукописей.* Л. 32). В начале 1879 г. Бларамберг вела переговоры о помещении "Эмигранта" в журнале "Слово", редактор которого Д.А. Коропчевский сначала согласился принять к печати рассказ при условии некоторых изменений, однако затем сообщил о невозможности его напечатания. 3 февраля ст. ст. он писал по этому поводу Бларамберг: "К величайшему сожалению, те необходимые изменения, о которых я Вам говорил, по требованию моих товарищей, оказываются настолько значительными, что их едва ли возможно сделать, не нарушая цельности и художественности рассказа. Предвидя, что Вы не согласитесь на них, я возвращаю Вам рукопись. / Я позволю себе прибавить, что литературное достоинство Вашего рассказа было оценено нами единогласно и что только крайняя щекотливость темы заставила некоторых из нас высказаться против помещения рассказа в его настоящем виде. Мы были бы очень счастливы, если бы Вы поняли наше решение в его настоящем смысле и позволили нам надеяться, что мы видим Ваши рукописи в нашей редакции не в последний раз" (см.: *ГЛМ.* Ф. 3. Оп. 1. № 72. Л. 3—3 об. На конверте запись неизвестной рукой: «Об "Эмигранте"» (Л. 4)). Дальнейшая судьба этого произведения неизвестна.

4932. М.М. Стасюлевичу (с. 26)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 208.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 141—142.

В подлиннике ошибка в дате: 8 декабря н. ст. 1877 г. соответствует 26 ноября ст. ст.

[1] Имеются в виду рукописи пяти романсов Полины Виардо, составившие сборник "Народные тосканские песни", которые Тургенев изначально предполагал передать в магазин А. Иогансена через посредство М.Г. Гинцбурга. См. примеч. 4—6 к письму 4911. Сборник вышел в Петербурге в 1878 г. (романсы про-

давались и по отдельности) и снискал положительные отзывы в печати. Так, обозреватель “Нового времени”, причисляя “знаменитую Виардо” к “русским композиторам”, писал: “В настоящее время у г. Иогансена вышло из печати несколько тосканских народных песен (Canti popolari toscani) с русским текстом, обязанных своему появлению г-же Виардо. Я не могу, однако, с точностью определить, кому принадлежит музыка этих песен. На обертке стоит имя г-жи Виардо и гармония, аккомпанемент носят на себе печать таланта этой замечательной художницы. Мелодии же, если они не заимствованы у кого-нибудь из итальянских композиторов (чисто народные песни в Италии встречаются только в некоторых провинциях неаполитанского королевства и никем не ценятся, как нечто грубое и неотесанное), представляют прекрасную подделку под общепринятый характер мелодий для такого текста, только без вульгарности большинства из них. Текст песен не народный и слово popolari надо понимать в смысле общедоступности; жантильность этого текста отнюдь не должно считать произведением народной музы” (*Иванов М.* Музыкальные наброски // *Н Вр.* 1878. 29 мая. № 807. С. 2). Тексты для романсов были взяты из третьего издания сборника Giuseppe Tigri “Canti popolari toscani” (Firenze, 1869); музыка же полностью принадлежала П. Виардо.

[2] Это письмо Тургенева неизвестно.

[3] Стасюлевич выполнил просьбу Тургенева, деньги в дальнейшем были ему пересланы Н.А. Щепкиным (см. письма 4936, 4943, 4944 и 4960).

[4] Речь идет о правительственном кризисе, продолжавшемся во Франции с мая 1877 г., когда в отставку ушел возглавлявший кабинет министров республиканец Ж. Симон и на его место Мак-Магоном был назначен герцог де Брольи. После роспуска Мак-Магоном Палаты депутатов, выразившей недоверие правительству, и выборов, состоявшихся в октябре 1877 г., большинство в Палате депутатов вновь получили республиканцы, 19 ноября н. ст. кабинет де Брольи подал в отставку, а 23 ноября н. ст. был утвержден новый состав кабинета министров, который возглавил Г. Рошбуэ, однако и он просуществовал недолго, не удовлетворив Палату депутатов, которая отказалась принимать бюджет. 7 декабря н. ст. газеты сообщили как о решенном деле, что в ближайшее время при посредстве Ж.-А. Дюфора будет сформирован новый кабинет министров, и даже был назван ряд фамилий предполагаемых будущих министров, а уже 8 декабря н. ст. стало известно о провале переговоров. См. примеч. 2 к письму 4845, примеч. 3 к письму 4856 и примеч. 4—6 к письму 4876 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2; *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 244, 245.

[5] О Плевне см. письмо 5093 и примеч. 3 к нему. Подобное сравнение встречается и в письмах 4916 и 5107.

[6] Вечером 13 декабря н. ст. Мак-Магон, опасаясь повторного роспуска Палаты депутатов, грозившего ему отставкой, подписал постановление об утверждении нового кабинета министров, который возглавил Ж.-А. Дюфор. Характеризуя события, которые разворачивались во Франции в декабре 1877 г., обозреватель "Отечественных записок" Ш.-Л. Шассен, например, писал: "Революция, которой ожидала страна с таким опасением и боязнью в ноябре, вспыхнула и разыгралась в декабре — бескровно и без выстрела. По своим результатам она важна тем, что фактически доказала, что, при существовании всеобщего голосования, все, что в прежнее время вызывало народные восстания, может, при известной степени зрелости нации, разрешаться путем мирной законности. Короче, Франция, в первый раз в течение своей исторической жизни, пережила революцию по английскому способу, при котором легальность победила произвол ⟨...⟩" (*Людовик.* Хроника парижской жизни // *ОЗ.* 1878. № 1. Отд.: "Современное обозрение". С. 27).

4933. А.Н. Луканиной (с. 27)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 4.
Впервые опубликовано: *Лит Арх*. Т. 4. С. 356.

[1] Имеется в виду повесть Луканиной "Любушка". См. письмо 4931. Письмо Стасюлевича, в котором сообщалось о принятии повести редакцией "Вестника Европы", не сохранилось.

[2] Речь идет о повести "Березай", переписку которой Луканина, согласно воспоминаниям, закончила 29 января н. ст., а на следующий день "по пути к Ивану Сергеевичу ⟨...⟩ зашла на почту и получила там записку, в которой он приглашал меня к себе" (*СВ.* 1887. № 2. С. 43). По всей видимости, настоящее письмо и было той запиской, которую получила Луканина. Однако в данном случае даты, указанные в воспоминаниях Луканиной, следует признать недостоверными, и ее визит к Тургеневу состоялся позже. См. также примеч. 1 к письму 4918. Судя по воспоминаниям, в день посещения Тургеневу нездоровилось, и Луканина оставила ему рукопись "Березая" на прочтение. Здесь же она упомянула о том, что намеревалась в качестве эпиграфа к повести взять "заключительные слова" романа "Новь" — "Безымянная Русь" и испросила на это разрешение Тургенева, прибавив: "...не позволите, — и я вычеркну..." (*СВ.* 1887. № 2. С. 44). Несмотря на то, что Тургенев ответил согласием, в "Вестнике Европы" "Березай" был опубликован с другим эпиграфом, одинаковым для первых двух повестей цикла "Старинные дела", в состав которого вошла эта повесть. Перечитав "Березая", Тургенев высказал ряд замечаний во время последующих встреч (по воспоминаниям Луканиной, три из них состоялись 12 февраля, 1 и 18 марта н. ст.), прежде всего в отношении архитектоники

повести, а также посоветовал попробовать писать не от первого лица, а "просто описательно" (Там же. С. 53), избегать использования разговорной речи (Там же. С. 53—54). Главный недостаток, по его мнению, заключался в том, что "рассказ несколько раз прерывается возвращениями к прежнему, старому — этого делать не следует, это утомляет читателя. Вы нигде этого не найдете, например, у Диккенса. Вот кто умеет забрать читателя в руки ⟨...⟩" (Там же. С. 46). По этой причине в дальнейшем Тургенев предложил отложить публикацию "Березая" и напечатать перед ним другую повесть, над которой в это время работала Луканина, — "Птичница". «Дело вот в чем, — отвечал Тургенев: "Любушка" произведет впечатление — второго вашего произведения будут ожидать, многие нарочно будут подкапываться, а в "Березае", я уже вам говорил, построение не хорошо. Что касается "Птичницы", то она в архитектурном отношении хороша, — а вам нужно, чтобы под вашу вторую вещь нельзя было подкопаться» (Там же. С. 48). Луканина последовала совету Тургенева — "Птичница" была опубликована в шестом номере "Вестника Европы", "Березай" — в седьмом.

[3] О желании поскорее узнать его мнение о повести "Любушка" Тургенев писал и самому П.В. Анненкову 21 января (2 февраля) 1878 г. (№ 4934). Анненков откликнулся только после выхода повести в "Вестнике Европы". См. письма 4955, примеч. 11, и 4993, примеч. 5.

4934. П.В. Анненкову (с. 27)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 4—5; конверт — л. 6. Почтовые штемпели: 1) 3 févr. 78, Paris; 2) 4 févr. 78, Bruxelles.

Впервые опубликовано: Печать и революция. 1922. Кн. 2. № 5. С. 95—96.

Стр. 28. "шовинист" (*франц.*).
Стр. 28. шедевр (*франц.*).

[1] В письме от 19 (31) января 1878 г. Анненков сообщал Тургеневу о том, что он отложил свой приезд в Париж из-за боязни простудиться в холодных номерах. См.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 75, а также примеч. 1 к письму 4922. Анненков прибыл в Париж лишь 8 (20) мая 1878 г.

[2] В упомянутом письме от 19 (31) января Анненков выражал сомнения в возможности быстрого заключения мира с Турцией, а также отмечал легковесность русской печати в освещении восточного вопроса и положения России. "Мы в Адрианополе, — откликался он на письмо Тургенева от 9 (21) января 1878 г. (№ 4922), — а мир, кажется, лопнул, да и в Константинополь нас, кажется, не пустят. Что же будем делать? В ту минуту, как пишу, английский

парламент, вероятно, дает деньги правительству, а правительство объявляет невозможными русские условия перемирия. Стало быть — что же? Придумать не могу, а страдание большое. Вот русские журналы не унывают, имея вообще легкие сердца. Англия нам наплевать — там Ирландия произведет революцию в нашу пользу! Австрия тоже наплевать — чехи там не позволят ей пошевелиться. Русский солдат не будет удовлетворен, пока не увидит креста на Софийской мечети. Все это напечатано" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 75).

[3] После подписания в Адрианополе 19 (31) января 1878 г. перемирия русские войска продвинулись вперед и заняли Сан-Стефано. Эти события вызвали враждебную реакцию Англии и Австро-Венгрии, опасавшихся усиления влияния России на Ближнем Востоке и ее выхода к Средиземному морю. Сходную позицию занимала Германия. Подписанный 19 февраля (3 марта) 1878 г. Сан-Стефанский мирный договор усилил недовольство названных держав. Так как русское правительство не могло идти на новый вооруженный конфликт, 18 (30) мая 1878 г. Россия была вынуждена подписать в Лондоне соглашение с Англией, в силу которого условия мира с Турцией были значительно смягчены.

[4] Пьеса "Женитьба Белугина" Н.Я. Соловьева была напечатана в "Отечественных записках" (1878. № 5) и впервые поставлена в Москве 26 декабря 1877 г. (7 января 1878 г.). Петербургская премьера состоялась 11 (23) января 1878 г. в Александринском театре в бенефис М.Г. Савиной. Является, как и ряд других произведений этого автора, пьесой, написанной совместно с А.Н. Островским. Как сообщал Островский одному из своих корреспондентов, московская премьера "прошла с огромным успехом", об успехе пьесы на петербургской сцене он писал самому Н.Я. Соловьеву 23 января ст. ст. (см.: *Островский А.Н.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 15: Письма 1873—1889. № 580, 583, 584). Анненков, ознакомившийся, очевидно, с хвалебной рецензией на московскую постановку пьесы в газете "Русские ведомости", заинтересовался ею и спрашивал Тургенева в указанном выше письме: "Какой-то драматический талант огромных размеров проявился у нас — Соловьев! Не знаете ли чего? Островский, в гроб сходя, его благословляет" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 75. В указанной статье обозреватель, опровергая сообщения петербургских газет о том, что два последних акта "Женитьбы Белугина" были написаны самим Островским, замечал: "Маститый драматург наш с любовью, искренно и так охотно отнесся к молодому писателю и опытною рукою мастера погладил кое-где пьесу, бросил в нее несколько, очевидно, своих метких, характерных и сильных выражений. ⟨...⟩ пьеса эта та самая, которая признана была лучшею на конкурсе Общества драматических писателей, и если не получила премии, то только благодаря крайне претенциозному условию конкурса, по

которому премия выдается не только за просто лучшую, из представленных, пьесу, но за лучшую *по своим безотносительным достоинствам*". См.: *Рус Вед.* 1878. 1 января. № 1. С. 3). К этому времени Тургенев мог ознакомиться, например, с рецензией на петербургскую постановку комедии, которая появилась в получавшемся им "Северном вестнике", где отмечались "сбивчивость, запутанность, непоследовательность в развитии идеи" пьесы, "незнание меры" автором, "неуменье распоряжаться красками, ведущее к грубому сгущению их", и другие недочеты. Вместе с тем в заключение автор рецензии утверждал: "...несмотря на все указанные мною недостатки пьесы, мимо нее никак нельзя пройти без внимания. Во-первых, она ⟨...⟩ задумана умно и далеко не ординарно ⟨...⟩; во-вторых, изображение характера самого Белугина (до 5-го действия), изображение ясное, последовательное, умное, и самый выбор этого характера и постановка его доказывают существующую в авторе несомненную, но требующую только самой серьезной, самой усиленной разработки способность художественного творчества в этом отношении; в-третьих, она написана вполне литературным, а в иных местах и типичным языком" (1878. 13 января. № 13. С. 1).

[5] Столкновение Л. Гамбетты с лидером бонапартистов Э. Руэром произошло на экстренном ночном заседании Палаты депутатов 20 января (1 февраля) 1878 г. по поводу проверки полномочий консервативных депутатов. Выступая против Руэра, Гамбетта критиковал политику бонапартистов в целом.

[6] О ком идет речь, не установлено.

[7] Речь идет, по всей видимости, о повести "Любушка" — первом произведении Луканиной, опубликованном в "Вестнике Европы" (1878. № 3). Об отзыве Анненкова см. письма 4955, примеч. 11, и 4993, примеч. 5. Не исключено, что имеется в виду и другая повесть — "Березай", рукопись которой была доставлена Луканиной Тургеневу накануне написания данного письма. О желании познакомить с ней Анненкова Тургенев писал и самой Луканиной 19 (21) января (см. письмо 4933). См. также примеч. 3 к письму 4918.

4935. Бетти Паоли (с. 29 и 256)

Печатается по фотокопии, предоставленной А. Звигильским. Подлинник хранится в частном собрании. Письмо было продано на аукционе в Отель Друо 22 марта 1994 г. (лот № 255).

Публикуется впервые.

[1] Письмо Паоли, на которое откликается Тургенев, неизвестно. Не исключено, что в нем она просила указать на драматические произведения писателя, которые, по его мнению, были наиболее пригодны для перевода на немецкий язык и постановки на театре, поскольку она занималась переделками

пьес (преимущественно французских) для венской сцены (см., например: *Ebner-Eschenbach. Marie v.* Betty Paoli // Neue Freie Presse. 1894. 22. Juli. № 10744. S. 3).

[2] Очевидно, Тургенев говорит здесь о "Провинциалке", опубликованной в журнале "Отечественные записки" в 1851 г. (№ 1), хотя она не была последним произведением писателя в драматическом роде. Так, в 1851 г. в альманахе "Комета" появилась сцена "Разговор на большой дороге", в том же году Тургенев работал над "Вечером в Сорренте", который не публиковался при его жизни, хотя и был завершен в январе 1852 г. Кроме того, в дальнейшем Тургенев неоднократно возвращался к своим пьесам, готовя их к публикации или постановке на сцене. Тем не менее в схожем духе он высказывался и в письмах к другим корреспондентам, например к Ю. Шмидту от 25 июля (6 августа) 1868 г., где назвал "Провинциалку" своей последней комедией, написанной в 1851 г., и прибавил: "С тех пор я избегал театра ⟨...⟩" (см.: наст. изд. Письма. Т. 9. № 2318). Сказанное, правда, не относилось к его опытам либреттиста, учитывая большое число либретто, написанных для П. Виардо. Значительная правка, содержащаяся в рукописях этого рода, свидетельствует о том, что писатель относился к своей музыкальной драматургии очень серьезно (см. статью А.А. Гозенпуда "И.С. Тургенев — музыкальный драматург" — наст. изд. Соч. Т. 12. С. 583—632).

[3] Несмотря на то, что Тургенев одно время связывал свою будущую литературную деятельность с театром, в дальнейшем он, как правило, довольно сдержанно высказывался о своих комедийных опытах. Так, готовя в 1868 г. к изданию сцены и комедии для седьмого тома собрания сочинений, писатель предпослал ему небольшое введение "Вместо предисловия", где отметил: "Не признавая в себе драматического таланта, я бы не уступил одним просьбам г-д издателей, желавших напечатать мои сочинения в возможной полноте, если б не думал, что пиесы мои, неудовлетворительные на сцене, могут представить некоторый интерес в чтении" (см.: наст. изд. Соч. Т. 2. С. 481). Вместе с тем, как справедливо отметил Л.П. Гроссман, неверие Тургенева в свои драматургические способности привело к тому, что в последующие годы, перерабатывая пьесы для публикации, он сознательно искажал свой театр, "систематически понижал театральность своих комедий, стремясь превратить их в пьесы для чтения" (см.: *Гроссман Л.* Театр Тургенева. Пб., 1924. С. 116, а также с. 44—46). Следует отметить, что мнение Тургенева о своих драматических опытах далеко не всегда разделялось как зрителями, так и режиссерами и актерами. Многие пьесы Тургенева до сих пор с успехом идут на столичной и провинциальной сцене.

[4] Тургенев выслал Паоли второй из двух сборников своих произведений в переводе на французский язык, вышедших под

общим заглавием "Scènes de la vie russe" ("Сцены из русской жизни") в издательстве Ашетт в 1858 г. В первый сборник вошли произведения в переводе Кс. Мармье, во второй — переводы, осуществленные самим Тургеневым совместно с Луи Виардо.

[5] Имеется в виду комедия в двух действиях "Нахлебник" (1848) — во французском переводе "Le Pain d'autrui", что соответствует русскому заглавию "Чужой хлеб", под которым она была впервые напечатана в "Современнике" в 1857 г. во второй редакции. Первая публикация пьесы, предназначавшаяся для мартовской книжки "Отечественных записок" 1849 г., была запрещена цензурой. По этой причине в 1849 г. не состоялась и ее театральная постановка. Цензурный запрет на публикацию и постановку "Нахлебника", возможно, вызвал у Тургенева желание напечатать его в переводе, о чем он впервые задумался тогда же, в 1849 г. (см.: наст. изд. Соч. Т. 2. С. 591—592; Письма. Т. 1. № 120 и примеч. 22 к нему), однако осуществилось это намерение лишь в 1858 г. в издании "Scènes de la vie russe", куда пьеса вошла в редакции "Современника". Впервые на сцене комедия была поставлена в 1862 г., но успеха не имела. О творческой истории пьесы см.: наст. изд. Соч. Т. 2. С. 584—603; *Оксман Ю.Г.* И.С. Тургенев: Исследования и материалы. Одесса, 1921. Вып. 1.

[6] Речь идет об одноактной комедии "Завтрак у предводителя", которая была написана Тургеневым в Куртавнеле летом 1849 г. Так же, как и "Нахлебник", она была запрещена цензурой к публикации и появилась в печати лишь в 1856 г., во второй редакции, в журнале "Современник" (№ 8). Первая редакция пьесы, однако, была еще в 1849 г. — после необходимых изменений и сокращений — допущена к постановке на сцене. 23 ноября ст. ст. премьера комедии состоялась в Москве, а 9 декабря — в Петербурге, где удостоилась весьма сочувственных откликов в печати; в дальнейшем "Завтрак у предводителя", вопреки утверждению Тургенева о несценичности пьесы, надолго вошел в репертуар петербургских и московских театров. См.: наст. изд. Соч. Т. 2. С. 625—634. Перевод комедии (в редакции "Современника") на французский язык был осуществлен Тургеневым совместно с Л. Виардо и впервые под заглавием "Le Partage" ("Раздел") опубликован в журнале "La Revue de Paris" в декабре 1857 г. (Vol. XL. P. 321—344; с указанием имени Л. Виардо в качестве единственного переводчика. См.: *Waddington/Montreynaud.* Item 9), хотя Тургенев задумался о ее переводе еще в 1849 г., о чем сообщал, например, Полине Виардо (см.: наст. изд. Письма. Т. 1. № 120 и примеч. 21 к нему). В 1858 г. французский перевод комедии был вместе с "Нахлебником" включен во второй сборник "Scènes de la vie russe". "Завтрак у предводителя" был высоко оценен Ю. Шмидтом в его статье "Iwan Turgenjeff", вышедшей в 1877 г. в журнале

"Westermanns illustrirte deutsche Monatshefte" (Bd. 43. № 1—2). Возможно, лестный отзыв критика, ознакомившегося с пьесой во французском переводе, побудил Л. Пича взяться за ее перевод, о чем он сообщал Тургеневу (см. письмо 5104). Однако к этому времени уже был готов другой (авторизованный Тургеневым) немецкий перевод комедии, выполненный К. фон Глюмер, который вышел в ноябре 1878 г. также в "Westermanns illustrirte deutsche Monatshefte" (Bd. 45).

[7] Схожую оценку Тургенев высказал в письме к В.А. Соллогубу от 3 (15) мая 1877 г., в котором прямо заявил о невозможности поставить "Завтрак у предводителя", например на французской сцене, а также в целом отрицательно отнесся к идее постановки во Франции любой из своих пьес. Тем не менее эту комедию, по всей видимости, достаточно высоко ставил Луи Виардо, который именно ее "отрекомендовал" для музыкально-литературных утренников Мари Дюма (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4569 и примеч. 1 и 2 к нему).

[8] Когда именно и при каких обстоятельствах завязалось знакомство Паоли и Тургенева, неизвестно. По всей видимости, Паоли была большой почитательницей творчества писателя. В сборник ее стихотворений "Neueste Gedichte" (Wien, 1870) вошел посвященный ему сонет "An Iwan Turgenieff", начинающийся следующими строками:

In Ehrsucht lass' mich diesen Gruß dir senden,
Du großer Meister, dem die Macht gegeben,
Den wirr verschlung'nen Knoten, *Menschenleben*,
Zu lösen mit den sichern, weisen Händen.

(*букв.*: В тщеславье шлю тебе этот привет, / Великий Мастер, которому дана власть / Запутанный клубок, *человеческую жизнь*, / Распутать своими уверенными, мудрыми руками. — *нем.*). В декабре н. ст. 1869 г. Паоли, по всей видимости, послала Тургеневу посвященное ему стихотворение (возможно, она выслала сам сборник, в который оно вошло), на что писатель откликнулся 17 декабря н. ст. благодарственным письмом. Текст письма и настоящее место хранения неизвестны. Сведения о нем приведены в "American Book-Prices Current" (1984). См.: *Waddington P.* Turgenev and Julian Schmidt: New or Neglected Material, with Some Omnium-Gatherum Turgenevianum and an Appendix. Pinehaven (New Zealand), 1998. P. 26. Личное знакомство Паоли и Тургенева состоялось, вероятно, в 1873 г. в Вене, где Тургенев остановился по пути в Карлсбад и был вынужден задержаться из-за травмы колена. В письме к П. Виардо от 11, 12 (23, 24) июня 1873 г. он упомянул о встрече с ней, которая, судя по всему, была запланированной: "М-ль Бетти Паоли совершенно такая, как вы сказали: не-вы-но-симая" (см.: наст. изд. Письма. Т. 12. № 3448).

4936. М.М. Стасюлевичу (с. 29)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. №209. На подлиннике помета Стасюлевича: "25.I.78", дата получения письма.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 142—143.

Стр. 30. если будет позволено; ирон.: с позволения сказать (*лат.*).

[1] Это письмо Стасюлевича неизвестно.

[2] Камердинером Тургенева в это время был Огюст (см. воспоминания А.Н. Луканиной: *СВ.* 1887. № 2. С. 45).

[3] Речь идет о второй части корректур писем Пушкина для февральской книжки "Вестника Европы", которые Тургенев обещал прислать в Петербург к 10 (22) января (см. письмо 4919, примеч. 2). Из-за задержки корректур в пути публикация писем Пушкина была отложена до марта. На работу почты Тургенев жаловался А.Н. Луканиной, которая записала в своем дневнике 12 февраля н. ст.: «...со мной всегда беды, как только я пошлю что-нибудь страховым письмом. Вот хоть бы вторую часть писем Пушкина. Я послал их страховым письмом, они пришли в Петербург в самом жалком виде, растрепанные и перевязанные веревочкой, пропутешествовав три недели, так что вместо того, чтобы появиться в февральском № "Вестника Европы", появятся только в мартовском» (*СВ.* 1887. № 2. С. 46). В тех же выражениях о задержке писем Тургенев сообщал и П.В. Анненкову 7 (19) февраля (см. письмо 4953).

[4] Тургенев имеет в виду фельетон В.П. Буренина "Литературные очерки", напечатанный в "Новом времени" 13 (25) января 1878 г., часть которого — с подзаголовком "Замечание блюстителя языка о переводе писем Пушкина" — была посвящена критике переводов французских текстов писем поэта к Н.Н. Гончаровой, помещенных в первом номере "Вестника Европы". Отметив "прелесть" языка Пушкина, критик продолжил: "Этот необыкновенный, чисто русский склад речи, которым владел только Пушкин и секрет которого он унес с собой в могилу, выступает в его письмах тем более рельефно, что в ряду с напечатанными *русскими* письмами великого поэта есть несколько (двенадцать) переведенных. Хотя перевод с французского подлинника принадлежит художнику языка, быть может, немного меньшему, чем Пушкин, но тем не менее в этом переводе встречаются некоторые галлицизмы, неприятно бьющие в ухо". Оговаривая далее, что не осмеливается сам "указывать эти галлицизмы в переводе знаменитого беллетриста, так как, раз сделав это, в прошлом году 〈...〉" навлек на себя "бурю негодования и со стороны г. Тургенева, и со стороны его обожателей", Буренин привел ряд замечаний из присланного ему письма одного из читателей. Возможно, этим читателем, кото-

рого Буренин называет "строгий блюститель русского языка", был В.В. Стасов, как в случае с "Легендой о св. Юлиане Милостивом", когда при составлении рецензии на перевод Тургенева Буренин воспроизвел практически дословно замечания, присланные ему Стасовым. См.: *Кузьмина Л.И.* К истории отношений И.С. Тургенева и В.В. Стасова // Русская литература 1870—1890 годов. Свердловск, 1973. С. 95—97. Среди перечисленных шероховатостей в переводе писем Пушкина к жене были отмечены, например, следующие: "Я *подпишусь* под всеми мотивами какие угодно", с пояснением: «буквальный перевод с франц.: "je souscrirai à tous les motifs" — не по-русски»; "Не смейтесь надо мною, *так как* я бешусь..." — "не по-русски"; «Единственное известие, дошедшее *в течение* трех месяцев (dans le courant de trois mois) — по-русски просто: "в целых три месяца"»; «"Вижу ясно, что мне нужно объясниться" (je vois clairement, que je dois m'expliquer) — фраза очень неловкая» и др. Завершил эту часть фельетона Буренин сожалением, что редакция "Вестника Европы" не напечатала французских подлинников рядом с переводом (*Н Вр.* 1878. 13 (25) января. № 674. С. 3). Между тем упреки критика были не вполне справедливы, поскольку Тургенев не являлся автором перевода, а лишь редактировал его, внеся значительное количество изменений. По наблюдению Н.В. Измайлова, именно на переводы пришлось наибольшее количество поправок в корректуре со стороны писателя (см.: *Т сб.* Вып. 5. С. 409).

[5] Тургенев вспоминает о полемике, которая завязалась между ним и В.П. Бурениным после выхода в "Вестнике Европы" (1877. № 4) выполненного писателем перевода легенды Флобера о св. Юлиане Милостивом. На страницах "Нового времени" Буренин в довольно резкой форме высказал ряд замечаний в отношении перевода, прежде всего в злоупотреблении галлицизмами, на что Тургенев откликнулся открытым письмом с протестом, которое было напечатано в газете "Наш век", спровоцировав появление новой, еще более ироничной ответной статьи критика (см.: письма 4694 и примеч. 4 и 5 к нему, 4699 и примеч. 5 к нему, а также: *Жекулин Н.* Тургенев — переводчик Флобера: "Легенда о св. Юлиане Милостивом" // Slavica Litteraria. 2012. № 1. S. 61—64).

[6] См. письмо 4932.

[7] Тургенев, вероятно, в этот же день обратился к Н.А. Щепкину с просьбой выслать необходимую сумму (письмо не сохранилось), о ее получении Стасюлевич извещал писателя 27 января (8 февраля) 1878 г. (см. письма 4943, 4944 и 4960).

[8] Из-за болезни А.В. Топорова, к посредству которого Тургенев прибегал ранее при оформлении подписки на русские газеты и журналы, в 1877 г. с этой просьбой он обратился к Стасюлевичу (см. письмо 4901 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2).

[9] Речь идет о повести Луканиной "Любушка", предназначенной в мартовскую книжку "Вестника Европы". Стасюлевич выполнил просьбу Тургенева (ср. письмо 4955).

[10] Корректура "Любушки" была получена 31 января (12 февраля) или в один из последующих дней, о чем Тургенев известил А.Н. Луканину телеграммой (не сохранилась). Писатель помог Луканиной в просмотре корректуры и отправил ее в Петербург, очевидно, 3 (15) февраля. См.: *СВ.* 1887. № 2. С. 47, а также письмо 4951.

[11] В действительности Тургенев приехал в Россию только 27 июля (8 августа) 1878 г. (см. примеч. 4 к письму 4988).

[12] Имеется в виду повесть "Березай" (см. письмо 4933, примеч. 2). О намерении самолично отвезти рукопись в Петербург писатель сообщал и самой А.Н. Луканиной (см.: *СВ.* 1887. № 2. С. 48), однако из-за постоянного переноса Тургеневым сроков поездки в Россию оно не было исполнено, и повесть была выслана самой Луканиной по почте 8 (20) апреля 1878 г. (см. письмо Луканиной к М.М. Стасюлевичу, датированное этим числом: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. № 830. Л. 3, а также письма 4963, примеч. 4, 4995 и 5010). Опубликован "Березай" был в июльской книжке журнала за 1878 г. (С. 48—117; подпись: "А. Л."), войдя в цикл "Старинные дела. Рассказы и воспоминания" под № 2.

[13] Статья о Пушкине не была написана Тургеневым. Возможно, ее замысел был осуществлен в его речи по поводу открытия памятника Пушкину в Москве (*ВЕ.* 1880. № 7; см. также: наст. изд. Соч. Т. 12).

4937. Е.С. Рахмановой (с. 31)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 187. № 66. Л. 4—4 об.

Впервые опубликовано С.Я. Гессеном: Каторга и ссылка. 1931. № 4. С. 194—195.

[1] Сын Рахмановой от второго брака, М.Н. Кочубей.

[2] По предположению первого публикатора письма, здесь говорится о Софии Николаевне Муравьевой.

[3] Какую именно фотографию имеет в виду Тургенев, установить трудно. В течение 1878 г. нескольким корреспондентам он послал свою фотографию работы Леже и Бержерона, снятую 26 марта н. ст. 1868 г. Фотографию этого парижского ателье он послал, например, 1 (13) марта — Б.А. Чивилеву (см. письмо 4976), 15 (27 мая) — М. Линен (см. письмо 5033), а 26 мая (7 июня), по всей видимости, О.К. Гижицкой (см. письмо 5041), хотя считал ее неудачной. Вероятнее всего поэтому, что Рахмановой была выслана еще более ранняя фотография, например одна из фотографий работы Э. Каржа 1865 г., которую Тургенев находил похожей (см. о них: *Waddington P.* A Catalogue of Portraits of Ivan Sergeyevich Turgenev (1818—83). Pinehaven (New Zealand), 1999. P. 16—17).

[4] Приезд Тургенева в Россию был отложен и состоялся лишь 27 июля (8 августа) 1878 г. См. примеч. 4 к письму 4988.

[5] Речь идет о заключенном 19 (31) января 1878 г. перемирии между Россией и Турцией.

[6] Имеется в виду одна из учениц П. Виардо, знакомая Е.С. Рахмановой — Любовь Ивановна Челюсткина, певшая под псевдонимом Альбини. Ей посвящен романс П. Виардо "Бедняжка я!" ("Povera me"), вышедший в 1878 г. в составе "Народных тосканских песен" (на первой странице романса посвящение: "à Mlle Aimée Albini / Г-же А. Альбини"). Имя Альбини встречается два года спустя в письме Тургенева к П. Виардо из Петербурга: "Знаете, кто вчера зашел меня навестить? Толстушка Альбини. Она все та же, полна решимости, забавна и добродушна. Получила ангажемент в *итальянскую* оперу Гельсингфорса (в Финляндии) и, будучи там звездой, могущей петь все подходящие партии, очень этим довольна. Она еще вернется в Гельсингфорс — затем оттуда поедет в Лондон — чтобы немного прощупать почву, а оттуда в Париж и в Буживаль ⟨...⟩" (*Lettres inéd.* P. 226. Письмо от 15 (27) февраля 1880 г. См. также: наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1). Позднее Челюсткина вместе с Л. А. и В.А. Поджио "открыли во Флоренции пансион (впоследствии и в Риме)", ставший известным как "Пансион Альбини", в нем останавливались в том числе и многие известные русские музыканты, живописцы и писатели, бывала там и Е.С. Рахманова. По воспоминаниям С.М. Волконского, «высокая, огромная, с седыми стрижеными волосами, la signora Albini известна всей Флоренции. Она похожа на гренадера в юбке, но в гостиной висит ее портрет в костюме пажа из "Гугенотов". Мой приятель ⟨...⟩ говорит, что в память своих прежних лавров она всегда носит под юбками трико... Мой отец (М.С. Волконский. — *Ред.*) называл Любовь Ивановну Амора Ивановна» (*Волконский С.М.* Мои воспоминания: В 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 216).

[7] Речь идет об имении Рахмановой в Вейсбаховке Прилукского уезда Черниговской губернии (ныне с. Белоречица), где в 1870—1880-е гг. был создан архитектурный ансамбль в "русском стиле", в который входили возведенные по проекту архитектора и мастера художественной керамики А.Ю. Ягна флигель для гостей (1878), усадебный дворец (1886) и другие постройки. Товарищу Ягна по учебе в Москве и Риме, художнику В.М. Соколову, принадлежали росписи внутри зданий. Кроме того, в имении Рахмановой были озеро, два пруда с искусственными островами, фруктовые сады и др. Навестивший Е.С. Рахманову в Вейсбаховке в 1908 г. О.И. Пантюхов вспоминал: «Как хорошо было ехать бесконечными полями верст двадцать от станции и как радушно нас встретили гостеприимные хозяева. Какой красивый огромный дом в "русском стиле" и все как будто в сказке, — так уютно и не по шаблону. Идешь в этом красивом

поместье и не знаешь — какие сюрпризы тебя ожидают впереди. Во-первых, — церковь многоглавая и художественная роспись внутри. Талантливый художник Соколов был приглашен для этой работы, но, закончив ее, он здесь и остался жить навсегда» (*Пантюхов О.* О днях былых: Семейная хроника Пантюховых. [Франкфурт-на-Майне], 1969. С. 198).

4938. Н.С. Тургеневу (с. 32)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 220—221. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 1/13 февр. 78. С. Тургенево".

Впервые опубликовано: с сокращениями — *Рус Ст.* 1885. № 12. С. 628—629; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 271.

Стр. 32. шедевр (*франц.*).
Стр. 32. что вы не останетесь в убытке (*франц.*).

[1] О картине Э.-Т. Бланшара см.: наст. изд. Письма. Т. 11. № 3163, примеч. 3, а также письмо 4911, примеч. 3.

[2] Тургенев ошибся: картина Бланшара "Куртизанка" получила медаль на парижском Салоне 1872 г. См. примеч. 3 к письму 4911.

[3] Н.С. Тургенев отказался принять картину (см. письмо 4958). Тургеневу удалось ее продать лишь в ноябре 1878 г. (см. письмо 5165).

4939. Н.А. Щепкину (с. 33)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 97. Л. 10—11. На письме в левом верхнем углу помета Н.А. Щепкина: "1878 г. Получено 2-го февраля".

Впервые опубликовано: *Рус Ст.* 1916. № 12. С. 412—413.

[1] Это письмо Щепкина неизвестно.

[2] Кадное Ефремовского уезда Тульской губернии — ныне с. Кадное Каменского района Тульской области. Земля в Кадном досталось Тургеневу по разделу с братом Николаем (Орловские губернские ведомости. 1855. 17 сентября. № 38. Арх. Л. 633). В XVIII—XIX вв. Кадное делилось на Кадное Большое и Кадное Меньшое. По межеванию, проведенному 21 августа 1778 г., последнее частично принадлежало Лутовиновым: "Кадное меньшее, сельцо, бригадирши Мавры Ивановны Лутовиновой с прочими" (*РГАДА.* Ф. 1354. Оп. 540. Ч. I. Д. 1296. Л. 25 об.). В конце 1770-х гг. земля Лутовиновых в сельце Кадном Большом либо еще не была размежевана, либо была куплена позже, так как в документах Генерального межевания за ними не числится. В 1862 г. 1-я и 4-я части сельца Кадного Меньшого являлись вла-

дением И.С. Тургенева (Там же. Ч. II. Д. 1297. Л. 52 об.). По данным 1863 г. в сельце Кадном Большом Тургеневу также принадлежала часть земли: "Кадного большого сельца 18 участка, влад. коллежского секретаря Ивана Сергеева Тургенева" (Там же. Л. 52). Сообщено Е.Н. Ашихминой.

[3] Имение Холодово Кромского уезда Орловской губернии (ныне Кромского района Орловской области) перешло к Тургеневым по линии Лавровых. Во второй половине XVIII в. Холодовым владела прабабка Тургенева П.Б. Лаврова: "Холодово, сельцо генеральши Прасковьи Богдановны Лавровой с прочими" (Межевание 7 сентября 1778 года. Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Кромской уезд. Ч. I. // *РГАДА*. Ф. 1354. Оп. 317/1. Д. 985. Л. 23). Далее д. Холодово перешла к дочери П.Б. Лавровой — Екатерине Ивановне Лутовиновой. В сельце Холодове прошло детство В.П. Тургеневой, матери писателя. Холодово досталось И.С. Тургеневу после ее смерти по разделу с братом Николаем (Орловские губернские ведомости. 1855. 17 сентября. № 38. Арх. Л. 633). Сообщено Е.Н. Ашихминой.

[4] Речь идет о расторжении договоров с С.И. Волновым, арендовавшим Кадное (за 3500 руб.) и Холодово (за 600 руб.), и о подыскании нового арендатора. Впоследствии против Волнова было возбуждено судебное дело о взыскании с него по суду невыплаченных арендных денег (см. об этом письма к Н.А. Щепкину, написанные в мае, октябре — ноябре 1878 г.).

[5] Имеется в виду бывший воспитанник спасской школы Никита Гарасичев, в судьбе которого Тургенев принимал большое участие. См.: *Богданова Л.А.* Никита Гарасичев — ученик школы, основанной И.С. Тургеневым в Спасском // Спасский вестник. Тула, 1992. Вып. 1. С. 69—72. См. также письмо 5036.

[6] Это письмо А.Д. Гинтер к Тургеневу неизвестно.

[7] Впервые Гинтер обратилась к Тургеневу с просьбой о вспомоществовании или месте приказчика для мужа в январе 1877 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4588).

4940. Б.А. Чивилеву (с. 34)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 66. Л. 13; конверт — л. 14. Почтовый штемпель: 8 fév. 78, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 273.

Год написания письма устанавливается по почтовому штемпелю.

Стр. 34. не стоит и выеденного яйца (*франц.*).

[1] Письмо Чивилева к Тургеневу, из которого приведена цитата, неизвестно.

[2] По-видимому, речь идет о небрежном отношении Антокольского к урокам французского языка, которые ему давал Чивилев по рекомендации Тургенева (см. письма 4904 и 4906 — наст. изд. Письма. Т. 15 Кн. 2).

4941. Н.В. Ханыкову (с. 35)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 64. Л. 64.

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения. 1901. № 12. С. 319.

[1] Тургенев, по всей вероятности, посылал недавно полученные от П.В. Шумахера его новые стихотворения, среди которых были "Русская песнь" и "Бывало" (см. письма 4915 и 4923).

[2] Тургенев переслал Ханыкову "Северный вестник" от 24 января (5 февраля) 1878 г. (№ 24), в котором было перепечатано из "Русского обозрения" (1878. № 3, 4) письмо к редактору бывшего прокурора оренбургской судебной палаты Н.Н. Павлова-Сильванского о его попытках воспротивиться бесчеловечному обращению в Оренбургском крае с крестьянами, арестантами и каторжными. Эта попытка кончилась отстранением Павлова-Сильванского от должности.

[3] Имеется в виду очередной "вторник" Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже.

4942. П.Л. Лаврову (с. 35)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 3. № 26. Л. 36.

Впервые опубликовано: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 38.

В подлиннике ошибка в дате, исправляется по дню недели.

[1] О чем идет речь — не установлено.

[2] Имеется в виду организация литературно-музыкальных концертов, доходы от которых должны были идти в пользу бедствующих русских эмигрантов. Так, в письме, предположительно датированном П. Уоддингтоном 17 ноября н. ст. 1877 г., Лавров сообщал Тургеневу: "Я Вам говорил последний раз, что к Вам собираются приехать члены комитета кассы, основание которой положили Вы, чтобы поговорить о музыкальном вечере в пользу кассы" (см.: *N Z Sl J.* 1985. P. 79). Один из подобных концертов, организация которого затянулась с февраля по середину мая, состоялся 13 (25) мая 1878 г. См. последующие письма к Лаврову за март — май 1878 г. в наст. томе.

4943. Н.А. Щепкину (с. 36)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 37.
Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 275.

[1] Это письмо М.М. Стасюлевича неизвестно. Деньги, предназначавшиеся на издание сборника романсов П. Виардо "Народные тосканские песни", были получены им 27 января (8 февраля) 1878 г., однако Тургенев узнал об этом, по всей видимости, лишь после отправки данного письма (см. письмо 4944).

4944. М.М. Стасюлевичу (с. 36)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 210.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 143—144.

Стр. 37. например (*лат.*).
Стр. 37. впрочем, полагаю (*лат.*).

[1] Это письмо Стасюлевича неизвестно.
[2] Имеются в виду цензурные затруднения. Февральская книжка "Вестника Европы" прошла беспрепятственно.
[3] Речь идет о некрологе Некрасова, написанном Стасюлевичем (*ВЕ.* 1878. № 2. С. 906—915; подпись: "М. С."). Определяя "литературный характер поэта", Стасюлевич относил его творчество к «так называемой "просвещающей" литературе», основная заслуга которой состоит не в открытии нового, а в пробуждении гражданской совести. «Только по своей внешней форме она (т.е. Муза Некрасова. — *Ред.*) была "Музою мести и печали", — заключал он, — ⟨...⟩ но не "месть и печаль" были ее конечною целью; не к народу она обращалась, который, конечно, о ней и понятия не имел; эта Муза могла и не встречаться вовсе с народом, в кабинете поэта; оба они жили с тем же обществом, которое мы видим повсюду на наших городских улицах, площадях; но она будила совесть этого общества; благодаря таланту поэта она успевала проникать глубоко в душу даже тех, кого подчас корила и кто сам был причастен делам века ⟨...⟩» (С. 908—909). Далее Стасюлевич указывал на "Записки охотника" Тургенева в качестве другого "блестящего" примера «силы "просвещающей" поэзии, хотя и не в форме стиха». "Они писаны также *ради* народа, — утверждал он, — и также никогда не были читаны народом; но есть эпохи, когда великий художник действует могущественнее, чем целые трактаты, направленные, в настоящем случае например, против крепостного права; великий художник вносит свет в общественную совесть и подготовляет почву, прежде нежели наступит пора бросить в нее новое семя" (С. 909). Отзыв Тургенева о некрологе см. в письме 4951.

[4] См. письмо 4936, примеч. 9, а таже письмо 4955.

[5] Речь идет об отказе Стасюлевича напечатать в "Вестнике Европы" рассказ Бларамберг "Эмигрант" (см. примеч. 4 к письму 4931).

[6] Письма из магазина Иогансена к Тургеневу по поводу издания сборника романсов П. Виардо "Народные тосканские песни" неизвестны. Тургенев прибегнул к помощи Стасюлевича для передачи рукописей романсов в магазин (см. письмо 4911, примеч. 6, а также письмо 4932).

[7] См. письма 4936 и 4943. Н.А. Щепкин вовремя выслал деньги Стасюлевичу, о чем последний известил Тургенева в письме от 27 января (8 февраля), полученном писателем в день написания данного письма (см. второй постскриптум к настоящему письму).

[8] Статья о Пушкине не была написана Тургеневым. См. примеч. 13 к письму 4936.

[9] Имеется в виду статья В.П. Буренина "Литературные очерки", опубликованная в "Новом времени" (1878. 20 января. № 681. С. 2—3); большая часть ее была посвящена полемике со статьей А.М. Скабичевского, вышедшей в "Биржевых ведомостях" (1878. 6 января. № 6. С. 1—2), и имела следующий подзаголовок: «Эхо и голос в журналистике. Примеры журнального эха и голоса в суждениях г. Скабичевского о Некрасове и суждение г. Достоевского. Рутинные и малоосмысленные тирады о Некрасове и мнение о нем "молодых друзей". Слова "Дня" о Пушкине и значении некрасовской поэзии». Признавая в Некрасове "лучшего и своеобразнейшего из современных наших поэтов", Буренин упрекал авторов тех статей, которые подхватили прозвучавшие над могилой поэта слова о том, что "он занимает первейшее место среди всех наших поэтов, стоит выше Пушкина", за отсутствие критического анализа и поддерживал "столь же глубокую, сколько верную" оценку личности и поэзии Некрасова, высказанную Ф.М. Достоевским в декабрьском номере "Дневника писателя" за 1877 г. (цензурное разрешение 15 января ст. ст. 1878 г.). Буренин обвинил Скабичевского в том, что он "особенно отличался по части рутинного либеральничанья и подольщения к молодому поколению по поводу смерти г. Некрасова"(*Н Вр.* 1878. 20 января. № 681. С. 2). Подробно изложив положения Достоевского, а также высказав свои замечания в адрес Скабичевского, критик заключал: «Если "молодые друзья" г. Скабичевского желают понять их любимого поэта как следует (да, кстати, уж и Пушкина тоже, потому что без настоящего понимания поэзии Пушкина невозможно и настоящее понимание поэзии Некрасова), пусть они вдумаются в слова г. Достоевского. Эти слова — честный и искренний голос сердца, столь же глубоко патриотического, столь же глубоко наболевшего страданиями "оскорбленных, терпящих, униженных и

простодушных", как и сердце Некрасова, а не рутинные фразы либеральной лести, вроде фраз г. Скабичевского. Только таким любящим народ сердцем и можно постигнуть настоящую суть поэзии Некрасова и отличить в этой поэзии то, что действительно составляет ее великую сущность, ее плодотворное зерно, от наносной шелухи, которой в стихотворениях покойного найдется немало. К сожалению, склонность к либерально-рутинному фразерству заставляет нередко и "молодых друзей" и льстящих им рецензентов восхищаться в поэзии усопшего поэта именно ее шелухой; мало того — даже рекомендовать эту шелуху в качестве полезной пищи для народного развития!..» (Там же. С. 3). См. также примеч. 3 к письму 4924.

[10] Очевидно, Тургенев намекает на предположения, которые высказывались в русской и иностранной прессе, о том, что "русские, так или иначе, будут в Константинополе". Особенно настойчиво этот вопрос поднимался английскими газетами, в которых несколько раз сообщалось о вступлении русских войск в Константинополь как о свершившемся факте. «В некоторых иностранных газетах сообщаются неизвестно откуда почерпнутые слухи, — замечал, например, политический обозреватель "Недели", — что если война с турками возобновится, то русские войдут в Константинополь как враги; если же мир будет заключен, то они вступят в турецкую столицу как друзья и отправятся через Босфор в Россию» (Неделя. 1878. 29 января. № 5. Стб. 154).

[11] Тургенев говорит об успешном переходе русской армии через Балканы в суровых зимних условиях, что считалось практически невозможным, и последующей победе у Шипки-Шейново, откуда открывалась прямая дорога на Константинополь, к взятию которого призывали многие русские газеты.

[12] Усеченное выражение, приписываемое Катону Старшему. См. примеч. 12 к письму 4645 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2.

[13] См. письмо 4931, примеч. 2.

[14] Это письмо Стасюлевича неизвестно.

[15] В ответ на произведенное по распоряжению петербургского градоначальника генерал-адъютанта Ф.Ф. Трепова телесное наказание находившегося в Доме предварительного заключения революционера Боголюбова (настоящее имя — А.П. Емельянов) В.И. Засулич 24 января (5 февраля) 1878 г. совершила покушение на жизнь Трепова. Приговором суда присяжных заседателей В.И. Засулич была 31 марта (12 апреля) 1878 г. оправдана. Процесс этот вызвал большой резонанс в России и за границей. См. также примеч. 8 к письму 4953.

[16] См. примеч. 2 к письму 4941.

4945. Н.Д. Дмитриеву-Оренбургскому (с. 38)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 539. № 18. Л. 8.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 276.

Датируется временем написания устава Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже.

[1] Устав Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже был выработан в декабре 1877 г. — январе 1878 г. (см. письмо М.М. Антокольского В.В. Стасову от начала января 1878 г.: *Антокольский.* С. 354; см. также письмо 5047, примеч. 2 к письму 4922, примеч. 2 к письму 4930). Спешка в составлении и распространении текста устава была, вероятно, обусловлена подозрениями в политической неблагонадежности, которые навлекло на себя учреждение Общества. Об этом, в частности, упоминает М.М. Антокольский в письме к И.Н. Крамскому от 16 (28) января 1878 г., когда текст устава был уже готов: "Конечно, нам не совсем легко удалось все это состряпать. / Начались интриги, доносы вроде того, что мы, мол, хотим под видом благотворительности пропагандировать социализм и т.д., но все это уничтожено было, когда ясно был выработан устав. С этим уставом мы обратимся к каждому, кому дорого русское искусство и цивилизация вообще ⟨...⟩ я надеюсь, что всякий честный человек и в особенности художник — отнесется к этому сочувственно. Только одни злые чиновники могут на нас сердиться, хотя бы для того только, чтобы выслужиться, как усердные и тупые рабы" (*Антокольский.* С. 351—352). Рукописный текст устава хранится в архиве Русской общественной библиотеки им. И.С. Тургенева в Париже.

[2] Князь Н.А. Орлов, русский посол в Париже, был президентом Общества.

[3] О составе комитета Общества писал в своих воспоминаниях об А.П. Боголюбове В.В. Матэ: "...под высочайшим покровительством образовался этот симпатичный кружок, основателями и главными деятелями которого явились: как президент посол князь Орлов и как представитель Комитета, генеральный консул Кумани (посол в Персии) ⟨...⟩ В должность казначея был выбран барон Г.О. Гинцбург, а секретарем И.С. Тургенев" (*ГРМ. ОР.* Ф. 14. № 78. Л. 2). В упомянутом выше письме к В.В. Стасову М.М. Антокольский, перечисляя тех, кто был избран в члены комитета, называет также А.П. Боголюбова, Н.В. Ханыкова и себя (*Антокольский.* С. 354).

4946. А.Н. Луканиной (с. 38)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 6; конверт — л. 8. Почтовые штемпели: 1) 13 févr. 78, R. Milton, Paris; 2) 13 févr. 78, R. Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 276.

Год написания письма устанавливается по почтовому штемпелю на конверте.

[1] В своих воспоминаниях Луканина упоминает о том, что по договоренности с Тургеневым должна была прийти к нему 14 февраля н. ст. для просмотра повести "Березай" (*СВ.* 1887. № 2. С. 47).

4947. Эштону Дилку (с. 39 и 257)

Печатается по фотокопии, предоставленной П. Уоддингтоном. Подлинник хранится в Churchill College (Кембридж, Великобритания).

Впервые опубликовано во французском оригинале П. Уоддингтоном: *N Z Sl J.* 1977. № 1. P. 54.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Письмо Тургенева является ответом на письмо Э. Дилка от 9 февраля н. ст. 1878 г., хранящееся в *Bibl Nat*, в котором он писал: «Чувствуя этой зимой себя лучше и будучи способным выполнить какую-либо легкую и приятную работу, я занялся переводом "Нови", экземпляр которой вы были так добры подарить мне, когда я был проездом в Париже и имел удовольствие видеться с вами. Мой друг Скайлер также некоторое время работал над переводом в Константинополе; но после непродолжительной переписки отказался от своего намерения и попросил меня продолжить мою работу. Теперь эта работа, которая одновременно была для меня большим удовольствием, почти завершена, и я прошу вашего позволения напечатать ее. Я говорил об этом с лондонским издателем Макмилланом, и мы пришли к выводу, что в Лондоне найдется немало образованной публики, чтобы оценить ваши труды и упрочить успех: мы даже удивились, что до сих пор не появилось ни одного перевода» (*Bibl Nat. NAF.* № 16275. F. 118—119. Подлинник по-франц.). По предположению П. Уоддингтона, встреча с Тургеневым, о которой упоминает Дилк, состоялась в первой половине ноября 1877 г. в Париже, где Дилк находился проездом по пути в Алжир, куда направлялся, чтобы поправить здоровье. Тогда, по всей видимости, Тургенев и передал Дилку печатный экземпляр романа на русском языке (см.: *Waddington P.* Turgenev and the Translator of "Virgin Soil" // *N Z Sl J.* 1977. № 1. P. 52). "Новь" в переводе

Э. Дилка вышла в Лондоне в том же 1878 г. отдельным изданием (см. об этом: наст. изд. Соч. Т. 9. С. 541—542).

[2] Говоря о сложностях, Тургенев имел в виду ухудшение отношений между Россией и Англией в связи с русско-турецкой войной, которая, с его точки зрения, должна была привести к военному конфликту между Англией и Россией (см. письмо 4991). Обращаясь к Тургеневу за согласием на публикацию перевода "Нови", Дилк уже получил предварительный положительный ответ от издателя (письмо не сохранилось), в письме к которому от 21 января н. ст. 1878 г. рекомендовал роман следующим образом: «Будучи принужден провести здесь (в Алжире. — *Ред.*) еще одну зиму, но чувствуя в себе силы, чтобы выполнить небольшую легкую работу, я занялся переводом последнего романа Тургенева — "Новь" (Название романа в тексте письма транслитерировано. — *Ред.*), или "Virgin Soil". Он был опубликован около года назад и вызвал настоящую бурю в России, и, зная, что у Тургенева множество поклонников в Англии, я был удивлен, что до сих пор не появилось еще ни одного перевода. Один перевод был опубликован в Нью-Йорке, но он взят из вторых рук, с французского перевода, и выполнен плохо, как я полагаю, и, кажется, не добрался до Англии. Скайлер переводил роман, но, узнав, что и я занят этим, а также имея другие планы, прекратил работу» (British Library. MSS Add. 55255. F. 54—55; цит. по: *Waddington P.* Turgenev and the Translator of "Virgin Soil". P. 52. Подлинник по-англ.). "Я не склонен быть слишком уверенным в том, что касается книг, — добавлял далее Дилк, — но полагаю, что имя Тургенева теперь достаточно хорошо известно, чтобы обеспечить этому произведению, которое является одним из лучших его романов, некоторые продажи, возможно не огромные, но достаточные, чтобы избежать потерь". Что касается условий оплаты, а также формата будущего издания, то Дилк предоставлял Макмиллану полную свободу. В том же письме Дилк сообщал, что за два месяца работы над переводом он подготовил уже две трети романа и ему требовалось еще около двух месяцев, чтобы завершить перевод полностью. Единственный вопрос, который его беспокоил, был вопрос о соблюдении авторских прав. "Об авторском праве я знаю мало, — замечал он в том же письме. — Я хорошо знаю Тургенева и перевожу с книги, экземпляр которой он мне подарил, но еще не сообщал ему о том, чем занят. Каковы здесь приличия? Стоит ли мне с ним связаться напрямую или через Вас?". Получив благоприятный ответ от издателя, 9 февраля н. ст. Дилк обратился к Тургеневу с указанным выше письмом (Ibid. P. 52—53).

[3] В своем письме Дилк сообщал о том, что его жена родила несколько дней назад второго сына — Клемента Уэнтворта.

[4] В Петербурге Тургенев был в июле — августе 1878 г.

4948. П.В. Шумахеру (с. 39)

Печатается по тексту первой публикации: *Центрархив. Документы.* С. 89. Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо от книгоиздательской фирмы Бера неизвестно.

[2] Речь идет о предложении повременить с изданием второго сборника Шумахера "Моим землякам". См. примеч. 1 и 3 к письму 4915, а также письмо 4923.

[3] В это время Шумахер жил в московском доме Н.Х. Кетчера на Третьей Мещанской. См. также письмо 4923, примеч. 4.

4949. А.Н. Луканиной (с. 40)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 10; конверт — л. 11.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 277.

Датируется по связи с письмом 4946.

Стр. 40. до востребования (*франц.*).

[1] Это письмо Тургенева от 2 (14) февраля 1878 г. не сохранилось. См. также примеч. 1 к письму 4946.

4950. О.К. Гижицкой (с. 40)

Печатается по тексту первой публикации: Слово. М., 1918. Сб. 8. С. 23. Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо Гижицкой неизвестно.

4951. М.М. Стасюлевичу (с. 40)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 211. На подлиннике помета Стасюлевича: "9.II.78", дата получения письма.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 144.

[1] Тургенев намекает на задержку почтой корректуры второй части писем Пушкина к жене, из-за которой публикацию пришлось перенести из февральской в мартовскую книжку "Вестника Европы". См. письмо 4936, примеч. 3.

[2] Имеются в виду оттиски повести А.Н. Луканиной "Любушка".

[3] Некролог Некрасова, написанный Стасюлевичем (*ВЕ.* 1878. № 2). См. письмо 4944, примеч. 3. П.В. Анненков также положительно отозвался о нем, отметив в письме от 8 (20) февраля 1878 г.: "Статья Ваша о Некрасове очень хороший некролог: такую

перепутанную фигуру, как покойник, не уловишь на нескольких страничках. Упрощение, которое Вы в ней произвели, самое удобное и приличное для первого известия об уходе человека на экзамен потомства" (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 352).

4952. О.Н. Смирновой (?) (с. 42)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 2. № 32.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 278.

Адресат определяется предположительно, по имени и отчеству. С Ольгой Николаевной Смирновой Тургенев был знаком не менее года. Упоминание о ней содержится в письме к А.В. Плетневой, датируемом предположительно периодом от 30 декабря 1875 г. (11 января 1876 г.) до 13 (25) января 1876 г. (наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4207). В 1878 г. Смирнова жила в Париже (см. ее записную книжку "Журнал входящих и исходящих писем" — "Letters rec<eive>d and sent": *ИРЛИ.* Ф. 388. Оп. 1. № 262). Датируется предположительно — по связи с письмами 4953 и 4956, где также говорится о простуде и потере голоса. Комментируемое письмо могло быть написано во вторник, 7 (19) февраля 1878 г.

Стр. 42. "неудача" (*франц.*).

4953. П.В. Анненкову (с. 42)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 7—8 об.; конверт — л. 9. Почтовые штемпели: 1) 20 févr. 78, Paris; 2) 21 févr., Bruxelles.

Впервые опубликовано: в отрывке — *Зильберштейн. Репин и Т.* С. 37; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 278—279.

Стр. 43. захлопнули открытую дверь (*франц.*).
Стр. 44. прошедшие времена! (*итал.*).

[1] Анненков сообщал в письме от 5 (17) февраля 1878 г. о том, что перерыв в его письмах объясняется болезнью сына Павла, перенесшего плеврит (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 76).

[2] В упомянутом письме к Тургеневу Анненков, вероятно узнав от Стасюлевича о его намерении прибыть в Петербург в последних числах марта (ср. письмо 4936), замечал: "Против этого нельзя ничего сказать, только заметить можно, что март там холоден. А впрочем, если это так, то могу напомнить, что прямее дороги в Петербург нет, как на *Брюссель*, Кельн и т.д. Да прямая дорога не всегда бывает самая удобная. Напишите, однако ж, сколько правды в этих слухах" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 76). Приезд Тургенева в Россию состоялся лишь летом 1878 г., с Анненковым же он увиделся не в Брюсселе, а в Париже, куда

последний приехал 20 мая н. ст. и пробыл там две недели, чтобы осмотреть Всемирную выставку. См. письмо 5078, примеч. 2.

[3] Имеется в виду Всемирная выставка, которая открылась в Париже 1 мая н. ст. 1878 г. В мае — июне 1878 г., во время приезда Анненкова в Париж, они вместе с Тургеневым посещали выставочные павильоны, о чем Анненков в красочной форме сообщал, например, А.Ф. Писемскому (см. письмо 5015, примеч. 4).

[4] В письме, на которое отвечает Тургенев, Анненков интересовался причиной, по которой в февральскую книжку "Вестника Европы" не попали повесть Луканиной "Любушка", а также продолжение публикации писем Пушкина к жене.

[5] Письма Пушкина к жене начали печататься в № 1 "Вестника Европы" за 1878 г., в № 2 их не было, печатание завершилось в № 3. Ср. также письмо 4936 и примеч. 3 к нему.

[6] Вероятно, Тургенев имеет в виду отзывы, сообщенные ему устно или кем-то из корреспондентов. Отклики в печати на первую часть писем Пушкина к жене, немногочисленные и довольно сдержанные, в целом не были отрицательными. Так, например, "Биржевые ведомости" уже 3 (15) января перепечатали из "Вестника Европы" подборку из нескольких наиболее ярких писем, предварив их следующим замечанием: «Нельзя не быть признательными дочери поэта графине Н.А. Меренберг за то, что она решилась поделиться с публикой этой в высшей степени интересной перепиской своего бессмертного отца, — перепиской, где, по справедливому замечанию И.С. Тургенева ⟨...⟩ "так и бьет струею светлый, мужественный ум Пушкина, поражает прямота и верность его взглядов, меткость и как бы невольная красивость выражений", — и которая вообще бросает яркий свет на его характер». "Читая мимолетные строчки Пушкина к жене, им страстно любимой, — добавлял далее рецензент, — восхищаясь их искренностью, непринужденностью, теплотою, грациозностью и тем изящным остроумием, самые традиции о котором как бы потеряны нашею литературою, — невыносимо тяжело чуть не в каждой строке наталкиваться на того червячка, который залез к Пушкину в сердце вместе с любовью его к жене и подточил его существование" (*Бирж Вед.* 1878. 3 января. № 3. С. 1). Приветствовал публикацию писем Пушкина и В.П. Буренин, отметив в своем очередном фельетоне "Литературные очерки", что они "характеризуют чрезвычайно ярко симпатичную личность Пушкина". «В этих письмах отражается, как в зеркале, — утверждал критик, — простодушная, открытая, чисто русская натура великого поэта, и в то же время они, как справедливо замечает издатель писем г. Тургенев, "дают ключ ко многим последовавшим событиям его жизни, даже и к тому горестному, которым, как известно, она закончилась"». Язык писем поэта Буренин охарактеризовал как "верх прелести по необычайной простоте, сжатости, выразительности, добродуш-

ному юмору и интимной задушевности" (*Н Вр.* 1878. 6 января. № 667. С. 3). В следующем фельетоне, однако, Буренин вновь вернулся к вопросу о языке писем Пушкина, сосредоточившись на критике перевода французских писем поэта, выполненного, по его мнению, Тургеневым и изобилующего галлицизмами. Ссылаясь на письмо "одного строгого блюстителя русского языка" (вероятно, В.В. Стасова), он привел перечень наиболее "неловких и не совсем русских выражений в переводе" (*Н Вр.* 1878. 13 января. № 674. С. 3). Тургенев, несомненно, был задет этой статьей, но не стал публично отвечать (см. письмо 4936 и примеч. 4 к нему). Резко негативным был вышедший позднее отклик Е.Л. Маркова, который оценил публикацию писем поэта как "документ крайне печальный", обнаружив в них вопреки ожиданиям "вместо воркующих песен Ромео и Юлии" "одну поверхностную болтовню светского ухаживанья", "не внутренний мир духа, а ряд гостиных, беглую толпу модного люда или деловые подробности". Крайне отрицательно была выставлена и роль Тургенева как автора предисловия, имя которого красуется "только ради нового года, ради зазыва, ради эффектности нарядного меню". Критик упрекал Тургенева в том, что он растрачивает свои силы на "чужие вывески", когда следовало бы "посвятить себя серьезным критическим работам, в которых бесконечно нуждается наша литература", и вместо солидной статьи о Пушкине удовольствовался "жиденькою страничкою бесполезного и натянутого" предисловия. "Быть может, никто из наших писателей, — заключал он, — не получил такого серьезного и разностороннего образования, как г. Тургенев, быть может, никому из них не выпала на долю такая многоопытная жизнь, такое богатство личных впечатлений, личных изучений мира и людей, литератур и искусств, как г. Тургеневу. Европа ему знакома так же близко и полно, как Россия. Философское суждение так же привычно ему, как картины творчества. Он перечел все, что в области литературы достойно быть читано на всех языках; он видел все, что достойно быть виденным. Кому же еще, как не ему, дать книги в руки?" (*Марков Е.* Литературная летопись // Голос. 1878. 9 февраля. № 40. С. 1—2). Отзыв Маркова о письмах Пушкина был подвергнут остроумной критике в фельетоне Буренина за 10 (22) марта (см.: *Н Вр.* 1878. № 729. С. 2—3).

[7] "Приговор Арапетова письмам Пушкина меня утешил, — откликался в ответном письме от 10 (22) февраля Анненков, — это он, наш И⟨ван⟩ Павл⟨ович⟩! Циник и неженка! Распутен и деликатен. За то и люблю его" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 77).

[8] Анненков в своем письме так характеризовал попытку В.И. Засулич застрелить петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова: "Мне сообщают, что гражданская жена сосланного за бунт на Казанской площади — Боголюбова, выстрелив-

шая в Трепова, мстила за то, что сожитель ее был им *высечен* в кутузке за грубость. А не забудьте, что Трепов популярнейший человек в России!" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 76). Слух о личных отношениях Засулич и Боголюбова неверен. Однако он просочился и в печать. Так, Б.М. Маркевич в своем фельетоне "Листок" отмечал: «Преступница до сих пор ⟨...⟩ хранит тупое и упорное молчание, но, по проникшим в публику и в печать сведениям, производящие дознание лица добрались уже до ее имени. Зовут ее Вера Зозулич. Но потом толкуют разно: кто говорит, что она девушка, другие, что она "Зозулич" по мужу, с которым не живет; ⟨...⟩ сходятся те и другие толки на том, что она состояла в ближайших отношениях с сосланным в Сибирь государственным преступником Боголюбовым, одним из участников так называемой "казанской" истории...» (*Волна.* Листок // Голос. 1878. 29 января. № 29. С. 1).

[9] Когда в "Вестнике Европы" (1877. № 11. С. 119—186) появились воспоминания Софьи Солнцевой о ее знакомстве с Ф. Лассалем "Романический эпизод из жизни Фердинанда Лассаля" за подписью "С. С.", Тургенев интересовался у М.М. Стасюлевича именем автора (см. примеч. 3 к письму 4866 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2). В указанном письме Анненков также пишет об этих воспоминаниях. Вероятно, Тургенев ошибся, называя фамилию Шульц; в действительности С.А. Солнцева-Засекина в замужестве была Арендт. Впервые Анненков спрашивал у Тургенева об имени автора еще 8 (20) ноября 1877 г., заметив, что "исповедь Лас⟨с⟩аля походит на волканическое извержение, каким он сам и был" (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 67), свою просьбу он повторил и в письме от 5 (17) февраля 1878 г. (см.: Там же. С. 77), а также в письме к М.М. Стасюлевичу от 14 (26) декабря 1877 г., где заметил: «О статьях "Вестника Европы" мы частенько переписываемся с Тургеневым, как было и по поводу "воспоминаний" о Лассале. Я даже умолял его, т.е. Тургенева, узнать от Вас, кто это и что это за дама С.С., но не знаю, успел ли он сорвать печать молчания с Ваших уст, всегда закрытых, как апокалипсическая книга. Это чуть не мифологическая драма с бедной девушкой, на которую налетел громовержец Зевс, страстию отуманенный. А вот наши умники — и критики — Лессинги вроде Скабичевского не приказывают романистам заниматься изображением любви и страсти, а только физиологией и социологией. А вот какая глубоко поучительная, адски-занимательная история происходит с влюбленным трибуном, сообщая ему новый ореол и возвышая еще его героическую личность» (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 352).

[10] Тургенев откликается на опасения, которые выразил Анненков по поводу усилившихся в русской печати призывов занять Константинополь, звучавших на фоне сообщений о решении английского парламента ввести флот в Дарданеллы и уве-

личить военный бюджет: "Вот мы и сошлись у ворот Конст⟨ант⟩инополя нос с носом с Англией. Страх берет при мысли, что, может быть, и не разойдемся уже, и тогда долго мы еще терзаться будем и жертвовать головами, которые нам ничего не стоят. ⟨...⟩ А мы, кажется, решились хоть одной ножкой и хоть на минуточку постоять в Конст⟨ант⟩инополе, будь что будет впоследствии. Это советуют также Краевский, Суворин и Катков" (*Анненков. Письма*. Кн. 2. С. 76—77).

[11] Варцин — имение Бисмарка, куда он иногда демонстративно уезжал из Берлина. Так, например, он провел там весь 1877 год. В своей речи 7 (19) февраля 1878 г. Бисмарк заявил о нежелании Германии вступать в войну, считая "восточный кризис" не настолько острым, чтобы решать его военным путем. Об этой речи Бисмарка Тургенев упомянул и в следующем письме к Анненкову (см. письмо 4955 и примеч. 8 к нему).

[12] Тургенев намекает на поражение Франции в войне 1870—1871 гг.

[13] Статуя М.М. Антокольского "Христос перед судом народа" (1874) была в 1878 г. представлена на Всемирной выставке в Париже в двух вариантах — в мраморе и в бронзе. В данном случае идет речь о прибытии в Париж статуи из мрамора (см.: *Антокольский.* С. 352). Бронзовая статуя, которая отливалась во Флоренции, прибыла несколько позже. Примечательно, что в Италии статуя "Христа" произвела большое впечатление, о чем Антокольский сообщал, например, С.И. Мамонтову: «...в Италии ⟨...⟩ "Христа" до настоящего времени славят; вот не далее как третьего дня я получил из Флоренции ⟨...⟩ такое восторженное послание, что даже счел его крайностью. Между прочим получил я от тамошнего одного ученого, Де Губернатиса, даже сонеты в стихах (экий старина!)» (Там же. С. 362). Как Тургенев, так и Анненков очень высоко оценили работу скульптора (см. письмо 4968, примеч. 1, а также письмо 4972, примеч. 5). Тургенев не упускал случая показать статую друзьям и знакомым, благодаря его усилиям в мастерской Антокольского побывали П.Л. Лавров, П.А. Кропоткин, А.Н. Луканина, семья Н.И. Тургенева, Л. Виардо, К. Маржолен, Э. Ренан и многие другие.

[14] Речь идет о временной мастерской на place de Clichy, 91, однако в это время Антокольский был уже занят обустройством новой студии на rue Bayen, 31.

[15] Сложно сказать, какие из портретов А.А. Харламова имеются в виду. К этому времени были написаны портреты Марианны Виардо и А.Ф. Онегина, которые были выставлены впоследствии на Всемирной выставке 1878 г. (см. о них примеч. 1 к письму 5037). Кроме того, известно, что Харламов работал в это время над портретом С.С. Полякова. Возможно, речь идет и о каких-то других картинах. Так, 16 (28) января М.М. Антокольский сообщал И.Н. Крамскому: "Харламов сделал смеющуюся

головку, и по краскам она действительно хороша" (*Антокольский.* С. 352).

[16] В конце 1858 — начале 1859 г. в Петербурге Тургенев заболел "сильнейшим бронхитом" и по предписанию врача ни с кем не разговаривал, изъясняясь только письменно. 28 и 29 декабря 1858 г. (9 и 10 января 1859 г.) на квартире Тургенева Анненков читал вместо него "Дворянское гнездо" в присутствии, кроме упомянутых лиц, В.П. Боткина, А.В. Дружинина, И.И. Маслова, Н.А. Некрасова, А.В. Никитенко, И.И. Панаева, Н.Н. Тютчева, М.А. Языкова (см.: *Анненков.* С. 425).

[17] "Последняя жертва" А.Н. Островского была напечатана в № 1 "Отечественных записок" за 1878 г. "Что касается Островского, — соглашался в ответном письме Анненков, — то это, видимо, банкрут, задающий праздники и балы, дабы скрыть, что он нищий. А по внешности — бал великолепный" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 77). Невысоко отозвались о пьесе и критики. Так, В.П. Буренин предлагал назвать "Последнюю жертву" "Комедией идиотства", заметив, что она написана в "наивно-гениальной манере", а действующие лица "очень часто не только своими речами, но даже и поступками смахивают на каких-то почти автоматических простаков, смело подкручиваемых автором говорить и делать такие вещи, какие весьма трудно представить себе в современной, хотя бы даже и московской действительности" (*Буренин В.* Литературные очерки // *Н Вр.* 1878. 3 февраля. № 695. С. 2).

4954. Редактору "Правды" (с. 44)

Печатается по тексту первой публикации: Правда. 1878. 19 февраля (3 марта). № 42. С. 3. Подлинник неизвестен.

[1] Письмо адресовано редактору-издателю одесской газеты "Правда" И.Ф. Доливо-Добровольскому.

[2] Публикация тургеневского письма сопровождалась заметкой "От редакции", в которой говорилось, что настоящее письмо является ответом на вторичное обращение газеты к Тургеневу, который год тому назад обещал "Правде" "свое благосклонное содействие". "Не получив, однако, от Ивана Сергеевича в течение четырех месяцев ни одной статьи, — сообщалось далее в ней, — мы, не желая оставаться перед обществом в долгу, в начале текущего месяца вновь обратились к г. Тургеневу с письмом. Иван Сергеевич не оставил нас без ответа; но, к величайшему сожалению, ответ этот такого свойства, от которого невольно станет тяжело на душе каждого почитателя таланта Ивана Сергеевича" (Правда. 1878. 19 февраля (3 марта). № 42. С. 2). Однако письмо Тургенева не предназначалось для печати и не носило официального характера. "Бесцеремонность" редакции "Правды" возмутила писателя (см. письма 4974 и 4976), тем более что

его письмо было перепечатано многими газетами, спровоцировав многочисленные, в том числе негативные отклики (см. письмо 4974, примеч. 4). В письме к Доливо-Добровольскому от 1 (13) августа 1877 г. (№ 4809 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2), на которое тот ссылается в своей заметке, не содержалось определенного обещания и не давалось достаточных оснований для того, чтобы считать решенным вопрос о сотрудничестве Тургенева в одесской газете. Еще более резко он высказался в письме к сотрудничавшему в "Правде" Б.А. Чивилеву от 29 декабря 1877 г. (10 января 1878 г.), где заявил: "Если бы г-н Доливо-Добровольский предлагал брать мои статьи даже на вес бриллиантов — не говорю уже золота — все-таки я бы не мог удовлетворить его, ибо прекратил безвозвратно всякую литературную деятельность" (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4906).

[3] И.Ф. Доливо-Добровольский декларировал в программе своей газеты, начавшей издаваться в октябре 1877 г., ее демократическую ориентацию. Формулируя задачу, предстоящую редакции, он заявлял, что она заключается в том, чтобы "быть выразителем общественных интересов в широком смысле, не служа личным целям, стремиться к истине и доставлять пользу, соединенную с удовольствием, возможно большему кругу читателей" (Одесский вестник. 1877. 1 октября. № 212. С. 6). Здесь же сообщалось о том, что Тургенев и Е.Л. Марков "обещали обогащать газету своими статьями".

[4] Тургенев имеет в виду резкие газетные и журнальные отзывы о "Сне", "Рассказе отца Алексея" и "Нови", на которые он активно реагировал в печати (см. письма в редакцию "Нашего века" и "Le Temps", написанные в апреле — мае 1877 г., и примечания к ним (№ 4694, 4720, 4731 и 4736 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2)).

4955. П.В. Анненкову (с. 45)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 10—11; конверт — л. 12. Почтовые штемпели: 1) 23 févr. 78, Paris; 2) 24 févr., Bruxelles.

Впервые опубликовано: в отрывке — *РЛ.* 1958. № 3. С. 191; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 280—281.

Стр. 46. "непримиримые" (*франц.*).

[1] Анненков в письме от 10 (22) февраля 1878 г. сообщал Тургеневу, что у его гувернантки Эмилии Федоровны Петерсен отец сошел с ума и семья "повергнута в последнюю степень нищеты". Он просил Тургенева похлопотать за нее перед петербургской "женской знатью" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 77). Тургенев откликнулся на просьбу Анненкова, обратившись к нескольким петербургским дамам, и в итоге Петерсен получила

место гувернантки через Э.Ф. Раден (см. письма 4964 и 4993, а также примеч. к ним).

[2] В ответном письме от 13 (25) февраля Анненков характеризовал Э.Ф. Петерсен как "неоцененную" помощницу "при уходе за детьми и первоначальном их образовании", заметив, что она начитанна, "основательно" знает русский и немецкий языки, а также их литературу, "рутинно" владеет французским, но "музыки не знает". "Это душа честная, привязчивая, — добавлял он, — и характер ровный, даже способный на самоотвержение. 〈...〉 она оказалась образцовым репетитором, да и думаю, что она станет в уровень со всякой должностью, какую ей поручат, ибо умна и несчастлива. Прибавьте отсутствие заносчивых мечтаний (ей 25 лет) — за исключением одной идеи — добыть средства выдержать два года педагогического курса, сделаться титрованным педагогом 〈...〉 и стать опорой и провидением для своей семьи" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 78—79). К этому письму Анненков приложил также записку от самой Петерсен (не сохранилась), где она сообщала основные сведения о себе.

[3] Ю.П. Вревская умерла от тифа 24 января (5 февраля) 1878 г. в возрасте 36 лет в госпитале в болгарском городе Беле (ныне Бяла), где работала сестрой милосердия в русской армии. Тургенев мог узнать о ее смерти из газет. Так, "Новое время" сообщало 28 января (9 февраля) 1878 г.: "Свято-Троицкая община сестер милосердия с прискорбием извещает, что в г. Беле в Болгарии 24-го января скончалась после тяжкой болезни, вследствие неусыпных трудов по уходу за ранеными и больными воинами, сестра Красного Креста, прикомандированная к Свято-Троицкой общине, *баронесса Юлия Петровна Вревская*" (№ 689. С. 1). Описывая последние дни жизни Вревской, ее сестра Н.П. Вревская записала, что она заболела 5 января 1878 г.: "*Четыре* дня ей было нехорошо, не хотела лечиться, но просила священника, исповедовалась и приобщалась, не знала опасности своего положения; вскоре болезнь сделалась сильна, впала в беспамятство и была все время без памяти до кончины 〈...〉; у нее был сыпной тиф, сильный; очень страдала, умерла от сердца, потому что у нее была болезнь сердца. Лежала у себя в хате на койке, земляной пол и окна заклеены только бумагой; 〈...〉 могилу ей копали раненые, за которыми она ухаживала, и они же несли ее гроб, не дали никому. 〈...〉 похоронена в платье сестры милосердия" (см.: *ИРЛИ.* № 13452. Л. 12 об.—13, а также: *Назарова Л.Н.* Письма Ю.П. Вревской (Из истории русско-болгарских отношений 1877—1878 годов) // Славянские литературные связи. Л., 1968. С. 234. В публикации Назаровой приведены выдержки из писем Ю.П. Вревской к сестре, относящиеся к ее работе в госпитале). Несколько отличается свидетельство о ходе болезни и последних днях Вревской, данное в письме М. Павлова (по предположению Л.Н. Назаровой, начальника госпиталя) к А.В. Топорову

от 30 марта 1878 г., в котором он сообщал: "Неоднократно посещал я больную, пока она была в сознании; все было около нее чисто, аккуратно и вообще уход и пользование не оставляли желать ничего лучшего. Казалось, болезнь уступала и температура значительно понижалась, так что все мы верили в благоприятный исход, но на 13 день, как объясняли врачи вследствие порока сердца, у нее сделалось излияние крови в мозге, паралич правой половины, полная бессознательность и на 7 день она тихо скончалась" (*ИРЛИ.* № 13452. Л. 1 об. — 2). Известно шесть писем Вревской (1876 — 1877) к Тургеневу, из них лишь одно из Болгарии. На смерть Вревской писатель откликнулся стихотворением в прозе "Памяти Ю.П. Вревской" (1878) (см.: *Назарова Л.Н.* Подвиг сестры милосердия // Герои Шипки. Сборник. М., 1979. С. 355 — 369).

[4] Скульптура М.М. Антокольского "Смерть Сократа" (1875 — 1876) была представлена на Всемирной выставке в 1878 г. Сообщая В.В. Стасову в конце марта — начале апреля о прибытии статуи в Париж, Антокольский сокрушался, что она была переведена в мрамор неудачно, и ему пришлось ее доделывать. «Теперь он ("Сократ". — *Ред.*) уже почти окончен, — добавлял скульптор, — и по понедельникам его можно видеть у меня в студии» (*Антокольский.* С. 359). Ныне мраморная статуя "Смерть Сократа" хранится в ГРМ. См. также примеч. 2 к письму 5037.

[5] См. примеч. 13 к письму 4953.

[6] В письме от 10 (22) февраля 1878 г., на которое откликается, Тургенев, Анненков замечал: "Убежден, что Христос, сделанный таким жидом, как Антокольский, будет повыше пресловутого Христа Даннекера — имеющего вид идеального профессора теологии" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 77). О реакции Н.А. Орлова на приглашение посмотреть статую "Христос перед судом народа" сам М.М. Антокольский, очевидно со слов Тургенева, писал, например, С.И. Мамонтову: "...представьте себе, что здешний посланник не едет ко мне в студию лишь потому, что не может допустить, чтобы еврей сделал Христа — каково! А между тем другие посланники бывают" (*Антокольский.* С. 362).

[7] Речь идет о статье не Кириллова, а Е. Карновича — "Об участии России в освобождении христиан от турецкого ига", — напечатанной в № 1 и 2 "Отечественных записок" за 1878 г. Именно об этой статье писал Тургеневу Анненков в письме от 10 (22) февраля 1878 г., заметив: "В статье нет ни одного слова правды, а волнует она чрезвычайно и, кажется, очень полезным образом в настоящую минуту" (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 78). Видимо, Тургенев или не разобрал, или не запомнил фамилии.

[8] Тургенев откликается на следующий фрагмент из письма Анненкова: "Русским публицистам все кажется, что они одни на свете и никаких других интересов, кроме наших, нет или не

должно быть. По Бисмарку выходит не так — есть и русские, есть и австрийские интересы — только они еще не так разошлись, чтобы из-за них резаться", — где, как отметили Н.Г. Жекулин и Н.Н. Мостовская, Анненков намекал на речь Бисмарка по восточному вопросу в германском сейме 19 февраля н. ст. 1878 г. (вошла в историю под названием "Германия как честный маклер"), которая с нетерпением ожидалась в Европе, особенно в Австрии, рассчитывавшей на поддержку Германии, а также в России. Речь Бисмарка на продолжительное время заняла первые полосы российских и зарубежных газет. Передавая суть речи немецкого канцлера, обозреватель "Вестника Европы" также назвал ее "весьма неопределенной". "Можно только сказать, — утверждал он, — что она клонилась в пользу России, хотя обещания поддержки нам на конференции в ней не было, как не было и никаких угроз" (см.: *ВЕ.* 1878. № 3. С. 453). О речи Бисмарка и оценке ее Тургеневым см. также письмо 4953, примеч. 11, и письмо 4957.

[9] Говоря о Румынии, Тургенев имеет в виду ее притязания на южную Бессарабию, из-за которых она, как отмечалось, например, "Неделей", "с чрезвычайным и не совсем понятным озлоблением" спорила с Россией (см.: Неделя. 1878. 25 февраля. № 9. Стб. 274). В русской печати категорическое нежелание Румынии возвратить России (за определенную компенсацию) часть Бессарабии, которая принадлежала ей до Крымской войны, обсуждалось весьма бурно. Так, 9 (21) февраля 1878 г. передовая статья "Санкт-Петербургских ведомостей" начиналась эмоционально: «"Неблагодарность!" — вот обыкновенное последствие самоотверженных действий России. 〈...〉 Теперь, едва окончилась война, как со всех сторон Россия видит одни козни, одно недоброжелательство, доходящие до того, что их высказывают не только сильные соседи, могущие поддержать свои слова оружием, но и слабые, — слабые до того, что одно дуновение России может сделать самое существование их абсурдом». К последним обозреватель относил и Румынию, которая заявила протест и готовность поддержать его "штыками" (*СПб Вед.* 1878. 9 февраля. № 40. С. 1). В той же газете приводилась и подборка из румынских газет, ярко характеризующих настроения в стране: «"Resboiu!" вышел в трауре с черным крестом и не находит слов для выражения своего протеста против покушения на целостность румынской территории. "Мы не уступим Бессарабии ни за какие блага в мире, — восклицает "Telegraphul," — и если б между румынами нашелся какой-нибудь урод, который согласился бы на это, *мы будем сопротивляться* сперва на словах, а потом *с оружием в руках* 〈...〉» и др. (Там же. 10 февраля. № 41. С. 1). Тем не менее по результатам Берлинского трактата 1878 г. эта территория была возвращена России.

[10] Намек на усилия, предпринимавшиеся Англией с целью не допустить принятия Турцией предварительных условий мирного договора, предложенных Россией. Для этого она среди прочего ввела в Мраморное море свой флот, фактически нарушив условия Парижского трактата. См. примеч. 3 к письму 4934.

[11] Анненков сообщил Тургеневу свое мнение о повести Луканиной "Любушка" лишь в письме от 10 (22) марта 1878 г. Он сочувственно отмечал основную мысль и мастерство художественных деталей повести, но отрицал ее цельность (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 81—82, а также письмо 4993, примеч. 5). Стасюлевичу же он писал 1 (13) мая 1878 г.: "...очень милая и трогательная повесть *по ситуациям*, но мотивированы они робко и слабо; это еще придет автору, который несомненно талантливый человек. Эта нигилистическая идиллия (простите эпитет, так как в нем ничего злобного с моей стороны не положено) меня тронула, но писать идиллии постоянно нельзя. Надо перейти к делу; тут-то и ожидаем мы автора. Хорошо бы Вы сделали, если бы предупредили даровитого и симпатического автора, чтобы он особенно остерегался унисона в чувствах между хорошими людьми и совершенной конкретности в мыслях и поступках их — это большая ошибка против жизни и против эстетики, т. е. против задачи романиста" (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 354).

[12] Видимо, речь идет о брошюре П.Ф. Алисова «Несколько слов о романе "Новь" И. Тургенева» (Женева, 1877), в которой автор писал, что "все лица молодого поколения", изображенные в этом произведении, заслуживают не только "глубочайшего участья, но и глубочайшего уважения" (С. 5—6). Откликаясь на это сообщение Тургенева, Анненков замечал в ответном письме от 13 (25) февраля 1878 г.: «Нисколько не удивляюсь, что швейцарские передовые прислали Вам адрес за "Новь"; с произведениями дельного искусства это бывает сплошь. Действие их походит на *coup de soleil* (солнечный удар — *франц.*), поражающего наудачу и глупые, и умные головы — и притом совсем неожиданно» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 79).

4956. П.Л. Лаврову (с. 46)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 3. № 26. Л. 37.
Впервые опубликовано: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 39.

Стр. 46. (потерей) (*франц.*).

[1] Тургенев, выступая как организатор музыкально-литературных концертов в пользу русской колонии в Париже, составлял их программы, договаривался с участниками и т.п. По-видимому, в качестве исполнителей нередко привлекались не профессионалы, а любители.

[2] См. примеч. 3 к письму 4934.

4957. М.М. Стасюлевичу (с. 47)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 212.

Впервые опубликовано: с пропуском — *Стасюлевич.* Т. 3. С. 145; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 281—282.

[1] Узнав о желании Стасюлевича высылать ей "Вестник Европы", А.Н. Луканина сообщила Тургеневу свой парижский адрес, однако в дальнейшем, по-видимому, снова его сменила и переписку вела через почтовое отделение на Rue Cardinal-Lemoine. Кроме того, она впоследствии самостоятельно переписывалась со Стасюлевичем по поводу издания своих произведений. См. также письмо 4969.

[2] Возможно, имеется в виду будущий супруг Луканиной Н.И. Паевский, поскольку ее брак со студентом Медико-хирургической академии Ю.А. Луканиным был неудачным. Из-за его неблаговидного поведения Луканина, по собственному признанию, вынуждена была покинуть Россию в 1872 г., о чем свидетельствует ее письмо к Тургеневу от 1 (13) ноября 1878 г., рассчитанное на прочтение начальником III отделения А.Р. Дрентельном. В нем она объясняла свой отъезд за границу тем, что не могла далее оставаться с мужем, "так как он не только мучил и оскорблял меня и истратил все мое состояние, но требовал еще и того, чтобы я поручалась по выдаваемым им векселям, чтобы я выпрашивала денег у родных и т.п." (см.: *Т сб.* Вып. 4. С. 267).

[3] Это письмо Стасюлевича неизвестно. Об отправке "Любушки" в Петербург см. примеч. 10 к письму 4936, а также письмо 4951.

[4] Об успехе статуи М.М. Антокольского "Христос перед судом народа" см. примеч. 13 к письму 4953, а также примеч. 1 к письму 4968; *Антокольский*. С. 373.

[5] О том же Тургенев писал П.В. Анненкову. См. письма 4953, примеч. 10, 11, и 4955, примеч. 9, а также примеч. 2 и 3 к письму 4934.

[6] О приезде Анненкова в Париж см. письмо 4953, примеч. 3, а также примеч. 7 к письму 4912.

[7] Имеется в виду цензурное разрешение мартовского номера журнала "Вестник Европы". В объяснительной записке Стасюлевичу от 9 ноября ст. ст. 1878 г. от имени Главного управления по делам печати отмечалось: «В мартовской книжке "Вестника Европы" за текущий год появились следующие неудобные статьи: "Новые письма А.С. Пушкина", "Элементы мысли" И.М. Сеченова, рассказ "Любушка" и некоторые места во внутреннем обозрении, в котором между прочим высказана мысль о необходимости изменить условия деятельности земства ⟨...⟩ на эту книжку было обращено внимание редактора-издателя» (*РГИА.* Ф. 776. Оп. 3. № 87. Л. 47).

4958. Н.С. Тургеневу (с. 48)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 222—223. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 19/3 февр. 1878. С. Тургенево. 4 ч. п-п-дн. 8-м днем".

Впервые опубликовано: с сокращениями — *Рус Ст.* 1886. № 12. С. 629—630; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 282—283.

Стр. 49. "Положение обязывает" (*франц.*).

[1] Письма Н.А. Щепкина и Н.С. Тургенева неизвестны. Речь идет о картине Э.-Т. Бланшара (см. письмо 4938, а также примеч. 3 к письму 4911).

[2] См. письмо 4960.

[3] К 1877 г. положение Г. Брюэра, управлявшего стекольной фабрикой, стало совсем плачевным, и Тургенев вынужден был взять на себя заботы по содержанию семьи дочери, а также по оплате счетов зятя (см. письмо Тургенева к П. Брюэр от 4 (16) мая 1877 г. — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4724). О серьезности положения свидетельствуют воспоминания Б.А. Чивилева, относящиеся к весне 1877 г.: «Я отлично помню, как раз вечером И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩ пришел в *rue du Rocher* к г-же Р⟨ахмановой⟩ очень расстроенный и сказал мне и двум другим присутствовавшим: "Вы знаете или не знаете, что у меня есть замужняя дочь. Она замужем за *fabricant de cristaux* (производителем стекла — *франц.*) в *Villejuif* (если память не изменяет по отношению к имени местечка). Этот господин не сегодня завтра обанкрутится, и я должен в какие-нибудь два дня найти и отдать 100 000 франков"» (*Рус Вед.* 1883. 11 октября. № 279. С. 1). Очевидно, об этом идет речь и в письмах № 4701, 4702 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. См. также: *Бронь Т.И.* Тургенев и его дочь Полина Тургенева-Брюэр // *Т сб.* Вып. 2. С. 329—331.

[4] Продажа картин Тургенева состоялась 8 (20) апреля 1878 г. в Hôtel Drouot. См. письмо 4980, примеч. 2, а также 4993, примеч. 9.

[5] Из-за начавшейся франко-прусской войны Тургенев вместе с семьей Виардо вынужден был в 1870 г. оставить Баден-Баден. Продажа виллы Тургенева московскому банкиру Теодору Герману Ахенбаху состоялась в августе 1871 г., однако к тому времени писатель уже не владел своим домом, продав его в 1868 г. семье Виардо за 50 000 флоринов (см.: *Fischer K.* Dernières traces de Tourguéniev à Baden-Baden // *Cahiers.* № 6 (1982). P. 24, а также письмо Тургенева к А.А. Фету от 26 сентября (8 октября) 1871 г. — наст. изд. Письма. Т. 11. № 3014).

[6] По всей видимости, Н.С. Тургенев прислушался к словам брата (см. письмо 4996).

4959. Юлиану Шмидту (с. 50 и 258)

Печатается по копии из бумаг И.Д. Гальперина-Каминского, опубликованной П. Уоддингтоном: Turgenev and Julian Schmidt: New or Neglected Material, with Some Omnium-Gatherum Turgenevianum and an Appendix. Pinehaven (New Zealand), 1998. P. 18. Копия, по предположению П. Уоддингтона, снята была Ю. Шмидтом или его женой; ныне хранится в собрании Оливье Ле Сена (Париж). Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: в русском неполном переводе — *ВЕ.* 1909. № 3. С. 275, с ошибочной датой: "13 февраля"; в английском переводе — The Saturday Review. Supplement. 1909. 28 August. № 2909. P. II. В *ПССиП(1). Письма* вошло в русском (неточном) переводе: Т. XII. Кн. 1. С. 284.

[1] Эти биографические сведения понадобились Шмидту для его книги "Portraits aus dem neunzehnten Jahrhundert" ("Портреты из девятнадцатого столетия"), вышедшей в Берлине в 1878 г.; в ней есть очерки, посвященные Флоберу, Золя и Доде, а также Жорж Санд, каждый из которых начинается указанием времени и места рождения того или иного писателя.

[2] Тургенев давно обещал Шмидту выслать фотографию Г. Флобера (см. письма к нему от 1 (13) февраля 1875 г. и 12 (24) ноября 1876 г.: наст. изд. Письма. Т. 14. № 3919, а также Т. 15. Кн. 1. № 4491). По свидетельству Б.А. Чивилева, Тургенев рассказывал ему при первой встрече в 1874 г.: "Я еще имею слабость дарить свои фотографии, а вот мой друг Флобер так никому их не дает и фотографам запрещает продавать их. Я нахожу, что он прав" (*Рус Вед.* 1883. 2 октября. № 270. С. 1).

[3] Роман Доде "Le Nabab" ("Набоб") Тургенев выслал Ю. Шмидту лишь 1 (13) октября 1878 г. (см. письмо 5110).

[4] Усеченная цитата из монолога Гамлета: "Быть или не быть — вот в чем вопрос" ("To be, or not to be, that is the question") (действие III, сцена 1), ставшая крылатым выражением. В публикации в "Вестнике Европы" текст цитаты был приведен на русском языке. В Берлин Тургенев смог приехать лишь в июле 1878 г.

[5] Тургенев намекает здесь на реакцию некоторых европейских держав по поводу победы русских войск в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

4960. Н.А. Щепкину (с. 51)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 243—243 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 284—285.

[1] Это письмо Щепкина неизвестно.

[2] См. письмо 4958.
[3] См. письмо 4939, примеч. 4.
[4] См. письмо 4939, примеч. 6, 7, а также письмо 4932 и примеч. 3 к нему.
[5] Эта телеграмма Щепкина неизвестна.

4961. А.Ф. Онегину (с. 52)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 29352. Л. 61.
Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 285.

[1] О болезни В. Рольстона см. в письме 4965, а также примеч. 6 к письму 4991. "Я заболел в Париже в феврале, — сообщал он впоследствии одному из своих корреспондентов, — пролежал 4 недели не в силах двигаться (острый приступ ревматизма) и оставался неспособным ко всякому напряжению весь прошлый год" (цит. по: *Алексеев М.П.*, *Левин Ю.Д.* Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора. СПб., 1994. С. 224. Подлинник по-англ.). Сам Тургенев также неоднократно навещал Рольстона. Об одном из таких посещений, состоявшемся 17 февраля (1 марта), сохранилась запись в дневнике Ф.Н. Тургеневой: *ЛН.* Т. 76. С. 391.
[2] Онегин и Рольстон были близко знакомы, в 1869—1870 гг. жили в Лондоне в одном доме, впоследствии интенсивно переписывались (сохранилось 53 письма Рольстона к Онегину за 1881—1889 гг.) См.: *Alexeyev M.P.* William Ralston and Russian Writers of the Nineteenth Century // Oxford Slavonic Papers. 1964. Vol. 11. P. 85; *Алексеев М.П.*, *Левин Ю.Д.* Указ. соч. С. 242—317.

4962. М.М. Стасюлевичу (с. 52)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 213.
Впервые опубликовано (со значительными пропусками в тексте): *Стасюлевич.* Т. 3. С. 145—146; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 285—286.

Стр. 52. "скрывай свою жизнь" (*франц.*).
Стр. 54. "Варвары! Нашествие варваров!" (*франц.*).

[1] Подразумевается гонорар за повесть А.Н. Луканиной "Любушка", помещенную в мартовской книжке "Вестника Европы". В июньской книжке Стасюлевич оставил место для следующего произведения Луканиной, которым в итоге стала "Птичница". Об этом см. письмо 4963 и примеч. к нему.
[2] См. письмо 4957 и примеч. 1 к нему, а также письмо 4963, примеч. 3.

[3] Ср. "Формулярные списки" к повестям "Несчастная", "Степной король Лир", к романам "Отцы и дети" и "Новь" (наст. изд. Соч. Т. 8. С. 443, 476—477; Т. 9. С. 481; Т. 12. С. 563—571).

[4] См. примеч. 4 к письму 4963.

[5] Статья о Пушкине, обещанная Тургеневым в майскую книжку, не была им написана. Об этом см. примеч. 13 к письму 4936.

4963. А.Н. Луканиной (с. 54)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 13; конверт — л. 14. Почтовые штемпели: 1) 28 févr. 78, R. Milton, Paris; 2) 28 févr. 78, R. Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 357.

Датируется по почтовым штемпелям на конверте.

[1] См. письмо 4962. Луканина посетила писателя в пятницу, 1 марта н. ст., в тот же день Тургенев передал ей вексель М.М. Стасюлевича (см.: *СВ.* 1887. № 2. С. 48).

[2] В июньской книжке "Вестника Европы" за 1878 г. (№ 6) была напечатана повесть Луканиной "Птичница" (первоначальное название "Думушка") — первая из цикла "Старинные дела".

[3] О том же Тургенев писал и М.М. Стасюлевичу (см. письма 4957 и 4962), однако уже в следующем письме к нему передал адрес Луканиной (см. письмо 4969), который она ему сообщила.

[4] В это время еще было не ясно, какая из двух повестей, "Птичница" или "Березай", будет напечатана прежде. По этому поводу Луканина записала в своем дневнике 1 марта н. ст.: «Иван Сергеевич заговорил опять о "Птичнице" и "Березае" и посоветовал мне поскорее окончить "Птичницу", предлагая взять обе вещи с собою, когда поедет в Россию в начале апреля. Пусть тогда Стасюлевич выберет, которую захочет, прибавил он» (*СВ.* 1887. № 2. С. 48). Тогда же Тургенев порекомендовал опубликовать первой "Птичницу" как более выигрышное в художественном отношении произведение (см. примеч. 2 к письму 4933). В апреле 1878 г. Луканина сама послала Стасюлевичу обе эти повести, однако первым был отправлен "Березай". «Посылаю Вам "Березай", — писала Луканина Стасюлевичу 8 (20) апреля 1878 г., — на днях вышлю "Думушку". Я вполне предоставляю на Ваше усмотрение печатать то или другое в июньской книжке, хотя считаю нужным прибавить, что Ив. Серг. Тургенев советовал мне просить Вас о том, чтобы "Думушка" была помещена раньше "Березая". Лично я, как человек малокомпетентный в литературном деле, мнения тут иметь не могу и смотрю на то, что мои писанья печатаются и даже читаются, как на ничем для меня не объяснимое чудо» (*ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. № 830. Л. 3—3 об.). 17 (29) апреля Луканина выслала в Петербург рукопись "Думушки" (Там же. Л. 5).

4964. П.В. Анненкову (с. 55)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 13.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 287.

[1] Речь идет о хлопотах Тургенева по поиску для Э.Ф. Петерсен места гувернантки в Петербурге. См. примеч. 1 и 2 к письму 4955. В письме к Тургеневу от 13 (25) февраля Анненков просил прислать для Петерсен "записочку, уполномочивающую ее явиться от Вашего имени к тем, кого Вы выбрали в ее благодетельницы, *приложив их адресы.* Боится явиться перед ними как попрошайка, от которой отделываются рекомендацией" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 79). Перечисленные письма Тургенева, а также его письмо к Петерсен неизвестны, однако уже в следующем письме от 20 февраля (4 марта) 1878 г. Анненков горячо благодарил Тургенева за помощь, прибавив: "Бедная моя гуверна⟨н⟩точка сплакнула, когда я прочел ей Ваши адресы — вот и благодарность. Впрочем, она не разделяет моего взгляда на бесполезность слов, а будет их составлять в ответном письме к Вам, только боится, как это она к эдакому-то мастеру будет посылать свои слова. Я ее успокоил уверением, что мастер этот читает все и часто очень вздорное на русском диалекте, даже с удовольствием, а тут речь пойдет совсем не о вздоре" (Там же).

[2] Мир с Турцией был подписан в Сан-Стефано 19 февраля (3 марта) 1878 г.

4965. М.П. Драгоманову (с. 55)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 1065. Оп. 4. № 2. Л. 4—4 об.

Впервые опубликовано: *Письма к Герцену.* С. 211—212.

[1] О брошюрах см. письмо 4892, примеч. 1 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. В своих воспоминаниях Драгоманов отмечал: "...обстоятельства (приготовления к войне с турками, потом война, политические процессы в России и т.п.) заставляли меня несколько раз печатать брошюры и статейки, в которых я проводил мысль *о политической свободе* как о первой необходимости для России. Писания эти я отправлял И⟨вану⟩ С⟨ергеевичу⟩ в Париж ⟨...⟩" (*Письма к Герцену.* С. 214; *Революционеры-семидесятники.* С. 161). Возможно, Драгоманов прислал Тургеневу также изданную в Женеве в 1877 г. брошюру П.Ф. Алисова о романе "Новь" (ср. письмо 4955, примеч. 12). По его собственному признанию, отвечая на предыдущее письмо Тургенева от 7 (19) декабря 1877 г., он передал, что знает «в молодой женевской русской эмиграции ⟨...⟩ людей, которые остались вовсе не недовольны "Новью"» (см.: *Письма к Герцену.* С. 214; *Революционеры-семидесятники.* С. 162). О том же он писал и М.М. Стасюлевичу

31 января н. ст. 1877 г.: "Сколько я могу судить тут, — левые подсудимые И. С. Т⟨ургенева⟩ довольны романом, хотя и находят, что писал он все пока по слухам, а не по наблюдениям, — а правые, конечно, сердятся" (*Стасюлевич.* Т. 5. С. 218).

[2] Это письмо Тургенева неизвестно.

[3] Сложно сказать, когда состоялось знакомство Драгоманова с В. Рольстоном, однако установлено, например, что уже в 1873 г. Драгоманов откликнулся в "Athenæum" на работы Рольстона о русской литературе, упрекнув его за исключительное внимание к миру "великорусского народного творчества" и за полное отсутствие украинского материала (см.: *Алексеев М.П.*, *Левин Ю.Д.* Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора. СПб., 1994. С. 76).

[4] О болезни Рольстона Тургенев сообщал также А.Ф. Онегину (см. письмо 4961 и примеч. 1 к нему) и Г. Джеймсу (см. письмо 4991 и примеч. 6 к нему). Данное письмо было, скорее всего, написано после визита к Рольстону, который Тургенев нанес ему в тот же день, 1 марта н. ст., вместе с В.-П. Рольстоном, А.Ф. Онегиным, П.Н. и А.Н. Тургеневыми. См. запись о нем в дневнике Ф.Н. Тургеневой: *ЛН.* Т. 76. С. 391. Под "планами" Тургенев имел в виду намерение Рольстона найти себе место домашнего учителя в России. В примечаниях к этому письму первый его публикатор Драгоманов писал: "Рольстон перед тем писал мне, что он хочет пожить в России в качестве домашнего учителя в какой-нибудь богатой и респектабельной семье" (*Письма к Герцену.* С. 212).

4966. О.К. Гижицкой (с. 56)

Печатается по тексту первой публикации: Слово. М., 1918. Сб. 8. С. 24—25. Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо Гижицкой неизвестно.

[2] См. письмо 4950.

[3] Тургенев, очевидно, рекомендует Гижицкой "Всемирную историю" Фридриха Шлоссера. В русском переводе этот труд был издан под редакцией Н.Г. Чернышевского и В.А. Зайцева в 1861—1869 гг., в 18 томах.

4967. Жюлю Этцелю (с. 57 и 258)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.* Письмо написано на почтовой бумаге с монограммой Тургенева и штампом с адресом: "BOUGIVAL / LES FRÊNES / CHALET", который зачеркнут; ниже проставлен адрес Тургенева в Париже и дата написания письма.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 289.

Дата устанавливается на основании того, что во время проживания Тургенева по указанному адресу 6 марта н. ст. приходилось на среду только в 1878 г., что подтверждается и содержанием письма, а также датой письма Этцеля, на которое отвечает Тургенев (см. ниже).

[1] Тургенев отвечает на письмо Этцеля от 1 марта н. ст. 1878 г., написанное из Монте-Карло (Монако), в котором последний высказывал сожаление, что уехал, не попрощавшись с писателем. По словам Этцеля, один из приятелей, которого он встретил в Монте-Карло, сообщил ему о негодовании Л. Виардо в связи с публикацией издательством Этцеля нового перевода "Дон Кихота", выполненного Люсьеном Биаром. В свое оправдание Этцель просил принять во внимание, что он не делал этого тайком, а лишь привел в исполнение давно намеченный план, разработанный ранее 1870 г. Кроме того, Этцель замечал, что для переиздания перевода Виардо не подходили уже выкупленные им иллюстрации Тони Жоанно, поскольку издательство Ашетт, в котором ранее печатался перевод Виардо, отказалось в свое время от них в пользу иллюстраций Г. Доре, а выкупать последние в намерения Этцеля не входило. Не последнюю роль в решении издать новый перевод сыграло желание познакомить публику с новой интерпретацией романа Сервантеса (см.: Houghton Library. Harvard University. Cambridge, Mass. MS Mus 232 (23). Подлинник по-франц.).

[2] В это время во Франции ежегодно выходили различные переводы и переделки "Дон Кихота". Для нового издания Этцеля Мериме написал предисловие о жизни и творчестве Сервантеса. Высоко оценивая перевод Л. Биара, Этцель основывался также на отзыве Мериме, помещенном в конце предисловия (см. письмо Мериме к Этцелю от 2 марта 1870 г.: *Mérimée. Corr.* S. II. T. 9. P. 47). Книга вышла в марте 1878 г. в парижском издательстве Этцеля под названием: L'Ingénieux hidalgo Don Quichotte de la Manche par Michel de Cervantès Saavedra. Traduction nouvelle de Lucien Biart; précédée d'une notice sur la vie et l'œuvre de Cervantès, écrite spécialement pour cette traduction par Prosper Mérimée. 4 vol. Все четыре тома были богато иллюстрированы гравюрами и виньеткам Тони Жоанно. Выбор иллюстраций был, очевидно, вызван условиями авторского права, поскольку издательство Ашетт заключило с Г. Доре договор, который не распространялся на иллюстрации Т. Жоанно.

[3] "Дон Кихот" в переводе Л. Виардо вышел впервые роскошным изданием в двух томах в 1836—1837 гг. с иллюстрациями Тони Жоанно (около 800 иллюстраций), затем несколько раз переиздавался (только в 1850 г. вышло пять изданий "Дон-Кихота" с иллюстрациями Т. Жоанно. См.: *Miard L.* Le "Don Quichotte" de Cervantès et ses illustrateurs au temps de Louis Viardot. I. Tony Johannot et l'école romantique // *Cahiers.* № 19 (1995). P. 104).

По мнению современного исследователя, "очень возможно, что до наших дней он является самым читаемым и самым изучаемым, поскольку считается одним из наиболее полных, изящных и точных" (*Miard L.* Louis Viardot, traducteur du "Don Quichotte" ou les secrets d'une "belle infidèle" // *Cahiers.* № 8 (1984). P. 16). В 1863 г. перевод Виардо вышел с иллюстрациями Г. Доре в издании Ашетт. Об этом грандиозном проекте Доре, который получил высочайшую оценку у современников, прозвавших его отныне "Кишотом Доре" ("Quichotte de Doré"), см.: *Miard L.* Le "Don Quichotte" de Cervantès et ses illustrateurs au temps de Louis Viardot. II. Gustave Doré, l'illustrateur le plus illustre // *Cahiers.* № 21 (1997). P. 23—47.

[4] Одно из подобных объявлений появилось, например, 29 января н. ст. 1878 г. в "Le Temps": «Новый и полный перевод "Дон Кихота", выполненный Люсьеном Биаром, которому предпослано предисловие в 75 страниц, написанное специально для этого перевода Проспером Мериме, вышел сегодня в четырех красивых томиках в 18-ю долю листа. / Вскоре мы вернемся к этому большому труду, который авторитет г-на Проспера Мериме рекомендует из всех вниманию читающей публики и который наконец превратит бессмертное творение Сервантеса в современное и популярное произведение, близкое новым поколениям» (№ 6130. P. 3). Оно было перепечатано и другими газетами, например "Le XIXe siècle" (1878. 31 janvier. № 2238. P. 3) и др.

[5] Речь идет об очерке Э. Монтегю, который был посвящен Ж. Этцелю, писавшему под псевдонимом Сталь (*Montégut Emile*. Esquisses littéraires: Un conteur moraliste, P.-J. Stahl // Revue des Deux Mondes. 1878. T. 25. 1 février. P. 624—648).

[6] В постскриптуме к упомянутому выше письму Этцель замечал: «После того как Эмиль Монтегю поместил в "La Revue des Deux Mondes" очерк о Стале, мне кажется, он вполне не прочь написать и о *вас, Тургенев*». "Я послал ему все, что напечатал из ваших вещей, — добавлял он далее. — Вы могли бы собрать все остальное, то, что публиковалось в других местах, и доставить ему или от себя или через моего сына, у которого есть его адрес 〈...〉" (см.: Houghton Library. Harvard University. Cambridge, Mass. MS Mus 232 (23). Подлинник по-франц.). В 1878 г. в "Revue des Deux Mondes" статьи Монтегю о Тургеневе не появлялось, однако в майской книжке журнале за подписью Ж. Вальбер (G. Valbert) вышла статья В. Шербюлье "Le Procès de Véra Zassoulitsch" ("Процесс Веры Засулич"), в которой автор проводил параллель между В. Засулич и Марианной из "Нови". «Поэты ясновидящие, — утверждал Шербюлье, — Иван Тургенев предсказал Веру Засулич, когда нарисовал героиню своей "Нови", свою Марианну Викентьевну, которая поклялась принести себя в жертву русскому Молоху. Как и Марианна, Вера была несчастна не своим собственным несчастьем, она страдала

за всех притесненных, за всех обездоленных, или, скорее, она не страдала, она негодовала, она возмущалась; ее раздражало одновременно собственное бессилие и довольство “спокойных, зажиточных, сытых”» (Revue des Deux Mondes. 1878. T. 27. 1re livraison (1 mai). P. 220. Перевод цит. по: наст. изд. Соч. Т. 9. С. 538).

[7] Тургенев увиделся с издателем журнала “Revue des Deux Mondes” Ш. Бюлозом за два дня до написания данного письма, 4 марта н. ст. 1878 г., у Э. Ренана. См. запись об этом и список присутствовавших в дневнике Ф.Н. Тургеневой: *ЛН.* Т. 76. С. 391. О сотрудничестве Тургенева в “Revue des Deux Mondes”, начавшемся еще в 1856 г. и продолжавшемся на протяжении трех десятилетий, а также о взаимоотношениях с семьей Бюлозов и возможных причинах охлаждения этих отношений см. статью П. Уоддингтона: Two Unpublished Letters from Turgenev to the Buloz Family // The Slavonic and East European Review. 1973. № 2. P. 439—444.

[8] В письме к Тургеневу Этцель восхищался прекрасной погодой в Монте-Карло и лазурным небом (см.: Houghton Library. Harvard University. Cambridge, Mass. MS Mus 232 (23)).

[9] Цитата из басни Лафонтена “Лев и Крыса”.

4968. Корнелии Маржолен (с. 58 и 259)

Печатается по факсимиле, опубликованному А. Звигильским: *Cahiers.* № 16 (1992). P. 32.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *Zviguilsky A.* Ernest Renan, Tourguéniev et Pauline Viardot // *Cahiers.* № 16 (1992). P. 33; в русском переводе — *Звигильский А.* Эрнест Ренан, Тургенев и Полина Виардо // *Звигильский. Т и Франция.* С. 329 (пер. В. Зубовой). В собрание сочинений включается впервые.

[1] Очевидно, Тургенев отвечает на неизвестную записку К. Маржолен с просьбой проводить ее и М.Н. Зубову, с которой писатель был знаком еще с 1860-х гг. и которой давал уроки русского языка, находя ее “премиленькой”, в мастерскую М.М. Антокольского, готовившегося к майской Всемирной выставке в Париже, где была показана в том числе и его скульптура “Христос перед судом народа” (другое название: “Христос перед судилищем народным”). Эта работа была удостоена высшей награды. Тогда же Антокольский был награжден орденом Почетного легиона. Тургенев, одним из первых оценивший выдающийся талант скульптора и написавший статью о статуе Антокольского “Иван Грозный” (*СПб Вед.* 1871. 19 февраля. № 50. См.: наст. изд. Соч. Т. 10. С. 259—261), был в восторге от статуи Христа (см. письмо 4957). Сам скульптор признавался, что “боготворил” Тургенева и что своей известностью во многом обязан писателю. Именно после заметки Тургенева и статьи

В.В. Стасова "народ хлынул в мою мастерскую" (*Антокольский.* С. 953). Не случайно, именно Тургенев помогал Антокольскому в Париже в связи с готовящейся выставкой и привлекал к его работе внимание таких знаменитостей, как Э. Ренан и дочь известного художника Ари Шеффера Корнелия Маржолен, которая сама была скульптором. Очевидно, по просьбе Тургенева была написана статья об Антокольском Л. Виардо. «Мы убеждены, — писал Л. Виардо, — что г. Антокольский, благодаря трем своим выдающимся работам ("Христос перед судом народа", "Иван Грозный" и "Смерть Сократа". — *Ред.*) не только сделает себе имя на международном европейском конкурсе, но и сделает честь своей нации и своей стране» (*L⟨ouis⟩ V⟨iardot⟩*. Correspondance artistique // L'Indépendance Belge. 1878. 6 mars. P. 2). Эта статья была, конечно, известна Антокольскому, который писал В.В. Стасову 1 (13) марта 1878 г. о впечатлении, производимом "Христом" на посетителей его мастерской: «Видно, что она делает впечатление на всех: на днях даже явилась статья о ней (получайте!). Статью написал Виардо, обо мне он писал черт знает как, уже как настоящий враг, как француз, но о "Христе" он отозвался очень тепло» (*Антокольский.* С. 358). Ознакомился со статьей Виардо и П.В. Анненков, высоко оценивший ее, но удивившийся трактовке замысла статуи "Иван Грозный": «Статья Виардо об Антокольском в "Indépendance Belge" — весьма честное дело. Зачем только он думает, что в статуе Ивана Грозного последний представлен собирающимся на кровавую расправу, когда в ней именно хорошо то, что она изображает воздействие расправ на самого палача?» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 80). Откликнулся Л. Виардо и на прибытие в Париж статуи "Смерть Сократа". Сравнивая ее со статуей "Христос перед судом народа", Виардо писал: "Обе скульптуры сделают честь секции России, к которой скульптор принадлежит по праву завоевания, будучи по рождению польским евреем. Можно сделать интересное сопоставление образов двух мудрецов — греческого и иудейского, каждый из которых был благодетелем человечества и был приговорен к смерти неблагодарностью и глупостью людскими, оба были проповедниками, чье далекое слово и поныне правит большой частью мира" (*L⟨ouis⟩ V⟨iardot⟩.* Correspondance artistique de "l'Indépendance" // L'Indépendance Belge. 1878. 25 avril). Вырезка этой заметки сохранилась в бумагах Антокольского, где инициалы Л. Виардо были раскрыты (*ИРЛИ.* Ф. 294. Оп. 1. № 913. Л. 6).

[2] Очевидно, Тургенев и Антокольский должны были встретиться в русской православной церкви на ул. Дарю.

[3] Назначенное посещение мастерской Антокольского Тургеневым, К. Маржолен и М.Н. Зубовой состоялось 10 марта н. ст. 1878 г. (см. письмо 4972).

4969. М.М. Стасюлевичу (с. 58)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 214. На подлиннике помета Стасюлевича: "28.II.78", дата получения письма.

Впервые опубликовано: *ВЕ.* 1911. № 12. С. 3–4.

[1] Это письмо Стасюлевича неизвестно.

[2] По всей видимости, имеются в виду оттиски из мартовской книжки "Вестника Европы" за 1878 г., в которой была опубликована вторая часть писем Пушкина: "Новые письма А.С. Пушкина. 1830–1836. — II. Письма к жене: 1834-й, 35-й и 36-й годы" (С. 5–38). Об издании писем Пушкина см. примеч. 1 к письму 4919, примеч. 8 к письму 4922, а также примеч. 2 к письму 4993.

[3] О том, что публика нашла письма Пушкина "бесцеремонными и грубыми", Тургенев сообщал также ранее П.В. Анненкову (см. письмо 4953), где ссылался, в частности, на отзыв И.П. Арапетова. Среди прочих "брезгливых критиков" мог подразумеваться и Е.Л. Марков, неблагоприятный отклик которого был напечатан в "Голосе" 9 (21) февраля 1878 г. (№ 40. С. 1–2). См. о нем примеч. 6 к письму 4953. По этому поводу П.В. Анненков, например, иронично писал Тургеневу 20 февраля (4 марта) 1878 г.: "Я считал Ев. Маркова доселе критиком, иногда завирающимся, но все же с исходными точками отправления для мысли, о которых можно говорить, а теперь оказывается, что это фельетонный *герой*, каких у нас тысячи. Его суждение о письмах Пушкина, от которых ждал любовных изъяснений — такая же нелепость, как любая буренинская, маркевическая и суворинская бравурная выходка" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 80).

[4] Это письмо Стасюлевича неизвестно. По всей видимости, в нем он извещал Тургенева о сложностях, возникших при прохождении повести А.Н. Луканиной "Любушка" через цензуру. См. примеч. 7 к письму 4957.

[5] С Кавдинскими фуркулами Тургенев сравнивал и прохождение через цензуру своего романа "Новь" в письме к П.Л. Лаврову от 1 (13) февраля 1876 г. — см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4230 и примеч. 3 к нему.

[6] 19 февраля (3 марта) 1878 г. в Сан-Стефано между Россией и Турцией был подписан мирный договор, который, однако, не удовлетворил ведущие европейские страны, прежде всего Англию и Австро-Венгрию, опасавшихся усиления влияния России и настаивавших на том, чтобы положения Сан-Стефанского трактата рассматривались на общеевропейской конференции. Кроме того, ряд других заинтересованных государств заявил о своих притязаниях на различные части Балканского полуострова. По этому поводу в одной из российских газет говорилось: «Там, на этом полуострове, все сдвинулось со своего

прежнего места, но еще не нашло новых мест, суетится, волнуется, все исполнено надежд, страстных порываний или столь же страстного недовольства и раздражения... Сербия негодует, оскорбленная недостаточным расширением своих границ; Черногория не уверена, сохранятся ли за ней даже те приобретения, которые с таким геройством выхвачены ею у турок; ⟨...⟩ греки лихорадочно бросаются из стороны в сторону, чтобы принять участие в "добыче" и отторгнуть от Турции населенные греками области» (Неделя. 1878. 25 февраля. № 9. Стб. 274). См. примеч. 3 к письму 4934.

[7] Многие русские журналы и газеты также писали о необходимости объективно взглянуть на итоги войны и провести соответствующие реформы, обращая внимание, в частности, на неудачи при формирования органов самоуправления в Болгарии, а также на военные промахи, обусловленные изъянами в работе военных ведомств. Указывая на освобождение Болгарии от власти Османской империи как на положительный итог русско-турецкой войны, обозреватель "Недели" в редакционной статье "Что выдвигается из-за мира?", например, отмечал: "Слишком было бы прискорбно и удивительно, если бы мы не дождались и этого последствия тяжкой борьбы, стоившей нам таких усилий, таких громадных жертв. Не все же, в пессимистическом настроении, помышлять да вздыхать, что до сих пор результатами войны для России были только потери людьми, простирающиеся до 100 000 чел. выбывших из строя, затраты сотен миллионов деньгами, сопровождавшиеся жестоким упадком курса, да эпидемия сыпного тифа, разнесенная по всей России турецкими пленными" (Неделя. 1878. 25 февраля. № 9. Стб. 273).

[8] Князь В.А. Черкасский умер в Сан-Стефано от удара 19 февраля ст. ст. 1878 г., в день подписания мирного договора с Турцией. В некрологе, помещенном в "Новом времени" несколько дней спустя после его кончины, он был назван "одним из видных членов того небольшого кружка талантливых людей, которые задолго до 19-го февраля 1861 года, в тиши своих кабинетов и конфиденциальных дружеских бесед, обсуждали и разработывали начала, легшие в основу достопамятной крестьянской реформы". Отмечались его заслуги в качестве активного участника реформы 1861 г., где он "имел случай выказать и свой ум, и свои знания, а главное свою горячую преданность делу, которое составило самую блестящую страницу нынешнего царствования", а также деятельность в Царстве Польском и на посту московского городского головы. "Покинув административное поприще, — говорилось далее, — кн. Черкасский поселился в Москве, которую он признавал всегда своею родиною и по проведенному в ней детству, и по воспитанию, и по самым дорогим для него дружеским узам с славянофильским кружком". Завершался некролог высокой оценкой его деятельности

во время русско-турецкой войны (*Н Вр.* 1878. 22 февраля. № 714. С. 2). В целом в первые дни большинство газет ограничилось краткими некрологами, что было подмечено "Новым временем" (1878. 24 февраля. № 716. С. 2). Откликнулся на смерть Черкасского и П.В. Анненков, заметивший в письме к Тургеневу от 1 (13) марта 1878 г.: «Все валится кругом нас — вот и Черкасский ушел и притом чуть ли не за час до подписания мира. Смерть его, скажу откровенно, меня поразила: такой ум и такая воля — упразднены в такое время, когда всего более они и нужны. Черт знает почему? Именно он только и способен был вести диких наших родичей, под плетью, к человеческому существованию, хотя бы и на русский манер. Ведь становой там есть идея справедливости, исправник есть идея ответственности перед государством, губернатор есть идея равенства перед законом — и тысячи Утиных не найдут никаких других для этого ужасного края, ибо утинское "все само собой сделается" — совсем не пригодно для народов, а только для журнальных шалопаев в его роде. Скоро, скоро останемся мы одни-одинехоньки на сем свете, И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩ — вот что обидно, а делать нечего» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 80). Судя по всему, Тургенев на это письмо Анненкова не ответил. Трудно сказать, о каком из братьев Утиных, близких к студенческому движению, идет речь. Скорее всего, о присяжном поверенном и известном публицисте Евгении Исааковиче, который во время русско-турецкой войны был на театре военных действий и являлся автором "Писем из Болгарии", печатавшихся в "Вестнике Европы".

[9] Вероятно, намек на серию из трех статей К.Д. Кавелина "Московские славянофилы сороковых годов", печатавшихся в "Северном вестнике" в январе 1878 г. в качестве рецензии на первый том посмертного издания сочинений Ю.Ф. Самарина (М., 1877). В них Кавелин попытался изложить сущность воззрений славянофилов, чтобы развеять сложившиеся вокруг них "крайне туманные, сбивчивые и противоречивые понятия". Заключил свой разбор Кавелин сочувственной оценкой их деятельности: "В наше время самое название славянофилов и западников потеряло всякое значение и держится только по старой памяти. Каждый мыслящий человек, принимающий к сердцу интересы своей родины, не может не чувствовать себя наполовину славянофилом, наполовину западником, потому что оба воззрения выражали и формировали только две стороны одной и той же русской действительности, которые в науке, мысли, исследовании можно и должно отграничить одну от другой и изучать особливо, для лучшего их выяснения, но которые в живой действительности навсегда останутся непосредственно слитыми в одно целое" (*Сев Вестн.* 1878. 20, 23, 24 янв. № 20, 23, 24).

[10] Статья о Пушкине так и не была написана Тургеневым. См. примеч. 13 к письму 4936.

4970. Эрнесту Ренану (с. 60 и 260)

Печатается по факсимиле, опубликованному А. Звигильским: *Cahiers.* № 16 (1992). P. 14. Подлинник хранится в *Bibl Nat*: *NAF.* № 11467. F. 366.

Впервые опубликовано во французском оригинале: *Renan E.* Caliban, suite de la Tempête / Ed. Colin Smith. Manchester, 1954. P. 31—33. Перепечатано: во французском оригинале — *Zviguilsky A.* Ernest Renan, Tourguéniev et Pauline Viardot // *Cahiers.* № 16 (1992). P. 13, 15; в русском переводе — *Звигильский А.* Эрнест Ренан, Тургенев и Полина Виардо // *Звигильский. Т и Франция.* С. 329 (пер. В. Зубовой). В собрание сочинений включается впервые.

[1] "Калибан" — первая философская драма Э. Ренана, написанная и напечатанная в 1878 г. (в 1878 г. вышла двумя изданиями). В подзаголовке она была объявлена "продолжением" "Бури" Шекспира. Заимствованные у Шекспира главные герои драмы: "неизвестный историкам" миланский герцог Просперо, Калибан — получеловек-полуживотное (в Обращении к читателям названный "бесформенным существом", "стоящим на пути к превращению в человека" — "être informe", "en voie de devenir homme"), и "сын света" Ариэль, провозглашенный Ренаном "символом идеализма", по мнению автора, являются тремя самыми глубокими образами Шекспира (*Renan E.* Caliban. Suite de "La Tempête". Drame philosophique. Deuxième éd. Paris, 1878. P. I). Приспосабливая образы Шекспира к условиям современности, Ренан исходил из того, что английский драматург является "историком вечности". По мнению Ренана, он "не изображает какую-либо страну или какой-либо конкретный век; он изображает историю человечества", что дает право французскому автору игнорировать вопрос о местном колорите и точности в воспроизведении исторических реалий (Ibid. P. II).

Чтение "Калибана", на которое был приглашен Тургенев, состоялось, очевидно, в день написания письма. Кто еще присутствовал на нем, кроме Ш. Эдмона, установить не удалось. В дневнике Ф.Н. Тургеневой отмечено, что 4 марта н. ст. она была в доме Ренана, где присутствовал и Тургенев (*ЛН.* Т. 76. С. 391), что дало основание А. Звигильскому утверждать, что чтение состоялось именно в этот день (*Zviguilsky A.* Ernest Renan, Tourguéniev et Pauline Viardot. P. 12), однако тон письма к Ренану говорит о том, что оно написано по горячим следам сразу после чтения; кроме того, в дневнике Ф.Н. Тургеневой нет ни слова о чтении Ренаном своей драмы и не упоминается имя Ш. Эдмона.

[2] В ранней редакции пьесы, судя по письму Тургенева, главный герой не появлялся на сцене в последнем (четвертом) действии. Так осталось и в окончательной редакции, где происходит лишь обсуждение совершившейся революции. Восставший и

победивший Калибан уже не интересовал автора. Это соответствовало взглядам Ренана на природу человека, который может стать таковым, только приобщившись к цивилизации, олицетворением которой являлся Просперо, носитель несколько смутно выраженной философии позитивизма, погруженный в занятия наукой и признающийся, что и сам толком не знает что делает, однако уверенный в том, что является орудием некой "ищущей воли" ("Ce que je fais ⟨...⟩ je l'ignore moi-même; mais je suis sûr d'être l'instrument d'une volonté qui cherche") (*Renan E.* Op. cit. P. 12—13). Опираясь на "анализ и синтез", Просперо стремится стать "повелителем духов природы" и превратить их в "определенные особи" ("être maître des esprits de la nature et leur donner une personnalité distincte") (Ibid. P. 13), иначе говоря, овладеть силами природы. Однако позитивизм Просперо, объявившего Богом разум, резко отличается от грубого, приземленного позитивизма Калибана, которого именно Просперо наделил языком и разумом, превратив из "зловонной рыбы" ("poisson fétide") в человека. Позитивизм Просперо облечен в изысканные термины и тяготеет к идеализму, в его лексиконе Бог становится "универсальным порывом к бытию" ("l'effort universel pour être"), он "осуществится в полной мере тогда, когда наука наденет на себя монархическую корону и будет царствовать, не зная соперничества" ("se réalisera pleinement quand la science ceindra la couronne monarchique et régnera sans rivale") (Ibid. P. 15). Именно тогда "разум возвратит миру утраченную им красоту" ("Alors la raison rendra au monde sa beauté perdue") (Ibid.). Вот почему его эксперимент по извлечению "духа" из животного Калибана обречен на неудачу. Этот "дух" оказывается верным своей низменной природе. "Крокодилу дана огромная пасть не для того, чтобы ею не воспользоваться", — резонно возражает на все увещевания Калибан. "Моя природа состоит в том, чтобы проклинать ⟨...⟩" (Ibid. P. 6). Будучи убежденным сторонником господства избранных, аристократической элиты, противопоставленной "толпе", Ренан рисовал Калибана как отрицательный персонаж, недостойный встать вровень с Просперо, объявляя себя в то же время глубочайшим пессимистом относительно будущего человечества. Напуганный революцией 1848 г. и Парижской коммуной, Ренан был приверженцем Империи, которую в драме олицетворяет прекрасная куртизанка.

Не вышедший из животного состояния Калибан объявляет войну не только Просперо, но вообще просвещению, науке, книгам. Однако добившись власти, он начинает чувствовать вкус к роскоши и даже ощущает в себе ростки добра. Сверженный Просперо пытается подавить мятеж, однако это ему не удается, поскольку его искусство, его знания и разум бессильны перед народом, который олицетворяет Калибан. "Все, что идеально, — говорит сподвижник Просперо Ариэль, — не существует для

народа; он понимает только одно реальное, — он позитивист". Приходится изобретать новые способы воздействия. При этом Просперо легко идет на сделку с чудовищем, когда оно предлагает спасти его от инквизиции и разрешить занятия наукой, а ближайшие советчики свергнутого герцога даже находят в Калибане некоторые достоинства. Приобщившись к роскоши, Калибан приобщается и к прогрессу, к цивилизации, созданной аристократией. Истинным же носителям цивилизации остается только насмешка над суетой мира. Однако и среди приверженцев Просперо возникает бунт: не желающий приспосабливаться к новому порядку идеалист Ариэль выбирает смерть.

Уже в первом номере "Вестника Европы" за 1879 г. появилась большая статья известного критика К.К. Арсеньева, посвященная драме Ренана, в которой автор увидел "картину настоящего и ближайшего будущего демократии" (*Арсеньев К.* Философская драма Ренана // *ВЕ.* 1879. № 1. С. 109). Арсеньев прежде всего подчеркнул тенденциозность автора, «политический ярлычок, отмечающий каждое из главных лиц "Калибана"»: Ренан переносит читателя из "волшебного мира" "Бури" Шекспира на "реальную почву современности, едва прикрытую средневековою декорацией. Место свободной, капризной фантазии поэта заступает обдуманное, холодное олицетворение сил, симпатичных и антипатичных автору как человеку партии или, по крайней мере, как приверженцу известных политических тенденций" (Там же. С. 107). Сопоставляя труды Ренана разных годов, Арсеньев делает вывод, что его философская драма является не чем иным, как "наглядным пояснением", "иллюстрацией к тезисам, упорно проводимым в последних сочинениях", где он выступает поборником аристократии духа, воплощением которой должны быть привилегированные ученые, обладающие всей полнотой знаний, в противовес необразованной толпе, при этом Ренан ратует против всеобщего избирательного права и других демократических институтов, оказываясь, в конечном счете, противником самой демократии (Там же. С. 110—112). Упрекая автора "Калибана" в несправедливом презрении к народу, русский критик пишет: "Для народа цивилизация, выработанная в его среде, не есть нечто внешнее, постороннее; это не дар, приносимый ему из милости, а результат общего труда, в котором и он принимал то прямое, то косвенное участие" (Там же. С. 114). Третий акт драмы, по мнению критика, "спускается на степень политического водевиля" и «возбуждает только сожаление ⟨...⟩ о том, что даровитый ученый взялся за дело, которое с бóльшим успехом мог бы исполнить любой из редакторов "Фигаро"» (Там же. С. 115—116). Недаром спустя некоторое время Э. Золя в одном из "Парижских писем" назвал Ренана витающим "созерцательным в тумане". "Идея у него никогда не отличается определенностью и ясностью, — писал Золя. — ⟨...⟩ он избега-

ет ясных выводов. И если, оставив философа, мы обратимся к писателю, то находим романтика во всей его прелести и силе. Конечно, это не высокопарный слог Виктора Гюго, щегольство антитезами, набор громких слов и ярких образов. Это скорее медовая речь Ламартина, слог — нежный, как ласка, и набожный, как молитва". Именно стилиста, а не ученого, по мнению Золя, Академия выбрала в свои ряды (*Золя Э.* Парижские письма. XLVIII. Два литературные торжества: В. Гюго и Ренан // *ВЕ.* 1879. № 5. С. 357—358).

Четвертый акт "Калибана" заканчивался полной победой нового правителя Милана и полным поражением Просперо. Единственной оптимистической нотой было всеобщее ликование миланцев по поводу посрамления посланцем от Калибана монаха, пришедшего за Просперо, которого должна была судить инквизиция. Убеждая Ренана поставить точку над "i", Тургенев имел в виду прежде всего незавершенность образа главного героя пьесы, однако дописанный пятый акт не много прояснил в замысле автора, хотя в определенном смысле реабилитировал Калибана, объявляющего себя не только наследником Просперо, но и его покровителем и защитником. Калибан даже приглашает одного из сподвижников Просперо в свой государственный совет. Итог всему произошедшему подводит мудрый настоятель монастыря, в котором живет Просперо: он объявляет жизнь "вечной иллюзией, комедией с бесконечным числом актов". По-видимому, в размышлениях этого героя отразились споры, которые вели Тургенев, Ренан и Ш. Эдмон после прослушивания "Калибана". В дописанном пятом акте у главного героя появилась такая черта, как способность к прогрессу, не исключено, что когда-то он станет покровителем наук, искусств и литературы. И лишь в одном ему полностью отказывает автор: в идеализме. Именно поэтому мир, которым правит Калибан, навсегда покидает Ариэль.

Учитывая советы Тургенева, Ренан дописал целый акт драмы, что подтверждается письмом к Ренану от 2 (14) марта 1878 г. (№ 4978), а также прямым признанием Тургенева в письме к М.М. Стасюлевичу от 5 (17) января 1879 г., в котором писатель сообщил, что не стал читать статью К.К. Арсеньева о "Калибане": "Я слышал его чтение из уст самого Ренана (в рукописи); и даже, скажу меж нами, он, по моему ходатайству за Калибана, прибавил целый акт" (см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2).

[3] Ко времени написания "Калибана" Ренан был известным семитологом, автором книги "История семитских языков" (1855), многочисленных статей по истории религии, переводчиком библейских текстов, однако подлинную известность ему принесла книга "La Vie de Jésus" ("Жизнь Иисуса", 1863), с которой Тургенев был знаком. Вместе с книгами "Les Apôtres" ("Апостолы", 1866) и "Saint Paul" ("Святой Павел", 1869) она вошла в

первые три тома его "Истории происхождения христианства" (всего вышло семь томов). О четвертой книге из этой серии — "Антихрист" ("Antéchrist", 1873) сохранился развернутый отзыв Тургенева в письме к П. Виардо от 14, 15 (26, 27 июня) 1873 г. «Я только что проглотил толстый том Ренана "Антихрист". Там есть прекрасные страницы — характер Нерона обрисован рукою мастера. Но есть места чертовски скабрезные для экс-семинариста! ⟨...⟩ Но эту книгу надо прочитать!» (см.: наст. изд. Письма. Т. 12. № 3451). Несомненно, Тургенев знал подробности биографии близкого друга семьи Виардо Э. Ренана, прошедшего долгий путь от подготовки к карьере священника до приверженца позитивизма и "еретика", что привело к полному разрыву с католической церковью. В 1879 г. Тургенев читал шестой том "Истории происхождения христианства" — "Христианская церковь" (1879), о чем сообщал П.В. Анненкову в письме от 27 октября (8 ноября) 1879 г.: «Начал читать последнюю часть Ренана "L'Eglise Chrétienne". Любопытно — но, на мой профанский вкус, trop ingénieux (слишком замысловато — *франц.*)» (см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2). Получив эту книгу от самого автора (экземпляр неизвестен), Тургенев писал Ренану 6 (18) ноября 1879 г.: "Я ⟨...⟩ дочитываю вашу последнюю книгу. Вы просвещаете меня в отношении всех этих столь щекотливых и трудных вопросов: не знаю, чем мне восхищаться больше — трудностью или верностью вашего — если смею так выразиться — психологического анализа тех способов, которыми была организована церковь. Чтение этой книги доставляет истинное наслаждение" (Там же).

4971. Корнелии Маржолен (с. 61 и 261)

Печатается по факсимиле, опубликованному А. Звигильским: *Cahiers.* № 16 (1992). P. 34.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *Zviguilsky A.* Ernest Renan, Tourguéniev et Pauline Viardot // *Cahiers.* № 16 (1992). P. 33; в русском переводе — *Звигильский А.* Эрнест Ренан, Тургенев и Полина Виардо // *Звигильский. Т и Франция.* С. 329 (пер. В. Зубовой). В собрание сочинений включается впервые.

[1] С М.М. Антокольским Тургенев должен был встретиться в русской церкви на ул. Дарю, чтобы договориться о визите к нему К. Маржолен и М.Н. Зубовой (см. письмо 4968).

[2] Имеется в виду так называемый цирк Паделу (или "Зимний цирк"), концертный зал, в котором давались музыкальные концерты. В этом зале дебютировал в январе 1877 г. сын Л. и П. Виардо Поль Виардо (см. письмо 4572 и примеч. 13 к нему: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2). В данном случае речь идет о воскресном концерте, в котором исполнялась 9-я симфония

Бетховена (так называемая "Хоральная", поскольку в последней части хором и солистом исполняется "Ода к радости" на стихи Ф. Шиллера) под управлением самого Ж.-Э. Паделу, основателя "Народных концертов классической музыки". Концерт, на котором присутствовал Антокольский, прошел при полном зале и с большим успехом. Как отмечалось в прессе, исполнение самой трудной симфонии Бетховена было великолепным, как в части инструментальной, так и в особенно сложной для пения вокальной части (Ménestrel. 1878. 17 mars. № 16. P. 128). Страстный меломан, Антокольский вспоминал в своей автобиографии, какое впечатление произвело на него исполнение фрагментов 9-й симфонии в доме А.Н. Серова: "Я не забуду последнего вечера, проведенного вместе с А.Н. Серовым. У рояля сидели его жена и умная, талантливая Эрит-Виардо (старшая дочь П. и Л. Виардо Луиза. — *Ред.*). Играли страстно, с увлечением, с знанием дела; да и сама пьеса представляла нечто необыкновенно грандиозное; в ней чувствовался широкий размах, свойственный только гению. То была *девятая симфония Бетховена*. Я попросил Серова объяснить ее мне. Он стал говорить, и сам увлекся; я слушал с напряженным вниманием... Я понял могучие образы Бетховена, на которые он лишь нанизывал свои чудные перлы. Велик, бессмертен *Бетховен*!" (*Антокольский.* С. 947).

4972. Эрнесту Ренану (с. 61 и 261)

Печатается по факсимиле, опубликованному А. Звигильским: *Cahiers.* № 16 (1992). P. 16. Подлинник хранится в *Bibl Nat*: *NAF.* № 11467. F. 368.

Впервые опубликовано во французском оригинале: *Renan E.* Caliban, suite de la Tempête / Ed. Colin Smith. Manchester, 1954. P. 31—33. Перепечатано: во французском оригинале — *Zviguilsky A.* Ernest Renan, Tourguéniev et Pauline Viardot // *Cahiers.* № 16 (1992). P. 15; в русском переводе — *Звигильский А.* Эрнест Ренан, Тургенев и Полина Виардо // *Звигильский. Т и Франция.* С. 308 (пер. В. Зубовой). В собрание сочинений включается впервые.

[1] "Вот снова Криспин" — начало 4-й сатиры Ювенала (IV, 1—3), ставшее крылатым выражением, которое означает что-то надоевшее. Здесь Тургенев намекает на то, что недавно писал к Ренану (см. письмо 4970). Криспин был сановником при дворе императора Домициана и частым объектом сатир разных поэтов, в том числе Ювенала.

[2] Речь идет о философской драме Э. Ренана "Калибан", на чтении которой присутствовал Тургенев и по поводу которой высказал несколько замечаний (см. письмо 4970 и примеч. 1, 2 к нему, а также письмо 4978).

[3] Ренан учел советы Тургенева: действительно, в дописанном им пятом акте смерть Ариэля стала завершающим аккордом всей пьесы. В то время как сам Просперо и его приближенные смирились с победой Калибана, Ариэль предпочел смерть низменному существованию. Мудрости настоятеля монастыря хватило на то, чтобы признать Калибана "способным к развитию" ("susceptible de faire des progrès") и утешать себя тем, что "вечный разум может проявлять себя самыми противоположными по виду способами" ("l'éternelle raison se fait jour par les moyens les plus opposés en apparence"), а "ненавидеть беззаконие" очень трудно (*Renan E.* Caliban. Suite de "La Tempête". Drame philosophique. Paris, 1878. P. 91). В ответ на предложение Просперо отпустить его на свободу Ариэль говорит: "Не в моей природе понимать добро двояким образом. ⟨...⟩ Я буду оплакивать свое неучастие в человеческой жизни. Эта жизнь сильна, но нечиста. Мне нужны более целомудренные поцелуи. Всякий идеалист будет моим возлюбленным; всякая чистая душа будет моей сестрой ⟨...⟩ Я буду цвести в розе; зеленеть в миртовом дереве, благоухать в гвоздике ⟨...⟩. Прощайте, господин, помните вашего маленького Ариэля" (Ibid. P. 94—95). После этой трогательной речи Ариэль растворяется, а Просперо падает без чувств. Говоря о восклицании Просперо как об "остроумном выпаде, проявлении минутной досады", Тургенев, по-видимому, имел в виду заключительные слова Просперо в четвертом акте. В ответ на реплику одного из своих приближенных о том, что среди достоинств Калибана есть еще одно — "антиклерикализм", Просперо произносит: "И то правда" и, после минутного раздумья, добавляет: "В изгнании я повсюду найду монаха. Черт возьми, да здравствует Калибан!" (Ibid. P. 83).

[4] В мастерской М.М. Антокольского Тургенев был в 1 ч. дня, сопровождая туда К. Маржолен и М.Н. Зубову, которые пожелали увидеть статую "Христос перед судом народа". В Париж скульптор перебрался из Рима в 1877 г. 2 (14) февраля 1878 г. А.П. Боголюбов сообщал И.Н. Крамскому об Антокольском из Парижа: "Мастерская его устраивается, и я видел Христа! Это сильная скульптура и сильное исполнение задуманной цели. Словом, я в восторге от этой вещи" (*ГРМ. ОР.* Ф. 15. Д. 5; цит. по: *Боголюбов. Летопись.* С. 89).

[5] Статуя "Христос перед судом народа" была выполнена в 1873—1874 гг. в Риме, где получила широкое признание. В 1876 г. она была завершена в мраморе для С.И. Мамонтова, который заказал Антокольскому статую на особых условиях: зная о его тяжелом материальном положении, меценат и ценитель творчества Антокольского "открыл кредит скульптору в счет оплаты за статую ⟨...⟩ Условия заказа предполагали полную свободу для автора: сюжет по собственному выбору, никаких ограничений ни в смысле трактовки произведения, ни в смысле срока

исполнения" (*Кривдина О.А.* Марк Матвеевич Антокольский. "От России — для России". СПб., 2008. С. 90—91). В 1878 г. статуя была отлита в бронзе. Скульптор привез ее вместе с другими работами на Парижскую выставку (см. письмо 4968 и примеч. 1 к нему). «Я Его (Христа. — *Ред.*) представлю в тот момент, когда Он стоит перед судом того народа, за который Он пал жертвою, — пояснял свою задачу Антокольский в письме к В.В. Стасову 31 марта (12 апреля) 1873 г. — Я выбрал этот момент, во-первых, потому, что здесь и связался узел драмы. Его душевное движение в эту минуту является необыкновенно грандиозным. Действительно, только в эту минуту Он мог сказать (и только Он): "Я им прощаю, потому что они не ведают, что творят". Во-вторых, под судом народа я подразумеваю и теперешний суд» (*Антокольский*. С. 70). «Главная основа моей идеи в Христе, — писал он позднее И.Н. Крамскому, — очень немногосложна и проста, но тем труднее ее исполнить. ⟨...⟩ Я просто хотел вызвать Христа, каким он представляется в XIX столетии. Я представил его перед судом народа, потому что он теперь нуждается в суждении более, чем когда бы то ни было. "Что вы со мной сделали?.. Но делайте, что хотите, все-таки я убежден, я верю в чистую веру, что истина, любовь восторжествуют!!" Вот что я хотел, чтобы моя статуя говорила всем, верующим и неверующим» (Там же. С. 112—113). На Парижской выставке Антокольскому была присуждена золотая медаль и орден Почетного легиона, он был избран также членом-корреспондентом Французского института искусств. В архиве Стасовых (*ИРЛИ*) сохранилась переданная из бумаг М.М. Антокольского вырезка из газеты "Journal de St-Pétersbourg", в которой сообщается о его избрании: «Париж, 4 августа. / Г-н Антокольский только что единогласно избран членом-корреспондентом Института Франции. Мы сообщаем эту новость с живым и глубоким удовлетворением, в котором наша национальная гордость сочетается, признаемся, с высоким уважением, которое мы испытываем к творчеству этого художника. В самом деле, разве не является одним из самых прекрасных преимуществ большого таланта, когда он соединяется с твердостью характера и с неукротимым упорством, иметь возможность принести своему отечеству блеск своей славы? Принятие г. Антокольского в члены-корреспонденты парижской Академии изящных искусств, единственное звание, возможное для иностранцев, является высочайшей честью. ⟨...⟩ Одновременно это блестящее признание успеха, который снискали произведения нашего соотечественника на Всемирной выставке. ⟨...⟩ Франция, столь благородно уравновешенная, столь великая в своей справедливости, присоединяется, в некотором смысле, к этой славе, которой она помогла взойти, она принимает и, так сказать, усыновляет автора "Ивана Грозного" и "Петра Великого" Не сомневаемся, что Россия захочет сделать это в

свою очередь. / Когда подумаешь о препятствиях, которые этот художник, сын бедного рабочего, должен был преодолеть в своей карьере скульптора, особенно тяжелой и трудоемкой между другими, можешь лишь аплодировать его мужеству и радоваться плодам его усилий, но когда видишь на его бледном и раньше времени постаревшем лице борозды, проложенные горячим стремлением к идеалу и жгучей жаждой совершенства, спрашиваешь себя, не дорого ли оплачена слава ценой разрушенного здоровья и потерянного отдыха» (1878. 29 juillet (11 août). Подлинник по-франц. См. также: *ИРЛИ.* Ф. 294. Оп. 1. № 913. Л. 5). Подпись под корреспонденцией (M. R.) взята в скобки и внизу приписано: "L. Viardot". Несмотря на то, что текст заметки, на первый взгляд, свидетельствует о русском происхождении ее автора, не исключено, что она действительно принадлежит Луи Виардо, что было подлинно известно Антокольскому. Ныне оригинал статуи "Христос перед судом народа" (гипс) находится в Научно-исследовательском музее Академии художеств; оригинал 1876 г. в мраморе хранится в ГТГ, а отлитая в 1878 г. в бронзе статуя — в ГРМ.

[6] Визит Ренана и Тургенева к Антокольскому состоялся 27 февраля (11 марта) 1878 г. Мнение автора "Жизни Иисуса" о статуе "Христос перед судом народа" известно из письма Антокольского к В.В. Стасову от 1 (13) марта 1878 г.: «Третьего дня был у меня Ренан, на которого "Христос" сделал тоже сильное впечатление: он долго смотрел и восторгался» (*Антокольский.* С. 358).

[7] См. выше примеч. 4.

4973. Студентам Санкт-Петербургского университета (с. 62)

Печатается по фотокопии, предоставленной владельцем. Подлинник хранится в частном собрании Дворянских (С.-Петербург).

Впервые опубликовано: *Токарев В.* Неизвестное письмо И.С. Тургенева // Орловская правда. 1986. 24 мая. № 120. С. 4. В собрание сочинений включается впервые.

[1] Письмо М.М. Стасюлевича, в котором он от имени студентов Санкт-Петербургского университета переслал Тургеневу пригласительный билет на ежегодный музыкально-танцевальный вечер, устраивавшийся в годовщину основания университета, не сохранилось. Неизвестны и подробности организации вечера, о котором идет речь в письме. Можно предположить, однако, что к его устройству имели отношение студенты естественного отделения физико-математического факультета, у одного из которых — П.И. Дворянского — впоследствии оказался автограф данного письма. Известно, что вечер состоялся 23 февраля ст. ст. 1878 г. в залах дома Кононова в Петербурге. Сборы

от него должны были поступить в пользу недостаточных студентов. О его музыкальной части, состоявшей из двух отделений, дают представление сообщения в газетах. Так, перечислив фамилии артистов императорских театров, которые приняли участие в вечере, "Санкт-Петербургские ведомости" прибавляли: «Сверх того студенческий хор ⟨...⟩ исполнил несколько русских песен и обычное "Gaudeamus", а Ив.Ф. Горбунов в заключение рассказал до десятка сцен из народного быта с свойственным ему уменьем и юмором. Танцы начались уже около 12-и часов и продолжались до 4-х пополуночи, отличаясь вполне задушевною веселостью и непринужденностью, свойственною вообще той блаженной поре, когда каждый из нас, по выражению поэта, "идет направо — песнь заводит, налево — сказку говорит". На вечере присутствовал и М.Г. Черняев, которого молодежь приветствовала и провожала до самого подъезда громкими овациями» (см.: *СПб Вед.* 1878. 25 февраля. № 56. С. 2). См. также: *Н Вр.* 1878. 21 февраля. № 713. С. 3; Голос. 1878. 22 февраля. № 53. С. 3.

[2] О том, насколько обострилось положение ряда студентов, свидетельствует, например, решение Совета Санкт-Петербургского университета "ввиду распространения тифа ⟨...⟩ ассигновать специальную сумму для раздачи беднейшим студентам с целью улучшения их жизненных условий" (см.: *Бирж Вед.* 1878. 3 марта. № 61. С. 1).

4974. М.М. Стасюлевичу (с. 62)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 215. На подлиннике помета Стасюлевича: "4.III.78", дата получения письма.

Впервые опубликовано: *ВЕ.* 1911. № 12. С. 4.

[1] См. письмо 4973.

[2] Имеются в виду сложности, возникшие в связи с прохождением повести "Любушка" через цензуру. См. письмо 4957, примеч. 7, а также письма 4969 и 4993.

[3] О русском "авось" Тургенев неоднократно говорил в письмах — см., например, письма к Э. Дюрану от 27 февраля (11 марта) 1877 г. и П.В. Анненкову от 1 (13) августа 1877 г. — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4644, № 4808.

[4] Письмо (см. № 4954), в котором Тургенев объяснял невозможность своего сотрудничества в одесской "Правде" решением навсегда покончить с литературной деятельностью, было адресовано лично редактору газеты И.Ф. Доливо-Добровольскому и не предназначалось для печати, однако было опубликовано последним без разрешения писателя 19 февраля (3 марта) 1878 г. (№ 42) и вызвало общественный резонанс. Отрывок из этого письма был перепечатан многими газетами, среди которых

"Новое время" (1878. 24 февраля. № 716. С. 2, где в приведенном отрывке была допущена ошибка, диаметрально искажавшая смысл высказывания Тургенева. Исправлена: Там же. 25 февраля. № 717. С. 3), "Новости" (1878. 24 февраля. № 51. С. 4), "Голос" (1878. 24 февраля. № 55. С. 3), "Русская газета" (1878. 28 февраля. № 41. С. 3) и другие издания. Так, приведя отрывок из письма Тургенева, "Биржевые ведомости" заключали: "Вся читающая Русь, без сомнения, искренно пожалеет об этом решении многоуважаемого писателя. Но, признаемся, мы не можем поверить в непреложность такого решения. Трудно представить себе, чтобы писатель, всю жизнь свою так чутко откликавшийся на вопросы нашей общественной жизни и воплощавший ее образы, внезапно сделался глух к волнующим нас задачам. Хотя бы г. Тургенев и не желал более писать, но творчество не зависит от воли самого художника. Он творит, потому что не может не творить, не может не высказывать того, что накопляется в душе его. 〈...〉 Но... если действительно таково намерение И.С. Тургенева, то нельзя не признать по малой мере странными мотивы, побудившие его на этот шаг, имеющий несомненно общественное значение. На деятельность писателя, сделавшего так много, нельзя смотреть как на дело его личного вкуса, которое может быть продолжено или остановлено по произволу, вследствие каких-либо случайных, временных обстоятельств, которые не в силах ни увеличить, ни умалить исторического значения писателя. Другое дело, если писатель сам сознает, что *сказать ему больше нечего*: тогда, конечно, деятельность его сама собою прекратится; но о таком грустном факте оповещать писателю слишком тяжело, — оно было бы похоже на приглашение на собственные похороны..." Далее редакция выражала надежду, что писатель "найдет еще в себе столько силы, чтоб отозваться живыми, поэтическими образами на ту знаменательную фазу нашего общественного развития, которую мы теперь переживаем". «Мы думаем, — заключал автор заметки, — что грустное письмо в маленькую провинциальную газету продиктовано одному из лучших наших писателей не серьезным и горьким сознанием своего окончившегося поприща, а скорее "пленной мысли раздраженьем", вызванным причинами очень маленькими по сравнению с значением Тургенева в истории нашего развития» (1878. 24 февраля. № 55. С. 1—2). См. письмо 4976, примеч. 4.

[5] Тургенев не выполнил своего обещания написать статью о Пушкине. См. примеч. 13 к письму 4936.

[6] Имеется в виду бюст Тургенева работы П.П. Забелло (см. воспроизведение на с. 64), который, вероятно, был изготовлен в 1877 г., а осенью того же года уже продавался в магазине Беггрова, о чем писателя извещал А.В. Топоров (см. письмо 4842 и примеч. 4 к нему — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2). Возможно, он и сообщил скульптору о том, что Тургенев хотел бы иметь

экземпляр. Сам писатель, который, по всей видимости, видел бюст во время своего приезда в Петербург летом 1877 г., оценивал работу Забелло невысоко (см. письмо 5007).

4975. Я.П. Полонскому (с. 63)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Собр. *ОЛДП.* № Q250. Л. 158—158 об.

Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем.* С. 328—329.

Стр. 64. "битва за жизнь" (*англ.*).
Стр. 64. "Убирайся отсюда, чтобы я мог занять это место" (*франц.*).

[1] Письмо Полонского, которое цитирует Тургенев, неизвестно.

[2] Имеется в виду приложение к "Неделе" — "Журнал романов и повестей", в котором печаталась повесть Полонского "Нечаянно". Приложение выходило в первое воскресенье каждого месяца, февральская книжка рассылалась подписчикам вместе с выпуском "Недели" за 5 (17) февраля 1878 г. и содержала в себе гл. XXVI—XXXIX повести. См. примеч. 2 к письму 4912.

[3] Имеется в виду стихотворение Полонского "Из писем к Музе. Письмо 2-е", опубликованное в "Пчеле" 1 (13) января 1878 г. (С. 2), которое он выслал Тургеневу в не дошедшем до нас письме. См. примеч. 3 к письму 4912.

[4] См. примеч. 3 к письму 4934.

[5] Одно из основных положений эволюционной теории Ч. Дарвина и его труда "Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь" (1859).

[6] Французская поговорка.

[7] В русских газетах сообщалось о том, что Г.Н. Вырубов, издававший вместе с Литтре "La Revue positive", "опасно болен изнурительною лихорадкою, которую он получил прошлым летом, исполняя самоотверженно в кавказской действующей армии обязанности санитара" (Русская газета. 1878. 28 февраля. № 41. С. 3). Н.В. Ханыков действительно в скором времени заболел и скончался 3 (15) ноября 1878 г. (см. письмо 5129, примеч. 1).

[8] О приезде П.В. Анненкова в Париж см. письмо 4912, примеч. 7, а также письмо 4922, примеч. 1.

[9] Ответ, который, по преданию, Б. Хмельницкий дал турецкому султану, угрожавшему уничтожить Малороссию за решение присоединиться к России. Этот эпизод отражен в "историческом повествовании" Ф.Н. Глинки "Зинобей Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия", которое было хорошо известно Тургеневу и сохранилось в его библиотеке (см.: Библиотека И.С. Тургенева. Орел, 1994. Ч. 1: Книги на русском языке. С. 72. № 54).

4976. Б.А. Чивилеву (с. 65)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 66. Л. 15—15 об.; конверт — л. 16. Почтовый штемпель: 13 mars 78, Paris.

Впервые опубликовано: с сокращениями — *Рус Вед.* 1883. 2 октября. № 270. С. 3; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 292—293.

[1] Имеется в виду мартовская книжка "Вестника Европы", в которой печаталась вторая часть писем Пушкина к жене. Об издании писем Пушкина см. примеч. 8 к письму 4922, а также примеч. 2 к письму 4993.

[2] Судя по воспоминаниям Чивилева, Тургенев подарил ему свою фотографию работы Леже и Бержерона (местонахождение неизвестно). "Про нее сам Тургенев говорил, — замечал Чивилев, — что она прескверная" (*Рус Вед.* 1883. 12 октября. № 280. С. 1). Фотографию работы этого ателье (воспроизведение см. на с. 115) в мае 1878 г. Тургенев подарил М. Линен (см. письмо 5033), а также, возможно, О.К. Гижицкой (см. письмо 5041).

[3] См. письмо 4954 и примеч. к нему.

[4] Тургенев был очень недоволен опубликованием письма в "Правде" (см., например, письмо 4974 и примеч. 4 к нему). Письмо его к редактору "Правды" было опубликовано и другими газетами (Новости. 1878. 24 февраля. № 51; Голос. 1878. 24 февраля. № 55; *Бирж Вед.* 1878. 24 февраля. № 55 и др.). В "Церковно-общественном вестнике" (1878. 3 марта. № 27. С. 3—4) появилась большая статья под названием "Литературно-общественная заметка (По поводу прекращения литературной деятельности И.С. Тургенева)". Автор ее, приводя отрывок из письма Тургенева к Доливо-Добровольскому, с возмущением писал о том, что "несмотря на неизменно сильный талант, с которым написаны и его (Тургенева. — *Ред.*) последние произведения, ныне ему отводится место чуть не в последних рядах современной литературы". Отмечая, что последние произведения Тургенева "встречались (только не в публике, а в литературном мире) крайне неблагосклонно", что его "ругали беспощадно", доходя "до геркулесовых столбов нахальства и оскорбления", автор задавался вопросом о причине подобного поворота в литературной критике. "Грустно сознаться, — заключал он, — но причиною этого поворота послужило единственно то, что наиболее шумной клике ее не нравится идея, проникающая последние произведения И.С. Тургенева, что этой клике не по сердцу отношение его к ходу нашего общественного развития". Идею же эту автор статьи сформулировал следующим образом: "...реформы в русской народной жизни необходимы, но следует сдерживать неизбежные при этом увлечения для того, чтобы реформы совершались без толчков и потрясений и чтобы скрывающиеся в народе силы не тратились напрасно и сливались

в одно гармоническое целое для дружного и успешнейшего выполнения народной задачи" (Там же. С. 3). На письмо Тургенева и указанную статью вскоре откликнулся и Н.С. Лесков, посвятив им в "Церковно-общественном вестнике" свой очередной фельетон "Чудеса и знамения: наблюдения, опыты и заметки" (1878. 19 марта. № 34. С. 2—5). См. об этом: *Афонин Л.Н.* Забытая статья Н.С. Лескова о Тургеневе // *Т сб.* Вып. 3. С. 188—196. Не обошел вниманием письмо Тургенева в "Правду" и "Северный вестник", попытавшись «объяснить смысл той "истории", которая произошла между русским обществом и г. Тургеневым» (см.: *Наблюдатель.* Литература: Беседа // *Сев Вестн.* 1878. 26 февраля. № 57. С. 2).

4977. А.Н. Луканиной (с. 66)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 16; конверт — л. 17. Почтовые штемпели: 1) 14 mars 78, R. Milton, Paris; 2) 14 mars 78, R. Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 293.

[1] Письмо Тургенева к Луканиной от 28 февраля (12 марта) 1878 г. неизвестно. Не зная адреса Луканиной, Стасюлевич посылал ей номера "Вестника Европы" через Тургенева.

[2] Данное письмо было получено Луканиной в субботу, 16 марта н. ст., в тот же день она отправилась к Тургеневу, но его не застала и поэтому навестила писателя повторно на следующий день, 17 марта н. ст., где застала у него М.М. Антокольского. «Иван Сергеевич был необыкновенно весел, — записала она в своем дневнике, — передал мне две книжки "Вестника Европы" и сказал, что третью, мартовскую книжку он получит завтра или послезавтра». Тогда же Тургенев предложил Луканиной принять участие в литературно-музыкальном утре в пользу русской библиотеки в Париже (см.: *СВ.* 1887. № 2. С. 50, а также письмо 4979).

4978. Эрнесту Ренану (с. 66 и 262)

Печатается по факсимиле, опубликованному А. Звигильским: *Cahiers.* № 16 (1992). P. 16. Подлинник хранится в *Bibl Nat*: *NAF.* № 11467. F. 367.

Впервые опубликовано во французском оригинале: *Renan E.* Caliban, suite de la Tempête / Ed. Colin Smith. Manchester, 1954. P. 31—33. Перепечатано: во французском оригинале — *Zviguilsky A.* Ernest Renan, Tourguéniev et Pauline Viardot // *Cahiers.* № 16 (1992). P. 17; в русском переводе (с неточностями) — *Звигильский А.* Эрнест Ренан, Тургенев и Полина Виардо // *Звигильский. Т и Франция.* С. 308 (пер. В. Зубовой). В собрание сочинений включается впервые.

[1] Пятый акт в пьесе был дописан Э. Ренаном на основе замечаний, высказанных Тургеневым после чтения "Калибана" (см. письмо 4970 и примеч. 1, 2 к нему).

[2] В начале пятого акта новый герцог миланский Калибан, к удивлению собравшихся, приезжает в храм, где по традиции короновались все герцоги Милана, и восседает на почетное место. Присутствующие приветствуют его. Неожиданно раздаются звуки органа, который "разражается как буря", и один из присутствующих возносит молитву некоему верховному существу: "О Вечность, ты, которую ничто не может ни опечалить и ни поколебать, ни рассердить и ни утешить, о чистая и святая сущность, прозрачный свет, проникающий сквозь тела, не оскверняя тебя, который служит незыблемым основанием бесконечной изменчивости, восхваляем тебя всем своим существом, провозглашаем тебя справедливой, совершенной и доброй. Те, кто верит, те, кто надеется, те, кто любит, одни они не ошибаются. Тщетны видимые проявления этого мира. Ты ненавидишь зло, и в этом его кара. Ты видишь слезы твоих служителей, они имеют для тебя значение, и этого довольно; ведь нет ничего более истинного, чем твое мнение. В твоих глубоких недрах, о бездна, все воссоединяется и все примиряется. Ты есть гармония, радость, примирение, разум, отрада во веки веков. Счастлив воспевающий хвалы тебе час за часом!" (*Renan E.* Caliban. Suite de "La Tempête". Drame philosophique. Paris, 1878. P. 85—86).

[3] Эта фраза действительно присутствовала в конце четвертого акта предпоследней редакции пьесы и была исключена Ренаном по совету Тургенева (см.: *Renan E.* Caliban, suite de "la Tempête" / Ed. Colin Smith. Manchester, 1954. P. 90).

4979. П.Л. Лаврову (с. 67)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 3. № 26. Л. 38—38 об.

Впервые опубликовано: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 39—40.

Год определяется временем знакомства Тургенева с П.А. Кропоткиным и соответствием указанных в письме числа и дня недели.

Стр. 67. взносов за обучение (*франц.*).

[1] В дневниковой записи от 5 (17) марта 1878 г. А.Н. Луканина пишет: "Иван Сергеевич сообщил мне о литературно-музыкальном утре, которое они (т.е. он с некоторыми русскими) собираются устроить в пользу русской библиотеки в Париже". Луканина должна была читать отрывок из своей повести "Березай", но так волновалась, что Тургенев просил сделать это за нее А.Ф. Онегина, а в результате из-за отъезда последнего прочитал отрывок сам (см. письмо 5026). Утро, намеченное на 4 (16) апреля

1878 г., было проведено только 16 (28) мая 1878 г. Весь сбор Тургенев передал Лаврову (см. письма 5035 и 5039). Очевидно, деньги были предназначены не столько для нужд библиотеки, сколько для русских эмигрантов (см.: *СВ.* 1887. № 2. С. 50, 59; см. также письма 4994, 4997 и др.).

[2] Тургенев в это время помогал эмигрантам и политическим изгнанникам, проживающим в Париже: организовывал сбор денег по подписным листам, помогал и сам непосредственно и т.п. А.И. Воронцов, о котором пишет Тургенев, — один из таких парижских эмигрантов. О взаимоотношениях с ним Тургенева см. письмо 5042 и примеч. к нему.

[3] О знакомстве с Тургеневым в 1878 г. в Париже П.А. Кропоткин писал в воспоминаниях: "Он (Тургенев. — *Ред.*) выразил желание нашему общему приятелю П.Л. Лаврову повидаться со мной и, как настоящий русский, захотел отпраздновать мой побег небольшим дружеским обедом" (*Кропоткин.* С. 265). Письмо Тургенева к Кропоткину неизвестно.

[4] Лавров предполагал в 1878—1879 гг. выступить с циклом лекций по философским и историческим вопросам; Тургенев, по-видимому, намеревался помочь ему собрать для этих лекций материалы, связанные с французской культурой.

4980. М.М. Антокольскому (с. 67)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 25. № 25. Л. 10.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 294.

Год устанавливается на том основании, что в период переписки Тургенева с Антокольским (1877—1881) понедельник приходился на 18 марта н. ст. только в 1878 г., датировка подтверждается и содержанием письма.

[1] Тургенев собирался поехать к Антокольскому вместе с А.Н. Луканиной, чтобы показать ей скульптуру "Христос перед судом народа", о чем договорился с ней накануне (см.: *СВ.* 1887. № 2. С. 52, а также письмо 4977 и примеч. 2 к нему). В тот же день Луканина сделала следующую запись в дневнике: «*18 марта, понедельник.* Сегодня я застала Ивана Сергеевича не только здоровым, но и вполне бодрым. "К сожалению, — сказал он мне: я не могу ехать с вами к Антокольскому. Я продаю свои картины; часть их в деревне — поэтому я через три четверти часа должен ехать в Буживаль. Я напишу Антокольскому записку, которую попрошу вас передать ему"» (*СВ.* 1887. № 2. С. 52—53).

[2] С начала 1870-х гг. Тургенев начал собирать картины, в результате чего у него составилась ценная коллекция произведений старой голландской и современной французской живописи. Художник А.П. Боголюбов в своих воспоминаниях связывает увлечение Тургенева живописью с влиянием Луи Виардо — знатока и собирателя произведений староиспанской и голландской

живописи, автора ряда книг об искусстве (см.: *ЛН.* Т. 76. С. 453; *Боголюбов.* С. 193, а также: *Зильберштейн. Репин и Т.* С. 82—83 и *ПД. Описание.* С. 217—224). Материальные затруднения заставили Тургенева расстаться со своей коллекцией и продать ее с аукциона 8 (20) апреля 1878 г. (см. титульный лист "Каталога картин" (С. 86) и письма 4993, примеч. 9 и 10, 4995, 4996).

[3] Тургенев, высоко ценя творчество Антокольского, неоднократно привозил в его мастерскую гостей (см. письма 4929, 4968, 4971, 4984). А.П. Боголюбов в письме к И.Н. Крамскому от 12—13 мая 1878 г. писал, что "все образованные люди, начиная с Ренана, Виардо, Гюльома и многих других, уже там перебывали" (*ГРМ. ОР.* Ф. 15. № 5. Л. 50). Гюльом — очевидно, скульптор Э. Гийом. В дневнике Ф.Н. Тургеневой зафиксирована встреча в доме Э. Ренана 4 марта н. ст. 1878 г., на которой присутствовал и Э. Гийом (*ЛН.* Т. 76. С. 391). Возможно, имеется в виду посещение мастерской Антокольского вместе с семьей Н.И. Тургенева, о котором в своем дневнике оставила запись Ф.Н. Тургенева: "Мама, Альбер и я. ⟨...⟩ к Антокольскому, ул. Байе. ⟨...⟩ Потрясающий Христос, Иван Грозный. Иван Тургенев и т.д. Антокольский очень любезен. Онегин приезжает" (*ЛН.* Т. 76. С. 391). В дневнике, однако, запись ошибочно датирована 18, а не 19 марта н. ст.

4981. Гюставу Тудузу (с. 68 и 262)

Печатается по тексту первой публикации: *Waddington P.* Still More Letters of Turgenev // *N Z Sl J.* 1979. № 1. P. 17. Подлинник хранится в Библиотеке Арсенала (Париж). Письмо представляет собой записку на визитной карточке И.С. Тургенева с гравировкой: "Ivan Tourguéneff / 50, rue de Douai".

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется предположительно на основании почтового штемпеля на конверте (19 марта н. ст. 1878 г.), в который было вложено письмо, а также ответного письма Г. Тудуза от 20 марта н. ст. 1878 г. (см. ниже).

[1] По предположению первого публикатора письма П. Уоддингтона, речь в этой записке идет о знаменитом пушкинском талисмане, который после смерти поэта был передан В.А. Жуковскому, затем перешел к его сыну П.В. Жуковскому и был подарен им Тургеневу в 1875 г. По свидетельству В.Б. Пасека, который часто виделся с Тургеневым в Париже, во время одной из их встреч в 1876 г., когда совершенно случайно разговор зашел о реликвиях, писатель признался: «У меня тоже есть подобная драгоценность — это перстень Пушкина ⟨...⟩. Я очень горжусь обладанием пушкинского перстня и придаю ему, так же как и Пушкин, большое значение. После моей смерти я бы желал, чтобы этот перстень *был передан графу Льву Николаевичу Толстому*,

как высшему представителю русской современной литературы, с тем чтобы, когда настанет и "его час", гр. Толстой передал бы мой перстень, по своему выбору, достойнейшему последователю пушкинских традиций между новейшими писателями» (*Н Вр.* 1887. 8 марта. № 3959. С. 3). В 1881 г. перстень Пушкина демонстрировался на Пушкинской выставке в Петербурге, а затем вернулся к Тургеневу (см.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 375 и 696—697). После смерти Тургенева перстень перешел в собственность П. Виардо, которая в 1887 г. передала его Пушкинскому музею при Александровском лицее, откуда он был впоследствии украден. Очевидно, Тургенев просил своего корреспондента помочь ему прочитать надпись на перстне, сделанную на древнееврейском языке, поскольку письмо, по сообщению П. Уоддингтона, было запечатано именно этим перстнем-печаткой. Судя по содержанию письма, вместе с ним Тургенев отослал своему корреспонденту и сам перстень, однако Г. Тудуз, хотя и считался знатоком древностей, очевидно не смог выполнить просьбу Тургенева, поскольку позднее Тургенев обращался за помощью в этом вопросе к разным лицам, в том числе и к Джордж Элиот, друг которой знаток еврейского языка Джозеф Джекобс сумел прочитать надпись (см.: *N Z Sl J.* 1974. № 2. P. 39, 53, 61—62; а также: *Jacobs Joseph.* Literary Studies. London, 1895. P. XVI—XVII). О перстне Пушкина см. также: *Zviguilsky A.* Le talisman pouchkinien: la place et le sens du secret dans trois nouvelles de Tourguéniev // *Cahiers.* № 11 (1987). P. 27—33 (здесь же на с. 30 воспроизведен оттиск с перстня); *Краснобородько Т.И.* "Жаль кольца..." (Невостребованный документ о судьбе пушкинского перстня-"талисмана") // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 5—29.

[2] В ответном письме Тудуза, датированном 20 марта н. ст. 1878 г., содержалось обещание расшифровать присланный текст: "Сударь, / Горячо благодарю вас за вашу исключительную любезность и постараюсь понять удивительное высказывание, которое вы мне доверили. Я вам возвращу его в ближайшее воскресенье у Гюстава Флобера. / Пользуясь случаем, прошу принять от меня прилагаемые экземпляры двух моих последних работ в знак почтения одного молодого романиста к одному из мэтров Романа. / Примите, сударь, вместе с моими благодарностями уверение в моих почтительных чувствах. Гюстав Тудуз" (Houghton Library. Harvard University. Cambridge, Mass. MS Mus 232 (31). Подлинник по-франц.).

4982. Эштону Дилку (с. 68 и 262)

Печатается по фотокопии, предоставленной П. Уоддингтоном. Подлинник хранится в Churchill College (Кембридж, Великобритания).

Впервые опубликовано во французском оригинале П. Уоддингтоном: *N Z Sl J.* 1977. № 1. P. 55—56. В собрание сочинений включается впервые.

[1] О болезни В. Рольстона см. в письмах 4961, 4965, а также примеч. 6 к письму 4991.

[2] Речь идет о романе "Новь", который Э. Дилк, находясь в Алжире, взялся перевести на английский язык. "Новь" в его переводе вышла в Лондоне в июне 1878 г. (см. письмо 4947 и примеч. к нему). Письмо Дилка к Рольстону, о котором упоминает Тургенев, неизвестно.

[3] Как отмечала впоследствии "Daily Telegraph", Дилк перевел роман "без помощи русского словаря или грамматики или любого иного справочника, поскольку не имел с собой книг" (1883. 13 March. P. 3; цит. по: *Waddington P.* Turgenev and the Translator of "Virgin Soil" // *N Z Sl J.* 1977. № 1. P. 54). В ответном письме к Тургеневу, датированном 26 марта н. ст., Дилк следующим образом объяснил причины, побудившие его обратиться за помощью к Рольстону: "Я бесконечно благодарен вам за труд, который вы на себя взяли. Я бы написал вам напрямую, но подумал, что уже достаточно вас обеспокоил; вот почему я обратился к Рольстону. Я уже окончил перевод и в настоящее время получаю корректуры. Надеюсь поэтому, что книга выйдет через месяц или около того 〈...〉" (*Bibl Nat. NAF.* № 16275. F. 170—171; цит. по: *Waddington P.* Turgenev and the Translator of "Virgin Soil". P. 56).

[4] Замечания Тургенева были большей частью учтены Дилком. Как отметил первый публикатор письма П. Уоддингтон, в нескольких местах Тургенев дал толкование, не сверяясь с русским текстом романа, в котором данные выражения имеют другое значение. В первую очередь, это относится к выражению под номером 4, которое взято из главы XIII, где Нежданов говорит Марианне: "Мы давно подходим друг к другу; только голосу не подавали" (см.: наст. изд. Соч. Т. 9. С. 211). Данная фраза переведена Дилком верно: "We have long been drawing nearer; only a word was wanting" (*Tourgénief I.S.* Virgin soil. Translated by Ashton W. Dilke. London, 1878. P. 106). См.: *Waddington P.* Turgenev and the Translator of "Virgin Soil". P. 55.

[5] Тургенев имеет в виду обострение дипломатических отношений России с Англией в связи с русско-турецкой войной, затронувшей интересы Англии на Балканах. Несмотря на это, роман Тургенева появился в Англии в переводе сразу двух авторов (см.: наст. изд. Соч. Т. 9. С. 541—542). В ответном письме от 26 марта н. ст. Дилк заверял Тургенева, что Макмиллан "не разделяет ваших опасений, что русская книга не будет иметь успеха в настоящий момент. Напротив, он пишет мне, что, по его мнению, интерес со стороны английской публики возрастает. Возможно, война, которая, к сожалению, сейчас кажется

вполне вероятной, изменит дело, но как опытный издатель он должен лучше в этом разбираться, а он приобрел у меня книгу не раздумывая" (*Bibl Nat. NAF.* № 16275. F. 170 – 171; цит. по: *Waddington P.* Turgenev and the Translator of "Virgin Soil". P. 56 – 57). Хотя не все в письме Дилка соответствовало действительности (так, к этому времени Дилк еще не получал корректур романа, а контракт с Макмилланом был заключен только через две недели и т.д.), очевидно, что он приложил все усилия, чтобы развеять опасения Тургенева. "Это будет ужасная катастрофа, – заключал он свое письмо, – если наши страны вступят в войну, которая будет затяжной и тяжелой; со своей стороны, я нахожу, что подобная война была бы настолько несправедливой и чудовищной, насколько возможно в интересах Англии. В любом случае, даже если бы эта катастрофа произошла, она бы никоим образом не изменила моих чувств дружбы и уважения к России и многочисленным друзьям, которые у меня есть среди ваших сограждан" (Ibid. P. 57). Подробнее о выходе выполненного Дилком перевода "Нови" и о самом переводе см.: Ibid. P. 59 – 67.

[6] В Алжире Э. Дилк находился по состоянию здоровья. См. письмо 4947 и примеч. 1 к нему.

4983. Ипполиту Тэну (с. 70 и 264)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 28420. F. 10.

Впервые опубликовано: во французском оригинале – Cosmopolis. 1897. № 15. P. 734; в русском переводе – *СВ.* 1897. № 4. С. 138.

[1] Вышедшая из печати в 1878 г. книга И. Тэна "La Révolution" (вернее, ее первая часть: "L'Anarchie" – "Анархия") была продолжением его известного труда "Les origines de la France comtemporaine" ("Происхождение современной Франции"); первый том, посвященный дореволюционной Франции, – "L'Ancien régime" ("Старый порядок") – вышел в 1875 г. Тургенев, чрезвычайно высоко оценивший этот труд, сразу начал вести переговоры с М.М. Стасюлевичем о публикации в "Вестнике Европы" перевода этой книги, однако успеха не достиг (см.: наст. изд. Письма. Т. 14, письмо 3992 и примеч. 2 к нему, а также примеч. 8 к письму 4190: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1). "L'Ancien régime" был переведен лишь в 1880 г. Г.А. Лопатиным, и есть все основания предполагать, что Тургенев был инициатором этого перевода, вышедшего отдельной книгой в Петербурге в 1880 г., как и перевода "La Révolution", который печатался в журнале "Русская речь" с июля 1881 по май 1882 г. А. Звигильский считает, что чтение исторических трудов И. Тэна могло повлиять на неосуществленный замысел романа о русских и французских революционерах, о котором неоднократно упоминалось в вос-

поминаниях современников Тургенева (см.: *Zviguilsky A.* Taine et Tourguéniev // *Cahiers.* № 17—18 (1993—1994). P. 6—8; то же: *Звигильский. Т и Франция.* С. 153—154).

Первоначально "La Révolution" была задумана Тэном в одном томе, однако по мере написания она разрослась до трех: "L'Anarchie" ("Анархия"), "La Conquête jacobine" ("Якобинское завоевание", 1881) и "Le Gouvernement révolutionnaire" ("Революционное правительство", 1883). Вместе с последней, третьей частью, вышедшей в двух томах ("Le Régime moderne" ("Современный режим"), 1890—1893), "Происхождение современной Франции" составило 6 томов и стало главным и последним сочинением И. Тэна, который не успел завершить этот труд до конца. Основной заслугой Тэна-историка было обращение к подлинным документам, работа над которыми заставила его пересмотреть не только общие представления о Французской революции 1789—1794 гг., но и отказаться от некоторых собственных взглядов. История Французской революции предстала в неприкрашенном виде, со всеми жестокостями, совершенными во имя известных лозунгов "Liberté, Egalité, Fraternité", за которыми, как показал Тэн, скрывались политические амбиции будущих вождей якобинского террора. Опровергая по существу просветительскую концепцию истории, Тэн предложил новый взгляд на природу человека и государства. Получив отклик на "La Révolution" от своего друга известного историка Эрнеста Гаве, Тэн писал 24 марта н. ст. 1878 г.: «Посылая вам эту книгу, я хорошо понимал, что она вас шокирует; и как бы благожелательно (слишком благожелательно) ни было ваше письмо, я вижу, что вы делали усилие, чтобы не показать нанесенную вам рану. Простите мою жесткость; вы знаете, что я писал по совести, проведя самое долгое и самое тщательное расследование, на какое я только был способен. Перед началом писания я склонялся к мнению большинства французов; только мое мнение было в сущности более или менее смутным впечатлением, но не было верованием. Иконоборцем меня сделало изучение документов. Главным пунктом нашего несогласия является различное представление о принципах 1789 года. На мой взгляд, они те же, что в "Общественном договоре"; а следовательно они фальшивы и вредны, как я показал в "Старом порядке". Нет ничего прекраснее формул "Свобода", "Равенство", или, как говорит Мишле в одном слове: "Справедливость". Сердце каждого человека, если он не дурак и не негодяй, отзывается на них. Но сами по себе они настолько смутны, что принять их, не поняв смысла, который в них вкладывается, невозможно» (H. Taine. Sa vie et sa correspondance. Paris, 1907. T. 4. P. 44). Считая наследие Французской революции губительным для Франции, Тэн полагал, что обязан поставить правильный диагноз и лечить болезнь вместо того, чтобы поклоняться ложным химерам. Резюмируя

свое письмо к Гаве, он писал: "Законная Властительница мира и будущего это не то, что в 1789 году называли *Разумом*, это то, что в 1878 году называют *Наукой*" (Ibid. P. 47).

[2] Тургенев не уничтожил полученного письма, хотя Тэн просил: "Это письмо касается нашего друга Флобера; я прошу вас по прочтении уничтожить его. Вы сами увидите, что тема деликатная" (цит. по: *Digeon Cl.* Le dernier visage de Flaubert. Paris, 1946. P. 66. Подлинник по-франц.).

[3] В указанном письме к Тургеневу от 21 марта н. ст. 1878 г. Тэн, подробно разбирая прочитанные им главы из нового романа Флобера "Бувар и Пекюше", высказывал мнение, что автор находится на ложном пути: «Я обещал не говорить о нем (романе "Бувар и Пекюше". — *Ред.*) никому, исключая вас, поскольку вы тоже его читали. Когда чтение кончилось, он спросил, каково мое мнение; я уклонился от ответа, попросил время для размышления, и вот советуюсь с вами. Мое впечатление таково, что книга, будь она написана наилучшим образом, не может быть хорошей; комическое, которое, как он полагает, туда вложено, неизбежно не будет иметь успеха и, подобно невзлетевшей ракете, будет только дымиться. Оба героя, будучи ограниченными, глупыми, персонажами на манер Анри Монье, их разочарования и злоключения неизбежно оказываются и плоскими; этого и ждешь, они не заинтересовывают, видишь двух улиток, которые силятся взобраться на вершину Монблана; когда они первый раз падают — это вызывает улыбку; в десятый раз — это невыносимо. Подобный сюжет может дать материал разве что для повести в сотню страниц, но не больше. С другой стороны, науки, по которым они карабкаются, знакомы только специалистам; рядовой читатель не может принять участие в глупостях, которые они совершают в сельском хозяйстве, медицине, физиологии, химии; только специалист поймет, что совершаемая ими глупость — как раз та, которую они должны совершить; любого другого читателя оттолкнет терминология, даже переодетая, узкоспециальные идеи, которые они высказывают. Наконец, они перебирают десять или двенадцать наук и специальностей; между тем в действительности такого рода одержимые (я таких знавал) углубляются во что-нибудь одно и остаются в состоянии коллекционеров; эти короткие замечания необходимо сделать; во всяком случае, как бы талантливо это ни было выполнено, я предвижу провал перед публикой, еще более сильный, чем это случилось с "Воспитанием чувств". И еще два слова: с динамическим стилем, взволнованной симпатией Доде или фантазией Стерна еще можно заинтересовать читателей историей этих двух одержимых улиток; с бесстрастным стилем, глубоко *объективным* методом Флобера этого сделать нельзя. Подумайте и скажите, не ошибаюсь ли я. Вы мастер в деле романа, первый, по-моему, среди всех моих современников;

вы должны судить и предвидеть лучше, чем я. Если бы Флобер ничего еще не написал, я бы ему сказал тотчас и откровенно. Но он уже два или три года работает над книгой, и если бы мое мнение имело для него цену, он бы страдал от мысли о стольких усилиях и потерянном труде. С другой стороны, он рассчитывает трудиться над ней еще три года: не жестоко ли, если он обманывается, позволить ему выбросить еще столько времени в ту же самую бездну. Я всегда был откровенен с ним, я люблю его и глубоко уважаю; это человек сердца честного и смелого. Я хотел бы поступить с ним, как с добрым и старым другом, но я не знаю, как это сделать. Он не рассердился бы на меня за мою откровенность. Но боюсь бесцельно обескуражить его. Вместе с тем мне больно видеть, как он заходит в тупик. Душой и сердцем, после долгих размышлений, я полагаю, что он обманывает себя давно, с "Воспитания чувств", самим духом своей системы, одиноким сосредоточением, долгими занятиями в библиотеках. Благодаря такому образу жизни он должен был кончить историей, биографической критикой, научными восстановлениями древних текстов, но не романами. Еще раз — скажите мне, что я должен делать. Если мое впечатление ложно, тем лучше. Но если вы его найдете справедливым, что мы должны сказать нашему другу?» (цит. по: *Муратов А.Б.* Ипполит Тэн // *Т сб.* Вып. 5. С. 516. Пер. А.Б. Муратова. Здесь же оригинал письма по-франц. Подлинник хранится в *Bibl Nat*). Тургенев не во всем согласился с Тэном в общей оценке романа: многие из прослушанных им в чтении Флобера глав ему понравились (см. письма к Флоберу от 5 (17) декабря 1879 г. и к Золя от 11 (23) мая 1880 г. — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2; Т. 17. Кн. 1). Однако замысел Флобера сразу вызвал у него некоторые сомнения. Так, ему казалось, что он слишком растянут для сатиры. "Но чем больше я об этом размышляю — тем больше мне кажется, что подобный сюжет следует трактовать presto (в быстром темпе — *итал.*), в духе Свифта, в духе Вольтера. Вы знаете, что таково было всегда мое мнение. При устном изложении ваш план показался мне очаровательным и забавным. Если же вы станете очень распространяться, если окажетесь слишком ученым..." (см. письмо 3737 и примеч. 6 к нему — наст. изд. Письма. Т. 13). Флобер решительно не согласился с Тургеневым, считая, что может справиться со своей задачей лишь в ходе обстоятельного изложения: "При всем безграничном уважении, которое я питаю к вашему критическому чутью (ибо Ценитель в вас равен Творцу, а это кое-что да значит), — писал он Тургеневу 29 июля н. ст. 1874 г., — я вовсе не согласен с вашим мнением относительно того, как подойти к этому сюжету. Если изложить его вкратце, в лаконичной и легкой манере, получится милый пустячок, более или менее остроумный, но незначительный и малоправдоподобный, в то время как при медленном,

подробном повествовании создастся впечатление, что я верю в свою историю — и из нее можно сделать нечто серьезное и даже устрашающее. Великая опасность — впасть в однообразие и скуку. Вот что все же меня пугает... / А впрочем, никогда не поздно сократить, урезать. К тому же писать коротко для меня дело невозможное. Я не могу изложить какую-нибудь идею, не дойдя до самого конца" (*Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 146. Пер. А. Косс; ср.: *Tourguéniev/Flaubert*. P. 155).

[4] См. письмо 4985. Судя по письму Тэна к Флоберу от 26 июля н. ст. 1878 г., встреча, о которой Тэн просил Тургенева, состоялась и собеседники пришли к выводу о необходимости остановить писателя на ложном пути. "Я считаю, что политика и литература будут двумя наиболее интересными главами вашей книги, — писал в нем Тэн. — Что касается возражений, которые вы сами себе сделали, я говорил о них однажды Тургеневу; я не доверяю своему суду, не будучи специалистом; он же сказал вам то, что он думает. В общем, на мой взгляд, опасность большая: вы желаете создать энциклопедию всех возможных глупостей; и многие оплошности (химические, агротехнические и т.д.) вовсе не покажутся таковыми обыкновенным читателям, и наоборот, политические и литературные глупости могут быть прочувствованы всеми" (цит. по: *Albalat A.* Gustave Flaubert et ses amis. Paris, [1927]. P. 255—256. Пер. А.Б. Муратова). «Тэн более чем кто-либо имел основания сомневаться в успехе последнего романа Флобера, так как был постоянным "консультантом" автора по вопросам науки и доставлял Флоберу необходимую литературу по различным отраслям знаний» (*Муратов А.Б.* Ипполит Тэн. С. 518). Флобер не внял советам друзей и продолжал работать над романом, который так и не был завершен.

4984. М.М. Антокольскому (с. 71)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 25. № 25. Л. 14.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 295.

Датируется по содержанию и помете "Понедельник утром". Мартовский номер "Вестника Европы", в котором была напечатана повесть А.Н. Луканиной "Любушка", Тургенев получил 6 (18) или 7 (19) марта 1878 г. (см.: *СВ.* 1887. № 2. С. 50). В январе 1878 г. Антокольский перевез в свою новую мастерскую в Париже мраморную скульптуру "Христос перед судом народа" (см. письмо Антокольского к И.Н. Крамскому от 16 (28) января 1878 г.: *Антокольский.* С. 352). Тургенев очень высоко ценил это произведение Антокольского и многим своим друзьям и знакомым советовал посетить его мастерскую. В датируемой записке "революционерами" Тургенев называет П.Л. Лаврова и П.А. Кропоткина, с которым он недавно познакомился

(см. письмо 4979) и, вероятно, сразу же захотел показать ему скульптуру. О том, что они были с Тургеневым в мастерской Антокольского специально для осмотра статуи "Христос перед судом народа", Кропоткин пишет в своих воспоминаниях (см.: *Кропоткин.* С. 266 и 268). Вероятно, эта поездка и состоялась в понедельник 13 (25) марта, потому что в следующий понедельник, 20 марта (1 апреля) 1878 г., Тургенев пишет П.Л. Лаврову письмо, уже не упоминая в нем о поездке к Антокольскому. На этих основаниях данная записка предположительно датируется 13 (25) марта 1878 г.

4985. Ипполиту Тэну (с. 71 и 265)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 28420. F. 15.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1897. № 15. P. 734; в русском переводе — *СВ.* 1897. № 4. С. 137.

Датируется по сопоставлению с письмом 4983, в котором Тургенев просил Тэна назначить встречу "начиная со *среды*". Записка является ответом на приглашение Тэна.

[1] Встреча, о которой пишет Тургенев, должна была состояться по просьбе Тэна, желавшего обсудить последний роман Г. Флобера "Бувар и Пекюше" (см. письмо 4983 и примеч. 3, 4 к нему). В назначенный четверг встреча не состоялась (см. письмо 4986).

4986. Ипполиту Тэну (с. 71 и 265)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 28420. F. 17.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1897. № 15. P. 733; в русском переводе — *СВ.* 1897. № 4. С. 137.

Датируется по сопоставлению с письмами 4983 и 4985. Тургенев просит Тэна перенести назначенную на этот четверг встречу.

[1] Премьера инсценировки романа В. Гюго "Les Misérables" ("Отверженные") состоялась в парижском театре La Porte Saint Martin 22 марта н. ст. 1878 г. Опубликована: *Hugo V.* Les Misérables, drame tiré du roman. Paris, 1878. Очевидно, Л. Виардо не мог сопроводить в театр П. Виардо и ее дочерей Клоди и Марианну. Тургенев критически отозвался об этой постановке в разговоре с А.Н. Луканиной 30 марта н. ст.: "Какая это ложь! — восклицал он: — везде ложь, от начала до конца все фальшиво, все высказываемые чувства от первого до последнего... Хоть бы эта сцена, где священник отдает Жан-Вальжану подсвечники. А это, например: Жан-Вальжан приходит, чтобы убить его, и не

убивает потому, что на лице его видит слияние двух светов: света луны и внутреннего духовного света! Нет, в нашей литературе вы этого не найдете. Наш вымысел беден, мы часто скучны, но мы не настолько отдаляемся от жизненной правды, как французы" (*СВ.* 1887. № 2. С. 58).

[2] По-видимому, эта встреча состоялась (см. письмо 4983 и примеч. 4 к нему).

4987. М.М. Стасюлевичу (с. 72)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 216. На подлиннике помета Стасюлевича карандашом: "1878".

Впервые опубликовано: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 148.

Год написания письма устанавливается согласно помете Стасюлевича и по связи с письмом 4988.

[1] Имеется в виду новая доверенность Н.А. Щепкину, вступившему в должность управляющего тургеневскими имениями в июле 1876 г. (см. доверенность Н.А. Щепкину от 6 (18) июля 1876 г.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 34 — раздел "Официальные письма и деловые бумаги"). По сравнению с доверенностью 1876 г. новая доверенность включала особым пунктом право Щепкина на взимание с чернского купца А.В. Чадаева четырех тысяч рублей по закладной крепости 1875 г. под залог земель в Чернском уезде. Новая доверенность, очевидно, была сделана по просьбе Щепкина. См. доверенность Н.А. Щепкину в наст. томе (№ 38 — раздел "Официальные письма и деловые бумаги") и письмо 4988, примеч. 1. Просьба Тургенева была Стасюлевичем выполнена.

[2] Тургенев намекает на напряженную обстановку в Европе после подписания 19 февраля (3 марта) 1878 г. Сан-Стефанского мирного договора. Европейские страны, и в первую очередь Англия, угрожая войной, требовали созыва нового конгресса и отмены основных пунктов Сан-Стефанского договора. Д.А. Милютин записал в своем дневнике: "Англия делает новые затруднения ⟨...⟩ очевидно, она вовсе не хочет, чтобы дело уладилось, а напротив того, решилась во что бы ни стало на разрыв с нами. Государь и канцлер потеряли уже надежду на мирный исход дела ⟨...⟩" (*Милютин. Дневник.* Т. 3. С. 28). Однако обстановка сложилась таким образом, что 18 (30) мая 1878 г. Россия была вынуждена подписать в Лондоне соглашение с Англией, в силу которого условия мира с Турцией были значительно смягчены, после чего вопрос о возможной новой войне был снят. Сам Тургенев считал, что война с Англией была "необходимым дополнением и последствием восточного вопроса", издавна подготовленным самой историей (см. письмо 4990).

[3] Имеется в виду сообщение Стасюлевича о том, что повесть А.Н. Луканиной, напечатанная в "Вестнике Европы" по рекомендации Тургенева, вызвала нарекания в Комитете цензуры. См. письма 4957, примеч. 7, и 4993, примеч. 7.

4988. Н.А. Щепкину (с. 72)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 244 – 244 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 296 – 297.

[1] Это письмо Щепкина неизвестно. Доверенность сохранилась (см.: наст. том. № 38 – раздел "Официальные письма и деловые бумаги"). См. также письмо 4987 и примеч. 1 к нему.

[2] С.И. Волнов был покупателем тургеневского имения в 113 десятин при деревне Сытовой Ефремовского уезда Тульской губернии, а также арендатором имений Кадное и Холодово, однако если за Холодово он вносил арендную плату (см. ведомость о приходе денег Спасской конторы за февраль, март, апрель и май 1877 г.: *ОГЛМТ.* № 193, а также примеч. 5 к письму 4670 – наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2), то за Кадное он не рассчитался, отчего Щепкиным и был найден другой, более исправный арендатор – А.Ф. Борисов (см. "Ведомость о приходе и расходе денег по имениям" за январь – февраль 1878 г.: *ОГЛМТ*, а также примеч. 2 к письму 4670 – наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2). С Волновым Тургеневу через Н.А. Щепкина пришлось судиться за неуплату аренды вплоть до 1881 г.

[3] Имеется в виду Н.С. Тургенев, которому были выплачены деньги в счет уплаты процентов за взятые взаймы 15 000 руб. См. также письмо 4958.

[4] В связи с болезнью, а также с необходимостью принять участие в Международном литературном конгрессе в Париже, который проходил в начале июня, Тургенев вынужден был задержаться и приехал в Россию только 27 июля (8 августа) 1878 г.

[5] Это письмо Е.С. Кирштейн неизвестно.

4989. Х.Д. Алчевской (с. 73)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ.* Ф. 252. Оп. 1 № 9. Почтовые штемпели: 1) 30 mars 78, Paris; 2) 22 мар. 1878, Почтовый вагон; 3) 24 мар. 1878, Почтовый вагон; 4) 25 мар. 1878, Харьков.

Впервые опубликовано: *Алчевская Х.Д*. Передуманное и пережитое: Дневники, письма, воспоминания. М., 1912. С. 102.

[1] Это письмо неизвестно, о его содержании можно судить по воспоминаниям Алчевской, на которую произвел сильное

впечатление разговор в поезде с двумя дамами, одна из которых была М.Ф. Соллогуб, а другая, очевидно, кн. Е.А. Черкасская, недавно потерявшая мужа. Алчевская так передала слова кн. Черкасской: "Да, он (Тургенев. — *Ред.*) совершенно погиб для России 〈...〉 с тех пор, как сошелся с этой иностранной певицей Виардо. Он не написал с тех пор ни одной порядочной вещи, между тем в нем еще очень много энергии, жизни и сил. Все его интересы, все его симпатии направлены туда — за границу. Это человек, оторванный от почвы и, благодаря этому, утративший свою творческую силу. 〈...〉 Он в полном подчинении Виардо, она ревнует его к России, не понимая, что вся сила его гения именно заключалась в любви к родине" (*Алчевская Х.Д.* Передуманное и пережитое: Дневники, письма, воспоминания. М., 1912. С. 100—101). Проявляя большую осведомленность о том, как работает писатель, собеседница Алчевской, как видно из ее слов, хорошо знала и обстоятельства жизни П. Виардо, высоко оценивая ее талант и деловые качества. "Все это прекрасно, — заключила она, — но зачем же тратить на нее все свое состояние, да и состояние еще ничего бы, но свои нравственные силы. Зачем она отняла его у родины, зачем загасила талант? Его узнать нельзя людям, знавшим его так близко, как знали мы с мужем" (Там же. С. 101). "Нападки на Тургенева, сходные с теми, которые высказала княгиня Ч., появились и в печати, — продолжала Алчевская. — Мне до слез было жаль гениального человека, в которого так несправедливо бросали грязью, и я написала ему горячее письмо, на которое он отвечал 〈...〉" (Там же. С. 102). Далее было приведено настоящее письмо Тургенева, которое завершало главку воспоминаний, посвященную писателю. Очевидно, столь резкое суждение о Тургеневе кн. Черкасской было вызвано в том числе и тем, что она хорошо знала о намерении писателя в 1876 г. продать Спасское ее брату, А.А. Васильчикову (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4373).

[2] Тургенев познакомился с Алчевской 31 мая (12 июня) 1876 г. в Петербурге, в гостинице Демут, где он остановился почти рядом с номером, в котором остановилась Алчевская с мужем, приехавшим в столицу по делам (Тургенев остановился в № 65, а Алчевские в № 69). Эту встречу Алчевская подробно описала в своих воспоминаниях. Она увидела Тургенева в читальне гостиницы 29 мая ст. ст. 1876 г., когда просматривала газеты: "Вошел какой-то господин, высокий, плотный, с свежим красивым лицом и совершенно седыми волосами. Я взглянула на него, и странно — лицо его мне показалось совершенно похожим на портрет Тургенева, купленный мною у Бергамаска. 〈...〉 Ложась в постель, я чувствовала себя совершенно счастливой при мысли, что я видела его, Тургенева, близко, живого, воочию, — того самого Тургенева, над романами которого я так часто волновалась и плакала" (*Алчевская Х.Д.* Передуманное и

пережитое. С. 92). Только на следующий день она осмелилась подумать, что может познакомиться с писателем лично. Проведя бессонную ночь, она решилась написать письмо. В своем первом (и единственном известном) письме к Тургеневу от 31 мая (12 июня) 1876 г., прося писателя о встрече, она признавалась: "Видеть Вас и говорить с вами составляло всегда мою любимую мечту. ⟨...⟩ Почему свидание с Вами составляло мою любимую мечту, я полагаю излишне разъяснять грамотному человеку, читавшему Вас. ⟨...⟩ если я хочу видеть Вас, то как идеал, воплотившийся для меня в живом человеке, как кумир, которому хочется поклоняться и молиться" (цит. по: Там же. С. 93—94). Очевидно, искренность писавшей тронула Тургенева, который ответил и назначил встречу (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4347).

[3] В действительности Тургенев приехал в Россию лишь 27 июля (8 августа) 1878 г. (см. примеч. 4 к письму 4988), а вернулся в Париж 9 (21) сентября 1878 г.

[4] Очевидно, Алчевской стало известно опубликованное в одесской газете "Правда" письмо Тургенева от 7 (19) февраля 1878 г., в котором он писал, что "совершенно оставил литературные занятия" ("*положил перо и уж больше за него не возьмусь*"). В нем он отчасти объяснял причину своего решения неблагожелательным приемом публикой его последних произведений, имея в виду прежде всего роман "Новь". Письмо Тургенева редактору "Правды" (И.Ф. Доливо-Добровольскому) было без его ведома напечатано и перепечатано другими газетами (см. письмо 4954 и примеч. к нему, а также письма 4974, примеч. 4, 4976, примеч. 4).

4990. А.В. Головнину (с. 74)

Печатается по копии (неполной) А.В. Головнина, приложенной к письму Головнина к великому князю Константину Николаевичу от 4 октября ст. ст. 1883 г.: *РГАВМФ.* Ф. 224. Оп. 1. № 350. Л. 229—229 об. Подлинник неизвестен.

Впервые фрагменты из письма Тургенева, приведенные в письме Головнина к нему от 24 марта (5 апреля) 1878 г., опубликованы: Переписка с А.В. Головниным (1877—1881) / Публ. А.М. Гаркави // *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 81—82; в полном виде приложенная к письму Головнина к великому князю Константину Николаевичу копия части письма — *РЛ.* 1979. № 3. С. 185 (публ. М.Д. Эльзона). В собрание сочинений включается впервые.

[1] Ответ на неизвестное письмо А.В. Головнина, где, по-видимому, высказывались сожаления, вызванные газетными сообщениями о том, что Тургенев принял решение прекратить литературную деятельность (см. также примеч. 4 к 4989). Откликаясь на данное письмо, Головнин писал 24 марта (5 апреля) 1878 г.: «Получил я ваше письмо от 18/30 марта, дорогой Иван Сергеевич, но не признаю себя побежденным. Вы говорите,

что, "проживая постоянно за границей, вы не в состоянии продолжать тех пристальных наблюдений над русской жизнью, без которых невозможно воспроизводить ее с верностью". Но, умоляя вас не бросать перо, я вовсе не имел в виду непременно явления современные. Для нас дороги ваши картины прошлого. Возьмите толстую тетрадь, напишите на ней "Мои воспоминания. Negotium in otio (Занятие на досуге — *лат.*)" и дайте волю перу. Через несколько времени вы скажете сами: "и песня, по мере как пелась, невидимо свой расширяла охват, и вольный лился без различия лад, для всех, кому слушать хотелось" — а заслушается вся русская земля, все, у кого есть чувство изящного, у кого бьется сердце к добру» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 81—82).

[2] О том же Тургенев писал Х.Д. Алчевской в письме, помеченном той же датой, что и настоящее письмо (№ 4989).

[3] Имеется в виду Сан-Стефанский мирный договор, подписанный 19 февраля (3 марта) 1878 г.

[4] О том же писал Тургенев в письме, датированном тем же числом, к Г. Джеймсу (№ 4991). Считая, что восточный вопрос может решиться только после войны с Англией, Тургенев полагал, что последствием этой войны могли бы стать реформы, как это было после Крымской войны 1853—1856 гг., однако сомневался в их осуществимости. Откликаясь на высказанные Тургеневым тревоги, Головнин советовал ему в том же письме от 24 марта (5 апреля) 1878 г.: «...именно теперь, в годину усложнений неслыханных, бывших и предстоящих страданий, надобно насильно переносить свои мысли на другие предметы, чтоб дать голове и сердцу временный отдых. Для этого ⟨...⟩ я читаю "Илиаду". Счастлив тот, кто в самом себе, как вы, находит другой чудный мир, куда может убегать на время и забываться» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 82).

4991. Генри Джеймсу (с. 75 и 265)

Печатается по подлиннику: Correspondence and Journals of Henry James Jr. and Other Family Papers, 1855—1916 (MS Am 1094. Item 460). Houghton Library. Harvard University (США).

Впервые опубликовано: в английском оригинале — Comparative Literature. 1949. Vol. 1. № 3. P. 205—206.

[1] По-видимому, речь идет о вышедшем в Лондоне сборнике очерков Джеймса "French Poets and Novelists" ("Французские поэты и романисты", 1878), в котором был помещен и очерк о Тургеневе (P. 269—320), впервые опубликованный в 1874 г. в журнале "The North American Review". Это была первая статья Джеймса о русском писателе, которую Тургенев читал и на которую откликнулся в письме от 29 июля (10 августа) 1874 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 13. № 3755). Формально статья Джеймса была рецензией на книгу немецких переводов повестей Тургенева "Вешние воды" и "Степной король Лир", но "факти-

чески являлась первым, наиболее полным из печатавшихся в Америке обзором творчества русского писателя" (*Шерешевская М.А.* И.С. Тургенев в письмах Генри Джеймса // *РЛ.* 1983. № 2. С. 133). Личное знакомство в ноябре 1875 г. в Париже переросло в дружеские отношения. Перу Джеймса принадлежат 4 статьи о Тургеневе (впервые опубликованы в русском переводе: *Джеймс Г.* Женский портрет / Изд. подготовили Л.Е. Полякова, М.А. Шерешевская. М., 1984 (доп. тираж изд. 1981 г.). С. 493—530). Ко времени написания этого письма была опубликована еще одна статья Г. Джеймса, посвященная роману Тургенева "Новь", в газете "The Nation" (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4725 и примеч. 1 к нему). В своей первой статье о Тургеневе (в присланном сборнике, о котором идет речь в настоящем письме, она получила название "Иван Тургенев") Джеймс писал: "Тургенев — один из немногих чрезвычайно взыскательных к себе художников. ⟨...⟩ он велик не обилием написанного, а мастерством. Его стихия — пристальное наблюдение. ⟨...⟩ он ⟨...⟩ охватывает великий спектакль человеческой жизни шире, беспристрастнее, яснее и разумнее, чем любой другой известный нам писатель ⟨...⟩ ни один романист, исключая разве Джордж Элиот, не уделяет такого внимания столь многим явлениям жизни, не стремится затронуть их со столь различных сторон. ⟨...⟩ Как у всех великих писателей, его произведения отдают родной почвой, и у того, кто прочел их, появляется странное ощущение, будто он давно уже знает Россию ⟨...⟩" (*Джеймс Г.* Женский портрет. С. 494—496). Отмечая глубину психологизма Тургенева, тонкость в исполнении деталей и другие особенности его творческого метода, американский писатель и критик в то же время отметил, что, "читая Тургенева, прежде всего выносишь впечатление, что окружающее представляется ему в безрадостном свете, что он смотрит на жизнь очень мрачно" (Там же. С. 500).

[2] Имеется в виду подписанный 19 февраля (3 марта) 1878 г. Сан-Стефанский мирный договор, положивший конец русско-турецкой войне, хотя результаты этого договора были фактически аннулированы Берлинским конгрессом, открывшимся 1 (13) июня 1878 г. Тургенев был прав, не доверяя тексту Сан-Стефанского договора. Похожим образом оценивал ситуацию после подписания договора и П.В. Анненков, который писал Тургеневу 23 марта (4 апреля) 1878 г.: "Ясно, что Англия намерена превратить всю кампанию нашу прошлогоднюю в нуль, в воспоминание и причислить миллионы рублей и 100 тысяч русских трупов, оставленных в Турции, к предметам археологического свойства" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 82). См. также примеч. 3 к письму 4934 и примеч. 2 к письму 4987. Говоря о том, что он видит будущее "в черном цвете", Тургенев намекает на упрек в пессимизме, прозвучавший в первой статье Джеймса о Тургеневе: «"Затишье", "Несчастная", "Дневник лишнего чело-

века", "Степной король Лир", "Тук... тук... тук" — все эти вещи, по нашему мнению, на несколько оттенков мрачнее, чем вызвано необходимостью, ибо мы придерживаемся доброго старого убеждения, что в жизни преобладает светлое начало и поэтому в искусстве мрачно настроенный наблюдатель может рассчитывать на наш интерес лишь при том непременном условии, если по крайней мере он не пощадит усилий хотя бы выглядеть веселей. Вопрос о черных тонах в поэзии и художественной прозе решается в основном так же, как проблема "морального". Слишком густая чернота — рассудочна, искусственна, она не рождена непосредственно самим событием; разнузданная аморальность — наносна, она лишена глубоких корней в человеческой природе. Нам дорог тот "реалист", который помнит о хорошем вкусе, тот певец печали, который помнит о существовании радости» (цит. по: *Джеймс. Г.* Женский портрет. С. 500).

[3] Открытие парижского художественного Салона 1878 г. планировалось на 15 мая н. ст., а Всемирной выставки — на 1 мая н. ст. 1878 г., однако в действительности в срок открылась Всемирная выставка, а открытие Салона было перенесено на 24 мая н. ст. Тургенев очень интересовался русской экспозицией Всемирной художественной выставки, которую посетил вместе с П.В. Анненковым. В частности, на ней должны были быть представлены работы М.М. Антокольского, талант которого он оценил одним из первых и много хлопотал о популярности русского скульптора среди знатоков искусства (см.: *Кузьмина Л.И.* Тургенев и М.М. Антокольский // *Т сб.* Вып. 5. С. 393—399; см. также письмо 4968, примеч. 1, и письма к Антокольскому в наст. томе).

[4] Цитата из романа Ф. Рабле "Гаргантюа и Пантагрюэль" (гл. XXVII). Тургенев намекает на то, что его литературная деятельность закончилась (см. письма 4954, 4989, примеч. 4, и 4990).

[5] С сыном поэта В.А. Жуковского Павлом Джеймса познакомил Тургенев в 1876 г., с тех пор они подружились и часто встречались в Париже, в том числе в салоне кн. М.С. Урусовой. В 1881 г., несмотря на клятвы в верной дружбе, эти отношения прекратились. О взаимоотношениях Джеймса с П.В. Жуковским и кн. Урусовой см.: *Edel L.* Henry James: The Conquest of London. 1870—1881. Philadelphia, 1962; The Letters of Henry James / Ed. L. Edel. Harvard University Press, 1975. Vol. 2, по указ.; *Грубман Г.Б.* Тургенев и "русский Париж" в романе Генри Джеймса "Американец" // И.С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1982. С. 111—114. Есть основания полагать, что личность Жуковского послужила прототипом героя романа Г. Джеймса "Американец", французского аристократа Валентина де Бельгарда (см.: *Грубман Г.Б.* Указ. соч. С. 113—114).

[6] В. Рольстон не в первый раз страдал от острого приступа ревматизма во время путешествия. Находясь в Петербурге в мае

1876 г., он заболел и, как сообщал П.П. Вяземскому 6 февраля н. ст. 1879 г., ему "пришлось как можно скорее бежать оттуда". В том же письме он писал: "Вот и весь прошлый год я был так плох, что и не чаял снова увидеть Россию или хотя бы читать по-русски. Я занемог в Париже в феврале. Мои русские друзья были очень добры ко мне: Иван Сергеевич Тургенев почти каждый день навещал меня, а супруга Николая Тургенева присылала мне всякие питательные супы и тому подобное. Даже князь Орлов оказал мне любезность, посетив комнату больного (я страдал острым ревматизмом). Я прохворал до октября" (цит. по: *Алексеев М.П.*, *Левин Ю.Д.* Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора. СПб., 1994. С. 56—57. Подлинник по-англ.).

4992. Л.Я. Стечькиной (с. 76)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 1—3.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 1—2.

[1] Имеется в виду повесть Стечькиной "Первая гроза" (*РВ.* 1875. № 7). При печатании М.Н. Катков внес в повесть изменения и сократил ее. На протест Стечькиной Катков ответил резкой статьей "Литературный куриоз" (*РВ.* 1875. № 9), в которой писал: «В разных газетах и сборниках появляется обращение г-жи Стечькиной к читателям "Русского вестника" с заявлением, что повесть ее напечатана в сокращенном и измененном виде». Далее Катков заявил, что повесть была напечатана "с незначительными изменениями, без которых не обходится печатание даже первоклассного произведения", и высмеял Стечькину. Этот эпизод нашел отражение в ряде газет того времени (см.: *Стечькин. Воспоминания.* С. 4—5; *Т сб.* Вып. 3. С. 374. Публ. Г.В. Степановой).

[2] В 1878 г. Стечькина закончила вторую повесть — "Кривые деревья" — и обратилась к Тургеневу с письмом, в котором просила совета, в каком журнале ей лучше опубликовать свое произведение. "Ей пришла в голову смелая мысль, — вспоминал Н.Я. Стечькин, — написать незнакомому ей лично И.С. Тургеневу и спросить его совета" (*Стечькин. Воспоминания.* С. 5).

[3] Стечькина выслала Тургеневу повесть "Кривые деревья", не дожидаясь его приезда в Петербург, куда писатель прибыл лишь 27 июля (8 августа) (см. примеч. 4 к письму 4988, а также: *Стечькин. Воспоминания.* С. 5). Встреча Тургенева со Стечькиной произошла в Туле 7 (19) августа, а также в д. Плутнево 1 (13) сентября (см. письма 5067, примеч. 1, и 5092). Позднее, в соответствии с критическими замечаниями Тургенева, она значительно переработала повесть и опубликовала под названием "Варенька Ульмина" в ноябрьском и декабрьском номерах "Вестника Европы" за 1879 г.

4993. П.В. Анненкову (с. 77)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 7. № 102. Л. 3—3 об.; конверт — л. 4. Почтовые штемпели: 1) 1 avril 78, Paris; 2) 2 avril 78, Bruxelles.

Впервые опубликовано: Край Ильича. 1928. № 2. С. 47.

[1] В "Ревизоре" Гоголя: «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: "Ну что, брат Пушкин?" — "Да так, брат", отвечает бывало: "так как-то всё"... Большой оригинал» (действие III, явл. 6).

[2] Письма Пушкина к жене печатались в "Вестнике Европы" (1878. № 1, 3), с предисловием Тургенева "От издателя". В письме к Анненкову от 7 (19) февраля 1878 г. Тургенев уже жаловался на то, что публика нашла письма Пушкина к жене "слишком бесцеремонными и грубыми". Здесь же он привел отзыв И.П. Арапетова, возмутившегося «резкими выражениями, которые П⟨ушкин⟩ употреблял в корреспонденции с "хорошенькой женщиной"» (см. письмо 4953 и примеч. 7 к нему). Однако публикация этих писем вызывала сомнения и у самого Тургенева. Так, прочитав впервые письма Пушкина, 8 (20) апреля 1876 г. он поделился с М.М. Стасюлевичем мыслями, насколько удобны они к печати: "Надо было бы выкинуть самое интересное, ибо П⟨ушкин⟩ не церемонился с своей женою — и высказывался очень резко насчет своих и ее родных, знакомых и т.д." (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4308). Узнав об участии Тургенева в истории с публикацией писем Пушкина, Анненков был крайне раздосадован, считая, что дочь поэта гр. Н.А. Меренберг поступает бестактно, предавая интимные письма гласности: "...дочка собирается показать народу папашу и мамашу нагишом, без всякой биографической рубашки — и притом за деньги" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 34). При этом он говорил, что мог бы сделать из этой "исповеди" Пушкина "небезынтересный этюд, во всяком случае этюд приличный и поясняющий дело" (Там же. С. 34). Стасюлевич не стал покупать письма Пушкина, а лишь приобрел право напечатать их в "Вестнике Европы". В редакторском предисловии к публикации говорилось, что Тургеневу давалось право решать, "что из текста писем может быть допущено в печать и что должно быть исключено: или как имеющее исключительно интимный, семейный характер, или как вообще неудобное для печати" (*ВЕ.* 1878. № 1. С. 9—10), однако в действительности Стасюлевич позволил себе восстановить многие исключенные Тургеневым места, чем вызвал его справедливое возмущение (см. письмо 4922 и примеч. 8—10 к нему). История публикации писем Пушкина подробно изложена в статье Н.В. Измайлова "Тургенев — издатель писем Пушкина к Н.Н. Пушкиной" (*Т сб.* Вып. 5. С. 399—416).

[3] Письмо Э.Ф. Раден к Тургеневу неизвестно.

[4] Речь идет о гувернантке детей Анненковых Э.Ф. Петерсен, за которую хлопотал П.В. Анненков (см. письма 4955 и 4964). О шагах, предпринятых Тургеневым, см. письмо 4964. Хлопоты Тургенева увенчались успехом: 13 (25) сентября 1878 г. Анненков сообщал ему: "Может быть, Вы не знаете, что старая наша гувернанточка, Петерсен, благодаря Вам и участию г-жи Раден, получает блестящее место у Белосельских при 9-летней их дочери с жалованием по 800 р. сер. в год — и приезжает с ними в Баден ⟨...⟩" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 91).

[5] Анненков прислал отзыв о повести А.Н. Луканиной "Любушка. Святочный рассказ из ночных дум старой няни" с большим опозданием (Тургенев спрашивал его мнение еще в письме от 11 (23) февраля 1878 г. — см. № 4955), когда повесть была уже напечатана в третьем номере "Вестника Европы" за 1878 г. «"Любушка" мне особенно понравилась своим тоном, — писал Анненков Тургеневу 10 (22) марта 1878 г., — эта тихая манера говорить о вещах совсем не тихих производит очень хорошее и притом новое впечатление. Мысль заставить старуху рассказывать о непонятных ей буйствах ума и сердца — чрезвычайно оригинальна. Вообще вся повесть замечательна по своим приемам, которые обещают в Луканиной хорошего писателя, не принимая в счет даже и содержания ее таланта. Приемы важная вещь — характер человека, склад его мысли, нравственная его природа — все в приемах, а они у нее весьма симпатичны и у всех должны произвести то же самое благоприятное впечатление, какое и на Вас оказали, а я так просто ими залюбовался» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 81). См. также примеч. 11 к письму 4955.

[6] Это письмо Стасюлевича неизвестно.

[7] В повести "Любушка" рассказывается о том, как дочь помещика покидает дом, родных и посвящает свою жизнь служению народу. Из-за общения с революционерами она попадает на каторгу. Об отношении цензуры к этой повести см. примеч. 7 к письму 4957.

[8] Тургенев намекает на разногласия между Россией и Англией по балканскому вопросу. См. письма 4987, примеч. 2, 4990, примеч. 4, а также письмо 4991 и примеч. 2 к нему.

[9] Находясь в стесненном материальном положении из-за необходимости помогать дочери Полинетте, муж которой растратил ее приданое, а также в связи с необходимостью обустраивать виллу Виардо и собственный дом (шале) в Буживале, Тургенев принял решение продать на аукционе Друо (Drouot) свою коллекцию картин, которую начал собирать с начала 1870-х гг. Это решение было принято им с трудом. По его собственным оценкам, он потерял около 12 000 франков, затратив на приобретение картин около 50 000. Полностью каталог картин, выставленных на продажу из коллекции Тургенева, был опубликован: "Collection

de M. Ivan Tourguéneff et collection de M. X." (Paris, 1878). На титульном листе перечислены имена художников, представленных в коллекции, как новейших (К. Коро, М. Добиньи, Н.-В. Диаса де ла Пенья, Ж. Мишеля, Ш. Жака и др., так и старых мастеров — С. Рейсдаля, Д. Тенирса, А. ван дер Неера и др.). Полный перевод части каталога, относящейся к тургеневской коллекции, см.: *ПД. Описание.* С. 217—221. Предисловие к каталогу было написано зятем Т. Готье Эмилем Бержера (см. о нем: *Miquel P.* Emile Bergerat et la vente de la collection de peinture de Tourguéniev // *Cahiers.* № 7 (1983). P. 160—173). Перед распродажей картины были на несколько дней выставлены для посетителей, о чем свидетельствуют сохранившиеся пригласительные билеты (см.: *ПД. Описание.* С. 224). О художественных вкусах Тургенева, сказавшихся на выборе картин для коллекции, см.: *Miquel P.* Les maîtres du paysage français dans la collection Tourguéniev // *Cahiers.* № 5 (1981). P. 121—138; *Заборов П.Р.* И.С. Тургенев и западноевропейское изобразительное искусство // Русская литература и зарубежное искусство / Отв. ред. М.П. Алексеев, Р.Ю. Данилевский. Л., 1986. С. 124—155.

[10] Аукцион состоялся 8 (20) апреля в Париже, на улице Друо в зале Друо. В указанный срок Тургенев из Парижа не уехал. В Петербург он прибыл лишь 27 июля (8 августа) 1878 г.

[11] Обе эти статуи были представлены М.М. Антокольским на Всемирной выставке в Париже в 1878 г. См. примеч. 1 к письму 4968, примеч. 5 к письму 4972, а также примеч. 2 к письму 5037.

4994. П.Л. Лаврову (с. 78)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 3. № 26. Л. 39.

Впервые опубликовано: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 40.

Год определяется содержанием письма (подготовка литературно-музыкального утра) и соответствием числа дню недели.

[1] Утро состоялось лишь 16 (28) мая 1878 г. О его организации см. примеч. 1 к письму 4979.

4995. М.М. Стасюлевичу (с. 79)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 217. На подлиннике помета Стасюлевича: "29.III.78", дата получения письма.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 148—149.

[1] Речь идет об издании цикла романсов П. Виардо "Народные тосканские песни". См. письмо 4911, примеч. 6. После выхода цикла из печати Тургеневу были высланы в первой половине апреля ст. ст. по два экземпляра всех пяти романсов (см. письмо управляющего магазином Иогансена: *ИРЛИ.* № 5852.

Л. 3. Кроме того, как следует из содержания письма, Тургенев намеревался прислать в магазин список лиц, которым П. Виардо желала отправить дополнительные экземпляры).

[2] Имеется в виду выпущенное М.М. Стасюлевичем издание — Русская библиотека. СПб., 1876. Т. 6: Иван Сергеевич Тургенев, — в которое вошли рассказы из "Записок охотника", первые главы "Рудина", "Аси", отрывки из "Дворянского гнезда", "Отцов и детей" и "Дыма". К этому изданию Тургенев сам написал "Автобиографию" (см.: наст. изд. Соч. Т. 11. С. 203—204, а также письма 4057, примеч. 3, и 4090 — наст. изд. Письма. Т. 14). См. об этом издании: *Чистова И.С.* Тургенев и "Русская библиотека" М.М. Стасюлевича // *Т сб.* Вып. 2. С. 286—289.

[3] Речь идет о повести "Березай". В воспоминаниях А.Н. Луканиной сохранились записи о нескольких встречах с Тургеневым в феврале — марте 1878 г., во время которых они обсуждали эту повесть, а также о советах, которые он давал начинающей писательнице. Работа над "Березаем", однако, велась и позже. Так, 30 марта н. ст. Луканина записала в дневнике: «Сегодня Иван Сергеевич помогал мне просматривать "Березай". Многое было повторено из того, что говорено было раньше, именно о том, что следует избегать слащавости в речи, уж хоть бы для того, чтобы не уподобиться Кохановской, — что не следует влагать в уста крестьян слишком тонкого анализа, и т.д.» (*СВ.* 1887. № 2. С. 55). Рукопись "Березая" действительно была отправлена в Петербург 8 (20) апреля 1878 г. См. примеч. 12 к письму 4936.

[4] Письмо Стасюлевича к А.Н. Луканиной неизвестно, однако сохранилось ответное письмо, датированное 16 апреля н. ст., в котором она сообщала: «...получив Ваше в высшей степени для меня лестное письмо, я не спешила ответить по двум причинам: во-первых, потому что была нездорова, во-вторых, потому что надеялась на днях же окончить переписку рассказа ("Березай". — *Ред.*), который намеревалась послать Вам. Нездоровье мое, однако, затянулось, мешая мне усидчиво работать ⟨...⟩» (*ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. № 830. Л. 1).

[5] О каком поручении Стасюлевича идет речь, установить не удалось.

[6] О продаже картин Тургенева см. примеч. 9, 10 к письму 4993.

[7] См. примеч. 3 к письму 4991. В Россию Тургенев выехал лишь в начале августа н. ст. 1878 г. (см. примеч. 4 к письму 4988).

[8] Не зная адреса А.Н. Луканиной, Стасюлевич переслал ей мартовскую книжку "Вестника Европы", где была напечатана повесть "Любушка", через Тургенева, который передал ее 17 марта н. ст. (см. примеч. 2 к письму 4977).

[9] О ком идет речь, установить не удалось. О том же Тургенев писал и в письме к Я.П. Полонскому от 17 (29) апреля 1878 г. (№ 5007).

Впоследствии автографы писем Пушкина к жене (на русском языке) Н.А. Меренберг передала своему брату, А.А. Пушкину, который, в свою очередь, передал их в запечатанном конверте в Румянцевский музей (ныне РГБ), где доступ к ним был закрыт вплоть до 1926 г. На основании прав наследственной собственности сыновья Пушкина также наложили запрет на новое издание писем поэта к жене, поскольку особым постановлением их право было продлено до 50 лет вместо 25 по закону. Переиздание писем поэта к жене стало возможным только в 1887 г., когда его сочинения и письма стали общественным достоянием. С 1937 г. автографы русских писем и одного французского письма хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ; 12 писем к невесте оставались за границей, в коллекции С. Лифаря, но были впоследствии также приобретены Россией и хранятся ныне в ИРЛИ (см. об этом: *Измайлов Н.В.* Тургенев — издатель писем Пушкина к Н.Н. Пушкиной // *Т сб.* Вып. 5. С. 415; *Левкович Я.Л.* Письма Пушкина к жене // Пушкин А.С. Письма к жене. Л., 1986. С. 104—105 (Лит. памятники)).

4996. Н.С. Тургеневу (с. 82)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 224—225. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 31/12 март. 78. С. Тургенево. 6 ч. вечера".

Впервые опубликовано: с сокращениями — *Рус Ст.* 1885. № 12. С. 631—632; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 302—303.

Стр. 82. русского поэта Никлоитиса (*франц.*).
Стр. 83. Жако, чистокровный парижанин (*франц.*).
Стр. 83. "ротозеев" (*франц.*).
Стр. 83. фон Гроссманн — и так до бесконечности (*лат.*).

[1] Это письмо Н.С. Тургенева неизвестно.

[2] О том же Тургенев писал А.В. Головнину и Г. Джеймсу. См. письма 4990, примеч. 4, и 4991, примеч. 2.

[3] О продаже картин Тургенева, которая состоялась 8 (20) апреля 1878 г. в зале Друо, см. письмо 4993, примеч. 9, 10, а также примеч. 2 к письму 4980.

[4] Имеется в виду случай, описанный с некоторыми разночтениями на страницах французских газет, когда некто, назвавшийся "графом С.", сыном богатого русского помещика, получил деньги по подложным бумагам, а затем приобрел в долг бриллиантовое украшение стоимостью в 15 000 франков. Его сообщник, выдавший себя за атташе русского посольства полковника Попова и подтвердивший личность ложного графа, оказался, как утверждалось в газетах, "русским поэтом" Никлоитисом (см.: Figaro. 1878. 5 mars. P. 3; Le XIXe siècle. 1878. 7 mars. P. 3).

[5] Тургенев имеет в виду историю одного из представителей рода Тичборнов Роджера, после пропажи которого мать дала

объявления в газетах о его поисках. Через какое-то время некий мясник из Австралии Томас Кастро объявил себя пропавшим Роджером и должен был унаследовать значительное состояние и титул баронета. Мать Роджера признала в нем сына, однако долгий судебный процесс опроверг этот факт, признав в претенденте самозванца и осудив его в 1874 г. на два семилетних срока. Дело Тичборна имело широкий общественный резонанс, породило общественные движения как защитников самозванца, так и противников. В 1884 г. претендент досрочно вышел на свободу и скончался в 1898 г.

[6] Ранее Тургенев рекомендовал брату прекратить ссужать деньги под залог, считая подобную практику недостойной дворянина (см. письмо 4958).

4997. А.Н. Луканиной (с. 83)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 19; конверт — л. 20. Почтовый штемпель: 12 avril 78, R. Milton, Paris.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 358.

[1] Речь идет о копии отрывка из повести "Березай", который Луканина должна была читать на музыкально-литературном утре в пользу русской библиотеки в Париже. Однако она так разволновалась, что чтение взял на себя сам Тургенев (см. письмо 5040). О вечере, который состоялся лишь 16 (28) мая 1878 г., в своих воспоминаниях Луканина записала: «Вскоре после этого настал и день литературно-музыкального утра. Что сказать о нем, не знаю. Я была до того взволнована мыслью, что меня заставят читать, что ничего не видела и не слышала. У меня осталось смутное воспоминание о том, что очень хорошо пели и играли. Опомнилась я только тогда, когда Иван Сергеевич взялся читать за меня. Он прочел сцену из "Березая" (находку Глаши Михайлычем). После этого я ожила и с восторгом слушала прекрасное чтение Иваном Сергеевичем его собственных вещей. Он читал сцену из "Дыма" и закончил словами Литвинова, когда тот уходит, причем и сам Иван Сергеевич вскочил со стула и вышел. Потом мне рассказывали, что кое-кто даже и надулся за это» (*СВ.* 1887. № 2. С. 59). Об организации утра см. примеч. 1 к письму 4979.

4998. М.М. Стасюлевичу (с. 84)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 218.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 149.

[1] С просьбой заверить в Министерстве иностранных дел новую доверенность на имя Н.А. Щепкина Тургенев обратился к Стасюлевичу 17 (29) марта 1878 г. См. письмо 4987 и примеч. 1 к

нему. Текст доверенности см. в разделе "Официальные письма и деловые бумаги" (№ 38).

[2] См. письмо 4995 и примеч. 3 к нему.

4999. П.Л. Лаврову (с. 84)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 3. № 26. Л. 40.

Впервые опубликовано: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 40.

Датируется по дню недели и по содержанию.

Стр. 84. Знамение времени! (*лат.*).

[1] Утро состоялось лишь 16 (28) мая 1878 г. См. о нем письмо 4979 и примеч. 1 к нему. На этот раз отложить его пришлось в связи с наступлением Страстной недели (см. письмо 5001).

[2] Тургенев внимательно следил за сообщениями о резонансном процессе по делу В.И. Засулич, которая была оправдана судом присяжных 31 марта (12) апреля 1878 г. См. примеч. 15 к письму 4944. Впоследствии именно Лавров сообщил писателю о прибытии Засулич за границу. «Зная, как вы интересуетесь судьбою Засулич, — писал он Тургеневу 11 июня н. ст. 1878 г., — спешу вам сообщить последние, *вполне достоверные* сведенья. В воскресенье я получил из Берлина письма, что она там; сегодня — другое, что она оттуда отправлена на юг — вероятно, в Женеву. Я так опасался за нее, пока она была в Берлине в настоящее бурное время, что не решался обнадежить никого, пока она не выехала из столицы немецкого цезаризма. Теперь можно быть спокойным. Мой приятель, медик, пишет, что она "тип мирной хозяйки, кроткой и уступчивой пансионерки. Всматриваясь более, замечаешь, что там где-то в глуби — даже, может быть, без ее ведома — идет совершенно другая духовная работа, другая жизнь. Вы чувствуете, когда с ней говорите, что она, разговаривая с вами, едва ли слушает вас. У ней свои психозы, на которых она всегда сосредоточена, и поэтому она кажется флегматичною". Насколько эти наблюдения верны, сказать не могу, тем более что мой приятель мог видеть Засулич, — как он сам пишет, — лишь урывками во время ее недолгого пребывания в Берлине. Полагаю, что эти сведенья не будут для вас неинтересны» (*ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 63).

5000. Г.О. Гинцбургу (с. 85)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 147. Л. 62—63. Подлинник хранился в частном собрании И. Берлина (Оксфорд).

Впервые опубликовано: *Gunzburg.* P. 85.

Датируется по содержанию: выставка-продажа картин, принадлежавших Тургеневу, состоялась в субботу 8 (20) апреля 1878 г. Вторник, предшествующей этой дате, приходился на 4 (16) апреля.

[1] По всей видимости, одно из заседаний Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, обычно проводившихся по вторникам. Об Обществе см. примеч. 2 к письму 4922.

[2] О продаже коллекции картин Тургенева, которая состоялась 8 (20) апреля 1878 г., см. письма 4980, примеч. 2, 4993, примеч. 9, и 5008, примеч. 2. Объявления о грядущем аукционе были размещены в нескольких парижских газетах, в том числе в "Le Temps", которая сообщала 14 апреля н. ст. 1878 г.: "Примечательная продажа картин состоится вскоре. Наш сотрудник и друг, г. Иван Тургенев продает свою коллекцию старинных и современных картин, включающую имена и полотна Д. Тенирса, ван дер Неера, К. Декера, Адриана Остаде, Соломона Рейсдаля, Жюля Дюпре, Диаса, Коро, Шентрейля, Жака Добиньи, Харламова и др. Продажа совершится в четверг (sic! На самом деле 20 апреля приходилось на субботу. — *Ред.*), 20 апреля; выставка будет открыта в течение двух предшествующих дней. Она, несомненно, привлечет значительное количество посетителей, поскольку коллекция г. Тургенева совершенно замечательная и заслуживает внимания настоящих знатоков" (№ 6205. P. 2). "La Chronique des arts et de la curiosité", являвшаяся еженедельным приложением "La Gazette des beaux-arts", поместила более пространное объявление: «Г-н Иван Тургенев является не только самым знаменитым из русских писателей; он не только является в глазах многих читателей одним из первых французских писателей; помимо этого он, о чем, возможно, не подозревало большинство людей, является страстным коллекционером и, к тому же, подлинным знатоком. Завсегдатай аукционов, он со временем собрал одну из лучших художественных галерей Парижа. Его любимым жанром является современный французский пейзаж. Добиньи, Диас, Коро восхитительно представлены у него своими самыми сильными, самыми свежими, самыми поэтичными работами: колышущиеся берега Уазы при мягком свете луны; огромные и прекрасные деревья в Фонтенбло, бесплодные скалы или таинственные лужайки; сияющий восход солнца сквозь утренние туманы. Все это можно найти в коллекции Тургенева; и еще исключительные работы Шентрейля; жемчужину, подлинную жемчужину — "Хижины" Жоржа Мишеля, картина, упомянутая и описанная в столь полной книге Альфреда Сансье; работы Жюля Дюпре, Шарля Жака; голландские пейзажи гг. Валле, Гегерфельта и др. Но это еще не всё, присутствуют и старые мастера. Назовем между прочими знаменитый пейзаж Курода Декера, фигуры на котором были написаны Ад. ван Остаде; "Отъезд путешественника", превосходная и почти волнующая работа Давида Тенирса, веселый ван дер Неер, обычно писавший лунный свет, а здесь представивший сияющие утренние лучи. И сколько еще можно назвать! Но лучше послать любителя на выставку этой

прекрасной коллекции, которая будет иметь место в ближайшие четверг и пятницу в зале № 8 Отель Друо. Продажа совершится 20 апреля, в субботу, оценщиком мэтром Шарлем Пилле и экспертом г-ном Фералем» (1878. 13 avril. № 15. P. 118—119).

[3] Среди других лиц, которым Тургенев отправил свой каталог, была семья Н.И. Тургенева. См. запись в дневнике Ф.Н. Тургеневой за 2 (14) апреля 1878 г.: "Каталог Ивана!" (*ЛН.* Т. 76. С. 391).

[4] Н.М. Спасский учился вокальному искусству в Италии. Карьера певца ему, однако, не удалась: дебют в Мариинском театре был неудачен (см. письмо 5024). После провала Спасский в течение многих лет состоял либреттистом при Дирекции императорских театров, а также успешно преподавал.

5001. П.Л. Лаврову (с. 88)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 3. № 26. Л. 41.

Впервые опубликовано: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 41.

[1] В греческой мифологии Данаиды — дочери царя Аргоса Даная — в наказание за убийство мужей были осуждены наполнять водой бездонную бочку. В переносном смысле — бесплодная, нескончаемая работа.

[2] Литературно-музыкальное утро было вновь отложено и состоялось лишь 16 (28) мая 1878 г. См. письма 4979, примеч. 1, 4994, 4999, примеч. 1, 5023 и 5025.

5002. А.П. Боголюбову (с. 89)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 705. Оп. 1. № 76. Л. 13.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 305.

Датируется предположительно мартом — началом апреля ст. ст. 1878 г. на основании содержания письма, в котором речь идет о намерении Тургенева продать картину Теодора Руссо. Полотно Руссо не было включено в каталог картин Тургенева, предназначенных к продаже (см.: Collection de M. Ivan Tourguéneff et collection de M. X. Paris, 1878). Возможно, он колебался и не решился в итоге его продать. 8 (20) апреля 1878 г. состоялся аукцион, после чего Тургенев сообщил Полонскому: "Руссо своего я, однако, не продал" (письмо 5007).

[1] Возможно, Тургенев должен был выехать в Буживаль, где находились картины, подготавливавшиеся им для продажи. Об одной из подобных поездок, которая состоялась 18 марта н. ст., упоминает в воспоминаниях А.Н. Луканина (*СВ.* 1887. № 2. С. 52).

[2] Тургенев, увлекавшийся художниками барбизонской школы, особенно высоко ценил Теодора Руссо. В 1875 г. он приобрел пейзаж Руссо "Лес в Фонтенбло", о котором и идет речь в настоящем письме. См.: наст. изд. Письма. Т. 14. № 3970, 3989; письмо Я.П. Полонского к Тургеневу от 4 (16) мая 1878 г. (*Звенья.* Т. 8. С. 212); *Яворская Н.В.* Пейзаж барбизонской школы. М., 1962. С. 112; *Эттингер П.Д.* Тургенев-коллекционер // Эттингер П.Д. Статьи. Из переписки. Воспоминания современников. М., 1989. С. 45—50 (Здесь же на с. 48 см. воспроизведение полотна Руссо); *Кузнецова И.А.* Картина Теодора Руссо из собрания Ивана Сергеевича Тургенева в ГМИИ имени А.С. Пушкина // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств. 1991. Вып. 9. С. 250—280. После окончательного разорения семьи дочери, в 1882 г., Тургенев вынужден был продать его С.М. Третьякову. В настоящее время картина хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве.

5003. М.М. Антокольскому (с. 89)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 25. № 25. Л. 12.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 306.

Датировка обосновывается следующими фактами: в письме идет речь о подготовке ко Всемирной выставке в Париже, которая открылась 1 мая н. ст. 1878 г., и упоминаются билеты, — вероятно, на выставку-продажу картин Тургенева 8 (20) апреля 1878 г.

Стр. 89. Прости им — ибо не знают, что делают (*лат.*).

[1] Речь идет о двух вариантах скульптуры Антокольского "Христос перед судом народа" (в мраморе и бронзе). Скульптура (в мраморе и в бронзе) была выставлена на Всемирной выставке в Париже в 1878 г., за нее Антокольский был удостоен почетной золотой медали и ордена кавалера Почетного легиона (см. об этом очерк А.П. Боголюбова "Марк Матвеевич Антокольский": *Боголюбов.* С. 243, а также: *Кузьмина Л.И.* Тургенев и М.М. Антокольский // *Т сб.* Вып. 5. С. 397). О статуе "Христос перед судом народа" и оценке ее Тургеневым см. письма 4953, примеч. 13, 4968, примеч. 1, и 4972, примеч. 5.

[2] Тургенев приводит (возможно, в собственном переводе с црк.-сл.) евангельский текст: "Pater, dimitte illis: non enim sciunt quid faciunt" (Лк. 23: 34). Ни на одном из известных вариантов скульптуры "Христос перед судом народа" этот текст не присутствует. Возможно, Антокольский отказался от своего замысла.

[3] Билеты на аукцион картин, принадлежавших Тургеневу, который состоялся 8 (20) апреля 1878 г. Об аукционе см. письма 4980, примеч. 2, 4993, примеч. 9, и 5008, примеч. 2. Воспроизведение билета см. на с. 88.

5004. М.М. Антокольскому (с. 90)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 25. № 25. Л. 13.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 306.

Год устанавливается на основании того факта, что распродажа картин, принадлежавших Тургеневу, происходила 8 (20) апреля 1878 г.

[1] Опасения Тургенева оправдались: от продажи картин ему удалось выручить намного меньшую сумму, чем он рассчитывал, о чем он с сожалением писал, например, Я.П. Полонскому и Н.С. Тургеневу. См. письма 5007, 5008, примеч. 2, и 5010. О результатах продажи, с перечислением вырученных сумм за каждую картину, см.: La Chronique des arts et de la curiosité. 1878. 4 mai. № 18. P. 1). "Гвоздем" аукциона, как отмечал П.Д. Эттингер, стал "подписной жанр Тенирса, прошедший за 3100 франков". В первом ряду стояли также "два подписных пейзажа Соломона Рейсдаля и А. ван дер Неера, проданных по 2800 франков (Картина Рейсдаля в действительности ушла за 2420 франков. — *Ред.*), что по тогдашним ценам свидетельствует о высоком их качестве" (*Эттингер П.Д.* Тургенев-коллекционер // Эттингер П.Д. Статьи. Из переписки. Воспоминания современников. М., 1989. С. 49). Следует отметить, что не менее высоко были оценены и современные полотна: так, "Пастбище" Ш. Жака было продано за 3600 франков, его же "Овчарня" — за 2200 франков, "Хижины" Ж. Дюпре — за 3030 франков (о покупке этой картины в 1875 г. см. письма к Дюпре: наст. изд. Письма. Т. 14. № 3967, 3973). О картинах в собрании Тургенева и возможных причинах неудачи аукциона см.: *Miquel P.* Les maîtres du paysage français dans la collection Tourguéniev // *Cahiers.* № 5 (1981). P. 121—138.

[2] Среди картин Тургенева было два пейзажа французского художника Ж.-Ф. Добиньи (см.: *ПД. Описание.* С. 218. № 9, 10). О каком из них идет речь — неясно. Оба пейзажа были проданы за гораздо меньшую сумму — 2250 ("Вечер", датирован 1868 г.) и 1420 франков соответственно.

5005. П.В. Анненкову (с. 90)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 14—14 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 308.

Стр. 91. "Это оставляет пятна даже на грязи" (*франц.*).

[1] О приступе подагры, начавшемся 7 (19) апреля и помешавшем Тургеневу присутствовать на продаже своих картин, он

сообщал и М.М. Антокольскому (см. письмо 5004). В ответном письме от 16 (28) апреля 1878 г. Анненков с сожалением констатировал: "Я собираюсь к Вам — Вы в подагре, Вы здоровы — я не гожусь никуда. 〈...〉 Как только получу известие, что Вы без отвращения можете принимать людей, хоть не совсем со здравыми, но по крайней мере с действующими ногами, то и явлюсь получать свою долю в беседе с Вами" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 84).

[2] В письме от 9 (21) апреля 1878 г., на которое отвечает Тургенев, Анненков просил его сообщить о своих планах, поскольку писатель собирался отправиться в Россию, однако несколько раз откладывал отъезд (см. примеч. 4 к письму 4988). Анненков же еще с конца октября 1877 г. предполагал приехать в Париж, где надеялся увидеться с Тургеневым, а со временем к этому намерению добавилось также желание заодно посетить Всемирную выставку (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 83). По совету Тургенева, Анненков прибыл в Париж через неделю после открытия Всемирной выставки и в преддверии открытия ежегодной художественной выставки — 8 (20) мая 1878 г. (см. примеч. 7 к письму 4912, примеч. 3 к письму 4953, а также письмо 5012).

[3] Открытие ежегодного парижского Салона было перенесено на 24 мая н. ст. См. письмо 4991 и примеч. 3 к нему, а также примеч. 1 к письму 5031. В ответном письме Анненков замечал: "Очень рад, что художественную выставку ждут к 15-му мая: авось Вы тогда подыметесь с одра болезни и мы бы вместе поглазели на нее" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 84). Узнав же, что открытие отложено до 24 мая н. ст., он специально отсрочил свой приезд еще на несколько дней (см.: Там же. С. 85).

[4] Открытие Всемирной выставки состоялось 1 мая н. ст. 1878 г. в торжественной обстановке. См. письмо 5008 и примеч. 2 к нему, а также письмо 5012.

[5] Тургенев неоднократно выражал опасения, вызванные возможностью войны с Англией (ср. письма к М.М. Стасюлевичу, А.В. Головнину, Г. Джеймсу — № 4987, примеч. 2, 4990, примеч. 4, и 4991, примеч. 2). Прогноз Тургенева, однако, не оправдался. Анненков, как видно из ответного письма от 16 (28) апреля 1878 г., также разделял опасения Тургенева, полагая, что объявление войны "все же лучше, чем это канатное балансирование между страхом и надеждой" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 84).

[6] Тургенев откликается на следующий фрагмент письма Анненкова от 9 (21) апреля: "А хорошие дела делаются в России. Засулич, Юханцев, стрельба в народ неизвестно для чего и кем сделанная, Охотный ряд в Москве, кидающийся на растерзание студентов, а потом всех в немецком платье, а потом уж и на полицию. Чепуха и бред, не имеющие примера и умопомрачительные" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 83). В "Московских ведомостях" за первые месяцы 1878 г. не было статей, подписанных

фамилией или псевдонимами М.Н. Каткова. Видимо, Тургенев имеет в виду передовицы "Московских ведомостей", освещавшие текущие события с ультраконсервативной точки зрения, которые действительно писал Катков, — например, статья о деле В.И. Засулич, где выражается возмущение фактом ее оправдания (о деле Засулич см. примеч. 15 к письму 4944); статья о студенческих беспорядках в Москве 3 (15) апреля; статья о внешней политике, где проводится мысль, что внутренние беспорядки и внешний нажим "находятся между собою в круговой поруке". Статья Н.А. Любимова "По делу Веры Засулич" протестует против незнания "присяжными предоставленных им законом прав и обязанностей" и "неуместного восторга и оваций разношерстной толпы", приветствовавшей Засулич; статья всячески опорочивает свидетелей защиты и оправдывает Ф.Ф. Трепова. В заключение Любимов утверждал: "Преднамеренное покушение на жизнь человека, ни самой Засулич, никому из ее близких ничего не сделавшего, — это уже не шутка, не бессмысленный бред разных нигилистов вроде проекта отделения Сибири и т.п. бредней. Факт преступления совершен, присяжные заседатели могут найти смягчающие обстоятельства, но *миловать* закон им права не предоставляет. / А нашим газетным ораторам не грешно ли раскрашивать и раздувать подобные дела, укреплять этими путями в нашей молодежи мнения о каких-то заслугах Веры Засулич и разной плесени нашего общества вроде Нечаева и т.п. и тем толкать в бездну наше молодое поколение, отрывая его от семьи, труда и честного служения своей отчизне" (см.: *Моск Вед.* 1878. 5 (17) апреля. С. 3—4. № 88; подпись: "Дмитрий Любимов"). См. также письмо 5010 и примеч. к нему.

[7] Слова взяты из анекдота об А. Ривароле. Тот говорил о кавалере П*** как человеке удивительной нечистоплотности: "il fait tache dans la boue" ("он пачкает грязь") (Œuvres complètes de Rivarol. 2de éd. Paris, 1808. T. 5. P. 344).

5006. Рудольфу Линдау (с. 91 и 266)

Печатается по подлиннику: *SBB*.

Впервые опубликовано: *T und Deutschland.* S. 139.

Год определяется указанием на дело Засулич. "Московская газета" с выдержками из немецких газет, о которой упоминает Тургенев, — это "Московские ведомости" от 12 (24) апреля 1878 г. А 18 (30) апреля 1878 г. Тургенев сообщал М.М. Стасюлевичу, что на предложение с немецкой стороны высказаться по поводу дела Засулич он уже ответил отказом (см. письмо 5010). Понедельник между этими двумя датами падает на 17 (29) апреля 1878 г.

[1] Вероятно, Пауль Линдау обратился к своему брату Рудольфу в Париже, чтобы тот предложил Тургеневу высказаться по

поводу дела Засулич (см. письма 5010 и 5014). В приписке Р. Линдау к данному письму Тургенева сказано: "Дорогой Пауль, я был еще раз у Т⟨ургенева⟩. Но он ни за что не хочет. Я сделал всё, что мог". Судя по тому, что Тургенев упоминает о получении "Московских ведомостей" от 12 (14) апреля 1878 г., визит Линдау мог состояться 15 (27) апреля — так как обычное время доставления корреспонденции составляло порядка трех дней.

[2] См.: *Моск Вед.* 1878. 12 (24) апреля. № 95. С. 3. "Петербургский судебный скандал, — сообщалось в газете, — должен был произвести впечатление не в одной Москве, но и во всем мире. Он и произвел впечатление. / Рассказывая, на основании петербургской печати и цитуя ее безобразные выходки, вот в каком виде представилось наше отечество в Европе, с которою мы сводим теперь счеты". Далее следовали выдержки из "Nationalzeitung", "Kölnische Zeitung", а также "Wiener Tageblatt".

[3] Газета "Kölnische Zeitung", резко осуждая в статье "Der Prozeß Wera Sassulitsch" оправдание Засулич, в то же время подчеркивала, имея в виду наказание, которому подвергся Боголюбов, что "тиранический произвол полиции, конечно, никак не лучшее средство покончить со злом нигилизма" (Kölnische Zeitung. 1878. 18. April. № 108). Статья представляла собой письмо в редакцию по поводу оправдания В.И. Засулич, присланное "знатоком русских обстоятельств". Л.А. Полонский посвятил ее разбору значительную часть "Внутреннего обозрения" в майской книжке "Вестника Европы", которое вызвало одобрение Тургенева (см. письмо 5028 и примеч. 4 к нему). Видя в авторе "иностранца, проживающего в России", Полонский упрекал его в том, что он «не хочет почему-то видеть далее, чем видят "Московские ведомости"», намекая на крайне тенденциозную статью Н.А. Любимова (см. о ней примеч. 6 к письму 5005). Резюмируя содержание статьи в "Kölnische Zeitung", Полонский заключал: «"Глубокое варварство этой России и этого русского народа" — вот главный его вывод из всего дела Засулич. Он видит у нас все бедствия вкупе: "порчу государственного организма", "бессилие власти", "безумный идеализм политической толпы, свидетельствующий о разложении", "ослабление государства войною с турками", "господство отрицания в мышлении" и вместе "заносчивость в области политики"». По мнению Полонского, вывод автора статьи "весьма характеристичен" для карьеристов, дорожащих лишь размером оклада и демонстрирующих "полнейшую отчужденность от России", презрение к ней и "тупое глумление над ее правом быть признанной в качестве человеческого общества" (*ВЕ.* 1878. № 5. С. 349—350). Здесь же Полонский обратил внимание на то, что редакция враждебной России "Kölnische Zeitung" опубликовала данное письмо с оговоркой о недопустимости "тиранического произвола поли-

ции", а также процитировал фрагмент, в котором говорилось об аналогичных "оправдательных приговорах присяжных при очевидности преступления" в ходе политических процессов в "легко увлекающейся" Франции, а также среди "хладнокровных англичан" (Там же. С. 351).

[4] Выдержка взята из статьи "Der Prozeß Sassulitsch in Petersburg", которая была напечатана в берлинской "Nationalzeitung" (1878. 18. April. № 183, утренний выпуск). Автор статьи, удивляясь, как могло русское правительство допустить освобождение Веры Засулич и "остаться бессильным перед голосом народа", делал вывод о слабости государства. Проводя сравнение с ситуацией во Франции накануне 1789 г., когда "суды освобождали политических преступников из политического сочувствия", автор статьи писал: "Такие явления были обыкновенно предвестниками больших переворотов в государственной жизни страны. Если все взвесить, если сообразить, как кровавая расправа с одним из высших служителей государства, доверенным лицом царя, какой бы ни подал он повод к мести, была торжественно оправдана, при единодушном одобрении присяжных, сенаторов, женщин, государственного канцлера и студентов, министров и черни (так петербургские газеты представили дело), то с изумлением спрашиваешь себя: существует ли вчерашнее государственное здание? Весь народ, говорят, взял в свои руки наказание высшего государственного сановника, совершил эту кару вердиктом 12 апреля (31 марта), объявил громогласно каждому желающему слышать, что правительство это есть невозможное, — а государство едва осмеливается дать предостережение некоторым газетам и остается бессильным пред голосом народа. Решится ли оно вступить в борьбу..." (цит. по: *Моск Вед.* 1878. 12 (24) апреля. № 95. С. 3).

[5] Цитат или высказываний из австрийских газет "Neue Freie Presse" и "Presse" в "Московских ведомостях" нет. Но "Neue Freie Presse" неоднократно писала с 14 по 21 апреля н. ст. 1878 г. о процессе В. Засулич (см., например: Prozeß Wjera Sassulitsch // Neue Freie Presse. 1878. 16. April. № 4898. S. 7, утренний выпуск; 17. April. № 4899. S. 5—6, утренний выпуск; 18. April. № 4900. S. 5—6, утренний выпуск), и Тургенев мог непосредственно познакомиться с ее высказываниями, как и с высказываниями газеты "Presse". Однако статьи "Россия — сыпной тиф Европы" в ней в это время напечатано не было. Видимо, Тургенев неточно указал название газеты.

[6] Тургенев имеет в виду в основном романы "Дым" и "Новь".

[7] О решении отказаться от литературной деятельности Тургенев неоднократно писал в 1877—1878 гг. — под впечатлением резких отзывов критики о романе "Новь". См., например, письмо 4954 и примеч. к нему.

5007. Я.П. Полонскому (с. 92)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Собр. *ОЛДП.* № Q250. Л. 159—160.

Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем.* С. 329—331.

[1] Это письмо Полонского неизвестно.

[2] Генрих Гейне длительное время был прикован к постели параличом.

[3] Полонский, по-видимому, передавал Тургеневу в письме мнения его друзей и доброжелателей, вызванные обнародованием его письма к редактору газеты "Правда", в котором он заявлял о прекращении литературной деятельности. См. письмо 4954.

[4] Об этом же см. письмо 4995 и примеч. 9 к нему.

[5] О продаже коллекции картин Тургенева см. примеч. 9 и 10 к письму 4993, примеч. 2 к письму 5000, а также примеч. 1 к письму 5004.

[6] Тургенев имеет в виду разгром под Седаном французской Шалонской армии 1—2 сентября н. ст. 1870 г.

[7] См. примеч. 2 к письму 5002. В ответном письме от 4 (16) мая 1878 г. Полонский сочувственно замечал: «Очень сожалею, что ты продал свои картины с убытком, и очень рад, что "Лес" Руссо остался с тобой, или что ты не изменил ему. Я все еще имею сладкую надежду когда-нибудь быть у тебя и видеть это произведение» (см.: Переписка с Я.П. Полонским / Вступит. ст. и коммент. Г.П. Миролюбова // *Звенья.* Вып. 8. С. 212).

[8] О смерти Ю.П. Вревской см. примеч. 3 к письму 4955. Полонский напечатал посвященное ей стихотворение "Под красным крестом" в газете "Новое время" (1878. 26 марта. № 745. С. 2), лирический герой которого оказывается тяжело раненным на Балканах и попадает в госпиталь, где выживает благодаря самоотверженному уходу сестры милосердия, отдавшей ему в буквальном смысле свою рубашку. Завершалось стихотворение следующими прочувствованными строками:

И вот, я на родине! — Те же невзгоды,
Тщеславие бедности, — праздный застой,
И старые сплетни, и новые моды...
Но нет! не забыть мне сестрицы святой!
Рубашку ее сохраню я до гроба...
И пусть наших недругов тешится злоба!
Я верю, что зло отзовется добром —
Любовь мне сказалась под Красным Крестом.

Стихотворение Полонского было 30 июля 1878 г. перепечатано в "Пчеле", на первой странице которой был помещен также портрет Ю.П. Вревской в форме сестры милосердия (№ 29. С. 447). Воспроизведение см. на с. 93.

[9] Полонский, по-видимому, сообщал в письме к Тургеневу устный отзыв о повести "Нечаянно" редактора "Недели" П.А. Гайдебурова (см. примеч. 2 к письму 4912, а также письмо 4924, примеч. 5). В ответном письме от 4 (16) мая 1878 г. Полонский сообщал, что усердно работает над окончанием повести: "Не хочется кончать кое-как и бежать к концу козлиными прыжками. Полагаю только, что конец будет лучше начала, не лишен смысла и трогательных сцен". Здесь же он выражал опасения, что повесть не найдет понимания у читателей и "провалится". «Уже Михайловский в "Отеч⟨ественных⟩ записках" лягнул ее, — продолжал он, — поставил наряду с романами Маркевича и Авсеенко. Собирается еще ругать — и нисколько меня это не печалит и не сердит. Не могу же я выкроить романы и повести из впечатлений, пережитых г. Михайловским, если только он действительно переживал какие-нибудь впечатления» (*Звенья.* Вып. 8. С. 211—212). Полонский намекал здесь на краткий отзыв, прозвучавший в "Литературных заметках" Михайловского в апрельском номере "Отечественных записок", где критик так отозвался об сотрудниках "Недели": «Авторы не подозревают, до какой степени пошла та кукла-героиня, которую они, как дети, рядят в полинялые лоскутки всех цветов. Шаблон этой повести перебрался из Москвы в Петербург. Таков малоароматический букет повести Я. Полонского "Нечаянно", напечатанной в приложениях к "Неделе". Произведения г. Клюшниковых, Лесковых, Авсеенок, Маркевичей и пр. построены на один лад» (*ОЗ.* 1878. № 4. С. 347; подпись: "Н. М."). "Журнал романов и повестей" — ежемесячное прибавление к "Неделе", в котором с января по июль печаталось "Нечаянно", выходил с обложкой лимонно-желтого цвета.

[10] Тургенев и Полонский по-разному оценивали ход Балканской войны, а также деятельность М.Г. Черняева, в оценке которого их взгляды разошлись настолько, что Тургенев в письме от 30 декабря 1876 г. (11 января 1877 г.) предложил никогда более к разговору о нем не возвращаться (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4559, а также письма 4466, 4485, 4503 и др.).

[11] В Париж отправлялся знакомый Полонскому критик В.В. Чуйко. Очевидно, Чуйко нанес визит Тургеневу позднее, поскольку в ответном письме от 4 (16) мая Полонский спрашивал: "Был ли у тебя Чуйко? Я слышал от жены его, что по приезде в Париж он заболел и даже вряд ли был на открытии всемирной выставки" (*Звенья.* Вып. 8. С. 212). В мае 1878 г. Чуйко поместил в "Пчеле" и в "Русской газете" серию корреспонденций о Всемирной выставке, а также присутствовал впоследствии на Литературном конгрессе, где, несомненно, встречался с Тургеневым.

[12] На отзыв о С.А. Венгерове оказала влияние, по всей видимости, его книга "Русская литература в ее современных пред-

ставителях. И.С. Тургенев", вышедшая в 1875 г. Экземпляр ее он выслал писателю, который откликнулся благодарственным письмом 25 мая (6 июня) 1875 г., но высказал и ряд замечаний, в том числе по поводу "ужасно варварского языка", которым она написана. Особенно задет был писатель утверждением Венгерова, что его перу принадлежат произведения на иностранных языках, а также обнародованием отрывка из своего письма к Венгерову. В одном из следующих писем к Венгерову Тургенев "констатировал факт совершенного различия наших воззрений на искусство вообще и на литературу" (см.: наст. изд. Письма. Т. 14. № 4028, 4029, 4036, 4170). Критика также встретила книгу Венгерова неоднозначно. Самый развернутый отклик принадлежал Н.В. Шелгунову и, как отмечает В.А. Мысляков, носил весьма характерное название: "Самоуверенная скромность" (см.: Дело. 1875. № 6. Отд. "Современное обозрение"; *Мысляков В.А.* Слово и личность А.Ф. Писемского глазами С.А. Венгерова (об одном литературном конфликте) // Ф.Я. Прийма и вопросы филологии XX века: Исследования. Воспоминания. Материалы. СПб., 2009. С. 194—195).

[13] О бюсте Тургенева работы П.П. Забелло см. письмо 4974 и примеч. 6 к нему.

[14] Поездка Тургенева в Карлсбад не состоялась (см. примеч. 3 к письму 5049).

5008. Н.С. Тургеневу (с. 94)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 226—226 об. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 24/6 апр. 78. С. Тургенево, 7-м днем".

Впервые опубликовано: с сокращениями — *Рус Ст.* 1886. № 3. С. 597; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 310—311.

[1] В Карлсбад Тургенев в 1878 г. не поехал, а в Россию выехал из Парижа 21 июля (2 августа).

[2] См. об этом также в письмах 5004, 5007 и 5010. В тех же выражениях Тургенев высказывался устно М.М. Антокольскому. Когда Антокольскому, также собравшему большую и ценную коллекцию западноевропейского искусства, пришлось в 1901 г. продать ее с того же аукциона Друо, что и Тургеневу, он был огорчен не меньше писателя. В ответ на утешительное письмо В.В. Стасова он писал: «Благодарю вас также за утешение, что с Тургеневым случилось то же самое. Я хорошо помню его продажу, особенно первую. На другой день утром, т.е. после продажи, я зашел к нему, он еще лежал на своей кушетке, обтянутой зеленым репсом (ужасный вкус!) "Вот, батенька, Ватерлоо!" — сказал он мне. Действительно, картины его продавались очень плохо. Не потерплю ли я то же самое? Хотя говорят, что на мою

продажу приехали люди нарочно из Лондона, Мюнхена, Кельна и проч. Я хлопотал о том, чтобы лучшие вещи были куплены приезжими из России (на аукционе), но напрасно, отказались, точно я просил милости или одолжения» (*Антокольский.* С. 874—875). Антокольскому, однако, удалось выгодно продать свою коллекцию: вместо объявленной предварительной цены в 184 518 франков он получил 391 000 (см.: *Кривдина О.А.* Марк Матвеевич Антокольский. "От России — для России". СПб., 2008. С. 179—180).

[3] Имеется в виду Всемирная выставка в Париже, открывшаяся 1 мая н. ст. 1878 г. Описание выставки в одном из своих "Парижских писем" Э. Золя начал с воспоминаний о бедствиях Франции 1871 г. в период франко-прусской войны (*Золя Эм.* Парижские письма. XXXVII. Открытие всемирной выставки // *ВЕ.* 1878. № 6. С. 811—812). Рассматривая сам факт выставки как своего рода мирное возмездие победоносной Германии, Золя писал: "Тому прошло восемь лет. И вот мы высвободились из-под развалин. В восемь лет труд и бережливость все вознаградили. Тщетно стали бы мы искать в стране следов ран, которые одну минуту как бы угрожали ей смертью. Даже рубцов больше не видно; точно будто родились новые люди, а деньги сами собою притекли в наши сундуки" (Там же. С. 812). Кроме того, выставка, ставшая национальным праздником, по словам Золя, "была декретирована республикой, а потому на нее косо смотрели реакционеры" (Там же. С. 813). В обстановке всеобщего ликования выставку открыл маршал Мак-Магон на платформе специально выстроенного к выставке дворца Трокадеро. Во время его речи забил каскад фонтанов, затем загремели пушки и заиграла военная музыка. Даже разразившаяся внезапно гроза не помешала веселью. Французская часть выставки была размещена по векам, представляя искусство и промышленность в лучших образцах. Как будто споря с Золя, в своих "Парижских письмах" В.В. Чуйко писал: "Парижская выставка, несомненно, удалась лучше всякого ожидания. Удалась ли она *благодаря* республике или же *несмотря* на республику, — этого, конечно, я не берусь решать ⟨...⟩" (Пчела. 1878. 28 мая. № 22. С. 339). Еще один грандиозный дворец был выстроен на Марсовом поле, в одной из галерей расположены выставки изящных искусств, в других — мебели, тканей, одежды, машин, сельскохозяйственной продукции, музыкальных инструментов и других предметов. Иностранные отделы помещались в павильонах, прилегающих к дворцу, по условиям выставки они были построены участниками и отличались оригинальными архитектурными решениями. Они образовали так называемую улицу Наций на Марсовом поле. Вход в русский павильон был построен из дерева в виде терема и украшен многочисленными резными деталями (архитектор И.П. Ропет; наст. имя: Иван Николаевич Петров) в

так называемом русском стиле, вызвав большой интерес посетителей. По подсчетам, Всемирная выставка 1878 г. по объему представленных на ней предметов вдвое превосходила предыдущую, состоявшуюся в 1867 г. Большая часть (около половины) всех выставочных площадей принадлежала хозяевам выставки. Так, во французской части выставки изящных искусств был представлен 2071 предмет, в то время как в итальянской и английской — около 400 (*Наблюдатель.* Париж и всемирная выставка // *ВЕ.* 1878. № 7. С. 411).

5009. Н.А. Щепкину (с. 95)

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 2. № 171. Л. 1.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ.* С. 146.

[1] С 1877 по 1882 г. Спасская контора вела с С.И. Волновым судебное дело. О тяжбе с Волновым см. письма 4939, примеч. 4, и 4988, примеч. 2.

[2] А.Ф. Борисов — претендент на аренду Кадного.

[3] О получении ведомостей см. письмо 5036.

5010. М.М. Стасюлевичу (с. 96)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 220. На подлиннике помета Стасюлевича: "22. IV.78", дата получения письма.

Впервые опубликовано: *ВЕ.* 1911. № 12. С. 4—6.

Стр. 96. "Что дальше?" (*англ.*).
Стр. 97. "Приветствуем наших героев" (*франц.*).
Стр. 97. пророк (*нем.*).

[1] То же сравнение Тургенев использовал ранее и в письме к П.В. Анненкову (№ 5005).

[2] Продажа с аукциона картинной галереи Тургенева состоялась 8 (20) апреля 1878 г. На убыточность продажи Тургенев жаловался многим корреспондентам — см. письма 5007, 5008, примеч. 2, а также примеч. 9 к письму 4993 и примеч. 1 к письму 5004.

[3] Имеется в виду повесть Луканиной "Птичница", первоначально называвшаяся "Думушка". "Птичница" опубликована в № 6 "Вестника Европы" за 1878 г., "Березай" — в № 7. О характере замечаний Тургенева в отношении повести "Березай" см. письма 4933, примеч. 2, и 4963, примеч. 4. Отправляя 17 (29) апреля 1878 г. рукопись "Думушки" Стасюлевичу, А.Н. Луканина писала: «...надеюсь, что она поспеет вовремя, так как Вы писали мне, что назначаете срок присылки до 25-ого апреля ст. ст. Будьте столь добры и уведомьте меня о получении ее и "Березая"». В том же письме Луканина просила выслать ей в Париж

корректурные листы повести, прибавляя: "...у меня встречается столько народных слов и выражений, редко или даже вовсе не употреблявшихся в печати, что они могут быть набраны с ошибками, тем более что почерк мой очень неразборчив" (*ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. № 830. Л. 5).

[4] О деле В.И. Засулич см. примеч. 15 к письму 4944 и примеч. 8 к письму 4953.

[5] Речь идет о чиновнике особых поручений Министерства финансов К.Н. Юханцеве, обвиненном 27 марта ст. ст. 1878 г. в растрате значительных денежных сумм Общества взаимного поземельного кредита (см. об этом: *Кони А.Ф.* Судебные речи. СПб., 1888. С. 475—494; *СПб Вед.* 1878. 18 (30) апреля. № 105).

[6] Газета "Северный вестник", негласным редактором которой был В.Ф. Корш, начала выходить 1 (13) мая 1877 г., но была запрещена в апреле 1878 г. за статью о деле Засулич. Пытаясь спасти газету, Стасюлевич ходатайствовал перед императрицей, но безуспешно. «Не могу не заметить Вам, вспоминая наш разговор, — писала ему лектриса императрицы Марии Федоровны А.Н. Мальцова, — что газета "Северный вестник", за которую мы хлопотали, избрала для себя пагубное направление. Если г-н Корш имеет большую семью, то напрасно он поместил в своей газете неправильный, даже совсем лживый факт о действиях полиции при случае оправдания Засулич» (см.: *Стасюлевич.* Т. 5. С. 326). См. также примеч. 5 к письму 4854 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2.

[7] В апреле 1878 г. студенты Московского университета, встречавшие высланных киевских товарищей, были избиты толпой лавочников и мясников, пришедших на помощь полиции (см.: *СПб Вед.* 1878. 6 (18), 7 (19) апреля. № 95, 96).

[8] 23 февраля ст. ст. 1878 г. в Киеве было совершено покушение на жизнь товарища прокурора Киевской судебной палаты М.М. Котляревского (см.: *СПб Вед.* 1878. 4 (16) марта. № 63).

[9] 30 января ст. ст. 1878 г. в Одессе группой террористов было оказано вооруженное сопротивление жандармерии и полиции (см.: *СПб Вед.* 1878. 2 (14) февраля. № 33).

[10] Речь идет о Н.А. Любимове, сотруднике "Московских ведомостей", авторе проправительственных статей по университетскому вопросу (см.: *Ковалевский М.М.* Московский университет в 70-х годах прошлого века // *ВЕ.* 1910. № 5. С. 186; см. также письмо 5005, примеч. 6).

[11] О Сан-Стефанском трактате и оценке его Тургеневым см. примеч. 3 к письму 4934, а также письма 4969, примеч. 6, и 4987, примеч. 2.

[12] Об открытии Всемирной выставки 1878 г. в Париже см. примеч. 3 к письму 5008, а также письмо 5012.

[13] В 1878 г. Франция торжественно отмечала столетие со дня смерти Вольтера. О юбилее Вольтера см.: *Алексеев М.П.* Виктор

Гюго и его русские знакомства // *ЛН.* Т. 31–32. С. 861–862. По всей видимости, Тургенев вместе с П.В. Анненковым присутствовали на торжественном заседании по случаю юбилея, которое проходило под председательством В. Гюго 18 (30) мая 1878 г. в театре Gaîté. "Описывать восторг, слезы и крики при ослепительных антитезах Вик. Гюго и при биографии юбиляра, сделанной Дюганель, одним из блестящих здешних конферансьеров (новое народившееся сословие) не стану, – писал Анненков вечером того же дня Стасюлевичу, – но масса народа, не попавшего в театр и 3 часа стоявшего густой толпой под дождем, чтобы только похлопать людям, устроивавшим праздник, на который они не попали – при выходе – эта черта единственно и исключительно парижская" (см.: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 356). В число организаторов юбилея входили среди прочих Э. Ренан, Э. Абу, Ж. Кларти и Луи Виардо (последние трое от парижского Общества литераторов – полный список см.: Le Rappel. 1878. 31 mai. № 3003. P. 1). На сцене театра был установлен бюст Вольтера "в цветах и венках" работы Гудона, который скульптор, как отмечал побывавший на этом заседании В.В. Чуйко, «приготовляя статую, сделал в виде предварительного этюда ⟨...⟩ *с натуры.* Этот бюст из терракоты принадлежит г. Луи Виардо, который его предложил для торжеств театра "Gaîté". Нет ничего интереснее и великолепнее, как этот бюст. ⟨...⟩ В бюсте же именно поражает необыкновенная жизнь, которая видна во всякой складке старческого лица» (*Старый турист ⟨Чуйко В.В.⟩* Праздник 30-го мая в Париже // Русская газета. 1878. 30 мая. № 102. С. 1). Описывая это "ораторское торжество в честь Вольтера", парижский обозреватель "Отечественных записок" Ш.-Л. Шассен также отмечал его многолюдность и особо выделил речь Эмиля Дешанеля, «который во время своего изгнания при Империи первый учредил в Бельгии публичные чтения, так называемые "conférences", а по возвращении ввел их и в наши обычаи. Он – большой мастер говорить на подобных конференциях и в нескольких анекдотических очерках пересказал всю биографию главы французской философии XVIII-го столетия, освободившей человечество от множества гибельных предрассудков» (*Людовик.* Хроника парижской жизни // *ОЗ.* 1878. № 7. Отд. 2. С. 113). Перед ним выступал редактор журнала "République Française" Эжен Спюллер, который попытался опровергнуть обвинения в глубоком презрении к народу, прозвучавшие в адрес Вольтера накануне торжества и угрожавшие сорвать юбилей. Завершилось заседание пламенным выступлением В. Гюго, вызвавшим "общий энтузиазм, не умолкавший около четверти часа. Лица, находившиеся вблизи Гюго, обнимали и целовали его, остальная публика без устали рукоплескала, и в воздухе носились восторженные крики в честь Вольтера, Виктора Гюго и республики" (Там же. С. 114).

[14] Имеется в виду предложение, которое поступило к Тургеневу от редактора "Die Gegenwart" П. Линдау. См. письмо 5006 и примеч. к нему. Говоря о сравнении Засулич с Марианной, Тургенев имеет в виду, возможно, вышедшую 1 мая н. ст. в "Revue des Deux Mondes" статью В. Шербюлье " Le Procès de Véra Zassoulitsch" (см. о ней примеч. 6 к письму 4967, а также письмо 5012). Подобное сравнение прозвучало и в статье В. Каверау "Iwan Turgenjew. Ein Beitrag zu seiner Charakteristik" (Unsere Zeit. 1878. Bd. 14. S. 604—613). Об этой статье см. также письмо 5014, примеч. 7.

[15] Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева "Как дымный столп светлеет в вышине!.." (1848 или 1849).

5011. Полине Брюэр (с. 97 и 267)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 44. Л. 347.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 313.

[1] Речь идет о Всемирной выставке 1878 г. в Париже. О ее открытии см. примеч. 3 к письму 5008.

5012. П.В. Анненкову (с. 98)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 15—15 об.; конверт — л. 16. Почтовые штемпели: 1) 2 mai 78, Paris; 2) 3 mai 1878, Bruxelles.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 313.

[1] Имеется в виду открытие Всемирной выставки 1878 г. в Париже. См. о нем примеч. 3 к письму 5008.

[2] Анненков в письме от 16 (28) апреля 1878 г. спрашивал у Тургенева совета, когда ему приехать в Париж (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 84, а также примеч. 2 письму 5005).

[3] Откликаясь на это предложение Тургенева, Анненков писал 23 апреля (5 мая) 1878 г.: "Диспозицию Вашу ⟨...⟩ я принимаю вполне, с одним замечанием. Слухи есть, что Выставка в *P⟨alais⟩ des beaux arts* (Дворце изящных искусств — *франц.*) откроется не 15, а 24 мая. Так не лучше ли для сбережения кармана ⟨...⟩, чтоб я явился к 20-му мая. Если это не согласно с Вашими видами и планами, то напишите — прибуду к 15-му мая, да и когда назначьте вообще" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 85). Тургенев ответил согласием (см. письмо 5014), и Анненков приехал в Париж 8 (20) мая 1878 г.

[4] Речь идет о Салоне — ежегодной художественной выставке в Париже. См. примеч. 3 к письму 4991, а также примеч. 1 к письму 5031.

[5] Ввиду увеличения числа экспонатов русского отдела Всемирной выставки 1878 г. с 300 до 700 пришлось расширять помещение отдела.

[6] Трения между Россией и Англией по восточному вопросу были улажены мирным путем. См. также примеч. 5 к письму 5005.

[7] В вышедшей 1 мая н. ст. статье Г. Вальбера (псевдоним В. Шербюлье) " Le Procès de Véra Zassoulitsch" ("Процесс Веры Засулич") говорится также о романе Тургенева "Новь" и его влиянии на народническое движение (см.: Revue des Deux Mondes. 1878. T. 27. 1 mai. P. 216—227). «Прочел статейку о Засулич в "Revue", — сообщал Анненков в ответном письме. — Не совсем бездельна, несмотря на обычные дурацкие росчерки и крючки французских этнографов, а есть и очень меткие. Тезисы, как например: русский легко и часто бывает великодушен, но справедлив — никогда» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 85). О статье Шербюлье см. также примеч. 6 к письму 4967.

5013. Л.Я. Стечькиной (с. 99)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 4—6.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 2—3.

[1] Повесть "Кривые деревья", которую Стечькина выслала писателю на рецензию (см. примеч. 2 и 3 к письму 4992).

[2] См. письмо 5016.

[3] Это письмо Стечькиной к Тургеневу неизвестно.

5014. П.В. Анненкову (с. 99)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 17—18; конверт — л. 19. Почтовые штемпели: 1) 6 mai 78, Paris; 2) 7 mai 1878, Bruxelles.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 315.

Стр. 100. судебным следователем (*франц.*).

[1] Анненков сообщал Тургеневу в письме от 23 апреля (5 мая) 1878 г. о своем решении выехать в Париж 8 (20) мая (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 85, а также примеч. 3 к письму 5012).

[2] Прогноз Тургенева оправдался. См. примеч. 3 к письму 4934.

[3] Речь идет об Анне Моисеевне (а не Михайловне) Розенштейн (по первому браку Макаревич), арестованной во Франции за организацию секции бакунинского "интернационала". Тургенев откликается на следующий фрагмент письма Анненкова от 23 апреля (5 мая) 1878 г.: "В эту последнюю неделю я встречаюсь беспрестанно с Вашим именем в печати. Уже и в статье

о Засулич (статья В. Шербюлье " Le Procès de Véra Zassoulitsch, которую Тургенев рекомендовал прочесть Анненкову в письме 5012. — *Ред.*) автор сует его, в виде поддакальщика своего, а затем вижу, что Вы были ассистентом и чем-то вроде покрова божией матери у фальшивой госпожи Кулишевой на суде Интернационалов. Непременно напишите, кто эта ложная Кулишева по-настоящему, и что в ней сидит за чертик — красив или только шаловлив, и что за фигуру делает ее сообщник, итальянец" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 85).

[4] Видимо, это была устная просьба, так как Лавров находился в то время в Париже и встречался с Тургеневым. Каких-либо сведений о Кулишевой в переписке Тургенева и Лаврова за 1878 г. не имеется.

[5] Это письмо Тургенева неизвестно.

[6] Намек на эпизод из "Взбаламученного моря" А.Ф. Писемского: "...и в тот же день, среди прелестнейших долин, сыграл любви с ней пантомин" (ч. 2, гл. 9: "Иона Циник").

[7] В указанном письме Анненков сообщил, что он не мог достать "Unsere Zeit" и знает о напечатанной там статье лишь по краткому изложению в "Новом времени" (1878. 20 апреля. № 768. С. 3). Речь идет о статье Вальдемара Каверау "Iwan Turgenjew. Ein Beitrag zu seiner Charakteristik" (Unsere Zeit. 1878. Bd. 14. S. 604—613; авторство впервые установлено: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 263). «В "Unsere Zeit" напечатана большая статья о Тургеневе, — сообщало "Новое время", — защиту которого перед русским обществом, будто бы жестоко оскорбившим своего величайшего писателя, берет на себя автор. Немецкая печать вообще приняла к сердцу то несправедливое, по ее мнению, отношение, какое русская пресса выказала к Тургеневу по поводу последнего его романа, и уж не в первый раз приходится читать в немецких журналах хвалебные статьи нашему романисту, написанные как будто с целью разъяснить нам значение его в нашей и всемирной литературе и тем ярче выставить нашу неблагодарность». Особое внимание рецензент газеты уделил изложению взгляда Каверау на реализм Тургенева, которого немецкий критик представил "величайшим реалистом, какого только знает всемирная литература". Полагая, что Тургенев "не имеет ничего общего с тем фотографическим искусством, какое признано эстетическим символом веры французской школы", Каверау (в трактовке "Нового времени") в то же время утверждал, что Тургенев "не реалист и в духе Вагнера", отождествлявшего себя со своими образами. Тургенев, по его мнению, "стоит всегда отдельно от своего объекта, но его образы отличаются жизненностью, и как бы иногда они ни были сами по себе отталкивающи, впечатление, ими производимое, смягчается юмором, которым Тургенев обладает в значительной степени и отсутствие которого в реалисте составляет крупный недостаток ⟨...⟩". Вместе с тем тургеневский реализм, по словам Каверау, "тесно

связан с пессимизмом, отличающим вообще новую русскую литературу. Реализм — эстетический символ этой школы, пессимизм — философский". Утверждая, что "радикальный пессимизм" свойственен не только русским, но славянам вообще, критик приходил к заключению, что Тургенев "ярче всех отражает в себе это чувство, и только даровитость натуры спасает его от полного отчаяния, постигающего большинство его героев. Обладая даром говорить о том, что чувствует он сам и его народ, Тургенев передает реальные страдания в художественных образах".

[8] См. письмо 5006 и примеч. к нему, а также письмо 5010.

[9] В печати не появлялось отзыва М.Н. Каткова о "Нови". Вероятно, Тургенев имеет в виду статью В.Г. Авсеенко «"Новь" И.С. Тургенева» (*РВ.* 1877. № 2. С. 907—941). М.Е. Салтыков отрицательно отозвался о "Нови" в письмах к Анненкову от 17 февраля (1 марта), 2 (14) марта и 15 (27) марта 1877 г. (см.: *Щедрин.* Т. 19. Кн. 1. С. 41—43, 45, 49). Не приходится сомневаться, что с этим мнением Анненков ознакомил Тургенева. От М.М. Стасюлевича Тургенев мог знать и о намерении Салтыкова напечатать очерк "Чужую беду — руками разведу", в котором "Новь" критиковалась в завуалированной форме. См. также примеч. 4 к письму 4582 и примеч. 5 к письму 4611 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2.

[10] Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева. См. примеч. 15 к письму 5010.

5015. А.Ф. Писемскому (с. 101)

Печатается по тексту первой публикации: Новь. 1886. № 23. С. 195. Подлинник неизвестен.

[1] Писемский писал Тургеневу 23 марта ст. ст. 1878 г.: «Не помню — поблагодарил ли я вас за переданный мне через Салаева экземпляр "Нови", и в возблагодарение посылаю вам отдельный экземпляр моего романа "Мещане"» (*Писемский.* С. 380—381).

[2] В ответ Писемский писал Тургеневу 9 мая ст. ст. 1878 г.: "Касательно романа вы совершенно справедливо сказали; я действительно устал писать, а еще более того жить, тем более, что хоть конечно старость не радость для всех, но у меня она особенно уж нехороша и исполнена таких мрачных страданий, каких не желал бы я и злейшему врагу своему" (*Писемский.* С. 385).

[3] Слова Фамусова из его монолога "Вот то-то, все вы гордецы..." ("Горе от ума", действие 2, явл. 1).

[4] Поездка Тургенева в Карлсбад не состоялась, в Россию писатель отправился лишь в начале августа н. ст. 1878 г. См. примеч. 3 к письму 5049.

[5] Тургенев посетил в Париже Всемирную выставку 1878 г. "Посмотрели бы вы на нас с Тургеневым, что мы делали две недели в Париже, осматривая выставку, — писал П.В. Анненков Писемскому 9 июня н. ст. 1878 г. — Надо сказать, что такой еще не было горы богатства, искусства, изобретательности, труда и смелости человеческих. А мы, ревматики, подагрики, нервозники, разнюхали все углы ее, да притом ели и пили как богатыри, и ночи просиживали в театре — а сидеть во французском театре равносильно тому, что вас на кол посадили" (Новь. 1888. № 20. С. 205). О задержке с открытием русского отдела Тургенев писал и П.В. Анненкову (см. примеч. 5 к письму 5012).

5016. Л.Я. Стечькиной (с. 102)

Публикуется по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 7—9.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 3—6.

Стр. 103. Посмейтесь над этим! (*франц.*).
Стр. 103. так как секрет того, как вызывать скуку, как раз в том и состоит, чтобы говорить обо всем подряд (*франц.*).

[1] Это письмо Стечькиной к Тургеневу неизвестно. О нем идет речь и в письме 5013.

[2] Не совсем точно процитированные слова читателя из стихотворения Лермонтова "Журналист, читатель и писатель" (1840): "А если и случалось им, / Так мы их слышать не хотим...".

[3] Речь идет о героях повести "Кривые деревья" (см. примеч. 2 и 3 к письму 4992). В печатном тексте персонажа Юрия нет.

[4] Цитата отсылает к шестой из "Семи речей о человеке" ("Sept discours en vers sur l'homme", 1738) Вольтера.

[5] О встрече со Стечькиной см. примеч. 1 к письму 5067.

5017. Н.С. Тургеневу (с. 104)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 227—228. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 1/13 мая 78. С. Тургенево, 6-м днем".

Впервые опубликовано: с сокращениями — *Рус Ст.* 1886. № 3. С. 597—598; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 318—319.

Стр. 104. "в том же положении" (*лат.*).
Стр. 105. "романа о современных русских нравах" (*франц.*).

[1] Это письмо Н.С. Тургенева неизвестно.

[2] Это письмо Н.А. Щепкина неизвестно.

[3] Письмо 5008.

[4] О продаже картин Тургенева, которую он расценивал как крайне неудачную, см. письмо 5008 и примеч. 2 к нему.

[5] Тургенев имеет в виду многочисленные отклики в печати, вызванные публикацией его письма к И.Ф. Доливо-Добровольскому (см. письмо 4954 и примеч. к нему), в котором он заявлял о прекращении литературной деятельности, а также вспоминает о бурной полемике вокруг романа "Новь" (см. об этом: наст. изд. Соч. Т. 9. С. 519—536).

[6] На какое издание ссылался Н.С. Тургенев, установить не удалось. В дневнике А.Н. Луканиной также сохранилась запись, относящаяся к февралю — марту 1878 г.: "Замечу тут, что до меня дошел стороною слух, будто Иван Сергеевич пишет новую вещь чисто психологического характера, где выводится женщина привлекательная во всех отношениях, которую, однако, никто не любит. Сам Иван Сергеевич не говорил мне об этом ни слова" (*СВ.* 1887. № 2. С. 47). О скором появлении в "République des lettres" нового рассказа Тургенева под таинственным заглавием "La Femme blanche" сообщало и "Figaro" 9 января н. ст. 1878 г. (№ 9. P. 4).

[7] Планам Тургенева не суждено было осуществиться в полной мере. От поездки в Карлсбад он вынужден был отказаться, а в Россию выехал лишь в начале августа н. ст. 1878 г. В Спасское Тургенев добрался лишь 10 (22) августа 1878 г.

5018. Жозефине Вертгеймштейн (?) (с. 105 и 268)

Печатается по машинописной копии Г. Цигенгайста (ФРГ, ранее ГДР). Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: в русском переводе с датой 3 мая н. ст. 1878 г. как письмо к неизвестной — *Н Вр.* 1884. 30 ноября (12 декабря). № 3147. С. 2; повторная публикация того же текста: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 314. Немецкий текст впервые опубликован: *ПССиП(1). Письма.* Т. XIII. Кн. 2. С. 232. Здесь же впервые на основании предположения Г. Цигенгайста установлен адресат письма.

5019. Франсиску Сарсе (с. 106 и 268)

Печатается по копии, предоставленной А. Звигильским. Подлинник хранится в частном собрании г-жи Энгельбах (Париж).

Публикуется впервые.

[1] О ком идет речь, установить не удалось. Возможно, это была В.Д. Самарская-Быховец, собиравшая фотографии и автографы известных французских писателей (см., например, письмо Тургенева к Э. Золя от 6 (18) мая 1877 г. с аналогичной просьбой — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4734).

[2] Просьбу Тургенева Ф. Сарсе исполнил, однако не совсем точно (см. письмо 5020).

5020. Франсиску Сарсе (с. 106 и 268)

Печатается по копии А. Звигильского. Подлинник хранится в частном собрании г-жи Энгельбах (Париж).

Публикуется впервые.

[1] О просьбе, с которой обратился Тургенев к Ф. Сарсе, см. письмо 5019.

[2] Эта записка Ф. Сарсе к Тургеневу неизвестна.

[3] Состоялось ли личное знакомство Тургенева с Ф. Сарсе, установить не удалось.

5021. Принцессе Матильде (с. 107 и 269)

Печатается по факсимиле, опубликованному А. Звигильским: Deux billets inédits de Tourguéniev à la princesse Mathilde // *Cahiers.* № 13 (1989). P. 119. На подлиннике карандашом проставлен год: "1878". Подлинник хранится в Библиотеке фонда Примоли (Рим).

Впервые опубликовано во французском оригинале: *Cahiers.* № 13 (1989). P. 120. В собрание сочинений включается впервые.

Датируется предположительно, по упоминанию Тургеневым приступа подагры, о начале которого он сообщал М.М. Антокольскому 8 (20) апреля 1878 г. (№ 5004), а об окончании — П.В. Анненкову в письме от 1 (13) мая 1878 г. (№ 5022), где говорил, что начал понемногу вставать с постели.

[1] Эта записка принцессы Матильды, где, по всей видимости, сообщалось о предстоящем собрании ее литературно-артистического салона, не сохранилась.

5022. П.В. Анненкову (с. 107)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 20; конверт — л. 21. Почтовые штемпели: 1) 14 mai 78, Paris; 2) 15 mai, Bruxelles.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 319.

[1] Анненков в письме от 27 апреля (9 мая) 1878 г. сообщал о своем отъезде в Париж 12 (20) мая и о намерении поселиться в Hôtel de Calais. В том же письме Анненков выражал опасение, что у хозяина может не оказаться свободных мест (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 86).

[2] В ответном письме от 3 (15) мая 1878 г. Анненков сообщил адрес гостиницы — rue Neuve des Capucines — и благодарил Тургенева за хлопоты, а также выразил надежду "отужинать" вместе с ним в день приезда, 20 мая н. ст. (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 87).

5023. П.Л. Лаврову (с. 108)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 3. № 26. Л. 42—42 об.

Впервые опубликовано: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 42.

[1] Литературно-музыкальное утро состоялось 16 (28) мая 1878 г. Анонсируя его, В.В. Чуйко в одной из своих корреспонденций "Из Парижа" (под псевдонимом "Старый турист") писал: «Русско-французская колония сегодня должна присутствовать на литературно-музыкальном утре И.С. Тургенева, в доме, где он живет. Это утро представляет значительный интерес, потому что мы услышим не только чтение самого Ивана Сергеевича и пение г-жи Виардо, но также услышим чтение и г-жи Луканиной, талантливого автора "Любушки", рассказа, напечатанного недавно в "Вестнике Европы". Г-жа Луканина будет читать отрывки из новой своей повести, еще не напечатанной...» (Русская газета. 1878. 24 мая. № 98. С. 1). См. письма 4979, примеч. 1, 4994, 4999 и 5025.

5024. Н.М. Спасскому (с. 108)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 4975. Л. 7—8.

Впервые опубликовано: *Т сб (Бродский).* С. 23.

Стр. 108. "Меня удручает мысль о его дебюте. — Он не *сможет* добиться успеха" (*франц.*).

[1] Речь идет о неудачном дебюте Спасского весной 1878 г. в Петербургском Мариинском театре в роли Фауста (см.: *Н Вр.* 1878. 29 апреля. № 777. С. 3). Как сообщало "Новое время", "тенор, дебютировавший в главной роли, ожидался с нетерпением", однако разочаровал публику: "Подобного Фауста, с таким голосом, с таким отсутствием игры и мимики, — утверждалось в газете, — два-три жеста служат дебютанту для изображения всех его душевных движений, — еще не видала мариинская сцена. Даже публика русской оперы, считающая своей прямой обязанностью аплодировать à outrance (до крайности — *франц.*) всякому дебютанту, на этот раз провожала нового Фауста ледяным молчанием". По воспоминаниям И.Н. Божерянова, Спасский «потерпел полное фиаско, так как был лишен музыкального слуха и постоянно и в разученных даже партиях детонировал, т.е. фальшивил и частенько расходился с оркестром. Я был на этом позорном его дебюте и никогда не мог позабыть, как Спасский у себя в уборной, то и дело подходя к зеркалу и любуясь своей грандиозной фигурой, облеченной в великолепный костюм Фауста, говорил: "Не понимаю, решительно не понимаю, почему это я не нравлюсь публике? Ни одного хлопка!"» (*Божерянов И.* Из воспоминаний старого театрала // Бирюч Петроградских театров. 1918. № 18. С. 49—50).

[2] О сборе средств для отправки Спасского в Петербург см. письмо 5000 и примеч. 4 к нему.

[3] Спасский откликнулся лишь 1 августа 1878 г. из Стокгольма. Принося извинения за длительное молчание, он сообщал: «Дорогой и высокоуважаемый Иван Сергеевич, я так виноват пред Вами, что не знаю, каким образом загладить мою вину. Ваше справедливое и великодушное письмо застало меня еще в таком нравственном состоянии, когда я не в состоянии был думать о чем бы то ни было. Тогда я лично не существовал; никто из моих петербургских знакомых не видел меня в продолжение чуть ли не двух месяцев. Я никуда не выходил из дома и только ухаживал за моим больным другом, у которого живу ⟨...⟩. С его выздоровлением я переселился на его яхту-шхуну "Забаву" и качаюсь по волнам Финского залива и Балтийского моря, исполняя должности (по очереди с другими любителями) капитана, штурмана и матроса. Я страстный охотник до морского дела и всегда лето проводил на воде, теперь же рад этому круизу втрое, потому что живу я совершенно изолированным от всего света. Когда кончится наше странствование, тогда я подумаю и о себе. Тогда я обращусь и к Вам, как имеющему несравненное сердце, с просьбой если можно помочь мне Вашим сильным покровительством» (*ИРЛИ.* № 5853. Л. 1—1 об.).

После своего дебюта Спасский отказался от карьеры оперного певца. В течение ряда лет он состоял переводчиком-либреттистом при Дирекции императорских театров в Петербурге.

5025. А.Н. Луканиной (с. 110)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 22; конверт — л. 23. Почтовый штемпель: 18 mai 78, R. Taitbout, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 321.

Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Об организации утра, дата которого несколько раз переносилась, см. примеч. 1 к письму 4979, а также письма 4994, 4999 и 5023.

[2] Речь идет, по всей видимости, о майской книжке "Вестника Европы", которую М.М. Стасюлевич прислал Луканиной на имя Тургенева. См. примеч. 1 к письму 4977. О получении майских книжек журнала Тургенев уведомлял М.М. Стасюлевича 8 (20 мая 1878 г. (№ 5028).

5026. А.Ф. Онегину (с. 110)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 29352. Л. 63; конверт — л. 64. Почтовый штемпель: 18 mai 78, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 322.

[1] Об организации музыкально-литературного утра в пользу Русской библиотеки в Париже, а также об участии А.Н. Луканиной, которая должна была читать на нем отрывок из своей повести "Березай", см. примеч. 1 к письму 4979 и примеч. 1 к письму 4997.

5027. Анджело Де Губернатису (с. 111 и 269)

Печатается по тексту первой публикации: *Casari Rosanna.* Lettere di I.S. Turgenev al fiorentino Angelo de Gubernatis // Miscellanea turgeneviana / A cura di N. Kauchtschischwili. Bergamo, 1977. P. 20. Подлинник хранится в Национальной центральной библиотеке Флоренции (Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze), архив А. Де Губернатиса (Cass. 125. № 17).

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется по сопоставлению чисел и дней недели трех записок к А. Де Губернатису (см. ниже), свидетельствующему о том, что все три письма были написаны в мае 1878 г. Впервые датировка предложена: *Потапова З.* Неизвестные письма И.С. Тургенева итальянским литераторам // *ВЛ.* 1968. № 11. С. 95, здесь же изложено содержание записки.

[1] Эта визитная карточка А. Де Губернатиса не сохранилась. В Париж Губернатис приехал, чтобы посетить Всемирную выставку, которой посвятил корреспонденцию в июльском номере журнала "Nuova Antologia". Упомянул он и о посещении мастерской М.М. Антокольского (см.: *Casari R.* Op. cit. P. 19—20).

[2] Личному знакомству с графом А. Де Губернатисом предшествовала переписка, завязавшаяся в 1872 г. между Тургеневым и женой Губернатиса Софьей Павловной, урожденной Безобразовой, сестрой известного экономиста Владимира Павловича Безобразова, с которым Тургенев был знаком. С. Де Губернатис обратилась к Тургеневу с просьбой об авторизации перевода на итальянский язык повести "Вешние воды" и получила его согласие. Перевод был напечатан в журнале "La Rivista Europea", основанном А. Де Губернатисом в 1869 г. И качество перевода, и сам журнал получили высокую оценку писателя (см.: наст. изд. Письма. Т. 11. № 3183, 3226). Тургеневу были, конечно, знакомы обзоры новинок итальянской литературы, написанные Губернатисом, которые публиковались в 1870-х гг. в "Вестнике Европы". В 1877 г. Губернатис прочитал во Флоренции лекцию, посвященную творчеству Тургенева (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4614). В том же году в журнале "Nuova Antologia" появилась обширная статья Губернатиса о "Нови": Giovanni Turghénieff ed il suo ultimo romanzo "La Terra Vergine" // La Nuova Antologia. 1877. Marzo. Vol. 4. Fasc. 3. P. 661—682. См. подробнее: *Потапова З.М.* Русско-итальянские связи. Вторая половина XIX века. М., 1973. С. 125—129. Впоследствии С. Де Губернатис перевела этот роман (перевод неизвестен). Интерес к последнему роману

Тургенева и к проблеме нигилизма был столь велик, что известный итальянский литератор Франческо Монтефредини, первый переводчик вышедшего в Милане в 1879 г. романа "Отцы и дети" на итальянский язык, как отметила Р. Казари, назвал свой перевод "Il Nichilismo" ("Нигилизм") (*Casari R.* Op. cit. P. 18). Как справедливо отметила Р. Казари, в *ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 1. С. 547, в комментариях к письму 4214, содержится ошибочная ссылка на перевод Монтефредини как перевод "Нови" (Ibid. Note 58. К сожалению, эта ошибка не была исправлена в настоящем издании: Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 483. № 4629. Примеч. 3). Можно предположить, что интерес Монтефредини к роману "Отцы и дети" возник после статьи Губернатиса о "Нови", а возможно, после личного общения Тургенева и Губернатиса, во время которого обсуждалась проблема нигилизма в России. Тогда же писатель мог обратить внимание своего собеседника на то, что именно ему приписали введение слова "нигилизм" в русскую литературу. См. об этом статью А. Де Губернатиса "Il Nichilismo" ("Нигилизм"), опубликованную в июльском номере журнала "Nuova Antologia" за 1878 г. (P. 5).

[3] Встреча Тургенева и Губернатиса состоялась не в назначенный день, а 24 мая н. ст. 1878 г. Дата впервые установлена Р. Казари (см.: *Casari R.* Op. cit. P. 21, а также письма 5030 и 5031). Безусловным подтверждением факта встречи является признание А. Де Губернатиса в статье "Il Nichilismo": "Я имел честь беседовать в Париже со знаменитым писателем, который первый ввел его (слово "нигилизм". — *Ред.*) в русскую литературу" (*Gubernatis A. De.* Il Nichilismo. P. 5; цит. по: *Casari R.* Op. cit. P. 21). Ранее исследователи высказывали сомнения в том, что встреча имела место (см.: *Потапова З.* Неизвестные письма И.С. Тургенева итальянским литераторам. С. 95; наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 469. № 4614. Примеч. 5).

5028. М.М. Стасюлевичу (с. 111)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 1167. Оп. 2. № 5. Л. 1—2.

Впервые опубликовано: в отрывке — *Н Вр.* 1893. 9 марта. № 6116. С. 2, в составе статьи С.А. Андреевского "И.С. Тургенев. Его индивидуальность и поэзия"; полностью — Книга и революция. 1921. № 8—9. С. 120.

[1] При жизни Тургенева стихотворение С.А. Андреевского напечатано не было (см. письмо 5040); оно было опубликовано по просьбе А.Ф. Кони в "Вестнике Европы" под заглавием "Довольно! Стихотворение на тургеневскую тэму" (1884. № 1. С. 8—15). Стасюлевич, очевидно, передал Андреевскому данное письмо Тургенева, поскольку впоследствии, приводя отрывок из него в своей статье "И.С. Тургенев. Его индивидуальность и поэзия", Андреевский заметил: «"Довольно" и "Призраки", по-

мимо своей необычайной красоты, принадлежат к задушевнейшим созданиям Тургенева. У меня есть собственноручное письмо Тургенева к одному литератору, где он по поводу "Довольно" говорит (далее приведен отрывок из письма Тургенева. — *Ред.*)» (*Н Вр.* 1893. 9 марта. № 6116. С. 2).

[2] Международный литературный конгресс под председательством В. Гюго открылся в Париже 17 июня н. ст. 1878 г. (предварительные рабочие заседания начались 11 июня н. ст.). Он проходил в рамках Всемирной парижской выставки и был организован "Обществом литераторов" ("La Société des gens de lettres"), возглавлял которое писатель и литературный критик Эдмон Абу. Цель его заключалась в выработке международных законов для гарантии литературной собственности. Тургенев был вице-президентом второй комиссии Конгресса (занимавшейся вопросами международного авторского права), пять раз председательствовал на пленарных заседаниях, в том числе на заключительном, выступал с речами и в прениях. Кроме него в составе русской делегации были: П.Д. Боборыкин, М.П. Драгоманов, М.М. Ковалевский, Л.А. Полонский, Б.А. Чивилев, С.Ф. Шарапов и В.В. Чуйко (см.: *Полонский Л.* Литературный конгресс в Париже // *ВЕ.* 1878. № 8. С. 674—716; № 9. С. 354—391; *Алексеев М.П.* Виктор Гюго и его русские знакомства // *ЛН.* Т. 31—32. С. 874—876). Торжественное открытие проходило в зале театра Шателе, а рабочие заседания в масонской ложе Великого Востока на ул. Каде. Тургенев занял место в президиуме по правую руку от президента Конгресса В. Гюго, Э. Абу — по левую. С краткой речью первым выступил Э. Абу, передав слово В. Гюго. Редактор республиканской газеты "Le Rappel" О. Вакери начал хронику Конгресса с заявления: "Вот еще день, когда все монархии мира должны завидовать Республике". Обращаясь к собравшимся, В. Гюго сказал: "Вы — посланники человеческого духа в великом Париже. Писатели, ораторы, поэты, философы, мыслители, борцы, Франция приветствует вас" (Le Rappel. 1878. 19 juin. № 3022. P. 2). После представителей Италии и Англии от России выступил И.С. Тургенев. Как отметил Вакери, Тургенев «произнес "несколько кратких слов", которые аудитория сочла слишком краткими. Он любезно напомнил о влиянии, которое оказали на русскую литературу в XVII веке Мольер, в XVIII Вольтер и в этом веке Гюго. Понятно, с какой сердечностью Тургеневу аплодировал зал и с каким братским чувством потянулись к его руке руки его соседей» (Ibid.). Комментируя выступление представителя Германии, признавшегося в любви к Франции, Вакери, имея в виду поражение во франко-прусской войне, не удержался и заметил: "...мы бы предпочли, чтобы нам вернули Эльзас и Лотарингию". Здесь же была воспроизведена и речь Тургенева, неоднократно прерывавшаяся аплодисментами. Кроме того, речь Тургенева была напечатана в газетах "Le Temps" (1878. 19 juin. № 6269. P. 2) и "Le XIXe siècle" (1878. 19 juin. № 2875. P. 2). Известный критик А. Фукье особо выделил

речь Тургенева: "Знаменитый писатель, столь француз по своим вкусам, столь русский по акценту, на редкость кстати рассказал, чем Россия обязана Франции, не забыв упомянуть с законной гордостью, как подросла ее ученица. В самом деле, русская литература, вскормленная двумя источниками — Англией и Францией, являет собой тот самый пример похвальной неблагодарности, когда, повзрослев, становятся глубоко самобытным. Лишь в литературе можно быть счастливым, имея детей, не похожих на вас! Это как раз случай русской литературы, и никто более Тургенева не имел права напомнить одновременно о французском происхождении литературы его родной страны и о ее современной самобытности, чему он сам является поразительным примером вплоть до этой маленькой речи, столь тонко составленной и имеющей особенную грацию" (Ibid.). Текст речи Тургенева см.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 332—334. Правда, некоторые газеты упрекали выступавших, и даже самого В. Гюго, в том, что он превратил литературный конгресс в политическую арену. Отмечалось также, что на Конгрессе отсутствовали самые выдающиеся современные писатели и члены Французской академии (Le Figaro. 1878. 18 juin. № 170. P. 1). Многие репортеры хвалили речь Ж. Симона. Как и многие другие французские писатели, Золя не принял участия в Конгрессе п потому не мог исполнить пожелание Стасюлевича.

[3] Поездка Тургенева в Карлсбад не состоялась, в Россию он отправился в начале августа н. ст. 1878 г. См. примеч. 3 к письму 5049.

[4] Во "Внутреннем обозрении" Л.А. Полонского излагался процесс по делу Засулич, причем основное внимание было уделено оправдательному приговору и оценке, данной ему в российской и иностранной печати (см.: *ВЕ.* 1878. № 5. С. 343—361). Полонский утверждал, что оправдание Засулич «не представляло в судебной практике ничего необыкновенного, а потому все толки о его "неслыханности" и "беспримерности" были неосновательны и тенденциозны» (С. 343). Считая, что оправдание Засулич относится к категории дел, где суд выносит "признание бедственности обстоятельств, в силу которых действовал подсудимый", т.е. где оправдывается лицо, а не действие, Полонский отметал любые предположения о том, что среди публики, приветствовавшей в зале суда освобождение Засулич рукоплесканиями, "преобладали какие-либо террористические поползновения, оправдывающие самое покушение на убийство должностных лиц" (С. 343—344). Возражал он в том числе и против "софистических" выводов статьи Н.А. Любимова в "Московских ведомостях", которая вызвала ранее негодование Тургенева (см. письмо 5005), а также приводил аналогичные примеры из судебной практики, в том числе зарубежной, которые, однако, не вызвали столь широкого общественного резонанса. Опровергал Полонский и утверждение Любимова о том, что "это возможно только у нас, в России", опираясь, в частности, на статью "Der Prozeß Wera Sassulitsch" в "Kölnische Zeitung", которая ранее также привлекла внимание Тургенева

(см. письмо 5006 и примеч. 3 к нему). В заключение статьи Полонский утверждал, что дело Засулич наглядно продемонстрировало незавершенность преобразований в России: "Рядом с Россиею обновленною, преобразованною, продолжает еще существовать Россия ветхая, дореформенная. Совместное существование таких двух столь различных порядков похоже на то, как если бы человек сильный, молодой, здоровый был органически связан с калекой. ⟨...⟩ Слишком очевидно, что принципы всего общественного строя должны быть однородны, иначе мы постоянно будем встречаться с такими фактами, что условиям закона судебного будут противоречить какие-либо правила полицейские. Преобразования еще не остановились, и при дальнейшем их осуществлении они не могут не охватить, наконец, и всего административного быта" (*ВЕ.* 1878. № 5. С. 356).

[5] Имеется в виду статья А.Н. Пыпина "Давность славянской идеи в русском обществе: По поводу статей Е. Карновича и В. Ламанского", подписанная А. В—н (*ВЕ.* 1878. № 5. С. 283—316). Ранее статью Карновича "Об участии России в судьбе южных славян" (*ОЗ.* 1878. № 1—2), которую разбирает Пыпин, Тургеневу рекомендовал прочесть П.В. Анненков (см. письмо 4955 и примеч. 7 к нему).

[6] О Всемирной выставке 1878 г. см. примеч. 3 к письму 5008.

[7] О задержке открытия русского отдела Всемирной выставки Тургенев сообщал Стасюлевичу и ранее (см. письмо 5010), о том же он писал П.В. Анненкову (см. письмо 5012 и примеч. 5 к нему) и А.Ф. Писемскому (письмо 5015).

5029. Л.Н. Толстому (с. 112)

Печатается по подлиннику: *ГМТ.* Ф. 1. 114/18.

Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем.* С. 331.

Стр. 112. до востребования (*франц.*).

[1] Письмо Толстого от 6 (18) апреля 1878 г., в котором он писал: "Иван Сергеевич! / В последнее время, вспоминая о моих с вами отношениях, я, к удивлению своему и радости, почувствовал, что я к вам никакой вражды не имею. Дай бог, чтобы в вас было то же самое. По правде сказать, зная, как вы добры, я почти уверен, что ваше враждебное чувство ко мне прошло еще прежде моего. / Если так, то, пожалуйста, подадимте друг другу руку, и, пожалуйста, совсем до конца простите мне все, чем я был виноват перед вами. / Мне так естественно помнить о вас только одно хорошее, потому что этого хорошего было так много в отношении меня. Я помню, что вам я обязан своей литературной известностью, и помню, как вы любили и мое писанье и меня. Может быть, и вы найдете такие же воспоминания обо мне, потому что было время, когда я искренно любил вас. / Искренно, если вы можете простить меня, предлагаю вам всю ту дружбу, на которую я способен. В наши года есть одно только благо — любовные отношения с людьми. И я буду очень рад, если между нами они установятся" (*Толстой.* Т. 62. С. 406—407).

[2] В тот же день — 6 (18) мая 1878 г. — Толстой спрашивал адрес Тургенева у В.В. Стасова (см.: *Толстой.* Т. 62. С. 405), однако отправил письмо, не дожидаясь ответа.

[3] Толстой виделся с Тургеневым в последний раз 27 мая (8 июня) 1861 г. в имении Фета Степановке, где между ними произошла ссора. Поводом к ней явилось резкое замечание Толстого в связи с рассказом Тургенева о том, как гувернантка приучает его дочь к благотворительности. Раздраженный Тургенев ответил грубостью (см. об этом: наст. изд. Письма. Т. 4. № 1189, 1190, 1194, 1196, 1197, 1237; Т. 6. № 1627, 1646; см. также: *Толстой.* Т. 60. С. 391, 392, 406; *Фет. МВ.* Ч. 1. С. 370—371, 381; *Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 г. М., 1957. С. 438—445).

[4] Отзывы Тургенева о первых произведениях Л.Н. Толстого см.: наст. изд. Письма. Т. 2. № 198; Т. 5. № 1443, 1452, 1562; Т. 6. № 1627.

[5] Свидание Тургенева с Толстым состоялось 8 (20) августа 1878 г. в Ясной Поляне, где Тургенев был два дня (см.: *Толстой.* Т. 62. С. 406—407; Дневники С.А. Толстой. 1860—1881. М., 1928. Ч. 1. С. 47—48; *Толстая. Моя жизнь.* Т. 1. С. 287—288; *Толстой С.Л.* Очерки былого. М., 1949. С. 317—333; *Сухотина-Толстая Т.Л.* Друзья и гости Ясной Поляны. М., 1923. С. 7—28).

5030. Анджело Де Губернатису (с. 113 и 269)

Печатается по тексту первой публикации: *Casari Rosanna.* Lettere di I.S. Turgenev al fiorentino Angelo de Gubernatis // Miscellanea turgeneviana / A cura di N. Kauchtschischwili. Bergamo, 1977. P. 20. Подлинник хранится в Национальной центральной библиотеке Флоренции (Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze), архив А. Де Губернатиса (Cass. 125. № 17).

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется по сопоставлению числа и дня недели: четверг выпадал на 23 мая н. ст. в 1878 г. Впервые датировка предложена: *Потапова З.* Неизвестные письма И.С. Тургенева итальянским литераторам // *ВЛ.* 1968. № 11. С. 95, здесь же изложено содержание записки.

[1] О встрече Губернатиса с Тургеневым см. письмо 5027, примеч. 3.

5031. Анджело Де Губернатису (с. 113 и 270)

Печатается по тексту первой публикации: *Casari Rosanna.* Lettere di I.S. Turgenev al fiorentino Angelo de Gubernatis // Miscellanea turgeneviana / A cura di N. Kauchtschischwili. Bergamo, 1977. P. 20—21. Подлинник хранится в Национальной центральной библиотеке Флоренции (Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze), архив А. Де Губернатиса (Cass. 125. № 17).

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется по сопоставлению с двумя предыдущими записками, написанными в мае 1878 г. (№ 5027 и 5030). Впервые датировка предложена: *Потапова З.* Неизвестные письма И.С. Тургенева итальянским литераторам // *ВЛ.* 1968. № 11. С. 95, здесь же изложено содержание записки.

[1] Имеется в виду неофициальное открытие ежегодной художественной выставки в Париже, так называемого Салона (первоначальное значение выделенного Тургеневым французского слова "вернисаж" — "лакировка"; здесь — торжественное открытие художественной выставки). 24 мая н. ст. 1878 г. действительно состоялось открытие Салона, отложенное с 15 мая из-за совпадения с назначенной на 1 мая Всемирной художественной выставкой. На выставке в двадцати пяти залах было представлено 2330 картин. Как писала на следующий день "Le Figaro", "вчерашний день был посвящен той генеральной репетиции пьесы, которая зовется *вернисажем*, — столь же интересным публике, как и самим художникам. Это семейное торжество, столь же интимное, сколь и пикантное. Все, кто допущен в этот салон, еще не тронутый взглядами и шагами посетителей, более или менее знакомы друг с другом. Завсегдатаи здесь на ежегодном свидании" (Le Figaro. 1878. 25 mai. № 145. P. 1). Тургенев хотел присутствовать на открытии по ряду причин, прежде всего потому что там должен был быть представлен раздел русского искусства, где демонстрировались работы друзей писателя: А.П. Боголюбова, В.В. Верещагина, И.Е. Репина, А.А. Харламова, представившего портреты А.Ф. Онегина и Марианны Виардо, и многих других русских художников.

[2] Ежегодные выставки парижского Салона проходили во Дворце промышленности (Palais d'Industrie) на Елисейских полях.

[3] О встрече Губернатиса с Тургеневым см. письмо 5027, примеч. 3. Ответ Губернатиса неизвестен.

5032. А.Н. Луканиной (с. 114)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 25; конверт — л. 26. Почтовые штемпели: 1) 28 mai 78, Montmartre, Paris; 2) 28 mai 78, R. Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 324.

Датируется по содержанию (литературно-музыкальное утро состоялось 16 (28) мая во вторник) и по помете "понедельник".

[1] Билеты на литературно-музыкальное утро — см. примеч. 1 к письму 4979.

5033. Мари Линен (с. 114 и 270)

Печатается по факсимиле: Autographes et documents historiques. Catalogue de Librairie de l'Abbaye (№ 287). 1985. № 385. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: в отрывке — *Waddington P.* More Material by and concerning Turgenev // *N Z Sl J.* 1985. P. 69; во французском оригинале — *Waddington P* Nine New Short Turgenev Items // *N Z Sl J.* 1986. P. 30. В собрание сочинений включается впервые.

Дата написания письма устанавливается по почтовым штемпелям на конверте.

[1] Это письмо М. Линен неизвестно.

[2] Речь идет о фотографии 1868 г. Леже и Бержерона (Légé & Bergeron), с дарственной надписью чернилами под фотографией: "à Madame Marie Lÿnen. / Paris, 1878. Iv. Tourguéneff". Продано на аукционе Sotheby's (Lot 115) 28 ноября 2007 г. Местонахождение подлинника неизвестно. См.: http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2007/russian-and-continental-books-and-manuscripts-including-science-and-medicine-l07409/lot.115.html. Воспроизведение аналогичной фотографии см. на с. 115.

[3] В Париж Тургенев вернулся из России 9 (21) сентября 1878 г.

[4] Состоялась ли эта встреча, неизвестно.

5034. Н.С. Тургеневу (с. 116)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 229—229 об. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 23/4 мая 78. С. Тургенево".

Впервые опубликовано: с сокращениями — *Рус Ст.* 1886. № 3. С. 598—599; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 323—324.

Стр. 116. которые охотно окажут эту услугу (*франц.*).

[1] Письмо Н.С. Тургенева неизвестно.

[2] Запись об этом разговоре сохранилась в дневнике Ф.Н. Тургеневой за 6 (18) мая 1878 г.: "Здесь гости: ⟨...⟩ г-н Мартен, Иван Тургенев. Альбер и Фанни застают его здесь. Он говорит о жеребцах для своего брата. Пьер загорается этой мыслью" (*ЛН.* Т. 76. С. 382).

[3] Тургенев посетил брата предположительно 11 (23) августа 1878 г. в с. Тургеневе. См. письмо 5071.

[4] Это письмо Н.С. Тургенева неизвестно.

[5] На Берлинском конгрессе, происходившем с 13 (25) июня по 13 (25) июля 1878 г., были пересмотрены статьи Сан-Стефанского договора от 19 февраля (3 марта) 1878 г. Под нажимом держав, поддерживавших Турцию, первоначальные мирные условия были изменены в ущерб интересам России, Болгарии и Сербии.

[6] Поездка Тургенева в Карлсбад не состоялась: он выехал из Парижа в Россию лишь 21 июля (2 августа) 1878 г.

5035. П.Л. Лаврову (с. 117)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 3. № 26. Л. 43.

Впервые опубликовано: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 42.

Датируется по дню недели и в связи с упоминанием о музыкально-литературном утре в пользу русских эмигрантов в Париже, которое состоялось 16 (28) мая 1878 г.

[1] Об организации утра см. примеч. 1 к письму 4979. Окончательную сумму, собранную в пользу русских эмигрантов, Тургенев сообщил Лаврову 21 мая (2 июня) 1878 г. (см. письмо 5039).

5036. Н.А. Щепкину (с. 117)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 245—245 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 325.

[1] Это письмо Щепкина неизвестно. Тургенев просил его выслать ведомости в письме от 17 (29) апреля 1878 г. (№ 5009).

[2] Кадное предполагалось отдать в аренду А.Ф. Борисову.

[3] Речь идет о деньгах, получаемых с арендатора Тапков А.И. Кашеверова и с купца А.В. Чадаева.

[4] Намерениям Тургенева не суждено было осуществиться: поездка в Карлсбад была отменена, а в Россию он смог выехать лишь в начале августа н. ст. 1878 г.

[5] Имеется в виду Никита Гарасичев, в судьбе которого Тургенев принимал участие. См. письмо 4939 и примеч. 5 к нему. По всей видимости, Тургенев встречался с Никитой во время своего приезда в Спасское в конце лета — осенью 1878 г. Возможно, именно тогда он подарил ему книгу М.Е. Салтыкова-Щедрина “Mon repos" из своей библиотеки (с дарственной надписью Щедрина: “Посвящается уважаемому Ив. Сер. Тургеневу от автора"). По воспоминаниям С.Г. Щепкиной, “с виду юноша был неказист. Коренастый с переваливающейся походкой, огромной головой на небольшом туловище, широкоплечий, с крупными чертами лица, вечно бегающими по сторонам — карими глазками, точно чего-то разыскивающими, в них горело плутоватое, насмешливое выражение. Между своими товарищами считался коноводом, они его слушались, свою речь осыпал остротами, возбуждавшими гомерический хохот" (*Щепкина С.Г.* И.С. Тургенев в Спасском-Лутовинове // Красный архив. 1940. Т. 3 (100). С. 215; *Богданова Л.А.* Никита Гарасичев — ученик школы, основанной И.С. Тургеневым в Спасском // Спасский вестник. 1992. Вып. 1. С. 69—72).

[6] О расторжении договоров с С.И. Волновым, арендовавшим Кадное и Холодово, а также о последующей тяжбе см. примеч. 4 к письму 4939 и примеч. 2 к письму 4988.

5037. Филиппу Бюрти (с. 118 и 271)

Публикуется по цифровой копии, предоставленной ГМПМЗ И.С. Тургенева "Спасское-Лутовиново". Подлинник хранится в ГМПМЗ И.С. Тургенева "Спасское-Лутовиново".

Впервые опубликовано (в русском переводе, с неточностями): *Кирюхина Е.Ю.* И.С. Тургенев и Ф. Бюрти (Комментарий к одному письму) // Спасский вестник. 2009. № 17. С. 94—100. Здесь же на вклейке между с. 112 и 113 воспроизведено факсимиле письма. Во французском оригинале публикуется впервые.

[1] Под номером 1126 на выставке в Салоне экспонировался портрет дочери П. и Л. Виардо — Марианны. Одновременно на Всемирной выставке были представлены портреты супругов Виардо (портрет Полины был выполнен художником еще в 1874 г. и экспонировался в Салоне 1875 г., тогда же был выставлен и портрет Луи Виардо). Тургенев очень высоко ценил творчество Харламова-портретиста (см.: наст. изд. Письма. Т. 13. № 4726, примеч. 6 и др., по указателю). Очевидно, именно он посоветовал супругам Виардо заказать свои портреты у русского художника. В.В. Стасову Тургенев писал 23 октября (4 ноября) 1874 г.: "Здесь Харламов написал изумительный портрет г-жи Виардо. Никакого нет сомнения в том, что равного ему портретиста теперь в целом мире нет — и французы начинают это утверждать сами" (Там же. № 3836. Воспроизведение портрета см.: Quelques lettres d'Ivan Tourguénev à Pauline Viardot / Textes établis, introduits et annotés par Henri Granjard. Paris, 1974, на вклейке перед с. 49). По просьбе Тургенева Э. Золя посетил мастерскую Харламова, чтобы оценить портрет П. Виардо, и отозвался о нем в одном из своих "Парижских писем" после выставки (*ВЕ.* 1875. № 6. С. 895). Портрет был высоко оценен и во время Всемирной выставки 1878 г. известным критиком Шарлем Клеманом, о чем в одной из своих корреспонденций "На выставке" упомянул В.В. Чуйко (Русская газета. 1878. 13 июня. № 111. С. 2). В настоящее время находится в бывшей коллекции Болье, там же находится и портрет Марианны Виардо. Портрет Луи Виардо находится в Публичной библиотеке г. Дижона (Франция. Воспроизведение портрета см.: *T. Nouv corr inéd.* Т. 2, на фронтисписе). Портрет самого Тургенева (в настоящее время находится в ГРМ), выполненный Харламовым в 1875 г. и выставленный в Салоне 1876 г. (там же был выставлен и портрет Альфонса Доде, написанный в 1875 г.), которым писатель был чрезвычайно доволен, не был оценен высоко критикой и публикой. Вскоре и сам Тургенев несколько разочаровался в Харламове (см.: *Зильберштейн. Т и Репин.* С. 34—39), что не помешало ему оценить новые работы художника, в том числе портрет Марианны Виардо.

Что касается другого портрета, указанного Тургеневым под номером 1127, то это был заказанный писателем портрет его давнего приятеля А.Ф. Онегина. Эта работа, выполненная в 1877 г.,

по праву считается одной из лучших. Позже Тургенев подарил этот портрет Онегину (см.: "Тень Пушкина меня усыновила...": Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А.Ф. Онегина. Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997. С. 63. № 198. Здесь же на фронтисписе воспроизведен портрет Онегина кисти Харламова).

[2] Тургенев имеет в виду работы М.М. Антокольского, представленные на Всемирной выставке в Париже 1878 г.: "Христос перед судом народа" (в мраморе выполнена в 1876 г., в бронзе — в 1878 г. Оба варианта были выставлены, см. письмо 4972 и примеч. 5 к нему) и "Смерть Сократа" (1875—1876; в мраморе статуя выполнена в 1877 г., завершена в 1878 г.). Е.Г. Мамонтовой Антокольский писал 20 апреля (3 мая) 1878 г.: «Все мои работы уже здесь и, конечно, между ними и "Христос", и "Сократ". Они сильно конкурируют, но, как видно, "Сократ" берет верх. ⟨...⟩ Не думаю, чтобы мои работы были из самых лучших, но, однако, не думаю, чтобы они были и из самых плохих. ⟨...⟩ Я выставлю "Христа", по всей вероятности, и из бронзы, и из мрамора. Я это сделаю потому, что, право, сам хорошенько не знаю, из чего он лучше. Лично я симпатизирую бронзе, в ней Он больше приближается к оригиналу из глины, весь Он цельнее и яснее. К сожалению, руки и ноги не совсем удачно отлиты. В мраморе же все детали более закончены. Он красивее, но нет той экспрессии, что в бронзе. Я бы очень много дал тому, кто разрешил бы, что действительно лучше. Многие говорят, что в мраморе он лучше, но только не все, в числе последних Эрит-Виардо и я. ⟨...⟩ Кроме этих двух статуй, я выставил "Сократа" из мрамора, которого я здесь сам докончил, особенно голову, которую почти вновь сделал. Потом голову "Христа" на кресте, барельеф из мрамора, бюст Стасова и бюст "Петра I", да еще и "Ивана Грозного". Итак, всех восемь нумеров» (*Антокольский.* С. 365—366). В Каталоге русской секции выставки статуя Сократа названа "La mort de Socrate" ("Смерть Сократа"). Среди других произведений скульптора названы: "Иван Грозный" (бронза) как принадлежащий Эрмитажу, мраморный бюст Петра Первого (как принадлежащий Г.О. Гинцбургу), "Последний вздох" (1877; бронзовый горельеф), мраморный бюст В.В. Стасова и мраморный барельеф умершего ребенка (сына Антокольского — Льва) (Catalogue de la section Russe à l'Exposition universelle de Paris. Paris, 1878. P. 13).

[3] Несмотря на обилие и многообразие работ, представленных в русской секции выставки, французская критика не слишком высоко оценила русскую живопись, упрекая ее в подражательности иностранным образцам. Так, обозреватель журнала "Gazette des beaux-arts", известный критик и поклонник импрессионизма Л.-Э. Дюранти отметил несколько картин, в частности "Бурлаков на Волге" И.Е. Репина, которого все же упрекнул в пристрастии к ярким краскам, особенно к красному тону, придающему оттенок банальности; "Вид Нижнего Новгорода" А.П. Боголюбова, которому "более или менее удаются световые эффекты", и др.

Что касается портретов А.А. Харламова (Полины Виардо и Луи Виардо), Дюранти писал: «Г-н Харламов сделался французом: он широко пользуется красивыми тонами, и его фигуры располагаются устойчиво, выделяясь сильно и четко; не напрасно он когда-то копировал "Урок анатомии" Рембрандта в Гааге» (*Duranty.* Exposition Universelle: Les Ecoles étrangères de peinture; Allemagne (fin), Suède, Norvège, Danemark, Russie, Hollande // Gazette des beaux-arts. 1878. Livraison du 1-er août. P. 164). Считая, что самые сильные русские художники вышли из немецких или французских мастерских, критик упоминал и о передвижниках, на которых возлагал в будущем большие надежды. Среди них он особенно выделил Куинджи, а рассуждая о достоинствах и недостатках огромного полотна Г. Семирадского "Факелы Нерона" (или "Светочи христианства"), заключил свой обзор следующим пассажем: "Русские художники могут связывать свое будущее не с бритыми лицами старых римлян, а с густыми бородами своих мужиков (moujicks), и я верю в живописное будущее России" (Ibid. P. 166). Упреки русским художникам в подражательности прозвучали и в статье ведущего критика "Journal des Débats" Шарля Клемана в номере от 18 июня н. ст. 1878 г. Резюмируя отклики французской критики, В.В. Чуйко был вынужден констатировать: «Общий вывод таков: русское искусство находится еще в начальном периоде своего развития; настоящая выставка русского искусства — недурна и очень интересна, но спрашивается: может ли русское искусство выдержать сравнение с художественными творчествами других, в особенности южных народов? До сих пор русские художники кажутся более ловкими в исполнении и умными, чем действительно оригинальными; они более заняты подражанием мастерам, которым поклоняются, чем желанием создать собственную манеру и подчиниться личным стремлениям. "Попадая в русский отдел, вы гораздо более находитесь в Париже, Женеве или Дюссельдорфе, чем в Москве"» (*Старый турист* ⟨*Чуйко В.В.*⟩ На выставке // Русская газета. 1878. 13 июня. № 111. С. 2). Эта статья задела И.Е. Репина, который в письме к В.В. Стасову заметил: "...тут, видно, все делалось под диктовку Тургенева, который ужасно не верит в русских художников и ни во что русское и скорее — в ноги Европе, Франции и Виктору Гюго в особенности" (И.Е. Репин и В.В. Стасов: Переписка: В 2 т. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 32).

М.М. Антокольский, напротив, оценил успех русского отдела на Всемирной выставке как большую победу русского искусства. Вот что писал он Е.И. Бларамберг: "Итак, слушайте. Наше русское искусство может вполне гордиться; на теперешней всемирной выставке оно имело такой успех, как никогда! Успех этот выражается теми многими наградами, которые оно получило. Представьте себе: ровно десять лет тому назад оно тоже конкурировало на здешней всемирной выставке, тогда оно получило только одну маленькую золотую медаль. Теперь же оно нисколько не отстало от других нац⟨ий⟩, даже первоклассных. /

Для всех отраслей искусства назначено 66 медалей. Из них 12 больших наград (медаль de honneur (sic! — *Ред.*)), а остальные делятся на золотые и серебряные. Из всего этого Франция берет себе половину, а другая половина для всех остальных. Третью часть из своих медалей Франция отдала скульпторам, а две части — живописцам. То же самое она предоставила и для иностранцев. После раздачи медалей министерство прибавило еще три médailles de honneur исключительно за иностранную живопись. Значит, на все иностранные отделы досталось 7 больших наград за живопись, две за скульптуру и 29 золотых и серебряных медалей; иностранных отделов же чертова дюжина, кажется 13. / Семирадский получил médaille de honneur, правда это было получено уже из прибавочных, но все-таки получено. Затем Харламов, Ковалевский и, кажется, Чижов (скульптор) получили маленькие золотые медали ⟨...⟩ Что касается до меня, то я тоже не отстал от других. Я тоже получил médaille de honneur, да и то еще первым номером. Итак, пока золотых и больших наград мы получили пять. Каково, а? ну что, ударили в барабан, трубите в трубы и радуетесь общей радости? О дорогая Елена Ивановна, если бы у нас внутри было бы единство и справедливость, мы бы ушли в сто раз дальше, чем мы теперь. Теперь мы доказали, что мы не варвары, как думают об нас. Мы можем иметь успех в Европе скорей сердцем и умом, нежели штыком; да победа или успех в искусстве меня сто тысяч раз больше радует, чем наша победа над турками" (см.: *Варенцова Е.М.* Вокруг И.С. Тургенева: Письма М.М. Антокольского Е.И. Апрелевой-Бларамберг // Спасский вестник. Тула, 2001. № 8. С. 142—143).

[4] Учел ли Бюрти просьбу Тургенева в своих статьях о выставках, установить не удалось. По всей видимости, Тургенев и Бюрти вместе посетили Всемирную выставку, прежде всего русский отдел, 2 октября н. ст. 1878 г. (см. письмо 5100). Как установлено Н.Г. Жекулиным, в тот же день в газете "La République Française" появилась статья Бюрти, посвященная французской секции живописи на Всемирной выставке, заглавие которой предполагало серию аналогичных статей об отделах искусства других стран, в том числе, возможно, и о русском, однако этот замысел не был осуществлен (см.: *Žekulin N.G.* Two Unpublished Letters of Ivan Turgenev // The Slavonic and East European Review. 1975. Vol. 53 (October). P. 562—565).

5038. В.А. Соллогубу (с. 118)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 453. Оп. 1. № 1601. Л. 9—10.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 326.

Датируется предположительно — на основании содержания и пометы "суббота". Соллогуб в 1878 г. поселился в Пари-

же, где часто встречался с Тургеневым (см.: *Соллогуб В.А.* Воспоминания / Ред., предисл. и примеч. С.П. Шестерикова. М.; Л., 1931. С. 282, 443). 16 (28) мая 1878 г. состоялось литературно-музыкальное утро в пользу русских эмигрантов в Париже, на котором присутствовал П.Л. Лавров (см. письма 5023, 5035, 5039). Именно его присутствием может быть объяснено то, что Тургенев не пригласил на это утро Соллогуба. По-видимому, письмо написано в первую после литературно-музыкального утра в субботу, т.е. 20 мая (1 июня) 1878 г.

5039. П.Л. Лаврову (с. 119)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 3. № 26. Л. 44.

Впервые опубликовано: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 42.

Датируется по дню недели и в связи с упоминанием о литературном утре.

[1] Об организации музыкально-литературного утра, которое состоялось 16 (28) мая 1878 г., см. примеч. 1 к письму 4979, а также письма к Лаврову за февраль — май 1878 г.

5040. М.М. Стасюлевичу (с. 119)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 221. На подлиннике помета Стасюлевича: "29.V.78", дата получения письма.

Впервые опубликовано: *ВЕ.* 1911. № 12. С. 6.

Стр. 120. "Блаженны владеющие" (*лат.*).

[1] П.В. Анненков прибыл в Париж 8 (20) мая 1878 г. и вместе с Тургеневым посещал Всемирную выставку (см. примеч. 5 к письму 5015), а также ежегодный художественный Салон. Вместе они, по всей видимости, были также на торжественном заседании в честь столетнего юбилея Вольтера (см. примеч. 13 к письму 5010) и в так называемом "Русском клубе", где собирались члены Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников и где Анненков — очевидно, при посредстве Тургенева — познакомился с Ю.Ф. Дюлу (см.: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 356). По возвращении в Брюссель сам Анненков 26 мая (7 июня) сообщал писателю: «Приехал здрав ⟨...⟩. Перед глазами все носится, в ушах все шумит Париж — лунные фонари его даже мерещатся в зрачках, как бельма, и катится он передо мной в омнибусах, шарабанах, каретах etc. Сильное впечатление произвел на меня Париж в этот приезд — "Выставка 1878" составила мне pendant к февральской революции 1848, тоже мною виденной, и в этих двух явлениях замыкается для меня целая 30-летняя моя жизнь. Вдоволь не надумаюсь над ними» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 87). Своими впечатлениями от Все-

мирной выставки Анненков поделился и со Стасюлевичем (см. примеч. 2 к письму 5078). Ознакомившись в июньской книжке "Вестника Европы" с очередным "Парижским письмом" Э. Золя, которое было посвящено открытию Всемирной выставки (см. о нем примеч. 3 к письму 5008), Анненков замечал: "Статья Зола тоже утешила меня. Да, нельзя говорить об Выставке иначе, как в его лирическом тоне: Вы сами увидите, что это такое. Вся вселенная, можно сказать, хотела показать, как она любит и ценит Францию — и показала: это один крик восторга в честь страны, посылаемый каждым гвоздиком и каждым камешком со всех частей света" (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 356—357).

[2] См. письмо 5028, примеч. 1.

[3] П.Д. Боборыкин прибыл в Париж для участия в Международном литературном конгрессе и был выбран вице-председателем русского отдела. О составе русской делегации см. примеч. 2 к письму 5028, а также письмо 5051 и примеч. 6 к нему. В дальнейшем Боборыкин поместил о Конгрессе статью в газете "Русские ведомости" (1878. 20 июня. № 155. С. 1—2), а также рассказал о встрече с Тургеневым в статье "У романистов" (Слово. 1878. № 11. Отд. II. С. 1—41), которая вызвала негодование Тургенева (см. письма к П.В. Анненкову 5163, 5169 и 5172).

[4] Ср. с опасениями, высказанными в предыдущем письме к Стасюлевичу (№ 5028).

[5] Выражение, которое Бисмарк употребил в одной из своих речей в рейхстаге для подтверждения следующей своей мысли: прежде чем доказывать свое право на владение какой-либо территорией, необходимо захватить ее и владеть ею — beati possidentes. Бисмарк отталкивался при этом, с одной стороны, от начала евангельской Нагорной проповеди Иисуса (Мф. 5: 3—11; ср. Лк. 6: 20—26), где перечисляются различные категории ныне бедствующих, в будущем блаженных, а с другой стороны — от содержащих противоположную мысль строк Горация (Оды, IV, 9, 45—52) (см.: Словарь латинских крылатых слов / Под ред. Я.М. Боровского. 2-е изд. М., 1986. С. 96—97).

[6] В дальнейшем намерения Тургенева изменились: от поездки в Карлсбад он вынужден был отказаться и выехал в Россию 21 июля (2 августа), направившись сначала в Петербург, а затем в Москву, откуда уже выехал в Спасское, остановившись по пути в Туле и Орле.

[7] См. примеч. 1 к письму 4979, а также примеч. 1 к письму 5023.

5041. О.К. Гижицкой (с. 120)

Печатается по тексту первой публикации: Слово. 1918. Сб. 8. С. 26—27. Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо Гижицкой неизвестно.

[2] Тургенев послал Гижицкой, по всей видимости, фотографию работы Леже и Бержерона (1868). В 1878 г. он посылал ее

нескольким корреспондентам, среди которых Б.А. Чивилев и М. Линен (см. письма 4976 и 5033), и неизменно отзывался о ней как о неудачной. Воспроизведение фотографии работы Леже и Бержерона см. на с. 115. В ответ Гижицкая выслала писателю свою фотографию (не сохранилась), прибавив: "Благодаря Вас за Вашу карточку, прилагаю Вам свою, прося Вас не считать этого поступка за навязчивость; мне хочется, чтобы при нашей встрече Вы смотрели бы на меня как на более или менее знакомую личность" (*ИРЛИ.* № 5785).

[3] Состоялась ли встреча Тургенева с Гижицкой, установить не удалось.

[4] Сохранилось ответное письмо Гижицкой к Тургеневу от 7 (19) июня 1878 г., в котором она писала: "Получила Ваше милое, доброе письмо и не знаю, чем и как выразить Вам мою признательность. / Вы правы: советами не остановишь человека идти по той или другой дороге, но почти всегда можно одним сочувствием образумить его в минуты колебаний. Ваше письмо произвело на меня сильное впечатление. ⟨...⟩ Веря в Вашу доброту, я ждала от Вас ответа в этом роде, но тем не менее боялась противного. Что-то очень хорошее подсказало Вам кончить письмо приглашением встретиться со мной в августе месяце. Это самый лучший ответ на мои откровенные признания". Далее она жалуется на тяжелое душевное состояние, связанное с постигшими ее неудачами и разочарованиями. Однако Гижицкая выражает твердое намерение в скором времени посвятить себя какому-нибудь полезному делу (*ИРЛИ.* № 5785).

5042. А.И. Воронцову (с. 122)

Печатается по тексту первой публикации: Русский курьер. 1884. 15 августа. № 224. С. 2. Перепечатано: *Т. Первое собрание писем.* С. 378—379, с ошибочной датой "27 мая 1881"; во французском переводе — *Pavlovsky.* P. 140—142. Подлинник хранится *Bibl Nat* (Papiers Pavlovsky).

Адресат устанавливается на основании упоминания имени Воронцова в постскриптуме письма. На экземпляре издания *Т. Первое собрание писем*, хранящемся в библиотеке ИРЛИ, О.Н. Смирновой вписана фамилия адресата, что подтверждается также письмом А.И. Воронцова (без даты) к Тургеневу, в котором тот сообщает, что не может стать студентом и собирается открыть мебельную мастерскую (*ИРЛИ.* № 5844).

Год устанавливается по дате в автографе, где цифра "8" читается не очень разборчиво, адресу (на Rue de Douai, 50 Тургенев жил с 1874 г.), а также по календарным данным: за период с 1874 по 1883 г. суббота приходилась на 8 июня н. ст. только в 1878 г.

Стр. 122. поручителем (*франц.*).

[1] О странности отношений между Тургеневым и Воронцовым И. Павловский писал следующее: «И.С. жаловался мне

несколько раз на этого молодого человека, который часто и в оскорбительных выражениях обращался к И.С. с требованиями денежной помощи. Сегодня он устраивает какую-то мастерскую и требует ссудить его необходимой для этого суммой; завтра он поступает на медицинский факультет в Париже, требует уплаты за него за экиваланс и инскрипции. И.С. всегда исполнял просьбы бедного В., но взамен благодарности последний с каждым разом чувствовал к нему все больше какую-то странную, непонятную ненависть. Последнее письмо его к И.С. заключало угрозу "вцепиться ему в его белую бороду"; вскоре после этого В. попал в больницу St.-Anne, откуда вышел только для того, чтобы в качестве неизлечимо помешанного быть переведенным, если не ошибаюсь, в Шарантон» (Русский курьер. 1884. 15 августа. № 224. С. 2).

[2] Эти письма Тургенева к Воронцову и М. Дюкану неизвестны.

[3] Это письмо Воронцова неизвестно.

[4] Видимо, Воронцов просил Тургенева поручиться за его мастерскую (см. выше, примеч. 1).

5043. Эдмону де Гонкуру (с. 123 и 271)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 22477. F. 78.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ЛН.* Т. 31—32. С. 701; во французском оригинале — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 328.

[1] П.Д. Боборыкин приехал в Париж в июне 1878 г. для участия в Международном литературном конгрессе (о его прибытии Тургенев сообщал, например, М.М. Стасюлевичу — см. письмо 5040 и примеч. 3 к нему). Тургенев не любил Боборыкина, и рекомендация его написана в официальном тоне; ср. письмо 5040, а также письмо к П. Гейзе от 28 сентября (10 октября) 1874 г., где Тургенев, рекомендуя Боборыкина, откровенно говорит: "Эта рекомендация немного прохладна, но иной она и не должна быть" (наст. изд. Письма. Т. 13. № 3814). Как следует из статьи "У романистов", написанной по возвращении Боборыкина в Россию, получив данное письмо, Гонкур "тотчас написал Тургеневу, что ждет меня на другой же день и что он вообще каждый день к моим услугам, до часу пополудни. Ему было уже известно то, как я отнесся к реальной школе парижских романистов и как высоко ставлю, в этой школе, братьев Гонкур" (Слово. 1878. № 11. Отд. 2. С. 15). Далее Боборыкин с мельчайшими подробностями рассказал о своем визите к Гонкуру "в отдаленное предместье Парижа — Отейль", где у французского писателя был дом "в два этажа, изящной, чисто французской архитектуры, с грифельной кровлею и с выходной дверью без всякого навеса посередине" (Там же. С. 15—16), попутно сообщая читателям различные сведения о

его жизни и быте, в том числе полученные в частном разговоре с Тургеневым. Так, он упомянул: "От Тургенева я слышал, что оставшийся в живых брат может, не рассчитывая на доход от романов, проживать тысяч 35—40 франков в год. А он холостой человек" (Там же. С. 16). Подробно описав внешность Гонкура, его манеру общения, Боборыкин остановился и на одежде, в которой его встретил писатель: "Одет он был совершенно по-домашнему, так, как обыкновенно во Франции одеваются у себя люди работающие, т.е. в короткой вязаной фуфайке, с фуляром вокруг нее, без белья и, сколько я помню, даже с шапкой на голове, тоже по типичной французской привычке", не преминув заметить, что "так же почти одевается там и наш И.С. Тургенев, за исключением французской шапочки" (Там же. С. 17). Подробно передал Боборыкин рассказ Гонкура о том, как они с братом занялись писательством, об их совместной манере работы, а также о первом романе Э. Гонкура, написанном им в одиночку после смерти брата, — "La Fille Elisa". Особо заинтересовали Боборыкина подробности замысла нового романа Гонкура, а также разговор о "приемах мастерства, о замыслах и выполнении, о разных подробностях интимной жизни чисто писательского характера" (Там же. С. 20). Статья Боборыкина впоследствии стала известна Тургеневу и вызвала его неприятие (см. письма к П.В. Анненкову 5163, 5169 и 5172).

[2] Имеются в виду три публичных чтения "Реальный роман во Франции", которые были даны П.Д. Боборыкиным в марте 1876 г. в Петербурге. Второе чтение было посвящено в том числе братьям Гонкур и включало следующие вопросы: «Характер их сотрудничества. — Особенности манеры и языка. — Взгляд на общее содержание их реалистических произведений. — Анализ романов "Сестра Филомена", "Жермини Ласертё" и "Госпожа Жервезэ". — Судьба французской женщины из народа» (см.: *ОЗ.* 1876. № 7. Отд. 2. С. 38—62). Впервые установлено А. Звигильским: *Cahiers*. № 20 (1990). P. 69.

5044. А.Н. Луканиной (с. 123)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 28.
Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 358.

[1] С Н.А. Орловым, русским послом в Париже, Тургенев беседовал относительно возможности возвращения Луканиной в Россию. Очевидно, ответ был отрицательным. На родину она вернулась только в 1885 г. (см.: *Лит Арх.* Т. 4. С. 353). См. также письмо 5143 и примеч. к нему.

[2] Речь идет о "Воспоминаниях цюрихской студентки". Это произведение поступило в редакцию "Вестника Европы" 16 (28) сентября 1878 г., но публикация его была отклонена (см.: *Каталог рукописей.* Л. 52), хотя изначально его предполагалось напечатать в февральской, а затем в сентябрьской книжке журнала за 1879 г.

5045. Б.А. Чивилеву (с. 124)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 66. Л. 17; конверт — л. 18. Почтовый штемпель: 11 juin 78, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 329.

[1] Первое отдельное издание "Записок охотника" вышло в 1852 г. и разошлось уже в течение полугода. В 1859 г. появилось второе издание. В воспоминаниях Чивилева есть следующие строки, связанные, по-видимому, с ответом Тургенева на просьбу о присылке "Записок охотника": «Из собственных сочинений у Тургенева были в одном экземпляре каждое, старого Салаевского издания, за исключением "Записок охотника" и "Дворянского гнезда", которые он уже давно кому-то подарил» (*Рус Вед.* 1883. 2 октября. № 270. С. 1).

[2] По всей видимости, имеется в виду мартовская книжка "Вестника Европы", в которой вышла вторая часть писем Пушкина к жене. См. письмо 4976, примеч. 1.

5046. Эрнесту Ренану (с. 124 и 271)

Печатается по тексту первой публикации: *Zviguilsky A.* Ernest Renan, Tourguéniev et Pauline Viardot // *Cahiers.* № 16 (1992). P. 19, которая напечатана по копии, хранящейся в Музее романтиков (Musée de la Vie Romantique) (Музей Ренана-Шеффера). Подлинник хранится в частной коллекции (Франция). Возможно, письмо является телеграммой, посланной по случаю избрания Ренана в Академию.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Э. Ренан был избран во Французскую академию 13 июня н. ст. 1878 г. на место Клода Бернара, умершего 10 февраля 1878 г. Он не был уверен в результатах голосования, в отличие от Флобера, который писал 13 июня н. ст. принцессе Матильде: "Сегодня решается судьба Тэна в Академии. Я ожидаю результата, чтобы написать ему поздравительное или соболезнующее письмо. Что касается Ренана, его дело верное. Неважно, обоих я нахожу достаточно скромными. Чем может их наградить Академия? — Если ты являешься кем-то, к чему становиться чем-то?" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 393. Подлинник по-франц.). Сохранилась ироничная поздравительная телеграмма Флобера Ренану по случаю избрания: "ГЮСТАВ ФЛОБЕР кланяется госпоже Ренан и поздравляет Академию" (Ibid.).

5047. Г.О. Гинцбургу (с. 124)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 147. Л. 8. Подлинник хранился в частном собрании И. Берлина (Оксфорд). Факсимиле см.: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 331.

Впервые опубликовано: *Gunzburg.* P. 86.

[1] В декабре 1877 г. организовалось Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже. Мысль о создании подобного общества явилась в связи с тяжелым материальным положением учащейся русской молодежи в Париже, постоянно обращавшейся за помощью к Тургеневу. Толчком к его организации послужили события русско-турецкой войны. Тургенев был одним из организаторов, секретарем и одним из наиболее активных деятелей Общества. См. об этом воспоминания А.П. Боголюбова: "Всем известно, что в Париже существует наше небольшое Общество, основанное в день достопамятного взятия Плевенского, — возникновением своим оно немало обязано Тургеневу как главному учредителю, постоянному члену Комитета и секретарю, звание и обязанность которого он предложил взять на себя без всяких просьб и до конца жизни, несмотря на свои серьезные труды, всегда находил время заняться нашим делом" (*РНБ.* Ф. 82. № 5. Л. 16; см. также: *ЛН.* Т. 76. С. 446).

[2] Мастерская Общества, так называемый "Русский клуб", находилась в доме барона Г.О. Гинцбурга (Rue Tilsitt, 7), предоставившего ее русским художникам бесплатно, а позже — на Rue de Rome, в квартире А.П. Боголюбова.

[3] Г.О. Гинцбург был одним из членов-учредителей Общества, его казначеем, лицом, постоянно его финансировавшим (см. об этом в воспоминаниях А.Н. Луканиной: *СВ.* 1887. № 3. С. 55).

[4] Кроме подписавшихся под письмом, в Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже входили или были причастны к его деятельности многие русские художники. Их круг так определен дочерью Н.Д. Дмитриева-Оренбургского в ее неопубликованных воспоминаниях о Ю.Я. Лемане: "В конце шестидесятых годов XIX века в Париже создалась группа русских художников: Гун, Харламов, Леман, Роман, Поленов, Верещагин, Боголюбов. В семидесятых годах к ним примкнули: Дмитриев-Оренбургский, Прянишников, Похитонов. Это были основные члены русского художественного кружка в Париже. Из России постоянно приезжали и на время примыкали к ним такие, как: Савицкий, Репин, Горский, Виллие, жившие по два, по три года и вновь уезжавшие в Россию" (*Брюллова Е.Н.* Жизнь и творчество Юрия Яковлевича Лемана // *ГРМ. ОР.* Ф. 123. № 185. Л. 3).

5048. Никола Брюсу (с. 125 и 272)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 71. См.: Отчет императорской Публичной библиотеки за 1898 год. СПб., 1902. С. 202.

Впервые опубликовано (без указания имени адресата): во французском оригинале — Cosmopolis. 1897. № 20. P. 486; в рус-

ском переводе — *СВ.* 1897. № 9. С. 162. Перепечатано во французском оригинале: *Halp.-Kam. Corr.* P. 293. Вновь опубликовано в русском переводе: *Гальп.-Кам. Письма.* С. 332.

Адресат письма устанавливается предположительно, на основании авторства рукописи французской переделки "Рудина", предназначенной для театральной постановки и хранящейся в Библиотеке Арсенала (Париж): Bibliothèque de l'Arsenal. Collection Rondel (théâtre étranger). Cote Rem. 257. Рукопись озаглавлена: "Dimitri Roudine, comédie en 5 actes, tirée du roman d'Ivan Tourguénieff par J. Nicolas Brusse, 52, boulevard de la Reine, Versailles" ("Димитрий Рудин, комедия в 5 актах Ж. Никола Брюса, по роману Ивана Тургенева, бульвар де ла Рен, Версаль") и состоит из пяти тетрадей, каждая из которых содержит по одному акту. В конце пятой тетради проставлены дата и место окончания работы: "Версаль, 20 мая 1878" (указано А.Я. Звигильским). Других сведений о знакомстве Тургенева с Брюсом не сохранилось. По всей видимости, постановка "Рудина" на французской сцене не состоялась.

Год написания письма определяется по соответствию числа дню недели и по упоминанию о поездке в Россию (ср. письма 5040, 5044 и 5055), а также подтверждается датой, проставленной в рукописи французского текста "Рудина".

[1] Письмо, о котором идет речь, неизвестно. Французский перевод "Рудина" был впервые опубликован в "La Revue nationale et étrangère politique, scientifique et littéraire" в марте и апреле в 1861 г. (Vol. 3). Автором перевода значится некий V. Desloges (по предположению П. Уоддингтона и Л. Сундквиста, за этим псевдонимом мог скрываться И. Делаво). В 1862 г. перевод вышел вновь в сборнике произведений Тургенева без указания имени переводчика: Dimitri Roudine, suivi du Journal d'un homme de trop et de Trois rencontres. Paris: Hetzel, 1862).

[2] При жизни Тургенева "Рудин" на сцене не ставился. Возможно, что Тургенев имеет в виду неосуществленный замысел А.Г. Рубинштейна, относящийся к 1864 г., написать оперу на сюжет "Рудина" по либретто автора (см.: наст. изд. Письма. Т. 6, примеч. 4 к письму 1632; наст. изд. Соч. Т. 5. С. 472). Пьеса по роману "Рудин" впервые была опубликована лишь в 1888 г. (Рудин. Драма в 4 действиях и 7 картинах. Обработано для сцены из повести И.С. Тургенева А. Всеволожским. М., 1888).

5049. Гюставу Флоберу (с. 126 и 272)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 141—142. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.* Письмо написано на почтовой бумаге с монограммой Тургенева и штампом с адресом: "50, RUE DE DOUAI / PARIS", который зачеркнут; ниже проставлен адрес Тургенева в Буживале и дата написания письма.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1896. № 10. P. 145; в русском переводе — *Рус Мысль.* 1896. № 8. С. 61—62. Перепечатано во французском оригинале: *Halp.-Kam. Corr.* P. 112—113. Вновь опубликовано в русском переводе: *Гальп.-Кам. Письма.* С. 195—196.

[1] Упоминая о Парижском литературном конгрессе, проходившем в рамках Всемирной выставки 1878 г. (см. примеч. 2 к письму 5028), Тургенев отвечает на письмо Флобера от 20 июня н. ст. 1878 г., в котором тот писал: "Дорогой старина, я полагал, что вы в Германии. И ожидал со дня на день от вас письма с подробностями относительно вашей чертовой подагры, когда газетное эхо, добравшееся до моего уединения, донесло слухи о ваших ораторских триумфах. Браво, мой обожаемый старина! Ваша небольшая речь очаровательна! Жаль только, что меня не было там, чтобы поаплодировать вам" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 397. Подлинник по-франц.). Речь Тургенева, произнесенную 17 июня н. ст. (см.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 332—333), Флобер прочитал в номере газеты "Le Temps" от 19 июня 1878 г. (№ 6269. P. 2). Кроме того, 19 июня н. ст. она была напечатана и в других французских газетах — например, в "Le XIXe siècle" (№ 2375. P. 2), "Le Rappel" (№ 3022. P. 2), а затем перепечатана в нескольких русских газетах, вызвав ряд негативных откликов (см.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 671). Текст речи был воспроизведен в протоколах Конгресса, напечатанных в 1879 г. отдельной книгой: Congrès littéraire international de Paris. 1878. Comptes rendus in extenso et documents. Paris, 1879. P. 112—113), причем отмечено, что она несколько раз прерывалась аплодисментами, а когда Тургенев назвал "небезызвестные" присутствующим имена русских поэтов Пушкина, Лермонтова, Крылова и прозаиков Карамзина и Гоголя, весь зал дружно воскликнул: "и Тургенева!" (Ibid. P. 112). Сам Тургенев не придавал особого значения этой речи и был удивлен как восторженным оценкам, так и резко отрицательным высказываниям по ее поводу (см. письмо 5051). Напечатанная по-русски речь Тургенева была вырвана из контекста и не давала представления о том, какой напряженной была работа писателя на протяжении всего Конгресса. Ему приходилось не только выступать в прениях, но и вести пленарные заседания, а по существу руководить группой русских участников. Опубликованные в книге "Congrès littéraire international de Paris. 1878" выступления писателя не переводились на русский язык и не вошли в Полное собрание его сочинений (см.: наст. изд. Письма. Т. 18. Кн. 1). Впервые по автографу текст речи Тургенева от 17 июня н. ст. 1878 г., написанной по-французски, был опубликован А. Звигильским: *Cahiers.* № 15 (1991). P. 158. Здесь же воспроизведено факсимиле рукописи (P. 159—161), которая была приобретена Ассоциацией друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран в 1991 г. и ныне хранится в Музее Тургенева в Буживале.

[2] Заседание, упомянутое в настоящем письме, было седьмым по счету и происходило 21 июня н. ст. под председательством В. Гюго (см.: Congrès littéraire international de Paris. 1878. P. 203—230). Здесь разгорелась острая дискуссия о правах наследников и праве общества на литературное произведение. Веское слово по этому вопросу было произнесено самим председателем, указавшим на необходимость отличать главных действующих лиц от второстепенных. Главными являются автор и общество: "Эти два персонажа, две общности знают, что делают и чего хотят. Только они и знают это. ⟨...⟩ Автор дает книгу, общество принимает или не принимает ее. Книга создана автором, судьба ее в руках общества" (Ibid. P. 213). Наследники же представляют третью сторону, не имеющую права распоряжаться литературной собственностью: "Наследник не создавал книги; он не может иметь прав автора. Он не содействует ее успеху; значит, он не может иметь прав общества" (Ibid.). Но и автор обладает абсолютным правом на свое произведение лишь до момента его публикации, после чего произведение уже не принадлежит ему. То же и после смерти автора (Ibid. P. 214). Как верно заметил обозреватель "Вестника Европы" Л.А. Полонский, присутствовавший на Конгрессе, яркая речь Гюго по существу противоречила выдвинутым в ходе обсуждения тезисам, превращавшим литературную собственность в одну из форм пожизненной собственности, а предложенное им положение о "domaine public payant" ("общественное достояние, которое платит", т.е. отчисляет определенный процент наследникам с издательского барыша) упраздняло принятые ранее формулировки (*Полонский Л.* Литературный конгресс в Париже. Письма в редакцию // *ВЕ.* 1878. № 9. С. 366). Тем не менее Конгресс в окончательном виде принял формулировку "вечной" собственности автора, а следовательно и его наследников. «Речь В. Гюго убедила г. Тургенева; высказав это, он напомнил о предложении в том же смысле, заявленном в шестидесятых годах г. Луи Виардо. Это предложение было выработано в 1841 году комиссиею "общества литераторов", в которой участвовали Бальзак, Виктор Гюго и Л. Виардо» (Там же. С. 370). В протоколах Конгресса речь Тургенева была зафиксирована следующим образом: "Я скажу только пару слов. ⟨...⟩ Признаюсь, что до сегодняшнего дня этот огромный вопрос оставался для меня открытым; он стал ясным после выступления Виктора Гюго; я совершенно разделяю его мнение" (Congrès littéraire international de Paris. 1878. P. 222). Тургенев действительно напомнил присутствующим о совместной работе В. Гюго и "своего друга" Л. Виардо над выработкой понятия "литературной собственности" еще в 1830-е гг. и даже предложил от имени Виардо прислать его статью сорокалетней давности на эту тему; правда, из зала ему напомнили, что предложение Л. Виардо в свое время обсуждалось на другом

Конгрессе, в Бельгии, и было признано "одним из видов экспроприации авторских произведений в пользу общественного достояния", а потому отвергнуто (Ibid.). Об участии Тургенева в Литературном конгрессе 1878 г. см.: *Waddington P.* I.S. Turgenev and the International Literary Congress of 1878 // *N Z Sl J.* 1983. P. 37—70; *Генералова Н.П.* И.С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 49—59.

[3] Тургенев несколько раз откладывал свой отъезд в Карлсбад и в конце концов отказался от этой поездки, отправившись из Парижа в Россию только в начале августа н. ст. В Петербург он прибыл 27 июля (8 августа) 1878 г.

[4] 28 мая н. ст. 1878 г. Э. Золя купил в окрестностях Парижа, в деревеньке Медан, дом за 9000 франков (*Zola. Corr.* T. 3. P. 152). Здесь он проведет последние 24 года своей жизни и напишет большую часть своих произведений. Вскоре Медан станет своеобразным культурным центром, куда будут приезжать писатели и художники, друзья Золя и где будет образована так называемая Меданская группа, в которую вошли молодые последователи Золя П. Алексис, А. Сеар и др. Деревня Медан дала название коллективному сборнику "Меданские вечера" ("Les soirées de Médan", 1880). В настоящее время в Медане существует музей Э. Золя.

[5] А. Мартен стал членом Французской академии 13 июня н. ст. 1878 г., заняв место А. Тьера, на которое также претендовал И. Тэн (ср.: *Debidour A.* La Révolution française à l'Académie. Mm. Henri Martin et H. Taine // La Revue politique et littéraire. 1879. 31 mai. P. 1125—1133). Флобер критически относился к Анри Мартену как историку. В письме к г-же Роже де Женетт от 9 июля н. ст. 1878 г. он писал: "Что до Анри Мартена, то он просто круглый дурак. Нынешней зимой я читал его исторические очерки о Фронде в духе Вите, поистине идиотские. Быть луной, отражающей солнце, это еще куда ни шло. Но быть отражением уличного фонаря, вроде Вите, значит ценить себя дешевле грошовой свечи" (*Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 211). В том же письме содержится критический отзыв о Тэне и его книге "La Révolution": «Тэн — простофиля и уже становится немного смешным. Провалили его напрасно, но не следовало и ему представать "под эгидой реакции". Что до его книги, то все это *не то.* Если бы Учредительное собрание представляло собой лишь сборище скотов и каналий, оно просуществовало бы столько же, сколько Коммуна 70-го года. Лгать он не лжет, но и не говорит *всей* правды, а это равносильно лжи. Неистовый страх лишиться своих доходов, пережитый в пору "наших бедствий", несколько притупил в нем критический ум. Быть умным — это еще мало. Как ни старайся, без *твердости духа* произведение искусства всегда выходит посредственным. Первое условие

прекрасного — это честность» (Там же). В то же время самому Тэну Флобер писал 20 июня н. ст. 1878 г. по поводу его провала на выборах в Академию: "Мой дорогой друг, я слишком уважаю вас, чтобы высказывать соболезнования. — Вы знаете мое мнение об Академии. Это она заслуживает сожаления. — А ваш провал укрепляет меня в моем старом романтическом презрении к этому институту. Тэн, вытесненный Анри Мартеном, — какая картина! — Знаете ли вы историческую драму вышеназванного господина о Фронде? А я ее читал, сударь, — это прекрасно, клянусь вам!" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 396. Подлинник по-франц.). В этот период самому Флоберу поступали предложения об избрании в Академию, от которых он решительно отказался, о чем писал г-же Роже де Женетт в упомянутом письме от 9 июля 1878 г.: "Но ваш друг не настолько глуп и не настолько низкого мнения о себе" (*Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 210). О том же идет речь в письме к принцессе Матильде от 3 июля н. ст. 1878 г.: "Вы пишете, что все, в сущности, стремятся стать членами Французской академии. Отнюдь не все, уверяю вас, и если бы вы могли заглянуть мне в душу, то убедились бы, что я совершенно искренен. ⟨...⟩ Нисколько не мечтаю об этой чести. То, о чем мечтаю я, люди дать мне не могут" (Там же. С. 209). Тэн был избран во Французскую академию в том же году 14 ноября н. ст. Выборы во Французскую академию интересовали и русскую печать. Так, обозреватель "Голоса" расценил избрание Анри Мартена как поражение монархистов: "Избрание это расстроило целую политическую интригу, очень хитро задуманную, но совершенно неудавшуюся. Дело шло о том, чтобы сделать преемником великого государственного мужа, которого лишилась прошлою осенью Франция, человека, одно имя которого было бы враждебною демонстрацией против республики и оскорблением памяти его великого предшественника. Монархисты ухитрились отыскать такого человека между современными французскими знаменитостями первой руки, да еще так ловко, что могли надеяться на то, что в пользу их кандидата подадут голоса академики, вовсе им не сочувствующие". Смысл высказывания Тургенева о "чудовищности" возможного избрания Тэна на место умершего Тьера поясняется тем, что именно Тьер не допустил Тэна в Академию, обвинив его, как писал "Голос", в "крайнем матерьялизме"; того же Тэна, как отмечалось в газете, "французские клерикалы еще недавно предавали проклятию заодно с Литтрэ и Эрнестом Ренаном" (Голос. 1878. 9 (21) июня. № 158. С. 1). «Для того, чтоб эта, по-видимому, чудовищная кандидатура, — пояснял обозреватель "Голоса", — показалась возможною для монархистов академии, было достаточно того обстоятельства, что Тэн в своей недавно появившейся книге "Les origines de la France moderne" отнесся к французской революции 1789—1793 годов с предвзятою и

страстною враждебностью» (Там же). Считая, что в рядах Французской академии не хватает Флобера и Эдмона Абу, обозреватель, осудив попытку Тэна, предложил еще одну кандидатуру, несправедливо, с его точки зрения, обойденную академиками, а именно Леона Гамбетты. В унисон открытому защитнику французской революции "Голосу" прозвучал отклик "Отечественных записок" в "Хронике парижской жизни" Ш.-Л. Шассена: «13-го июня французской академии предстоял выбор бессмертных на вакансии Тьера и Клода Бернара. Академики, опять-таки под влиянием герцога де Брольи, прочили на это место Тэна, в благодарность за его "Начала современной Франции", написанные с такой контрреволюционной точки зрения ⟨...⟩. Но при первой же баллотировке оказались выбранными Анри Мартен, трудолюбивый составитель подробнейшей "Истории Франции", и Ренан, прославившийся своею романтическою "Жизнью Христа"» (*ОЗ.* 1878. № 7. Отд. 2. С. 117—118; псевдоним: "Людовик"). Более сдержанно откликнулось на выборы "Новое время", назвав противостояние Тэна и Анри Мартена "главным интересом" выборов: "Последний (Мартен. — *Ред.*) очень естественно поддерживался республиканскими членами академии; он принадлежит по политическим убеждениям их партии, а они думали, что, подавая за него голос, они делают честь не только историку, но вдобавок еще либеральному. Тэн был известен тоже за либерального писателя, но странно, это самое обстоятельство сделало его кандидатом людей, обыкновенно подчиняющих политику религии. Консерваторов, подававших голос за Тэна, нельзя обвинить в этом. Тэн известен был как философ гораздо раньше, чем как историк, и философия его на весьма дурном счету между клерикалами. Он не только считается материалистом, но даже не верит, говорят, в существование души; зато он привлек на свою сторону клерикалов и возбудил против себя либеральную партию тем, что в последнем своем историческом сочинении весьма резко и несочувственно отозвался о первой французской революции. К тому же Анри Мартен имел над ним еще одно преимущество: он считается другом умершего Тьера" (*Н Вр.* 1878. 8 (20) июня. № 816. С. 2).

[6] С А. Мартеном Тургенев познакомился в имении Л. и П. Виардо Куртавнель еще в 1849 г. и с тех пор поддерживал с ним дружеские отношения.

5050. П.Л. Лаврову (с. 127)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 3. № 26. Л. 46.

Впервые опубликовано: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 43, с ошибочной датировкой: "11 (23) июля 1878 г.".

Датируется по связи с письмом 5053.

5051. П.В. Анненкову (с. 127)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 22—23.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 333.

Стр. 127. (Парижанин) (*франц.*).
Стр. 128. между небом и землей (*франц.*).
Стр. 128. Королевский арсенал (*исп.*).
Стр. 128. лиможские эмали (*франц.*).

[1] Тургенев отвечает на письмо Анненкова от 11 (23) июня 1878 г., который был обеспокоен молчанием писателя: "Почему Вы замолкли, точно вся Ваша доброта и любезность истощились на мне в двухнедельное мое пребывание в Париже и ничего более не осталось. А у меня они еще растут по мере удаления от эпохи моего визита на Выставку и воспоминания о том, что Вы и окружающие Вас делали хорошего по адресу моей личности. Объясняю молчание Ваше хлопотами и заботами председательства на Лит⟨ературном⟩ конгрессе" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 88). Об участии Тургенева в Международном литературном конгрессе 1878 в Париже см. примеч. 2 к письму 5028 и примеч. 1, 2 к письму 5049.

[2] В действительности Тургенев отказался от поездки в Карлсбад и уехал в Россию позже: в Петербург он прибыл 27 июля (8 августа) 1878 г.

[3] Имеется в виду большой национальный и международный праздник выставки во Франции, назначенный на 30 июня н. ст., грандиозная предварительная программа которого публиковалась во французских газетах задолго до торжества. «Целый город с двухмиллионным населением, — писал по этому поводу, например, "Голос", — приглашен правительством республики принять участие в общем ликовании и радостно готовится ответить на этот призыв. Каждый квартал Парижа собирается устроить свое отдельное "муниципальное торжество", и все эти частные праздники будут ловко слиты в одно целое при помощи кредита в 500 000 франков, открытого правительству палатою депутатов». По мнению автора фельетона, самый день праздника был выбран "чрезвычайно ловко", поскольку не напоминал «решительно ни одного события французской истории, неприятного которой-нибудь из партий, разделяющих Францию. Это начало совершенно новой эры, "праздник всемирной выставки 1878 года", праздник победы, одержанной логикой вещей над усилиями отсталых людей, стремившихся восстановить в стране отныне невозможные для нее порядки» (1878. 9 (21) июня. № 158. С. 1).

[4] На Конгрессе дебатировался вопрос о литературной собственности и об авторском праве, который напрямую касался

значительного числа людей, чьим заработком были переводы как художественной, так и научной литературы. Не менее существенно могли пострадать и многочисленные театральные постановки французских пьес в русских театрах. Французская делегация (ее представители составляли абсолютное большинство на Конгрессе) настаивала на принятии законов, требующих авторских гонораров за переводы на иностранные языки, в то время как на практике денежное вознаграждение в России получали только переводчики, большая часть которых принадлежала к неимущим классам студентов и разночинцев. Тургенев и другие члены русской делегации потратили немало усилий, чтобы интересы этой части интеллигенции не пострадали. Раскрывая коммерческие цели Конгресса, член русской делегации и корреспондент "Вестника Европы" Л.А. Полонский писал: "Французские писатели были в своем праве ⟨...⟩", — однако тут же задавал вопрос: "Но что мы скажем, если нам придется платить вдвойне, то есть переводчику и автору оригинала, за труды ученые и учебные? ⟨...⟩ мы тем самым сделаем эти книги еще дороже, еще недоступнее для учащихся или же побудим издателей учитывать этот процент из того нередко просто нищенского вознаграждения за перевод, какое они теперь предоставляют переводчикам, по большей части — студентам, ищущим поддержать свое существование тяжелым трудом перевода за каких-нибудь десять рублей с печатного листа" (*Полонский Л.* Литературный конгресс в Париже. Письма в редакцию // *ВЕ.* 1878. № 8. С. 676, 679). Противостояние нередко принимало столь острый характер, что Тургеневу приходилось принимать удар на себя, призывая на помощь все свое остроумие. Так, в ответ на заявление одного из участников Конгресса, что надо покончить с бандой, именуемой переводчиками, с этой "филлоксерой литературы", с этими "литературными разбойниками", Тургенев взял слово и произнес коротенькую речь, покрытую аплодисментами зала: "Г-н Витман наградил несчастных переводчиков остроумными эпитетами, над которыми я посмеялся первый. Переводчики, о которых я говорил, не являются разбойниками. Они у нас являются, до некоторой степени, первопроходцами цивилизации. Вы скажете: прекрасно, но то, что они привносят туда, они заимствуют здесь, у нас. Это справедливо, но у них были предшественники в этом деле. Если бы Петр Великий не был знаменитым разбойником, я бы не выступал сегодня перед вами" (Congrès littéraire international de Paris. 1878. Paris, 1879. P. 351).

[5] В. Гюго был избран президентом Международного литературного конгресса по авторским правам и неоднократно выступал на нем с яркими речами, однако нередко его предложения игнорировались собравшимися и решения принимались противоположные. Присутствовавший на Конгрессе М.П. Дра-

гоманов вспоминал: "Видно было, что с В. Гюго установился на конгрессе такой modus vivendi (образ жизни — *лат.*): великий муж был нужен для освящения его именем коммерческих видов конгресса, и ему оказывались божеские почести и предоставлено было право заявления его личных взглядов, но последних никто не думал поддерживать" (*Драгоманов М.П.* Воспоминания о знакомстве с И.С. Тургеневым // *Революционеры-семидесятники.* С. 165). См. также письмо 5049 и примеч. 2 к нему.

[6] Писатель и критик П.Д. Боборыкин присутствовал на заседаниях Конгресса и даже утверждал, что "целую неделю" сидел рядом с Тургеневым, однако, как следует из его воспоминаний, более озабочен был встречами со знаменитыми французскими писателями, демонстративно отсутствовавшими на этом мероприятии (Э. Золя, А. Доде, Э. Гонкуром). Добиваясь встреч с ними, он использовал дружеские связи Тургенева и даже произнес тост на Конгрессе за Г. Флобера. Об отношении Тургенева к Боборыкину см. письмо 5043 и примеч. 1 к нему. Несмотря на неоднократные похвалы Тургеневу, суть событий Боборыкин воспринимал достаточно поверхностно, о чем свидетельствует, в частности, его отзыв о речи писателя в театре Шателе на открытии Конгресса, в которой он якобы «даже уж слишком "прибедннивался" за нашу литературу перед Западом» (*Боборыкин.* Т. 2. С. 398). С.Ф. Шарапов в течение нескольких лет жил в Париже и был парижским корреспондентом газеты "Новое время", где писал под псевдонимом "Parisien" ("Парижанин"). Неприязненное отношение к нему Тургенева могло быть обусловлено славянофильскими взглядами Шарапова, которых писатель не разделял. Гораздо больше помощи Тургеневу в противостоянии большинству участников Конгресса оказал корреспондент "Вестника Европы" Л.А. Полонский, напечатавший позднее две обстоятельные статьи о Конгрессе и высоко оценивший вклад Тургенева: "Уже одним своим появлением среди нас г. Тургенев оказал нам лично большую услугу ⟨...⟩ по всей вероятности, благодаря именно его участию французы слушали нас терпеливее и не обрушились на нас с либеральным негодованием за то, что мы дерзнули противоречить абсолютному праву литературной собственности, в видах русского интереса" (*Полонский Л.* Литературный конгресс в Париже. Письма в редакцию // *ВЕ.* 1878. № 8. С. 681). М.М. Ковалевский, с которым у писателя завязалось близкое знакомство, позднее вспоминал, с каким усердием Тургенев защищал "русскую" точку зрения вопреки своим личным интересам: "Тургенев не только примкнул к этому мнению, но и добровольно принял на себя защищать его на конгрессе, что при тогдашнем настроении французских газет и литературных кружков было своего рода героизмом" (*Ковалевский М.М.* Воспоминания об И.С. Тургеневе // *Т в восп совр.* Т. 2. С. 134).

[7] Тургенев произнес речь на открытии Конгресса в театре Шателе вслед за В. Гюго, однако это было лишь одно из его многочисленных выступлений (см. письмо 5049 и примеч. 1 к нему). «Речь Тургенева, — писал корреспондент "Вестника Европы" Л.А. Полонский, — была встречена с сочувствием, и когда он поименовал пять славных имен нашей литературы, раздались голоса: "et vous! et vous!" ("и вы! и вы!" — *франц.*) ⟨...⟩ я как свидетель должен прибавить, что "голосов", сделавших это заявление, было немалое число; можно сказать, что это был крик публики. Я был даже несколько удивлен. Переводы сочинений г. Тургенева на иностранные языки, давнее пребывание его в Париже, его связи с местными литераторами, конечно, приготовили меня к тому, что он в Париже очень известен. Но оказалось, что он не только известен: он популярен. Каково бы ни было ваше уважение к родному писателю, вам приятно, когда вы видите, что его ценят и чужие. И вот, я могу сказать, что на конгрессе никто, после Виктора Гюго, не пользовался такой популярностью, как Тургенев» (*Полонский Л.* Литературный конгресс в Париже. Письма в редакцию // *ВЕ.* 1878. № 8. С. 699).

[8] Тургенев отвечает здесь на упреки русских литераторов, сделанные ему сразу после заседания, в излишнем превознесении французской литературы (см.: *Революционеры-семидесятники.* С. 166—167), а также на аналогичный завуалированный намек Анненкова в его письме от 11 (23) июня 1878 г.: "Речь Ваша хороша — редкий литературный танцмейстер так хорошо сумеет раскланяться с соседкой и с vis-à-vis, как Вы сделали, при начале этого lancier. Но как-то Вы вывернетесь, когда Ваша пара потребует кошелька, жизни и формального завещания всего имущества в свою пользу" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 88). Анненков верно угадал как коммерческий смысл Конгресса, так и опасности, таившиеся в принятых им решениях. Эти решения, правда, не имели юридического значения и носили лишь рекомендательный характер.

[9] М.М. Антокольский, выставивший восемь работ, действительно получил большую золотую медаль за статую "Христос перед судом народа", а также другие награды. О хлопотах Тургенева в связи с Антокольским и об успехе его на Всемирной выставке см. письмо 4968 и примеч. 1 к нему, а также письмо 5037 и примеч. 2 и 3 к нему.

[10] М.П. Драгоманов эмигрировал из России в 1876 г. Надеясь найти на "свободном Западе" поддержку и сочувствие к угнетенной, с его точки зрения, в России украинской литературе, он напечатал на французском языке по этому поводу брошюру и явился в Париж с чемоданом, набитым экземплярами этой брошюры. К его разочарованию, чемодан был задержан на таможне, а его попытка получить слово на Конгрессе не увенчалась успехом. Однако Тургенев передал в архив Конгресса злополуч-

ную брошюру. О ходе Конгресса и своих встречах с Тургеневым Драгоманов оставил воспоминания (см: *Революционеры-семидесятники*. С. 165—181).

[11] В "Вестнике Европы" (1878. № 6) была напечатана повесть А.Н. Луканиной "Птичница".

5052. М.М. Антокольскому (с. 128)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 25. № 25. Л. 15.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 334.

[1] Намеченный на 29 июня н. ст. отъезд в Карлсбад не состоялся. См. примеч. 2 к письму 5051.

5053. М.П. Драгоманову (с. 129)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 1065. Оп. 4. № 2. Л. 6.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 334.

[1] Это было, очевидно, одно из "двух свиданий" Драгоманова с Тургеневым после Международного литературного конгресса, о котором он писал в "Воспоминаниях о знакомстве с И.С. Тургеневым": «Раз он пригласил меня к себе в rue Douai. — "Приходите, — потолкуем," — сказал он. Когда я вошел в назначенный час в его комнату, — он сказал мне с видимой радостью: "А знаете, — Вера Засулич уже за границей". Разговор пошел главным образом о "Нови" ⟨...⟩» (*Революционеры-семидесятники.* С. 174). Г.А. Лопатин и П.Л. Лавров, видимо, не смогли принять приглашение Тургенева (см. письмо 5057); встреча Тургенева и Драгоманова с ними произошла несколько позже (см.: *Революционеры-семидесятники.* С. 177).

Личному знакомству Тургенева и Драгоманова предшествовало заочное, когда последнему в 1873 г. предложили разобрать архив умершего в 1871 г. Н.И. Тургенева, которого Драгоманов ошибочно считал "дядей" писателя, и по этому поводу рекомендовали списаться с И.С. Тургеневым. «Я почитал в И⟨ване⟩ С⟨ергеевиче⟩ знаменитого русского писателя и приятеля украинской литературы: переводчика рассказов Марко Вовчка, автора воспоминаний о Шевченке, напечатанных при пражском издании "Кобзаря", внушителя французской статьи о Шевченке г. Эмиля Дюрана», — писал Драгоманов в своих воспоминаниях (*Революционеры-семидесятники.* С. 158). С тех пор Драгоманов стал посылать писателю свои статьи и книги, которые принимались Тургеневым с сочувствием (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1, 2, по указателю). Воспоминания Драгоманова отличаются резкостью и прямолинейностью оценок: он критикует не только

В. Гюго, принимавшего "божеские почести" и прикладывавшего "свою олимпийскую печать к резолюциям конгресса", но и Тургенева: «Очевидно, публичный оратор из нашего романиста был плохой: довольно сконфуженная манера, какой-то пискливый голос, слабый, особенно для его фигуры, да и содержание посредственное. В начале речи стояло даже совсем странное признание оратором своей незначительности, с заявлением, что оратор "даже не имеет большого чина" 〈...〉» (*Революционеры-семидесятники.* С. 166). Передал Драгоманов и некоторые закулисные разговоры, которые не воспроизводились другими мемуаристами. «Русская печать славянофильско-шовинистического направления порядком разбранила Тургенева за эту речь, — да и тотчас после заседания, в буфете театра Châtelet, куда повели меня русские знакомые для представления Тургеневу, некоторые из русских литераторов заметили ему, что он слишком уж много авансов дал французам. — "Да ведь они другого языка не понимают, — оправдывался Тургенев, — и никаких иностранных литератур не ценят и не знают", — тут же рассказал анекдот о В. Гюго, уже известный русской печати, о том, как В. Гюго в разговоре с ним смешал драмы Шиллера и Гёте» (Там же. С. 166—167). Несмотря на критику, Тургенев согласился сделать доклад о брошюре Драгоманова и самому ему дать слово, предварительно раздав членам Конгресса упомянутую брошюру "La littérature oukraïnienne proscrite par le gouvernement russe" ("Украинская литература, запрещенная русским правительством"). Из воспоминаний Драгоманова становится известным, что часть экземпляров его брошюры была роздана участникам Конгресса, но не вызвала большого интереса, упоминает он об участии в приватных совещаниях русских делегатов на квартире Тургенева Г.А. Лопатина и некоторых поляков, рассказывает о провале при голосовании на Конгрессе предложения Тургенева об условиях переводов на иностранные языки и т.д.

[2] В субботу 17 (29) июня Тургенев из Парижа не уехал, задержавшись еще более чем на месяц.

[3] О чем идет речь, установить не удалось. Возможно, имеется в виду брошюра М.П. Драгоманова "La littérature oukraïnienne proscrite par le gouvernement russe".

5054. Н.В. Ханыкову (с. 129)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 64. Л. 65—65 об. Письмо написано на почтовой бумаге с монограммой Тургенева и штампом с адресом: "50, RUE DE DOUAI / PARIS", который зачеркнут; ниже проставлен адрес Тургенева в Буживале и дата написания письма.

Впервые опубликовано: Ежемесячные сочинения. 1901. № 12. С. 319—320.

[1] Эта записка Ханыкова, в которой он указал на некоторые фактические ошибки в речи Тургенева на открытии Международного литературного конгресса 1878 г., неизвестна. Тургенев вспоминает стихотворение французской поэтессы Антуанетты Дезульер "Vers allégoriques à ses enfants" ("Аллегорические стихи к ее детям", 1693), начинающееся строками: "Dans ces prés fleuris qu'arrose la Seine..." ("На цветущих лугах, орошаемых Сеной...").

[2] Имеется в виду выступление Тургенева на первом Международном литературном конгрессе (см. примеч. 2 к письму 5028, а также примеч. 1 к письму 5049), посвященное в основном вопросу о связях между русским и французским народами и о роли Франции в истории развития русской литературы (см.: *Драгоманов М.П.* Воспоминания о знакомстве с И.С. Тургеневым // *Революционеры-семидесятники.* С. 166—167). Очень резким по отношению к Тургеневу было выступление В.В. Стасова "По поводу одного русского на французском конгрессе", помещенное в виде письма в редакцию за подписью "Читатель" в "Новом времени" (1878. 13 (25) июня. № 821. С. 2). «Надо горько сожалеть, — писал Стасов, — что именно он, И.С. Тургенев, а не кто-нибудь другой попал от лица нас всех, русских, на этот конгресс. В последнее время не раз уже упрекали Ивана Сергеевича за то, что он в своем "прекрасном далеке" (т.е. то Бадене, то Париже), чуть не наполовину перезабыл весь русский язык, и стал все более и более французить. Так ли он писал прежде по-русски, как теперь пишет!» Особое негодование Стасова вызвал тезис Тургенева о том, что два столетия назад, в 1678 г., в России не было литературы, и она "с полным основанием считалась страной полуварварской" (см.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 332—333). «Как! — восклицал "Читатель". — Несколько миллионов людей в течение долгих столетий не нашли надобности и не сумели выразить свои торжества и радости, свои горести и упования, наконец все свои душевные движения в чем-нибудь таком, что приняло бы образ и подобие чего-то национального? Жалкий, бедный, презренный, отвратительный народ! По счастью, этого никогда и нигде не бывало, не бывало того же никогда и в нашем отечестве». Споря с Тургеневым, Стасов указывал на "Слово о полку Игореве", на тысячи тысяч лирических и всяческих песен, на легенды, повести, поучения и другие произведения древнерусской литературы и фольклора. Обвиняя писателя в "подлаживании" под "общепринятый относительно России западный казенный тон и взгляд", Стасов пункт за пунктом "опроверг" главные тезисы тургеневской речи, в том числе и значение для русской литературы Мольера, Вольтера и В. Гюго, названных писателем в качестве основных вех влияния на русскую литературу. "Пушкин и Лермонтов, — Грибоедов, Гоголь и граф Толстой — все эти люди, — заявлял с

пафосом Стасов, — выросли из собственной нашей почвы, без иностранной поливки и удобрения, из собственного семени!" (*Н Вр.* 1878. 13 (25) июня. № 821. С. 2). Помещая это письмо, редакция газеты (очевидно, сам А.С. Суворин) сочла необходимым сопроводить его следующим примечанием: «...мы думаем, что И.С. Тургенев сказал свою речь именно для комплимента; он очень хорошо знает историю русской литературы, знает, что влияние В. Гюго было у нас совершенно ничтожно, что из французских писателей настоящего столетия имела некоторое влияние только Жорж Санд. Но мы разделяем мнение г. Читателя, что представителю русской литературы следовало бы говорить независимее, в особенности такому представителю, как И.С. Тургенев, которого молодые и талантливые французские писатели, как Додэ и Зола, называют "учителем" (maître). Наш реализм в литературе имеет таких талантливых представителей, каких нет в Европе, и этот реализм — не подражание, а дерево, выросшее на талантливой русской почве. Вот что бы следовало сказать русскому писателю на конгрессе, а не комплименты В. Гюго, который и без того сыт ими по горло» (Там же).

[3] Тургенев ошибся: Мольер умер 17 февраля н. ст. 1673 г.

[4] По преданию, сестра Петра Великого Наталия Алексеевна перевела и поставила в своем тереме комедию Мольера "Лекарь поневоле". В хронологическом перечне, приложенном к книге "Русские драматические произведения 1672—1725 гг." (СПб., 1874), изданной Н.С. Тихонравовым, с которым Тургенев был лично знаком, постановка "Доктора принужденного" отнесена к 1702—1709 гг. Первой пьесой Мольера, поставленной в Петровском театре в Москве, был "Амфитрион" (см.: *Филиппов В.А.* Мольер в России XVIII в. // Беседы, сборник Общества истории литературы в Москве. М., 1915. Т. 1. С. 110—111; *Рулин П.И.* Русские переводы Мольера в XVIII в. // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. 1928. Т. 1. Кн. 1. С. 229).

[5] В своей речи Тургенев отмечал как "факт необыкновенный" то, что "скромный простой писатель, ⟨...⟩ не имеющий никакого чина по нашей табели о рангах, этой своего рода общественной иерархии, имеет честь" от лица России "приветствовать Париж и Францию" (подлинник по-франц.; текст речи см.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 332—334). В этом фрагменте заключался, возможно, скрытый намек на более демократический состав Конгресса по сравнению с официальной русской делегацией, направленной на Всемирную выставку, где было немало высокопоставленных чиновников.

[6] Н.П. Игнатьев в 1866—1877 гг. был русским послом в Турции и проводил там панславистскую политику. Преуменьшая военные возможности Турции, он отчасти явился виновником недостаточной подготовки России к войне.

5055. А.В. Топорову (с. 130)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 63. Л. 5—5 об.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 267—268.

[1] Письма Тургенева к Топорову за период с 12 (24) января по 22 июня (4 июля) 1878 г. неизвестны.

[2] См. примеч. 2 к письму 5028 и примеч. 2 к письму 5054. Речь Тургенева была опубликована в нескольких парижских газетах, а также в русском переводе в одесской газете "Правда" от 13 (25) июня (№ 132), в "Современных известиях" от 14 (26) июня (№ 161) и в др. См.: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 332—334 и примеч. на с. 670—672. Помимо резко критической статьи В.В. Стасова, опубликованной в номере от 13 (25) июня 1878 г. "Нового времени" и редакторского примечания к ней (см. письмо 5054, примеч. 2), А.С. Суворин счел необходимым вернуться к речи Тургенева в номере от 18 (30) июня. На фоне дипломатических неудач на Берлинском конгрессе, где России пришлось отказаться еще от одного пункта Сан-Стефанского договора (по которому Турция должна была вывести войска из Болгарии), Суворин обвинял русское правительство в уступках и заодно вспомнил речь Тургенева в Париже. "...Что это такое, как не выражение нашей традиционной склонности к поклонам и расшаркиваниям перед Европою? Что это такое, как не выражение робости, унижения низшего перед высшим ⟨...⟩? ⟨...⟩ наговорив комплиментов французам и ради этих комплиментов извратив факты развития родной литературы, лучший русский человек (Тургенев. — *Ред.*) оканчивает речь еще более удивительными, можно сказать даже неприличными в устах литератора словами" (*Незнакомец.* Недельные очерки и картинки // *Н Вр.* 1878. 18 (30) июня. № 826. С. 2). Этими "неприличными словами", "банальной либеральностью" Суворин считал высказывание Тургенева о том, что он, "скромный простой писатель, не дипломат и не военный, не имеющий никакого чина по нашей табели о рангах ⟨...⟩ имеет честь говорить перед вами от лица своей страны и приветствовать Париж и Францию, этих зачинателей великих идей и благородных стремлений" (цит. по: наст. изд. Соч. Т. 12. С. 334). В назидание Тургеневу Суворин напомнил о том, что в России гораздо лучше знают зарубежную литературу, чем европейцы русскую, что в России раньше оценили Бальзака и Жорж Санд (а как недавний пример Золя), чем у себя на родине, что, наконец, во Франции только "начинает господствовать трезвый реализм, давно пустивший в нашей литературе глубокие корни ⟨...⟩" (*Н Вр.* 1878. 18 (30) июня. № 826. С. 2). Критически отозвалась на речь Тургенева и газета "Голос", где автор фельетона "По белу свету" отметил, что речь Тургенева "должна была очень понравиться французским членам конгресса", но "мы,

русские, пожалуй, имели право ожидать от И.С. Тургенева кое-чего большего. Писатель, игравший такую выдающуюся роль в литературном движении послегоголевской эпохи, закрепившем за нашею литературою вполне самобытный характер, мог и даже был обязан воспользоваться представившимся ему прекрасным случаем указать французам на эту самобытность". По мнению рецензента, Тургеневу следовало напомнить французам о том, что "реальное направление", которое только начинало набирать силу во французской литературе, уже давно имело в России своих блестящих представителей, а также привести имена Л.Н. Толстого, А.Н. Островского, Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина "в качестве представителей самобытных жанров" в русской литературе. «В настоящем виде, — заключал автор часть фельетона, посвященную Литературному конгрессу, — речь И.С. Тургенева производит на большинство русской публики несколько странное и двойственное впечатление. Если смотреть на нее исключительно с точки зрения эффекта, произведенного на слушателей, можно порадоваться, что представителем — хотя и никем не уполномоченным — России на парижском литературном конгрессе явился писатель, оказавшийся в состоянии "tourner un si joli compliment (ввернуть такой милый комплимент — *франц.*)", как выражаются французы; но если отнестись к делу с точки зрения достоинства той литературы, от имени которой говорил оратор, то придется, пожалуй, пожалеть, что он нашел нужным придать столько горячности своему выражению благодарности за "оказанную честь" и проч. Ничего подобного не встретили мы в речах других иностранных ораторов, хотя это и были литераторы, гораздо менее талантливые и известные, чем представитель России...» (Голос. 1878. 17 июня. № 166. С. 1—2). Ознакомившись с газетными откликами на речь Тургенева, П.В. Анненков писал Тургеневу 29 июня (11 июля) 1878 г.: "А все-таки не могу не сказать, что требования, предъявленные к Вам журналистикой нашей, выходят даже и из рамки пошлостей и вращения в пустых, сочиненных вопросах, которыми она питается. Хотеть, чтобы Вы прочли курс рус⟨ской⟩ литературы на конгрессе и утерли нос всем европейским писателям десятком сказочек и романов нашего производства — это я вам скажу колоссально по тупоте, наглости и духу *отпущенника*, который сказывается в требовании" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 89—90). В схожем духе высказался в газете "Голос" и анонимный автор фельетона "Листок", упрекнувший "Новое время" в необъективности и чрезмерности нападок на Тургенева: "Не понимаю, почему непатриотично сказать несколько любезностей стране, созвавшей конгресс, и тем вызвать ответный порыв любезностей? Отчего пострадает честь России, если будет признан факт неоспоримого влияния, оказанного на нашу литературу старейшими и более развитыми литература-

ми? ⟨...⟩ Тот авторитетный голос, который объявил г. Тургенева офранцуженным и не знающим русского языка, должно быть, искренно уверен в глубине и широте, словом, во всех измерениях своего патриотизма; но какой же истинный патриот станет открещиваться от своего талантливейшего писателя, которого с жадностью читали, по крайне мере, два поколения, который отечественную беллетристику сделал известною всему образованному миру? Так Тургенев уже не наш, он отщепенец! Что же вы на нашу-то долю оставляете? Эх, патриоты!.." (1878. 18 (30) июня. № 167. С. 1; обычно фельетон "Листок" публиковался за подписью "Волна" — псевдоним Б.М. Маркевича, однако в данном номере подпись отсутствует).

[3] Имеется в виду г-жа Булье. Тургенев прибыл в Петербург лишь 27 июля (8 августа) 1878 г. и остановился в Европейской гостинице.

[4] О том же Тургенев говорил Ги де Мопассану, с которым встречался перед отъездом в Россию. 21 августа н. ст. Мопассан писал Г. Флоберу: "Я видел Тургенева за несколько дней до его отъезда в Россию; нашел его печальным и обеспокоенным. С ним случилось несколько сердечных приступов, и он решил обратиться к врачу, который констатировал болезнь левого желудочка" (*Мопассан Ги де.* Полн. собр. соч. и писем. СПб., [1911]. Т. 15. С. 264).

5056. Н.А. Щепкину (с. 131)

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 2. № 172. Л. 1.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ.* С. 146.

[1] Письмо 5058. Тургенев выехал в Россию позже намеченного срока, прибыл в Петербург 27 июля (8 августа), а в Спасское — лишь 10 (22) августа 1878 г. См. письма 5062 и 5069.

5057. П.Л. Лаврову (с. 131)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 3. № 26. Л. 45.

Впервые опубликовано: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 43.

В подлиннике описка: 11 июня. Датируется по дню недели, а также по следующим соображениям: в начале июля 1878 г. Тургенев собирался ехать в Карлсбад; встреча со "славистом", о котором говорится в письме, — вероятно, встреча с М.П. Драгомановым, который приезжал в Париж в конце июня 1878 г. на Международный литературный конгресс, где и познакомился с Тургеневым (см.: *Революционеры-семидесятники.* С. 157—182). См. также письмо 5053 и примеч. к нему.

[1] Тургенев выехал в Россию позже — 21 июля (2 августа) 1878 г.

5058. Н.С. Тургеневу (с. 133)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 230. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 8/20 июля 78. С. Тургенево".

Впервые опубликовано: с сокращениями — *Рус Ст.* 1886. № 3. С. 599; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 336—337.

[1] Ранее Тургенев сообщал брату о своем желании поехать весной на воды в Карлсбад, а затем в Россию, планируя прибыть в Спасское в конце июля. Сначала он несколько раз переносил сроки поездки в Карлсбад, а затем вынужден был вовсе отказаться от нее (см. письма 5008, 5017, 5034, 5055, 5056). В действительности писатель выехал в Россию лишь в начале августа н. ст. 1878 г. О встрече с Н.С. Тургеневым в с. Тургенево см. письмо 5069 и примеч. к нему.

[2] Тургенев послал не телеграмму, а письмо (см. № 5062).

5059. Минне Анштетт (с. 133 и 273)

Печатается по тексту первой публикации: *Haape W.* Iwan Sergejewitsch Turgenjew. Vortrag, gehalten im Konversationshaus zu Baden-Baden. 1904. S. 16. Перепечатано: *T und Deutschland.* S. 253. Подлинник неизвестен.

[1] В доме Минны Анштетт в Баден-Бадене (Шиллерштрассе 277, а потом 7) Тургенев снимал квартиру с конца апреля 1863 г. по март 1868 г. (фотографию дома см.: наст. изд. Письма. Т. 7. С. 34). Среди вещей Анштетт сохранился карандашный портрет Тургенева работы Л. Пича (см.: *ПССиП(1). Письма.* Т. VI, между с. 352 и 353). Вероятно, она хотела иметь и автограф писателя. Прислав эту записку, Тургенев выполнил ее желание.

5060. Сиднею Джеррольду (с. 134 и 273)

Печатается по тексту первой публикации: *Мин Годы.* 1908. № 8. С. 46—47. Подлинник неизвестен.

[1] Это письмо Джеррольда к Тургеневу неизвестно.

[2] О взаимоотношениях в это время России с Англией см. примеч. 3 к письму 4934 и примеч. 8 к письму 4993.

[3] О каком произведении Тургенева в переводе Джеррольда идет речь, неизвестно. По предположению П. Уоддингтона, это мог быть перевод "Сна", опубликованный в американском журнале "Home Journal" в 1878 г. (см.: *Waddington. T and England.* P. 247).

[4] В связи с окончанием Берлинского конгресса в английской газете "Daily News" была опубликована статья, осуждавшая

проводимую Дизраэли политику изоляции России и его тайные переговоры с Турцией. Изложение этой статьи см.: *СПб Вед.* 1878. 4 (16) июля. № 181.

[5] Отец Джерролъда — писатель и драматург Вильям Бланшард Джерролъд — представлял Англию на Литературном конгрессе 1878 г. в Париже, где работал вместе с Тургеневым в одной из комиссий. Состоялась ли встреча Тургенева с Джерролъдами во время его пребывания в Лондоне в 1878 г., неизвестно.

5061. Клоди Шамро (с. 134 и 274)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского. Подлинник хранится в собрании Оливье Ле Сена (Париж).

Впервые опубликовано во французском оригинале: *Nouv corr inéd.* Т. 1. Р. 286—287. В собрание сочинений включается впервые.

[1] Имеется в виду Жорж Шамро, муж Клоди.

[2] Тургенев несколько раз откладывал свою поездку в Россию по разным причинам. В последний раз он вынужден был задержаться в связи с проведением в Париже Международного литературного конгресса, на котором ему пришлось возглавить русскую делегацию (см. письмо 5028 и примеч. 2 к нему). Из Парижа Тургенев выехал действительно 21 июля (2 августа) 1878 г.

[3] Мануэль Гарсиа, родной брат П. Виардо, который в это время был профессором Лондонской консерватории.

[4] Луэш-ле-Бан (Loèches-les-Bains), куда направлялся М. Гарсиа, небольшой городок в кантоне Вале в Швейцарии, славится своими минеральными источниками и горячими ваннами.

[5] Местонахождение этих писем Клоди к Полине Виардо в настоящее время неизвестно. Летом 1878 г. чета Шамро предприняла продолжительное путешествие в Пиренеях. Сохранилось письмо Жоржа Шамро к П. Виардо от 21 августа н. ст. 1878 г., в котором он описывает, как они с Клоди в течение четырех дней добирались верхом из курортного городка Котре в Баньер-де-Люшон: "Погода нам благоприятствовала — а радость и хорошее настроение сопровождали всю дорогу, да и лошади попались отличные. Диди не уставала, хотя переходы были протяженные. Решительно, лошадь ей к лицу" (см.: Houghton Library. Harvard University. Cambridge, Mass. MS Mus 232 (14). Seq. 37. Подлинник по-франц.). См. также письмо 5079 и примеч. к нему.

[6] Котре — французский курортный город в Верхних Пиренеях, известный сернистыми источниками и живописной местностью.

[7] Очевидно, в одном из писем Клоди сообщала матери о верховых поездках в Пиренеях, что подтверждается приведенным выше письмом Ж. Шамро.

[8] Жанна — дочь Клоди и Жоржа Шамро, которой в это время было четыре года.

[9] Марианна Виардо.

[10] Знаменитый педагог и борец за права женщин М. Пап-Карпантье умерла 31 июля н. ст. 1878 г.

[11] Евгения Ришар (Нини) была дочерью друга семьи Виардо Полена Ришара (1798—1871), хранителя Национальной библиотеки и автора "Биографических заметок о Мануэле Гарсиа" (Notes biographiques sur Manuel Garcia // Revue musicale. 1832. № 6), у которого он учился пению, а также автором предисловия к книге Мануэля Гарсиа-сына "Физиологические наблюдения над человеческим голосом" (Observations physiologiques sur la voix humaine. Paris, 1861).

[12] Луи Виардо.

[13] Полина Виардо.

[14] Немецкое шутливое выражение, восходящее к старинному анекдоту, где говорится об иностранце, который рассказывал, что видел во время путешествия пчел величиною с теленка, тогда как ульи были обыкновенной величины. На вопрос, как же пчелы проходят через маленькое отверстие, он ответил: "Это уж их дело!". Ответ иностранца, иногда приписывающийся русскому, который плохо говорил по-немецки, со временем получил форму "der Bien muss" вместо: "die Biene muss", что в русском языке в аналогичной ситуации передается как "пчоль тольшен" (см.: *Михельсон М.И.* Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). 2-е изд. СПб., 1896).

[15] Клоди написала письмо Тургеневу, однако оно до нас не дошло. См. письмо 5079.

[16] В действительности Тургенев добрался до Спасского лишь 10 (22) августа, задержавшись по пути почти на неделю в Петербурге, на несколько дней в Москве и в Туле, откуда ездил навестить Л.Н. Толстого в Ясную Поляну.

5062. Н.С. Тургеневу (с. 135)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 231. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 1-го авгус. 78. С. Тургенево".

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 338.

[1] Тургенев прибыл в Спасское лишь 10 (22) августа, а с братом увиделся на следующий день, посетив его в с. Тургенево. См. письмо 5071.

5063. Н.А. Щепкину (с. 136)

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 2. № 173. Л. 1.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ.* С. 146—147.

[1] Телеграмма Тургенева не сохранилась. О прибытии Тургенева в Спасское см. письмо 5071, а также примеч. 1 к письму 5062.

5064. С.А. Гедеонову (с. 136 и 275)

Печатается по подлиннику: Архив РАН. Ф. 95. Оп. 2. № 865.
Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XIII. Кн. 2. С. 222.

Адресат и дата письма устанавливаются по содержанию и по связи со следующим письмом к Гедеонову от 2 (14) августа 1878 г. (№ 5065). Письмо написано наспех карандашом. Вероятно, Тургенев приходил к Гедеонову, но не смог повидать его из-за тяжелой болезни и оставил это письмо.

5065. С.А. Гедеонову (с. 137)

Печатается по подлиннику: Архив РАН. Ф 95. Оп. 4. № 76.
Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 338—339.

[1] Тургенев неоднократно пытался помочь Топорову (см., например, письма 5066 и 5098).
[2] С 1863 г. Гедеонов был директором Эрмитажа. По-видимому, надежды Тургенева на помощь Гедеонова не оправдались, так как последний был к этому времени уже тяжело болен.
[3] Гедеонов скончался 15 (27) сентября 1878 г.

5066. Н.Н. Тютчеву (с. 137)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 71.
Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 339.

Дата письма определяется его содержанием и адресом. В период, когда оно могло быть написано, — с 1874 г. (время знакомства Тургенева с Топоровым) по конец 1878 г. (дата смерти Н.Н. Тютчева) — Тургенев останавливался в Европейской гостинице во время своего пребывания в Петербурге с 27 июля (8 августа) по 2 (14) августа 1878 г. (см. письмо 5062). Упоминание в комментируемом письме об отъезде из Петербурга позволяет датировать письмо 2 (14) августа 1878 г.

5067. Л.Я. Стечькиной (с. 138)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 10—12.
Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 6.

[1] Встреча Тургенева со Стечькиной состоялась в Туле 7 (19) августа 1878 г. Как вспоминает Н.Я. Стечькин, "в начале августа 1878 года Тургенев прибыл в Тулу и вызвал туда сестру. В личной беседе он отнесся еще сердечнее к молодой писательнице. Он много спорил с нею относительно второй части ее романа ("Варенька Ульмина". — *Ред.*) и наконец добился от нее согласия ⟨...⟩ написать ее заново, на новых данных. Как опытный художник, И.С. Тургенев находил, что драма героини, завязавшаяся между нею, ее мужем и ее двоюродным братом, — существом, мало развитым умственно, но полным горячей любви к героине, — должна разрешиться между этими тремя лицами" (*Стечькин. Воспоминания.* С. 7).

[2] Эта телеграмма Тургенева Стечькиной неизвестна.

5068. Л.Н. Толстому (с. 139)

Печатается по подлиннику: *ГМТ.* Ф. 1. 114/19.
Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем.* С. 331—332.

[1] О поручении см. письмо 5074, примеч. 1.

[2] О том, послал ли Толстой Тургеневу просимые им "записочку или телеграмму", сведений не сохранилось, однако Толстой, очевидно, подтвердил свое приглашение посетить Ясную Поляну и даже сам поехал встречать писателя в Тулу (*Толстой. Летопись.* С. 500). В имении Толстого Тургенев провел два дня: 8 и 9 августа ст. ст. В книге воспоминаний "Моя жизнь" С.А. Толстая писала: «В августе мы ждали к нам Тургенева, с которым Лев Николаевич был раньше в ссоре. Я пишу в своих записках об этом следующее: "Все более и более приходя в религиозное настроение, Льву Николаевичу стало грустно думать, что есть человек, с которым он как будто в враждебных отношениях, и он весной написал Тургеневу письмо в Париж, в котором между прочим писал: 'Простите меня, в чем я был виноват перед вами' Тургенев отвечал: 'Охотно жму протянутую руку' / И Тургенев приезжал к нам 8-го августа дня на два уговаривать Льва Николаевича участвовать в празднестве, устраиваемом в Москве в память поэта Пушкина. Лев Николаевич вообще не любил никаких юбилеев, празднеств, речей, обедов, никогда в них не участвовал и на этот раз тоже отказал Тургеневу. / С Тургеневым Лев Николаевич много философствовал и спорил. Помню я, как наступило уже время обеда, нет ни Тургенева, ни Льва Николаевича. Я догадалась пойти их поискать в лесу Чепыже, в новой избушке

Льва Николаевича. Прихожу, действительно, стоит мощная фигура Ивана Сергеевича, который, жестикулируя, весь красный, что-то оспаривает, а Лев Николаевич, тоже разгоряченный, ему что-то доказывает. К сожалению, этого *что-то* я не слыхала. / Вечером споры приняли чисто религиозно-философский характер; у нас был еще в то время в гостях князь Леонид Дмитриевич Урусов, горячий последователь ученья Льва Николаевича о христианстве ⟨...⟩» (*Толстая. Моя жизнь*. Т. 1. С. 287 — 288). Далее Толстая передает комичный эпизод, приключившийся во время спора, и упоминает рассказ Тургенева о своих впечатлениях от статуи М.М. Антокольского "Христос перед судом народа": «В тот вечер ⟨...⟩ были очень горячие споры, и князь Урусов вдруг отъехал на своем стуле от стола и упал, как-то сразу сев на паркет. Сидя почти под столом, он с выразительными жестами продолжал свои горячие доказательства, что вызвало общий смех, а Тургенев, нарочно искажая фамилию Урусова, отошел с усталым видом от стола и сказал: "Ах, этот *Трубецкой* меня совсем измучил, он своими доводами меня с ума сведет". / В этот приезд рассказывал нам Тургенев удивительно художественно о впечатлении, произведенном на него статуей Антокольского и еще о собаке Пегас» (Там же. С. 292 — 293). Очевидно, что в воспоминаниях Толстой несколько сюжетов наложились друг на друга и события, происходившие в разное время (в том числе в приезды Тургенева в 1880 и 1881 гг., оказались отнесенными к 1878 г. Более точно описал приезд Тургенева в августе 1878 г. в Ясную Поляну сын Толстого Сергей, которому к этому времени исполнилось 15 лет. Он вспоминал: "Все мы, конечно, с величайшим интересом ждали Ивана Сергеевича. Я знал, что Тургенев большого роста. Но он превзошел мои ожидания. Он показался мне великаном — великаном с добрыми глазами, с красноватым лицом, с мягкими, как мне казалось, мускулами ног и с густыми, хорошо причесанными, белыми, даже желтоватыми волосами и такой же бородой. Сравнительно с ним отец мне показался маленьким (хотя он был роста выше среднего) и моложе, чем он был" (*Толстой С.Л.* Очерки былого. М., 1956. С. 304). Сергей Львович вспоминал, что Тургенев "много разговаривал с отцом наедине, в кабинете и на прогулках. Вероятно, главной темой их разговоров была литература" (Там же. С. 305). Они спорили о поэзии, Тургенев рекомендовал Толстому двух начинающих писателей: русского Всеволода Гаршина и француза Ги де Мопассана, а также Л.Я. Стечькину, о которой Толстой впоследствии высказался с иронией. "В обществе Тургенев завладевал разговором и общим вниманием, — писал С.Л. Толстой. — Он был бесподобным рассказчиком, и мы заслушивались его" (Там же. С. 306). Мемуарист воспроизвел рассказы Тургенева о сидении на гауптвахте в 1852 г., о знакомстве с будущей женой А.К. Толстого на бале, чтение рассказа "Собака", игру в шахма-

ты и другие детали первого пребывания писателя в Ясной Поляне. Выразительные воспоминания о визите Тургенева в 1878 г. оставила и дочь Толстого, наблюдательная Татьяна, заметившая, несмотря на свой юный возраст (ей тогда еще не исполнилось 14 лет), признаки утомления в поведении и чертах Тургенева: "...глаза его глядели добро и ласково. Но в выражении их чувствовалось утомление, и он казался старше своих лет. Когда ничего его не воодушевляло, огромная фигура его горбилась, глаза потухали и смотрели безучастно. Этот контраст между его веселым характером, живыми манерами, блестящим разговором и внутренней грустью, которая иногда проскальзывала в его речах и часто сквозила во взгляде и выражении глаз, был самой характерной его чертой" (*Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. М., 1976. С. 245). В конце своего визита Тургенев пообещал вскоре вернуться в Ясную Поляну, что и исполнил, пробыв в имении Толстого три дня, со 2 по 4 сентября ст. ст. 1878 г.

5069. Н.С. Тургеневу (с. 139)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 232. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 7 авг. 78. С. Тургенево".

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 340.

[1] В Спасское Тургенев приехал 10 (22) августа, задержавшись в Ясной Поляне у Л.Н. Толстого (см. письмо 5071, а также письмо 5068 и примеч. 2 к нему), а к брату в Тургенево выбрался на следующий день, 11 (23) августа.

5070. А.В. Топорову (с. 140)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 63. Л. 7 – 7 об.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 268 – 269.

[1] Обеспокоенность в связи с неполучением ожидаемых писем от П. Виардо, Клоди Шамро, Г. Флобера и других заграничных корреспондентов Тургенев выражал также в письме к Е.И. Бларамберг, к которой обратился с аналогичной просьбой о высылке корреспонденции из Москвы (см. письмо 5072). 22 августа н. ст. 1878 г. Флобер с беспокойством спрашивал у П. Виардо, есть ли у нее сведения о Тургеневе, от которого он не получал известий в течение двух месяцев. В ответном письме от 23 августа н. ст. Виардо сообщала Флоберу, что Тургенев чувствует себя прекрасно и находится в данный момент в гостях у Льва Толстого, советуя в то же время написать ему в Россию (*Cahiers.* № 4 (1980). P. 74. Публ. А. Звигильского).

[2] О каких рукописных нотах идет речь, установить не удалось. Возможно, имелись в виду рукописи пяти романсов П. Виардо, возвращенные магазином Иогансена (см. примеч. 5 и 6 к письму 4911). В это время П. Виардо готовила немецкое издание "Народных тосканских песен", о чем свидетельствуют ее письма к бывшей ученице Марианне Брандт от 23 июня и 14 августа н. ст. 1878 г. (см.: Wienbibliothek im Rathaus (Wien). Teilnachlaß Marianne Brandt. H.I.N. 79579, 79580). Сборник под заглавием "Fünf toscanische Gedichte für eine Singstimme mit Begleitung des Pianoforte, componirt von Pauline Viardot-Garcia" вышел в Лейпциге в 1879 г.

[3] О пребывании у Л.Н. Толстого см. примеч. 2 к письму 5068.

[4] См. письмо 5066.

[5] Письмо 5065.

5071. Н.С. Тургеневу (с. 140)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 233. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 10-го авг. 78, с. Тургенево".

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 341.

5072. Е.И. Бларамберг (с. 141)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ.* Ф. 3. Оп. 1. № 112. Л. 1—2.

Впервые опубликовано: *Рус Вед.* 1904. 25 января. № 25. С. 3.

[1] О пребывании в Ясной Поляне у Л.Н. Толстого см. примеч. 2 к письму 5068. Предваряя публикацию данного письма в своих воспоминаниях, Бларамберг писала: «В 1878 году, приехав в начале августа в Москву, он (Тургенев. — *Ред.*) навестил меня в редакции "Русских ведомостей", где я в то время работала, и первым делом сообщил, что написал Льву Николаевичу о своем желании навестить его в Ясной Поляне и уже получил радушное приглашение приехать. / "Вы не можете себе представить, как я рад этой поездке, — говорил он. — Я уверен, что теперь всем недоразумениям конец... С моей стороны, по крайней мере, все давно забыто. Я немедленно еду и уж из Ясной Поляны проеду в Спасское. ⟨...⟩"» (*Рус Вед.* 1904. 25 января. № 25. С. 3; см. также: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 188). По возвращении в Москву Тургенев рассказал Бларамберг о своем свидании с Толстым, которое, как отмечает мемуаристка, "придало ему какую-то особую бодрость. По крайней мере, никогда не видела я его таким веселым и помолодевшим, как в этот его приезд" (Там же).

[2] У П. Виардо была экзема (см. письмо 5061).

[3] Это письмо Бларамберг неизвестно. Со старшей дочерью П. и Л. Виардо Луизой Бларамберг подружилась, когда та жила в Петербурге в доме композитора А.Н. Серова, с семьей которого у нее установились близкие отношения (Луиза была первой исполнительницей партии Рогнеды в одноименной опере Серова в 1871 г. См. письмо к П. Виардо от 15, 16 (27, 28) февраля 1871 г.: наст. изд. Письма. Т. 11. № 2876 и примеч. 1—3 к нему. Тогда же, вероятно, произошло знакомство Бларамберг с М.М. Антокольским, о посещении мастерской которого Тургенев сообщал в том же письме к П. Виардо). В январском письме 1877 г. Антокольский спрашивал у Бларамберг о Луизе Эритт-Виардо: "Что же Вы поделываете, как милая, дорогая Ваша и наша Виардошка поживает?" — а несколькими строками ранее писал: "...когда говорю Вас, то подразумеваю также мартышку Виардошку" (см.: *Варенцова Е.М.* Вокруг И.С. Тургенева: Письма М.М. Антокольского Е.И. Апрелевой-Бларамберг // Спасский вестник. Тула, 2001. Вып. 8. С. 137).

[4] По просьбе Е.И. Бларамберг, которой "вздумалось пожить в русской деревне", Тургенев разрешил ей провести лето 1877 г. в Спасском, договорившись с управляющим Н.А. Щепкиным о помещении ее "на пансион" к нему. Бларамберг стремилась познакомиться с жившей по соседству Е.М. Якушкиной, известной своими передовыми взглядами и благотворительностью, в частности устройством образцовой школы в своем имении Старухино (позднее Бларамберг посвятила памяти Якушкиной воспоминания: *Ардов-Апрелева Е.* Одна из немногих (Памяти Е.М. Якушкиной) // *Рус Вед.* 1908. 15, 23 февраля. № 38, 45. См. также: *Варенцова Е.М.* Письма Е.М. Якушкиной к Е.И. Апрелевой // Спасский вестник. Тула, 2004. Вып. 11. С. 258—268). Живя в Спасском, Бларамберг познакомилась с его обитателями и оставила по себе хорошие воспоминания, ее даже приняли за дочь Тургенева и обращались к ней со всевозможными просьбами, которые она передавала писателю. Позднее она подробно описала свое пребывание в Спасском (см.: *Е. Ардов (Апрелева).* Из воспоминаний об И.С. Тургеневе // *Т в восп совр.* Т. 2. С. 185—187. См. также: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4814 и примеч. к нему).

5073. В.Н. Горчакову (с. 141)

Печатается по подлиннику: *ОГЛМТ.* Инв. № 538.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 342.

[1] Тургенев имеет в виду книгу: *Горчаков В.Н.* Признаки прогресса (Записки Волошина). В провинции. М., 1878. Отзыв Тургенева о книге Горчакова неизвестен.

5074. А.Н. Пыпину (с. 142)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 250. Оп. 3. № 389. Л. 9—10.

Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем.* С. 332—333.

[1] Общедоступное издание избранных сочинений русских классиков, начатое М.М. Стасюлевичем и Пыпиным в 1874 г., насчитывало к августу 1878 г. восемь выпусков, из которых творчеству Тургенева был посвящен шестой (1876), а творчеству Салтыкова-Щедрина — восьмой (1878). Об условиях, на которых осуществлялось издание, см. статью И.С. Чистовой «Тургенев и "Русская библиотека" М.М. Стасюлевича» (*Т сб.* Вып. 2. С. 286—289). Отрывки из произведений Толстого составили девятую, и последнюю, книгу серии, вышедшую в свет в начале 1879 г. Отбор произведений и отрывков сделал, по поручению писателя, Н.Н. Страхов; биографический очерк составила С.А. Толстая и выправил сам Толстой; фотографии с его портретов, написанных И.Н. Крамским в 1873 г., сняты не были; в томе была воспроизведена гравюра на дереве И.И. Матюшина, сделанная по фотографии Сокольникова 1876 г. (см.: *ПД. Описание.* Вып. 3. С. 45 и 61). Переписку с Толстым по поводу издания вел не Пыпин, а Стасюлевич (см. ниже письмо Пыпина к Стасюлевичу от 17 (29) августа 1878 г., а также письма Стасюлевича к Толстому от 24 августа, 9 октября, 2 и 31 декабря ст. ст. 1878 г.). "От Тургенева я сегодня получил письмо, — писал Пыпин Стасюлевичу 17 (29) августа 1878 г. — Он говорит, что в деревне пробудет до половины сентября и обратно отправится через Петербург. Завтра я буду ему отвечать и повторю, также за Вас, что очень желательно еще раз с ним повидаться. — Кстати, приведу Вам его адрес: Орловской губ., в город Мценск, село Спасское-Лутовиново. Может быть, и Вы ему напишете, чтоб предупредить возможное от него легкомыслие, что он уедет как-нибудь не через Петербург" (*ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. № 1188. Л. 118 об.). Далее Пыпин сделал выписку из письма Тургенева, которая завершалась следующей фразой с ремарками Пыпина в скобках: "Я ему сказал, что Вы спишетесь с ним (т.е. Вы, Михаил Матвеевич), что Вы и сделайте (т.е. опять Вы)" (Там же). Очевидно, переговоры по поводу этого издания Тургенев вел в Ясной Поляне по поручению редактора "Вестника Европы" М.М. Стасюлевича. Сам Стасюлевич писал Толстому 24 августа (5 сентября) 1878 г. из Бретани: «Я получил очень приятное для меня известие, что Вы согласны принять участие в "Русской библиотеке". И.С. Тургенев уже объяснил Вам, что Вы остаетесь полным собственником того тома "Библиотеки", который будет носить Ваше имя; типография возвращает себе одни издержки, смету которых она обещала представить Вам до начала

работы. / Дней через десять я возвращаюсь домой и тотчас же приступлю к делу. Из Петербурга я вышлю Вам программу тома с просьбою рассмотреть ее и исправить по своим соображениям. Буду также просить Вас доставить мне по крайней мере материал для биографического очерка, если бы Вы не пожелали написать сами краткую автобиографию. Относительно портрета обращусь к Крамскому, с которым я хорошо знаком. / Еще раз и премного благодарю Вас за Ваше согласие: без Вас в "Русской библиотеке" оставался бы огромный пробел». Кроме того, Стасюлевич высказывал сожаление о сообщенном ему Тургеневым известии, что начатый Толстым роман ("Декабристы") не будет окончен скоро, а также сообщал, что вскоре в печати появятся материалы, имеющие прямое отношение к эпохе, которая воссоздается в новом романе Толстого, и просил разрешения прислать писателю чистые листы готовящейся публикации. «Таких писателей, как Вы, — писал в заключение Стасюлевич, — редакции журналов не выбирают, они выбирают себе редакцию. "Вестник Европы" очень будет счастлив, если когда-нибудь Ваш выбор падет на него» (*ГМТ.* Ф. 1 (Л.Н. Толстой). 188/25. Л. 1—2). В следующем письме, от 9 октября ст. ст., Стасюлевич, выслав оттиск обещанной статьи о Фотии, сообщал о своей болезни по возвращении из Франции и о том, что он "имел конференцию" с Н.Н. Страховым, которому предоставил все документы по публикации тома "Библиотеки" (Там же. Л. 3—4). 8 декабря ст. ст. 1878 г. Стасюлевич уже извещал Толстого, что окончил печатанием том его избранных произведений и ожидает с большим нетерпением обещанный биографический очерк (Там же. Л. 5), а 31 декабря писал, что пользуется обещанием Страхова доставить экземпляры IX тома "Русской библиотеки", отпечатанные на веленевой бумаге, а также образцы на простой бумаге, что и было Страховым исполнено. «Вы останетесь довольны внешностью издания, — писал Стасюлевич. — Я просил Н. Н. (Страхова. — *Ред.*) также поблагодарить Вас за согласие вступить в "Русскую библиотеку", и уверен вполне, что мне скоро придется обратиться к Вам с предложением повторить первое издание — гораздо, гораздо прежде, чем нежели Вы успеете дать случай второму изданию воспользоваться извлечением из Вашего нового труда, так как, весьма вероятно, второе издание будет нужно в том году, который наступит завтра» (Там же. Л. 7—7 об.). Страхов с удовольствием исполнил просьбу Толстого взять на себя заботы по подготовке тома его сочинений в "Русской библиотеке". 10—11 октября ст. ст. 1878 г. он писал о Стасюлевиче: "...он рьяный писатель и хлопотун неутомимый и отчасти бестолковый. Предложение его состоит в следующем: будет напечатано 5000 томиков известного Вам формата, по 75 коп. за экземпляр

Всего на	3 750 р.
На напечатание	1 650 р.
25% книгопр⟨одавцу⟩	937

Автору остается 1 163 р., которые он получит по мере выручки, то есть года в 2. (Думаю, что Вы раньше раскупитесь). Стасюлевич принес мне подробный расчет за подписями, который и будет храниться у меня как документ. Далее — просил Вашего портрета, — я дал фотографию. Наконец просил биографических сведений, и я обещал ему просить Вас об них. Сведения, конечно, должны составить род послужного списка, и я думаю, графиня отлично может его сделать. А окончательный вид дам я, и мне хочется поместить туда описание Ясной Поляны, сухое по тону, но содержащее скрытое восхищение. Все (т.е. биография) в корректуре будет прислано Вам на утверждение. С большою радостию принимаюсь за эту маленькую работу, но меня беспокоит торопливость Стасюлевича. ⟨...⟩ Сейчас примусь составлять список того, что должно печататься и, переговоривши с ним, пришлю Вам на просмотр. Если будете долго молчать, значит согласны" (*Толстой/Страхов.* Т. 1. С. 469). В том же письме Страхов сообщал о разногласиях со Стасюлевичем по поводу отрывков из произведений Толстого, которые должны были войти в том, в частности речь шла о "Казаках". В подборку произведений для IX тома "Русской библиотеки", присланную Страховым Толстому 24 октября 1878 г., "Казаки" включены не были (Там же. С. 471—472). В том же письме Страхов писал: "Ваш томик разойдется не хуже Тургенева, а того уже нет в продаже" (Там же. С. 473). В ответном письме от 27 октября ст. ст. 1878 г. Толстой писал: "Очень вам благодарен за хлопоты обо мне; но простите великодушно, когда дошло дело до биографии, до портрета, я живо представил себе всё, да и дело есть, то я испугался. / Ради Бога, нельзя ли на попятный" (Там же. С. 475). И в том же письме: "Но зачем вы сердитесь на Тургенева? Он играет в жизнь, и с ним надо играть. И игра его невинная и не неприятная, если в малых дозах. Но сердиться и вам не надо" (Там же). Биографический очерк был написан С.А. Толстой и, поправленный Толстым, выслан Страхову 27—28 ноября ст. ст. (см.: Там же. С. 482—484). По настоянию Страхова, в него были добавлены биографические сведения о С.А. Толстой. См. также: *Кельнер В.Е.* Человек своего времени (М.М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993. С. 100—104.

[2] Речь идет о романе "Декабристы", оставшемся незаконченным (три варианта его начала опубликованы: *Сб Лит фонда (XXV).* С. 216—271). Разрыв Толстого с катковским "Русским вестником" произошел в 1877 г., во время печатания последней, восьмой, части "Анны Карениной". Об этом Пыпин, со слов Тургенева, также сообщил Стасюлевичу в цитированном выше письме.

[3] Имеется в виду Л.А. Полонский. В Петербург Тургенев прибыл 4 (16) сентября 1878 г.

5075. А.С. Белокопытовой (с. 144)

Печатается по тексту первой публикации: *Лит Мысль.* 1922. № 1. С. 244. Подлинник неизвестен.

[1] Имение Н.Н. Тургенева Юшково находилось в Карачевском уезде Орловской губернии.

[2] О посещении Тургеневым дяди, которое состоялось, по-видимому, 27 августа ст. ст. (см. письмо 5086), рассказал в своих воспоминаниях А.А. Фет: "...я должен передать лично слышанное мною от Ивана Сергеевича про его последнее свидание с ослепшим уже 83-летним стариком дядей, к которому нарочно ездил в его Карачевское имение Юшково. Слепой был чрезвычайно рад примирительному свиданию, не в меру выпил шампанского и при этом вдался в выражения самого необузданного цинизма" (*Фет. МВ.* Ч. 2. С. 357). Судя по точному указанию возраста Н.Н. Тургенева, с которым Фет был близко знаком, свидание это состоялось именно в 1878 г. С 1872 г. здоровье Н.Н. Тургенева резко пошатнулось: он ослеп и впал в детство. Умер в 1881 г.

[3] Письмо А.С. Белокопытовой к Тургеневу неизвестно, однако ее ответ, очевидно, был положительным (см. примеч. 2 к наст. письму).

5076. А.А. Брянчанинову (с. 144)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 33. Л. 3—4.

Впервые опубликовано (с неточностями): *Сб РПБ.* Т. 1. Вып. 1. С. 199—200.

[1] Речь идет о драме "В кабале", переданной Тургеневым в "Вестник Европы" через А.Н. Пыпина и возвращенной 10 октября ст. ст. автору (поступила в редакцию 15 сентября ст. ст. 1878 г.; см.: *Каталог рукописей.* Л. 52 и письма 5097, 5117, 5119). Драма была опубликована отдельным изданием в Харькове в 1879 г.

5077. Л.Н. Толстому (с. 145)

Печатается по подлиннику: *ГМТ.* Ф. 1. 114/20.

Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем.* С. 333—334.

[1] Тургенев благодарит Толстого за гостеприимство, оказанное ему в Ясной Поляне, где он провел два дня: 8 и 9 августа ст. ст. (см. письмо 5068 и примеч. 2 к нему). Под "недоразумениями" он имеет в виду ссору между ним и Толстым, произошедшую 27 мая ст. ст. 1861 г. в имении А.А. Фета Степановка, которая едва не закончилась дуэлью (об обстоятельствах ссоры см.: *Фет. МВ.* Ч. 1. С. 369—375). Узнав об этом, В.П. Боткин писал Фету 27 июня (9 июля) 1861 г. о "тяжелом впечатлении", про-

изведенном на него такой новостью: "Но знаешь ли, я думаю, что в сущности у Толстого страстно любящая душа, и он хотел бы любить Тургенева со всею горячностью, но, к несчастию, его порывчатое чувство встречает одно кроткое, добродушное равнодушие. С этим он никак не может помириться. А потом, к несчастию, ум его находится в каком-то хаосе представлений, т.е. я хочу сказать, что в нем еще не выработалось определенного воззрения на жизнь и дела мира сего. От этого так меняются его убеждения, так падок он на крайности. В душе его кипит ненасыщаемая жажда, говорю ненасыщаемая, потому что, что вчера насытило его, нынче разбивается его анализом. Но этот анализ не имеет никаких прочных и твердых реагентов и от этого в результате своем улетучивается ins Blaue hinein (*букв.*: в далекую голубизну — *нем.*). А не имея под ногами какой-нибудь твердой почвы, невозможно писать. И вот где причина, почему он *не может* писать, и до тех пор это продолжится, пока душа его на чем-нибудь успокоится" (Там же. С. 378). В изложении Фета ссора началась из-за резкого высказывания Толстого по поводу уроков благотворительности, которые давала его дочери Пелагее (Полинетте) английская гувернантка, однако существует еще одна версия причины этой ссоры. Ее мы узнаем из письма друга Фета и приятеля Тургенева И.П. Новосильцева, который сообщал Фету 26 марта (7 апреля) 1888 г.: «Помнишь ли ты историю ссоры Тургенева с Толстым у Вани Борисова, когда они должны были драться на дуэли? *Началась перебранка от замечания Толстого*, что человек *порядочный* не может выставлять описание своего отца или матери, или близких, как то делал Тургенев в своей повести "Первая любовь". Это объяснять тут нечего, как только в человеке есть доля хамства, он это полагает возможным, а другие люди (enfant de bonne maison) (воспитанные, порядочные — *франц.*) этого допустить не могут и постичь не в силах! И вот этот самый граф Лев Николаевич дурит, глупит и рисуется! Право, это блажь недостойная! А дураки, которые следуют его примеру, как, например, молодой Чертков? Который глуп и которого пример и дурь умного и порядочного человека сбили с толку и сделали посмешищем, а для родных и его матери предметом горести. Я уверен, что Толстой подурит, подурит и очнется, так же как и с своей педагогикой и школой в Ясной Поляне! А тех, которых он своротил своим примером? За это его накажет Бог; в этом я не сомневаюсь. Гордость, гордость и гордость!» (см.: *Виноградова Е.В.* Еще раз о ссоре Тургенева с Л. Толстым (по неизданным письмам И.П. Новосильцова к А.А. Фету) // А.А. Фет и русская литература. XVII Фетовские чтения. Курск, 2003. С. 233. См. также: Письма И.П. Новосильцова к А.А. Фету. Часть III (1888—1890) / Публ. Е.В. Виноградовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 254—255. Автор публикации считает, что мнение

Толстого, в числе других, повлияло на то, что Тургенев дописал "хвост" к "Первой любви" для французского издания).

[2] Тургенев действительно заехал в Ясную Поляну на обратном пути из Спасского в Петербург и пробыл там 3 дня: со 2 по 4 сентября ст. ст. (см. письмо 5089, примеч. 2, 3).

[3] См. письмо 5074 и примеч. 1 к нему.

5078. В.Я. Карташевской (с. 146)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 14626. Л. 56—56 об.

Впервые опубликовано: в отрывках — *Гол Мин.* 1919. № 1—4. С. 220; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 344—345.

[1] В "Новом времени" (1878. 1 (13) августа. № 870) в разделе "Хроника" сообщалось: "В настоящее время в Петербурге И.С. Тургенев, проездом из-за границы в свое орловское имение". Из Спасского Тургенев выехал в Тулу 31 августа (12 сентября) 1878 г.

[2] Речь идет о посещении Всемирной выставки в Париже, открывшейся 1 мая н. ст. 1878 г. (см. письма 5008, примеч. 3, 5015, примеч. 5, а также 5051 и примеч. 1 к нему). Русская секция выставки открылась позже, поэтому Анненков приехал в Париж 20 мая н. ст. и провел там две недели. Он неоднократно посещал выставочные залы с Тургеневым. После Парижа Анненков отправился на отдых в Бланкенберг, а затем в Баден-Баден. Из Парижа он писал М.М. Стасюлевичу 18 (30) мая: «"Выставка" Республики превзошла все бывшие Выставки, да вряд ли когда что-нибудь подобное ей явится и в будущем на свете. Произошло нечто необычайное — точно все нации, за исключением только одной, решили выказать свои симпатии Франции и явились со всем, что есть у них лучшего, умнейшего, искуснейшего в людях и произведениях. О колоссальных постройках, сделанных для их приема, — не говорю: это похоже на волшебство. Ах, если бы мне лет 30 с плеч и с сохранением старой охоты болтать — какие бы я "Парижские письма" стал писать Вам — не чета тем, которые были печатаемы некогда в "Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исках⟩" и "Современнике" и которых Вы не знаете и не стоит знать. ⟨...⟩ Послезавтра уезжаю в Брюссель ⟨...⟩, унося воспоминание о таких всесветных чудесах искусства, промышленности, изобретательности людской и труда, громадного труда, каких 5-и жизней Мафусаиловских недостаточно было бы обозреть в отдельности ⟨...⟩» (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 355—356).

[3] Имеется в виду отдельное (салаевское) издание романа "Новь" 1878 г.

[4] Иносказательное выражение, восходящее к первым векам христианства.

[5] Н.Я. Макаров.

5079. Клоди Шамро (с. 146 и 275)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: в русском переводе — Иностранная литература. 1971. № 1. С. 200—201; во французском оригинале — *Lettres inéd.* P. 273—275. В собрание сочинений включается впервые.

[1] И.-В. Гёте действительно родился 28 августа 1749 г. во Франкфурте-на-Майне.

[2] 28 октября ст. ст. 1818 г. в полдень в Орле, в семье ротмистра Кавалергардского полка Сергея Николаевича Тургенева и Варвары Петровны Тургеневой (рожд. Лутовиновой) рождается сын Иван (*Летопись (1818—1858).* С. 11).

[3] Имение Топки (Тапки) на р. Топкий Ржавец (позже р. Топки) Малоархангельского уезда Орловской губернии (ныне Покровский район Орловской области), которое Тургенев считал одним из лучших и куда несколько раз приезжал на охоту, досталось ему по наследству после В.П. Тургеневой, умершей в 1850 г. Топки издавна являлись владением семьи Лутовиновых-Тургеневых. В 1779 г., в частности, земля в с. Покровском (Топки тож) находилась в собственности деда писателя П.И. Лутовинова: "Покровское село, Тапки тож капитана Петра Лутовинова" (см.: *РГАДА.* Ф. 1354. Оп. 319/1. Д. 990. Л. 15). Далее Топки перешли к В.П. Тургеневой, а от нее по разделу имущества в 1855 г. к сыну Ивану (см.: О раздельных записях // Орловские губернские ведомости. 1855. 17 сентября. № 38. Арх. Л. 633, где значилось: "В Орловской палате гражданского суда совершены раздельные записи: 2) 8-го числа, между надворным советником Николаем и коллежским секретарем Иваном Сергеевыми Тургеневыми, в разделе ими имения, оставшегося по смерти матери их полковницы Варвары Петровой Тургеневой, по которому достались имения ⟨...⟩ Ивану Орловской губернии село Спасское, Топки ⟨...⟩"). В 1871 г. в Малоархангельском уезде И.С. Тургеневу принадлежала земля в пустоши Топки, смежной с селом Топки (Покровское) ("Топков пустошь коллежского секретаря Ивана Сергеевича Тургенева" — см.: *РГАДА.* Ф. 1354. Оп. 319/2. Д. 991. Л. 168), сельцо Тургенево ("Тургенева сельца с выселками оного сельца владения коллежского секретаря Ивана Сергеева Тургенева" — см.: Там же. Л. 168 об.) и Топковские выселки (Там же). Село Покровское (Топки) в 1871 г. делилось на 19 частей. В числе его владельцев имелись государственные крестьяне и другие лица; одна из частей находилась в собственности дальних родственников Лутовиновых — владение "коллежского регистратора Виктора и неслужащего дворянина Тимофея Григорьевых Лутовиновых" (Там же. Л. 148 об.). Указано Е.Н. Ашихминой. Продать Топки

Тургеневу удалось лишь в 1880 г. арендатору имения купцу А.И. Кошеверову.

[4] Игра слов: "tape-cul" — тряская повозка (*франц.*), от "taper" (хлопать, ударять) и "cul" (зад).

[5] Чтобы договориться о продаже Топков, Тургенев ездил в имение А.Н. Мухортовой Федоровка, расположенное в 12 верстах от тургеневского, однако продажа не состоялась. Мухортова была вдовой старого знакомого писателя — З.Н. Мухортова (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. С. 710).

[6] Тургенев имеет в виду несостоявшуюся продажу Спасского, которое он, очевидно, предлагал купить брату Н.С. Тургеневу. В связи с финансовыми затруднениями писатель собирался продать Спасское еще в середине 1876 г. 16 (28) июня 1876 г. он писал П.Ф. Самарину: "Мне пришло в голову продать Спасское, об этой мысли узнали — и предложения посыпались" (наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4373). Вскоре писатель отказался от этого замысла и отдал Спасское в аренду. Уже 3 (15) июля 1876 г. Тургенев писал брату Николаю: "Спасское я решительно не продаю, а, напротив, отдаю в аренду на 12 лет моему соседу А.М. Щепкину ⟨...⟩ сыну известного актера" (Там же. № 4389).

[7] Писатель всю жизнь боялся заразиться холерой и обычно покидал места, где возникали слухи о распространении этой болезни.

[8] В какой орловской гостинице остановился Тургенев, неизвестно.

[9] Баньер-де-Люшон — курортный поселок во Франции (департамент Верхняя Гаронна) в Пиренеях, знаменитый своими горячими минеральными источниками. Письмо К. Шамро, о котором говорит Тургенев, остается неизвестным.

[10] Сохранилось письмо Жоржа Шамро к П. Виардо от 21 августа н. ст. 1878 г., где он подробно описывает путешествие, которое они с женой совершили верхом в Пиренеях по пути в Баньер-де-Люшон на знаменитую гору Пик-дю-Миди (см.: Houghton Library. Harvard University. Cambridge, Mass. MS Mus 232 (14)). В 1881 г. там было завершено строительство астрономической обсерватории.

[11] Летом 1845 г. Тургенев, покинув Россию в мае вслед за уехавшими накануне из Петербурга супругами Виардо, оказался в их имении Куртавнеле, откуда совершил поездку на юг Франции. В конце июля он оказался в Пиренеях и тоже поднимался на Пик-дю-Миди. В кратких записях "Мемориала" он выразительно обозначит этот период своей жизни: "Куртавнель. Жорж Санд. Поездка в Пиренеи. *Самое счастливое время моей жизни*" (см.: наст. изд. Соч. Т. 11. С. 199). Возможно, письмо Клоди Шамро, напомнив об этом времени, стало побудительным мотивом к написанию в ноябре 1878 г. стихотворения "Я шел среди высоких гор...", вошедшего позднее в цикл "Стихотворения в прозе", единственного, написанного не прозой, а стихами:

Я шел среди высоких гор,
Вдоль светлых рек и по долинам...
И все, что ни встречал мой взор,
Мне говорило об едином:
Я был любим! любим я был!
Я все другое позабыл!

Сияло небо надо мной,
Шумели листья, птицы пели...
И тучки резвой чередой
Куда-то весело летели...
Дышало счастьем все кругом,
Но сердце не нуждалось в нем.

Меня несла, несла волна,
Широкая, как волны моря!
В душе стояла тишина
Превыше радости и горя...
Едва себя я сознавал:
Мне целый мир принадлежал!

Зачем не умер я тогда?
Зачем потом мы оба жили?
Пришли года... Прошли года —
И ничего не подарили,
Что б было слаще и ясней
Тех глупых и блаженных дней.

(Там же. Т. 10. С. 181—182. Об этом эпизоде в жизни Тургенева см.: *Генералова Н.П.* И.С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 67—68).

[12] Иов — персонаж Ветхого Завета (Книга Иова), подвергшийся испытанию, потерявший все свои богатства, претерпевший множество бедствий, но выдержавший все и не отрекшийся от Бога, за что был вознагражден сторицей. Ир — персонаж "Одиссеи" (песнь XVIII), не впустивший хозяина в дом и наказанный за это чередой несчастий.

[13] Имеется в виду Хоакин Руис-Гарсиа, внук Мануэля Гарсиа от первого брака, племянник П. Виардо, который часто живал в Буживале в 1870-е гг.

[14] Некоторое время П. Виардо была больна экземой.

[15] Тургенев вернулся в Буживаль 9 (21) сентября 1878 г.

[16] Жанна — дочь Клоди и Жоржа Шамро, которая оставалась в Буживале во время их путешествия.

5080. Генри Холту (с. 149 и 277)

Печатается по тексту первой (неполной) публикации: J.A. Stargardt. Autographen aus allen Gebieten. Auktion am 30. November und 1. Dezember 1988 im Marburger Rathaus. Katalog 642. S. 111. № 353, дополненному по публикации фрагмента письма в русском переводе: Советская культура. 1989. 18 февраля. № 21. С. 9. Судя по вступительной заметке к этой публикации, письмо Тургенева было приобретено Райнером Роландом Лангом (ФРГ) на аукционе, устроенном фирмой Штаргардт в Марбурге в 1988 г., и вместе с другими автографами русских литераторов передано в дар Советскому фонду культуры (ныне Российский фонд культуры). Однако просьба редколлегии в РФК предоставить его для публикации в настоящем издании осталась без ответа.

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется на основании указанных в каталоге Stargardt места и даты написания: "Spasskoie. 31.VIII.1878", которые были проставлены Тургеневым, по обыкновению, в начале письма. Несмотря на то, что письмо отправлено Тургеневым из России, дата была выставлена им по новому стилю, поскольку письмо предназначалось к отправке за границу (ср. с другим письмом к Холту из Москвы, помеченным Тургеневым 15 июня 1874 г., где указанная дата приведена именно по новому стилю: *N Z Sl J.* 1986. P. 29).

[1] Тургенев прибыл в Петербург из Парижа 27 июля (8 августа) 1878 г. и отправился оттуда в Москву 2 (14) августа. Четыре дня спустя он выехал из Москвы, остановился на два дня у Л.Н. Толстого в Ясной Поляне и добрался до Спасского 10 (22) августа. Он выехал из Спасского 31 августа (12 сентября) и, прогостив снова несколько дней у Толстого, 6 (18) сентября отправился из Петербурга в Париж.

[2] Холт высылал Тургеневу из Нью-Йорка экземпляры изданных им сочинений писателя в английском переводе. К этому времени он выпустил уже семь книг: "Отцы и дети" ("Fathers and Sons", 1867), "Дворянское гнездо" ("Liza, or A Nest of Nobles", 1872), "Дым" ("Smoke", 1872), "Рудин" ("Dimitri Roudine", 1873), "Накануне" ("On the Eve", 1873), "Вешние воды" и "Степной король Лир" ("Spring Floods and A Lear of the Steppe", 1874) и "Новь" ("Virgin Soil", 1877). После смерти Тургенева к ним добавилось еще одно издание: "Записки охотника" ("Annals of a Sportsman", 1885). См.: Turgenev in English. A Checklist of Works by and about Him / Compiled by Rissa Yachnin and David H. Stam. New York, 1962. P. 17. С переводом "Отцов и детей", выпущенным Холтом летом 1867 г., Тургенев ознакомился в октябре 1867 г., когда переводчик Ю. Скайлер посетил его в Баден-Бадене и вручил ему четыре экземпляра этого издания (см.: наст. изд. Письма.

Т. 8. № 2084, а также № 2073 и примеч. 2 к нему). О каких именно изданиях идет речь в настоящем письме, установить не удалось. Возможно, Холт выслал ему экземпляры всех семи изданий, которые незадолго до этого в целях увеличения продаж выпустил в новом переплете, о чем сообщил писателю в письме от 20 июля (1 августа) 1878 г. (см.: *Gilbert Ellen D.* The House of Holt, 1866—1946. An Editorial History. Metuchen, 1993. P. 167).

[3] В апреле 1874 г. номер дома на улице Дуэ, где жил Тургенев, был изменен с 48 на 50. В конце письма к Холту от 3 (15) июня 1874 г., написанного из Москвы, Тургенев указал свой новый адрес ("rue de Douai, 50"), но Холт, по-видимому, не обратил на это внимание. Письмо от 3 (15) июня 1874 г. было впервые опубликовано: *Waddington P.* Nine New Short Turgenev Items // *N Z Sl J*. 1986. P. 29, но не вошло в т. 13 Писем настоящего издания (см.: наст. изд. Письма. Т. 18. Кн. 2, раздел "Дополнения").

[4] В письме от 20 июля (1 августа) 1878 г. Холт сообщил Тургеневу, что с начала финансового кризиса 1873 г. продажа его книг в Америке значительно сократилась. "С другой стороны, — писал Холт, — не без удовольствия могу заверить вас, что наша наиболее просвещенная публика — она, правда, является довольно немногочисленной — продолжает смотреть на ваши сочинения с благодарным энтузиазмом" (*Gilbert Ellen D.* The House of Holt, 1866—1946. An Editorial History. P. 167. Подлинник по-англ.). Уже в своем первом письме к Тургеневу, относящемся к концу января н. ст. 1874 г., содержание которого писатель пересказал П.В. Анненкову, Холт признался, что сперва продажа его произведений "шла туго", но зато подчеркнул тот "enthusiasm", который они вызывали в Америке (см.: наст. изд. Письма. Т. 13. № 3599). Несмотря на подобные отзывы, Тургенев, как заметил Г. Джеймс, «не обольщался иллюзиями насчет действительных размеров его популярности за границей. Он с удовольствием слышал, что некоторые читатели в Америке с нетерпением ожидают каждого его нового произведения, но все же он знал, что у него в Америке нет "публики" в обычном значении этого слова» (см.: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 311, а также: *Gettmann Royal A.* Turgenev in England and America. Urbana, 1941. P. 81; *Peterson Dale E.* From Russia with Love: Turgenev's Maidens and Howell's Heroines // Canadian Slavonic Papers. 1984. Vol. 26. № 1. P. 24—34).

[5] Уже в марте 1868 г. Тургенев отговорил М. Гартмана от намерения предпринять перевод романа "Дым" на немецкий язык, ссылаясь на то, что это "вещь всё же слишком русская" (см.: наст. изд. Письма. Т. 8. № 2207). Считая "простоту" коренным свойством русского искусства и восхищаясь, в особенности, "гениальной простотой" Л.Н. Толстого (см. воспоминания А.Н. Луканиной: *Т в восп совр.* Т. 2. С. 216), он противопоставлял ее западноевропейскому пристрастию к замысловатым сюжетам. "Для французского вкуса, — писал Тургенев П.В. Анненко-

ву 25 июня (7 июля) 1879 г., — Толстой слишком прост — потому что слишком правдив" (см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2).

[6] В письме к Тургеневу от 20 июля (1 августа) 1878 г. Холт упомянул о том, что выручка от продажи двух последних изданных им книг русского писателя (среди них, очевидно, роман "Новь" в переводе с французского Т.С. Перри) едва покрыла его расходы (см.: *Gilbert Ellen D.* The House of Holt, 1866—1946. An Editorial History. P. 167).

5081. А.А. Нарышкину (с. 149)

Печатается по копии: Государственный архив Тульской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570. Л. 1. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: Труды Тульской губернской учетной архивной комиссии. 1915. Кн. 2. С. 230.

[1] Гостиница в Мценске на Московской улице, в доме Милашевского.

[2] Приезжали ли Нарышкин и И.В. Павлов в Спасское-Лутовиново — неизвестно.

5082. Полине Брюэр (с. 150 и 278)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 44. Л. 351—351 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 346.

[1] Это письмо Полины Брюэр неизвестно.

[2] М. Иннис умерла в июне 1879 г.

5083. А.Н. Луканиной (с. 151)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 30—30 об.; конверт — л. 32. Почтовые штемпели: 1) 24 авг. 1878, Почтовый вагон № 15—16; 2) 9.IX.78, Genève; 3) 10 sépt. 78, R. Cardinal-Lemoine, Paris. На конверте слово "Genève" зачеркнуто и неизвестной рукой написано: "Paris. Rue de Cardinal-Lemoine".

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 346—347.

[1] Это письмо Луканиной неизвестно.

[2] Из письма Луканиной к М.М. Стасюлевичу от 15 августа н. ст. следует, что она отправилась в Женеву "на короткое время и не могла вернуться, потому что захворала". Болезнь помешала ей также вовремя отправить новое произведение Тургеневу для передачи в редакцию "Вестника Европы" (*ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. № 830. Л. 9). Вероятно, "Воспоминания цюрихской студентки" были отправлены ею в следующем письме к Стасюлевичу, поскольку 16 (28) сентября 1878 г. рукопись уже была в редакции.

Не исключено, что она была передана Тургеневым самому Стасюлевичу во время их встречи в Париже, которая состоялась 9 (21) сентября. О дальнейшей судьбе произведения см. также примеч. 2 к письму 5044.

5084. Н.С. Тургеневу (с. 152)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 93. Оп. 3. № 1280. Л. 10—11.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 347—348.

[1] В 1876 г. во время приезда в Спасское Тургенев выявил многочисленные злоупотребления и хищения со стороны своего управляющего Н.А. Кишинского и уволил его (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1, по указателю).

[2] Об отношениях с С.И. Волновым, арендовавшим Кадное и Холодово, см. примеч. 4 к письму 4939 и примеч. 2 к письму 4988.

[3] По-видимому, Н.С. Тургенев на просьбу брата не согласился (см. письмо 5127); упоминаемое в письме завещание не сохранилось.

5085. А.А. Фету (с. 153)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 33. Л. 85—85 об.

Впервые опубликовано: *Фет. МВ.* Ч. 2. С. 353.

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] О примирении Л.Н. Толстого с Тургеневым Фет узнал от приехавшего в Воробьевку Н.Н. Страхова, который появился у Толстых в Ясной Поляне тотчас после отъезда Тургенева, 10 августа ст. ст. 1878 г. «Конечно, с нашей стороны поднялись расспросы о дорогом для нас семействе, — писал Фет в своих воспоминаниях, — и я, к немалому изумлению, услыхал, что Толстой помирился с Тургеневым. — Как? по какому поводу? — спросил я. — Просто по своему теперешнему религиозному настроению он признает, что смиряющийся человек не должен иметь врагов, и в этом смысле написал Тургеневу. / Событие это не только изумило меня, но и заставило обернуться на самого себя. / “Между Толстым и Тургеневым, — подумал я, — была хоть формальная причина разрыва; но у нас с Тургеневым и этого не было. Его невежливые выходки казались мне всегда более забавными, чем оскорбительными, хотя я не решился бы отнестись к ним, как покойный Кетчер, который в подобном случае расхохотался бы своим громовым хохотом и сказал бы дурака. Смешно же людям, интересующимся в сущности друг другом, расходиться только на том основании, что один запад-

ник без всякой подкладки, а другой такой же западник только на русской подкладке из ярославской овчины, которую при наших морозах покидать жутко". / Все эти соображения я написал Тургеневу» (*Фет. МВ.* Ч. 2. С. 350). Под "западником без всякой подкладки" Фет имел в виду Тургенева, а под западником "на русской подкладке из ярославской овчины" себя. О причинах ссоры Тургенева с Фетом в 1875 г. см.: *Генералова Н.П.* И.С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 351 – 453, гл. V). Л.Н. Толстой 5 сентября ст. ст. писал Фету, что в Ясную Поляну снова приезжал Тургенев "и радовался получению от вас письма" (цит. по: *Фет. МВ.* Ч. 2. С. 354). Известие о примирении Тургенева с Л.Н. Толстым и Фетом взволновало и Н.Н. Страхова, который писал по этому поводу 28 сентября ст. ст. 1878 г. Толстому: "Заходил в Библиотеку молодой Шидловский и рассказывал, что был у Вас и видел Тургенева, который привел его в удивительный восторг своим изяществом и речами. От Полонского я узнал, что Фет писал к Тургеневу, но что Тургенев не успел к нему заехать. / Все это меня немножко раздражает. Нужно будет еще расспросить хорошенько Полонского; мне любопытно, неужели ничего не вышло, кроме (вероятно) польщенного самолюбия?" (*Толстой/Страхов*. Т. 1. С. 467).

[3] Такая встреча, по всей видимости, состоялась, но не в 1878 г., а позднее (косвенно о ней свидетельствуют воспоминания А.А. Фета: см. примеч. 2 к письму 5075). В Париж к Тургеневу Фет не приезжал.

[4] В Малоархангельском уезде Орловской губернии, в своем имении Федоровка, жила знакомая Тургенева А.Н. Мухортова, о посещении которой Тургенев сообщал Фету в письме 5107. Поездка туда Тургенева была связана с намерением продать Мухортовой имение Тапки (Топки) (см. письмо 5079 и примеч. 3 и 5 к нему).

[5] Речь идет об имении Воробьевка (в 25 верстах от Курска), приобретенном Фетом осенью 1877 г.

5086. А.С. Белокопытовой (с. 155)

Печатается по тексту первой публикации: *Лит Мысль*. 1922. № 1. С. 244. Подлинник неизвестен.

[1] Бастыево – ближайшая к Спасскому-Лутовинову железнодорожная станция. Карачев – город Орловской губернии, через который лежал путь из Спасского в имение Н.Н. Тургенева Юшково.

[2] Это письмо Белокопытовой неизвестно.

[3] Очевидно, речь идет о продаже некоей Орембовской 31 десятины земли в Губоревой пустоши (см.: Ведомости о приходе денег по имениям И.С. Тургенева за май – ноябрь 1878 года из

Спасской конторы в *ОГЛМТ*). См. также письмо 5094 и примеч. 1 к нему.

[4] Имеется в виду осложнение отношений Тургенева с дядей в 1867 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 7, 8). О свидании с ним см. письмо 5075, примеч. 2.

5087. А.Н. Пыпину (с. 156)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 250. Оп. 3. № 389. Л. 11.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 349.

[1] Встреча Тургенева со Стасюлевичем произошла не в Петербурге, а в Париже (см. письмо 5098).

5088. Л.Я. Стечькиной (с. 156)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 13—14.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 7.

[1] См. примеч. 2 к письму 5092.

5089. Л.Н. Толстому (с. 157)

Печатается по подлиннику: *ГМТ.* Ф. 1. 114/21.

Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем.* С. 334—335.

Стр. 157. поражением (*итал.*).

[1] Это письмо Толстого неизвестно.

[2] Маршрут Тургенева изменился. Из Тулы он заехал к Л.Я. Стечькиной, имение которой, Плутнево, находилось около станции Суходол (см. примеч. к письму 5092). Тургенев попал в Ясную Поляну только 2 (14) сентября 1878 г. и провел там три дня.

[3] Об этом посещении Ясной Поляны см. письмо 5107. 5 (17) сентября 1878 г. Толстой писал Фету: "Тургенев на обратном пути был у нас и радовался получению от вас письма. — Он все такой же, и мы знаем ту степень сближения, которая между нами возможна". В тот же день он сообщал Н.Н. Страхову: "Тургенев был опять и был так же мил и блестящ; но, пожалуйста, между нами, немножко как фонтан из привозной воды. Все боишься, что скоро выйдет и кончено" (*Толстой.* Т. 62. С. 441, 439). "Тургенева мне жаль, — откликнулся Страхов в письме от 14 сентября ст. ст. 1878 г. — Парижский склад понятий, по моим соображениям, по разным чертам, которые попадаются у Ренана, Тэна, Флобера, — нечто ужасное, какое-то отрицание настоящей духовной жизни и человека. Тургенев, при его податливости, не мог уйти от этого влияния" (*Толстой/Страхов.* Т. 1. С. 464).

[4] Письмо 5085.

[5] Очевидно, речь идет о денежных делах Тургенева с его братом (см. письмо 5084) и неудаче в продаже имения Топки, которую он планировал.

5090. А.В. Топорову (с. 158)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 63. Л. 9—9 об.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 269—270.

[1] По поводу этого произведения Тургенев говорил А.Н. Луканиной: «...у меня тут есть одна вещица г-жи Гаспарини ⟨...⟩ вещицу эту я хочу поместить в "Неделе". Это описание Рима — оно вовсе не похоже на описания Рима, появлявшиеся до сих пор в печати» (*СВ.* 1887. № 2. С. 45). Это произведение, по всей видимости, так и не было опубликовано.

5091. Клоди Шамро (с. 158 и 278)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 422. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: в русском переводе — Иностранная литература. 1971. № 1. С. 201—202; во французском оригинале — *Lettres inéd.* P. 276—277. В собрание сочинений включается впервые.

[1] Это письмо Клоди Шамро неизвестно.

[2] Это письмо П. Виардо неизвестно.

[3] Тургенев приехал в Буживаль 9 (21) сентября 1878 г.

[4] По воспоминаниям С.Г. Щепкиной, эту женщину, которая действительно "вышивала зубами и ртом полотенцы русским швом", звали Родионова, она была временно помещена в Спасскую богадельню, а затем стараниями А.М. Щепкина "ее приняли в тульскую богадельню, где она доживала свой век, приводя в удивление посещавших ее своим необыкновенным искусством" (см.: Красный архив. 1940. Т. 3 (100). С. 213).

[5] Трудно сказать, когда Тургенев в этот раз посетил Дрезденскую галерею, возможно, это было по пути в Россию. Его письмо к П. Виардо с описанием этого посещения неизвестно.

[6] См. письмо 5093.

5092. Л.Я. Стечькиной (с. 161)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 15—17.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 8.

[1] Это письмо Стечькиной неизвестно.

[2] Тургенев приехал к Стечькиным в с. Плутнево Тульской губернии 1 сентября ст. ст. 1878 г. и провел у них весь день.

“Иван Сергеевич пробыл у нас в деревне полсуток, с 2 ч. дня до 2 ч. ночи, — вспоминал Н.Я. Стечькин. — Он вдоволь наговорился с Любовью Яковлевной. Бродя по длинным старым липовым аллеям нашего сада и по березовой саженой роще, служившей его продолжением, Тургенев выяснял сестре свои взгляды на искусство. Попавши, после своей парижской квартиры и своего шале в Буживале, в деревенское великорусское захолустье, с огромным домом и огромным садом, Тургенев чувствовал себя, вероятно, как в своем родном Спасском-Лутовинове. Он развернулся во всю простоту и ширь своей русской души ⟨...⟩” (см.: *Стечькин. Воспоминания.* С. 10. См. также с. 8—14). О пребывании в Плутнево и знакомстве с членами семьи Стечькиных см. воспоминания А.Н. Луканиной: *СВ.* 1887. № 3. С. 57—59.

[3] Н.Я. Стечькин встречал Тургенева в Туле (см.: *Стечькин. Воспоминания.* С. 8).

5093. Клоди и Жанне Шамро (с. 161 и 280)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского. Подлинник хранится в собрании Оливье Ле Сена (Париж).

Впервые опубликовано: во французском оригинале — *Nouv corr inéd.* T. 1. P. 287—289. В русском переводе текст сказки, приложенной к письму, впервые опубликован: *Тургенев И.С.* Стихи и сказки для детей / Сост., послесловие и перевод Л.А. Балыковой. Орел, 2005. С. 8—11. В собрание сочинений включается впервые.

[1] См. письмо 5091.

[2] Это письмо к Марианне Виардо неизвестно.

[3] Имеется в виду один из самых трагических эпизодов русско-турецкой войны 1877—1878 гг., связанный с осадой болгарского города Плевна, которая началась в июле 1877 г. Русскими войсками было предпринято несколько попыток штурмовать Плевну, однако они заканчивались неудачно. 30—31 августа ст. ст. 1877 г. был предпринят третий штурм Плевны, завершившийся отступлением русских войск. Русско-румынские войска потеряли около 16 000 человек, турки — около 3000. Таким образом командовавший русскими войсками великий князь Николай Николаевич хотел сделать своему брату государю Александру II подарок на именины, которые отмечались в день благоверного князя Александра Невского, 30 августа (12 сентября).

[4] К. Шамро с детства увлекалась живописью и стала хорошим живописцем. Поддерживая ее увлечение, Тургенев отвел для нее уголок в своем кабинете в шале, выстроенном им в Буживале, где постоянно стоял мольберт.

[5] Портрет Полины Виардо, как и портрет Тургенева, был написан К. Шамро, но гораздо позднее.

[6] Уменьшительное имя дочери К. и Ж. Шамро Жанны. Эта сказка была не единственной, написанной для Жанны Шамро (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4822).

[7] Имеется в виду муж Клоди Шамро Жорж.

5094. Н.А. Щепкину (с. 163)

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 2. № 203. Л. 1.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ.* С. 158.

Датируется временем пребывания Тургенева в Спасском в 1878 г., а также на основании следующих упоминаний в ведомости о расходе денег с мая по ноябрь 1878 г.: "на поправку печи в богадельне — 10. Маталкиной на печку по поручению И.С. дано — 5" (*ОГЛМТ.* Инв. № 725/а).

[1] Речь идет о продаже "Губоревой пустоши" — участка земли в 31 десятину, принадлежавшей Тургеневу в Мценском уезде Орловской губернии. Согласно межевым книгам Мценского уезда, в записи от 16 октября 1693 г. отмечено владение Самсона Васильевича Лутовинова в деревне Губоревой Большого Городского стана (Писцовые книги Юго-Западного порубежья. М., 2013. С. 113). В 1778 г. эта земля по-прежнему частично принадлежала Лутовиновым: "Губаревой пустоши владения бригадирши Мавры Ивановой Лутовиновой, с проч." (*РГАДА.* Ф. 1354. Оп. 320/1. Д. 992. Л. 10). В 1861 г. две части сельца Губорева числились в собственности И.С. Тургенева: "Губоревой пустоши 3 ч., влад. коллежского секретаря Ивана Сергеева Тургенева", "Губоревой пустоши 4 ч., влад. вышеписанного господина Тургенева" (Там же. Оп. 320/2. Д. 994. Л. 22). Речь в записи идет не о пустоши, а о сельце Губореве, так как в записи о 1-й части владения слово "пустошь" зачеркнуто и сверху вписано "с⟨ель⟩ца". Сообщено Е.Н. Ашихминой. Как видно из ведомости Спасской конторы, Тургеневу удалось продать эту землю в 1878 г. некой Орембовской (см. примеч. 3 к письму 5086).

5095. Л.Я. Стечькиной (с. 163)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 18—20.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 8—9.

Стр. 164. "Дух веет, где хочет" (*лат.*).

[1] Речь идет о Л.Н. Стечькиной. Фотография, которая была выслана Тургеневым, неизвестна. Очевидно, это была фотография Леже и Бержерона (воспроизведение см. на с. 115) — см. примеч. 3 к письму 4937.

[2] Пашенька — героиня повести Стечькиной "Кривые деревья" (позднее "Варенька Ульмина"). Высокую оценку, данную Тургеневым образу Паши, "пошловатой и испорченной", в котором представлена противоположность главной героини

(Вареньки), подтверждают и воспоминания А.Н. Луканиной (см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 58).

[3] Измененная цитата из Евангелия от Иоанна, гл. 3, стих 8.

[4] См. письмо 5106.

5096. Н.А. Щепкину (с. 164)

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 2. № 174. Л. 1.

Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ.* С. 147.

[1] В письме к К. Шамро от 16 (28) августа 1878 г. Тургенев обещал привести из Спасского для Жанны Шамро "идеального" русского варенья (см. письмо 5079).

[2] Это письмо Тургенева к А.М. Покатило неизвестно.

[3] В ведомости расходов по Спасскому за июль — декабрь 1877 г. записано: "Куплено для Кадного молотилка Липгарта и веялка Уранда за 515 р." (*ОГЛМТ.* Инв. № 194).

5097. А.А. Брянчанинову (с. 165)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 33. Л. 5—5 об.

Впервые опубликовано (с неточностью): *Сб РПБ.* Т. 1. Вып. 1. С. 200.

В дате письма число не соответствует дню недели: 13 (25) сентября в 1878 г. приходилось на среду.

[1] См. примеч. 1 к письму 5076. Драма Брянчанинова в "Вестнике Европы" не появилась.

[2] Сведений о переписке Стасюлевича с Брянчаниновым не обнаружено.

[3] Имеется в виду орловский знакомый Тургенева А.В. Сафонов. См. о нем: *Иванова Л.В.* Еще к истории Дома Калитиных в Орле // Тургеневский ежегодник. Орел, 2001. С. 97—99.

5098. М.М. Стасюлевичу (с. 166)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 219. На подлиннике помета Стасюлевича: "18.IX.78", дата получения письма.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 150.

В дате письма число не соответствует дню недели: 13 (25) сентября в 1878 г. приходилось на среду.

Стр. 166. доверенное лицо (*франц.*).

[1] Официальным сотрудником "Вестника Европы" А.В. Топоров не стал. Стасюлевич использовал Топорова в качестве комиссионера Тургенева (см. также письма Топорова к Стасюлевичу: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 261—263). С Тургеневым Стасюлевич встречался, по всей видимости, 9 (21) сентября.

[2] Драма А.А. Брянчанинова "В кабале". См. примеч. 1 к письму 5076.

5099. Н.А. Щепкину (с. 167)

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 306. Карт. 2. № 175. Л. 1.
Впервые опубликовано: *Сб ГБЛ.* С. 147.
В дате письма число не соответствует дню недели: 13 (25) сентября в 1878 г. приходилось на среду.

[1] Речь идет о судебном деле, возбужденном Тургеневым против Жикина по просьбе крестьян деревни Кальна (Кольна) Чернского уезда Тульской губернии в 1876 г. Об этой тяжбе см.: *Иванова Л.Н.* Тургенев и жикинское дело // И.С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 202—216; наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4396, примеч. 1, а также письма Тургенева 1881—1882 гг., по указателю. Дело с Жикиным, затянувшись на несколько лет, окончилось в пользу каленских крестьян лишь после смерти Тургенева, в 1884 г.
[2] См. примеч. 2 к письму 5096.

5100. Филиппу Бюрти (с. 167 и 281)

Печатается по тексту первой публикации П. Уоддингтона: *N Z Sl J.* 1975. № 1. P. 66—67. Одновременно опубликовано Н.Г. Жекулиным: Two Unpublished Letters of Ivan Turgenev // The Slavonic and East European Review. 1975. Vol. 53 (October). P. 562. Подлинник хранится в Beinecke Library (Yale).
В собрание сочинений включается впервые.
Год написания письма устанавливается на основании упоминания о Всемирной выставке в Париже и по соответствию указанной Тургеневым даты написания и дня недели, а также по связи с письмом 5037. Датировка впервые предложена П. Уоддингтоном и Н.Г. Жекулиным.

[1] Имеется в виду Всемирная выставка в Париже, открывшаяся 1 мая н. ст. 1878 г. По-видимому, Тургенев и Бюрти собирались посетить ее в день написания письма, 30 сентября н. ст. См. также примеч. 4 к письму 5037.
[2] О чем идет речь, установить не удалось.
[3] Судя по письму к Ж. Этцелю от 4 октября н. ст. (№ 5102), Тургенев и Бюрти встретились в среду, 2 октября н. ст. 1878 г.

5101. Н.А. Щепкину (с. 167)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 246—246 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 356.

[1] Это письмо А.Ф. Родионовой неизвестно.

[2] Это письмо Паскевича по поводу Тимковской неизвестно. О выплате ей пенсии в 1874—1882 гг. см. примеч. 3 к письму 4457 (наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1).

5102. Жюлю Этцелю (с. 168 и 282)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 357.

[1] Оба эти письма Тургенева неизвестны.

[2] Помимо имевшихся у Бюрти изданий, у Этцеля к этому времени вышли следующие сборники произведений Тургенева: в 1862 г. — "Dimitri Roudine, suivi du Journal d'un homme de trop et de Trois rencontres" (куда вошли "Рудин", "Дневник лишнего человека" и "Три встречи"); в 1869 г. — "Nouvelles moscovites" (куда вошли "Ася", "Жид", "Петушков", "Собака", "Бригадир", "История лейтенанта Ергунова" и "Призраки"); в июне и августе 1873 г. — соответственно "Etranges histoires" (куда вошли "Странная история", "Степной король Лир", "Стук... стук... стук!" и "Несчастная") и "Les Eaux printanières" (куда вошли "Вешние воды", "Чертопханов и Недопюскин" и "Конец Чертопханова"); в 1876 г. — "Les Reliques vivantes" (куда вошли "Живые мощи", "Часы", "Стучит!", "Пунин и Бабурин" и "Наши послали!"). Все сборники выдержали несколько переизданий при жизни Тургенева. См.: *Waddington/Montreynaud.* Items 24, 38, 46, 47, 53. Кроме того, в 1877 г. у Этцеля вышло отдельное издание "Нови" в переводе А. и Э. Дюран под заглавием "Terres vierges".

[3] Французский перевод романа "Дворянское гнездо" вышел у Этцеля в 1861 г. под заглавием "Une Nichée de gentilshommes. Mœurs de la vie de province en Russie". Впервые этот перевод, выполненный В.А. Соллогубом и А. Калонном, был напечатан в 1859 г. в "Revue contemporaine". В дальнейшем роман несколько раз переиздавался у Этцеля — в 1885 г. вышло уже четвертое издание. См.: *Waddington/Montreynaud.* Item 18.

[4] Перевод романа "Дым" на французский язык под заглавием "Fumée", выполненный А.П. Голицыным и впервые напечатанный в журнале "Le Correspondant", был существенно переработан Тургеневым и вышел у Этцеля в 1868 г. (в этот год было отпечатано два тиража). Второе издание вышло в 1874 г. и предварялось Предисловием П. Мериме, третье — в 1880 г. В 1885 г. роман выдержал уже семь изданий. См.: *Waddington/Montreynaud.* Item 35.

[5] Имеется в виду, по-видимому, французский перевод "Записок охотника", выполненный И. Делаво и вышедший у Дантю в 1858 г. (второе издание — в 1859 г.).

5103. Вильяму Рольстону (с. 169 и 282)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 28632. Л. 98 – 98 об.

Впервые опубликовано: в русском переводе – Недра. 1924. № 4. С. 269 – 270; в английском оригинале – Le Monde Slave. 1925. № 5.

[1] Это письмо Рольстона неизвестно.

[2] О пребывании Тургенева в имении В. Г. Холла (Беллока) Six Mile Bottom осенью 1878 г. см. письмо 5112 и примеч. 2 к нему.

[3] Материалы, связанные с биографией и творчеством Толстого, были необходимы Рольстону в связи с его работой над статьей о Толстом "Count Leo Tolstoy's novels" ("Романы графа Льва Толстого"), опубликованной в "The Nineteenth Century" (1879. Т. 4. P. 650 – 669). С аналогичным вопросом Рольстон обращался и к самому Л. Толстому. Отвечая отказом на эту просьбу, Толстой в письме от 27 октября ст. ст. 1878 г. объяснял: "Дело в том, что я очень сомневаюсь, чтобы я был таким значительным писателем, события жизни которого могли бы представлять интерес не только для русской, но и для европейской публики. Я вполне убежден многочисленными примерами писателей, которых современники ставили сначала очень высоко, но которые затем были совершенно забыты еще при жизни, что современники не могут правильно судить о достоинствах литературных произведений. Поэтому, несмотря на мое желание, я не могу разделять временную иллюзию нескольких друзей, утверждающих с уверенностью, что мои произведения должны будут занять некоторое место в русской литературе. Я совершенно искренно не знаю, будет ли кто-нибудь читать мои произведения через сто лет, или же они будут забыты через сто дней, и поэтому не хочу оказаться в смешном положении, в случае весьма вероятной ошибки моих друзей" (*Толстой.* Т. 62. С. 449. Подлинник по-англ.). См. также письмо 5109.

[4] См. примеч. 3 и 5 к письму 5029, а также примеч. 1 к письму 5077.

[5] Статья Рольстона, посвященная Анри Гревилю (Алисе Дюран), – "Henri Gréville's Sketches of Russian Life" – была опубликована в "The Nineteenth Century" (1878. Vol. 4. September. P. 408 – 422). В ней, в частности, Рольстон упомянул о Тургеневе как о "самом замечательном литературном художнике, которого произвела Россия", поставив его выше Л.Н. Толстого и даже выше Пушкина, хотя и прибавил, что Тургенев "с очевидной любовью останавливается на темной стороне человеческой души" и "практически сокрушает дух читателя" (Ibid. P. 414; цит. по: *Waddington P.* Some Salient Phases of Turgenev's Critical Reception in Britain // Ivan Turgenev and Britain / Ed. P. Waddington. Oxford; Providence, 1995. P. 37).

5104. Людвигу Пичу (с. 169 и 283)

Печатается по подлиннику: *SBB*.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ВЕ.* 1909. № 6. С. 643—644, в сокращении; в английском переводе — Saturday Review. Supplement. 1909. 7 August. № 2805. P. II. Вновь опубликовано: в немецком оригинале — *Pietsch.* S. 141; в русском переводе — *Письма к Пичу.* С. 194—195.

[1] Тургенев был проездом в Берлине 20 сентября н. ст. и не остановился там, чтобы успеть на третий русский концерт в рамках Всемирной выставки в Париже, который состоялся 21 сентября н. ст. 1878 г. в Трокадеро. Ф.Н. Тургенева, также присутствовавшая на концерте, записала в своем дневнике: "Трокадеро. Русский концерт — очень хорош, особенно духовный хор Бортнянского и скрипка г-на Барцевича. Издали видим Муравьевых-Амурских, Ивана (Тургенева. — *Ред.*), ⟨...⟩ Арапетова и т.д." (*ЛН.* Т. 76. С. 392). Как сообщал французский еженедельный журнал "Le Ménestrel", «третий русский концерт привлек в Трокадеро громадную толпу. Было исполнено несколько произведений Глинки, который значительно вырос в глазах публики, благодаря своему "Славься", большому финальному хору из оперы "Жизнь за царя". Этот фрагмент с захватывающим ритмом, в котором перезвон колоколов удачно смешивается с великолепной гармонией голосов и ударных, был с энтузиазмом вызван на бис. Духовный хор Бортнянского, извлеченный из его "Реквиема", произвел сильное впечатление, хотя и меньшее, чем песнь в предыдущем концерте. ⟨...⟩ Г-н Барцевич, лауреат московской консерватории, очень чисто исполнил красивую, хотя и несколько затянутую серенаду Чайковского; вальс того же автора, в котором мелодия уступила место ритмическим странностям и сложным дуате, был также исполнен г. Барцевичем, но принят был не так хорошо. Тонкость игры пианиста г. Иосифа Венявского и его концерта собственного сочинения также несколько потерялись в огромном зале Трокадеро. Как и в предыдущем концерте, мы прослушали морскую легенду, написанную на этот раз Римским-Корсаковым. Не предалась ли современная русская музыка полностью описательному жанру и описывает ли она лишь подводные сцены? Нельзя ли было избежать подобного однообразия? Г-н Римский-Корсаков имеет родственника или по крайней мере однофамильца, исполняющего высокие должности в императорском морском флоте: неужели это является достаточным основанием, чтобы после "Бури" Чайковского давать нам "Садко" г. Корсакова? Впрочем, этот отрывок блестяще оркестрован; мотивы, хотя несколько коротковатые, в то же время характерны, и в целом произведение имеет хорошо выраженный местный колорит. Наконец, после арии Ратмира (из "Руслана и Людмилы"), исполненной м-ль де Белокка со

свойственной ей грацией, концерт завершился прелестным и очень оригинальным малороссийским танцем Даргомыжского. Остается поздравить г. Николая Рубинштейна, который во всех концертах, которыми он дирижировал в Трокадеро, и в особенности в этом третьем концерте показал себя перворазрядным дирижером» (Le Ménestrel. 1878. 29 septembre. № 44. P. 356). Русские концерты вызвали большой интерес у французской публики. См.: Ibid. 2 septembre. № 43. P. 348; *Noël Edouard*, *Stoullig Edmond.* Les Annales du Théâtre et de la musique. Quatrième année: 1878. Paris, 1879. P. 566—569.

[2] Тургенев мог иметь в виду различные факты напряженной общественно-политической жизни России 1878 г.

[3] Пич приехал в Париж в октябре 1878 г. в качестве корреспондента "Schlesische Zeitung", освещавшего события вокруг Всемирной выставки. Ранее он уже приезжал в этом качестве в Париж и опубликовал несколько статей, в одной из которых рассказал, в частности, об участии Тургенева в Международном литературном конгрессе. «Из всех по-настоящему выдающихся писательских величин и мэтров Франции, — писал Пич на страницах газеты 26 и 27 июня 1878 г., — не участвовал никто, кроме Эдмона Абу и Виктора Гюго. Среди представителей иностранных литератур и прессы, часть из которых прибыла официально, а другая по собственной инициативе, был единственный человек высочайшей и подлинной славы: Иван Тургенев. А он, несомненно, скорее уступил натиску своих французских друзей и соотечественников, которые уговорили его принять участие в Конгрессе по особым мотивам, нежели следовал собственному порыву или же был преисполнен высокой веры в значение и важность подобного съезда и осуществленных в его ходе "работ" ⟨...⟩ Тургенев прочел стоя, склоняясь из-за исполинского роста к свечам в канделябре, свою тонко составленную, краткую и изящную речь с тем мягким, слегка ощутимым русским звучанием его французского произношения». Далее Пич кратко пересказал речь писателя и в завершение отметил, что когда Тургенев напомнил, как в его Отечестве сформировалась собственная литература, давшая имена таких писателей, как Пушкин, Лермонтов и Гоголь, которых знает весь просвещенный мир и которыми может гордиться, то со всех сторон раздались громкие крики: "et Tourguénieff! (и Тургенев! — *франц.*)" (цит. по: *Turgenjew I.* Briefe an Ludwig Pietsch / Hrg. Ch. Schulze. Berlin; Weimar, 1968. S. 251. Подлинник по-нем.). Этот эпизод был зафиксирован многими корреспондентами (см. примеч. 1 к письму 5049, а также примеч. 7 к письму 5051).

[4] По всей видимости, имеется в виду написанное в январе — феврале 1878 г. стихотворение в прозе "Старуха", имевшее первоначальное заглавие "Сон 1-й" (впервые установлено Кристой Шульце). Об этом случае Пич рассказывает в своих воспомина-

ниях: «Вряд ли даже самым близким его друзьям было известно, что писатель в то время, когда им все более и более овладевала старческая тоска, записывал прорывавшиеся без спросу в его душу некие поэтические сны, воспоминания и аллегории, исполненные преимущественно глубоко пессимистического содержания и замечательные то грандиозной смелостью, то прелестной грацией по форме. Он называл их "Senilia", сновидения старца. Многие из них он в буквальном смысле видел во сне. Среди них, например, тот страшный фантастический рассказ, в котором неизбежность смерти воплощена и проиллюстрирована с такой потрясающей силой: под заглавием "Старуха". Однажды вечером в один из своих приездов в Берлин он рассказал его нам с Юлианом Шмидтом за оживленной беседой. У нас по спине пробежала холодная дрожь. Я записал тогда же слышанный мною рассказ и напечатал его в фельетоне "Schlesische Zeitung" под заглавием "Сон"» (Vossische Zeitung. 1883. 14. September. № 429; цит. по: *Turgenjew I.* Briefe an Ludwig Pietsch. S. 252; ср.: Иностранная критика о Тургеневе. СПб., 1884. С. 91). С Пичем и Ю. Шмидтом Тургенев встречался по пути в Россию 6 августа н. ст. 1878 г. Фельетон, о котором упоминает Пич, был опубликован им в "Schlesische Zeitung" 15 августа н. ст. Установлено Кристой Гасде, осуществившей первую научную публикацию этого фельетона и указавшей на различия, которые существуют между рассказом Тургенева, записанным Пичем, и окончательным литературным произведением: Beiträge und Skizzen zum Werk Turgenevs. München, 1977. S. 109 (Slavistische Beiträge. Bd. 116). См. об этом: *Тиме Г.А.* Работы немецких славистов о И.С. Тургеневе // *РЛ.* 1979. № 2. С. 188; наст. изд. Соч. Т. 10. С. 479.

[5] Речь идет о комедии Тургенева "Завтрак у предводителя", которая в переводе К. фон Глюмер была напечатана под заглавием "Die Erbtheilung" в "Westermann's illustrirte deutsche Monatshefte" (1879. Bd. 45. S. 177—194). В редакционном предисловии к тексту комедии было сказано, что "Завтрак у предводителя" является "единственной вещью Тургенева, которая до этого еще не была переведена на немецкий" (S. 177).

5105. А.Н. Луканиной (с. 170)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 33; конверт — л. 34. Почтовый штемпель: 12 oct. 78, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 359—360.

[1] Очевидно, для надежности Стасюлевич посылал Луканиной номера "Вестника Европы" через Тургенева.

[2] В назначенный день встреча с Луканиной не состоялась. См. письма 5108 и 5111.

5106. Л.Я. Стечькиной (с. 170)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 21—33.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 9—11.

В дате подлинника ошибка: 30 сентября (12 октября) 1878 г. приходилось не на среду, а на субботу.

[1] Это письмо Стечькиной к Тургеневу и фотография неизвестны. Тургенев просил о фотографии в письме 5095, из которого следует, что присланную ему карточку он, скорее всего, видел ранее в дер. Плутнево во время визита к Стечькиным, состоявшегося 1 (13) сентября.

[2] См. примеч. 3 к письму 4992, а также примеч. 2 к письму 5095.

[3] Со Стасюлевичем Тургенев встречался, по всей видимости, 9 (21) сентября (см. письмо 5098). Об отношении М.М. Стасюлевича к повести Стечькиной см. письма Тургенева: к Стасюлевичу от 30 сентября (12 октября), к Стечькиной от 5 (17) октября и к П.В. Анненкову от 5 (17) октября 1879 г. (наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2). Повесть Стечькиной была напечатана в "Вестнике Европы" под названием "Варенька Ульмина" в 1879 г. (№ 11—12).

5107. А.А. Фету (с. 172)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 33. Л. 87—88 об.

Впервые опубликовано: *Фет. МВ.* Ч. 2. С. 354—355, с опиской в дате (30 декабря) и пропусками; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 360—361.

Стр. 172. облатка Ф. Жозефа (*франц.*).
Стр. 173. (смотри: искусство разведения кроликов или обеспечения себя рентой в 3000 фр.) (*лат.* и *франц.*).
Стр. 173. Так проходит... (*лат.*).

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] О Плевне см. письмо 5093 и примеч. 3 к нему. К этому сравнению Тургенев прибегал также в письмах 4916 и 4932.

[3] Фанатос (Танатос) — в древнегреческой мифологии божество, олицетворяющее смерть.

[4] Осенью 1877 г., еще не продав свое имение Степановка в Орловской губернии, где он прожил 17 лет, А.А. Фет приобрел за 100 000 р. старинное имение Воробьевка в соседней Курской губернии, куда перебрался на постоянное жительство уже в апреле 1878 г. До этого ему пришлось заниматься благоустройством усадьбы и вложить в нее немалые деньги, на что он, очевидно, жаловался в не дошедшем до нас письме к Тургеневу.

Сам Фет подробно описал обстоятельства покупки Воробьевки и проведенных в ней ремонтных работ в своих воспоминаниях (*Фет. МВ.* Ч. 2. С. 329—338). Интересно, что в Воробьевку был привезен из Спасского и посажен каштан, по-видимому подаренный Фету дядей Тургенева Н.Н. Тургеневым, с которым поэт был в дружеских отношениях (Там же. С. 335). «Деревня Воробьевка, — писал Н.Н. Страхов в "Биографическом очерке", предпосланном первому посмертному собранию стихотворений Фета (1894), — стоит на левом берегу реки (Тускари. — *Ред.*), а господская усадьба на правом берегу, очень высоком. Каменный дом окружен с востока каменными же службами, а с юга и запада огромным парком на 18-ти десятинах, состоящим большею частью из вековых дубов. Место так высоко, что из парка ясно видны церкви Коренной пустыни» (цит. по: *Фет А.А.* Полное собрание стихотворений: В 3 т. / Под ред. Б.В. Никольского. СПб., 1901. Т. 1. С. XXXV).

[5] Окончательное переселение Тургенева из Баден-Бадена в Париж состоялось лишь в ноябре 1871 г. До этого, вынужденные покинуть Германию в связи с франко-прусской войной 1870—1871 гг., Тургенев и семейство Виардо некоторое время жили в Лондоне.

[6] Тургенев подразумевает брошюру: *Maldan J.-C.* L'Art d'élever des lapins et de s'en faire 3000 francs de revenu. Paris, 1838, выдержавшую впоследствии несколько изданий.

[7] Над этой неудачной попыткой развести кроликов Тургенев иронизировал также в письме к Клоди Шамро от 14 (26) августа 1876 г. — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4413. См. также письма Луи Виардо к Тургеневу от 11 и 15 июня н. ст. 1876 г.: *Tourguéniev/L. Viardot.* P. 306, 309.

[8] Имение А.Н. Мухортовой — Федоровка (в Малоархангельском уезде Орловской губернии), куда Тургенев предположительно заезжал 17 (29) или 18 (30) августа, рассчитывая договориться о продаже имения Тапки. См. примеч. 5 к письму 5079.

[9] Возглас "Sic transit gloria mundi" ("Так проходит мирская слава") вошел в ритуал избрания Римского папы.

[10] Речь идет о втором после примирения с Толстым посещении Тургеневым Ясной Поляны (см. примеч. 2 и 3 к письму 5089).

[11] Имеется в виду племянник Фета Петр Иванович Борисов, сын любимой сестры Фета Надежды и близкого друга И.П. Борисова. После смерти родителей мальчика Фет оформил над ним опекунство, близкие друзья, в том числе и Тургенев, внимательно относились к судьбе Пети Борисова. Он действительно подавал большие надежды и делал успехи в учебе, однако тяжелая наследственность по линии матери привела к буйному помешательству. В 1888 г. П.И. Борисов скончался в больнице для душевнобольных в Петербурге.

5108. А.Н. Луканиной (с. 173)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 36.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 362.

Год определяется соответствием числа и дня недели, а также по связи с письмом 5105.

[1] В назначенный день встреча не состоялась. См. письмо 5111.

5109. Л.Н. Толстому (с. 174)

Публикуется по подлиннику: *ГМТ.* Ф. 1. 114/22.

Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем.* С. 335—336.

Настоящее письмо Тургенева датируется 1878 г. на следующих основаниях. 1) Сохранился ответ Толстого на это письмо Тургенева, датированный 27 октября (9 ноября) 1878 г. (*Толстой.* Т. 62. С. 446—447). 2) Упоминаемое в письме Тургенева письмо Рольстона — конечно, от 25 сентября 1878 г., сохранился ответ Толстого (от 27 октября ст. ст. 1878 г.) и на это письмо (*Толстой.* Т. 62. С. 448—449). 3) Упоминаемая Тургеневым статья Рольстона "Романы графа Льва Толстого" была опубликована в начале 1879 г. 4) Перевод "Казаков" Толстого, о котором также упоминает Тургенев, был опубликован в августе — сентябре 1878 г. Все эти факты, а также сопоставление содержания письма с датированным 25 сентября (7 октября) 1878 г. письмом 5103 позволяют считать, что датируемое письмо относится именно к 1878 г. В подлиннике допущена ошибка в обозначении дня недели — 1 (13) октября 1878 г. приходилось на воскресенье.

[1] Имеется в виду болезнь членов семьи Толстого. 6 (18) сентября 1878 г. Толстой писал Н.Н. Страхову: "У нас дети были больны, старшие жабой и Сережа воспаленьем; теперь поправляются" (*Толстой.* Т. 62. С. 438; см. также: *Толстой/Страхов.* Т. 1. С. 462).

[2] Ответ Толстого от 27 октября ст. ст. 1878 г. "Кругом виноват перед вами, любезнейший Иван Сергеевич, — писал Толстой. — Хотел писать вам вслед за вашим отъездом, а кончилось тем, что и на ваше письмо промешкал ответом. У нас, слава Богу, все здорово, но я не писал оттого, что это последнее время был (выражаясь довольно точно) умственно нездоров: ходил на охоту, читал, но был буквально не способен ни к какой умственной самобытной деятельности — даже написать письмо, в котором бы был смысл. Со мной это бывает иногда, и вы, верно, знаете это, и если не знаете, то наверно понимаете. По этой же причине не отвечал и Ралстону, но нынче надеюсь ответить ему" (*Толстой.* Т. 62. С. 446).

[3] Толстой отказался предоставить Рольстону автобиографические материалы (см. примеч. 3 к письму 5103).

[4] Вероятно, Тургенев имеет в виду французского литератора Шарля Роллина, которого он рекомендовал в 1874 г. в качестве переводчика произведений Толстого на французский язык в "Revue des Deux Mondes" и в "Le Temps". Один из переводов Ш. Роллина, а именно — перевод "Двух гусаров", сделанный по совету Тургенева и помещенный в "Le Temps" 10 февраля н. ст. 1875 г., не удовлетворил Тургенева и послужил причиной раздора между ним и переводчиком, а также Ж. Санд, которая, в свою очередь, поддерживала Роллина и рекомендовала его Тургеневу (см.: *Алексеев М.П. Тургенев — пропагандист.* С. 74; *Waddington P.* Turgenev and George Sand: an improbable entente. Wellington (New Zealand), 1981. P. 87—89, 93—95).

[5] Повесть "Казаки" была переведена на английский язык Ю. Скайлером ("The Cossacks: A Tale of the Caucasus in 1852") и издана в Лондоне в двух томах в 1878 г.; в Америке вышла в том же году вторым изданием в одном томе: The Cossacks: A Tale of the Caucasus in 1852 by count Leo Tolstoy. Translated from the Russian by Eugene Schuyler. 2nd edition. New York: Charles Scribner's sons, 1878. В письме от 27 октября ст. ст. 1878 г. Толстой писал: «Переведенных по-английски "Козаков" мне прислал Скайлер, кажется, очень хорошо переведено» (*Толстой.* Т. 62. С. 446). Повесть была переведена Скайлером по рекомендации Тургенева, данной во время их первой встречи в Баден-Бадене осенью 1867 г., о чем Скайлер упомянул впоследствии в своих воспоминаниях о Толстом (*Schuyler E.* Count Leo Tolstoy twenty years ago // Scribner's Magazine. 1889. Vol. 5. № 5. P. 547, 551—553; № 6. P. 733, 738—745; см. отрывок из этих воспоминаний в русском переводе: *Скайлер Е.* Граф Л.Н. Толстой двадцать лет назад // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 203). В предисловии к переводу, датированном 9 июля н. ст. 1878 г., Скайлер писал: "Граф Лев Толстой является в настоящее время, возможно, самым популярным писателем в России и, после Тургенева, он неоспоримо лучший" (*E.S.* ⟨*Schuyler E.*⟩ Preface // *Tolstoy Leo.* The Cossacks. New York, 1878. P. 3). Дав далее довольно подробную биографическую справку о Толстом, он заключал: «Тургенев однажды сказал мне, что считает "Казаков", версия которых предлагается здесь читателю, прелестнейшим и самым совершенным произведением русской литературы. Настоящий перевод был начат почти десять лет назад; но другие занятия и обязанности отсрочили его завершение, пока длительное морское путешествие не дало досуга, который нельзя было употребить с лучшей целью. Пусть же он внесет свою лепту в дело лучшего знания и понимания не только русских, но и наиболее оклеветанной и превратно понятой части их — казаков» (Ibid. P. 4).

[6] Статья В. Рольстона “Count Leo Tolstoy's Novels” (“Романы графа Льва Толстого”) была напечатана в журнале “The Nineteenth Century” (1879. № 4. P. 650—669). См. статью М.П. Алексеева “William Ralston and Russian Writers of the Later Nineteenth Century” (Oxford Slavonic Papers. 1964. Vol. 11. P. 90—91).

[7] Перевод был сделан Е.И. Менгден, знакомой семьи Толстого, и печатался в “Journal de St-Pétersbourg” с 4 августа по 15 сентября 1878 г. 19 февраля (8 марта) 1879 г. Е.И. Менгден писала Тургеневу: «Граф Л.Н. Толстой передал мне желание Ваше издать мой перевод “Казаков” с Вашим предисловием: граф не считал себя вправе дать Вам своего согласия, но для меня было бы очень лестно, если мой перевод будет скреплен Вашим именем, и я с особенным удовольствием передам Вам свои права, если Вы найдете это возможным. Переговоры с Plon et C° насчет издания я вела с Durand через Горна, редактора “Journal de St. Pétersbourg”, и в декабре послала Durand позволение Льва Николаевича на издание перевода и свое согласие на необходимые поправки. Durand Вам скажет, передал ли он уже все это Plon et C° или нет: в последнем случае я буду очень рада, если Вы возьмете дело в Ваши руки. Цена, предлагаемая Plon et C° за мой перевод, так ничтожна, что не стоит о ней упоминать: самое лучшее вознаграждение за мой труд будет несколько строк Вашей руки, если Вы будете так добры мне отвечать» (*ИРЛИ.* № 5820. Л. 1—2). Толстой скептически отнесся к переводу “Казаков” баронессой Менгден: “По-французски же переводила бар. Менгден, которую вы у нас видели, и, наверно, дурно. Пожалуйста, не думайте, что я гримасничаю, но, ей-богу, перечитывание хоть мельком и упоминание о моих писаниях производит во мне очень неприятно сложное чувство, в котором главная доля есть стыд и страх, что надо мной смеются” (*Толстой.* Т. 62. С. 446).

[8] Этот перевод Тургенева не был осуществлен.

[9] Толстой не принял никаких мер для отдельного издания “Казаков” в Париже, перевод Е.И. Менгден был сделан, по всей видимости, с его согласия.

5110. Юлиану Шмидту (с. 175 и 283)

Печатается по копии из бумаг И.Д. Гальперина-Каминского, опубликованной П. Уоддингтоном: Turgenev and Julian Schmidt: New or Neglected Material, with Some Omnium-Gatherum Turgenevianum and an Appendix. Pinehaven (New Zealand), 1998. P. 19. Копия, по предположению П. Уоддингтона, снята была не самим Гальпериным-Каминским, а Ю. Шмидтом или его женой; ныне копия хранится в собрании Оливье Ле Сена (Париж). Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: в русском (неполном) переводе — *ВЕ.* 1909. № 3. С. 275—276; в английском переводе — The Saturday

Review. Supplement. 1909. 28 August. № 2809. P. II. В *ПССиП(1). Письма* вошло в русском (неточном) переводе: Т. XII. Кн. 1. С. 362—363.

[1] Тургенев провел в Берлине лишь несколько часов по пути из России в Париж 20 сентября н. ст., поскольку рассчитывал успеть на третий русский концерт в рамках Всемирной выставки в Париже, который состоялся 21 сентября н. ст. 1878 г. (см. письмо 5104, примеч. 1). В связи с этим он не смог увидеться ни с Л. Пичем, ни со Шмидтом.

[2] Тургенев обещал Шмидту выслать роман А. Доде "Набоб" еще в феврале (см. письмо 4959).

[3] В этот период французский поэт и писатель Жан Ришпен испытывал влияние В. Гюго. В своем первом сборнике стихотворений "La Chanson des gueux" ("Песнь босяков"), вышедшем в 1876 г., Ришпен воспел мир бродяг, противопоставляя его формам быта и морали буржуа. Знакомя русского читателя с творчеством современных французских поэтов, Э. Золя посвятил Ришпену часть своего очередного "Парижского письма" в февральском номере "Вестника Европы", где отметил, что сборник стихотворений поэта "наделал много шума", поскольку "никто не подозревал, чтобы у него была такая развязная муза; скандал, произведенный ею, был таков, что прокуратура встрепенулась и арестовала книгу. Был суд, некоторые стихотворения пришлось выбросить, но продажа книги удвоилась" (*ВЕ.* 1878. № 2. С. 890). В целом Золя оценил "La Chanson des gueux" достаточно высоко, увидев в Ришпене "отчаянного реалиста, не отступающего перед резкими словами и называющего безобразные вещи их именем". При этом крайне отрицательно Золя отозвался о стихотворениях, написанные на арго, разглядев в употреблении жаргонной лексики отсутствие правды, стремление к эффекту, а не художественную необходимость. Признавая в Ришпене большой талант, критик вместе с тем считал его скорее романтиком, нежели реалистом и указывал на заметное влияние Бодлера: "Ришпен отличается от Боделера (sic! — *Ред.*) только в том отношении, что не такой пурист и позволяет себе все. С другой стороны, он шумнее, боязливее и хвастливее" (Там же). В апрельской книжке "Вестника Европы", со ссылкой на упомянутое "Парижское письмо" Золя "Наши современные поэты", была помещена подборка переводов "Из современных поэтов Франции", выполненных С.А. Андреевским, в которую, помимо стихотворений Ш. Бодлера и Ф. Коппе, вошли также два перевода из Ришпена (*ВЕ.* 1878. № 4. С. 698).

5111. А.Н. Луканиной (с. 175)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 38; конверт — л. 39. Почтовые штемпели: 1) 16 oct. 78, Bougival; 2) 18 oct. 78, R. Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 359.

[1] Очевидно, речь идет о письмах 5105 и 5108. В своем дневнике Луканина записала 7 (19) октября 1878 г.: "В сентябре 1878 года мне пришлось вынести очень много тяжелого и неприятного. Я была сильно взволнована и очень хотела увидаться с Иваном Сергеевичем, нуждаясь в его совете и помощи. Но точно клад в руки, не давалось мне свидание с ним. Вот уже месяц, как он в Буживале, и все не удавалось мне ни застать его, ни получить его письма вовремя". Как видно из дальнейшего изложения, в назначенный день — 7 (19) октября — встреча, по-видимому, состоялась, однако Тургенев приехал не к 11 часам, а позже (*СВ.* 1887. № 3. С. 47).

5112. Вильяму Генри Холлу (Беллоку) (с. 176 и 284)

Печатается по фотокопии, предоставленной П. Уоддингтоном. Подлинник хранится в Beinecke Library (Yale).

Впервые опубликовано в английском оригинале: *Waddington P.* Turgenev and George Eliot: A Literary Friendship // Modern Language Review. 1971. Vol. 66. № 4 (October). P. 755. В собрание сочинений включается впервые.

[1] Ответ на неизвестное письмо Холла. Изначально Тургенев планировал прибыть в Лондон вечером 9 октября н. ст., а оттуда на следующий день отправиться в имение Холла, который пригласил его поохотиться (см. письмо 5103). Однако затем писатель вынужден был отложить свою поездку на неделю, что следует из письма Г. Льюиса к сыну от 15 октября н. ст.: "В четверг (т.е. 17 октября 1878 г. — *Ред.*) мы выезжаем в Six Mile Bottom — Тургенев будет там и Холлы заманили нас к себе с четверга по понедельник" (цит. по: *Waddington P.* Turgenev and George Eliot: A Literary Friendship. P. 755. Подлинник по-англ.). Но и в этот раз сроки поездки были отложены: Тургенев выехал в Англию лишь 8 (20) октября.

[2] 9 (21) октября Тургенев приехал с вокзала Кингс-Кросс через Кембридж в имение В.Г. Холла Six Mile Bottom близ Ньюмаркета, где провел пять дней. Там он встретился с Джордж Элиот и ее гражданским мужем Генри Льюисом, а также дважды охотился на фазанов и куропаток (см.: *Waddington. T and England.* P. 229, а также: *Browning O.* Life of George Eliot. London, 1890. P. 128—130; The George Eliot Letters / Ed. G.S. Haight. London; New-Haven, 1955. Vol. 7. P. 73). Имение досталось Беллоку по завещанию от дяди генерал-лейтенанта Джона Холла вместе с родовым именем Холл. Эти места славились обилием куропаток, и Тургенев давно собирался туда поохотиться. Еще в августе 1873 г. он писал Г. Флоберу: "Два года тому назад в Англии я познакомился с одним очень любезным молодым человеком по имени Беллок, у которого был необычайно богатый дядюшка, старый генерал в отставке по имении Холл. Этот генерал Холл

владел: / самой замечательной охотой на куропаток во всей Англии!!! ⟨...⟩ Но это был чудак, который охотился в одиночестве и приглашал — время от времени — лишь своего племянника. И вот он умирает и оставляет свое состояние, имя и *охоту* племяннику; а племянник вспоминает обо мне и приглашает к себе ⟨...⟩ чтобы настрелять целую гору куропаток" (наст. изд. Письма. Т. 12. № 3495. Подлинник по-франц.). Однако опасаясь приступа подагры, Тургенев уклонился тогда от поездки, не решился он на поездку и в 1874 г. В Six Mile Bottom ему удалось приехать лишь в 1878 г. (в примеч. к письму Тургенева к В. Рольстону от 10 (22) февраля 1874 г. (№ 3609) ошибочно указано, что писатель ездил на охоту в Six Mile Bottom в октябре 1876 г., — см.: наст. изд. Письма. Т. 13. С. 365).

[3] Очевидно, это намерение осуществилось. В Оксфорде Тургенев был в гостях у теолога и переводчика, профессора древнегреческой филологии Бенджамена Джоветта (см. письмо 5114 и примеч. 3 к нему, а также: *Waddington. T and England.* P. 242).

5113. М.М. Антокольскому (с. 176)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 144 (Архив М.Я. Виллие). Альбом № 3. Л. 59. № 1383.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 363—364.

В дате подлинника ошибка — 18 октября н. ст. в 1878 г. приходилось на пятницу. Вероятнее всего, Тургенев ошибся в числе, и письмо написано 7 (19) октября, в субботу — накануне отъезда в Лондон, куда он отправился в воскресенье, 8 (20) октября.

Стр. 177. Дуэт из "Золушки" — *Николо*
г-жа Шамро-Виардо
и м-ль Марианна Виардо.

Ария из "Цирюльника" — *Россини*
м-ль М. Виардо.

а.) Хабанера на два голоса
г-жа Шамро-Виардо и м-ль М. Виардо.
б.) Дуэт на венгерские мелодии,
аранжированный г-жой П. Виардо,
г-жа Шамро-Виардо и м-ль М. Виардо.

а.) Романс — ("Нет, только тот...") Чайковский
б.) Маргарита за прялкой — Шуберт
г-жа П. Виардо (*франц.*).

[1] Г.О. Гинцбург был казначеем Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже.

[2] Когда состоялся этот концерт, установить не удалось.

5114. Клоди Шамро (с. 178 и 285)

Печатается по фотокопии из собрания А. Звигильского. Подлинник хранится в собрании Оливье Ле Сена (Париж).

Впервые опубликовано во французском оригинале: *Nouv corr inéd.* T. 1. P. 289—291. В собрание сочинений включается впервые.

[1] Это письмо К. Шамро неизвестно.

[2] Six Mile Bottom — имение В.Г. Холла (Беллока) в графстве Кембридж, куда Тургенев приехал на охоту 9 (21) октября 1878 г. (см. примеч. 2 к письму 5112).

[3] Речь идет о ректоре Баллиольского колледжа (одного из старейших в Оксфорде, основан в 1263 г.) Бенджамине Джоветте, пользовавшемся славой одного из замечательнейших педагогов своего времени. Всего в состав Оксфордского университета входят 29 колледжей. Это была, судя по всему, первая встреча Тургенева с Б. Джоветтом.

[4] Б. Джоветт преподавал в Оксфорде греческий язык. Он перевел "Диалоги" Платона, "Политику" Аристотеля, а также Фукидида. Возможно, именно во время встречи с Тургеневым Джоветт подарил ему свой перевод Платона, о котором писатель впоследствии высоко отозвался в разговоре с А.Н. Луканиной: "Я читал перевод Платона Джоэтта (перевод Шлейермахера (В публикации ошибочно: Плейрмахера. — *Ред.*) — плох), у меня болела душа оттого, насколько мы пали сравнительно с греками. Описание смерти Сократа, описание некоторых поступков Алкивиада и суда над ним — да это верх совершенства! А простота какая! Вы читаете словно короткий протокол и в то же время чувствуете, что этот Сократ, этот полулежащий, полусидящий человек — бог! А почему — черт его знает... этого не объяснишь" (*СВ.* 1887. № 3. С. 59. Запись за 6 января н. ст. 1879 г.).

[5] Имеется в виду брат П. Виардо Мануэль Гарсиа, который в это время жил в Лондоне и преподавал в Лондонской консерватории (Royal Academy of Music).

[6] Имеется в виду английский ученый-экономист и член парламента Генри Фосетт.

[7] Жена Г. Фосетта Милисент (рожд. Гаретт) была активной деятельницей женского движения за избирательные права и верной помощницей мужа.

[8] Поль Виардо в это время гастролировал в Германии. Газета "Le Ménestrel" сообщала: "Во втором концерте в Gewandhaus'е молодой французский скрипач-виртуоз Поль Виардо вызвал шквал аплодисментов. Юный артист, как говорят немецкие газеты, своим талантом заслуживает великое имя, которое носит" (1878. 3 novembre. № 49. P. 396).

[9] По предположению П. Уоддингтона, Тургенев мог послать Клоди рисунок из выпуска "Punch" за 26 октября н. ст. 1878 г.

(P. 185), на котором изображена юная длинноволосая воздушная гимнастка на трапеции, свисающая на одной ноге и держащая в зубах лорда Чемберлена (см.: *Waddington. T and England.* P. 245, 394).

[10] Имеется в виду дочь К. и Ж. Шамро — Жанна.

5115. М.М. Антокольскому (с. 179)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 25. № 25. Л. 16.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 364.

В дате подлинника ошибка в указании числа. Тургенев вернулся из Англии во вторник 17 (29) октября, пробыв там 10 дней (см. письма 5114 и 5117). Ту же ошибку Тургенев допустил в письмах 5116 и 5117.

[1] Вероятно, на заседании комитета Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, секретарем которого был Тургенев и одним из деятельных членов — Антокольский.

[2] Речь идет о концерте, в котором должны были участвовать Полина Виардо с дочерьми и сам Тургенев (см. программу концерта в письме 5113).

5116. А.Н. Луканиной (с. 180)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 41.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 360.

Указанный в письме день недели не соответствует числу. Ошибка, вероятно, в указании числа (см. следующее письмо от 19 (31) октября 1878 г. к Луканиной (№ 5118), датируемое правильно; ср. обоснование датировки в письме 5115).

[1] В назначенный день встреча не состоялась. См. письмо 5118.

5117. М.М. Стасюлевичу (с. 180)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 222. На подлиннике помета Стасюлевича: "22.X.78", дата получения письма.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 152—153.

День недели не соответствует числу. См. комментарий к письму 5115.

[1] Это письмо Стасюлевича неизвестно. См. письма 5116 и 5118.

[2] Речь идет об отказе Стасюлевича напечатать присланные в редакцию "Вестника Европы" произведения В.Б. Пасека и А.А. Брянчанинова. См. письма 5076, 5098, 5119.

[3] Стасюлевич намеревался издавать с 1879 г. при "Вестнике Европы" еженедельную газету "Воскресенье. Еженедельный вестник политики, истории, литературы", но она не была разрешена министром внутренних дел А.Е. Тимашевым. Соответствующее уведомление от 20 октября ст. ст. 1878 г. за подписью начальника Главного управления по делам печати В.В. Григорьева см.: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. № 1767. Л. 2. По замыслу Стасюлевича, газета должна была состоять "главным образом из двух отделов": в первом отделе предполагалось помещать "еженедельные обозрения по различным отраслям жизни государственной и общественной" ("сюда относятся: вопросы общей политики и государственного хозяйства, суд, школа, науки и художества, театр, печать и литература"); второй отдел должны были составить "корреспонденции, заметки, библиография, известия и объявления" (Там же. Л. 9). К идее издания газеты Стасюлевич вернулся позднее, получив в 1880 г. разрешение на издание "Порядка". Подробнее см.: *Кельнер В.Е.* Человек своего времени (М.М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993. С. 181—182.

[4] Имеется в виду Главное управление по делам печати, помещавшееся на Театральной улице (ныне ул. Зодчего Росси), в здании Министерства внутренних дел.

[5] Речь идет о повести Л.Я. Стечькиной "Кривые деревья". См. примеч. 3 к письму 4992.

[6] Ранее Тургенев уже рекомендовал Стасюлевичу А.В. Топорова. См. письмо 5098 и примеч. 1 к нему.

5118. А.Н. Луканиной (с. 181)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 43; конверт — л. 44. Почтовые штемпели: 1) 31 oct. 78, Pl. de la Bourse, Paris: 2) 31 oct. 78, R. Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 366—367.

Стр. 181. до востребования (*франц.*).

[1] Ср. письма 4957 и 4962.

[2] Письмо 5116.

[3] Судя по воспоминаниям Луканиной, встреча состоялась, по-видимому, в субботу 21 октября (2 ноября) 1878 г., однако была непродолжительной. В следующий раз она посетила Тургенева 4 ноября н. ст. См.: *СВ.* 1887. № 3. С. 49.

5119. А.А. Брянчанинову (с. 181)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 33. Л. 6—6 об.

Впервые опубликовано: *Сб РПБ.* Т. 1. Вып. 1. С. 201.

[1] Это письмо Брянчанинова неизвестно.

[2] См. письма 5076, примеч. 1, 5098 и 5117.

[3] В мае 1877 г. Брянчанинов послал в "Вестник Европы" рукопись повести "Фальшивый аккорд", которая также была возвращена ему (см.: *Каталог рукописей.* Л. 15).

5120. Генри Льюису (с. 182 и 286)

Печатается по подлиннику: Библиотека Баллиольского колледжа, Оксфорд.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 367—368.

[1] Какие книги Тургенев получил от Льюиса и Джордж Элиот, установить не удалось. Трудно сказать, что именно Тургенев послал Льюису. Одной из этих книг мог быть перевод на английский язык романа "Новь", выполненный Т.-С. Пери и изданный в Нью-Йорке в 1877 г. (см.: наст. изд. Соч. Т. 9. С. 541). Мог послать Тургенев "Новь" и в недавно вышедшем английском переводе Э. Дилка (см. письмо 4947 и примеч. к нему) или же какие-либо из своих французских изданий, выпущенных Этцелем. В письме от 29 ноября н. ст. сын Льюиса — Чарльз Ли Льюис поблагодарил Тургенева за присланные издания: "Мама просит известить вас, что мой отец опасно болен и что вследствие этого она не в состоянии отвечать на письма сама, но просит передать вам со словами благодарности, что все вами посланное прибыло в исправности, а также фотография г-жи Виардо" (цит. по: *Waddington P.* Turgenev and George Eliot: A Literary Friendship // Modern Language Review. 1971. Vol. 66. № 4 (October). P. 758. Подлинник по-англ., хранится в *Bibl Nat*). На следующий день Г. Льюис скончался. См. письмо 5155.

[2] Тургенев имеет в виду встречу с Льюисом и его женой Джордж Элиот с 21 по 24 октября н. ст. 1878 г. в доме их друга В.Г. Беллок-Холла (см.: The George Eliot Letters / Ed.G. S. Haight. London; New Haven, 1955. Vol. 7. P. 73, а также: *Waddington. T and England.* P. 249 и письмо 5112, примеч. 1 и 2). Знакомство с Льюисами, точнее с Джордж Элиот (Тургенев подчеркнуто называет ее госпожой Льюис, несмотря на то что они состояли в гражданском браке), началось еще зимой 1870—1871 гг.: первая встреча произошла в поместье Льюисов "The Priory" (приобретенном в 1864 г.) 27 декабря 1870 г. (8 января 1871 г.) во время пребывания писателя в Англии, о чем свидетельствует запись в дневнике Льюиса: "Нам было очень хорошо с ним. Очень интересная беседа" (см.: *Waddington P.* Turgenev and George Eliot: A Literary Friendship. P. 752. Note 2). См. также письмо Тургенева к Джордж Элиот от 4 (16) января 1871 г.: наст. изд. Письма. Т. 11. № 2859 и примеч. к нему. С самим Льюисом Тургенев был знаком гораздо раньше, они вместе слушали лекции в Берлинском университете в 1838 г. Несмотря на значительный пере-

рыв в общении, Тургенев продолжал интересоваться Льюисами и постоянно передавал им приветы через общих знакомых, в то же время Джордж Элиот и ее муж следили за творчеством Тургенева и ждали встречи с ним. Кроме того, доверительные отношения установились между Льюисами и семьей Виардо во время пребывания последних в Англии, куда они были вынуждены уехать в связи с началом франко-прусской войны 1870—1871 гг.

5121. Ф.А. Вальтеру (с. 183 и 287)

Печатается по тексту первой публикации: St.-Petersburger Herold. 1884. 9. (21.) Juni. № 161. S. 3. Подлинник неизвестен.

[1] С 8 (20) до 17 (27) октября 1878 г. Тургенев находился в Англии. См. письма 5112 и 5114, а также примеч. к ним.

[2] Тургенев отвечает на письмо Вальтера от 14 (26) августа 1878 г., которое сохранилось в Славянской библиотеке Парижа (Bibliothèque Slave) и было опубликовано Л. Шуром. Обращаясь к своему бывшему ученику, Вальтер писал: "Сударь, / Я не знаю, вспоминали ли вы на протяжении вашей долгой, славной столькими шедеврами и навсегда прославившей русскую литературу карьеры поэта и писателя, за которой я следил со всевозраставшим восхищением скромного преподавателя древних языков, имевшего честь сорок лет назад читать с вами *Горация* и *Софокла*, который гордится тем, что имел в вашем лице ученика по древним языкам, ставшего столь знаменитым на службе Муз своего отечества. / Сожалею, что после наших совместных занятий не имел случая увидеть вас вновь и засвидетельствовать вам свое восхищение и мое личное почтение. / Будучи в Париже всего на несколько дней и не надеясь увидеть вас лично, позвольте мне по крайней мере поднести вам, сударь, в знак памяти и почтения, экземпляр моих последних скромных стихов, посвященных славным победам ваших соотечественников в Турции во время последней войны, единственный экземпляр, случайно привезенный мною в Париж, который, к сожалению, напечатан на обычной бумаге. / Но если вы не относитесь к античной Музе свысока, я через две недели, тотчас по возвращении в Петербург, поспешу отправить вам экземпляр получше и, кроме того, другие произведения на латинском языке, которые были опубликованы до него, напр., написанную алкеевым стихом поэму к памятнику Екатерине II и т.д. 〈...〉" (*Shur L.* Quelques documents inédits sur Tourguéniev à la Bibliothèque Slave // *Cahiers.* № 7 (1983). P. 125—126. Подлинник по-франц.).

[3] В начале своей деятельности Вальтер преподавал древние языки в петербургских учебных заведениях и частных домах. Тургенев был его учеником в 1835—1837 гг. во время своего студенчества.

[4] В 40—60-х годах Вальтер опубликовал ряд сборников своих стихотворений на латинском языке по поводу различных торжеств и юбилеев государственных деятелей в России (см.: Catalogue de la section des russica. СПб., 1873. Т. 2. P. 509—511. № 128—152). К приведенному выше письму была приложена изданная в Петербурге в 1878 г. брошюра Вальтера "Hymnus in russorum victorias de turcis reportatas 1877—1878" (Petropoli, 1878) ("Гимны в честь побед русских над турками в течение 1877—1878 гг."), два экземпляра которой также хранятся в Bibliothèque Slave, один из них со следующей дарственной надписью: "A Monsieur Iwan Serguéïevitsch Tourguéneff à Paris, hommage d'admiration et d'estime de son ancien professeur de langues anciennes Ch. Fr. Walther. — Wiesbade, le 28 août 1878" ("Господину Ивану Сергеевичу Тургеневу в знак восхищения и уважения от его бывшего учителя древних языков Хр. Фр. Вальтера. — Висбаден, 28 августа 1878") (см.: *Shur L.* Quelques documents inédits sur Tourguéniev à la Bibliothèque Slave. P. 126). В приведенном выше письме от 26 августа н. ст. 1878 г. Вальтер сообщал, что отправляется в тот же вечер в Висбаден, чем объясняется место написания дарственной надписи. Очевидно, он отправил вторую брошюру уже по приезде в Висбаден.

[5] Один из подобных гимнов (под заглавием "Гимн на победы россиян в Турции") был напечатан на латинском языке с русским подстрочным переводом, например, в газете "Санкт-Петербургские ведомости" (1878. 26 февраля (10 марта). № 57. С. 3) и содержал следующие строки: "Да здравствует Отец отечества, / Увенчанный лаврами Царь русский! / Да здравствует АЛЕКСАНДР! / Слава тебе Царь-Император, / Христиан освободитель, / Боец за вечную правду. 〈...〉 // Да здравствует Император ВИЛЬГЕЛЬМ, / Могущественный союзник России, / Верный страж мира, / Вместе с лучезарным светочем Германии, / Бисмарком, — России / Постоянный друг и доброжелатель. // Долой покровительницы Турции, / Корыстолюбивая алчность / И английская зависть. / Долой гонющиеся за наживой, / Ростовщики Турции, / Подонки купечества. // Да здравствует триумвират Императоров / Крепкий союз единомыслящих, / Ныне верховный судья мира. / Пусть с закрытием храма Януса / Вернется благосостояние и процветет благодетельный / Мир — венчающий войны".

5122. А.А. Мещерскому (с. 183)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 69. Л. 4.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 368.

Год определяется пребыванием Тургенева в Англии — осенью 1878 г. — и по дате письма: 3 ноября н. ст. приходилось на воскресенье в этом же году.

[1] Тургенев вернулся из Англии 17 (29) октября. О его пребывании там см. письма 5112, 5114, 5120 и примеч. к ним.

[2] В назначенный день встреча, по-видимому, состоялась. См. письмо 5130.

5123. Кларе Тургеневой (с. 184 и 287)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 4708.

Впервые опубликовано: *Т и его время.* С. 260.

[1] Речь идет о предсмертной болезни Н.В. Ханыкова, скончавшегося в Рамбулье 3 (15) ноября 1878 г. В Рамбулье Тургенев поехал только 27 октября (8 ноября) из-за оплошности своего садовника (см. письма 5126, 5129 и примеч. к ним).

5124. Н.А. Щепкину (с. 184)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 247—248.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 369—370.

[1] Это письмо Щепкина неизвестно.

[2] Распоряжения могли быть связаны с делом Жикина — см. письмо 5099.

[3] Имеются в виду распоряжения о выплате денежных пособий — см. письмо 5101.

[4] См. письмо 4939 и примеч. 4 к нему.

5125. П.В. Анненкову (с. 185)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 24—25 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 370—371.

Стр. 186. наперстянка, дигиталис (*лат.*).
Стр. 186. лицом к лицу (*франц.*).

[1] Последнее по времени письмо Анненкова к Тургеневу было написано 27 сентября (9 октября) 1878 г. из Брюсселя, где Анненков поселился тогда с семьей (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 91—92). О намерении прибыть в Брюссель 3 или 5 октября 1878 г. Анненков сообщал также М.М. Стасюлевичу (см.: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 359).

[2] Первая строка стихотворения А.С. Хомякова "Остров" (1836), перефразирующая первую строку стихотворения Пушкина "Город пышный, город бедный..." (1828). Впервые стихотворение Хомякова было напечатано под заглавием "Альбион". Называя Англию "лучшим камнем изумрудным в голубом венце

морей", поэт, однако, пророчил падение великой державы: "Но за то, что ты лукава, / Но за то, что ты горда, / Что тебе мирская слава / Выше божьего суда ⟨...⟩ / День придет — и близок он — / Блеск твой, злато, багряница — / Все пройдет, минет как сон: / Гром в твоих руках остынет, / Перестанет меч сверкать, / И сынов твоих покинет / Мысли ясной благодать". Концовка стихотворения возвещает веру Хомякова в то, что ведущая роль в истории будет принадлежать России: "И другой стране смиренной, / Полной веры и чудес, / Бог отдаст судьбу вселенной, / Гром земли и глас небес".

[3] О пребывании Тургенева в Англии, где он несколько дней гостил в имении В.Г. Холла (Беллока) Six Mile Bottom, а также посетил Оксфорд и Кембридж, см. письма 5112, 5114, 5120 и примеч. к ним. Откликаясь на письмо Тургенева, Анненков замечал 28 октября (9 ноября) 1878 г.: "Однако ж — какой Вы молодец, как я погляжу! Слетать в Англию, в Оксфорд, Кембридж нипочем. И это в 60 лет, которые Вам завтра стукнут" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 92). Ошибка Анненкова — 60 лет Тургеневу исполнилось именно в день написания письма.

[4] В письме от 27 сентября (9 октября) 1878 г., на которое отвечает Тургенев, Анненков замечал по поводу не дошедшего до нас письма писателя, написанного, видимо, в конце сентября — начале октября н. ст.: "Достаточно загадочны ваши слова, что мы свидимся скорее, чем думаем" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 91). Узнав о намерении Тургенева посетить Брюссель на пути в Россию, Анненков выражал свое горячее одобрение: "Жду сего часа, как благовеста к заутрени Светлого Воскресенья. Исключение из общего типа довольной собой посредственности, какой здесь господствует, составляют музей и библиотека Брюсселя. — В музее голландских Рембрандтов нет, но есть Руисдали, Хобеммы и Винанты — упоение!" (Там же. С. 92). В Голландию Тургенев не смог поехать. С Анненковым он увиделся в Брюсселе в феврале 1879 г. по дороге в Россию.

[5] Наперстянка, или дигиталис долгое время использовалась в качестве единственного и эффективного средства для лечения сердечной недостаточности.

[6] См. примеч. 1 к письму 5123, а также примеч. 1 к письму 5129.

[7] Тургенев намекает здесь на мистицизм императрицы Марии Александровны. Об уходе Е.Д. Милютиной в монастырь см.: *Милютин. Дневник.* Т. 3. С. 94. В ответном письме Анненков так прокомментировал решение Милютиной уйти в монастырь: "Мне кажется — я понимаю это намерение. Это существо, огорченное страшной жизнию вокруг себя и которое боится, чтобы не выйти из нее — каким-нибудь отчаянным coup de tête (безумным поступком — *франц.*). Монастырь тут стоит на дороге.

А впрочем, может дело и гораздо проще и главную роль в нем играет, как и вы полагаете, придворный мистицизм" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 93).

[8] Тургенев имеет в виду приезд Анненкова к нему на остров Уайт в августе 1860 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 4. № 1065). Там же жили А.К. и С.А. Толстые (см.: *Толстой А.К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 120—121), а также В.П. Боткин, Н.Ф. Крузе, Н.Я. Ростовцев и др.

[9] В письме от 27 сентября (9 октября) 1878 г. Анненков характеризовал своего сына Павла: «Малый славный, кроткий и честный, только ни на небе, ни на земле никаких авторитетов не признает. Читал я в Бадене журналец под заглавием "Община" — вот у меня под рукой явился настоящий сын этой "Общины". А так как это явление несколько преждевременное, то и отдал в закрытое заведение, где, впрочем, англичанка воспитательница влюблена в детей, но преимущественно иностранных — греческих, турецких, русских и проч. Вот редкость» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 92).

[10] 6 (18) апреля 1878 г. Л.Н. Толстой отправил Тургеневу письмо, в котором предлагал забыть прежнюю вражду (см.: *Толстой.* Т. 62. С. 406—407. См. также примеч. 1 к письму 5029). В письме от 8 (20) мая (№ 5029) Тургенев согласился на это с большой готовностью, высказав желание встретиться с Толстым в России. В августе — сентябре 1878 г. Тургенев дважды посетил Ясную Поляну. См. письма 5068, 5077, 5085, примеч. 2, и 5089, примеч. 3.

[11] А.Р. Дрентельн был назначен в сентябре 1878 г. шефом жандармов и начальником III отделения.

[12] Речь идет об О.А. Тургеневой, трагически умершей от оспы в 1872 г. О ней и о ее тетке Н.М. Еропкиной см.: *Т сб.* Вып. 1. С. 293—303.

[13] Это письмо М.М. Стасюлевича неизвестно. Речь идет о воспоминаниях Анненкова "Замечательное десятилетие. 1838—1848", впоследствии напечатанных в "Вестнике Европы" (1880. № 1—5). Уже в 1877 г. Анненков передал воспоминания Стасюлевичу, предупредив, что они нуждаются в серьезной доработке (см.: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 350). Видимо, Анненков хотел узнать мнение Тургенева о своих воспоминаниях и намекал на это в письме от 28 октября (9 ноября) 1878 г.: "Вы хвалите между прочим его (Стасюлевича. — *Ред.*) за то, что выцарапал у меня плод скуки и безделья моего — записки, но не знаю, имеете ли причины его одобрять, ибо не пишете, видели ли их сами, хоть частию" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 93). Но Тургенев познакомился с воспоминаниями Анненкова лишь в сентябре ст. ст. 1879 г. (см. письмо Тургенева к Анненкову от 26 сентября (8 октября) 1879 г.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2; *Анненков.* С. 567—570).

5126. Ф.Н. Тургеневой (с. 187 и 287)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 4709. Л. 34.

Впервые опубликовано: *Т и его время.* С. 261.

Датируется по связи с письмом 5123. Дата подтверждается записью в дневнике Ф.Н. Тургеневой от 6 ноября н. ст. 1878 г.: "Иван сообщает утром, что не поедет в Рамбулье" (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 4632. Л. 53 об.; см. также: *ЛН.* Т. 76. С. 392).

[1] Садовника Тургенева звали Огюст.

5127. Н.С. Тургеневу (с. 187)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 234—234 об. На подлиннике помета Н.С. Тургенева: "Пол. 4/16 нояб. 78. С. Тургенево. 10-м днем".

Впервые опубликовано: с сокращениями — *Рус Ст.* 1886. № 3. С. 600; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 372.

[1] Это письмо Н.С. Тургенева неизвестно.

[2] Действительно, никто из современников не отмечал внешнего сходства братьев (см., например, описание внешности Н.С. Тургенева в воспоминаниях С.Г. Щепкиной "И.С. Тургенев в Спасском-Лутовинове" (Красный архив. 1940. № 3 (100). С. 220); см. также: *Житова.* С. 73. В какой газете появилась упоминаемая корреспонденция — установить не удалось.

[3] О передаче Н.С. Тургеневу денег в счет уплаты процентов по долгу Тургенев распорядился в письме к Н.А. Щепкину от 24 октября (5 ноября) 1878 г. (см. письмо 5124). Во время своего пребывания в России он пытался договориться об отсрочке или отмене платежа, но безуспешно (см. письма 5079 и 5084).

5128. С.А. Толстой (с. 188 и 288)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 28.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XIII. Кн. 2. С. 222.

Написано, по-видимому, после смерти А.К. Толстого и датируется предположительно временем пребывания С.А. Толстой в Париже, когда Тургенев встречался с ней (см. письмо 5125).

5129. А.Н. Тургеневу (с. 188 и 288)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 3763.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 372.

[1] Н.В. Ханыков сообщил о своей болезни вдове Н.И. Тургенева Кларе, и с тех пор, как писала Ф.Н. Тургенева А.В. Плетневой 16 (28) ноября 1878 г., "Альбер стал очень часто навещать его. Увы, как мы сетовали на трудность пути и дальность расстояния между Вербуа и Рамбулье, так все осложнявшие. Когда мама поехала навестить бедного дорогого больного, она была очень тронута его приемом, его терпением и спокойствием" (см.: Тургенев и семья декабриста Н.И. Тургенева. Из дневников Ф.Н. Тургеневой, 1857—1883 / Публ. М.П. Султан-Шах // *ЛН.* Т. 76. Прилож. V. С. 393. Подлинник по-франц.). Как следует из дневниковых записей Ф.Н. Тургеневой и письма Тургенева к ней от 25 октября (6 ноября) 1878 г., Тургенев собирался навестить больного Н.В. Ханыкова в Рамбулье 6 ноября н. ст., однако вынужден был отложить поездку. Приехав к больному, он нашел его в очень тяжелом состоянии и, вернувшись за врачом в Париж, немедленно дал настоящую телеграмму А.Н. Тургеневу, который впоследствии принял деятельное участие в организации похорон. См. также письмо 5123, примеч. 1.

5130. А.А. Мещерскому (с. 190)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 69. Л. 5.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 373.

Датируется по содержанию и по связи с письмом 5122. По-видимому, в понедельник 23 октября (4 ноября) Мещерский был у Тургенева и оставил у него упоминаемые в письме книгу и рукопись. Ближайшая суббота приходилась на 28 октября (9 ноября).

[1] О какой книге и рукописи идет речь — установить не удалось.

5131. Карлу Александру Веймарскому (с. 190 и 288)

Печатается по подлиннику: Главный архив Тюрингии (Thüringisches Hauptstaatsarchiv), Веймар.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 373.

Год написания определяется содержанием письма, так как очевидно, что в нем идет речь о предсмертной болезни Н.В. Ханыкова; датировка подтверждается совпадением числа с указанным днем недели, а также тем обстоятельством, что в ноябре 1878 г. великий герцог Карл Александр Саксен-Веймарский вместе с дочерью Елизаветой на обратном пути из Биарица в Веймар действительно на несколько дней остановился в Париже, чтобы осмотреть Всемирную выставку.

[1] Как следует из дневника великого герцога Карла Александра, 13 ноября н. ст. 1878 г., накануне своего отъезда из Парижа, он побывал вместе с дочерью Елизаветой на Rue de Douai:

“В 5 ч. мы с Элси у г-жи Виардо ⟨...⟩ Там был Тургенев, который живет в том же доме ⟨...⟩ случилось так, что мы посетили галерею Виардо, где находится много прекрасных полотен, между прочими ⟨...⟩ картина Тициана. Я похвалил Тургенева за то, что он в своих романах говорит правду ⟨...⟩” (Подлинник по-франц. См.: *Fischer K.-D., Žekulin N.G.* Die Beziehungen Pauline Viardots und Ivan S. Turgenevs zu Weimar. Hildesheim, 2015 (Viardot-Garcia-Studien. Bd. 4)).

5132. А.Н. Луканиной (с. 191)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 49; конверт — л. 50. Почтовые штемпели: 1) 9 nov. 78, R. Milton, Paris; 2) 9 nov. 78, R. Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *Лит Арх*. Т. 4. С. 360.

[1] В дневнике от 23 октября (4 ноября) 1878 г. Луканина записала: «Мы простились на том, что Иван Сергеевич сказал мне прийти в следующую субботу, т.е. девятого числа ⟨...⟩. “К этому дню я приготовлю вам письма к Hachette, Dentu и Charpentier и попрошу их, чтобы они давали вам нужные для ваших работ книги”» (*СВ.* 1887. № 3. С. 51). Эти письма Тургенева неизвестны. См. также примеч. 2 к письму 5141.

[2] По всей видимости, речь идет об “объяснительном” письме, которое Луканина должна была составить на имя Тургенева для дальнейшего препровождения А.Р. Дрентельну. См. письмо 5138 и примеч. 1 к нему.

5133. Гюставу Флоберу (с. 191 и 289)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 143. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul*.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1896. № 10. P. 145—146; в русском переводе — *Рус Мысль.* 1896. № 8. С. 62. Перепечатано во французском оригинале: *Halp.-Kam. Corr.* P. 114. Вновь опубликовано в русском переводе: *Гальп.-Кам. Письма.* С. 196—197.

[1] Цитата из трагедии П. Кребильона “Радамист и Зенобия” (1711), III акт, 5-я сцена.

[2] С 27 июля (2 августа) по 6 (18) сентября 1878 г. Тургенев находился в России, а с 8 (20) по 17 (29) октября в Англии. Об этой поездке см. письма 5112 и 5114, а также примеч. к ним.

[3] Флобер, который находился в тяжелом моральном состоянии, ответил Тургеневу тотчас по получении письма, 10 ноября н. ст. 1878 г.: “Ну, наконец-то! А я уж собирался вновь писать к г-же Виардо. И Мопассана просил к вам зайти. Какие только предположения я не строил. Словом, увидев нынче ваш почерк, я просто завопил от радости. / Странствовал я меньше, чем вы. —

Ибо, не считая трех недель, проведенных частично в Париже, частично в Сен-Грасьене, и последних трех дней, что я пробыл в Этрета, я все эти полгода сижу за своим столом. Чертовы мои чудаки (герои романа "Бувар и Пекюше". — *Ред.*) вконец меня замучили. Порой чувствую, что я просто уже не могу, а ведь работы осталось еще на два года! Вот книга! Каким безумцем я был, что взялся за нее!" (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 215). Кроме того, Флобер сообщал, что дела мужа его племянницы Каролины Комманвиль ухудшаются и порой ему "хочется сдохнуть". Что касается приезда в Париж, то он собирался быть там не ранее начала, а то и конца февраля 1879 г. Упомянутое Флобером письмо к Ги де Мопассану сохранилось, оно помечено 1 ноября н. ст. 1878 г.: "Поскольку вы являетесь соседом Тургенева, зайдите же к нему. И сообщите ему мое удивление по поводу того, что о Его Высочестве нет ни слуху ни духу. До чего странный человек" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 457. Подлинник по-франц.).

[4] Не надеясь, что Тургенев доберется до Круассе, Флобер просил его написать хотя бы длинное письмо (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 215). Тургенев смог навестить Флобера лишь в начале февраля 1879 г. См. также письма 5152 и 5201, примеч. 1.

5134. Б.А. Чивилеву (с. 192)

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 795. № 66. Л. 19; конверт — л. 20. Почтовый штемпель: 9 nov. 78, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 374.

[1] Это письмо Чивилева к Тургеневу и фотография неизвестны.

5135. Людвигу Фридлендеру (с. 192 и 289)

Печатается по фотокопии: *ГЛМ*. Ф. 17. Оп. 1. Д. 20. Л. 29—30. Подлинник хранится в *SBB*.

Впервые опубликовано: в английском переводе — The Saturday Review. Supplement. 1909. 6 March. № 2784. P. III; во французском переводе — Revue Bleue. 1909. 6 mars. № 10. P. 297; в русском переводе — *ВЕ*. 1909. № 4. С. 657, в отрывках; в немецком оригинале — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 375.

[1] Эта телеграмма неизвестна. Видимо, Фридлендер поздравил Тургенева с днем рождения 28 октября (9 ноября).

[2] О поездках в Россию и Англию, предпринятых летом и осенью 1878 г., см. примеч. 2 к письму 5133.

[3] Тургенев выехал в Россию в начале февраля 1879 г. По всей видимости, с Фридлендером он так и не встретился.

[4] Тургенев благодарил Фридлендера за “две очень интересные посылки” в письме к нему от 15 (27) января 1876 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4211). Какие именно книги Фридлендер выслал Тургеневу, неизвестно. Возможно, имеются в виду книги, которые были отправлены Фридлендером не в 1876 г., а позже, однако никаких свидетельств об этом не сохранилось.

[5] Решение порвать с литературной деятельностью, о котором Тургенев сообщал многим своим знакомым, было вызвано полемикой вокруг его романа “Новь”.

[6] Неполная латинская пословица “Feci, quod potui, faciant meliora potentes” (“Я сделал все, что мог, кто может, пусть сделает лучше”).

5136. Эдмону де Гонкуру (с. 193 и 290)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 22477. F. 79.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ЛН.* Т. 31—32. С. 702, с неверной датой: конец ноября н. ст. 1878 г., исходя из предположения, что оно было написано после посещения Тургенева Гонкуром (14 (26) ноября 1878 г.), а не до того; во французском оригинале — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 385, также с неверной датой: 21 ноября (3 декабря) 1878 г., исходя из предположения, что оно было написано в ближайший вторник после посещения Тургенева Гонкуром (14 (26) ноября 1878 г.). Впервые дата установлена А. Звигильским на том основании, что в данном письме упоминается письмо Г. Флобера к Тургеневу от 10 ноября н. ст. 1878 г., в котором он сообщал, что рассчитывает быть в Париже в феврале: *Cahiers.* № 20 (1996). P. 71 (см. также примеч. 3 к письму 5133).

[1] Письмо Тургенева является ответом на неизвестное письмо Гонкура, просившего назвать примеры женских цыганских имен для своего нового романа “Братья Земганно” (“Les Frères Zemganno”), который вышел в свет в издательстве Шарпантье в 1879 г. с предисловием, объясняющим принципы натурализма.

[2] Тургенев называет имя знаменитой цыганской певицы Степаниды Сидоровны Солдатовой (1774—1822). По преданию, ее пение хотел услышать Наполеон I, когда стоял под Москвой, однако Стеша отказалась петь перед императором, а пела перед ранеными русскими солдатами. Говорили, что мастерство Стеши так поразило известную итальянскую певицу А. Каталани, что она назвала ее лучшей певицей Европы и подарила ей дорогой перстень.

[3] Мариула — распространенное женское имя среди цыган, так звали мать героини поэмы Пушкина “Цыганы” (1824). Тургенев ошибается, называя Мариулу возлюбленной поэта. Это

ошибочное предположение Тургенева основано на известных стихах Пушкина ("И долго милой Мариулы / Я имя нежное твердил"), которые поэт вписал в беловой экземпляр издания "Цыган" (эпилог) при поднесении поэмы Вяземскому. Скорее всего, Тургенев имел в виду Таню (Татьяну Дмитриевну Демьянову), см. о ней примеч. 4 к наст. письму. Существует предание, что прототипом главной героини поэмы "Цыганы" Земфиры было реальное лицо. У Тургенева в либретто оперетты "La Veillée de la St Sylvestre" ("Вечер св. Сильвестра") также фигурирует цыганка по имени Мариула (см.: *Тургенев. НИиМ.* Вып. 3. С. 55—64. Публ. Н.Г. Жекулина).

[4] Очевидно, имеется в виду популярная московская цыганка Татьяна Дмитриевна Демьянова (1808—1877), которую Тургенев мог слышать в Москве в 1830—1840-е гг. Ее пением восхищались А.С. Пушкин, Н.М. Языков и многие другие. В записи Б.М. Маркевича сохранились воспоминания Т.Д. Демьяновой о Пушкине, который, по ее словам, обещал посвятить ей поэму о цыганах.

[5] Среди предложенных Тургеневым имен Гонкур выбрал имя Стеши для матери своих героев братьев Земганно. "Степанида, по-нашему Этьенетта, которую звали уменьшительным именем Стеша..." (*Goncourt E. de.* Les Frères Zemganno. Paris, 1879. P. 25). А. Звигильский отметил, что еще одно русское имя в романе (Авдотья) могло быть выбрано благодаря Тургеневу: так звали мать его незаконнорожденной дочери Пелагеи (Полины) (*Cahiers*. № 20 (1996). P. 71. Note 3). Как следует из письма Тургенева к Г. Флоберу от 27 ноября н. ст. (№ 5152), Гонкур заходил к нему накануне, т.е. 26 ноября, специально, чтобы еще раз посоветоваться по поводу имен для героинь своего романа и местного колорита юга России. Помимо этих имен, Гонкур ввел в текст "Братьев Земганно" песенку Земфиры из поэмы Пушкина ("Старый муж, грозный муж..."), сообщенную ему Тургеневым. На эти слова П. Виардо был написан романс (вышел в 1882 г., однако замысел его, по всей видимости, может относиться к 1866—1867 гг., судя по хранящейся в Хоутонской библиотеке Гарвардского университета рабочей тетради Полины Виардо, в которой находится автограф романса.

[6] Погруженный в работу над романом "Бувар и Пекюше", Флобер писал Тургеневу 10 ноября н. ст. 1878 г. из Круассе: "В Париже я не собираюсь быть раньше начала, а то и конца февраля. Хочу прежде закончить главу о любви!!! Глава о политике будет готова недели через две" (*Флобер. Статьи. Письма.* Т. 2. С. 215).

[7] Имеются в виду так называемые "обеды пяти", непременными участниками которых были Флобер, Тургенев, А. Доде, Э. Золя и Э. де Гонкур.

[8] В этом году обед, о котором говорит Тургенев, так и не состоялся. С Флобером Тургенев встретился в Круассе в начале февраля 1879 г., а затем после долгого перерыва лишь 4 мая н. ст. 1879 г.

5137. А.А. Фету (с. 194)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 33. Л. 89–90.

Впервые опубликовано: *Фет. МВ.* Ч. 2. С. 356–357.

Стр. 194. *я* (*нем.*).

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] Тургенев имеет в виду враждебное отношение англичан к русским в связи с русско-турецкой войной. О пребывании Тургенева в Англии с 8 (20) по 17 (27) октября 1878 г. см. письма 5112, 5114 и примеч. к ним.

[3] Очевидно, в не дошедшем до нас письме Фет жаловался на приступы удушья, которыми он страдал (бронхиальная астма). Из-за одышки он не мог гулять по воробьевскому парку, расположенному на высоком косогоре, и даже попросил своего управляющего А.И. Иоста купить ему пару ослов, чтобы запрягать в тележку для прогулок. Своей старой приятельнице С.В. Энгельгардт Фет писал 11 ноября ст. ст. 1878 г.: "Я так доволен своим прекрасным далеко, как только может быть доволен человек, которому 23 но⟨ября⟩ стукнет 58 лет. Дом наш теплый, чистый, вполне барский и даже нарядный. В парке я даже сегодня гулял с восхищением" (*РГБ*).

[4] Эта беседа греческого полководца Пирра со своим приближенным Кинеасом (или Кинеем), учеником Демосфена, приведена у Плутарха (см.: Сравнительные жизнеописания. М., 1963. Т. 2. С. 48).

[5] В это время в поведении Пети Борисова начали замечаться некоторые отклонения, о чем Фет, видимо, сообщил Тургеневу. Кончилось тем, что в мае 1884 г. Борисов был помещен в больницу св. Николая Чудотворца для душевнобольных в Петербурге, где и скончался в 1888 г. См. также примеч. 10 к письму 5107.

5138. А.Н. Луканиной (с. 195)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 52; конверт – л. 53. Почтовые штемпели: 1) 14 nov. 78, Rue Taitbout, Paris; 2) 14 nov. 78, R. Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 361.

Стр. 195. до востребования (*франц.*).

[1] Очевидно, во время этой встречи обсуждался вопрос о том, какие шаги необходимо предпринять, чтобы Луканиной было позволено вернуться в Россию. Возможно, тогда же был согласован текст письма Луканиной к Тургеневу, датированного 1 (13) ноября 1878 г. и рассчитанного на прочтение давним знакомым писателя А.Р. Дрентельном, который незадолго до этого был назначен на должность начальника III отделения и на

содействие которого Тургенев рассчитывал. В этом письме Луканина подробно изложила причины, побудившие ее покинуть Россию в 1872 г., а также обстоятельства, воспрепятствовавшие ее возвращению из Цюриха в 1873 г. вопреки правительственному распоряжению. Письмо должно было подтвердить благонамеренность Луканиной, однако должного эффекта не имело. Текст его см.: *Т сб.* Вып. 4. С. 266—269; см. также письма 5143 и 5170. В Россию Луканина вернулась только в 1885 г.

[2] О знакомстве с В.В. Верещагиным, состоявшемся 3 (15) ноября 1878 г., см. примеч. 6 к письму 5148.

[3] В субботу встреча с Луканиной не состоялась из-за смерти Н.В. Ханыкова и поездки Тургенева в Рамбулье. См. письмо 5140.

5139. А.В. Топорову (с. 195)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 63. Л. 11—11 об.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 270—271.

Стр. 196. "Меланхолическая серенада" (*франц.*).

[1] Тургенев пробыл в Англии с 8 (20) по 17 (27) октября 1878 г. См. об этом письма 5112, 5114 и примеч. к ним.

[2] Отзыв Тургенева об опере Чайковского "Евгений Онегин" см. в письме 5150. О том, что Тургенев «говорил много про "Онегина", восторгался музыкой», писал композитору П.И. Юргенсон 2 марта 1879 г. (см.: *Чайковский П.И.* Переписка с П.И. Юргенсоном. М., 1938. Т. 1. С. 89). См. также: *Шольп А.Е.* 1) И.С. Тургенев и "Евгений Онегин" Чайковского // *Т сб* (*Алексеев*). С. 159—183; 2) "Евгений Онегин" Чайковского. Л., 1982. С. 5—53.

[3] 9 (21) сентября 1878 г. в третьем русском концерте в Париже, происходившем в концертном зале Трокадеро под управлением Н.Г. Рубинштейна, скрипач С.К. Барцевич (а не Барчевич, как ошибочно написал Тургенев) исполнил "Меланхолическую серенаду" (op. 26) и "Вальс-скерцо" (op. 34) Чайковского (см.: Дни и годы П.И. Чайковского: Летопись жизни и творчества. М.; Л., 1940. С. 188—189). Тургенев присутствовал на этом концерте — см. письмо 5104, примеч. 1.

[4] Об успехе русских концертов в Париже писали многие французские газеты. Так, после второго концерта в Трокадеро, состоявшегося 14 сентября н. ст., газета "Le Ménestrel" отмечала: «Среди симфонических произведений нас более всего поразила "Буря" Чайковского прекрасной оркестровкой и ярко выраженным темпераментом. Очевидно, что Чайковский является самой серьезной надеждой современной русской музыкальной школы; он станет из ряда вон выходящим мастером и надолго» (1878. 22 septembre. № 43. P. 349).

[5] Это письмо Стасюлевича к Тургеневу неизвестно. Речь идет о газете "Воскресенье", которую предполагал издавать Стасюлевич. Возмущенный запретом, П.В. Анненков писал Стасюлевичу 23 октября (4 ноября) 1878 г.: "...профессор и редактор журнала, читаемого и в Европе — еще не дорос до привилегии издерживать свои деньги на беседу с публикой чистым языком и дельным словом!" (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 360). См. также примеч. 3 к письму 5117.

5140. А.Н. Луканиной (с. 196)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 46; конверт — л. 47.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 361—362.

Датируется следующим днем после смерти Н.В. Ханыкова, последовавшей 3 (15) ноября 1878 г.

Стр. 196. До востребования? (*франц.*).
Стр. 196. привратницы (*франц.*).

[1] Тургенев принимал большое участие в организации похорон Н.В. Ханыкова. Выступил с речью на кладбище, организовал сбор средств на установление памятника на могиле (см. примеч. 2 к письму 5151). В дневнике от 18 ноября н. ст. 1878 г. Луканина записала: «Сегодня я застала Ивана Сергеевича очень опечаленным смертью Н. Ханыкова. "Ему всего 59 лет, — говорил он, — мне шестьдесят... Всё уходит... Оглядываешься, и нет почти никого из тех, с кем начал жить. А главное, вас поражает проходимость всего человеческого, эфемерность, так сказать". / Потом Иван Сергеевич рассказывал мне о болезни и смерти Ханыкова. У него, по-видимому, сделался отек легких. Он умер один-одинешенек. Есть у него племянник в России — здесь у него никого нет. Иван Сергеевич виделся с ним перед его смертью, а после взял на себя все хлопоты по похоронам. "Даже умирать дорого, — заметил он, — перевозка тела из Рамбулье, где жил покойный, в Париж обошлась в 800 франков"» (*СВ.* 1887. № 3. С. 51). О смерти и похоронах Ханыкова см. письма 5144 и 5146.

[2] Просьба перенести встречу была вызвана необходимостью присутствовать на панихиде по Н.В. Ханыкову в Рамбулье, которая состоялась 4 (16) ноября. См. запись об этом Ф.Н. Тургеневой: *ЛН.* Т. 76. С. 393.

[3] Тургенев помогал Луканиной получить разрешение на возвращение в Россию (см. письмо 5138, примеч. 1, а также письмо 5143). С Луканиной Тургенев увиделся в понедельник, 18 ноября н. ст., а также на следующий день — 19 ноября н. ст., тогда же его навестил Ю. Скайлер. Записи об этих встречах сохранились в ее воспоминаниях: *СВ.* 1887. № 3. С. 51—52.

5141. Жюлю Этцелю (с. 197 и 290)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat.*

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 378.

[1] Сотрудничество Луканиной в "Вестнике Европы" началось с публикации повести "Любушка", помещенной там при посредстве Тургенева (см. примеч. 3 к письму 4918), на протяжении 1878 г. в журнале появились также ее повести "Птичница" и "Березай". См. также: *Лит Арх.* Т. 4. С. 350—351.

[2] В своих воспоминаниях "Мое знакомство с И.С. Тургеневым" Луканина писала об обещании Тургенева дать ей рекомендательные письма к французским издателям (см. примеч. 1 к письму 5132). Данное письмо написано с той же целью. Помог ли Луканиной Этцель и другие издатели — неизвестно. Как следует из сохранившихся писем Луканиной к М.М. Стасюлевичу, во время встречи с ней в Париже в сентябре 1878 г., которая состоялась при посредстве Тургенева, он предложил ей писать для "Вестника Европы" "рефераты in extenso и получать за это до 300 fr. в месяц" (*ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. № 830. Л. 13). Уже 7 ноября н. ст. 1878 г. Луканина обратилась к М.М. Стасюлевичу с предложением написать для журнала обзор произведений французского писателя Дюранти, а также перевести одно из них ("Un Accident"), однако оно не было принято редактором "Вестника Европы", посчитавшим, что "Дюранти для русской публики значения иметь не может" (Там же). Попытку возобновить идею помещения обзоров в "Вестнике Европы" Луканина предприняла только в октябре 1879 г., когда обратилась к Стасюлевичу со следующим предложением: «Не угодно ли Вам получать от меня полунаучные, полупопулярные статьи (если так выразиться можно), род научной хроники по наукам естественным и вообще точным и по их применению к практической текущей жизни, к художеству и т.д. и т.д. Я говорила об этом с Иваном Сергеевичем и просила его передать Вам мою пробную статью. Иван Сергеевич одобрил мое намерение и обещал поговорить с Вами. Он сказал мне, что моя статья (или скорее реферат с предисловием) "О причинах бурь" заинтересовал его, и посоветовал мне написать Вам и просить Вашего согласия на помещение подобных статей в "Вестнике Европы"» (Там же. Л. 13 об. — 14). Эта работа — "Законы бурь (Извлечение из беседы г. Фая в Сорбонне)" была напечатана в № 5 "Вестника Европы" за 1880 г.

5142. А.В. Головнину (с. 197)

Печатается по копии (неполной) А.В. Головнина, приложенной к письму Головнина к великому князю Константину Николаевичу от 2 октября ст. ст. 1883 г.: *РГАВМФ.* Ф. 224. Оп. 1. № 350. Л. 205. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано М.Д. Эльзоном: Новые материалы о Герцене и Тургеневе // *РЛ.* 1979. № 3. С. 185–186. В собрание сочинений включается впервые.

[1] Речь идет о смерти общего знакомого Тургенева и Головнина Николая Владимировича Ханыкова, скончавшегося в Рамбулье в возрасте 59 лет. Ханыков был хорошо знаком с А.В. Головниным и состоял с ним в переписке (см.: *Гейман В.Г.*, *Кочаков Б.М.* Письма А.В. Головнина к Н.В. Ханыкову с приложением писем 1866–1868 гг. // Исторический архив. 1950. Т. 5. С. 342–391). Сохранилось письмо Ханыкова к Головнину от 8 (20) февраля 1877 г. с подробным анализом первой части романа Тургенева "Новь" (см.: Переписка ⟨И.С. Тургенева⟩ с А.В. Головниным (1877–1881) / Публ. А.М. Гаркави // *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 85). О смерти и похоронах Ханыкова см. письма 5144 и 5146.

[2] Имеются в виду стихотворения И.С. Аксакова "Варварино (послание Е.Ф. Тютчевой)" ("Как будто вихрем бури злой...") и "Среди цветов поры осенней...", которые Головнин переписал в письме к великому князю Константину Николаевичу. Варварино – село в Юрьевском уезде Владимирской губернии, где Аксаков провел несколько месяцев после высылки из Москвы, принадлежало Е.Ф. Тютчевой, дочери Ф.И. Тютчева. Именно здесь И.Е. Репин написал известный портрет Аксакова.

[3] Тургенев имеет в виду ссылку И.С. Аксакова за речь, произнесенную в Московском славянском благотворительном комитете (с апреля 1877 г. – обществе) по поводу Берлинского конгресса 22 июня ст. ст. 1878 г., в которой он резко осудил русскую дипломатию, уступившую давлению Запада и позволившую аннулировать результаты русско-турецкой войны 1877–1878 гг., закрепленные Сан-Стефанским мирным договором от 19 февраля (3 марта) 1878 г. После этой речи Славянский комитет в Москве был закрыт. В Москву Аксаков вернулся в декабре 1878 г. Об общественном резонансе речи Аксакова и его ссылке см.: Речь И.С. Аксакова о Берлинском конгрессе и его последующая ссылка в письмах и документах июня – ноября 1878 г. / Публ. Д.А. Бадаляна // Цензура в России: история и современность. Сб. науч. трудов. СПб., 2013. Вып. 6. С. 361–408; *Аксаков И.С.* Собр. соч. СПб., 2015. Т. 1. С. 603–604 (здесь же на с. 376–382 см. текст речи).

5143. А.Р. Дрентельну (с. 198)

Печатается по подлиннику: *ГАРФ.* Ф. 109. III эксп. 1872 г. Д. 215. Ч. 2. Л. 177–177 об., 180. На подлиннике приписка, вероятно, Дрентельна: "Прошу просмотреть и приказать справиться, нет ли чего у нас о Луканиной. 11 ноября".

Впервые опубликовано: *Лит-библиолог сб.* С. 44–45.

[1] Вероятно, эти встречи имели место зимой 1854/1855 г., когда Тургенев часто бывал в доме А.М. Тургенева.

[2] См. примеч. 11 к письму 5125.

[3] Тургенев имеет в виду письмо к нему Луканиной от 1(13) ноября 1878 г., в котором она подробно изложила причины, заставившие ее покинуть родину. Это письмо, написанное по договоренности с Тургеневым специально для пересылки Дрентельну, хранится вместе с комментируемым письмом в *ГАРФ* (Л. 178—179). Текст письма опубликован: *Т сб.* Вып. 4. С. 266—269.

[4] Имеются в виду повести Луканиной "Любушка", "Птичница" и "Березай", опубликованные в "Вестнике Европы" в 1878 г. (№ 3, 6, 7).

[5] Чтобы не зависеть от родных, еще в ранней молодости Луканина, тогда еще Рыкачева, вступила в фиктивный брак с Ю.А. Луканиным. В письме к Тургеневу Луканина обвиняла мужа в шантаже и вымогательстве (о браке Луканиной см. также примеч. 2 к письму 4957).

[6] Ответ Дрентельна неизвестен. Скорее всего, он не был написан. Однако Дрентельн распорядился навести справку о Луканиной, которая не вполне подкрепляла ее благонадежность. Так, в ней указывалось, что Луканина "привлечена была к Нечаевскому делу и содержалась с 15 по 26 января 70 года под арестом в С.-Петербургской крепости", а, будучи освобожденной за неимением улик "в преступной деятельности", выехала в январе 1872 г. за границу и стала "во главе Бакунинского женского общества" (*ГАРФ.* Ф. 109. III эксп. 1872 г. Д. 215. Ч. 2. Л. 183—183 об.; цит. по: *Шульгин В.Н.* Тургенев, А.Н. Луканина и А.Н. Чернышевский // *Т сб.* Вып. 4. С. 260). В той же справке было указано, что "с 1872 года о Луканиной никаких неблагоприятных сведений не поступало" (Там же).

[7] А.П. Дегай, бывший астраханский губернатор, приходился А.Н. Луканиной дядей. В упомянутом письме к Тургеневу от 1 (13) ноября 1878 г. Луканина называла его как человека, который мог подтвердить "всю историю проделок г-на Луканина со мною" (*Т сб.* Вып. 4. С. 268).

[8] Луканина в Париже была связана с русскими политическими деятелями за границей. Имя ее встречается в донесениях русского полицейского агента в Париже, и она действительно была арестована парижской полицией, заподозрившей ее в участии в тайном политическом обществе (см.: Деятели революционного движения в России / Сост.: А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. 1928. Т. 1. Ч. 2. С. 221). В справке, составленной для Дрентельна князем Н.А. Орловым, сообщалось, что «Аделаида Луканина, рожденная Рыкачева ⟨...⟩ задержана парижской полицией 7-го минувшего сентября нов⟨ого⟩ стиля, наравне с жившими вместе с ней русскими подданными г-жой Гольштейн и Карятиной, по подозрению в принятии участия в учреждении Социалистского конгресса в Париже. — При обыске, сделанном в квартире

помянутых женщин, найдены разные брошюры и газеты социалистской партии и переписка с многими интернационалистами. Между прочим в бумагах найден русский паспорт, выданный на имя Елены Фелисовой, и печать с надписью "Caisse de secours aux détenus socialistes russes" / Французская судебная власть ⟨...⟩ освободила их» (*ГАРФ.* Ф. 109. III эксп. 1872 г. Д. 215. Ч. 2. Л. 188—189; цит. по: *Шульгин В.Н.* Тургенев, А.Н. Луканина и А.Н. Чернышевский. С. 261). Очевидно, Орлов сообщил Тургеневу о бесперспективности дальнейшего ходатайства за Луканину. Возможно, именно об этом идет речь в воспоминаниях Луканиной, записавшей после одной из встреч с Тургеневым в январе 1879 г.: "Прежде я мог помогать, теперь и у меня средств мало. Кроме того, за последние два года мое значение начинает теряться: вот Д⟨рентельн?⟩ не ответил на письмо, которое я написал ему, Орлов начинает плохо относиться... Все эти господа пришли к тому убеждению, что я неисправимый человек и что никогда от меня добра не выйдет — и отвернулись" (*СВ.* 1887. № 3. С. 60).

5144. Ф.Н. Тургеневой (с. 199 и 291)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 4709. Л. 38.

Впервые опубликовано: *Т и его время.* С. 272.

Письмо связано со смертью Н.В. Ханыкова и датируется по содержанию. Дата подтверждается записью в дневнике Ф.Н. Тургеневой о том, что 20 ноября н. ст. 1878 г. ею было получено письмо от Тургенева (см.: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 4610. Л. 23), а также сопоставлением этого числа с указанным в письме днем недели.

[1] Очевидно, речь идет о списке лиц, которых следовало оповестить о похоронах Н.В. Ханыкова. 20 ноября н. ст. 1878 г. Ф.Н. Тургенева записала в дневнике: "Утром Фанни ищет имена и составляет список ⟨для оповещения о похоронах⟩, который посылает Ивану ⟨...⟩" (см.: *ЛН.* Т. 76. С. 394). Об этом свидетельствует и черновик письма Клары Тургеневой от 8 (20) ноября 1878 г. к домоправителю Ханыкова Лорану Сорде, приславшему список лиц, которых следовало оповестить о похоронах, составленный, очевидно, самим Ханыковым: "Мы получили сегодня утром ваше письмо и тотчас же отослали вложенный в него список в Париж господину Ивану Тургеневу, который взял на себя уведомительные письма" (Там же. С. 414). Семья Н.И. Тургенева была тесно связана с Ханыковым в течение многих лет, поэтому его смерть была для нее ударом. Сохранилась телеграмма, посланная 15 ноября н. ст. из Рамбулье в Буживаль Лораном Сорде, с извещением о смерти Ханыкова: "Г-же Тургеневой Вер-Буа близ Буживаля / Приезжайте немедленно Г-н Ханыков скончался внезапно в полдень" (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 4554. Подлинник по-франц.). В тот же день Ф.Н. Тургенева записала в дневнике:

“Я потрясена” (*ЛН.* Т. 76. С. 393). Незадолго до этого Тургенев, навестивший больного, послал Тургеневым сначала телеграмму от 8 ноября н. ст. (№ 5129), а затем письмо (не сохранилось) с сообщением, что Ханыков при смерти (см. запись в дневнике Ф.Н. Тургеневой от 11 ноября н. ст.: *ЛН.* Т. 76. С. 393). Здесь же отмечено, что Клара Тургенева отослала письмо Тургенева к священнику В.А. Прилежаеву, который отправился в Рамбулье, чтобы причастить умирающего. 28 ноября н. ст. 1878 г. Фанни писала А.В. Плетневой: “Из русских газет вы должны были узнать о смерти нашего друга господина Ханыкова, и вы, конечно, понимаете, что для нас это большая утрата, создавшая вокруг нас такую пустоту, которую ничто не сможет заполнить, — отходит кусок прошлого; с ним мы могли говорить обо всем, что нас более всего интересует — о России и об ушедших годах. Он знал так много и знал всё так точно и основательно! Он всегда был готов дать справку, обсудить вместе с нами то, что нам хотелось уяснить себе. В Лондоне в 1870—71 годах он был с нами безотлучно, помогая нам пережить эти месяцы печалей и волнений, а с 1871 г. (года смерти Н.И. Тургенева. — *Ред.*) он не переставал проявлять к нам истинную дружбу. Его мужество во время болезни было, право, героическим” (Там же. С. 413. Подлинник по-франц. Пер. М.П. Султан-Шах. Письмо сохранилось в черновике). В том же письме Ф.Н. Тургенева передает подробности панихиды в Рамбулье (первую панихиду отслужил священник русской церкви о. В.А. Прилежаев), похорон на Пер-Лашез, где было много представителей Французской академии наук, Антропологического, Географического и Азиатского обществ. “Иван Сергеевич тоже выступил — и очень хорошо. Он задыхался от волнения. Эта смерть была для него очень горестна; ему, как и нам, известно, каким ценным человеком был дорогой усопший, сколько он трудился и какое место занял в тех областях науки, которые он изучал и углублял” (Там же. С. 413—415).

[2] Имеется в виду Я.Н. Ханыков.

[3] Некрологическая заметка о Н.В. Ханыкове была напечатана в “Le Temps” 20 ноября н. ст. 1878 г.: “С огорчением сообщаем о смерти ученого-востоковеда и путешественника г. Николая Ханыкова, скончавшегося в Рамбулье 15 ноября в возрасте пятидесяти девяти лет. / Отпевание совершится в пятницу, в русской церкви, ровно в одиннадцать часов” (№ 6422. P. 3). В “Journal des Débats” эта же заметка появилась 21 ноября н. ст. 1878 г. (P. 3). Не исключено, что автором ее мог быть Тургенев. См.: *Розенфельд А.З.* Тургенев и Н.В. Ханыков // *Т и его современники.* С. 82. Здесь же высказано предположение о том, что Тургеневу могла принадлежать и другая заметка, появившаяся 22 ноября н. ст. 1878 г. в газете “Le Moniteur universel”, где читаем: “Г-н Ханыков, скончавшийся в звании статского советника, начинал свою карьеру на дипломатическом поприще и посылался

своим правительством на важные посты на Востоке. Генеральный консул в Персии, он предпринял путешествие в Мешхед-Али, главный город Хорасана, одну из главных святынь шиитского культа. Обремененный миссией в Бухаре, он имел случай посетить этот город и княжества Центральной Азии в эпоху, когда всякий европеец, проникавший туда, мог предпринять подобное путешествие не иначе, как рискуя жизнью. Глубоко сведущий в восточных языках, г. Ханыков опубликовал много по праву признанных трудов по истории, географии и этнографии Персии и Центральной Азии. В последние годы он постоянно жил во Франции и преимущественно в Париже" (Там же. С. 83. Пер. А.З. Розенфельд). Был помещен некролог Ханыкова (за подписью "М. С.", т.е. Михаил Стасюлевич) и в "Вестнике Европы", где говорилось: "Н.В. Ханыков принадлежит к числу тех немногих наших деятелей, которые посвятили лучшую пору своей жизни на самостоятельное изучение восточного вопроса и ближайших наших соседей в Средней Азии. ⟨...⟩ Научные заслуги покойного были оценены и за границею: в 1861 г. Ханыков получил большую золотую медаль Географического парижского общества, которая выдается за открытия по земледелию. О степени важности этой награды можно судить по тому, что в течение пятидесятилетия, начиная с 1837 года, такую медаль, кроме Ханыкова, получили всего 6 лиц ⟨...⟩ События последних лет (русско-турецкая война 1877—1878 гг. — *Ред.*) должны были особенно интересовать Ханыкова как знатока восточных дел, и в своей переписке он не раз высказывает свои взгляды как на восточную политику, так и на то, что совершалось на его глазах в западноевропейском обществе" (*ВЕ.* 1878. № 12. С. 911—912). Здесь же были напечатаны четыре письма Ханыкова к одному корреспонденту, имя которого в публикации не названо (им мог быть А.В. Головнин), содержащие глубокую оценку причин последней войны и общего политического и экономического состояния России. Подробнее об этих письмах см. примеч. 3 к письму 5167.

5145. А.Н. Луканиной (с. 199)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 55; конверт — л. 60. Почтовые штемпели: 1) 22 nov. 78, R. Milton, Paris; 2) 22 nov. 78, R. Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 363.

Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Луканина забыла сразу опустить в почтовый ящик письма, которые Тургенев передал ей при их встрече 7 (19) ноября 1878 г., и написала ему "извинительное письмо" (см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 52).

[2] Речь идет о третьей повести Луканиной из цикла "Старинные дела" — "Дядя Ваня", которую она начала читать Тургеневу

7 (19) ноября (см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 51–52). Впоследствии повесть была напечатана в "Вестнике Европы" (1880. № 7). См. также письма к А.Н. Пыпину и М.М. Стасюлевичу от 18 (30) июня 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2.

[3] В назначенный день, 25 ноября н. ст., встреча состоялась. В этот день Тургенева посетил также Я.Н. Ханыков. Подробную запись о визите Луканиной см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 52–55.

[4] См. письмо 5143.

5146. Я.П. Полонскому (с. 201)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Собр. *ОЛДП.* № Q 250. Л. 161–162.

Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем.* С. 336–338.

[1] О похоронах Н.В. Ханыкова см. примеч. к письму 5144.

[2] См. примеч. 2 к письму 5147, а также примеч. 2 к письму 5151.

[3] Стихотворения "В гареме брань и плач; но входит падишах..." и "Что мне она! — не жена, не любовница...", опубликованные в "Вестнике Европы" (1878. № 11). Высоко отозвался о втором стихотворении Полонского Тургенев и в разговоре с А.Н. Луканиной, отметив: "Поэт тот, который открывает горизонты. Он вызывает в читателе известное чувство, очерчивая главные контуры картины, и читатель строго-логически дополняет ее" (см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 59).

[4] Хроника-роман Полонского "Дешевый город", напечатанный с посвящением Тургеневу в "Вестнике Европы" (1879. № 2–6). О каких возражениях Стасюлевича идет речь, неизвестно (ср. письмо Полонского к Тургеневу от 24 мая ст. ст. 1879 г.: *Звенья.* Т. 8. С. 216).

[5] Д.В. Григорович, с молодых лет увлекавшийся живописью, учился в Академии художеств и был большим знатоком изобразительного искусства (в 1867 г. был назначен художественным экспертом русского отдела на Всемирной выставке в Париже, с 1868 г. почетный член Академии художеств, с 1888 г. член-корреспондент Петербургской Академии художеств), с 1863 г. состоял секретарем Общества поощрения художеств и содействовал организации при этом обществе рисовальной школы, художественно-промышленного музея, мастерской, библиотеки; с его же помощью был получен для Общества дом бывшего градоначальника на Большой Морской улице в Петербурге (см. Записную книжку Полонского: *ИРЛИ.* № 11701. Л. 91).

[6] Гр. В.А. Соллогуб, в 64-летнем возрасте женившийся вторым браком на В.К. Аркудинской.

5147. А.В. Головнину (с. 202)

Печатается по копии (неполной) А.В. Головнина, приложенной к письму Головнина к великому князю Константину Николаевичу от 2 октября ст. ст. 1883 г.: *РГАВМФ.* Ф. 224. Оп. 1. № 350. Л. 205 об. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано М.Д. Эльзоном: Новые материалы о Герцене и Тургеневе // *РЛ.* 1979. № 3. С. 186. В собрание сочинений включается впервые.

[1] Речь идет о смерти и похоронах Н.В. Ханыкова, состоявшихся 22 ноября н. ст. 1878 г. в Париже (см. письма 5142, 5144 и примеч. к ним).

[2] В дневнике Ф.Н. Тургеневой 22 ноября н. ст. 1878 г. записано: "Русская церковь! Отпевание г-на Ханыкова ⟨...⟩. Я вижу Антокольского, Боголюбова, графа Муравьева-Амурского, Ивана (Тургенева. — *Ред.*), г-на Я. Ханыкова, Мадлен де П⟨ейроне⟩, ⟨...⟩ Mrs Иннис, В. Арнольди, барона Фредерикса, Арапетова, etc. ⟨...⟩ Мы едем на ул. де Лиль, boys (Альбер и Пьер Тургеневы. — *Ред.*) заходили туда до Пер-Лашез, где г. Катрфаж и Иван говорят очень хорошо оба. Иван очень взволнован" (*ЛН.* Т. 76. С. 394). В письме Ф.Н. Тургеневой к А.В. Плетневой от 16 (28) ноября 1878 г. изложено содержание речей Катрфажа и И.С. Тургенева о Н.В. Ханыкове: «Было много ученых, членов Института, Антропологического общества, Географического и Азиатского общества, а на кладбище Пер-Лашез г-н Катрфаж произнес речь, из которой видно, как ценили нашего друга в научном мире Франции: "Такие люди, — сказал, заканчивая, г-н де Катрфаж, — заставляют любить их родину за границей". Иван С⟨ергеевич⟩ тоже выступил — и очень хорошо, — он почти что задыхался от волнения. Он очень опечален этой смертью; он также, как и мы, знает, чего стоил дорогой усопший, сколько он трудился и какое место занял в различных областях науки, которые он разрабатывал и углублял» (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 3764. Подлинник по-франц. Пер. М.П. Султан-Шах. См. также: *ЛН.* Т. 76. С. 413). На одном из заседаний парижского Антропологического общества было объявлено о смерти Ханыкова и отмечено, что покойный принимал участие в его работе. По предложению известного французского ученого Ж.-Л. Катрфажа де Бро, возглавлявшего Общество, от него на похороны русского ученого был делегирован г. Далли (Dally) (Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris. Paris, 1878. T. 1: Année 1878. P. 414). На заседании Общества 5 декабря н. ст. 1878 г., под председательством А. Мартена, специально было рассмотрено участие Общества в похоронах Н.В. Ханыкова. Было отмечено, что г. Далли присутствовал на отпевании и выразил соболезнования кузену покойного Я.Н. Ханыкову, а также приведена речь Катрфажа, выступившего на похоронах от имени Антропологического и

Географического обществ. В ней говорилось, что деятельность Ханыкова была отмечена двумя парижскими обществами: Географическим в 1861 г., когда ученый был удостоен большой медали за описание путешествий на Кавказ, в Персию и Афганистан, и Этнографическим, когда Ханыков был принят в члены Общества за книгу "Этнография Персии" (Ibid. P. 400). "В обоих этих Обществах, — говорилось далее, — Ханыков быстро занял одно из самых почетных мест, чем был обязан столь же своему характеру, сколь и познаниям. Истинный ученый, он оставался для нас мэтром в вопросах, касающихся географии и этнологии Азии; и те, кто черпал из богатой сокровищницы его знаний, всегда сохранят благодарность к тому, с какой готовностью, с какой утонченной любезностью, лишенной всяческой претензии, он делился своими познаниями. / От имени обоих Обществ, которые я имею честь представлять, я без всякого колебания скажу: смерть Николая Ханыкова отняла у нас не только первоклассного ученого, но и человека, который заставлял любить свою родину среди нас" (Ibid.).

5148. П.В. Анненкову (с. 202)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 26—26 об.; конверт — л. 27. Почтовые штемпели: 1) 27 nov. 78, Paris; 2) 28 nov. 1878, Bruxelles.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 381—382.

[1] Эта записка Анненкова неизвестна.

[2] См. примеч. 1 к письму 5140, а также примеч. 3 к письму 5144.

[3] См. примеч. 2 к письму 5147. "На днях видел во сне Ханыкова, разговаривающим со мной серьезно, как он всегда разговаривал, — откликался Анненков 19 ноября (1 декабря) 1878 г. — И не бывать этому вовек!" (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 94).

[4] В ответном письме от 19 ноября (1 декабря) 1878 г. Анненков сообщал об улучшении своего здоровья: "Могу Вас известить, что физическое мое состояние приняло вид порядка, не очень твердого в сущности, но достаточного, чтоб обманывать себя и людей, чем мы все занимаемся с давних уже пор" (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 93).

[5] Князь П.А. Вяземский умер в Баден-Бадене 10 (22) ноября 1878 г. На смерть Вяземского Анненков откликнулся в письме от 14 (26) декабря 1878 г.: «Мне сообщают несколько любопытных подробностей из Бадена о смерти Вяземского. Он не хотел никаких исповедей, причастий и т.п., хотя об них телеграфила императрица и настойчиво требовала их. Он устранил ходатайство жены, Баратынской, всей русской колонии, говоря: "Что вы пристаете? Я знаю моего бога — это мой враг и всего рода человеческого". Вот штука! Оказывается, что его сиятельство

принадлежал к секте "диаволистов", по учению которых "Егова" был Сатана и вся Библия — дело последнего. Поучение такое — до последнего издыхания русский человек есть актер, лицемер, ходячая фальшь» (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 97). В некрологе, помещенном в "Вестнике Европы" (подпись: "М. С.", за которой скрывалось имя редактора журнала М.М. Стасюлевича), говорилось: «В ноябре месяце скончался в Бадене князь Петр Андреевич Вяземский, 86 лет от роду, почти полных три четверти столетия прошли на его памяти; он был свидетелем трех эпох самого разнообразного характера; его имя сделалось рано известным в обществе и рано обратила на себя внимание его талантливая натура; он никогда не удалялся мыслью и словом надолго от общего течения жизни и так или иначе любил всегда подавать свой голос; даже стоя почти одною ногою в могиле, он сам, так сказать, написал свой некролог, как бы прощальное слово — "друзьям и благоволителям на память, другим — на суд и порицание"» (1879. № 1. С. 436). Цитируя "Автобиографию" Вяземского, Стасюлевич отметил, что покойный сам строго осудил себя, считая, что литература не была для него единственным и постоянным пристрастием. В то же время он отметил, что нельзя не согласиться с credo Вяземского, состоявшим в неразрывной связи литературы и "больших житейских течений". Отметив "неровность его литературного характера", автор некролога подчеркивал парадоксальность ума Вяземского и указывал на некоторые его суждения, которые должны заставить будущих биографов "во многом смягчить свой суд и отказаться от порицаний" (Там же. С. 437—438).

[6] Тургенев посетил мастерскую В.В. Верещагина под Парижем 3 (15) ноября 1878 г. Это была первая встреча с художником, о котором он много слышал и творчеством которого очень интересовался. Еще в ноябре 1874 г., узнав о травле, которую устроили Верещагину после его отказа принять звание профессора Академии художеств, Тургенев резко осудил клеветнические высказывания, прозвучавшие по адресу художника (см.: наст. изд. Письма. Т. 13. № 3848 и примеч. 3 к нему). По воспоминаниям Верещагина, в 1876 г. он узнал от одного своего знакомого, что Тургенев хочет познакомиться с ним, однако отказался от предложения посетить знаменитого писателя, боясь показаться нескромным (см.: *Верещагин В.В.* Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883. С. 130). В том же году Тургенев посетил выставку работ Верещагина, устроенную в Москве П.М. Третьяковым, который приобрел у художника его туркестанскую серию. Картины Верещагина, которые Тургенев увидел впервые, поразили его "своей оригинальностью, правдивостью и силой", о чем он сообщил Третьякову 6 (18) июня 1876 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4358). Особенно интересовали Тургенева картины, написанные Верещагиным во время русско-турецкой войны, в которой художник

принял участие и был ранен. Сам Верещагин так описывал первую встречу с Тургеневым: «После турецкой войны художник Боголюбов сказал мне как-то: "Есть один человек, очень, очень желающий с вами познакомиться". — Кто такой? — "И.С. Тургенев". Я был душевно рад этому и просил приехать в какое угодно время. Когда этот дорогой гость приехал в Maison Laffitte (пригород Парижа, где Верещагин выстроил себе дом с двумя мастерскими. — *Ред.*), мне, признаюсь, просто хотелось броситься к нему на шею и высказать, как я глубоко ценю его и уважаю. Однако вышло иначе, пришлось представить бывшего у меня в то время приятеля, генерала С⟨кобелева⟩, и мы обменялись только обычными банальными любезностями» (*Верещагин В.В.* Очерки, наброски, воспоминания. С. 130). По словам художника, Тургенев с большим интересом рассматривал его работы, среди которых были две-три начатые картины из турецкой войны: «Из них особенно понравилась ему перевозка раненых: каждого из написанных солдатиков он называл по именам. — "Вот, это Никифор из Тамбова, а это Сидоров из-под Нижнего" и т.п.» (Там же). Картина "Перевозка раненых" была продана в 2012 г. на аукционе Sotheby's за 1,5 млн. долларов. Судя по статье В.В. Стасова, незадолго до Тургенева посетившего мастерскую Верещагина, там находилась картина "Дорога около Плевны" и ряд других (*Стасов В.* Письма из чужих краев. VI. Мастерская Верещагина // *Н Вр.* 1878. 28 сентября. № 928). Наряду с картинами балканской серии Тургенев мог видеть в мастерской Верещагина серию картин, привезенных из Индии, где художник пробыл два года.

Отвечая на сообщение о Верещагине, П.В. Анненков писал: «Я очень Вам благодарен за несколько строк о выставке Верещагина. Мне еще помнится из ташкентской его выставки картина голого мальчика, которого хозяин продает сластолюбивому сарту ("Продажа ребенка-невольника". — *Ред.*). Выражение этого старика и самого продавца, который жестом выражает, какие сокровища найдет он в телесах сего киргизенка — силы реальной, почти невыносимой. Таковы, вероятно, и его булгарские эскизы» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 94). Выставка картин Верещагина состоялась в Париже в конце 1879 г. (до этого, в июне того же года, она побывала в Лондоне), и Тургенев принимал деятельное участие в ее устройстве, в частности организовал ряд откликов во французской прессе и сам написал небольшую статью в виде открытого письма редактору газеты "Le XIXe siècle" Эдмону Абу (см.: *ПССиП(1). Соч.* Т. 15. С. 181—183; наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2, а также: ⟨*Тургенев И.С.*⟩ "Выставка художника В. Верещагина". Тургенев и художник В.В. Верещагин / Статья и публ. И.С. Зильберштейна // *ЛН.* Т. 73. Кн. 1. С. 299—336). "Особенностью этого таланта, — писал Тургенев, — является упорное искание правды, своеобразного и типического в природе и в человеке, которое он передает с большой верностью и силой, порой несколько суровой,

но всегда искренней и величественной" (*ПССиП(1). Соч.* Т. 15. С. 181—182). Отметив, что автор батальных картин "не думает поэтизировать русскую армию, рассказывать о ее славе, а стремится показать все стороны войны: патетическую, уродливую, ужасную, равно как и другие, в особенности же психологическую сторону", Тургенев назвал Верещагина "самым своеобразным художником из всех, которых до сих пор произвела Россия" (Там же. С. 183).

[7] О получении заказа от Г.О. Гинцбурга Антокольский с радостью сообщал В.В. Стасову еще в марте 1878 г.: «Между прочим я должен сказать, что я получил заказ от Горация Осиповича — "Спинозу"!!! / Это случилось вчера только, пока еще окончательно не договорено, но думаю, что слова его совершенно достаточно. Я нарочно спрятал эту приятную новость для вас на десерт к этому письму» (*Антокольский.* С. 378). Над этой статуей скульптор работал несколько лет, завершив ее в гипсе в 1882 г. Лишь в 1884 г. она была выставлена впервые в парижском Салоне. Тому же корреспонденту Антокольский писал 3 (15) октября 1878 г.: «Жду с нетерпением, чтобы запереться от всех и войти в свой мир, и там предаться моей любимой, дорогой фигуре "Спинозы". Ему-то я хочу передать душу свою» (Там же). Скульптор даже поехал в Амстердам, чтобы "заглянуть в ту среду, откуда он вышел, подышать тамошним воздухом, посмотреть национальный музей ⟨...⟩" (Там же. С. 379), а уже 5 (17) ноября снова писал Стасову: «Уже больше месяца я работаю над "Спинозой". Можете себе представить, с какой жадностью накинулся я на него, тем более что почти уже два года я принужден был продавать свое время ради желудка, т.е. брать заказы. Только странно, ни одна фигура не далась мне так трудно, как эта! Сколько эскизов я сделал!» (Там же). В настоящее время гипсовая статуя Спинозы находится Государственном музее истории религии (Петербург), в мраморе (1886) — в ГРМ.

5149. Л.Я. Стечькиной (с. 204)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 24—26.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 11—12.

[1] "Варенька Ульмина" (см. примеч. 3 к письму 4992). Повесть была получена Тургеневым в январе 1879 г.

[2] См. письмо 5095 и примеч. 1 к нему.

5150. Л.Н. Толстому (с. 205)

Печатается по подлиннику: *ГМТ.* Ф. 1. 114/23.

Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем.* С. 338—340.

Стр. 206. "прозаичен" (*англ.*).

[1] "Кругом виноват перед вами, любезнейший Иван Сергеевич, — писал Толстой 27 октября ст. ст. 1878 г. — Хотел писать вам вслед за вашим отъездом, а кончилось тем, что и на ваше письмо промешкал ответом" (*Толстой.* Т. 62. С. 446).

[2] О смерти и похоронах Н.В. Ханыкова в Париже см. письма 5144, 5146, 5147 и примеч. к ним. По делам наследства Ханыкова Тургенев помогал его двоюродному брату Я.Н. Ханыкову (см. далее письма к нему в наст. томе).

[3] В упомянутом письме от 27 октября ст. ст. Толстой сообщал Тургеневу о своем "умственном нездоровье" (см. письмо 5109, примеч. 2). В тот же день Толстой, извиняясь за долгое молчание, писал Н.Н. Страхову: "...право, *не мог* писать письма, не мог ничего делать все это время. Я не солгу, если скажу, что меня не было дома, т.е. что я не находился в самом себе, а где-то ailleurs (в другом месте — *франц.*). Ходил на охоту, учил детей, обедал, принимал гостей, когда приезжали; но если должен был от себя что-нибудь делать, то ничего не мог. Работа все нейдет 〈...〉" (*Толстой.* Т. 62. С. 445). Последняя фраза относится к незавершенному роману Толстого "Декабристы". В связи с подготовительной работой к роману Толстой находился в тяжелом моральном состоянии. Он изучал исторические материалы и несколько раз начинал роман, однако к середине февраля следующего 1879 г. вынужден был отказаться от этого замысла. Отвечая А.А. Фету, который уговаривал его оставить роман о декабристах, поскольку боялся, чтобы роман не утвердил "теперешних цареубийц" своим одобрением и благословением, Толстой писал 16—17 апреля ст. ст. 1879 г.: «..."Декабристы" мои бог знает где теперь, я о них и не думаю, а если бы и думал, и писал, то льщу себя надеждой, что мой дух один, которым пахло бы, был бы невыносим для стреляющих в людей для блага человечества» (Там же. С. 483). В то же время именно в этот переломный период Толстой начинает углубленно заниматься религиозными вопросами, которые вскоре целиком поглотят его.

[4] В письме от 1 (13) октября 1878 г. Тургенев сообщал о том, что переводы на английский язык "Казаков" пользуются, по его сведениям, "большим успехом", и высказывал сожаление, что во французском переводе они печатаются в "Journal de St-Pétersbourg", поскольку сам собирался перевести "Казаков" с помощью П. Виардо (№ 5109). В ответ на это Толстой писал в указанном письме: «Пожалуйста, не думайте, что я гримасничаю, но, ей-богу, перечитывание хоть мельком и упоминание о моих писаниях производит во мне очень неприятно сложное чувство, в котором главная доля есть стыд и страх, что надо мною смеются. То же и случилось со мною при составлении биографии (для издания "Русской библиотеки". — *Ред.*). Я увидел, что не могу, и желал бы отделаться. / Как я ни люблю вас и верю, что

вы хорошо расположены ко мне, мне кажется, что и вы надо мной смеетесь» (*Толстой.* Т. 62. С. 446).

[5] С самого начала литературной деятельности Толстого Тургенев угадал в нем огромный талант и почти всегда давал очень высокую оценку его произведениям. По воспоминаниям П.Д. Боборыкина, Тургенев называл Толстого "слоном" "по силе творчества и без всякой фальшивой скромности ставил его неизмеримо *выше* себя" (*Боборыкин П.* Печальная годовщина // *Рус Вед.* 1908. 22 августа. № 194). В то же время первое знакомство с романом "Война и мир" вызвало у Тургенева, наряду с восхищением, некоторое разочарование. "Роман Толстого — вещь удивительная, — писал он Я.П. Полонскому 6 (18) марта 1868 г., — но самое слабое в нем — именно то, чему восторгается публика: историческая сторона — и психология. История его — фокус, битье тонкими мелочами по глазам; психология — капризно-однообразная возня в одних и тех ⟨же⟩ ощущениях. Всё бытовое, описательное, военное — это первый сорт; и подобного Толстому мастера у нас не имеется" (наст. изд. Письма. Т. 8. № 2206). Большая заслуга Тургенева состоит в пропагандировании творчества Толстого за границей (см.: *Алексеев М.П. Тургенев — пропагандист.* С. 72—80). Так, в предисловии к переводу на французский язык "Двух гусаров" (1875) Тургенев назвал Толстого "одним из самых замечательных писателей новой русской литературной школы". «Можно даже сказать, — писал Тургенев, — что по напечатании (в 1870 году) последнего сочинения графа Толстого "Война и мир", произведения оригинального и обширного, соединяющего в себе эпопею, исторический роман и очерк нравов, он решительно занимает первое место в расположении публики» (см.: наст. изд. Соч. Т. 10. С. 355—356. Подлинник по-франц.). В 1880 г. в газете "Le XIXe siècle" была опубликована статья Тургенева, написанная в виде письма к редактору газеты Э. Абу, о только что вышедшем в переводе на французский язык романе Толстого "Война и мир". «Лев Толстой, — писал Тургенев в этой статье, — самый популярный из современных русских писателей, а "Война и мир", смело можно сказать, — одна из самых замечательных книг нашего времени. ⟨...⟩ Перед читателем проходит целая эпоха, богатая великими событиями и крупными людьми ⟨...⟩ это великое произведение великого писателя — и это подлинная Россия» (*ПССиП(1). Соч.* Т. 15. С. 187—188. Подлинник по-франц.; наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 1). Наконец, последнее письмо Тургенева к Толстому, написанное незадолго до смерти, 29 июня (11 июля) 1883 г., где умирающий признается в том, что был рад быть современником Толстого, и призывает его вернуться в литературу, прямо называя "великим писателем русской земли", является подлинным памятником отношениям двух великих современников (см.: наст. изд. Письма. Т. 17. Кн. 2). Об отзывах Тургенева о произ-

ведениях Толстого см.: *Назарова Л.Н.* Тургенев-критик // История русской критики. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 518.

[6] Тургенев писал о "Казаках" Толстого в предисловии к французскому переводу "Двух гусаров" (см.: наст. изд. Соч. Т. 10). "Чем чаще перечитываю я эту повесть, — признавался он 4 (16) марта 1874 г. А.А. Фету, — тем более убеждаюсь, что это chef-d'œuvre Толстого и всей русской повествовательной литературы" (см.: наст. изд. Письма. Т. 13. № 3624).

[7] См. примеч. 5 к письму 5109. Ю. Скайлер навестил Тургенева 7 (19) ноября 1878 г. (см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 52).

[8] Тургенев собирался не только перевести сам "Казаков", но и написать к ним предисловие. О французском переводе, выполненном Е.И. Менгден, см. примеч. 7 и 9 к письму 5109.

[9] Задуманное Тургеневым отдельное издание "Казаков" во Франции по каким-то причинам не осуществилось. Первое французское издание повести вышло в Париже в 1886 г.

[10] Тургенев пробыл в Англии с 8 (20) по 17 (29) октября 1878 г., где охотился в Six Mile Bottom близ Ньюмаркета — имении своего приятеля Беллок-Холла (которое на самом деле находится за Кембриджем), виделся со своими знакомыми, в том числе с Г. Льюисом и его женой, писательницей Джордж Элиот (см. письма 5112, 5114 и примеч. к ним).

[11] Тургенев вспоминает о своем посещении Оксфордского и Кембриджского университетов, куда он выезжал во время последнего пребывания в Англии и где познакомился с рядом английских профессоров (см. письмо 5114 и примеч. к нему).

[12] Тургенев имеет в виду враждебное отношение англичан к русским в связи с русско-турецкой войной, с которым он столкнулся, общаясь в Англии с представителями литературных и политических кругов. См. также письмо 5137.

[13] Либретто оперы "Евгений Онегин" (1878) было составлено братом композитора, М.И. Чайковским, при участии К.С. Шиловского, которому принадлежали французский и русский тексты куплетов Трике. Принимал участие в составлении либретто и сам композитор (см.: *Айнбиндер А.Г.* "Что наша жизнь...": К вопросу о мировоззрении П.И. Чайковского (Толстой — Фет — Шопенгауэр) // А.А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2013. Вып. 2 / Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. С. 53—56. Здесь же о влиянии Толстого на мировоззрение Чайковского). Партитура "Евгения Онегина" была приобретена в магазине Габлера и доставлена Тургеневу А.В. Топоровым (см. письмо 5139).

[14] Трокадеро — дворец в Париже, выстроенный специально для Всемирной выставки 1878 г., в котором был концертный зал, где в сентябре 1878 г. Н.Г. Рубинштейном были устроены четыре концерта русской музыки, на которых исполнялись в том числе

произведения П.И. Чайковского. Об одном из таких концертов, на котором присутствовал Тургенев, см. примеч. 1 к письму 5104. См. также письмо 5139, примеч. 4.

[15] Об этом см.: Дни и годы П.И. Чайковского: Летопись жизни и творчества. М.; Л., 1940. С. 187—190.

[16] По предположению П. Уоддингтона, этим англичанином мог быть композитор, профессор музыки Кембриджского университета Джордж Макфаррен, немало способствовавший популярности творчества Чайковского в Англии. Тургенев мог встретиться с ним во время обеда у Генри и Милисент Фосетт, состоявшегося 24 октября н. ст. 1878 г. в Кембридже (см.: *Waddington. T and England.* P. 239—240).

[17] Это письмо Тургенева не понравилось Толстому. 22 ноября ст. ст. 1878 г. он писал Фету: "Вчера получил от Тургенева письмо. И знаете, решил лучше подальше от него и от греха. Какой-то задира неприятный" (*Толстой.* Т. 62. С. 453).

5151. А.А. Трубецкой (с. 207 и 291)

Печатается по фотокопии, предоставленной П. Уоддингтоном. Подлинник хранится в частном собрании П. Уоддингтона. Почтовые штемпели на конверте: 1) 27 nov. 78, Paris; 2) 28 nov. 78, Fontainebleau.

Впервые опубликовано: *Уоддингтон П.* Тургенев и его русские друзья в Фонтенбло: Семья Трубецких-Орловых. Приложение: Два письма к княгине А.А. Трубецкой (Из собрания Патрика Уоддингтона) // *Тургенев. НИиМ.* Вып. 3. С. 106—108. В собрание сочинений включается впервые.

[1] Это письмо А.А. Трубецкой неизвестно.

[2] Имеются в виду похороны видного ориенталиста, друга Тургенева Н.В. Ханыкова, скончавшегося в Рамбулье 3 (15) ноября 1878 г. Ханыков был похоронен 10 (22) ноября на кладбище Пер-Лашез в Париже, где Тургенев произнес надгробную речь (см. подробнее письмо 5152, а также письма 5144, 5146, 5147 и примеч. к ним). Позднее на могиле Ханыкова был установлен памятник работы М.М. Антокольского, подписка на памятник была организована Тургеневым (см. письмо 5154). Описание и воспроизведение памятника, проект которого был сделан Антокольским бесплатно, см.: *Розенфельд А.З.* Тургенев и Н.В. Ханыков // *Т и его современники.* С. 83—84, между с. 144 и 145. В архиве братьев Тургеневых сохранилось приглашение на имя Н.Н. Муравьева-Амурского на погребальное шествие и погребение Н.В. Ханыкова 10 (22) ноября 1878 г., из которого следует, что Ханыкова отпевали в русской церкви на улице Дарю (*ИРЛИ.* Ф. 309. № 3767). В газете "Голос" был напечатан без подписи некролог Ханыкова, в котором перечислялись его заслуги перед отечественной наукой: помимо собственно научных трудов в

некрологе упоминалось о том, что покойный передал в дар императорской Публичной библиотеке значительное число восточных рукописей. В заключение сообщалось, что в последнее время Ханыков жил в Париже, "находя там более удобств для своих ученых работ, и умер, окруженный попечениями семейства покойного Николая Ивановича Тургенева" (Голос. 1878. 4 ноября. № 306). См. также письмо 5158.

[3] На этот раз Тургеневу вновь не удалось навестить Трубецкую. Несмотря на уверенность в скором выздоровлении, он болел почти до конца года.

[4] 28 октября (9 ноября) Тургеневу исполнилось 60 лет.

5152. Гюставу Флоберу (с. 208 и 292)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 144—145. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1896. № 10. P. 146—147; в русском переводе — *Рус Мысль.* 1896. № 8. С. 62—63. Перепечатано во французском оригинале: *Halp.-Kam. Corr.* P. 114—116. Вновь опубликовано в русском переводе: *Гальп.-Кам. Письма.* С. 197—198.

[1] Эта записка Флобера неизвестна. В письме к Э. Золя от 27 ноября н. ст. 1878 г. Флобер, перечисляя свои неприятности, называет и молчание Тургенева: "Тургенев написал мне лишь словечко, чтобы сообщить, что он вернулся. С тех пор никаких известий — хотя я послал ему два письма" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 467. Подлинник по-франц.).

[2] Н.В. Ханыков умер 3 (15) ноября 1878 г. Тургенев принял деятельное участие в организации похорон, устройстве дел по наследству, установлении памятника на могиле и т.д. См. об этом письма 5142, 5144, 5146, 5151 и примеч. к ним.

[3] Вопреки обещаниям, Тургенев навестил Флобера в Круассе лишь в феврале 1879 г. (см. примеч. 1 к письму 5201).

[4] О том, в какой мере Э. де Гонкур воспользовался сведениями, полученными от Тургенева, в своем романе "Братья Земганно", см. письмо 5136 и примеч. к нему.

[5] Смысл приведенной испанской пословицы ("Aun la cola falta por desollar"), дважды встречающейся в "Дон Кихоте" Сервантеса, состоит в том, что осталось еще много работы, да еще самой грубой и трудной (см.: *Бронь Т.И.* Испанские цитаты у Тургенева // *Т сб.* Вып. 1. С. 308).

5153. Людвигу Пичу (с. 209 и 293)

Печатается по тексту (неполному), опубликованному Г. Цигенгайстом: Zeitschrift für Slawistik. 1986. Bd. 31. S. 260. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано в немецком оригинале: J.A. Stargardt. Katalog 622. Auktion am 24. und 25. Februar 1981. S. 98. № 277. В собрание сочинений включается впервые.

[1] Речь идет о договоренности с Э. Домом о переводе на немецкий язык либретто одноактной оперы Л. Эритт "Линдоро", которая должна была быть поставлена в Веймаре в день рождения великой герцогини Софии Луизы Саксен-Веймарской. См. также письмо 5198 и примеч. к нему.

[2] Намек на слова Маргариты из последней сцены первой части "Фауста" Гёте: "Stumm liegt die Welt wie das Grab!". В переводе Тургенева: "Безмолвно весь мир лежит, как могила" (см.: наст. изд. Соч. Т. 1. С. 28).

5154. Я.Н. Ханыкову (с. 210)

Печатается по тексту первой публикации: Ежемесячные сочинения. 1901. № 12. С. 320—321, с исправлением неточностей. Подлинник неизвестен.

В тексте первой публикации в дате письма допущена ошибка — ноябрь вместо декабря: месяц определяется по содержанию и по соответствию числа с днем недели.

[1] Речь идет о панихиде по Н.В. Ханыкову, которую отслужил священник В.А. Прилежаев 10 (22) ноября 1878 г. (см. письмо Ф.Н. Тургеневой к А.В. Плетневой: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 3764, а также: *ЛН.* Т. 76. С. 413). См. также письмо 5144, примеч. 1.

[2] Памятник на могиле Н.В. Ханыкова в Париже, на кладбище Пер-Лашез, работы М.М. Антокольского был установлен 22 июня (4 июля) 1879 г. (см. письмо к Антокольскому от 21 июня (3 июля) 1879 г.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2). Газета "Le Temps" сообщала 6 июля н. ст. 1879 г.: "Сегодня на кладбище Пер-Лашез состоялось открытие монумента, установленного соотечественниками в память г. Ханыкова, статского советника в Петербурге, посланного во Францию для изучения общественных слушаний, конференций по вопросам народного образования в наших лицеях, академиях и научных факультетах. / Эта печальная и высокая церемония возглавлялась комитетом, представленным г. Тургеневым, г. Жюлем Дюлу и друзьями, верными памяти скромного и оплакиваемого ученого, избравшего Париж своей приемной родиной, где он скончался в 1878 году и где хотел остаться на вечный покой" (№ 6650. P. 4). Письмо Тургенева к А.В. Головнину неизвестно. Возможно, упомянутый лист был приложен к письму от 12 (24) ноября 1878 г., сохранившемуся лишь в виде небольшой выписки (см. № 5147).

[3] Среди известных опубликованных работ В.В. Вельяминова-Зернова биография Н.В. Ханыкова не числится.

[4] Ответ Я.Н. Ханыкова Тургеневу неизвестен.

5155. Джордж Элиот (с. 210 и 293)

Печатается по подлиннику: Библиотека Баллиольского колледжа, Оксфорд.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 386.

[1] Тургенев ошибся: письмо о болезни Льюиса прислала не дочь, а сын Льюиса от первого брака Чарльз Ли Льюис (впервые указано: *Waddington P.* Turgenev and George Eliot: A Literary Friendship // Modern Language Review. 1971. Vol. 66. № 4 (October). P. 758; см. также: *Waddington. T and England.* P. 249). См. примеч. 1 к письму 5120.

[2] Г. Льюис умер 18 (30) ноября 1878 г. О его смерти Тургенев мог узнать из телеграммы, помещенной в "Le Temps" 3 декабря н. ст. (№ 6435. P. 1), а 5 декабря н. ст. 1878 г. в той же газете появилась более пространная заметка, где говорилось: «Философский мир с большим прискорбием узнает о смерти г. Джорджа Льюиса, славного мужа знаменитой романистки Джордж Элиот. Г-н Льюис был одним из оригинальнейших умов, которыми гордится современная Англия. Родившийся в Лондоне 18 апреля 1817 г., г. Льюис, после того, как попробовал свои силы на медицинском поприще, обратился к литературе и философии. Сначала он опубликовал "Жизнь Робеспьера", где содержались многие документы, представляющие большой интерес. Далее, в 1847 г., появился его роман "Ранторп", затем, в 1853 г. — "Изложение философии Конта", "Испанская драма" и "Лопе де Вега и Кальдерон"; трагедия "Благородное сердце" (1850). Но лучшей его работой, заслужившей долгую признательность, является его история философии в биографиях. Упомянем также "Жизнь Гёте" и недавнюю, весьма замечательную книгу об актерах и актерском мастерстве» (№ 6437. P. 2). "Journal des Débats" также откликнулся на смерть Льюиса. В воскресном номере за 8 декабря н. ст. 1878 г. было помещено следующее сообщение: «Англия только что потеряла одного из самых совершенных своих литераторов в лице г. Джорджа-Генри Льюиса, скончавшегося в возрасте шестидесяти одного года в Лондоне, где он был рожден. Он проявил себя во многих жанрах. Заявив о себе сначала как об *эссеисте*, он в 1845 г. опубликовал в четырех томах свою "Историю философии в биографиях". В 1846 г. появился его второй труд: "Испанская драма", затем, в 1849 г., "Жизнь Робеспьера", а в 1853-м — "Философия наук Конта". "Жизнь и творчество Гёте" в двух томах стала самой популярной книгой г. Льюиса» (P. 2).

5156. М.М. Стасюлевичу (с. 211)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 223. На подлиннике помета Стасюлевича: "26.XI.78", дата получения письма.

Впервые опубликовано: *ВЕ.* 1911. № 12. С. 6—7.

[1] Это письмо Стасюлевича неизвестно.

[2] О смерти и похоронах Н.В. Ханыкова см. письма 5144, 5147, 5151 и примеч. к ним.

[3] Возможно, имеется в виду письмо 5147, известное лишь в отрывке.

[4] О памятнике на могиле Н.В. Ханыкова на кладбище Пер-Лашез см. письмо 5154. Стасюлевич не понял просьбы Тургенева и, по-видимому, решил, что писатель просил его об объявлении подписки на памятник в "Вестнике Европы" — см. письмо 5167.

5157. Гюставу Флоберу (с. 212 и 294)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 146. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ЛН.* Т. 31—32. С. 684—685; во французском оригинале — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 387.

[1] В письме от 1 декабря н. ст. 1878 г., написанном ночью, Флобер просил Тургенева несколько отложить визит в Круассе: "Мой дорогой старина, / В своем последнем письме я просил вас приехать ко мне. Так вот, *не приезжайте на этой неделе.* / Дух мой не будет свободен. И вы будете приняты слишком плохо! — У меня, или, скорее, у нас, неприятностей выше головы! Но, надеюсь, наступит же этому конец? — Ах! Мой бедный друг, до чего тяжела жизнь! / Прошу вас, даже *умоляю* отложить ваш визит совсем ненадолго, дней на 8 или, может быть, 10. / Я предупрежу вас, когда успокоюсь. / Мне очень нужен долгий разговор с вами. / Обнимаю вас" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. Р. 470. Подлинник по-франц.). Угнетенное состояние Флобера объяснялось рядом причин: финансовыми затруднениями, связанными с разорением семьи племянницы К. Комманвиль, усталостью от работы над романом "Бувар и Пекюше", отказом издателей Шарпантье и Даллоза печатать его произведения и другими неприятностями. Тургенев навестил Флобера в Круассе лишь в начале февраля 1879 г. См. примеч. 1 к письму 5201.

5158. А.Н. Тургеневу (с. 212 и 294)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 309. № 4710. Почтовый штемпель: 5 déc. 78, Rue Milton, Paris.

Впервые опубликовано: *Т и его время.* С. 262.

Датируется по штемпелю городской почты на конверте. Запись о получении этого письма сохранилась в дневнике Ф.Н. Тургеневой за 24 ноября (6 декабря) 1878 г.: "Иван Альберу ⟨письмо⟩" (*ЛН.* Т. 76. С. 394).

[1] См. примеч. 1 к письму 5140, примеч. 2 к письму 5151 и примеч. 2 к письму 5154.

[2] См. письмо 5156.

5159. П.В. Анненкову (с. 213)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 28 — 28 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 388 — 389.

[1] См. письмо 5156. В сохранившихся выписках из писем Тургенева к А.В. Головнину за 1878 г. (см. наст. том) упоминаний о подписке на памятник Н.В. Ханыкову нет.

[2] Анненков согласился дать на постройку памятника 40 франков. В ответном письме от 27 ноября (9 декабря) 1878 г. он писал: "Конечно, добрейший И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩, где Вы, тут и я — и на памятник Ханыкову охотно жертвую 40 фр., а дал бы более, если бы мне не писали, что все мои оброки превратились, странным образом, в недоимки. Вы знаете о новом открытии, по которому всякие металлы могут превращаться, после некоторых манипуляций, совершенно в другие, чуждые им тела. Вот это превращение теперь и царствует в деревнях, градах и весях отечества, да только никогда не восходя к ценности получаемых веществ, а спускаясь в их внутреннем достоинстве. Так и со мной на нынешний год произойти должно" (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 94). О памятнике Ханыкову см. примеч. 2 к письму 5154.

[3] В письме от 19 ноября (1 декабря) 1878 г., на которое отвечает Тургенев, сквозило беспокойство Анненкова, вызванное нарастанием в русском обществе воинственных настроений и возможностью продолжения русско-турецкой войны: «Воинственность еще растет — надо выгнать международную комиссию из Румелии, надо преградить в Афганистане дорогу Англии, надо выставить обсервационный корпус против Китая, надо Австрию взять с фланга — и проч. Это свободная пресса учит, а общество идет далее. Дипломацию побоку, трактаты к черту, простор русскому духу, которому не нужны деньги, ибо он и без того ест очень мало, неизвестно, чем питается. "Все сделаемся казаками", — сказал на днях некий муж громогласно» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 93 — 94). Далее Анненков пересказывал мнение человека, возвратившегося из России и считавшего, что если бы дипломаты носили мундиры, то при встрече с народом они были бы просто растерзаны. Подобные настроения в обществе после Берлинского конгресса отметил в своем дневнике и Д.А. Милютин: "Общественное мнение в России настроено крайне враждебно правительству, особенно в Москве. Берлинский трактат возбуждает почти общее неудовольствие. Причиной тому можно считать разочарование. Ожидали чего-то колоссального, и когда

мечты идеалистов не осуществлялись, когда явилась практическая действительность, все возопили на нашу дипломатию и на все правительство" (*Милютин. Дневник.* Т. 3. С. 82).

[4] Имеется в виду речь Александра II, произнесенная им в Георгиевском зале Кремля при выходе в Успенский Собор 20 ноября (2 декабря) 1878 г. Сердечно поблагодарив все сословия Москвы "за благотворительную их деятельность во время минувшей войны", Александр II, в частности, выразил надежду, что скоро "окончательный мир" с Турцией будет подписан (*СПб Вед.* 1878. 22 ноября. № 322; см. также: Неделя. 1878. 26 ноября. № 48. Стб. 1580).

[5] Тургенев откликается на слова Анненкова из письма от 19 ноября (1 декабря): "Где тут быть довольству, когда каждый полученный рубль превращается в 50 к., а рублей для дела воспитания детей требуется много. Заботы велие! Из России, о которой Вы все-таки мне ничего не написали, получаю сведения несообразные. Разорение гуляет по всему пространству империи — и никто в ус не дует. Было бы правительство, а о народе нечего думать — всегда он будет, каков он ни есть" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 93).

[6] Имеется в виду неосуществленный замысел А.С. Пушкина, известный под названием "Русский Пелам", над которым поэт работал в 1834—1835 гг. Анненков впервые опубликовал полностью все сохранившиеся материалы к роману (см. примеч. 7 к наст. письму). Очевидно, Тургенев обещал поделиться с Анненковым своими соображениями по поводу замысла романа, однако в сохранившихся письмах Тургенева развернутого суждения об этом неосуществленном замысле нет.

[7] Материалы Пушкина об этом замысле Анненков впоследствии включил в статью "Литературные проекты А.С. Пушкина. Планы социального романа и фантастической драмы" (*ВЕ.* 1881. № 7. С. 29—60). Просьба обратиться к Н.А. Орлову объясняется, видимо, тем, что в плане Пушкина встречаются герои из высшего света, обозначенные инициалами "Фед. Орл." и "Ал. Орл.", и Анненков правильно предположил, что они имеют отношение к роду князей Орловых. В статье, однако, критик постарался отвести внимание читателей от конкретных имен, в том числе дяди Н.А. Орлова Ф.Ф. Орлова, с которым у Пушкина едва не состоялась дуэль в Кишиневе.

5160. Я.Н. Ханыкову (с. 214)

Печатается по тексту первой публикации: Ежемесячные сочинения. 1901. № 12. С. 321. Подлинник неизвестен.

[1] См. письмо 5154. Письмо Я.Н. Ханыкова неизвестно.

[2] О похоронах Н.В. Ханыкова и речи Ж.-Л. Катрфажа см. примеч. 2 к письму 5147. Некролог, вероятно, написан Тургеневым не был.

[3] Цитата из сказки П.П. Ершова "Конек-горбунок".

[4] А.Н. Луканина писала 25 ноября н. ст. 1878 г.: "...пришел Ханыков, Яков Николаевич, двоюродный брат покойного. Из разговора Ивана Сергеевича с ним, разговора чисто делового, я увидела, что Иван Сергеевич взял на себя массу хлопот по отношению к похоронам и т.д. Видно было, что он был очень дружен с покойным Ханыковым" (*СВ.* 1887. № 3. С. 54).

5161. Н.А. Щепкину (с. 214)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 249—249 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 390.

[1] Это письмо Щепкина неизвестно.

[2] О комиссиях Тургенева в отношении П.Т. Кудряшова и Н.С. Тургенева см. письма 5094 и 5124.

[3] См. письма 4939, примеч. 4, 4988, примеч. 2.

[4] См. письмо 5099, примеч. 1.

5162. Эмилю Золя (с. 215 и 295)

Печатается по тексту: *Halp.-Kam. Corr.* P. 246—247. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1897. № 17. P. 438—439; в русском переводе — *СВ.* 1897. № 6. С. 244. Перепечатано во французском оригинале: *Halp.-Kam. Corr.* P. 246—247. Вновь опубликовано в русском переводе: *Гальп.-Кам. Письма.* С. 291—292. Датируется на основании следующих данных. Фельетон в "Journal des Débats" о "Княжне Боровской" П. Корвин-Круковского появился в понедельник 9 декабря н. ст. 1878 г. Ближайший к этому времени четверг — 30 ноября (12 декабря) 1878 г.

[1] С 4 июля н. ст. 1878 г. Золя почти безвыездно находился в купленном им поместье в Медане, где ему пришлось заниматься обустройством старого дома и строительством нового. 9 августа н. ст. 1878 г. он писал Г. Флоберу: "У меня было много всяких хлопот. Я купил дом, сущий крольчатник, между Пуасси и Триелем, в очаровательном захолустье, на берегу Сены, за девять тысяч франков, — сообщаю цену, дабы вы не заблуждались насчет солидности покупки. Литература оплатила этот скромный сельский приют, достоинство коего состоит в том, что он расположен далеко от любой станции и что по соседству нет ни одного горожанина. Я один, совершенно один; целый месяц не видел ни одного человеческого лица. Но мой переезд сюда и устройство выбили меня из колеи ⟨...⟩" (*Золя.* Т. 26. С. 530.

Пер. С. Рошаль). О том, почему он задержится в Медане до первых чисел января н. ст. 1879 г., Золя написал Тургеневу 2 (14) декабря 1878 г.: "Ваше письмо доставило мне живейшее удовольствие. Я давно хотел написать вам, чтобы узнать, как вы поживаете. Кроме того, я все надеялся вернуться в Париж и откладывал написание письма. Теперь почти решено, что я останусь здесь до первых чисел января. Вообразите, что я, купив эту хибару, столкнулся с необходимостью построить рядом другое здание. Думаю, вы прошли через это (Намек на то, что Тургенев построил свое шале рядом с виллой Виардо в Буживале. — *Ред.*). Это затянулось, и сегодня я остаюсь, чтобы пропустить день Нового года, к которому испытываю отвращение. По приезде в Париж я зайду к вам, чтобы пожать вам руку и поговорить" (*Zola. Corr.* T. 2. P. 247. Подлинник по-франц.). До этого письма общение Тургенева с Золя было прервано надолго: последнее известное письмо Золя датируется 7 (19) июля 1877 г., после чего состоялась одна короткая встреча около 21 июня н. ст. 1878 г., о которой Тургенев сообщил Флоберу в письме от 11 (23) июня 1878 г. (№ 5049). Писателям удалось встретиться лишь в начале февраля 1879 г.

[2] С 9 июля 1878 г. по 31 августа н. ст. 1880 г. Золя печатал еженедельные драматические обозрения в республиканской парижской газете "Voltaire", основанной в июле 1878 г. вместо закрытой "Le Bien public". Фельетон Золя, о котором идет речь, появился в номере газеты от 10 декабря н. ст. "Княжна Боровская" — пьеса драматурга П. Корвин-Круковского, поставленная 6 декабря н. ст. 1878 г. в театре "Ambigu". Его первая пьеса "Данишевы" появилась на парижской сцене в 1876 г. и вызвала резко отрицательный отзыв Тургенева (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4204, примеч. 3, № 4233, примеч. 1, а также № 4509). Золя откликнулся на постановку "Данишевых" в театре Одеон, согласовав свой отклик с мнением Тургенева, причем в своей статье в "Вестнике Европы" противопоставил невежеству Корвин-Круковского относительно русской действительности произведения Тургенева. При этом Золя утверждал, что на две трети пьеса переписана А. Дюма-сыном, который "приклеил свою развязку" и создал образы, родившиеся «не в России, а за кулисами "Одеона"» (*Золя Э.* Парижские письма. XIII. Три страницы из истории современного театра и литературы. "Les Danicheff" — "L'Etrangère" — "Mme Caverlet" // *BE.* 1876. № 4. С. 874—875). «Те из французов ⟨...⟩ кто прочел "Записки охотника", "Рудина", "Дворянское гнездо", — писал Золя в своем фельетоне, — могут только пожать плечами над продуктами фантазии Дюма, изобразившего Россию для парижской толпы» (Там же. С. 882). На этот раз Золя откликнулся из Медана на призыв Тургенева 2 (14) декабря 1878 г.: "Мой дорогой Тургенев, /

Я сделаю то, о чем вы просите, в ближайшем фельетоне. Только мы договорились, что вы познакомите меня с русским театром, и я рассмотрю вопрос с опорой на примеры" (*Zola. Corr.* T. 2. P. 247. Подлинник по-франц.).

[3] 9 декабря н. ст. 1878 г. обозреватель газеты "Journal des Débats" Карагель писал в фельетоне: «Театру "Ambigu" не повезло в пятницу с новой драмой "Княжна Боровская", и сразу же русские пьесы впали в немилость. После "Данишевых" многие наивные люди вообразили, что именно в России был открыт неисчерпаемый источник театрального успеха и что стоит только совершить путешествие в эту страну, чтобы возвратиться оттуда с драматургическими слитками. Но я думаю, что на "Данишевых" остановятся».

[4] В одном из еженедельных театральных обзоров Золя в газете "Voltaire" содержится почти буквальное повторение слов Тургенева: «Некоторые русские обращаются ко мне с просьбой решительно заявить, что г. Петр Невский никоим образом не представляет русский театр. В России он как писатель совершенно неизвестен, и драмы, которые он пишет на французском языке, не переводятся, не адаптируются к драматической литературе его родной страны. ⟨...⟩ Русские глубоко уязвлены тем, что г. Петра Невского выдают за представителя их драматической литературы, а "Данишевых" и "Княжну Боровскую" рассматривают в качестве образцов этой литературы. ⟨...⟩ То, что нам представили, и то, что мы приняли за точное воспроизведение русской жизни, является, в целом, грубыми раскрасками, испорченными к тому же потребностями нашего театра» (см.: *Zola E.* Œuvres complètes. Paris, [1923]. T. 43. P. 126. Подлинник по-франц.). В "Парижских письмах" Золя, печатавшихся в "Вестнике Европы", упоминаний о "Княжне Боровской" Корвин-Круковского не обнаружено. Возможно, писатель решил ограничиться упоминанием этой пьесы и отношения к ней в русской среде лишь в публикации для французского читателя. В то же время, готовя позже сборник "Наши драматурги" (1881), Золя включил в него резко критическую статью о творчестве А. Дюма-сына, часть которой была посвящена "Данишевым" (см.: *Золя.* Т. 25. С. 221—232), где вновь прозвучала оценка творчества Тургенева как подлинного представителя русской литературы: "В произведениях Тургенева отражена вся русская жизнь, перед нами русское общество, степи России, деревни и города, крестьяне, купцы и помещики" (Там же. С. 232).

[5] О попытках Тургенева познакомить французских театралов с драматургией Островского см.: наст. изд. Письма. Т. 13. № 3709; см. также: *Кашин Н.П.* Отношение к Островскому западных сцены и научной литературы // Творчество А.Н. Островского. М.; Пг., 1923. С. 30 и др.

5163. П.В. Анненкову (с. 216)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 29—30.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 391—392.

[1] В предыдущем письме к Анненкову Тургенев сообщал о сборе средств на создание памятника Н.В. Ханыкову и просил его внести посильный вклад (см. письмо 5159).

[2] Анненков оправдывался в письме от 27 ноября (9 декабря) 1878 г. тем, что он заплатил бы более 40 франков, если бы все его оброки не "превратились, странным образом, в недоимки" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 94). См. также примеч. 2 к письму 5159.

[3] В письме от 27 ноября (9 декабря) 1878 г. Анненков спрашивал: «Скажите — не знаете ли, чем провинился Тимашев, что его сменили, как извещает "Телеграф". Я полагаю — не излишним ли послаблением цензуры и свободой, данной печати? Чего доброго?» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 95). 27 ноября (9 декабря) 1878 г. министр внутренних дел генерал-адъютант А.Е. Тимашев был уволен с поста министра "по расстроенному здоровью". Ни один из Шуваловых не был назначен на этот пост. Тимашева заменил Л.С. Маков.

[4] Тургенев отвечает на следующий пассаж из письма Анненкова от 27 ноября (9 декабря) 1878 г.: "Я читал моего Боборыкина и еще утвердился в мнении, что к Вам должно обращаться русскому человеку за всякой нравственной помощью, хотя знал это и прежде него. Но зачем это он сожалеет, что Вам негде прогуливаться в своем кабинете? Ведь вот российский публицист — прикинет непременно размер комнаты, цвет и форму штанов и пинджака, доброту ковров и занавесев, да еще выведет заключенье, как они относятся к душевному настроению лица. А статейка все-таки любопытна" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 95). Анненков имел в виду обширную статью П.Д. Боборыкина "У романистов", напечатанную в "Слове" (1878. № 11. Отд. II. С. 1—41), где автор в довольно непринужденном тоне описал свои визиты к Э. де Гонкуру, Э. Золя и А. Доде во время пребывания в Париже, куда он приехал в составе так называемой русской делегации для участия в Литературном конгрессе по авторским правам. При этом Боборыкин без всякого стеснения говорил о подробностях домашней обстановки французских писателей, не забыв упомянуть, что к ним его направил Тургенев. Последнее утверждение было правдой (см. письмо 5043). Несомненно, пользуясь дружескими связями Тургенева с указанными писателями, Боборыкин злоупотребил их доверием и выставил их почти в традициях желтой прессы, хотя многие детали обстановки и характерные черты творчества были подмечены

им достаточно проницательно. Так, несмотря на восхищение Гонкуром, он не забыл отметить, что у него желтоватый цвет лица и подробно описал его домашнюю одежду (Там же. С. 17). Рассказывая о визите к Э. Золя, Боборыкин бестактно передал финансовое положение писателя, количество заработанных им денег в России и т.д. При этом он постоянно упоминал имя Тургенева, беззастенчиво передавая его мнения, явно не предназначенные к печати, из чего можно было сделать заключение о чрезвычайно доверительных отношениях между ним и известным писателем. Иногда имя Тургенева не называлось прямо, но ни у кого не могло возникнуть сомнения, что речь идет именно о нем: "Человек, искренно к нему расположенный и притом чрезвычайно образованный (мне не нужно называть его), уверял меня, что Золя знает очень мало" (Там же. С. 31). Тургенев узнал о статье Боборыкина из фельетона "Нового времени" (1878. 17 (29) ноября. № 978. С. 2—3), в котором В.П. Буренин раскритиковал статью. В частности, он упрекнул автора за утверждение, будто Тургенев "в непосредственном наблюдении действительности черпает весь материал своего творчества, что без отдельных лиц не может быть в мозгу писателя конкретных образов". Позднее, ознакомившись со статьей Боборыкина целиком, Тургенев пришел в негодование (см. письма 5169 и 5172). Высмеивая плодовитость Боборыкина, готового строчить о чем угодно и сколько угодно, Буренин писал: «Не успеешь ознакомиться с его изучением авторов, их прав и положения, а уж он толчется "У романистов" парижских и описывает их панталоны, пальто, фоколи (съемные воротнички, от франц. faux col. — *Ред.*), приемные, кабинеты... Просто божеское наказание для читателей и для журнальных обозревателей этот разнообразный гений ⟨...⟩». Называя Боборыкина "неутомимым танцмейстером российской словесности", Буренин уничижительно оценивал как беллетристические, так и критические произведения неуемного автора, к тому же подражающего приемам Золя. Досталось в фельетоне Буренина и самому главе натурализма. Опровергая теорию натурализма, Буренин ссылался на "Философию искусства" И. Тэна и утверждал, что «настоящие художники и настоящие произведения не только не скопировывают рабски живых лиц и сцен действительности — они часто "искажают намеренно человеческое слово", они часто рисуют действительность совсем не так, как она представляется», поскольку целью искусства является не изображение вещей, а обнаружение сущности вещей. «Так "воссоздает" свои образы Ив.С. Тургенев, — писал Буренин, — так воссоздает и Э. Золя там, где он является художником, а не копиистом ⟨...⟩» (*Буренин В.* Литературные очерки // *Н Вр.* 1878. 17 (29) ноября. № 978. С. 2—3).

[5] В письме от 27 ноября (9 декабря) 1878 г. Анненков, спрашивая, в чем провинился Тимашев (см. выше примеч. 3 к наст.

письму), замечал: "Все эти смены, замены, перетасовки и потасовки ничего не значат. Все будет по-старому. ⟨...⟩ Я придерживаюсь того мнения, что, покуда не сроют Василия Блаженного в Москве и крепости (Петропавловской крепости. — *Ред.*) в Петербурге, никаких перемен не будет" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 95).

5164. Л.Я. Стечькиной (с. 217)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 27—29.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 12—13.

Стр. 217. "У неба требуешь ты самых прекрасных звезд,
У земли величайших наслаждений..." (*нем.*).

[1] Это письмо Стечькиной неизвестно.

[2] "Кривые деревья" (позднее "Варенька Ульмина").

[3] Несколько измененные слова Мефистофеля из трагедии Гёте "Фауст" (Faust. Prolog im Himmel):

Vom Himmel fordert er die schönsten Sterne
Und von der Erde jede höchste Lust...

5165. А.В. Топорову (с. 218)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 63. Л. 13—13 об.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 272.

[1] Письмо В.В. Самарского-Быховца неизвестно.

[2] Речь идет о картине Э.-Т. Бланшара. См. о ней в письмах 4938 и 4958, а также примеч. 3 к письму 4911.

5166. Полине Брюэр (с. 219 и 295)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 1. № 44. Л. 352.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 393.

[1] Флаконы Суэца — флаконы Суэцкой воды (Eau de Suez), т.е. зубного эликсира. Дети — Жанна и Жорж-Альбер Брюэры.

5167. М.М. Стасюлевичу (с. 219)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 224. На подлиннике помета Стасюлевича: "5.XII.78", дата получения письма.

Впервые опубликовано: *ВЕ.* 1911. № 12. С. 7—8.

[1] См. письмо 5156 и примеч. 3 к нему.

[2] О памятнике Ханыкову см. примеч. 2 к письму 5151.

[3] Вырезка из "Вестника Европы", полученная Тургеневым (1878. № 12), содержала некролог Н.В. Ханыкова, написанный Стасюлевичем (см. примеч. 3 к письму 5144). К некрологу прилагались четыре письма Ханыкова к неназванному корреспонденту, о которых в некрологе было сказано: "Счастливый случай доставил в наше распоряжение несколько таких писем; пусть они послужат материалом для биографии покойного и дадут ему возможность, так сказать, продолжить свое существование, беседуя с нами, обращаясь к нам" (*ВЕ.* 1878. № 12. С. 912). Рассуждая в первом из опубликованных писем (от 10—12 апреля н. ст. 1878 г.) о заблуждениях, одно из которых состоит в убежденности русского человека в неисчерпаемых сырьевых богатствах России, в обмен на которые "жадная Европа рада будет отсыпать ⟨...⟩ все свои капиталы, добытые ею терпением, знанием, бережливостью, предприимчивостью, изобретательностью, настойчивостью, трудом тяжким, неусыпным, ежечасным", только за допуск ее "к этим кладам, хранящимся под пеленами снега и льда", Ханыков писал: "Многое поддерживает русского в этих патриотических фикциях и суевериях, но прежде всего то, что он богат сырцом, тогда как другие богатеют обделкою этого сырого материала, без которого и обделывать было бы нечего, а следовательно, им и жить нельзя". Опровергая это заблуждение, ученый напоминал, что основа западноевропейского богатства составилась задолго до открытия русских источников сырья и Европа вполне может обойтись без русского сырца, заимствуя его из Америки или из Африки, куда "английская сила хочет перенести свою деятельность, если Индию будет трудно или невыгодно сохранять в своей власти" (Там же. С. 912—913). Вторым заблуждением некоторых русских Ханыков называет уверенность в прогрессивном увеличении народонаселения России по сравнению с Западной Европой. Однако, подсчитав в составленной им таблице количество войн, которые вела Россия с начала XIX в., Ханыков пришел к выводу, что за 78 лет населению России выдалось лишь 11 лет мира, а если к военным потерям прибавить потери от десяти эпидемий холеры, пожаров, смертность в приютах для незаконнорожденных, высокую заболеваемость и т.д., то прирост населения окажется отрицательным в сравнении с европейским. При этом Ханыков заявлял, что не является сторонником нашей политики относительно Турции, поскольку "нам было бы полезнее дождаться окончательного разложения этого исторического трупа и на тысячную долю того, что нам стоила война, вырыть два Шербурга — один около Одессы, другой на кавказском берегу Черного моря, а на одну двухтысячную — завести хороший флот в Черном море" (Там же. С. 914). Анализируя речь английского премьер-министра

лорда Биконсфильда, прочтенную им "с отвращением", Ханыков опровергал мнение англичан о провале русской политики в Азии, с одобрением отзываясь о присоединении к территории Российской империи Амурского края, северного Туркестана, Ташкента, Самарканда и Кокана и утверждении русского влияния на Хиву, Бухару и туркмен (Там же. С. 915). Возвращаясь в письме от 15 (27) июня 1878 г. к восточному вопросу в связи с обнародованными письмами королевы Виктории, Ханыков писал о том, "как ошибочна была наша политика относительно Англии в течение всех 25 лет прошлого царствования". "Наивность русофобии в лицах, очень угодных королеве, вследствие их хороших отношений к принцу-консорту (Альберт. — *Ред.*), всегда поражала меня своими размерами", — замечал Ханыков (Там же. С. 916—917). Не могли не привлечь внимания Тургенева мысли об исторических закономерностях, высказанные в последнем из опубликованных в "Вестнике Европы" писем Ханыкова, написанном за месяц до смерти (5 октября н. ст. 1878 г.). Отвечая на вопрос об опасности клерикализма во Франции, Ханыков писал: "Буржуазия, достигшая путем отрицания и бунта того завидного материального положения, в котором она ныне находится, думает закрепить его за собою и за своим потомством, соединившись даже с некоторым подчинением, как прежнее дворянство, клерикальному началу". Однако, по мнению Ханыкова, буржуазия не принимает во внимание, что раньше клерикалы были одновременно и верующими, а теперешние "все процежены через Вольтера и энциклопедистов". Нынешний клерикал-буржуа видит в церкви хорошо организованную полицию. Теперешний клерикализм обманет буржуазию в ее расчетах, как он обманул Наполеона III (Там же. С. 918). Все меняется: "Материя, составляющая внешнюю оболочку планеты, непрерывно меняет формы своих частиц, совокупления коих через то получают различные плотности. 〈...〉 прежние формации разлагаются; образуются новые 〈...〉 Точно так же делается и в социальном мире. Соприкосновения людей меняют формы их отношений, установившийся порядок этих отношений быстро изменяется, затем снова взволнованные части находят свой *modus vivendi* (способ существования — *лат.*), и опять несколько лет он идет до нового катаклизма..." (Там же. С. 919).

[4] В не дошедшем до нас письме Стасюлевич, возможно, цитировал первую строку стихотворения Н.М. Карамзина "Смерть Орфеева" (1793): "Нимфы, плачьте! Нет Орфея!..".

[5] Об отставке министра внутренних дел А.Е. Тимашева см. письмо 5163 и примеч. 3 к нему. На его место был назначен Л.С. Маков. Ироническое упоминание Тургеневым "непогрешимости римского папы" связано с провозглашенном в 1870 г. на Первом ватиканском соборе догматом о непогрешимости главы римско-католической церкви в принятии решений.

[6] Речь идет о подготовке посмертного издания сочинений Некрасова в четырех томах, вышедшего в свет в 1879 г. Общую редакцию осуществляли М.Е. Салтыков-Щедрин, Г.З. Елисеев, А.Н. Пыпин и М.М. Стасюлевич. Стасюлевич написал предисловие от издателя и предложил подпись "Издательница" (т.е. А.А. Буткевич). Вероятно, он устранил примечание, о котором шла речь в письме (см.: *Панченко М.* К истории посмертного издания собрания сочинений Некрасова // *ЛН.* Т. 53—54. С. 163—191). Какое стихотворение Некрасова имелось в виду и каково было "оскорбительное" примечание к нему, установить не удалось.

[7] Тургенев несколько раз обещал Стасюлевичу письмо "с сюрпризом", однако о чем шла речь, в дальнейшем не выяснилось.

5168. Е.Н. Адлерберг (с. 220 и 296)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 509. Оп. 2. № 10. Л. 1.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 394.

[1] По всей видимости, знакомство Тургенева с М. Розенталем состоялось в ноябре — первой половине декабря н. ст. 1878 г. В своих воспоминаниях Розенталь рассказал о том, что познакомился с Тургеневым, когда играл ему "в качестве так называемого вундеркинда" в парижском доме "самой музыкальной из всех певиц, госпожи Полины Виардо-Гарсиа" (*Rosenthal Moritz.* Aus meinen Erinnerungen. Das Konzert Anton Rubinsteins in Preßburg // Neue Freie Presse (Beilage). 1933. 23. April. № 24645. S. 19). Желая поддержать молодого талантливого музыканта, Тургенев снабдил его рекомендательными письмами к своим знакомым, среди которых, помимо Е.Н. Адлерберг, были Кати Эккерт (см. письмо 5187), а также А.Г. Рубинштейн. Последним письмом Розенталь воспользовался лишь в 1885 г., уже после смерти Тургенева, когда познакомился с Рубинштейном после концерта, данного последним в Братиславе. По свидетельству Розенталя, Рубинштейн прочел письмо Тургенева "с интересом", попутно задавая вопросы "о моих петербургских концертах и учебе у Листа" (Ibid.).

[2] Концерты М. Розенталя состоялись в Петербурге в декабре 1878 г.

5169. П.В. Анненкову (с. 220)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 31—32.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 394—395.

[1] В письме от 27 ноября (8 декабря) 1878 г. Анненков просил Тургенева узнать, какая из книг "Bibliothèque blanche" Ж. Этцеля, выпущенных как подарочные новогодние издания для детей, всего более подходит для его дочери Веры: «Хотите ли оказать мне истинную услугу? Напишите, какая бы из 9 книг "Bibliothèque blanche" Гетцеля, выпущенных на подарки в *1879* г., была бы позабористее рисунками и содержанием для моей Веры. Конечно, детской литературой Вам не заниматься стать, но прослышать, какой томик наиболее удачен — можно, я тот и выпишу — будьте друг» (см.: *Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 95). В ответ Тургенев послал Анненкову каталог этой серии. Откликаясь на предложение Тургенева, Анненков писал 4 (16) декабря 1878 г.: "Как же можно, чтобы я воспрепятствовал моим детям получить книжки от Тургенева? Ведь это память, которую они будут все более ценить, чем более станут подрастать. На указанных 4 и 5-й страницах каталога я подчеркнул 4 книжки, но они вместе выходят из определенной цены и составляют 28 франков. Обязуюсь покрыть всякий излишек при первом же расчете с Вами" (Там же. С. 95—96).

[2] О статье П.Д. Боборыкина "У романистов", напечатанной в журнале "Слово" (1878. № 11. Отд. II. С. 1—41), где бесцеремонным образом обсуждалась домашняя жизнь Э. де Гонкура, Э. Золя и А. Доде со ссылками на Тургенева, см. письма 5163, примеч. 4, и 5172.

[3] Эту газету не удалось найти.

[4] В газете "Санкт-Петербургские ведомости" были опубликованы материалы процесса Л.М. Гулак-Артемовской, обвиняемой в подлоге векселей (см.: *СПб Вед.* 1878. 22 октября — 3 ноября. № 291—303). На этот процесс откликнулся М.Е. Салтыков в цикле очерков "Убежище Монрепо" (*Щедрин.* Т. 13. С. 328, 727).

[5] Тургенев имеет в виду кн. Е.М. Долгорукову, фаворитку, а позднее морганатическую жену Александра II. О ее интригах и взяточничестве см.: Воспоминания Е.М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы, 1848—1896. Л.: Прибой, 1929. С. 231, 307—309, 312, 323—324.

[6] В "Отечественных записках" (1878. № 11. С. 223—254) были напечатаны под псевдонимом Г. Иванов очерки Г.И. Успенского "Из деревенского дневника (Отрывок шестой и последний)". В ответном письме от 4 (16) декабря 1878 г. Анненков писал: "Я только что хотел написать Вам о дневнике Глеба Успенского, как получаю от Вас указание на него. Вот как можно спеться старикам между собой. Прав Успенский и смел. Нелегко было сказать публично, что русский народ есть сирота, опять нуждающаяся в Рюрике, Свинеусе и проч., как за 1000 лет назад! А где их теперь взять? Со стороны уже неприлично, а извнутри..." (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 96).

5170. А.Н. Луканиной (с. 221)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 58; конверт — л. 59. Почтовые штемпели: 1) 14 déc. 78, R. Milton, Paris; 2) 14 déc. 78, R. Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 395.

[1] По всей видимости, в назначенный день — 5 (17) декабря — встреча состоялась, так как в своих воспоминаниях Луканина упоминает о нескольких встречах с Тургеневым в декабре 1878 г., во время которых "речь все время шла о моих личных делах" (*СВ.* 1887. № 3. С. 55). Под "личными делами" подразумевались шаги, которые предпринимались Тургеневым для получения разрешения на возвращение Луканиной в Россию.

[2] См. письмо 5143 и примеч. к нему, а также примеч. 1 к письму 5138.

5171. Я.Н. Ханыкову (с. 222)

Печатается по тексту первой публикации: Ежемесячные сочинения. 1901. № 12. С. 321—322. Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о некрологе Н.В. Ханыкова, написанном М.М. Стасюлевичем. См. письмо 5167, примеч. 3.

[2] Имеется в виду речь французского ученого Катрфажа, произнесенная им на похоронах Н.В. Ханыкова 10 (22) ноября 1878 г. на кладбище Пер-Лашез, где также выступал и Тургенев (см. примеч. 2 к письму 5147). Очевидно, речь Катрфажа понадобилась Тургеневу для некролога Н.В. Ханыкова, который он собирался написать.

[3] Несомненно, речь идет о завещании Н.В. Ханыкова в пользу своего двоюродного брата Я.Н. Ханыкова.

[4] Этот некролог Тургенев, вероятно, так и не написал.

5172. П.В. Анненкову (с. 222)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 33—33 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 396.

[1] О статье П.Д. Боборыкина "У романистов (Парижские впечатления)" см. примеч. 4 к письму 5163. В VII главке этой статьи автор бесцеремонно писал: "Русскому, рассказывающему публике про парижских романистов, просто совестно было бы, в виде заключительной ноты, не сообщить хотя чего-нибудь о том, как поживает в столице Франции наш симпатичный и маститый романист И.С. Тургенев. Личная судьба Тургенева,

несмотря на его огромную популярность, очень мало известна соотечественникам. Но они знают, по крайней мере грамотные, что Тургенев, по доброй воле и по каким-то житейским обстоятельствам, сделался как бы особого рода эмигрантом. Вот уже, если не ошибаюсь, больше 15 лет, как он живет не в России, а за границею, и домой наезжает только изредка — на один, на два месяца, и то больше летом. Вопрос влияния такой жизни на его романы — огромной важности и для критика, и для всей русской публики. Естественно, я не буду разрабатывать его здесь. Скажу лишь, что меня лично эта странная судьба русского бытописателя, с такой тонкой, художественной натурой, чрезвычайно сильно и занимала, и задевала" (Слово. 1878. № 11. Отд. II. С. 38—39). Пытаясь объяснить причины, по которым Тургенев живет вне России, Боборыкин писал: "Вероятно, если бы в России жилось получше, то людям европейски образованным, привыкшим к обществу с истинно культурными нравами, жилось бы у нас легче. Они не обрекали бы себя так часто на добровольное изгнанничество" (Там же. С. 39). Описывая домашнюю обстановку писателя, автор не забыл упомянуть, что дом на улице Дуэ принадлежит семейству Виардо и по утрам в нем раздаются громкие звуки вокальных упражнений. Кабинет Тургенева (он же салон) был представлен как "низковатая, не особенно светлая комната в два окна", "не такой, в котором бы писалось вполне удобно", в нем, по мнению Боборыкина, "мало воздуха, негде почти расхаживать, особенно человеку таких крупных размеров, как И. С." (Там же. С. 39—40). Рассказал автор статьи и о том, что писатель с убытком продал свою коллекцию картин, и о том, когда он предпочитает принимать, и даже представил "обычное" расписание Тургенева на день. Сделан был намек и на то, что в Париже, где его любят, удерживает писателя тщеславие. "У нас, — писал Боборыкин, — даже всякий невежественный и задорный фельетонист третирует его, точно мальчишку-гимназиста, у нас до сих пор не составилось даже известного тона, которым прилично говорить о людях с литературным положением Тургенева. Не мудрено, что и во взглядах Тургенева засела известная доля несколько узковатого западничества — на особый лад" (Там же. С. 40—41). Несмотря на расточаемые похвалы по поводу известности Тургенева в Европе и его гостеприимства, несмотря даже на комплименты по адресу последнего романа ("Новь"), общий тон статьи не мог не возмутить Тургенева своей развязностью и панибратством.

[2] О своем неприятии "копирования" действительности Тургенев высказывался неоднократно. Так, отвечая Анненкову на упреки по поводу "памфлетических шпилек" в романе "Новь", за которыми слишком явно угадывались реальные прототипы персонажей, Тургенев писал: "Историю о поздних родах Анны я *собственными ушами слышал в собственной школе* от собственного диакона; mais le vrai peut quelquefois n'être pas

vraisemblable (но правда может быть иногда неправдоподобной — *франц.*) — и это будет выкинуто" (наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1. № 4494). О сатирических выпадах против Стасова в произведениях Тургенева см.: *Кузьмина Л.И.* К истории отношений И.С. Тургенева и В.В. Стасова // Русская литература 1870—1890 годов. Свердловск, 1973. Сб. 5. С. 95—98; наст. изд. Соч. Т. 9. С. 510.

[3] Имеются в виду слухи о возможном назначении П.А. Шувалова на пост отправленного в отставку министра внутренних дел А.Е. Тимашева (см. письмо 5163 и примеч. 3 к нему, а также письмо 5169).

[4] Речь идет о книгах из серии "Bibliothèque blanche", выпущенных для детей издательством Ж. Этцеля, которые Тургенев собирался приобрести в подарок для детей Анненкова (см. письма 5169 и 5173).

5173. П.В. Анненкову (с. 223)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 34; конверт — л. 35. Почтовые штемпели: 1) 23 déc. 78, Paris; 2) 24 déc. 78, Bruxelles.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 396—397.

[1] См. письмо 5169 и примеч. 1 к нему.

5174. Жюлю Этцелю (с. 223 и 296)

Печатается по тексту первой публикации: *Waddington P.* Some New Light on Turgenev's Relations with his French Publisher, Pierre-Jules Hetzel // The Slavonic and East European Review. 1977. Vol. 55. № 3. P. 344. Подлинник хранится в *Bibl Nat*: *NAF.* № 16995. F. 286.

В собрание сочинений включается впервые.

[1] Тургенев откликается на письмо Этцеля от 24 декабря н. ст. 1878 г., которое сохранилось в копии в *Bibl Nat* (см. об этом в указанной статье П. Уоддингтона: *Waddington P.* Op. cit. P. 343). В свою очередь, оно было ответом на несохранившееся письмо Тургенева, где писатель, по-видимому, в резких тонах обвинил Этцеля в плагиате. Речь шла о появившемся в 1878 г. отдельном роскошно оформленном издании перевода повести Марко Вовчка "Маруся", которое вышло в серии "Bibliothèque d'Education et de Récréation", предназначавшейся для юношества. Книга была богато иллюстрирована уроженцем Эльзаса, Т. Шулером, который умер, не дождавшись выхода в свет своей последней работы. Посвящена она была дочери Шулера. На титуле значилось: "d'après une légende de Markowovzok" ("по легенде Маркововчка"; во втором издании, вышедшем в том же году, и в

последующих фамилия Марко Вовчка писалась как "Marko Wovzog"), а в примечании Этцеля на странице 3—4 сообщалось, что повесть «была написана нами в 1873 г. и опубликована газетой "Le Temps" в декабре 1875 г.». Подлинное имя автора повести не было названо. Издание удостоилось положительных откликов, а впоследствии премии Французской академии. Ответ Этцеля Тургеневу гласил: "Если при написании вашего письма вы имели намерение поддержать госпожу Маркович, которую я люблю намного серьезнее, чем вы, то я благодарю вас за это. Если же, с другой стороны, к этому намерению примешивается желание во имя блага госпожи Маркович бросить камешек в огород друга, то вы не правы" (цит. по: *Waddington P.* Op. cit. P. 343. Подлинник по-франц.). Далее Этцель объяснял, что решение было принято самой Маркович, которая сочла, что он внес слишком много своего в ее текст, в чем Тургенев может убедиться, сравнив подлинник с переложением, и обещал написать предисловие к следующему изданию, где будет указана роль М.А. Маркович в написании повести. Тургенев ответил тотчас по получении письма. Вскоре Этцель действительно написал предисловие, которое обещал Тургеневу, и прислал новое издание "Маруси" уже в конце года (см. письмо 5188 и примеч. 1 к нему). См. также: *Cadot Michel.* Autour de Maroussia: Marko Vovtchok, Hetzel et Tourguéniev // L'Ukraine et la France au XIXe siècle. Actes du Colloque organisé à la Sorbonne les 21 et 22 mars 1986. Paris, 1987. P. 115—132; *Dmytrychyn I.* "Maroussia", le chef-d'œuvre français de Marko Vovtchok et de P.-J. Stahl // *Cahiers.* № 31 (2007). P. 75—103.

[2] К этому времени Тургенев действительно прекратил общение с М.А. Маркович, которую очень поддержал в начале ее писательского пути, переведя (точнее, отредактировав авторский подстрочник) с украинского языка "Украинские народные рассказы" Марко Вовчка и написав к ним предисловие (см.: наст. изд. Соч. Т. 10. С. 332, 578—580). Общение Тургенева с Маркович началось в 1859 г. в России и продолжилось за границей, где писательница оказалась в сложном материальном положении. Тургенев много помогал ей и, в частности, устроил ее знакомство с Этцелем, который проявил к ней неподдельный интерес и способствовал ее знакомству с Ж. Верном. Отныне все произведения писателя-фантаста публиковались в России исключительно в ее переводах. О том, что Маркович "окончательно разошлась" с Тургеневым, сообщил их общему знакомому С.В. Ешевскому А.В. Пассек в конце лета 1864 г. (см.: *Лобач-Жученко Б.Б.* Тургенев и М.А. Маркович // *Т сб.* Вып. 5. С. 377; *Дудко В.И.* М.А. и А.В. Марковичи в письмах Тургенева 1860—1862 годов: Дополнения к комментарию // *Тургенев. НИиМ.* Вып. 4). В 1867 г. Маркович навсегда вернулась в Россию.

Несмотря на это, она продолжала поддерживать отношения с Этцелем, о чем свидетельствуют 105 писем к ней французского издателя, хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН.

В письме от 4 декабря н. ст. 1878 г. он высказывал беспокойство по поводу ее молчания и, в частности, писал: «В этом году я напечатал “Марусю” отдельным изданием. — Когда я писал эту книгу, мой взор и мое сердце были обращены к Эльзасу. — Я взял вашу маленькую украинку, чтобы сделать из нее патриотку согласно моей французской душе, и я не думаю, чтобы она что-то потеряла от этого. Когда вы беретесь за дело, вы очень милы, но как же неполны! Вы прочитаете “Марусю” без предвзятого мнения и, надеюсь, скажете, что, подвергнувшись переплавке, пройдя через французское горнило, она не стала хуже» (*ИРЛИ.* № 9586. Л. 157. Подлинник по-франц.). 29 декабря н. ст. того же года, так и не получив от своей корреспондентки ответа и адреса, на который можно послать вышедшую книгу, Этцель, уже написавший к ней предисловие и даже опубликовавший новое издание, пишет М.А. Маркович: «Я хочу поговорить с вами о “Марусе”. Ваше дитя, которое стало и моим и которое я сделал французским, многое изменив в соответствии с нашими условиями и моими собственными чувствами, пришлось по душе всем, пресса устроила праздник в его честь и, разумеется, приветствовала скорее французскую, чем русскую книгу» (Там же. Л. 158). Частично повторяя то, что уже было сказано им в предисловии к изданию (см. письмо 5188, примеч. 1), Этцель, как будто извиняясь за внесенные изменения в оригинальный текст, пишет, что в его переделке книга стала “хорошей и заслуживает похвал, прозвучавших по ее адресу” (Там же. Л. 158—158 об.). Он даже предлагает Маркович перевести его версию “Маруси” и издать ее в России с гравюрами, сделанными для французского издания Т. Шулером. Словно продолжая полемику с Тургеневым, Этцель, наряду с похвалами, высказывает в этом письме ряд критических замечаний и даже ставит себя в пример как более умелого писателя, вызывая писательницу на спор: «Чем больше я работал над вашей и моей “Марусей”, тем более огорчался, что вы, найдя очаровательный образ, о котором я сожалею, что не был его отцом, отцом целиком и полностью, что вы перегрузили книгу многими вещами, которые портят характер ваших героев ⟨...⟩» (Там же. Л. 158 об.). В заключение этого пространного письма Этцель сообщал, что собирается прибавить в изданиях “Маруси” малого формата (in 18^0) небольшое предисловие, в котором скажет, что прозвучавшие в прессе похвалы книге должны быть в значительной степени отнесены к русскому автору.

[3] Этот вопрос стал особенно актуальным для Тургенева после его активного участия в Международном литературном конгрессе по авторскому праву, который проходил в Париже в июне 1878 г. (см. письма 5028, примеч. 2, 5049, примеч. 1 и 2, 5051, примеч. 4—8, а также: *Waddington P.* Op. cit. P. 345).

[4] Схожие обвинения в адрес Мериме прозвучали ранее в письме к П. Виардо от 13 (25) мая 1874 г. (см.: наст. изд. Письма.

Т. 13. № 3688 и примеч. 4 к нему), однако упрек Тургенева Мериме в плагиате не имел под собой оснований, поскольку поэма А. Шамиссо "Mateo Falcone, der Korse" ("Маттео Фальконе, корсиканец") появилась в 1831 г. — через год после повести Мериме "Маттео Фальконе" (1829). Оба произведения имели общий источник, которым стал анонимный рассказ, опубликованный в "La Revue trimestrielle" в июле 1828 г.

[5] Повесть "Маруся" Марко Вовчка в переложении Этцеля печаталась в фельетоне газеты "Le Temps" с 15 декабря н. ст. 1875 г. по 9 января н. ст. 1876 г. под заглавием "Maroussia, d'après une légende russe de Markowovzok, par P.-J. Stahl". Тургенев принимал непосредственное участие в подготовке этого произведения, поскольку Этцель обратился к нему с просьбой просмотреть рукопись перевода и сделать замечания. 19 (31) августа 1875 г. Тургенев писал Этцелю, что "тщательно прочитал рукопись" и сделал примечания. "Признаюсь, — писал он, — я нашел этот рассказ г-жи М⟨аркович⟩ весьма слабым; — меня в особенности удивило то, что вы не прошлись с ножницами по некоторым банальностям в описаниях, содержащихся в первой части. Несмотря ни на что, маленькая Маруся сможет понравиться — в особенности как аллегория. ⟨...⟩ В том, что вы сделали, нет ничего неправдоподобного или ложного" (наст. изд. Письма. Т. 14. № 4075. Подлинник по-франц.). В *Bibl Nat* сохранился текст, написанный рукой Тургенева, который, по предположению П. Уоддингтона, является предисловием к французскому переложению "Маруси" (текст его см.: *Waddington P.* Op. cit. P. 339—341. См. также: наст. изд. Письма. Т. 14. С. 335, примеч. 1). Предисловие Тургенева не было напечатано Этцелем, хотя некоторые содержавшиеся в нем сведения он включил в текст. Так, в подстрочном примечании к слову "Сечь" на с. 18 читаем: «Сечью называли остров на Днепре, где *запорожские* (это значит — за порогами Днепра) казаки стояли лагерем, куда женщины не допускались и откуда совершались жестокие набеги, преимущественно на земли татар и турок. Гоголь дал прекрасное их описание в своем "Тарасе Бульбе"». Ср. в предисловии Тургенева: «Герой повести г-жи М. — запорожец — т.е. — козак из *Сечи* (*сечевик*), то есть живущий на *острове* на Днепре, где жили козаки, чьи нравы восхитительно описаны *Гоголем* в его повести "Тарас Бульба", они представляли демократическую, холостую, завоевательную часть казачьего мира» (цит. по: *Waddington P.* Op. cit. P. 340).

5175. Б.А. Чивилеву (с. 224)

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 795. № 66. Л. 21; конверт — л. 22. Почтовый штемпель: 26 déc. 78, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 397.

Датируется на основании почтового штемпеля и пометы "середа", содержащейся в тексте письма.

5176. А.В. Топорову (с. 224)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 63. Л. 15—16.
Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 272—273.

[1] Письмо Топорова, на которое отвечает Тургенев, неизвестно. Речь идет о продаже принадлежавшей Тургеневу картины Э.-Т. Бланшара "Клеопатра" в магазине А.И. Беггрова. Кто был ее покупателем, остается неизвестным. См. письмо 5165, а также примеч. 3 к письму 4911.

[2] О какой статье идет речь, установить не удалось, так как письма В.В. Самарского-Быховца к Тургеневу неизвестны.

[3] Речь идет об издании: Сочинения И.С. Тургенева (1844—1874). М., 1874. Ч. 1—8. Следующее издание сочинений Тургенева в 1880 г. было осуществлено наследниками братьев Салаевых. Тургеневу удалось разорвать отношения с издательством Салаевых лишь в 1882 г., заключив соглашение с И.И. Глазуновым, которому было продано право на посмертные издания сочинений писателя.

[4] Из-за смерти брата, последовавшей 6 января ст. ст. 1879 г., и необходимости уладить дела по наследству Тургеневу пришлось приехать в Россию раньше запланированного — в начале февраля ст. ст. 1879 г.

[5] В тот же день Тургенев написал письмо своему управляющему Н.А. Щепкину с просьбой выслать Топорову 125 р. См. письмо 5182.

[6] Деньги, переданные М.М. Стасюлевичу, предназначались устроителям благотворительного вечера в пользу недостаточных студентов в виде платы за пригласительный билет. См. письмо 5179.

[7] В подлиннике название "Новое время" Топоров зачеркнул карандашом и вместо него написал: "Бир⟨жевые⟩ в⟨едо⟩м⟨ости⟩". Помимо "Биржевых ведомостей", Топоров оформил также подписку на начавшую выходить с октября 1878 г. газету "Русская правда" (см. письмо 5200, а также письма к Топорову от 2 (14) и 11 (23) января 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2).

5177. Е. В. А. (с. 225)

Печатается по тексту первой публикации: Волынь. 1896. 11 (23) июня. № 127. Подлинник неизвестен. Перепечатано: Литературный вестник, издание Русского Библиологического общества. СПб., 1903. Кн. 5.

Стр. 226. пишут для того, чтобы рассказать, а не для того, чтобы доказать (*лат.*).

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Это третье из известных писем Тургенева к неизвестному корреспонденту, скрывшемуся за криптонимом "Е. В. А.".

В письме от 15 (27) ноября 1877 г. Тургенев резко отрицательно высказался по поводу присланного ему рассказа (см.: наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 2. № 4870).

[3] Латинское выражение, восходящее к Квинтилиану (Обучение оратора, X, 1, 31).

[4] Очевидно, Тургенев послал своему корреспонденту фотографию работы Леже и Бержерона 1868 г., о которой неизменно отзывался как о неудачной. Ту же фотографию он послал Б.А. Чивилеву (письмо 4976), О.К. Гижицкой (письмо 5041), а также М. Линен (письмо 5033). См. примеч. 3 к письму 4937. Воспроизведение см. на с. 115.

5178. Г.О. Гинцбургу (с. 227)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 147. Л. 9—10. Подлинник хранился в частном собрании И. Берлина (Оксфорд).

Впервые опубликовано: *Gunzburg.* P. 86—87.

[1] Смерти сына Г.О. Гинцбурга, Марка Горациевича, предшествовала смерть его жены, скончавшейся 27 ноября (9 декабря) 1876 г. (см. письмо 4517, примеч. 1 — наст. изд. Письма. Т. 15. Кн. 1).

[2] Марк Гинцбург, умерший от чахотки на Мадейре в девятнадцатилетнем возрасте, был способным художником. Одна из его картин (возможно, "Грациелла, или девушка у фонтана") была принята в 1878 г. на Всемирную выставку в Париже (см. письмо М.М. Антокольского к В.В. Стасову от 5 марта 1878 г.: *Антокольский.* С. 357). После смерти принадлежавшая ему большая мастерская и обширная библиотека поступили в распоряжение Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже. Тургенев присутствовал на похоронах М.Г. Гинцбурга, состоявшихся 3 января н. ст. 1879 г., о чем в своих воспоминаниях упомянула А.Н. Луканина (см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 55, а также примеч. 1 к письму 5191). Похоронен М.Г. Гинцбург был на кладбище Монпарнас (объявление см.: Journal des Débats. 1879. 2—3 janvier. P. 3; Le Figaro. 1879. 3 janvier. № 3. P. 3). Смерть молодого талантливого художника была неожиданной и поразила многих друзей и знакомых семьи Гинцбург. М.М. Антокольский создал проникновенный барельеф, запечатлевший М. Гинцбурга ("Последняя весна", 1878—1879) и считающийся одной из лучших работ скульптора в этом роде. "Портрет сына Гинцбурга прелестен, — писал Антокольскому 31 января ст. ст. 1880 г. И.Н. Крамской, — и как Вы ухитрились вложить столько грусти, задушевности и красоты в такой маленький клочок? За это Вы, наконец, великий мастер!" (*Крамской И.Н.* Письма, статьи: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 35—36). Мраморный вариант хранится в семье Гинцбург, гипсовый барельеф находится в Научно-исследовательском музее Академии художеств.

5179. М.М. Стасюлевичу (с. 228)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 225. На подлиннике помета Стасюлевича: "19.XII.78", дата получения письма.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич.* Т. 3. С. 154—155.

[1] Переписка Тургенева с Н.А. Меренберг по поводу возвращения писем Пушкина к жене неизвестна. Через посредство Тургенева Стасюлевич предпринял попытку склонить дочь поэта к тому, чтобы письма ее отца к матери остались в России, рассчитывая, по всей видимости, передать их в учреждавшийся в это время Пушкинский Лицейский музей. Однако эта попытка не увенчалась успехом. О дальнейшей судьбе рукописей пушкинских писем к жене см. письмо 5202, а также примеч. 9 к письму 4995.

[2] Это письмо неизвестно.

[3] С соответствующей просьбой Тургенев обратился к А.В. Топорову в тот же день (см. письмо 5176), а впоследствии вновь напомнил о долге 2 (14) января 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2.

[4] Хлопоты Тургенева по устройству Топорова сотрудником "Вестника Европы" не оправдались. См. письмо 5098, примеч. 1. С просьбой о приискании Топорову работы Тургенев обращался также к С.А. Гедеонову и Н.Н. Тютчеву, однако безрезультатно (см. письма 5065, 5066, 5070).

[5] См. письмо 5154, примеч. 2, а также письма 5156 и 5167. В дальнейшем Тургенев просил А.В. Топорова справиться о ходе подписки на памятник — см. письма к нему от 2 (14) января 1879 г. (наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2).

5180. Н.С. Тургеневу (с. 229)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 274. Оп. 3. № 100. Л. 235—235 об.

Впервые опубликовано: с сокращениями — *Рус Ст.* 1886. № 3. С. 600—601; полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 401.

Стр. 229. ваши средства это вам позволяют (*франц.*).

Стр. 229. Вы сделаете доброе дело, оказав ему помощь (*франц.*).

Стр. 229. "Каждому приходится быть либо молотом, либо наковальней" (*нем.*).

[1] Эти письма Н.С. Тургенева и Н.А. Щепкина неизвестны.

[2] Очевидно, Н.С. Тургенев, в связи с ухудшением состояния здоровья, не мог вынести переезд из деревни в Москву, о чем сообщал в несохранившемся письме. 6 января ст. ст. 1879 г. Н.С. Тургенев скончался.

[3] О Порфирии см. также письма 5094 и 5161. Далее неточная цитата из второй "Коптской песни" Гёте (1787). У Гёте:

Du mußt steigen oder sinken,
Du mußt herrschen und gewinnen,
Oder dienen und verlieren,
Leiden oder triumphieren,
Amboß oder Hammer sein.

(*букв.*: Должно подниматься или падать, / Должно править и побеждать, / Или прислуживать и проигрывать, / Страдать или торжествовать, / Быть наковальней или молотом).

[4] Тургеневу пришлось приехать в Россию раньше запланированного — 4 (16) февраля 1879 г., в связи со смертью брата и необходимостью уладить дела по наследству. Говоря о "катавасии", совершающейся в России, Тургенев, очевидно, имел в виду напряженную общественно-политическую обстановку.

5181. Людвигу Фридлендеру (с. 230 и 297)

Печатается по фотокопии: *ГЛМ.* Ф. 17. Оп. 1. Д. 20. Л. 30—31. Почтовый штемпель: 27 déc. 78, Paris. Подлинник хранится в *SBB.*

Впервые опубликовано: в немецком оригинале — *Friedländer.* P. 211—212; в английском переводе — Saturday Review. Supplement. 1909. 6 March. № 2784. P. III; во французском переводе — Revue Bleue. 1909. 6 mars. № 10. P. 297; в русском переводе (в сокращении) — *ВЕ.* 1909. № 4. С. 657—658, полностью — *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 491—492.

[1] Подарок — это портрет П. Виардо, написанный немецким художником В. Гензелем в 1843 г., воспроизведенный в издании: Berühmte Männer und Frauen. Nach dem Leben gezeichnet von W. H. (см.: *Friedländer.* P. 211).

[2] В Россию Тургеневу пришлось приехать раньше, в связи со смертью брата, Н.С. Тургенева. См. примеч. 4 к письму 5180. По всей видимости, в 1879 г. с Фридлендером Тургенев так и не встретился.

[3] Тургенев имеет в ввиду последние слова Манфреда из трагедии Байрона "Манфред" (акт III, сцена 4).

5182. Н.А. Щепкину (с. 231)

Печатается по подлиннику: Государственная театральная библиотека (Петербург). Р. 1/1132.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 402—403.

[1] Это письмо Щепкина неизвестно. О чем идет речь в связи с Покатило, установить не удалось. Тургенев посылал через

Щепкина письмо к нему 5 (17) сентября 1878 г. (см. письма 5096 и 5099).

[2] О предназначении этих денег см. письмо 5176.

[3] С. И. Волнов арендовал имения Тургенева. Жикину Тургенев еще в январе 1869 г. продал мельницу в деревне Кальна, и крестьяне этой деревни жаловались на притеснения нового мельника (см.: наст. изд. Письма. Т. 9. С. 445, а также письма 4939, примеч. 4, 4988, примеч. 2, и 5099, примеч. 1).

5183. А.Н. Луканиной (с. 231)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 19. Л. 61; конверт — л. 62. Почтовый штемпель: 28 déc. 78, R. Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 403.

[1] Вероятно, речь идет о помощи Луканиной, хлопотавшей о разрешении вернуться в Россию (см. письмо 5143 и примеч. к нему). Возможно, однако, имелись в виду хлопоты Тургенева по приисканию Луканиной работы. Встреча в назначенный день — 19 (31) декабря 1878 г. — состоялась. Запись о ней сохранилась в воспоминаниях Луканиной: «...разговор зашел об издателе Гетцеле (Hetzel), пишущем под именем "Сталя". Оказывается, что Гетцель издал книгу, под заглавием "Maroussia", с предисловием, где говорится, что он написал эту книгу, думая об Эльзасе и Лотарингии. Книга имела громадный успех» (*СВ.* 1887. № 3. С. 55). Далее Луканина передает высказывание Тургенева о выпущенном Ж. Этцелем издании "Маруси", текстуально совпадающее с его письмом к Этцелю от 12 (24) декабря (см. письмо 5174). «Может он (Этцель. — *Ред.*) и купил у нее (М.А. Маркович. — *Ред.*) этот рассказ, кто его знает, — завершалась высказывание Тургенева в изложении Луканиной, — но дело в том, что после моего письма он вчера прислал мне новое издание "Маруси", где упоминается, что книга составлена: "d'après une légende de Marcovovzog" ("по легенде Марко Вовчка" — *франц.*)» (*СВ.* 1887. № 3. С. 55). Через Луканину Тургенев передал Ж. Этцелю письмо 5188, рассчитывая заинтересовать его переводом "Любушки".

5184. М.М. Стасюлевичу (с. 232)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 226. На подлиннике помета Стасюлевича: "21.XII.78", дата получения письма.

Впервые опубликовано: *ВЕ.* 1911. № 12. С. 8.

Стр. 233. шип (*франц.*).

[1] Л. Лукьянов — псевдоним Л.А. Полонского, автора большинства "Внутренних обозрений" в "Вестнике Европы", с ко-

торым Тургенев общался в Париже в июне 1878 г. на Международном литературном конгрессе по авторским правам. Отзыв о рассказе Полонского "Надо жить" (*ВЕ.* 1878. № 12. С. 724—770) содержится также в письме 5189.

[2] Речь идет о повести Л.Я. Стечькиной "Кривые деревья" (позднее "Варенька Ульмина"). См. письма 4992, примеч. 2 и 3, а также 5117, примеч. 5.

[3] Это письмо Стечькиной неизвестно.

[4] Имеются в виду "Песни" С.А. Андреевского, опубликованные в "Вестнике Европы" (1878. № 12. С. 583—586). Третий куплет из второй песни:

Два слова есть на пепельной коре
Березы, скрытой в отдаленьи:
Их след окреп на мягком серебре
Ствола, заглохшего в забвеньи.

Конец третьей песни:

Там речи дальних звезд отшельникам понятны,
Там тихо падают листы,
Там будешь повторять, что радости превратны
И кратковременны мечты...

5185. А.А. Фету (с. 233)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 515. Оп. 1. № 34. Л. 16—17 об.

Впервые опубликовано: *РО.* 1901. № 1. С. 255—256.

Стр. 233. помещика (*англ.*).

[1] Это письмо Фета неизвестно. В нем он, очевидно, описывал обстановку своей усадьбы в Воробьевке, приобретенной осенью 1877 г. См. о ней письмо 5137 и примеч. 3 к нему, а также примеч. 4 к письму 5107.

[2] Ср. стихотворение в прозе "Песочные часы", также датированное декабрем 1878 г. (см.: наст. изд. Соч. Т. 10).

[3] Цитата из "Ревизора" (действие IV, явление 13).

[4] Тургенев имеет в виду недовольство Болгарии решениями Берлинского конгресса, уменьшившего территорию Болгарского княжества и отбросившего страну от моря.

[5] В Россию Тургенев приехал раньше, в начале февраля 1879 г., в связи с необходимостью уладить дела по наследству, оставшемуся после смерти брата Николая.

5186. Я.Н. Ханыкову (с. 234)

Печатается по тексту первой публикации: Ежемесячные сочинения. 1901. № 12. С. 322. Подлинник неизвестен.

[1] Речь идет о статье М.М. Стасюлевича, вырезку которой из № 12 "Вестника Европы" выслал ранее Тургенев Я.Н. Ханыкову и которую последний решил вернуть Тургеневу (см. письма 5167 и 5171). Очевидно, Тургенев некролога так и не написал.

5187. Кати Эккерт (с. 235 и 298)

Печатается по подлиннику: *SBB*.

Впервые опубликовано: *T und Deutschland.* S. 298.

Год устанавливается по содержанию (гастроли в 1878 г. в Париже М. Розенталя) и по соответствию указанных в письме числа и дня недели.

[1] Схожее рекомендательное письмо Тургенев написал также Е.Н. Адлерберг. См. письмо 5168 и примеч. 1 к нему.

[2] Французские газеты восторженно сообщали о концерте, который М. Розенталь дал 16 декабря н. ст. в зале Плейель. «Обращаем внимание публики на этого молодого виртуоза, ученика Листа, — писала "Le Temps" накануне, — который уже с большим успехом выступил у г-жи Виардо и у г-на Сен-Санса» (1878. 14 décembre. № 6470. P. 3). Большой успех пророчили этому концерту также газеты "Le Figaro" (1878. 14 décembre. № 348. P. 3) и "Journal des Débats", заявлявшая: «Рассказывают чудеса о таланте этого молодого виртуоза, ученика Листа, которому знаменитый мастер предрек, что однажды он станет "первым пианистом мира". В ожидании этого Морис Розенталь именует себя скромно: пианист двора Е⟨е⟩ В⟨ысочества⟩ принцессы Румынии» (1878. 16 décembre. P. 3. Имеется в виду королева Румынии Елизавета). "Настоящей сенсацией" назвал состоявшийся концерт "будущего Листа" "Le Ménestrel" (1878. 29 décembre. № 5. P. 40). «Среди юных исполнителей, — писал музыкальный обозреватель "Journal des Débats", — которых называют маленьким чудом, юный польский пианист Розенталь является одним из самых необыкновенных, самых чудесных. Ему только 14 лет (На самом деле Розенталю было в это время 16 лет. — *Ред.*), а он уже может называть себя учеником Листа и исполнять музыку Листа! Ловкость, уверенность его пальцев были бы не самым большим достижением ⟨...⟩ если бы ими не руководило подлинное музыкальное чувство» (1879. 1 juillet).

5188. Жюлю Этцелю (с. 235 и 298)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 309. Подлинник хранится в *Bibl Nat*.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 406.

[1] Имеется в виду отдельное издание французского перевода повести Марка Вовчка в переделке Ж. Этцеля (*Stahl P.-J.*

Maroussia. D'après la légende russe de Marko Wovzog. 3me éd. Paris, [1879]), которая первоначально была опубликована в газете "Le Temps" в декабре 1875 — январе 1876 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 14. № 4075, письмо 5174 и примеч. к нему, а также примеч. 1 к письму 5183). До конца 1878 г. Этцель успел выпустить третье издание книги, в котором было напечатано предисловие, вызванное письмом Тургенева, фактически обвинившего автора "Маруси" в плагиате. Именно на присылку этой книги отзывается Тургенев в настоящем письме. Приводим текст предисловия Этцеля, под которым стоит дата 27 декабря н. ст. 1878 г., полностью: «Французская пресса хорошо приняла "Марусю"; она почувствовала, что маленькая украинская героиня была для автора французской версии героиней Эльзаса и что именно ввиду Франции он показал ее такой, какая она есть. Но доля участия отца удочеренной "Маруси", того, кто сделал ее француженкой, заслонила то, чем она была обязана основному автору малороссийской легенды, автору небольшого русского романа. / Несмотря на все, что я убирал или добавлял между начальной и конечной точкой книги, дописав новые главы, события и факты, изменив диалоги и ситуации, слаживая или разлаживая образы героев и их характеры, наконец, удвоив время действия русской книги, в силе остается факт, что первоначальный замысел очаровательного типа, которым я был увлечен, принадлежит Марко Вовчку. Следуя долгу совести и сердца по отношению к русскому автору, с которым меня связывают узы многолетней дружбы, я обязан поделиться с ним частью прозвучавших похвал. / Если бы в нас было больше библиофильского любопытства, если бы в наше суетное время возник интерес к сопоставлению текстов и их источников, я бы поддался желанию опубликовать перевод русской "Маруси" в том виде, в каком автор, не владеющий в совершенстве нашим языком, любезно предоставил ее в мое распоряжение, и на основании этого перевода я написал книгу, снискавшую успех. Было бы, возможно, небезразлично для всех увидеть, насколько условия существования книги могут меняться от страны к стране. / Русское издание, 132 страницы in-8^{0}, называется: "Маруся", перевод с малороссийского Марка Вовчка, в сопровождении десяти рисунков. Петербург, 1872» (*Stahl P.-J.* Maroussia. D'après la légende de Marko Wovzog. 3me éd. Paris, [1879]. P. I—III). См. также примеч. 2 к письму 5174.

[2] А.Н. Луканина познакомилась с Этцелем при содействии Тургенева (см. письмо 5141).

[3] Речь идет о рассказе Луканиной "Любушка". Это письмо Луканина отнесла Этцелю вместе с переводом рассказа, однако перевод не был напечатан. О визите к Этцелю и его обещании "пристроить" перевод "Любушки" Луканина упомянула в своих воспоминаниях (см.: *СВ.* 1887. № 3. С. 55).

5189. П.В. Анненкову (с. 236)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 36—36 об.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 406—407.

Стр. 236. "Сегодня румян — завтра мертв" (*нем.*).

[1] Письма, в которых дети Анненкова благодарили Тургенева за книги, неизвестны. О книгах см. письма 5169, примеч. 1, и 5173.

[2] Близкий друг Тургенева и Анненкова еще по 1840-м гг. Н.Н. Тютчев умер 15 (27) декабря 1878 г. (см. некролог: Голос. 1878. 17 (29) декабря. № 348). "Лучшие стремления современности всегда находили живой отголосок в его симпатичной душе, — говорилось в другом некрологе. — Он был другом Белинского и тогдашнего литературного кружка, к которому принадлежали Тургенев, Анненков, Боткин, Е. Корш, Кавелин и другие, и сохранил с ними тесные связи до самой кончины" (*Бирж Вед.* 1878. 17 декабря. № 348). «Известие о Тютчеве, добрейший И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩, меня ошеломило, — писал Анненков 26 декабря 1878 г. (7 января 1879 г.), — и целую неделю ходил, как сонный. Я потерял в нем большого друга. Целые годы проходили над нами, а какая-то натуральная, негласная привязанность между нами не старела и не изменялась, сохраняя свое первоначальное спокойное, хладнокровно-дружеское выражение. Я пустил запросы о подробностях его кончины и о положении его несчастной вдовы по всему лицу Петербурга и теперь начинаю получать кой-какие сведения по этому предмету. Он умер от какого-то стремительного перерождения или загниения почек, прекративших всасывание и деятельность кишок в какие-нибудь три дня и приведших пациента к легкой смерти, после получасовой, не тяжелой агонии. Алекс⟨андра⟩ Петровна мужественна и бодра, без эффектов — вокруг нее собрались Станкевич, Маслов, родные. Она по весне едет в Италию — к belle-sœur (невестке или золовке — *франц.*) своей, где, вероятно, растоскуется вволю да и голову сложит. Что за прелесть (Здесь в значении "напасть". — *Ред.*) такая? В одну неделю нет целого дома, семьи точно не бывало» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 98). Примерно в тех же выражениях высказался Анненков о Н.Н. Тютчеве в письме к М.М. Стасюлевичу от 25 декабря 1878 г. (1 января 1879 г.): "...покойник был мне близкий и дорогой человек по простой, какой-то натуральной дружбе, нас связывавшей, точно она лежала уже в нашем организме, в привычках вседневной жизни" (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 361). Тютчев был среди доверенных лиц Тургенева: именно он стал после смерти матери писателя управляющим Спасским-Лутовиново (в 1851—1853 гг.), где пытался осуществить преобразования

в духе грядущей отмены крепостного права. Об отношениях Тургенева и Н.Н. Тютчева см.: *Громов В.А.* И.С. Тургенев и Н.Н. Тютчев (По новым данным) // Спасский вестник. 1993. № 2. С. 52—70. Подробности о смерти Тютчева Тургенев узнал из несохранившегося письма его брата, С.Н. Тютчева, на которое отвечал 2 (14) января 1879 г.: "Примите мое искреннее спасибо за Ваше письмо. Совершившейся беды оно, конечно, не изменит; но есть какая-то горестная отрада в том, чтобы узнать, как именно она совершилась — и была ли возможность отвратить ее. Увы! жестокая болезнь, жертвою которой пал Ваш бедный брат — одна из самых неизлечимых и неотразимых. 〈...〉 Николай Николаевич принадлежал к числу редких людей, которых одинаково уважают и любят. Собственно для меня — вместе с ним исчез в Петербурге целый дом и приют" (см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2; впервые опубликовано: Новые письма И.С. Тургенева (Письма к С.Н. Тютчеву и Н.А. Щепкину) / Публ. В.А. Черных // Встречи с прошлым. М., 1976. Вып. 2. С. 54).

[3] Немецкая поговорка.

[4] Тургенев очень тепло относился к Александре Петровне Тютчевой, которая была прекрасной музыкантшей и скрашивала его пребывание в Спасском во время ссылки игрой на фортепьяно. Он очень сочувствовал потере Тютчевыми в 1851 г. их пятилетней дочери Ольги, умершей в результате несчастного случая в Спасском и похороненной там же (могила сохранилась). В письме к П. Виардо от 1 (13) ноября 1852 г. Тургенев писал о Тютчевой: "Она хорошо разбирает ноты и очень музыкальна; но она любит забираться в свою раковину, особенно после смерти дочери. К тому же она слишком любит своего мужа и счастлива только подле него; она мне напоминает иногда тех маленьких зеленых попугайчиков, которых называют неразлучниками и которые держатся всегда вместе" (см.: наст. изд. Письма. Т. 2. № 231. Подлинник по-франц.). После смерти мужа А.П. Тютчева жила со своей неразлучной компаньонкой Д.И. Яздовской, с которой умерла в один день — 20 марта 1883 г.

[5] Рассказ Л.А. Полонского (псевдоним Л. Лукьянов) был напечатан: *ВЕ.* 1878. № 12. С. 724—770. Высокую оценку ему дал Тургенев в письме к М.М. Стасюлевичу от 16 (28) декабря 1878 г. (см. письмо 5184). "Я приятно изумлен, скажу вам, повестию Лукьянова, — писал Анненков 26 декабря 1878 г. (7 января 1879 г.). — Со стороны обычного литературного русского тона, такого бодрого, умного, свободного подступа к предмету рассказа я совсем не ожидал — словно повесть написана в Нью-Йорке и хорошим знакомым Брет-Гарта. Но надо подождать, чтобы узнать, кроется ли за этими замашками настоящая оригинальность или ловко усвоенная и отысканная *манера.* Все дело

в том — кто такой автор? Готовится ли он в журнальные труженики и знаменитости — или это независимый человек, способный сделаться династом (властелином. — *Ред.*)? А может быть, это псевдоним, скрывающий какого-нибудь из наших старичков, искусно загримированного для святок. Посмотрим" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 98). Высоко отозвался Анненков о рассказе и в письме к Стасюлевичу от 25 декабря 1878 г. (6 января 1879 г.): «"Надо жить" меня растревожила, как давно не случалось, бодростию, свежестию, свободой приемов, без нытья, философствования; а только с мыслию. Думается, что писал американец, а не русский» (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 362). Узнав, что автором рассказа был знакомый ему Л.А. Полонский, Тургенев засомневался в литературной карьере этого "уже далеко не молодого" человека (см. письмо 5197).

5190. А.Ф. Онегину (с. 237)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 29352. Л. 65; конверт — л. 67. Почтовый штемпель: 2 janv. 79, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 407.

В дате письма Тургеневым ошибочно указан 1878 г. Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[1] В назначенный день встреча не состоялась. См. письма 5191 и 5192.

5191. А.Н. Луканиной (с. 237)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 20. Л. 1; конверт — л. 3.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 364.

Датируется на основании даты похорон М.Г. Гинцбурга, которые состоялись в пятницу, 22 декабря 1878 г. (3 января 1879 г.).

[1] Об этих событиях Луканина записала в дневнике от 6 января н. ст. 1879 г. "...я была у Ивана Сергеевича, чтобы встретиться с г. О⟨негиным⟩, через которого могу получить урок. Я застала Ивана Сергеевича в ту минуту, когда он готов был ехать на похороны Марка Гинцбурга. — Horace Гинцбург, отец его, наш меценат, — заметил Иван Сергеевич, — он очень много помогает нам в Обществе поощрения и вспомоществования русским художникам в Париже. Сын его, Марк, очень любил художество. Отец устроил ему большое ателье и прекрасную библиотеку по части художества. В этом ателье происходят наши заседания. Библиотека эта поступает теперь к нам, в Общество" (*СВ.* 1887. № 3. С. 55). См. также письмо 5192.

5192. А.Н. Луканиной (с. 238)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 20. Л. 4; конверт — л. 6. Почтовые штемпели: 1) 4 janv. 79, R. Milton, Paris; 2) 4 janv. 79, R. Cardinal-Lemoine, Paris.

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 408.

[1] Тургенев надеялся через А.Ф. Онегина найти для Луканиной уроки. Однако в назначенный день — 25 декабря 1878 г. (6 января 1879 г.) — Онегин не явился. "По поводу этого неприхода, — сообщает Луканина, — Иван Сергеевич сказал: — Это чисто русская привычка — не держать слова. Из таких русских первый есмь аз, но тем не менее это скверно" (*СВ.* 1887. № 3. С. 60).

5193. Л.Я. Стечькиной (с. 238)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 30—32.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 13—14.

Стр. 238. "примирить" (*нем.*).

[1] Стечькина выслала Тургеневу сначала вторую часть повести "Кривые деревья", в которую ею были внесены изменения по замечаниям Тургенева, поскольку именно она первоначально вызвала особо суровые нарекания писателя. См. письмо 5067 и примеч. 1 к нему. Первую часть Стечькина отправила Тургеневу позднее. См. примеч. 3 к письму 5194.

[2] А.Н. Луканина в своих воспоминаниях приводит следующие слова Тургенева о произведении Стечькиной: "Роман этот прекрасная вещь, ⟨...⟩ это вещь страстно написанная; когда ее читаешь, то оторваться не можешь. Удивительно, как могла это написать девушка, находящаяся в той обстановке, в которой живет г-жа С⟨течькина⟩. Я был у них, провел короткое время в их деревне. У них мать, добрая старушка, — брат, идеалист, человек сороковых годов. Я видел десятки подобных людей в кружке Грановского и Станкевича, особенно в кружке Станкевича. Этот брат заставил меня помолодеть лет на сорок ⟨...⟩. Это идеалист, относящийся, однако, слегка насмешливо к самому себе. Самой г-же С⟨течькиной⟩ двадцать шесть лет. По внешнему виду она ничем не поражает. И обстановка ее самая обыденная, дворянская. Есть у нее комнатка, чистенькая, уютная, с цветами, с красивеньким письменным столиком, на котором лежит чистенький портфельчик. Там она пишет. Роман ее поднимет всю критику, крику будет очень много". Далее Тургенев пересказал содержание повести и особо отметил "несомненный талант" в изображении Паши (*СВ.* 1887. № 3. С. 57).

[3] О том же Тургенев говорил и в разговоре с А.Н. Луканиной: "Я уверен, что на автора посыпятся укоры в безнравственности, а между тем все у него написано совершенно особенною манерою, tout est chaste (все целомудренно — *франц.*). Я думаю, что автор, сам не испытавший ничего подобного, кое-что сходное видел и слышал в своей громадной семье" (*СВ.* 1887. № 3. С. 58). Об откликах критики на повесть Стечькиной см. : *Т сб.* Вып. 3. С. 376 (публ. Г.В. Степановой), а также примеч. к письму к Стечькиной от 14 (26) ноября 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2.

[4] Стечькина писала Тургеневу 8 (20) января 1879 г.: "Посылаю Вам первую часть моего романа ⟨...⟩" (*Т сб.* Вып. 3. С. 377). Тургенев получил ее 19 (31) января, а 27 февраля (10 марта) 1879 г. отослал обе части М.М. Стасюлевичу.

[5] В указанном письме Стечькина сообщала: "Боюсь, что по случаю моей медлительности роман не будет напечатан до мая. Если так, не лучше ли будет отложить его появление до самой осени?" (*Т сб.* Вып. 3. С. 378). "Варенька Ульмина" с подзаголовком "Повесть" была опубликована в ноябрьском и декабрьском номерах "Вестника Европы" за 1879 г.

5194. Л.Я. Стечькиной (с. 239)

Печатается по подлиннику: Одесская публичная библиотека. Инв. № 132333. Л. 33—35.

Впервые опубликовано: *Письма к Стечькиным.* С. 15.

[1] Письмо 5193.

[2] По всей видимости, намек на критическую статью Д.И. Писарева "Сердитое бессилие", помещенную в "Русском слове" (1865. № 2) и посвященную уничижительному разбору романа В.П. Клюшникова "Марево".

[3] Посылая 8 (20) января 1879 г. Тургеневу на прочтение первую часть повести, Стечькина приложила также листок с несколькими вариантами заглавий, которыми предлагала заменить "Кривые деревья" (*Т сб.* Вып. 3. С. 378; листок с заглавиями не сохранился). Здесь же она упомянула, что ранее (5 (17) января 1879 г.) посылала еще одно письмо по этому поводу, но опасалась, что оно до Тургенева не дошло. Повесть Стечькиной была напечатана под названием "Варенька Ульмина" (*ВЕ.* 1879. № 11—12). См. также письма к Стечькиной, написанные в январе 1879 г. — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2.

[4] См. примеч. 4 к письму 5193.

5195. Терезе Тэн (с. 240 и 299)

Печатается по подлиннику: *Bibl Nat. NAF.* № 28420. F. 22.

Впервые опубликовано А. Звигильским во французском оригинале: Lettres de Tourguéniev à Thérèse Taine // *Cahiers.* № 17 — 18 (1993 — 1994). P. 35. В собрание сочинений включается впервые.

Датируется первым публикатором на основании совпадения числа (7) и дня недели (вторник), которые выпадают на 1879 г. В подлиннике прочтение названия месяца затруднительно.

5196. Гюставу Флоберу (с. 241 и 299)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 147 — 149. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1896. № 10. P. 147 — 148; в русском переводе — *Рус Мысль.* 1896. № 10. С. 64 — 65. Перепечатано во французском оригинале: *Halp.-Kam. Corr.* P. 116 — 118. Вновь опубликовано в русском переводе: *Гальп.-Кам. Письма.* С. 198 — 200.

[1] Имеется в виду письмо от Флобера с приглашением приехать в Круассе, которого Тургенев ждал, как они договорились (см. письмо 5157). Последним полученным от Флобера посланием было письмо от 22 декабря н. ст., в котором он извинялся за долгое молчание и объяснял свое отчаянное состояние: "Вас удивляет мое молчание? Увы, у меня есть серьезные оправдания. На меня обрушились *денежные неприятности*, такие мучительные заботы, что удивляюсь, как я еще не потерял голову" (*Флобер. Письма. Статьи.* Т. 2. С. 218). Главной неприятностью было почти полное разорение Э. Комманвиля, мужа племянницы писателя. "Все надежды вернуть свое состояние, — писал в том же письме Флобер, — окончательно потеряны, и о том, как сложится моя судьба, я буду знать точно только в конце января. Обо всем это расскажу потом, сидя с вами у камелька. Другим ни слова об этом не говорите" (Там же). Далее Флобер приглашал Тургенева в Круассе в начале нового, 1879 г.: "Никогда еще не было у меня такой потребности в ком-либо, как теперь в вас. Общество моего дорогого Тургенева благотворно подействует на мое сердце, на ум и на нервы. Жду вас сюда в начале января, не раньше, потому, во-первых, что скоро уже Новый год, во-вторых, вам было бы слишком неуютно здесь в эту ужасную погоду, в-третьих, племянница с мужем сейчас готовятся к своему переезду в Париж" (Там же).

[2] Данное обещание содержалось еще в письме Флобера к Тургеневу от 10 ноября н. ст. 1878 г. (см.: *Flaubert. Corr (1973—2007).* T. 5. P. 460. Подлинник по-франц.). К этому времени пи-

сатель собирался завершить очередную главу романа "Бувар и Пекюше" ("о любви"). О том, что рассчитывает приехать в Париж "не раньше начала февраля", Флобер писал Тургеневу и 22 декабря н. ст.

[3] Речь идет о так называемых "обедах пяти", в которых, помимо Тургенева и Флобера, принимали участие Доде, Золя и Э. де Гонкур.

[4] См. письмо 5152.

[5] Упоминаемое письмо Доде опубликовано Т.П. Ден в сборнике: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний. М.; Л., 1960. С. 346. «Дорогой друг, — писал в нем Доде, — "Temps" слишком поторопился, поместив мое имя на своей афише, я еще не наряжен и не подкрашен. Может быть, в марте. Я провел печальные месяцы, страдая ревматизмом, правая рука совсем отнялась! Все эти полгода я ругался, как извозчик».

[6] Имеется в виду постройка нового дома в Медане. См. об этом примеч. 1 к письму 5162.

[7] Премьера пьесы по роману Золя "Западня" состоялась 18 января н. ст. 1878 г. в театре L'Ambigu, а 14 апреля того же года было дано уже 100-е представление (*Zola. Corr.* T. 3. P. 268). Тургенев не смог присутствовать на премьере из-за приступа подагры.

[8] Ожесточенная кампания против Золя, начатая газетой "Le Figaro" 15 декабря н. ст. 1878 г., была вызвана изложением в журнале "Bibliothèque universelle et revue Suisse" его сентябрьского "Парижского письма" (*ВЕ.* 1878. № 9. С. 433—460), в котором содержалась резкая критика творчества современных французских романистов. Отделяя творчество Г. Флобера, братьев Гонкуров и А. Доде от основного потока французских романов, которые "кишмя кишат", Золя утверждал, что "не проходит ⟨...⟩ и дня, чтобы два или три новых романа не выросли точно грибы на французской почве" (*Золя Э.* Парижские письма. XL // Там же. С. 433). Называя своих друзей "царями романа", высоко несущими "знамя реализма" и являющимися истинными преемниками Бальзака, Золя, по обыкновению, обрушивался на "язвы романтизма", продолжающие подтачивать здоровое начало в литературе, и в весьма уничижительных тонах отзывался о романах Г. Мало, Ф. Фабра, О. Фелье, В. Шербюлье, П. Перре, А. Терье, отводя им почетное место в "трущобах идеализма", которому пророчил скорую "естественную смерть". Правда, некоторые романисты, не принадлежавшие к натуральной школе, удостоились в статье Золя более одобрительных откликов, как например Э. Абу, в ранних вещах которого критик усмотрел "первостепенный полемический талант" и "поразительный юмор" (Там же. С. 445), впоследствии однако исчезнувшие.

Последние романы Эркмана-Шатриана названы в статье Золя абсолютно ничтожными, а романы Жюля Верна "фантастическими бреднями", хотя и чрезвычайно популярными во Франции (Там же. С. 448). Определенное место заняли в статье ученики А. Дюма-отца, "кропатели" романов-фельетонов, печатавшихся на страницах газет и ставших любимым женским чтивом (знаменитый автор "Похождений Рокамболя" Понсон-дю-Терайль и др.). Наконец, в заключительной части статьи Золя на примере произведений Жюля Клареси (Кларти) как наиболее типического из французских романистов показал, "как можно иметь все признаки таланта, оставаясь весьма посредственным романистом" (Там же. С. 458). Сравнив плодовитого автора с "вечно открытым краном", из которого вода течет так же обильно и быстро, Золя отметил тщательность литературной формы, но вынес его произведениям безжалостный приговор в безнадежной монотонности и "убийственной посредственности" (Там же. С. 454). Упрека Золя в излишнем внимании к выработке непогрешительного слога заслужил Леон Кладель. По мнению Золя, "романист, который скажет себе: я завоюю бессмертие посредством пуризма в языке, жестоко ошибается. Бессмертие завоевывается созданием живых образов. Более или менее неудачные фразы в счет не идут" (Там же. С. 456). Статья в "Le Figaro" была анонимной, автор ее скрылся за подписью "Некий романист" ("Un romancier"), что было на следующий день обыграно Золя в письме к редактору газеты И. Вильмессану, в котором он просил опубликовать на страницах газеты полный текст его статьи из "Вестника Европы" (*Zola. Corr.* T. 3. P. 250). Автором анонимной статьи "Г-н Золя критик" ("M. Zola critique") оказался известный романист, писавший на криминальные темы, Фортюне дю Буагобе. Его оценка статьи Золя была по существу призывом к французским писателям сплотиться и дать отпор вождю натурализма, "смешавшего с грязью на берегах Невы" французских писателей. Главным упреком автора, ставшего на защиту современной французской литературы, был по существу упрек в трусости, поскольку Золя напечатал статью по-русски, так что его соотечественники не могли ни прочитать ее, ни ответить. В письме к Вильмессану Золя, прося о публикации, говорил как раз о том, что он всегда выступал открыто и собирался опубликовать статьи из "Вестника Европы" по-французски в свое время. Статья Золя вместе с письмом к Вильмессану была опубликована в номере от 22 декабря н. ст. 1878 г., после чего кампания против него особенно усилилась. В статье, напечатанной в газете "Le Voltaire" 31 декабря н. ст. 1878 г., Золя еще раз подтвердил свою точку зрения (см.: *Mitterand H.* Zola journaliste. Paris, 1962. P. 212—215). Флобер не разделял теоретических воззрений Золя, однако встретил его статью с большим сочувствием.

3 января н. ст. 1879 г. он писал А. Доде: "Упреки по адресу Золя кажутся мне нелепостью. Я не сторонник его теорий. Что до его критических статей, они были написаны весьма мягко. Вызванный ими скандал — лишнее доказательство современного лицемерия! Помилуйте! Человек уже не имеет права сказать, что Фелье и Шербюлье — отнюдь не великие мужи? Отвратительно все это просто до рвоты" (*Флобер. Письма. Статьи*. Т. 2. С. 219). Несколькими днями ранее, в новогоднюю ночь Флобер писал Мопассану: «Я читал разглагольствования Золя в "Le Figaro". Они расшевелили "города и веси". Да! Это произвело невообразимый эффект вплоть до Руана 〈...〉. — Отдадим ему должное» (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. Р. 483. Подлинник по-франц.). Самому Тургеневу Флобер ответил 9 января н. ст. 1879 г.: "Не понимаю, отчего статья Золя вызвала столько шума! Ведь в целом его статьи были мягкими. — Но все вокруг так изолгались и излицемерились, что Откровенность звучит диссонансом. Восхищаться следует только посредственностью" (Ibid. Р. 495).

[9] Тургенев имеет в виду трудности, с которыми столкнулся Флобер при написании романа "Бувар и Пекюше". О мучительном творческом процессе при реализации этого замысла Флобер писал многим корреспондентам. См. письмо 4983 и примеч. 3, 4 к нему.

[10] Тургенев откликается на следующее сообщение Флобера: "Тем не менее работаю я как вол. Я прочту вам три главы, о Литературе, о Политике и о Любви! — Сейчас готовлю три последние: Философия — Религия — Мораль". В связи с работой над романом Флобер сообщал, что "запутался в дебрях Метафизики" и перечитывает книжечку Л. Виардо "Свобода совести", которая ему нравится гораздо больше, чем при первом чтении (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. Р. 495. Подлинник по-франц.).

[11] Вопреки первоначальному намерению и обещанию, Ж. Шарпантье выпустил в качестве роскошного новогоднего издания не "Легенду о святом Юлиане Милостивом" Флобера, а рассказ С. Бернар "В облаках" ("Dans les nuages"), иллюстрированный Ж. Клереном, что чрезвычайно задело писателя. Поясняя причину своей бурной реакции на отказ Шарпантье, Флобер писал: «Какое мне дело, что Шарпантье издает Сару Бернар? — спрашиваете вы. Так знайте, что этот самый Шарпантье еще в конце сентября (в третий раз) торжественно обещал и клялся издать "Святого Юлиана Милостивого" с литографиями — в виде подарочного издания. — А поскольку это дорого, он вильнул в сторону и издал отбросы Сары. Я рассчитывал извлечь из этого предприятия немного денег. Полный провал. Это как Даллоз из "Moniteur", не удосужившийся прочитать посланную ему мною рукопись 〈...〉» (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. Р. 495. Подлинник по-франц.).

[12] В результате состоявшихся 5 января н. ст. 1879 г. сенатских выборов (каждые три года переизбиралась треть сенаторов) из 82 мест 66 получили республиканцы, что обеспечило смену консервативного большинства республиканским (174 против 126). "Понедельничное голосование доставило мне удовольствие, — отвечал Флобер на вопрос Тургенева, — как доказательство укрепления противодействия партии порядка. — Но я боюсь, как бы все не вернулось на круги своя. Теперь Республика должна стать партией порядка! — только бы она не стала партией Глупости" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. Р. 495. Подлинник по-франц.).

5197. П.В. Анненкову (с. 242)

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ.* Ф. 7. Оп. 1. № 29. Л. 37—38.

Впервые опубликовано: Печать и революция. 1922. Кн. 2. № 5. С. 96—97.

Стр. 242. чудо-ребенок (*франц.*).
Стр. 242. "Тассо" (*франц.*).
Стр. 242. к звездам (*итал.*).
Стр. 243. Поживем — увидим; — но вот он уже выдвинулся (*франц.*).

[1] Анненков в ответ на сообщение Тургенева о смерти Н.Н. Тютчева (см. письмо 5189) писал 26 декабря 1878 г. (7 января 1879 г.): "В одну неделю нет целого дома, семьи точно и не бывало" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 98).

[2] Речь идет о Д.И. Яздовской, вдове, жившей в доме у А.П. и Н.Н. Тютчевых. Она жила с Тютчевыми и в Спасском в то время, когда Н.Н. Тютчев исполнял обязанности управляющего имениями Тургенева. Тургенев в своих письмах (1852—1862) неоднократно отзывался о ней с добродушной иронией. "Александра Петровна, — сообщал Анненкову брат покойного С.Н. Тютчев в ноябре 1879 г., — много читает, на присутствие в доме Дарии Ивановны смотрит как на нечто определенное судьбою ⟨...⟩ Над могилою брата (на Смоленском кладбище в Петербурге, где были похоронены все члены семейства Тютчевых. — *Ред.*) устроена гранитная плита с лаконичной надписью: Николай Николаевич Тютчев род. 27 октября 1815, скончался 15 декабря 1878" (*ИРЛИ.* Ф. 7. № 106. Л. 28 об.). Д.И. Яздовская была в 1883 г. похоронена недалеко от могил Тютчевых на Смоленском кладбище.

[3] См. письмо 5189. Анненков писал Тургеневу в указанном письме: "А может быть, это псевдоним, скрывающий какого-нибудь из наших старичков, искусно загримированного для святок" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 98).

[4] Внутренне обозрение в "Вестнике Европы" было посвящено полемике с профессором П.П. Цитовичем, написавшим

брошюру «Ответ на “Письма к ученым людям”» (Одесса, 1878) по вопросу о “новых идеях” и их влиянии на нравственность общества. Полемика началась после опубликования Цитовичем брошюры “Новые приемы защиты общинного землевладения” (Одесса, 1878), на которую откликнулся Н.К. Михайловский в первой и второй статьях цикла “Письма к ученым людям (Письмо к профессору Цитовичу)” (*ОЗ.* 1878. № 6, 7). В ходе полемики были затронуты вопросы женской эмансипации, в том числе в романе Н.Г. Чернышевского “Что делать?”. Отвечая на упрек в отсталости, Цитович вспомнил персонаж романа Тургенева “Отцы и дети”: «Научная работа или другое “общее дело”, например, — перевод книжки, обработка нервной системы таракана, — такова наживка для тех из *товарищей* в капотах и юпках (sic! — *Ред.*), у которых уцелело какое-нибудь чувство стыда и приличия. Кукшина, правда, отдавалась без наживки; но она была уже zu faul (слишком ленива — *нем.*); с этой стороны радетели женского вопроса имели острое чутье и точную расчетливость: посвежее и помоложе, а главное, — не за деньги. Мимоходом, — что сталось с Кукшиной? Наверное, нашла какого-нибудь белого бычка — дурковатого мужа, держит вдохновляющий салон и ведет переписку с верой павловной (sic! — *Ред.*)» (*Цитович П.* Ответ на “Письма к ученым людям”. С. 29). Любопытно, что брошюрой Цитовича заинтересовался А.А. Фет, в связи с критикой автором идей общинного землевладения, решительным противником которого он выступал, посвятив этому вопросу несколько публицистических статей, а также в связи с критикой Цитовичем идей общей собственности и коллективного труда, восходящих к Сен-Симону, Фурье и др. социалистам-утопистам. Критике этих идей была посвящена рецензия Фета (написанная в соавторстве с В.П. Боткиным) на роман Чернышевского “Что делать?”. Фет даже написал Цитовичу в Одессу, чтобы встретиться с ним во время своей поездки в Крым в сентябре 1879 г. Встреча эта состоялась. Вот каково было впечатление поэта от встречи: “Это чистый нигилист наизнанку. Он сам говорит, что бурса породила в нем как бы искупление за свои грехи в виде Чернышевского, Добролюбова и т.д.” (см. письмо Фета к Н.Н. Страхову от 12 ноября ст. ст. 1879 г.: *ЛН.* Т. 103. Кн. 2. С. 294, 295 (примеч. 4, 5). Публ. Н.П. Генераловой). Защищая “казенную науку”, которая по-прежнему остается главным источником знаний, от нападок Михайловского, выдававшего себя за представителя “новых идей”, Цитович писал: «Нас, говорите, “выставила история”?.. а вас она не успела прибрать. Не мы, а вы — “жертва истории”; в этом нет личной вины, а разве несчастье» (*Цитович П.* Ответ на “Письма к ученым людям”. С. 34). Не вмешиваясь в собственно полемику между Цитовичем и Михайловским, автор статьи в “Вестнике Европы”

сосредоточился на критике брошюры Цитовича, усмотрев в его частных выпадах более общие цели: "...по некоторым местам брошюры можно заключить, что автор обвиняет русскую журналистику вообще — в противоположность профессорскому сословию; русскую беллетристику целиком — в противоположность нравственному богословию; русскую молодежь огулом как она есть — в противоположность идеальной молодежи, как она могла бы быть создана профессорами ⟨...⟩" (*ВЕ.* 1878. № 12. С. 820). Отрицая разлагающее влияние "новых идей", автор "Обозрения" защищал журналистику, оправдывал передовую молодежь, характеризовал социал-демократическую партию Германии, противопоставляя ее взгляды на экономические вопросы учению народников. Тургенева, без сомнения, заинтересовали мысли автора "Внутреннего обозрения" об источниках нигилизма, к которому Цитович возвел "новые идеи": "Отсутствие нравственного авторитета родителей, отсутствие связи между ними и детьми, отсутствие руководства и хорошего примера, отсутствие возвышенных интересов, которые оживляли и питали бы духовную жизнь в семье, отсутствие сферы такой деятельности, в которой могла бы проявляться общественная солидарность — это целый ряд одних отрицаний, и он-то и представляет истинный наш нигилизм" (Там же. С. 825). Сравнивая русских с немцами, автор "Обозрения" упрекал русского человека в недостатке солидарности, "личной мелочности", господствующей над высокими побуждениями. Вставая на защиту молодежи, автор статьи писал: "...и тогдашняя молодежь была выше и даже нравственнее тогдашнего общества, общества Чичиковых или, если пойдем дальше, общества Скотининых. Это просто закон природы ⟨...⟩ " (Там же. С. 826).

[5] Анненков в указанном письме спрашивал у Тургенева: «А что говорит невиннейший из всех смертных и изо всех бунтовщиков П.Л. Лавров о "Внутреннем обозрении" "В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" (декабрь), которое очень замечательно?» (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 98). Этот вопрос был задан потому, что в указанной статье содержалась развернутая критика радикальной заграничной печати, к которой имел прямое отношение Лавров. "А как же можно подозревать было, — писал Анненков Стасюлевичу 25 декабря 1878 г. (6 января 1879 г.), — чтобы в Обозрении я легкомысленно пропустил *первую* дельную нотацию из России — *Общине* и ее старосте — Лаврову и другим писарям и ключарям ее. Вы показали, что с ними можно еще говорить публично из Петербурга, а это весьма существенное дело" (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 362). Автор "Внутреннего обозрения" сравнивал выпады, прозвучавшие в брошюре Цитовича, с теми, что встречаются в "одном, вероятно, заграничном издании", где "отрицают даже самое призвание либеральной публицистики",

где утверждают, что "реформы явились так, сами собой, без всякого участия общественной мысли, выражаемой печатью, в их осуществлении" (*ВЕ.* 1878. № 12. С. 831). И находил, что крайности сходятся, возражая социалистам, наивно полагающим, что стоит совершить революцию и все вопросы решатся: «А что если основы эти окажутся гораздо ближе к управлению станового пристава, чем к "чудному пиру жизни"?» (Там же. С. 835). Задавая вопрос о том, что же нового привносят новые революционные мыслители, автор статьи отвечал: «Что же они открыли? Отрицательные стороны нашей жизни — мы их знали без них. Что они предлагают взамен? Лассаля? — Он говорит не то, что говорят они. С основными мотивами его деятельности находил возможным согласиться даже князь Бисмарк. Карла Маркса? — Маркса, как и Лассаля, мы знали раньше их. Но Маркс, которого они так триумфально противопоставляют Лассалю, никогда не низводил своей программы до учения об учреждении "казачьих кругов", вольных автономных общин с выборными ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли: сами приверженцы Маркса признают эти автономные общины — нелепостью. Ставить культурным идеалом в XIX столетии "казачьи круги" — слишком наивно» (Там же. С. 837). Вскрывая подлинную основу современного народничества, автор статьи в "Вестнике Европы" прямо отсылал к настоящему источнику "новых" идей, а именно к анархизму, по существу упраздняющему государство как общественный организм и взывающему к понятиям, совершенно чуждым русскому крестьянству. Высказанные автором "Обозрения" мысли в поддержку реформ и постепенного развития общества, в противовес радикальным преобразованиям и пугачевщине, с одной стороны, и возражения против "реакционных" идей, сформулированных Цитовичем, не случайно привлекли внимание Тургенева и Анненкова (лично знакомого с К. Марксом) как представителей либеральной мысли.

[6] Тургенев откликается на следующий пассаж из письма Анненкова от 26 декабря 1878 г. (7 января 1879 г.): "Много у меня вообще вопросов к Вам, друг, да Вы не любите отвечать на них. Поэтому и вопрос о каком-то гениальном Гобарде, у вас проявившемся — оставляю до личного свидания, а все-таки крошечное словцо об этом явлении — не мешало бы" (*Анненков. Письма.* Кн. 2. С. 98). Имеется в виду приз, который Бенжамен Годар получил на музыкальном конкурсе 1878 г., организованном городом Парижем и проходившем в шесть туров. Жюри, в состав которого входили среди прочих Ш. Гуно, К. Сен-Санс и Э. Перрен, 14 февраля н. ст. 1878 г. вынесло окончательное решение, удостоив высшей награды в равной степени двух финалистов — Годара за ораторию "Le Tasse" и Теодора Дюбуа за

“Paradis perdu”. По условиям конкурса, произведения победителей должны были быть исполнены целиком в Париже спустя шесть месяцев. За победу в конкурсе оба участника получили по 5000 франков (см.: Le Temps. 1878. 15 février. № 6149. P. 2–3). Торжественное исполнение “драматической симфонии в трех частях” “Le Tasse” состоялось в театре Шателе 18 декабря н. ст. в 2 часа дня (см. объявление об этом концерте: Ibid. 17 décembre. № 6448. P. 4). Несмотря на огромный успех, со страниц газет звучала и критика. Так, музыкальный обозреватель “Le Temps” замечал, что сюжет поэмы, лежащей в основе оратории, скорее подходил для оперы, упрекая композитора в слишком большой нагрузке на оркестр и недостатке вокальных партий, в стремлении, не всегда удачном, имитировать какие-то события (например, бурю) музыкальными средствами и т.д. Признавая незаурядное дарование Годара, критик все же опасался, что он выбрал не лучшую дорогу, на которой может затеряться (1878. 24 décembre. № 6456. P. 2). Критик “Journal des Débats” признался, что оценил в полной мере “Тасса” Годара лишь со второго раза, но с уверенностью заявил, что это явление из ряда вон выходящее, “молодое, живое, живописное, исполненное очаровательной тонкости и великолепных порывов”: “у музыканта, создавшего некоторые листы этой партитуры больше, чем талант ⟨...⟩ это откровение и больше, чем обещание на будущее”, хотя и отметил зависимость молодого композитора от Берлиоза (1879. 1 janvier. P. 2).

[7] Газеты сообщали о появлении чумы в Астрахани (см.: *СПб Вед.* 1878. 22 декабря. № 352).

[8] 5 января н. ст. 1879 г. частичные выборы в сенат дали значительный перевес республиканцам (66 мест из 82). Таким образом, республиканцы получили большинство голосов в обеих палатах. См. также письмо 5196 и примеч. 12 к нему.

5198. Людвигу Пичу (с. 243 и 300)

Печатается по подлиннику: *SSB*.

Впервые опубликовано: в русском переводе — *ВЕ.* 1909. № 6. С. 644; в английском переводе — Saturday Review. Supplement. 1909. 14 August. № 2807. P. I. Вновь опубликовано: в немецком оригинале — *Pietsch.* S. 142; в русском переводе — *Письма к Пичу.* С. 195–196.

[1] Речь идет об одноактной комической опере Луизы Эритт-Виардо “Линдоро”. Первое известие об этой опере в немецкой печати относится еще к июлю 1877 г. Берлинская музыкальная газета “Эхо” сообщала, что отрывок из “Линдоро” был с успехом поставлен в Париже, в одном музыкальном обществе, в присутствии Ш. Гуно (см.: Echo. Berliner Musukzeitung. 1877. 19. Juli. № 29–30. S. 338). Более подробно об этой опере см.

в воспоминаниях Луизы Эритт-Виардо, опубликованных ее сыном: *Mémoires*. P. 252—254.

[2] Опера "Линдоро" была поставлена в Веймаре не в день именин великой герцогини Софии Луизы Саксен-Веймарской, а позднее — 2 мая н. ст. 1879 г. (см.: Franz Liszts Briefe an die Fürstin Carolyne Sayn-Wittgenstein. Leipzig, 1902. Bd. 4. S. 250). В 1879 г. состоялось два представления "Линдоро" в Веймаре — 2 и 7 мая н. ст. (в тексте афиши за 2 мая "Линдоро" фигурирует как "оперетта", за 7 мая — как "комическая опера".

[3] Эти письма П. Виардо неизвестны. Семья Виардо и Тургенев были хорошо знакомы с редактором сатирического журнала "Kladdaradatsch" Э. Домом со времени их пребывания в Веймаре в феврале — мае 1870 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 10. № 2699, 2727). П. Виардо попросила его перевести либретто оперы "Линдоро", что было Домом в итоге исполнено.

[4] Тургенев намекает здесь на несчастливое замужество Л. Эритт-Виардо и ее постоянные неудачи на театральной сцене (см.: наст. изд. Письма. Т. 10. № 2693, 2696; Т. 11. № 2879, 2902, 3018, 3030, 3094).

5199. Л.Н. Толстому (с. 244)

Печатается по подлиннику: *ГМТ*. Ф. 1. 114/24.

Впервые опубликовано: *Т. Первое собрание писем*. С. 340—341.

Стр. 244. «Я, нижеподписавшийся, заявляю, как от своего имени, так и от имени лица, которое перевело (и опубликовало в "Journal de St-Pétersbourg") мою повесть "Казаки", что я предоставляю г. Тургеневу и Эмилю Дюрану право печатать эту повесть во Франции, после внесения в текст перевода необходимых поправок» (*франц.*).

[1] Это издание перевода "Казаков", выполненного баронессой Е.И. Менгден, не было осуществлено (см. об этом переводе письмо 5109 и примеч. 7 к нему). О переводе "Казаков" на английский язык Ю. Скайлером см. примеч. 5 к письму 5109. Предложение Тургенева Толстым принято не было. Неизвестно, ответил ли он на данное письмо.

[2] Речь идет об избушке, построенной Толстым в роще около дома, в так называемом Чапыже, предназначенной для уединенных занятий (см.: *Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 г. М., 1963. С. 512). Именно здесь, по воспоминаниям С.А. Толстой, Тургенев и Толстой горячо спорили о литературе в один из приездов Тургенева в Ясную Поляну в 1878 г. (см.: *Толстая. Моя жизнь*. Т. 1. С. 287—288, а также примеч. 2 к письму 5068). Об избушке в Чапыже Тур-

генев вспоминал и позже (см. письмо к Толстому от 28 декабря 1879 г. (9 января 1880) г. — наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2).

[3] Имеется в виду роман Л.Я. Стечькиной, первоначально называвшийся "Кривые деревья". По совету Тургенева, роман был переработан и под названием "Варенька Ульмина" (с подзаголовком: "Повесть") напечатан в "Вестнике Европы" (1879. № 11—12). Рукопись второй части Тургенев получил около 3 января н. ст. 1879 г. (см. примеч. 1 к письму 5193). Отзыв Толстого об этом романе неизвестен.

[4] Тургенев вынужден был приехать в Россию раньше — в начале февраля ст. ст. 1879 г. (см. примеч. 4 к письму 5180). В этот приезд его пребывание ограничилось Москвой и Петербургом и с Толстым он не увиделся.

5200. А.В. Топорову (с. 245)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 64. Л. 2—2 об.

Впервые опубликовано: *Лит Арх.* Т. 4. С. 273—274.

[1] См. письмо 5182, в котором Тургенев просил Н.А. Щепкина выслать Топорову 125 рублей серебром.

[2] См. письмо 5176.

[3] Это письмо Тургенева к редактору начавшей выходить с октября 1878 г. ежедневной политико-литературной газеты "Русская правда" Д.К. Гирсу (а не Д.П., как ошибочно написал Тургенев) неизвестно. Возможно, Гирс обратился к Тургеневу с просьбой поддержать новую газету своим участием. Сохранилось, например, схожее обращение Гирса к М.М. Стасюлевичу от 21 сентября ст. ст. 1878 г., в котором он писал: «Редакция возникающейся газеты "Русская правда" просит Вас принять участие литературное в новом издании. Зная, однако, что Вы слишком заняты по редактированию "Вестника Европы", редакция "Русской правды" не может рассчитывать на деятельное Ваше участие; но она будет очень Вам благодарна, если, хотя изредка, найдете возможность дать ей что-либо по части истории, исторической критики или литературы» (*ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. № 426).

5201. Гюставу Флоберу (с. 246 и 301)

Печатается по фотокопии: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 188. Л. 150—151. Подлинник хранится в *Bibl Lovenjoul.*

Впервые опубликовано: во французском оригинале — Cosmopolis. 1896. № 10. P. 148—149; в русском переводе — *Рус Мысль.* 1896. № 10. С. 65. Перепечатано во французском оригинале: *Halp.-Kam. Corr.* P. 118. Вновь опубликовано в русском переводе: *Гальп.-Кам. Письма.* С. 200.

[1] Тургенев отвечает на письмо Флобера от 9 января н. ст. 1879 г., в котором тот настоятельно просил его приехать в Круассе: "Мой дорогой старина, / Я писал вам незадолго до Нового года. Выходит, вы не получили моего письма? / В том письме я говорил вам, что рассчитываю видеть вас *здесь* в начале января. Можете ли вы приехать прямо сейчас? Или вам это неудобно? — Навестив меня, вы совершите *добрый поступок*. Поскольку я очень хочу, или, скорее, испытываю потребность вас видеть. / Я не могу быть в Париже раньше конца февраля, это самое раннее, по причине моих ужасных *дел*. Будет еще хуже, поверьте! И если бы я мог умереть от брюшного тифа, который сейчас правит в Руане, это было бы для меня наилучшим исходом" (*Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 494. Подлинник по-франц.). В конце письма Флобер еще раз повторил свою просьбу приехать: "Приезжайте. Я постараюсь устроить так, чтобы вы не замерзли. И отвечайте не медля, хорошо?" (Ibid. P. 495). Обещание приехать как можно скорее в Круассе Тургенев не выполнил из-за ухудшения здоровья (приступ подагры). Он навестил Флобера лишь в начале февраля н. ст., проведя у него два дня, о чем рассказал в письме к Э. Золя от 23 января (4 февраля) 1879 г. (см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2).

[2] О переезде К. Комманвиль с мужем в Париж Флобер сообщил Тургеневу в письме от 9 января н. ст. 1879 г. См.: *Flaubert. Corr (1973—2007).* Т. 5. P. 494.

[3] Речь идет о денежных затруднениях Флобера.

5202. М.М. Стасюлевичу (с. 246)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 1464_6. № 227.

Впервые опубликовано: *ВЕ.* 1911. № 12. С. 8—10.

Стр. 247. он, следовательно, располагает всеми средствами для достижения цели (*франц.*).

Стр. 247. сложившееся положение вещей (*лат.*).

Стр. 247. несложившееся положение вещей (*лат.*).

[1] Стасюлевич хотел уговорить гр. Н.А. Меренберг оставить автографы писем Пушкина к жене в России (см. примеч. 1 к письму 5179). Тургенев выполнил просьбу Стасюлевича и обратился к Меренберг (письмо неизвестно), которая ответила отказом. "...Иван Сергеевич передал мне Ваше предложение насчет писем Отца моего, — писала она Стасюлевичу 8 (20) января 1879 г. — Признаюсь откровенно, что я не в силах принести ту жертву, которую Вы от меня ожидаете. Я так дорожу письмами Отца моего, что, конечно, при жизни никогда добровольно не расстанусь с ними" (*Стасюлевич.* Т. 3. С. 654). В скором времени все письма Пушкина были возвращены Стасюлевичем,

о чем имеется расписка на данном письме зятя Меренберг — И.А. Арапова.

[2] Имеются в виду деньги (25 руб. сер.) и письмо, которые Тургенев передал через Стасюлевича устроителям благотворительного вечера в пользу недостаточных студентов. См. письмо 5179.

[3] Об организованной Тургеневым подписке на памятник Н.В. Ханыкову см. письма 5156 и 5167. К А.В. Топорову Тургенев обратился с соответствующей просьбой 2 (14) января 1879 г. — см.: наст. изд. Письма. Т. 16. Кн. 2.

[4] Ранее Тургенев просил Стасюлевича раскрыть ему имя человека, поместившего в "Вестнике Европы" (1878. № 12) под псевдонимом "Л. Лукьянов" поразивший его рассказ "Надо жить". Им оказался знакомый ему Л.А. Полонский (см. письма 5184, примеч. 1, и 5189, примеч. 5).

[5] Внутреннее обозрение в декабрьской книжке "Вестника Европы" за 1878 г. действительно было написано Л.А. Полонским и посвящено полемике с П.П. Цитовичем (см. письмо 5197 и примеч. 4 к нему).

[6] Близкий друг Тургенева Н.Н. Тютчев скоропостижно умер 15 (27) декабря 1878 г. См. письмо 5189 и примеч. 2 к нему.

[7] Л.Я. Стечькина выслала сначала Тургеневу в Париж поправленную по его замечаниям вторую часть повести "Кривые деревья" (позднее "Варенька Ульмина"), которую писатель получил около 3 декабря н. ст. и сразу же рекомендовал к публикации в "Вестнике Европы". См. письмо 5193 и примеч. 1 к нему.

[8] См. письмо 5193 и примеч. 4 к нему.

[9] См. примеч. 12 к письму 5196.

[10] Имеется в виду брошюра П. Цитовича «Ответ на "Письма к ученым людям"» (Одесса, 1878). См. письмо 5197, примеч. 4.

5203. Леону Брету-Лафаргу (с. 248 и 301)

Печатается по тексту первой публикации П. Уоддингтона: Some Unpublished Letters by Turgenev, Addressed to Various Correspondents // *N Z Sl J.* 1975. № 1. P. 69—70. Письмо было продано книжным домом Анри Саффруа в Париже в 1973 г. Подлинник неизвестен.

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется периодом 1876—1878 гг., предложенным первым публикатором письма П. Уоддингтоном, на следующих основаниях: бумага, на которой написано письмо, стала выпускаться с 1876 г.; новеллы, которые анализирует Тургенев, не были напечатаны ни в одном из известных сборников Брету-Лафарга; писатель не сравнивает их с другими произведениями того же автора, из чего можно сделать вывод, что они были первыми

сочинениями Брету-Лафарга, с которыми он познакомился. В то же время Тургенев упоминает о любви к поэзии, очевидно зная о стихотворных опытах молодого литератора. Под стихотворением, посвященным Тургеневу, где речь идет о том, какое влияние он оказал на начинающего автора, стоит дата: "май 1879 г.", следовательно, это влияние было оказано раньше. Обращение "дорогой друг" и весь тон письма свидетельствуют о том, что Тургенев ко времени его написания, был хорошо знаком с Брету-Лафаргом.

[1] Об одной из "двух вещей", переданных Брету-Лафаргом писателю на отзыв, Тургенев пишет далее. О чем была вторая новелла, сказать трудно.

[2] Произведения с таким названием среди напечатанных произведений Брету-Лафарга не обнаружено.

[3] "Маленькая трагедия" А.С. Пушкина была задумана в Михайловском в 1826 г., написана в 1830-м, в период так называемой "Болдинской осени", опубликована в конце 1831 г.

[4] Очевидно, Тургенев намекает на поэтические опыты Брету-Лафарга, призывая его таким образом писать не прозу, а стихи, где он чувствует себя более раскованным. Косвенно об этом свидетельствуют строки из стихотворения Брету-Лафарга, посвященного Тургеневу (дата: май 1879 г.), где читаем: "Скажи, ты помнишь ли, / Как однажды своим словом ты привел меня / К покою стихов, единственному другу, который утешает / Мой поверженный разум?" ("Dis-moi, te souviens-tu / Que tu me ramenas un jour par ta parole / A ce calme des vers, seul ami qui console / Mon esprit abattu?" (*Brethous-Lafargue L.* Poèmes et récits. Paris, 1881. P. 71—72; цит. по: *Waddington P.* Some Unpublished Letters by Turgenev, Addressed to Various Correspondents // *N Z Sl J.* 1975. № 1. P. 68). Некоторые строки этого стихотворения как будто отвечают на строгую критику, прозвучавшую из уст Тургенева: "Нет, как бы далеко ты ни был, мой друг, мой добрый учитель, / Не бойся, что когда-нибудь я могу не признать / Того, что исходит от тебя: / Я навеки благословляю твое благодеяние, / Потому что ты сумел заронить в мою ослабевшую душу / Несколько семян веры" ("Non, si loin que tu sois, mon ami, mon doux maître, / Ne crains pas qu'un seul jour je puisse méconnaître / Ce qui me vient de toi: / Je bénis à jamais le bienfait qui me lie, / Puisque tu sus jeter en mon âme affaiblie / Quelques germes de foi" (Ibid.). В другом стихотворении, помеченном февралем 1881 г. и озаглавленном, как и предыдущее, "A Ivan Tourguénef", Брету-Лафарг вспоминал дружеский прием, оказанный известным писателем незнакомому поэту, и его рассказ о своей молодости и собственных трудностях становления. Излагая советы Тургенева в стихах, поэт писал: "...Трудись в тишине: / Наградой тебе будет чувство исполненного долга; / Оно одно принесет тебе

обещанное благо" ("...Fais ton œuvre en silence: / Le devoir accompli sera ta récompense; / Lui seul te donnera le bien qui t'est promis") (*Brethous-Lafargue L.* Poèmes et récits. P. 54—55; цит. по: *Waddington P.* Some Unpublished Letters by Turgenev, Addressed to Various Correspondents. P. 68).

[5] Тургенев послал Брету-Лафаргу томик драматических произведений Пушкина, переведенных им прозой с помощью Луи Виардо: Poëmes dramatiques d'Alexandre Pouchkine, traduits du russe par Ivan Tourguéneff et Louis Viardot (Paris, 1862), куда вошла и пьеса "Моцарт и Сальери".

5204. Эмилю Дюрану (с. 249 и 302)

Печатается по рукописной копии И.Д. Гальперина-Каминского, предоставленной А. Звигильским. В копии письмо имеет проставленный переписчиком порядковый номер "XXIV". Подлинник неизвестен.

Публикуется впервые.

Год написания письма устанавливается предположительно по помете И.Д. Гальперина-Каминского на копии.

[1] На протяжении 1878 г. Тургенев неоднократно встречался с Э. Дюраном. Об одной из таких встреч, состоявшейся 26 марта н. ст. на квартире у Тургенева, сохранилась запись в воспоминаниях А.Н. Луканиной: «...я застала у него господина, которого он отрекомендовал мне под именем Mr Durand. Mr Durand знает по-русски, он пришел к Ивану Сергеевичу за адресами лучших русских писателей по поводу международного литературного съезда. Адрес Толстого "Ясная Поляна" ему очень понравился» (*СВ.* 1887. № 2. С. 54—55). С какой целью и когда именно Тургенев намеревался зайти к Дюрану на этот раз, установить не удалось. Однако очевидно, что встреча не состоялась. См. письмо 5205.

5205. Эмилю Дюрану (с. 249 и 302)

Печатается по рукописной копии И.Д. Гальперина-Каминского, предоставленной А. Звигильским. В копии письмо имеет проставленный переписчиком порядковый номер "XXVI". Подлинник неизвестен.

Публикуется впервые.

Год написания письма устанавливается предположительно по помете И.Д. Гальперина-Каминского на копии и по связи с письмом 5204, где, по всей видимости, речь идет о той же встрече.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

38. Доверенность Н.А. Щепкину (с. 250)

Печатается по подлиннику: *ОГЛМТ.* № 175. Доверенность написана писарской рукой, кроме даты и подписи: "Париж, 28/16 марта 1878. Коллежский секретарь Иван Сергеев Тургенев".

Впервые опубликовано: *ПССиП(1). Письма.* Т. XII. Кн. 1. С. 417—418.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ[1]

[1] Цифры соответствуют номерам писем.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРЕБЫВАНИЯ И.С. ТУРГЕНЕВА
1878 ГОД

Париж — 1(13) января — 30 мая (11 июня)*
Вербуа — 15 (27) февраля
Вербуа — 19 февраля (3 марта)
Буживаль — 6(18) марта
Вербуа — 6 (18) мая
Буживаль — 30 мая (11 июня) — 21 июля (2 августа)**
Париж — 1 (13) июня; 2 (14) июня (?); 3 (15) июня; 4 (16) июня; 5 (17) июня; 6 (18) июня; 7 (19) июня; 9 (21) июня; 13 (25) июня; 15 (27) июня; 16 (28) июня (?); 17 (29) июня; 20 июля (1 августа)
Берлин — 23 июля (4 августа) — 25 июля (6 августа) (?)
Дрезден — между 23 июля (4 августа) и 25 июля (6 августа)
Петербург — 27 июля (8 августа) — 2 (14) августа
Москва — 3 (15) — 7 (19) августа
Абрамцево — 6(18) августа
Кунцево — 7 (19) августа
Тула — 7 (19) — 8 (20) августа
Ясная Поляна — 8 (20) — 9 (21) августа
Спасское — 10 (22) — 31 августа (12 сентября)***
Тургенево — 11 (23) августа
Мценск — 16 (28) августа
Орел — 16 (28) — 17 (29) августа
Тапки, Федоровка — 17(29) — 18 (30) августа
Орел — 19 (21) августа
Тургенево — 22 августа (3 сентября)
Бастыево — 23 августа (4 сентября)
Карачев, Юшково — 27 августа (8 сентября)
Тула — 31 августа (12 сентября) — 1 (13) сентября
Суходол, Плутнево — 1 (13) сентября — 2 (14) сентября
Ясная Поляна — 2 (14) — 4 (16) сентября
Петербург — 4 (16) — 6 (18) сентября
Берлин — 8 (20) сентября
Париж — 9 (21) сентября
Буживаль — 9 (21) сентября — 7 (19) октября**
Париж — 18 (30) сентября; 20 сентября (2 октября); 22 сентября (4 октября); 2 (14) октября (?)

---

* За этот период возможны поездки из Парижа в Вербуа и в Буживаль, точные даты которых не установлены.

** За этот период возможны поездки из Буживаля в Париж, точные даты которых не установлены.

*** За этот период возможны поездки из Спасского в Тургенево, точные даты которых не установлены.

Париж — 7 (19) октября
Лондон — 8 (20) октября
Six Mile Bottom, близ Ньюмаркета — 9 (21) — 14 (26) октября
    Ньюмаркет — 10 (22) октября
    Кембридж — 12 (24) октября
Оксфорд — 14 (26) — 16 (28) октября
Лондон — 16 (28) октября
Париж — 17 (29) октября — 21 октября (2 ноября)
    Буживаль — 18 (30) октября
Буживаль — 21 октября (2 ноября) — 28 октября (9 ноября)
    Париж — 23 октября (4 ноября); 26 октября (7 ноября)
    Рамбулье, Париж — 27 октября (8 ноября)
Париж — 28 октября (9 ноября) — декабрь
    Рамбулье — 28 октября (9 ноября) (?)
    Мезон-Лаффит — 3 (15) ноября
    Рамбулье — 4(16) ноября; 10 (22) ноября

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

ПРИМЕЧАНИЯ

Научное издание

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Российской академии наук

Тексты подготовили и примечания составили:

А.Д. Алексеев, *А.И. Батюто*, *И.А. Битюгова*,
Б.В. Богданов, *Т.И. Бронь*, *Г.Я. Галаган*,
Н.П. Генералова, *Э.А. Гессен*, *Е.А. Гитлиц*,
Т.П. Голованова, *Р.М. Горохова*, *Ю.Н. Жуйкин*,
П.Р. Заборов, *А. Звигильский*, *Г. Йонас*,
Р. Казари, *Д.М. Климова*, *Ю.А. Красовский*,
Л.И. Кузьмина, *Т.А. Лапицкая*, *Ю.Д. Левин*,
К. Леман-Шульце, *В.А. Лукина*, *Н.Н. Мостовская*,
А.Б. Муратов, *Л.Н. Назарова*, *Н.С. Никитина*,
Т.И. Орнатская, *Г.Ф. Перминов*, *Л.И. Ровнякова*,
Дж.С.Г. Симмонс, *Г.В. Степанова*, *А.М. Ступель*,
М.П. Султан-Шах, *Л. Сундквист*, *П. Уоддингтон*,
Е.М. Хмелевская, *Г. Цигенгайст*, *И.С. Чистова*,
Г. Швирц, *М.Д. Эльзон*

Ответственные редакторы тома

Н.П. Генералова, *В.А. Лукина*

Редактор *Н.Д. Александрова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *Р.В. Молоканова*, *Т.А. Печко*, *Т.И. Шеповалова*

Иллюстрации воспроизведены в соответствии с представленными архивными оригиналами

Подписано к печати 02.12.2015
Формат 84×108 1/32. Гарнитура Балтика
Печать офсетная
Усл.печ.л. 33,7. Усл.кр.-отт. 33,7. Уч.-изд.л. 40,3
Тираж экз. Тип. зак.

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail:secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-039140-6

